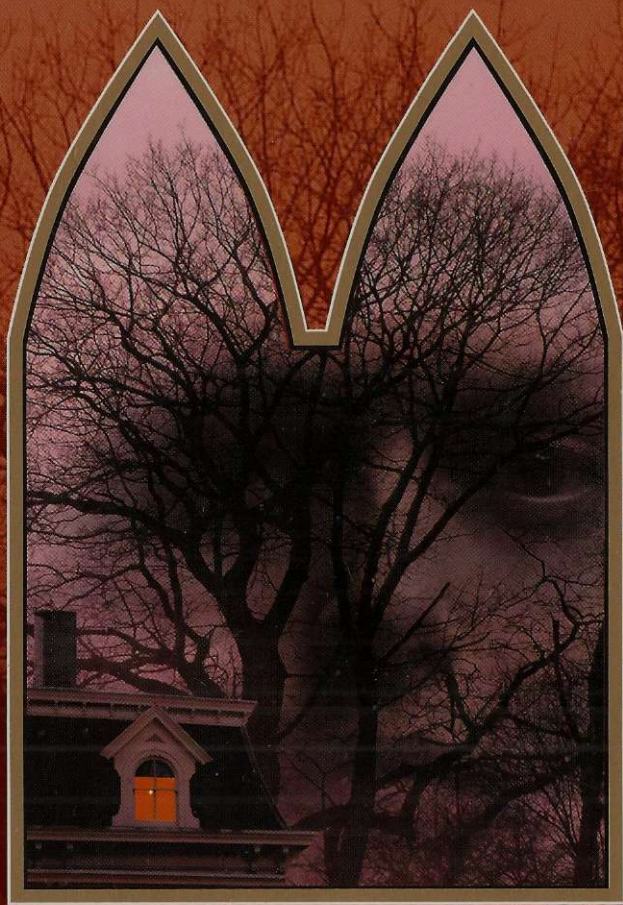

ПУСТЫНКИ ШЕДЕВРЫ ПУСТЫНКИ ШЕДЕВРЫ

ПИТЕР СТРАУБ

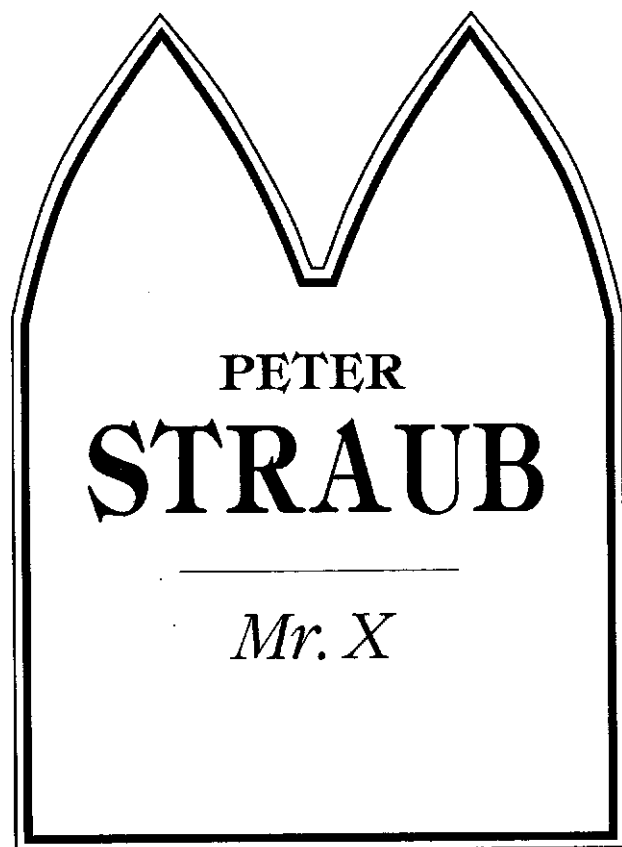
МИСТЕР ИКС

ПУСТЫНКИ ШЕДЕВРЫ ПУСТЫНКИ ШЕДЕВРЫ

ПИТЕР
СТРАУБ

*Мистер
Икс*

УДК 82(1-87)
ББК 84 (7США)
С 83

Peter Straub

Mr. X

Copyright © 1999 by Peter Straub

Моим братьям — Джону и Гордону Страубам

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Художник *И. Жмайлова*

Страуб П.

С 83 **Мистер Икс: Роман / Питер Страуб; [пер. с англ. А. Крышана]. — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2006. — 672 с. — (Шедевры мистики).**

ISBN 5-699-17587-3

35-летний нью-йоркский программист Нэл Данстен с детства подвержен странным припадкам: каждый день рождения он проваливается в какую-то иную реальность, видит страшного человека в черном, некоего Мистера Икса, и наблюдает убийства, которые этот человек совершает. Дальше — больше. Сны начинают материализовываться, Мистер Икс обрывает плотью и теперь уже преследует Нэла Данстена наяву...

Роман одного из ведущих мастеров, работающих в жанре мистического триллера, на русском языке выходит впервые.

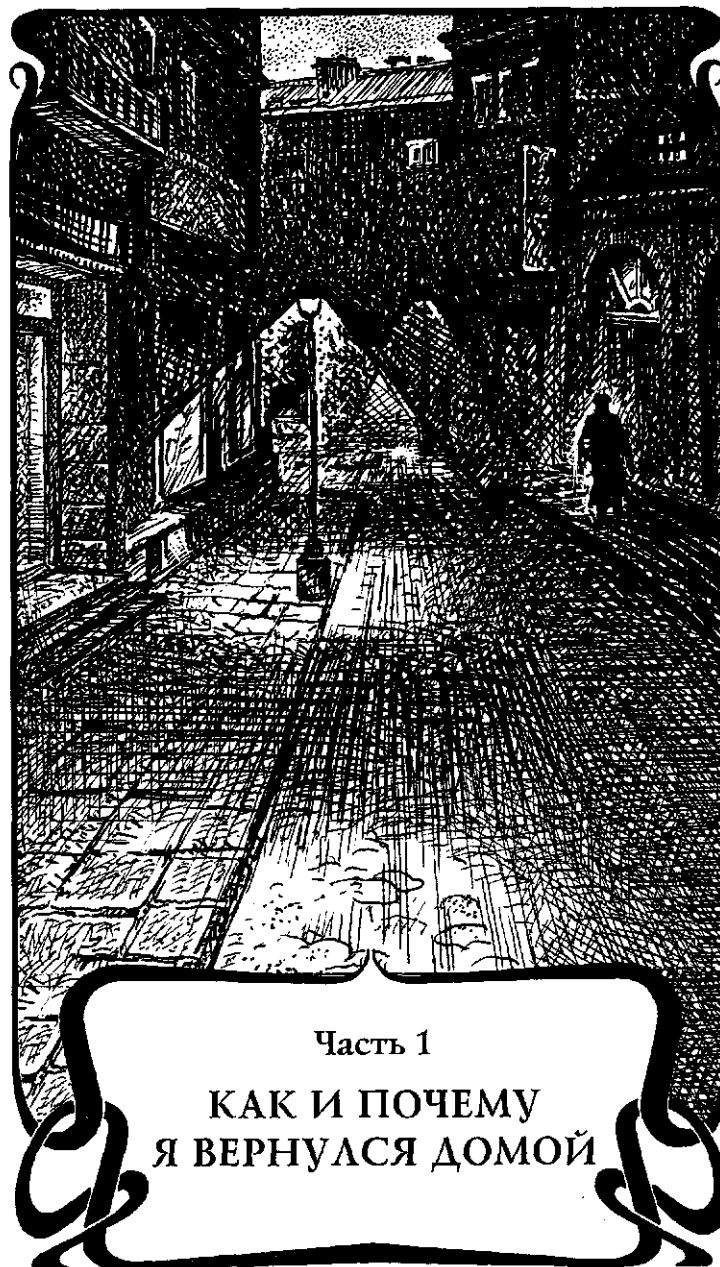
УДК 82(1-87)
ББК 84 (7США)

© Перевод. А. Крышан, 2006
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-17587-3

Я не в силах оценить себя сама, я кажусь сама себе такой незначительной. Читала вапу статью в «Атлантике» и испытывала гордость за вас — я была уверена, вы не откажете мне в доверчивой просьбе: скажите, сэр, это действительно то, что вы хотели услышать от меня?

*Эмили Дикинсон.
Письмо Томасу Уэйнворту Хиггинсону,
25 апреля 1862 г.*

Часть 1
КАК И ПОЧЕМУ
Я ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

1

Такое случалось со мной только в детстве. Это знакомое состояние между сном и явью. Я провалился в него и неделю ощущал себя движущейся мишенью. И всю эту неделю моя бодрствующая половина продолжала сознавать, что я автостопом продвигаюсь в сторону Южного Иллинойса — потому что там, в Иллинойсе, умирала мама. Когда ваша мать при смерти, надо торопиться домой.

Раньше мама вместе с двумя пожилыми братьями жила в Ист-Сисеро, в доме, первый этаж которого занимал принадлежавший им клуб «Панорама». По выходным мама пела в клубе в составе семейного трио. Верная себе, она порхала по жизни, не заботясь о последствиях, что позволяло этим последствиям обрушиваться на нее быстрее и тяжелее, чем на других людей. Когда у мамы не осталось сил игнорировать чувство собственной обреченности, она поцеловала на прощание братьев и возвратилась в то единственное место, где ее мог отыскать сын.

Стар родила меня в восемнадцать лет. Она была добродушной, любвеобильной и имела представление о семейной жизни не большее, чем у бродячей кошки. С четырех

лет меня мотало между родным домом в Эджертоне и чередой приемных семей. Мать моя была натурой творческой, но переменчивой: она последовательно посвящала себя рисованию, сочинительству, гончарному делу и другим занятиям, а также мужчинам, по ее мнению эти занятия олицетворявшим. Меньше всего ее увлекало то единственное, в чем она была по-настоящему хороша: когда она выходила на сцену и пела, она просто лучилась легкой радостью и очаровывала публику. Вплоть до последних пяти лет жизни Стар отличалась трогательной мягкой прелестью, одновременно невинной и искренней.

Я жил в шести разных семьях в четырех разных городах, но это было вовсе не так плохо, как кажется на первый взгляд. Лучшие из моих приемных родителей — Фил и Лаура Гранты, Оззи и Гэрриет из Напервилля, Иллинойс, — были почти святыми в своей искренней доброте. Еще одни могли бы жить без забот за деньги, которые имели, если б не брали столько детей на воспитание. А две другие пары были достаточно милы и тактичны в своей манере «это-наш-дом-а-это-наши-правила-поведения-в-нем».

Прежде чем попасть в Напервилль, я время от времени возвращался в Эджертон, где в стареньких домах на Вишневой улице жили Данстэны. Тетя Нетти и дядя Кларк воспринимали меня так, будто я был довеском к багажу, который привезла Стар. Месяц, а то и полтора я делил комнату с мамой, и каждый раз у меня перехватывало дыхание от страха перед очередной катастрофой. После переезда к Грантам положение изменилось, и Стар стала навещать меня в Напервилле. Мы с мамой пришли к согласию — столь глубокому, что для него не нужны слова.

Это стало основой для всего остального. Суть его состояла в том, что мать любит меня и я люблю ее. Но вне зависимости от того, насколько сильно Стар любила сына, она не задерживалась на одном месте более чем на год-два. Она была *моей* матерью, но она не могла быть *матерью*. Она не могла помочь справиться с преследовавшей меня

проблемой, которая пугала, расстраивала или сердила тех приемных родителей, что были у меня до Грантов. Гранты сопровождали меня во всех походах по врачам, в рентгеновских кабинетах, в лабораториях анализов крови или мочи, во время исследований головного мозга — всего уж не припомню.

В итоге получалось следующее: Стар любила меня, но была не в состоянии заботиться обо мне так, как это делали Гранты. В дни, когда Стар приезжала в Напервилль, мы с ней обнимали друг друга и плакали, но оба понимали условия соглашения. Чаще всего мама навещалась сразу же после Рождества и в самом начале лета, после окончания занятий в школе. Она никогда не приезжала ко мне на день рождения и никогда ничего, кроме простенькой открытки, не присылала. Моя проблема обострялась именно в дни рождения, и она будила в душе Стар такие угрызения совести, что даже думать об этом она отказывалась.

Мне кажется, я всегда понимал это, не доводя понимание до сознательного уровня, который я мог бы *использовать*, пока со дня моего пятинадцатилетия не минуло двое суток. Вернувшись в тот день из школы, я обнаружил на столике в прихожей конверт, надписанный маминим заваливающимся назад почерком. Письмо было отправлено из Пиории в день моего рождения, двадцать пятого июня. Прихватив конверт в свою комнату, я бросил его на стол, поставил пластинку Джина Аммонса «Gtoove Blues» и, как только музыка заполнила комнату, вскрыл конверт и вытащил открытку.

Шарики, ленточки и зажженные свечи парили в воздухе над идеализированным пригородным домиком. На обороте, под напечатанным «С днем рождения!», я прочитал те самые слова, что мама неизменно писала мне: «Мой славный мальчик! Я надеюсь... Я надеюсь... Люблю тебя. Стар».

Я знал, что она желала мне дня рождения не счастливо-го, а спокойного, что само по себе было пожеланием сча-

стья. И буквально через миг родилось понимание. Первое взрослое открытие обрушилось на меня: я понял, что моя мать избегала дней рождения сына, потому что винила себя в том, что приключилось со мной. Она считала, что я унаследовал это от нее. Она была не в силах думать о моих днях рождения, они вызывали в ней чувство вины, а вина слишком тяжела для таких эфирных созданий, как Стар.

«It Might as Well Be Spring» Джина Аммонса лилась из динамиков прямо мне в душу.

Гранты, одетые в шорты и футболки цвета хаки, копошились в своем саду. За секунду до того, как они заметили меня, я испытал первое ощущение, которое можно определить словами: «Что не так в этой картине?» (эти моменты повторялись около месяца), — вдруг остро почувствовал свою неуместность в сладкой семейной идиллии. Опасность, стыд, одиночество — пропасть передо мной. Я и моя тень — вот когда это началось. Лаура повернула голову, и тягостное чувство угасло за мгновение до того, как ее лицо просветлело и как будто округлилось, словно она знала обо всем, что творилось в моей душе.

— Боевик Джексон!* — приветствовал меня Фил.

Лаура взглянула на открытку, затем — прямо мне в глаза:

— Стар никогда не забывает о твоём дне рождения. Можно взглянуть?

Гранты любили мою мать, но каждый по-своему. Когда Стар появлялась в Напервилле, Фил напускал на себя этакую старомодную куртуазность, которую он сам принимал за учтивость, но Лауре и мне его поведение казалось смешным; Лаура же позволяла Стар умыкнуть себя на часок по магазинам. Думаю, обычно она спускала долларов пятьдесят—шестьдесят.

Лаура улыбнулась изящному белому домику на затейливой открытке и подняла глаза на меня. Второе взрослое

открытие полыхнуло будто искра: Стар не случайно выбрала эту открытку. Лаура не удержалась от вопроса:

— А правда здорово, когда у дома слуховые окошки и широкая веранда? Я сама с удовольствием поселилась бы в таком.

Фил подошел к нам, и Лаура развернула открытку. Брови ее сдвинулись, когда она прочла: «Я надеюсь...»

— Я тоже надеюсь, — сказал я.

— Конечно же... — Лаура поняла меня.

Фил сжал мое плечо, входя в образ начальника. Он работал менеджером контроля качества и дизайна продукции в «3М»*:

— Мне плевать, что болтают эти клоуны, но проблема твоя — физиологического характера. Как только найдем толкового врача, мы от нее тут же избавимся.

«Этими клоунами» были педиатры, терапевты и полдюжины специалистов, которым не удавалось поставить мне диагноз. Специалисты пришли к заключению, что проблема моя «происхождения неорганического» — иначе говоря, она у меня в голове.

— Думаешь, это у меня от мамы? — спросил я Лауру.

— Думаю, это у тебя ни от кого, — ответила она. — Но если ты хотел спросить меня, сильно ли Стар переживает из-за этого, — да, несомненно.

— Это Стар-то? — усмехнулся Фил. — Чтобы винить себя, ей надо выжить из ума.

Лаура наблюдала, все ли я понимаю.

— Матерей очень волнует все, что может принести вред их детям, даже если они ничем не могут помочь. То, что происходит с тобой, страшно расстраивает меня, а уж как-то Стар, я и представить себе не могу. У меня-то, по крайней мере, ты каждый день перед глазами. На месте твоей

* Боевик Джексон — киногерой, сержант полиции по прозвищу Боевик.

* «3М» — крупнейшая многопрофильная компания, выпускающая десятки тысяч наименований товаров — как промышленных, так и народного потребления.

мамы, если бы я должна была уехать из города в день твоего рождения, чтобы остановить мировой голод на следующее тысячелетие, я бы все равно чувствовала себя ужасно оттого, что расстроила тебя. Впрочем, так же ужасно я бы чувствовала себя и не будучи твоей мамой...

— Словно ты сделала что-то плохое, да? — спросил я.

— Твоя мама любит тебя так, что порой не может удержаться и ведет себя как Бетти Крокер*.

Представив себе маму в виде Бетти Крокер, я громко рассмеялся.

— Что бы там ни говорили, — продолжила Лаура, — когда делаешь доброе дело, не обязательно чувствуешь себя хорошо. И доброе дело иногда причиняет чертовскую боль! Если хочешь знать мое мнение, матушка у тебя замечательная.

Я чуть было не рассмеялся от ее детской манеры чертыхаться, но глаза мои вдруг обожгли слезы, и комок подкатил к горлу. Я уже упомянул, что через два дня после моего пятнадцатилетия начал понимать чувства моей матери так, что теперь мог это понимание *использовать*, и вот что я имел в виду. Я научился задавать вопросы о том, что пугало меня; о том, что правильные поступки причиняют столь сильную боль, что может помутиться разум; о том, что раз уж ты такой, какой есть, — придется расплачиваться сполна.

2

МИСТЕР ИКС

О Великие Старейшие, прочтите слова, начертанные в сем откровенном дневнике рукой Вашего Преданного Слуги, и возрадуйтесь!

* Бетти Крокер — ведущая кулинарной передачи на американском радио, одна из первых звезд средств массовой информации, впервые появилась в эфире в 1921 году.

Я всегда любил поздние ночные прогулки. Непроницаемое покрывало тьмы, укутавшее уютный городок Эджер-тон, гасит даже звуки моих собственных шагов. Я иду по аллеям мимо уснувших магазинов и кинотеатров. Я иду по узким переулочкам Хэчтауна и гляжу на закрытые ставнями окна. Я за мгновение могу проникнуть сквозь них совершенно свободно, но не делаю этого: весомость и размеренность жизни вокруг меня — это часть моего счастья. И как любой человек, я наслаждаюсь самым выходом из дома как высвобождением из стойла, в которое я сам себя заточил. Во время моих блужданий я стараюсь обходить стороной уличные фонари, хотя вне зависимости от времени года на мне черное пальто и черная шляпа: я блуждающая тень, невидимая в темноте.

Точнее — почти невидимая. Меня не видит никто, за исключением некоторых совсем несчастных, и многих из них я позволил себе умертвить не столько ради самозащиты, сколько... от раздражения и досады или, может быть, из прихоти. У меня была на то причина.

Я вычеркнул из списков живых долговязую уличную проститутку в стоптанных сандалиях на высоких каблук-ках и юбочке размером с тряпку для мытья посуды, выскочившую ко мне из подворотни на Честер-стрит. Она была под таким кайфом, что ей пришлось ухватиться за мой локоть, чтобы удержаться на ногах. Я взглянул на крошечные точки ее зрачков, дал утянуть себя в подворотню, а затем вскрыл девку, как банку с сардинами, и, прежде чем она догадалась закричать, сломал ей шею.

Примерно то же самое сделал я с пареньком в черной трикотажной рубашке и заношенных штанах, который увидел меня, потому что думал, будто ему нужен кто-то вроде меня, сюрприз, сюрприз; и с молодой женщиной с подбитым глазом и распухшими губами, которая, заслышав мои шаги, помахала из припаркованной машины, а потом, разглядев меня, попыталась опять в нее забраться — увы, поздно, поздно, бедная детка. И не забудем настоящую дет-

ку: я нашел младенца, брошенного в помойку, и помог ему покинуть негостеприимный мир, отделив его крохотные нежные ручонки и вырезав маленькие выпученные от страха глазки.

Ребенок, правда, меня не увидел. Полагаю, для того чтобы увидеть, требуется необычайно высокая степень горя или нищеты, ощущение потери столь невосполнимой, что она превращает оставшуюся часть жизни в незаживающую рану; а ребенок всего лишь замерз и был голоден. Когда-то давным-давно внезапный арест и тюремное заключение удержали меня от подобных действий по отношению к другому новорожденному, и сейчас меня просто обуял гнев. А разве я утверждал, что совершенен?

Мерзкий и вонючий помойный карлик, которого я убил, защищая себя, выполз из-за мусорных бачков в проулке за отелем «Мерчантс» и, увидев меня, раззявил от удивления рот. Мало кто из ему подобных умудрялся меня разглядеть, даже когда смотрел прямо на меня, и в тех редких случаях у них хватало ума отступить. У этого — не хватило.

— Ту-ру-ру, долбанный Дракула, — протрубил хохмач, затем мерзко хихикнул и весь затрясся, опираясь на баки и разглядывая что-то на грязном асфальте. — Эй, куда подевался Пайни? Ты не видел Пайни, Драк?

Убогий нищий смутно напомнил мне другую, более функциональную версию самого себя — жалкого изгоя, о существовании которого я помнил все эти годы.

— Рути-тути...

Оборванец разделался бы со своей жизнью и сам, без моей помощи, если бы, закончив бормотать, внезапно не впился в меня взглядом, в котором омерзительно смешались удовольствие и смущение, и не сказал:

— Слушай, мужик... Ух ты, лопни мои глаза... А я вроде слыхал... Думал, ты... э-э-э...

Я вспомнил его. Некто Эрвин Лик по прозвищу Трубоч — лет тридцать назад, в мой богемный период, любив-

ший крепко поддаться на дармовицинку молодой преподаватель английского в Университете Альберта.

— А Стар... Стар Данстэн случайно не...

Я схватил Лика за горло и валил его голову в кирпичную стену. Он вцепился мне в запястье, а я, взяв его за лицо пальцами свободной руки, еще два раза хватил его головой о стену. Глаза бывшего собутыльника вылезли из орбит, и изо рта понесло тухлой рыбой. Когда я разжал пальцы, он свалился меж мусорных баков. Я с силой опустил ботинок ему на голову, услышал, как треснул череп, и бил ногой до тех пор, пока его голова не стала мягкой.

Этим идиотам давно пора научиться держать язык за зубами.

Великие Сущности, пребывающие в вечности, задержите свое внимание и помедлите, читая эти строки, начертанные Вашим Преданным Слугой. Только Вы можете понять мою уверенность в том, что грядут большие перемены. Священная миссия, вверенная мне и так интригующе туманно предсказанная Мастером из Провиденса, приближается к кульминации на своем земном пути. В то время как я незримо брожу по городу, поток информации ускоряется и уплотняется. Он несет мне надежду и обещает счастье, которого я трепетно дожидаясь с той поры, когда в отрочестве я брал уроки у лисиц и сов в лесах Джонсона.

Вот сейчас, например, в некоей комнате, заставленной микроволновыми печами и ноутбуками, профессиональный вор и — иногда, по совместительству — поджигатель по имени Антон Ля Шапель, по прозвищу Френчи спит без задних ног рядом с некоей Кассандрой Литтл по прозвищу Кэсси — стервозной маленькой парикмахершей. Привет тебе, Френчи, мерзавец, каких свет не видывал! Ты еще не в курсе, но я-то знаю, что и твоя пустая никчемная жизнь в конце концов сослужит мне службу.

А вот на втором этаже дома, где сдаются внаем квартиры, Отто Бремен, охранник начальной школы, дремлет пе-

ред телевизором с почти допитой бутылкой бурбона, упокоившейся между его ног. Последние полдюйма сигареты неумолимо тают, огненное колечко крадется к двум пальцам правой руки. Логическая связь сигареты со второй профессией Френчи возможна, но на свете много возможностей, Отто, и независимо от того, умрешь ты в огне или нет (а я думаю, скорее первое, чем второе), я со всей нежностью, которую кукловод испытывает к своим неразумным и послушным созданиям, верю, что тебе знакомо ощущение триумфа, охватывающее меня в эту минуту.

Все дело в том, что в потаенных уголках моего города я уже вижу побеги и ручейки голубого огня. Он заиграл над Френчи и его партнершей; он ползет к руке охранника; в ожидании восхитительного момента он набирает силы, он затаился в водосточных желобах на Вишневой улице, где еще оставшиеся в живых Данстэны влачат свои жалкие жизни. Великие силы вступают в игру. Вокруг нашей крошечной сцены, ярко освещенной посреди необъятной космической тьмы, древние боги, мои истинные прародители, шелестят кожистыми крыльями и стучат неммыми когтями, собираются стать свидетелями того, что совершит их праправнук.

Свершилось великое радостное событие: Стар Данстэн вернулась домой умирать.

Ты слышишь меня, ничтожество?

Слушай, слушай, старый кожаный мешок, вот самое искреннее мое пожелание.

Пусть плоть твоя покроется волдырями, пусть за каждый ничтожный судорожный глоток воздуха тебе придется бороться из последних сил, а органы твои будут взрываться внутри тебя, но не все сразу, а один за другим; пусть глаза твои вылезут из орбит; именно так, а не иначе. И хотя лично мне не удастся управлять этим процессом, милая моя старушка, я сделаю все, чтобы устроить то же самое для нашего сына.

С самого начала меня не оставляло ощущение: что-то невероятно важное, без чего моя личность никогда не будет цельной, *утрачено*. Когда мне было семь лет, мама рассказала мне, что, как только я научился самостоятельно садиться, я начал проделывать эту забавную штуку: оборачивался и пытался заглянуть себе за спину. Бац — упал, но в ту же секунду, повернув голову, опять смотрел туда же. Если верить Стар, тетушка Нетти говаривала: «Мальчик, видать, решил, что после рождения доктор отрезал ему хвостик». Дядя Кларк поддерживал разговор: «Похоже, ему мерещится, что кто-то к нему подкрадывается».

— Они все решили, что с тобой неладно, — говорила мне Стар. — Это для них само собой разумеется, поскольку твоей мамой была я. Так вот, я им говорю: «Мой мальчик Нэдди умница, и он просто наблюдает, как ведет себя в помещении его тень». Родственнички прикусили языки, потому что именно так все и выглядело: словно ты пытаешься разглядеть свою тень.

Вряд ли мне удастся описать сложное сочетание облегчения и неуверенности, которое вызвали в моей душе ее слова. Стар дала мне доказательство того, что мое чувство потери было реальным, потому как оно стало частью меня самого задолго до того, как я осознал его. До того как я научился ходить, в ту пору, когда мысли мои были не более чем регистрацией таких ощущений, как голод, страх, покой, материнское тепло, я уже испытывал чувство потери и, сияясь заглянуть себе за спину, пытался отыскать утраченное. И если в шестимесячном возрасте я уже делал попытки найти нечто недостающее, не означало ли это, что прежде оно на самом деле существовало?

Несколько дней спустя я набрался смелости спросить маму о различии между мной и другими детьми. Кое-какие моменты вызывали у меня сомнения, как и прежде. Если все говорят, что у них есть отец, означает ли это, что

отец должен был быть и у меня? Или, возможно, кто-то вроде дяди Кларка или дяди Джеймса пришел и подписал бумаги, или что там делают мужчины, чтобы стать отцом? Дядя Кларк и дядя Джеймс проявляли так мало отцовских чувств, что казалось, им стоило героических усилий терпеть мое присутствие. С самого начала я ощущал, что их гостеприимство напрямую зависит от моего поведения. Дети остро чувствуют подобное и знают, когда надо заслужить одобрение. Кроме того, проведенные с опекунами годы детства воспитали во мне чувство эмоционального долга, а моя мать была непредсказуема, как погода.

Летом того года, когда мне стукнуло семь, Стар пребывала в спокойно-расслабленных отношениях со своей родней и скользила по жизни со скоростью вполонизу меньшей, чем была ей присуща. Впервые в жизни я услышал истории о ее детстве и о том, каким был я в своем раннем детстве. Она помогала тете Нетти на кухне и не мешала дяде Кларку разглагольствовать, не обзывала его воинствующим невеждой. Как истинная Стар Данстэн, она ходила на семинары по поэзии и вечерние курсы рисования акварелью в Альберте, который дядя Кларк называл «Альбино Ю».

Три раза в неделю мама подрабатывала приемщицей в ломбарде, владельцем которого был Тоби Крафт, ее отчим. Он много лет назад женился на Куинни, матери Стар, несмотря на поголовное данстэнское неодобрение. Тоби Крафт укрепил семейное недоверие тем, что привел невесту в квартиру над своим магазином, вместо того чтобы подчиниться воле родственников. Несмотря на всеобщую антипатию, он участвовал в семейных мероприятиях в течение всей жизни Куинни и продолжал делать это и после ее смерти, послужившей поводом для недавнего возвращения Стар в Эджертон и моего «освобождения» из последней семьи приемных родителей. Много позже до меня дошло, что причиной упомянутой спокойной расслабленности Стар была смерть ее матери. Очевидно, она безот-

четно ощутила облегчение, когда перехватила и приняла на себя извечные насмешки родственников Куинни. Вторую свою работу она называла «модельным бизнесом» — два раза в неделю по вечерам в Альберте. Как вскоре выяснилось, это означало позировать обнаженной для студентов курса рисования живой натуры.

Наше спокойное существование в те дни и позволило мне задать один вопрос. Я дождался момента, когда мы с мамой остались одни на кухне в доме тети Нетти. Я вытирал тарелки, которые мыла Стар, тетя Нетти судачила с тетей Мэй на веранде, а дядя Джеймс и дядя Кларк смотрели полицейский телесериал. Стар подавала мне тарелку, я проводил полотенцем по глянцево блестящей окружности. Мама рассказывала мне о джазовом концерте, на который ходила в зал Альберта через месяц после моего зачатия.

— Поначалу группа мне не очень понравилась. Это были ребята с Западного побережья, а я никогда особо не любила тамошнего джаза. Но тут вдруг альтист-саксофонист, похожий на аиста, вышел из-за рояля, поднес инструмент к губам и заиграл «These Foolish Things». — Воспоминания были для Стар настолько живыми, что у нее перехватило дыхание. — Ох, Нэдди, это было до того здорово — будто ты попал в такое место, о котором и слухом не слыхивал, но тебе в нем уютно, как дома. Саксофонист ухватил мелодию буквально за мгновение до того, как коснулся губами мундштука, и повел ее все выше и выше... И все, что он играл, так сладко ложилось в душу — как сказка. Нэдди! Передо мной словно мир раскрылся и поведал свою историю. Я будто взмыла к небесам. Ох, сынок, если б я могла петь так, как играл этот альтист, я бы остановила время и пела бы, пела...

Мама пыталась рассказать мне о том, чем была в ее жизни музыка, и в тот момент я не представлял, как повлияют на меня ее слова. И откуда мне было тогда знать, что в один прекрасный день у меня будет возможность испытать та-

кой же восторг, который она описывала. Все это предстояло в далеком будущем, а тогда мне лишь казалось, что она пытается помешать мне задать вопрос, вертевшийся на языке.

Когда она замолчала, я наконец репился:

— Мне очень-очень надо спросить...

Стар повернулась ко мне с улыбкой, разгоряченная воспоминанием о музыке. О ней она ждала и моего вопроса. Тут же улыбка слетела с лица, и руки перестали двигаться в воде. Она уже поняла, что вопрос мой не имеет никакого отношения к соло альт-саксофониста в «These Foolish Things».

— Спрашивай.— Она выдернула тарелку из пены с напускной серьезностью.

Я наперед знал: что бы она мне ни сказала, все это будет ложь, а я буду верить этой лжи, сколько смогу.

— Кто мой папа? Он ведь не дядя Кларк, да?

Стар оглянулась через плечо, покачала головой и улыбнулась.

— Нет, солнышко, конечно не он. Будь дядя Кларк твоим папой, тетя Нетти была бы твоей мамой — вот бы ты попал, а?

— Тогда где он? Что с ним случилось?

Стар сделала вид, что сосредоточенно оттирает что-то с тарелки. Теперь я знал, что на том концерте, о котором мама только что рассказывала, она сидела рядом с моим папой.

— Как только мы поженились, твоего папу забрали в армию. Он был умным и сильным, и вскоре ему присвоили офицерское звание.

— Он был военным?

— Одним из самых-самых лучших военных,— кивнула она, сводя воедино мое неверие и необходимость отказать от него.— Его забрасывали в такие места, куда простых солдат не пошлешь. Ему не разрешали рассказывать об этом даже мне. Когда выполняешь сверхсекретное за-

дание — это военная тайна.— Мама подставила тарелку под струю воды и передала ее мне.— Вот чем занимался твой папа перед смертью. Он выполнял секретное задание. Единственное, что сказали мне,— он погиб как герой. И был похоронен в особой могиле для героев на другом конце света, на склоне высокой горы, обращенном к океану.

Я представил себе американский флаг над высоким горным утесом, серебристую ширь моря, убегающие в бесконечность волны — особые приметы могилы того, без кого я всегда буду чувствовать неполноту своей личности.

— Не хотела тебе говорить. Но ты уже достаточно большой и понимаешь, что тайну эту нельзя никому доверять. О ней знаем только мы с тобой да старшие офицеры — начальники твоего папы.

Мы домыли и вытерли оставшуюся посуду в напряженном, но дружественном молчании. Я знал, что мать попытается переодеться перед выездом на свою «модельную» работу, но на полпути к выходу из кухни она вдруг остановилась и повернулась ко мне:

— Хочу, чтоб ты знал еще кое-что, Нэдди. Твой отец — это не единственное, чем ты можешь гордиться. Члены нашей семьи всегда были уважаемыми людьми в городе Эджертоне. Дело прошлое, с годами многое изменилось, но в нашей семье об этом помнят, и мы отличаемся от остальных. Ты вырос в особенной семье.

Я прошел в гостиную, сел на ковер и попытался понять, что такого особенного было в моих тетях и дядях. Телесыщики закончили очередное расследование, в комнату вернулись тетушки и устроились на диване перед телевизором посмотреть свою любимую программу. Из моего уголка на ковре Нетти и Мэй казались египетскими скульптурами. Их крупные тела в бесформенных просторных ситцевых платьях возвышались друг подле друга над четырьмя неподвижными колоннами-ногами. В футболке и подтяжках, вцепившихся в пояс желтовато-коричневых габардиновых брюк, дядя Кларк откинулся на спинку удобного

мягкого кресла, его широкий рот скривился в презрительной усмешке. Дядя Джеймс заполнил собой кресло-качалку с высокой спинкой, его глаза были закрыты, руки сложены на груди. На экране мужчина со светлыми волнистыми волосами и аристократическим профилем усердно пилил на скрипке.

— Мистер Флориан Забах обладал божественным даром, — вздохнула тетя Нетти. — Сладостнее звуков я в жизни не слыхала.

— Помнишь, когда мы ездили в Чикаго, мы видели Эдди Саута? — спросил дядя Кларк.

— Эдди извлекал просто волшебные нотки из своей скрипки, — сказала тетя Мэй. — Я вот подумала: а он мог бы быть одним из нас. Как, впрочем, и некоторые другие музыканты.

— Кое у кого длинные уши, — тетя Нетти покосилась на меня, — думай, что говоришь...

Дядя Джеймс всхрипнул и пошевелился, а все остальные повернулись в его сторону и смотрели на него до тех пор, пока его подбородок не отвис настолько, насколько позволяла толстая красная шея.

— За ту вещичку Эдди Саута и прозвали Темным Ангелом скрипки, — сказал дядя Кларк.

— Нетти, тебе не кажется, что мистер Уэлк заметно набирает вес? — спросила тетя Мэй.

Глаза у меня стали слипаться, и я резко выпрямился, чтобы не заснуть прямо в гостиной, как дядя Джеймс.

Проснулся я в нашей с мамой комнате, когда она вернулась с работы. Я ждал и слушал: Стар разделась, натянула ночную рубашку, пробралась к кровати и взбила подушку. Мама принесла с собой в комнату запахи сигарет и пива, смешанные со свежестью только что отшумевшего на улице дождя, и я пытался разобрать эти странички ее вечерней жизни в то время, пока она засыпала. Дыхание мамы становилось размеренней и глубже, и когда наконец послышался мягкий горловой звук, напоминавший легкий

всхрип, я тихонько прополз под одеялом и замер рядом с ней. Стар казалась мне очень крупной, просто огромной самкой, все еще окутанной атмосферой приключений, которые случались с ней по дороге домой. Свернувшись калачиком, я прижался спиной к маминой спине. Тело мое тотчас стало вдвое тяжелей и заскользило вниз, к центру Земли, где лежал похороненным мой героически погибший отец. Стар вздрогнула во сне и проговорила одно-единственное слово, которое я, на мгновение вынырнув из сна, ухватил и спрятал в ладонях:

— *Райнхарт...*

4

Помню, в детстве и юности, по меньшей мере раз в неделю, лишь только голова моя касалась подушки, я окунался в один и тот же сон. За моей спиной раздается вкрадчивый шорох, я оглядываюсь, вижу свою тень, скользящую прочь по залитой солнцем Вишневой улице, и от удивления шлепаюсь на пятую точку. Моя тень вытягивается над выбеленным солнцем тротуаром, изгибается и быстро ползет за угол. Ужас безнадежной потери на мгновение приковывает меня к теплоте асфальту. Найдя в себе силы, я поднимаюсь и бегу за угол, где моя тень плывет над тротуаром, словно некое твердое тело. Когда я бросаюсь вдогонку, тротуар вдруг сам несет меня под уклон, как ледяная горка, а знакомые дома и неосвещенные крылечки тают в жарком мареве.

Эджертон исчез.

По хорошо знакомой дороге я бегу к узкой речонке и арочному деревянному мосту через нее. Тень быстро удаляется. На том берегу, за мостом, линия низкорослых деревьев и кустарника обозначает преддверие густого леса. Беглым взглядом я отмечаю за деревьями высокую остроконечную крышу и разбитые окна верхнего этажа заброшенного дома. Моя тень вползает на арку моста, привали-

вается спиной к железному поручню и скрещивает ноги. И каким-то непостижимым образом обращает свое лицо ко мне, не поворачивая при этом головы в мою сторону.

Словно оптическая иллюзия, насмехающаяся тень отрывается все дальше от меня с каждым моим шагом. Когда же наконец я ступаю на мост, тень кланяется мне с высоты арки на расстоянии в пятьдесят футов.

— Ты как будто пытаешься поймать меня,— говорит тень.

— Ты нужна мне,— отвечаю я.

— Ну, так иди сюда.— Тень вновь проделывает трюк: отвернулась от меня, не поворачивая головы, и переменила позу.

К тому моменту, когда я добираюсь до верха арки, тень уже внизу. Железные поручни делаются вдруг тонкими и хлипкими, а доски настила начинают прогибаться под моим весом.

Тень хлопает ладонью по поручню:

— Чем дольше ты возишься, тем тоньше становятся перила. Как ириска, которая разжевывается и исчезает.

— Я смогу дойти до того конца?

— Ага, если любишь кататься с горки — пользуйся моментом.

— Мы нужны друг другу,— повторяю я.— Мы с тобой единое целое.

— Ну да, ты — это я, я — это ты,— отвечает тень.— Но лишь в том случае, если оба мы наделены достоинствами, которыми не обладают остальные. К сожалению, достоинства твои — неинтересные.

— Неинтересные?

— Елки-палки, правильно ли я веду себя? Что люди думают обо мне? Почему они не любят меня? — Тень взмахивает руками над головой, словно разгоняя тучу moskitov.— А мне плевать, что думают обо мне люди.

— Ты — тень,— говорю я.— Люди о тебе вообще не думают.

— Тогда зачем я тебе нужен?

Ответа у меня нет.

— У тебя еще нос не дорос — как минимум еще лет шесть тебя даже по вечерам гулять не отпустят. Когда мы с тобой выкурим первую сигарету? Опрокинем первую рюмочку? Впервые займемся сексом? — Мой двойник с отворачиванием мотает головой.— Я хочу *темноты*, я хочу *ночи*. Я хочу видеть перед собой на тарелке большой стейк и стакан виски рядом. Я хочу держать в руках карты, во рту — сигару и по-взрослому веселиться, а с тобой, малыш, всего это не получишь.

— А без меня ты этого не получишь вообще,— говорю я.

— Ошибаешься. Без тебя я волен делать все, что захочу. Если ты поймаешь меня, мне придется возвращаться, но поймать меня очень, очень трудно, и ты будешь в большой опасности, преследуя меня.

— Какого рода опасность?

— А такого! — Он махнул рукой в сторону леса. Ручейки синего пламени вдруг зазмеились по ветвям. Сердце мое схватило ледяной холод, и разум обратился в камень.

5

За четыре года до того, как все это стало вторгаться в мои сны и мучить меня по меньшей мере дважды в месяц, мои тетюшки и дядюшки наконец получили подтверждение своих сомнений в том, что Стар способна произвести на свет полноценного ребенка. Надеюсь, они были удовлетворены. Зато я — нет. Я с нетерпением ждал моего третьего дня рождения.

Я припоминаю шарики, качающиеся на бельевых веревках, высокую стремянку между домом и праздничным столом. Я помню, во что был одет. Среди оставшихся после смерти мамы безделушек есть фотография — на ней я в полосатой футболке и новых хлопчатобумажных брюках, подаренных Куинни. Должен сказать, я был ребенком

ангельской внешности. Встретил бы я сейчас такого ребенка где-нибудь, непременно вложил бы ему в ладошку доллар — на удачу. То есть себе на удачу, не ему. Но когда я вижу херувимскую мордашку на фотографии, то волея-неволей задумываюсь: что скрывает этот улыбающийся мальчонка?

Иными словами: я задумываюсь, начал ли он ощущать легкое — как от слабых электрических разрядов — нарастающее покалывание, бегущее вверх по рукам к груди. Интересно, пересохло ли у него во рту, начали ли светиться цветные полосы на его рубашке и трепещущие желтые и красные гроздья воздушных шариков. Может даже, этот мальчик-ангелочек в праздничном наряде уже почувствовал, как растет напряжение в самом сердце мира, однако пока он понятия не имеет о страдании, во весь опор летящем к нему. Он еще не видел первых озорных язычков синего пламени.

Тети и дяди, бабушка и мама, должно быть, все утро готовили праздник. Кто-то надул шарики и притащил стремянку, чтобы привязать их к бельевым веревкам. Бумажную скатерть с нарисованными тортами и свечками разложили на большом столе — на ней выстроились картонные тарелки, пластиковые стаканы и приборы. (Теперь, когда я знаю, как им удалось заполучить всю эту утварь, мне искренне жаль владельца местного дешевенького супермаркета.) Кувшины свежего лимонада и вишневого компота, тарелки с разной вкусяттиной заполняли почти все свободное пространство большого стола. Тетя Нетти приготовила запеканку с тунцом, тетя Мэй принесла целый поднос жареных цыплят, а Куинни испекла свой коронный сладкий картофельный пирог. Жившие напротив затворники дядя Кларенс и тетя Джой соизволили выйти из своего дома — столь запретного и так странно пахнущего, что я до дрожи страшился заходить туда. Кларенс принес с собой банджо. Джой пожертвовала буханку соб-

ственноручно испеченного чернооливого хлеба. Стар приготовила желе из лайма и праздничный торт — восхитительное лакомство с шоколадной глазурью. Я помню Тоби Крафта (лицо его в тот день было таким бледным, что напоминало доброго призрака Каспера), с важным видом расхаживавшего вокруг стола и похлопывавшего гостей по спинам.

Они болтали, сплетничали, рассказывали байки и подначивали друг друга, с аппетитом уминая жареных цыплят. Больше никаких подробностей не припоминается — их затмила разразившаяся катастрофа. То, что с фотографической отчетливостью сохранилось в моем сознании, — образ, диссонирующий со всем окружающим, и он буквально вьелся в мою душу.

Это началось с внезапного осознания тепла и особого света. Никогда раньше я не замечал такой густой и трепещущей субстанции, которая лется сверху и заполняет мир. Я увидел, как блестящая кожа на тыльных сторонах ладоней моей матери впитывает это свечение. Потом подо мной разверзлась земля, и я отвесно полетел вниз — прочь от праздничного стола, застигнутый врасплох и не успевший испугаться. Падение прекратилось, и я очутился в большой неопрятной комнате. Книгами был завален стол, книги стопками поднимались с пола. Где-то в отдалении злой голос что-то напыщенно говорил о дыме и золоте. Взгляд мой упал на каминную полку. Там я разглядел поникшую ветку папоротника по соседству с чучелом крадущегося лиса под стеклянным копаком; по другую сторону стеклянного острога лиса маячили туда-сюда противовесы медных часов. Меня *швырнуло в прошлое*: я был в музее прошлого.

Тут же все изменилось, и я опять не успел отреагировать. Во временном промежутке между двумя половинками секунды с неизмеримой скоростью я проделал путешествие обратно — в настоящее, на свой стул за праздничным столом. В мгновение короче удара сердца, когда я увидел сол-

нечный свет, упавший на руки мамы, дядя Джеймс продолжал рассказывать ту же байку дяде Кларку, и тетя Мэй продолжала улыбаться и слушать похвалы ее жареным цыплятам — я додумываю все эти подробности, чтобы подчеркнуть абсолютную нормальность, мирное обыкновение той сцены, но помню я лишь описанное выше. К тому моменту опущения моего тела, должно быть, почти достигли предела напряжения.

— Ты вдруг вылетел из-за стола, — говорила потом Стар, в сотый раз пересказывая историю, чтобы помочь самой себе справиться с воспоминаниями. — Я спросила, что случилось, но ты прижал ладони к глазам и побежал. Тоби попытался поймать тебя, но ты увернулся и налетел на эту дурацкую лестницу. Она свалилась — не пойму, откуда в тебе, таком крошечном, такая сила, — так вот, стремянка рухнула на стол, рядом с моей мамой. Закуска вся взлетела вверх. Кларенс как раз наливал себе в стакан вишневый компот, и кувшин спикировал прямоком в торт. Добежав до края стола, ты повалился на землю и вдруг вытянулся в струнку, как доска. Судороги были такие сильные, что подбрасывали тебя над землей. На губах появилась пена. Я бросилась к тебе, на ходу услышала, как дядя Кларк заикнулся о бешенстве, и вцепилась ему подзатыльник, не сбавляя шага. Какие-то гости так увлеченно охали, ахали и хлопотали вокруг твоей бабушки, что даже не смотрели на тебя! Клянусь, я сама так перепугалась, что едва не отключилась. Я обняла тебя, но успокоить твои судороги мне не удавалось. Затем ты обмяк. Я подхватила тебя и отнесла в кровать. Вскоре пришли Нетти и Мэй, пощупали твой лоб и стали трещать, рассказывая мне обо всех, у кого были подобные припадки. Я терпела, сколько могла, а затем выставила их вон. Доктор сказал, что причиной случившегося могло быть что угодно. Перевозбуждение. Обезвоживание... Он поднял тебя, посадил себе на колени и сказал: «Нэдди, твоя мамочка говорит, ты закрыл руками лицо пе-

ред тем, как начался приступ. Тебя что-то испугало, ты увидел что-то страшное?»

Сколько лет мне было, когда она прибавила к рассказу вот это? Восемь?

— Ну, я так поразилась, потому что тоже думала об этом. Но ты был слишком мал, чтобы ответить, и вряд ли помнил, что случилось. Однако, сынок, ты так же закрыл руками глаза и на следующий год, и в пятый день рождения все повторилось. Ты увидел что-то страшное?

Никогда я не рассказывал Стар, что происходило во время моих «припадков». Долгое время я не знал, как описать те видения, а позже просто боялся, что меня сочтут сумасшедшим. Уже то, что люди видели меня корчащимся на земле, было ужасно — и было бы еще хуже, если бы они узнали, что творилось во мне.

Даже теперь, когда пишу эти строки, я словно пытаюсь собрать наполовину рассыпавшуюся мозаику событий и ощущений. Множество узоров и образов на первый взгляд вполне подходят друг другу, но даже после того, как общий план-эскиз всей картины прорисовывается, нет уверенности в том, что это не плод моего воображения. Нечто зыбкое, где-то на грани реальности, какие-то мужчины и женщины то ли присутствуют на недостающем отрезке, то ли нет. Кто-то улыбается, кто-то как будто застыл в изумлении или потрясении. Остальные смотрят в сторону, отводят взгляды: возможно, они решили игнорировать загадочное событие либо еще не заметили его?

6

Мозаика воспоминаний о моем третьем дне рождения никогда не будет полностью восстановлена. К невидимым ее границам подходят люди: тетушки и дядюшки, бабушка и Тоби Крафт. Они вглядываются в никуда, в пустоту. Мама держит меня на руках, но мама всегда отворачивается.

Тропа познания уходит вглубь, и каждый, кто решит отправиться в путь, должен заковать себя в броню, взять меч и свыкнуться с мыслью о том, что, если он вернется назад, каждый, с кем он заговорит, сочтет его безумцем.

7

Должно быть, все выглядело так.

Сквозь стены синего пламени я слеую за неким существом в повседневный мир, и мы останавливаемся перед домом: над дверью гаража привинчено баскетбольное кольцо, и велосипед брошен на обочине подъездной дорожки. Окна освещенных комнат пылают бирюзовым светом, а те, в которых света нет, бросают иссиня-черные отблески. На входной двери — номер, но, поскольку мне всего лишь три года и цифр я не знаю, знак этот ничего мне не говорит. Одновременно неизвестное и волнующе знакомое существо рядом со мной внушает мне страх, как рассказы тети Нетти о привидениях. Поля шляпы прячут в тени его лицо. Длинное пальто доходит почти до земли.

Объятый ужасом, я отворачиваюсь и вижу темные контуры вздымающихся к горизонту гор — крутые спины исполинских животных. Звезды роняют голубоватый свет на зазубренные гребни, и он призрачно мерцает на покрытых снегом склонах вершин. В воздухе — хвойный аромат Рождества.

Существо идет вперед, и меня словно силой приливной волны влечет в кильватере его движения. Оно поворачивает к входной двери и ступает на коврик у порога. Зловеще веселые язычки синего пламени роятся вокруг темной фигуры. Одна рука его ныряет за пазуху, вторая тянется к кнопке звонка. Звонить ему совсем не обязательно — оно может пройти через закрытую дверь, насквозь, если захочет, но оно желает поразвлечься. А затем я словно оказываюсь внутри него и с ужасом смотрю на происходящее его глазами. Я вижу синюшно-белую руку, вытягивающую

нож из недр черного пальто. Вдоль лезвия бегут язычки пламени. Запертая дверь — всего лишь тонкая трепещущая синяя ткань.

С другой стороны к ткани приближается крупный мужчина в джинсах и рубашке. Опущенные уголки рта говорят мне, что он раздражен. Ручка двери утопает в его широкой ладони, и он делает шаг вперед, чтобы перекрыть вход. Все происходит в считанные секунды. Как только мужчина распахивает дверь и устремляется вперед, я отчаянно пытаюсь вывернуться из существа. Мне не хватает сил. Прямо передо мной блеснули и погасли глаза мужчины. Я пытаюсь закричать, но мой рот не принадлежит мне и не повинуется. Мы следуем за мужчиной в дом, а вместе с нами — волна голубого пламени. Секунду наши движения напоминают танец: правая нога мужчины плавно скользит назад, а наша левая нога скользит вперед, мы двигаемся синхронно. Он пытается уклониться, и мы уклоняемся вместе с ним. Его зубы сверкают молочно-белым.

Затем в полоску обнаженного тела между рубашкой и поясом джинсов плавно входит нож. Мужчина резко обрывает танец и застывает на месте. Мы подаемся всем телом к нему настолько близко, что наш подбородок упирается ему в щеку. Он вскрикивает, кладет руки нам на плечи, пытается удержаться на ногах, и мы возобновляем наш танец. Мы заходим ему за спину и дергаем нож вверх. Его колени подгибаются. Черная в голубом мерцающем свете кровь хлещет потоком на джинсы. Следом из раны показывается серебристая петля. Еще одна серебристая петля вываливается наружу. Я чувствую, как сковывавшая меня сила ослабла, и высвобождаюсь.

Потом я очутился позади существа — я не могу ничего сделать, лишь наблюдаю то, чего не в состоянии понять.

Мужчина опускает руки к серебристым петлям и держит их так, будто хочет кому-то предложить. Медленно-медленно он пытается заправить петли обратно внутрь своего тела.

Существо спрашивает:

— Мистер Анскомб, если я не ошибаюсь?

По его голосу я понимаю, что он продолжает забавляться.

А голубое пламя от пола к потолку вскарабкалось по стене, сделав ее сияющей и прозрачной. Сквозь нее я вижу женщину в ночной рубашке, сидящую на кровати. У нее на коленях маленькая девочка. Женщина держит книгу, но читать перестала и подняла глаза на стену, где должна быть дверь.

Она не может видеть, как мужчина пытается устоять, делает коротенький шаг вперед, затем назад, как его ноги подгибаются и он медленно оседает на пол, не сводя глаз с масляно блестящих петель, выпадающих из его рук. Существо склоняется над ним, с силой втыкает нож ему в шею сбоку и поворачивает лезвие в сторону. Черный поток заливает рубашку, а в центре потока пульсирует шишка, вспухая и опадая, вспухая и опадая. Мужчина опускается на колени и продолжает валиться с той же поразительной неторопливостью — пока лоб его не встречается с ковром. Существо делает шаг назад. Под тенью его шляпы непроницаемая темнота ограничена краем челюсти.

Я понимаю: это Мистер Икс.

Мистер Икс картинно поворачивается взглянуть сквозь пелену голубого пламени на женщину, сидящую на кровати с девочкой.

Умирающий мужчина издает едва слышный звук. Женщина гладит девочку по головке.

Оживленно и радостно существо двигается вперед, и пелена сама собой превращается в тоннель. Неожиданно меня словно ветром в спину толкает следом. Пока я иду сквозь невидимую стену, я ощущаю легкое, едва ощутимое пружинящее сопротивление, как от огромной паутины. От сводов голубого тоннеля исходит негромкое электрическое гудение. Мистер Икс быстро шагает вперед и тоже издает электрическое гудение — от радости. Вот он захо-

дит в комнату, и, хотя тело его закрывает от меня женщину с девочкой, я слышу, что женщина ахнула. Ребенок захныкал. Они увидели человека в черном пальто и черной шляпе, прошедшего сквозь стену спальни. Женщина ползет по кровати прочь, и я вижу, как перемещаются ее голые мертвенно-белые ноги.

Прижимая девочку к груди, женщина спрыгивает с другого конца кровати и ударяется о шкаф. У нее и девочки блестящие, темные, только что вымытые волосы и огромные темные глаза. Я делаю шаг назад, глаза маленькой девочки глядят в мою сторону, но она не видит меня. Когда я пытаюсь отступить в тоннель, сила давит мне в спину и не пускает.

Девочка прячет лицо на груди у матери, и мать прижимает ее крепче. Женщина красива, как кинозвезда.

— Кто бы вы ни были, убирайтесь немедленно, — велит женщина.

Пряча нож в складках пальто, существо медленно идет вдоль края кровати. Женщина прижимается к стене и кричит:

— Майк!

— Майк не поможет, миссис Анскомб, — говорит существо. — А скажите, неужели вам не скучно в этом захолустье?

— Я не миссис Анскомб, — говорит она. — Вы делаете чудовищную ошибку. Я не знаю никого по фамилии Анскомб.

— А кое-кто знал.

Она вскакивает на кровать. Ноги ее дрожат. Мистер Икс сомкнул пальцы у нее на лодыжке. Ночная рубашка задирается на ее бедрах, когда он тянет женщину к себе. Она выпускает девочку на кровать и кричит:

— Беги, дочка! Беги отсюда и прячься!

Он сдергивает женщину с кровати и бьет ее ногой в живот. Девочка смотрит на него. Он машет в ее сторону рукой, и она на коленях продвигается на дюйм вперед.

— На улице слишком холодно для такой прелестной малышки,— говорит он.— И опасно. Малышке может повстречаться большой страшный медведь.

Женщине удается подняться на ноги — руками она держится за живот. Глаза ее полны слез.

— Беги, Лиза! — шепчет она.— Беги скорей!

Он шутовски грозит женщине ножом. Зубы его сверкают.

— Девочка Лиза не любит медведей,— скалитесь он.— Да, Лиза?

Девочка Лиза качает головой.

— Давайте со мной, что хотите,— говорит женщина.— Только не трогайте ее. Кто бы вы ни были, она не имеет никакого отношения к тому, зачем вы здесь. Умоляю вас!

— О,— говорит он вроде бы с неподдельным любопытством,— а зачем я здесь?

Женщина прыгает на него, он уворачивается и сплиба-ет ее на пол. Затем наклоняется, хватая ее за волосы, рывком поднимает на ноги и швыряет назад к стене:

— Так есть ответ на этот вопрос?

Затем снова происходит ужасное. Огромная рука хват-ет меня и вырывает из моего тела. Я становлюсь призрач-ной тенью, наблюдающей за происходящим его глазами. В панике и ужасе я пытаюсь выбраться из этого состоя-ния и не могу. Так бывало каждый раз. Сжимавшие меня тиски знали, как удержать меня. Его глазами мне удавалось видеть больше, чем своими: это правда, женщина неверо-ятно красивая, как кинозвезда, но лицо ее — лицо многое испытавшей в жизни женщины, и на экране оно, пожа-луй, смотрелось бы чересчур ожесточенным. Сознание не-счастья затопило ее глаза.

— Так вот что случилось с Букерами...— проговорила она.

Я собрался с силами и попытался извернуться, и пути мои исчезли. Мгновенно я вернулся в свое тело — смотрю

на кровать, где на одеяле стоит на коленях малышка по имени Лиза.

— Это еще кто такие? — спрашивает Мистер Икс.— Кстати, а в семействе Анскомбов нет случайно маленько-го мальчика?

— Он сбежал,— говорит женщина.

Мистер Икс молчит.

— Я не знаю, где он,— говорит женщина.— Не трогай-те мою девочку.

— Невинного ребенка я мучить не буду.— Он манит к себе девочку. Та ползет по одеялу, и он стребает ее в охап-ку.— Но частенько я никак не могу взять в толк, почему именно те люди, которые должны все знать лучше других, предпочитают думать, что этот мир милостив.

Он перебрасывает девочку через согнутую в локте руку, хватая другой рукой за голову и резко поворачивает. Раз-дается внятный хруст, и ребенок обвисает.

Я не хочу продолжать, не могу: подробности по-преж-нему путаются в голове, потому что фактические воспо-минания слишком мучительны. И не было тогда фамилии Анскомб. Анскомб появился позже.

8

МИСТЕР ИКС

До нелепости много времени понадобилось мне, что-бы понять, кто я на самом деле. Вы, мои Хозяева, сопоста-вили факты и легко догадались об этом, и я молю Вас по-нять природу моей борьбы.

До тех пор пока я не достиг катаклизма, именуемого юностью, я исполнял роль обыкновенного ребенка на оцен-ку «удовлетворительно». Так, в перебранке на школьном дворе второклассник по имени Ленни Бич вынудил меня треснуть его светловолосой башкой об асфальт в ответ на утверждение, что я — дерьмо собачье. В другой раз мне при-

шлось остаться на второй год в третьем классе из-за моего, как объяснила администрация школы, «постоянного витания в облаках» и «невозможности сосредоточиться на уроках», а также в связи с моей неисправимой привычкой выполнять задания в довольно странной, присущей только мне манере. Например, когда нам задали написать сочинение на тему «Мое любимое Рождество», я сдал страницу, заполненную одними вопросительными знаками; или же в примере на вычитание нарисовал в качестве ответа чудовище, пожирающее собаку. Так и просится на язык слово *творческий*, но оно не смогло бы унять родителей Морин Орт, костлявой пустышки с выпирающими вперед зубами. Когда мы с ней были уже восьмиклассниками, я уговорил ее позволить себя раздеть и привязать к березе в лесу Джонсона. Морин была благодарна и тронута моим вниманием до того момента, пока я не напомнил ей о диких индейцах, одним из которых я притворился: обычаем этих индейцев было пытаться своих пленников, и роль пленника должна была играть она. Жалобные вопли, которые вызвал вид моего перочинного ножа, вынудили меня развязать Морин. Моих уверений в том, что я не помышлял причинить ей боль, она слушать не хотела.

В итоге мой отец выписал мистеру Орту чек на тысячу долларов, тем дело и закончилось, если не считать отцовского ворчания.

Отец урезал мои карманные деньги вполювину: «за то, — как он сказал, — что я потворствовал чувствам этого создания»; а мама вытерла слезы и взяла с меня слово никогда не ходить в лес Джонсона.

Разумеется, я и не собирался повиноваться. Тридцать акров земли так густо заросли соснами, березами, кленами и гикори*, что сквозь плотный шатер ветвей солнечный свет просачивался лишь трепетными, крохотными и круглыми, как монетки, блестками; словно скрытый в ча-

* Род североамериканского орешника.

ше медяков изумруд, там прятались таинственные развалины, в которые я бы приволок Морин Орт, не оказавшись она такой дурехой. Лес Джонсона был для меня священной землей.

Территория леса никому не принадлежала, иначе ее давно бы распахали под жилые кварталы для людей, которых мой отец называл «отбросами общества». Я считал ее своей не потому, что лес принадлежал моей семье, а потому, что лес заговорил со мной, как только я впервые встретился с ним.

Должно быть, раньше меня сотни раз возили мимо леса Джонсона. Однако в тот день я посмотрел через заднее окно автобуса, в котором шестой класс Академии Эджертона ехал в Деревню Первопоселенцев, и почувствовал, как сердце мое, будто рыбу, подсекли, поймав на крючок, и прилетевший из леса (или из моей головы?) голос прогудел: «Иди ко мне. Я нужен тебе. Ты мой. Будь со мной», — что-то в этом духе. Крючок попытался вытянуть меня через окно, и я, развернувшись на сиденье, стал толкать руками стекло. Сердце мое рвалось из груди, лицо пылало. Водитель заорал, чтобы я сел на место. В предвкушении зрелища мои одноклассники захихикали, но умолкли сразу же, как только я повиновался. Ошеломленный учитель поблагодарил меня за благоразумие и сотрудничество. Да только не собирался я сотрудничать. Мне просто не хватило сил выдавить стекло.

Деревня Первопоселенцев являла собой две улицы с шеренгами приземистых бревенчатых хижин, с молитвенным домом, факторией и кузницей. Женщины в чепцах с рюшами что-то готовили в больших котлах над очагами, а мужчины в шапках из енота и рубашках из грубой джутовой ткани стреляли в кроликов из мушкетов. Люди эти выращивали овощи и сами варили мыло. Волосы их были жесткими и сальными, и никто не выглядел чистым. Мне они показались адептами некоего сурового вероучения.

Предоставив кесарю кесарево, я весь день провел как в тумане и забрался в автобус раньше всех. Когда на обратном пути мы ехали мимо леса, я нетерпеливо ерзал на сиденье, ожидая «подсечки» моего сокровенного «я» и гудения голоса, доступного лишь моему слуху. Вместо этого я почувствовал лишь жаркую, мощную пульсацию — и этого было достаточно.

По счастью, назавтра была суббота. Я поднялся с солнцем и лениво бродил по дому, пока не проснулась мама и не принялась готовить мне завтрак. Отец был в командировке — он частенько уезжал в командировки по субботам. С ранним не по годам коварством я спросил у матери разрешения покататься на велосипеде. Обычно по воскресеньям от бесившей меня скуки я болтался туда-сюда по Мэнор-стрит, царапал соседские автомобили или, устроив засаду в кустах, обстреливал пробегающих мимо собак из духового ружья. То, что я выбрал себе такое нормальное занятие, как катание на велосипеде, доставило матери удовольствие, правда, с примесью легкого подозрения. Я пообещал постараться не вляпаться в историю. Поскольку выбора у меня не было, я также пообещал вернуться к обеду. Я почувствовал, что мать было хотела обнять меня, но, к нашему обоюдному облегчению, подавила порыв. Оседлав велосипед, я рулил вдоль подъездной дорожки, безупречно разыгрывая роль ребенка, у которого ничего пакостного на уме нет. Как только я отъехал на достаточное расстояние, я встал на педали, и мой драндулет полетел.

В том месте дороги, где я почувствовал «подсечку» и услышал удивительный зов, я затащил велосипед за дерево и, выпрямившись, замер, *зная наверняка*, что нахожусь в том самом месте, в котором *должен находиться*. Я сдвинул шаг вперед, дрожа от нетерпения и ожидания. Ничего не произошло. Почти. Не произошло ничего, за исключением смутного осознания, что я оказался в точке мира, наиболее приближенной к тайным источникам всего, что де-

лило мою жизнь глубоко несчастной. Значит, это место необходимо мне и по тем же причинам внушает леденящий страх.

В тот момент я понял, что сделал выбор между знанием и неведением в пользу первого, какими бы ни были последствия выбора. Сердце мое успокоилось, и я решил осмотреться.

Меня окружали стволы деревьев — коричневые, серые, почти белые, почти черные, покрытые морщинистой корой или гладкие. Дрожащие лужицы света пятнали серозеленую почву. В едва заметно плывущем воздухе висело серебристо-сизое марево. Вдали неясно темнели завалы валежника. А над головой переплетались лиственные кроны, и беличьи гнезда на верхних ветвях напоминали тряпичные комья.

И тут я увидел белок. Они появились как по команде, все разом, они были повсюду: короткими упругими прыжками летели по веткам, сновали вверх и вниз по стволам, будто непрерывно преследовали кого-то. Птицы всех видов пронизывали чуть подернутый дымкой воздух. Как из-под земли, в куполе прозрачного воздуха возник лис, наострил уши и замер с поднятой передней лапой.

В последнее перед летними каникулами воскресенье, когда — случайно или нет — я провел утро, тщетно пытаясь постичь смысл строфы 12:49 Евангелия от Луки: «Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» — я увидел первые едва заметные побеги синего пламени и понял: это лето будет удивительным.

Вдали за деревьями я заметил падающие почти отвесно полосы бледно-зеленого света — они то чередовались, то сливались. Пройдя немного вперед, понял, что приближаюсь к поляне. Я дошел до ее края и остановился. Передо мной открывался покрытый густой травой овальный участок земли, до странности безжизненный и тихий. Солнце свободно лило свет и тепло на ковер желто-зеленых трав.

Как только я вышел из-под полога ветвей, температура резко возросла. Свет стал настолько ярким, что едва не ослепил меня. Я сел в центре поляны, глаза мои были чуть выше кончиков стеблей травы. Я вытер лоб и заморгал от безжалостного солнца. Когда я сделал вдох, со мной в унисон вздохнула поляна. Электрический ток пронизал меня от пальцев рук до груди.

Я испытывал благоговейный трепет и наслаждение. Я знал, что меня ждет нечто более значительное. Внутри моего «я», поселившегося в душе поляны, жило еще одно «я», которому требовалось время, чтобы привыкнуть к нашему новому окружению. Нечто большее ждало меня впереди, но суть этого большего в настоящий момент невозможно было даже представить.

Маленькая певчая птица отважилась выпорхнуть из леса, и я проследил за ее самоуверенной воздушной петлей.

Мое только что родившееся второе «я» вдруг подало голос, и я отправил мысль вдогонку за птицей. В одно мгновение птица сложила крылья и рухнула вниз, безжизненная, как кусок железа.

По дороге домой я попытался проделать то же с вороной, презрительно каркавшей на меня со столба, но окаянная тварь отказалась падать замертво. Неудача постигла меня и с коровой, вдумчиво жевавшей за забором у дороги, и с Саржем, пожилым полицейским барбосом, подергивавшимся во сне на лужайке дома своего хозяина. Мне подарили инструмент без инструкции по эксплуатации. Я был по-детски уверен, что со временем я получу инструкцию.

Как же мало я знал.

9

Поскольку мои экзаменационные отметки были на удивление хороши, я получил приглашения из всех четырех колледжей, в которые отправлял запрос. Как воспи-

таннику приемной семьи, единственная законная родительница которого зарабатывала так мало, что никогда не была занесена в данные IRS*, мне были предложены льготная плата за обучение, бесплатное общежитие и ассортимент должностей на любом факультете. Это означало, что Филу Гранту не потребуется выкладывать круглую сумму на мое обучение. В противном случае ему пришлось бы заложить свой дом и выбивать ссуды, выплачивая долги до самой пенсии. Меня очень радовало, что я не буду стоять Филу больших денег, но главной моей радостью была смена обстановки.

После долгих раздумий я выбрал Мидлмонт, что разочаровало Фила, который спал и видел меня в Принстоне, его альма-матер. Я же не представлял себя в таком крутом учебном заведении, да и не хотелось мне оказаться в окружении золотой молодежи. К тому же, хотя об этом никогда не говорилось во время наших бесед за кухонным столом, я знал, что даже при финансовой поддержке на Принстон денег Фила уйдет гораздо больше, чем на Мидлмонт. Во время спокойного и взвешенного обсуждения решения Лаура приняла мою сторону, и это помогло Филу изменить свое мнение. Так что я отправился в колледж Мидлмонт в город Мидлмонт, штат Вермонт, и передо мной раскрылась новая страница книги жизни.

Жуликоватый сосед по комнате в общежитии искренне возненавидел меня с первой минуты знакомства и ежедневно стал устраивать в нашей комнате шумные сборища. Толпы его дружков по подготовительной школе набивались к нам и вопили о пидорах, нигтерах, жидках, об авариях, морских катастрофах, сломанных спинах, сломанных шеях, случаях полного паралича, о латиносах, опять о пидорах, жидках, латиносах и нигтерах... Я запротестовал так громко, что получил отдельную комнату.

* Внутренняя налоговая служба США.

Когда меня переселили, я ни с кем из сокурсников после занятий не виделся. Несмотря на результаты SAT*, математика и естественные науки для меня словно преподавались на иностранном языке. Мне едва удавалось плестись в самом хвосте группы. Иногда я смотрел на строку непонятных символов, начертанную на доске профессором Флэппином, преподавателем математики, и чувствовал, что падаю в бездонную пропасть. Неделями я не занимался ничем, а только курсировал между общежитием, аудиториями, столовой и библиотекой. Потом пришли холода.

Зима свалилась на Вермонт сразу после Дня благодарения. Температура упала ниже двадцати**, и холод когтями вцепился в меня. Вскоре потеплело градусов на десять, но с гор подул ветер — такой холодный, что казалось, он живьем сдирает кожу с лица. Даже в душно натопленных аудиториях мне чудилось, что мороз пронизывает меня до костей. На протяжении двух месяцев солнце пряталось за свинцово-серым покрывалом облаков. А долгие беззвездные ночи начинались сразу после пяти вечера. Первая в моей жизни сильнейшая простуда вызвала бесконечное чихание и кашель, отдающиеся болью в каждой клеточке моего тела. Я с трудом притащился в учебный корпус и отсидел лекции, но когда пришел на работу в столовую, администратор заявил, что я представляю опасность для здоровья окружающих, и дал мне отпуск по болезни. Поковырявшись вилок в невкусном столовском ужине, что-то с трудом проглотив, не имея сил на обратное путешествие в библиотеку через заснеженную тундру, я вернулся к себе и забылся сном прямо за столом, тщетно пытаясь втиснуть в гудящую голову вводные положения интегрального исчисления. С каждым днем, с каждой секундой я чувствовал: я делаюсь все более похожим на тень.

* SAT (Scholastic Assessment Test) — экзамен на определение академических способностей.

** По Фаренгейту.

От окончательного развоплощения меня удерживала только моя гитара и то, что происходило, когда я брал ее в руки. На двенадцатый день рождения, не омраченный ежегодным шоу ужасов, Гранты подарили мне великолепный старенький «Гибсон», а вместе с ним — то, что впоследствии превратилось в годы уроков игры на гитаре с благожелательным учителем. Гитару я взял с собой в Мидлмонт и время от времени, когда было невозможно сидеть в своей «одиночке», я приходил в комнату отдыха, садился в уголке и играл. Чаще всего я просто брал один за другим аккорды, тихонько напевая себе под нос. Иногда, правда, заходил кто-то из студентов и подсаживался послушать. Для пубрики я выбирал что-нибудь вроде фуг Баха, аранжированных моим учителем, или мелодию блюза, которую я разучил с пластинки Джина Аммонса, или версию «Things Ain't What They Used to Be» Джима Холла, переделанную на свой лад. Если кто-то оставался слушать и дальше, я выдавал еще несколько песен, аккорды которых помнил: «My Romance», «Easy Living», «Moonlight in Vermont», и джазовую мелодию под названием «Whisper Not». Я сбивался и путался, но ни один из моих соседей по общежитию не улавливал фальши, если я не останавливался и не начинал сначала — до тех пор, пока пальцы мои окончательно не деревенели. Половина из ребят никогда не слышала ничего, кроме «Роллинг Стоунз», Эрика Клэптона и Тины Тернер, а другая половина — ничего, кроме «Карпентерс», «Би Джиз» и Элтона Джона. (А те, что одевались во все черное и слушали Боба Дилана и Леонарда Коэна, избегали комнаты отдыха как чумы.) Большинству то, что я играл, казалось классической музыкой, но тем не менее нравилось. А мне нравилось играть для них — это напоминало мне, что я не всегда был отшельником. Другим полезным результатом музицирования была, так сказать, «модернизация» моего общественного статуса: из Того Непонятного Парня Нэда, Который Никогда Не Выходит Из

Своей Комнаты, я превратился в Того Необычного Нэда, Который Классно Играет На Гитаре, Когда Выходит Из Своей Комнаты.

На рождественские каникулы я вернулся в Напервилль и сделал вид, будто дела мои хороши — ну, разве что за исключением интегрального исчисления. Ни в чем откровенно не привирая, я подробно рассказал о трудных буднях и редких радостях, приписав свое уныние ностальгии. Лишь только я произнес это слово, я понял, что тосковал по Напервиллю и Грантам гораздо сильнее, чем мог себе представить. Тем временем простуда моя шла на убыль, и я попеременно то писал экзаменационную работу по английскому, то штудировал конспекты к выпускным экзаменам, успокаиваясь и вновь привыкая к дому. Версия жизни в колледже, придуманная мною, стала казаться более близкой к реальности — так и было бы, не чувствуй я себя таким потеряннным.

На следующий день после Рождества я услышал шум подъехавшей машины, подошел к окну гостиной и увидел, как к гаражу подрулил красивый старенький «линкольн» Стар. Она вышла из автомобиля — туфли на высоких каблуках, изящная шляпа и черное, не по сезону легкое пальто. В тот год Стар жила в Кливленде, променяв работу в литографической студии на уроки у художника, с которым она познакомилась, когда тот работал в Альберте. По выходным она пела в баре под названием «На воле». Лаура Грант крикнула из кухни:

— Нэд, мама приехала!

На ходу застегивая блейзер и втягивая живот, из гостиной показался Фил — он смотрел телевизор.

— Не заморозь ее там, сынок, веди в дом, — сказал он.

Стар уже шагала по выложенной плитняком тропке и, когда я распахнул дверь, лебсдем вплыла в дом, пряча нервозность за ослепительной улыбкой. Она обняла меня, оба

Гранта заговорили разом, и я почувствовал, как мама начала успокаиваться.

Оставшиеся дни каникул были спокойными и расслабленными. Стар подарила мне кашемировый свитер, я ей — набор переизданных пластинок Билли Холидей, а то, что приготовили для нее Гранты, оказалось равноценным несколькими безделушкам, которые она привезла в подарок им. Лаура устроила два щедрых угощения, а я продолжал развивать облагороженную версию своей жизни в Мидлмонте. После ужина Лаура и Фил оставили нас с матерью наедине, и Стар спросила:

— Ты подумываешь стать музыкантом? Честно говоря, я очень обрадовалась, когда услышала о том, что ты играешь для своих сокурсников.

Я ответил, что играю еще недостаточно хорошо и пока недоволен своей игрой.

— Ты способен на большее, — оживилась она, — и если б захотел бросить колледж, легко смог бы найти работу. Я знаю много музыкантов, и если у кого из них и есть диплом об окончании колледжа, они это тщательно скрывают.

Удивленный, я спросил, почему она решила, что я хочу оставить учебу.

— Знаешь, как это звучит, когда ты говоришь о Мидлмонте? — спросила она. — Как будто ты пересказываешь фильм.

— Да нет, хороший колледж...

— Вот только *мне* не надо рассказывать, какой он хороший. Я просто хочу знать, насколько он хорош для Нэда Данстэна. Взгляни на себя. Ты похудел фунтов на пятнадцать — двадцать и почти потерял сон. Ты еще не свалился только потому, что Лаура хорошо тебя кормит.

— У меня была жуткая простуда.

— А по-моему, не такая уж жуткая была твоя простуда. Просто тебе хочется приукрасить жизнь в колледже.

— Сдам выпускные экзамены, и все будет отлично, — сказал я.

Вошли Фил с Лаурой предложить кофе и по стаканчику на сон грядущий, и, прежде чем все отправились спать, мы послушали восемнадцатилетнюю Билли Холидей, спевшую нам «When You're Smiling» и «Ooh Ooh Ooh, What a Little Moonlight Can Do».

На следующий день Лаура и Стар с утра отправились по магазинам, и Стар вернулась в новом пальто от «Бигелмэна», приобретенном с шестидесятипроцентной скидкой, потому что мистер Бигелмэн решил, что ни на ком другом это пальто так хорошо не смотрится, как на Стар. Рассказывая об этом, Лаура поглядывала на меня и тут же отводила взгляд, что означало наполовину вопрос, наполовину осуждение. Стар, похоже, тоже старалась на меня не смотреть. Лаура закончила говорить, и мама отправилась снимать пальто. Выходя из комнаты, она бросила на меня мрачный взгляд. Фил ничего не заметил, и я был ему за это благодарен. Лаура сказала:

— Мальчики, вы все время сидели дома, пока нас не было?

— Еще бы,— ухмыльнулся Фил.— И едва успели выводить девочек перед вашим приездом.

Моя мать вплыла в гостиную, улыбнулась скорее в моем направлении, чем мне, и взглянула на диван, будто кошка, гадающая, где бы ей примоститься. Фил прочистил горло и вызвал ее на их ежегодный шахматный турнир. Стар послала ему улыбку, в которой мне почудилось облегчение.

Раньше у Стар было довольно смутное понятие о шахматах — ну, скажем, если дать ей две попытки, со второй ей бы удалось отличить пешку от ладьи. Но ученицей она была прилежной и со временем даже стала выигрывать у Фила примерно одну партию из четырех. Сегодня же он напряженно хмурился, уткнувшись взглядом в доску, и через десять минут после начала партии оторопело пробормотал: «Погоди... Что-то я не пойму...» (Потом выяснилось, что литограф из Кливленда был прекрасным шахматистом.)

Я пошел за Лаурой в кухню, предполагая, что она разделяет мое удивление по поводу этой игры.

— Или мама за год набила руку, или Фил разучился играть,— сказал я.

Лаура пересекла кухню, прислонилась спиной к мойке и помедлила, будто дожидаясь, когда мои слова растают в воздухе между нами. В обращенном ко мне взгляде не было ни тени веселья.

— Я считала, что хорошо тебя знаю, но теперь очень в этом сомневаюсь.— Лаура скрестила руки на груди.

— В смысле?

— Ты выходил из дому, когда нас не было?

Я покачал головой.

— И не ездил в центр? Или к «Бигелмэну»?

— Да о чем ты? Вы со Стар вернулись какие-то странные...

— Это не ответ.— Она впилась в меня глазами.

— Нет,— ответил я, начиная раздражаться.— Я не ездил к «Бигелмэну». «Бигелмэн» — магазин женской одежды. И я не уверен, что вообще когда-либо заходил внутрь.— Я заставил себя успокоиться.— Что происходит?

— Значит, ошиблись...— вздохнула Лаура.

Из другой комнаты донесся смех моей матери.

— Фил, ты что, никогда не слышал о Капабланке? — вскричала она.

— Он мертв, и я тоже,— отвечал Фил.

— Стар очень тревожится за тебя.— Лаура продолжала изучать мое лицо.

— Не вижу повода для тревоги.

— Ты хорошо спишь? Не бывает такого, что весь день ты чувствуешь усталость?

Почти весь день я чувствую себя полумертвым.

— Иногда бывает, но это ерунда.

— Тебе хорошо в Мидлмонте? Если чувствуешь, что устал, можно взять академический отпуск на семестр.

Я снова начал злиться:

— Сначала все пытались затолкать меня в колледж, теперь все пытаются вытащить меня оттуда. Может, вы для начала определитесь?

— Нэд, разве мы тебя толкали в колледж? Тебе так показалось?

Я уже жалел о том, что наговорил.

— Вспомни-ка, сколько колледжей приглашали тебя. Это прекрасный шанс. А отсутствие диплома — это колоссальное неудобство в будущем. — Лаура чуть вздернула подбородок и отвела взгляд. — Господи... Может, мы и впрямь толкали тебя. Но единственное, чего мы хотели, это позаботиться о тебе. — Она вновь обратила ко мне взгляд. — Ты единственный, кто может подсказать мне, что для тебя хорошо, и лучше, если ты будешь искренен. Кстати, о Филе не беспокойся, он думает так же.

Она имела в виду, что смогла бы объяснить мужу причину для академического отпуска. Мысль о разочаровании Фила заставила меня чувствовать себя предателем.

— Наверно, мне необходимо учиться на «отлично» и стать старостой курса, чтобы вы со Стар перестали волноваться, — сказал я.

— Эй, Нэд! — заорал из комнаты Фил. — Твоя мать и Бобби Фишер — близнецы-братья, разделенные после рождения. Это, по-твоему, честно?

— Ладно, — сказала Лаура. — Посмотрим, как ты будешь себя чувствовать к концу семестра. И прошу тебя, не забывай, что Александр Грэхем Белл изобрел такое устройство, как телефон, ладно?

За ужином изумленный Фил объяснял маккиавелиевские хитрости и козни, с помощью которых мать обманывала его и принудила сдать. Стар съела половину того, что было на ее тарелке, взглянула на часы и поднялась из-за стола. Ей еще долго ехать обратно, пора, пора, спасибо большое, до свидания.

Когда я снес мамин чемодан вниз, она, в своем новом зимнем пальто, держала в объятиях Лауру. Я проводил ее по дорожке к «линкольну», гадая, неужели она сядет в машину и уедет вот так, не сказав мне ни слова. Мы подошли к двери машины, и я не удержался:

— Мам...

Она обняла меня.

— Поедем со мной, — сказала Стар. — Быстренько кинь в чемодан самое необходимое и скажи этим замечательным людям, что ты едешь ко мне и там все обдумаешь.

— Что? — Я чуть отпрянул, чтобы взглянуть ей в лицо.

Она не шутила.

— Места у меня предостаточно. Можешь подработать официантом в «На воле», пока мы не найдем что-нибудь получше.

Фила мама обыграла, а то, что она проделала со мной, с успехом можно было бы назвать «маггингом»*.

— Послушай, что происходит? Лаура достает меня на счет академического отпуска, ты даже смотреть на меня не хочешь, обе вы ведете себя так, будто я вдруг превратился в человека, который вам очень не по душе... Я не там, где я должен быть, я слишком тощий, я лжец... Ни с того ни с сего — брось все, едем в Кливленд. — Я поднял руки и, совершенно сбитый с толку, помотал головой. — Объясните мне, в чем дело?

— Я хочу защитить тебя, — сказала мать.

Я не удержался и — рассмеялся.

— Мидлмонт намного безопаснее, чем ночной клуб в центре Кливленда.

Тень мысли — объяснения или опровержения — мелькнула на ее лице. Стар явно отбросила ее.

* Маггинг (юридич.) — вид грабежа или разбоя на улице, когда преступник, чтобы завладеть деньгами жертвы, подкрадывается к ней сзади и душит сгибом руки за горло.

— У меня никогда не было шансов попасть в колледж. Но знаешь что? «На воле» не такое уж плохое место для работы.

Я обидел ее. Хуже — я оскорбил ее.

— Ладно, мам, вообще-то я никогда особо не рвался в Миддмонт. Просто так получилось.

— Тогда лезь в машину.

— Не могу, — отвечал я на ее тихий и сильный вызов. — У меня правда полно проблем, но я управляюсь сам.

— Угу, — откликнулась она. — Только есть такие проблемы, что ими можно заполнить стадион.

— Например? — спросил я, думая о неприятии, которое только что видел.

— Ты да я, сынок, мы с тобой ничегошеньки не знаем. — Она снова прижала меня к себе, и тепло ее нового пальто окутало меня еще раз, и ее руки и плечи задрожали, когда она поцеловала меня, и я почти решился забраться в старый «линкольн» и уехать с ней. Стар хлопнула меня по затылку дважды, трижды, немного выждала и — еще разок. — Ступай в дом, пока не околел окончательно.

Все оставшиеся дни я занимался почти исключительно учебой.

Гранты не переставая радостно щебетали во время обратного пути до О'Хэйр*, хотя я был уверен, что Лауре все еще не по себе. Фил восторгался прогрессом моей матери в шахматах всего за год со времени их последнего турнира. Раньше он был в состоянии просчитать ее решения на два-три хода наперед.

— Я видел ее игру лучше, чем она — мою. Я мог застать ее врасплох, тогда как ей, чтобы застать врасплох меня, приходилось рисковать.

— «Тогда как»? — спросила Лаура.

— Да. Вообще-то, когда ты достиг такого уровня, положение больше не меняется. Но в нынешнем году Стар

вычисляла мои стратегии задолго до того, как они рождались у меня в голове. Я думал, Стар просто валяет дурака, до тех пор, пока она не стала считать с доски мои фигуры одну за другой. Уровень ее игры стал много выше моего, и это говорит о том, что способности ее запредельны.

— Тогда как твои — всего лишь выше среднего, — с заднего сиденья подавала голос Лаура.

— Зачем ты меня дразнишь? Нэд, она ведь дразнит меня, а?

— Похоже на то, — ответил я.

— Ты не в духе, милая?

— Я боюсь потерять Нэда.

Фил взглянул на отражение жены в зеркале:

— Даже если б мы захотели, нам от него не избавиться. Через пару недель он опять вернется.

— Надеюсь... — проговорила Лаура.

Фил покосился на меня, затем опять перевел взгляд на зеркало:

— Когда вы обе вернулись из города, Стар мне показала какой-то дерганой, будто она расстроена. Нэд, вы когда прощались, тебе не показалось, что мама расстроена?

— Скорее обеспокоена, — сказал я. — Она хотела, чтобы я уехал с ней в Кливленд.

— О пет! — воскликнула Лаура.

— Вот так — сел в машину и уехал?

— Нет, предупредил бы вас, потом уехал.

— Я так и знала, — выдохнула Лаура.

— Вот черт! — сказал Фил. Он снова взглянул в зеркало. — А ты что сказал?

— Это неважно.

— Не знаю, Нэд, — сказал Фил. — Но есть у твоей матери одна особенность. Я всегда думал, что она просто потрясающе...

— Фил, без шуток, пожалуйста, — вставила Лаура.

— Я серьезно, Лаура, и ты, кстати, со мной согласишься. Так вот, особенность эта в том, что Стар всегда полна сюрпризов.

* Международный аэропорт в Чикаго.

Я хотел было попрощаться с Грантами у стойки паспортного контроля, но они уговорили охранников и проводили меня до самого выхода на посадку. Мы приехали почти на полчаса раньше. Фил бродил вдоль магазина подарков, изучая витрину. Лаура прислонилась спиной к квадратной колонне, улыбнулась мне, и я видел на ее лице сложные чувства. Помню, в тот момент мне подумалось, что она никогда не была так красива, а я редко так остро чувствовал, как люблю ее.

— По крайней мере, ты не сбежал в Кливленд.

— Я обдумывал это секунду или две,— сказал я.— А ты знала, что она предложит мне уехать?

Лаура кивнула, и ее теплые глаза вновь встретились с моими.

— У меня и Стар есть кое-что общее. Мы обе хотим, чтобы наш Нэд был здоров и счастлив.

Я повернул голову к залу, где Фил рассматривал полку с бейсболками.

— Что это за история с «Бигелмэном»? Когда вы со Стар вернулись, ты на меня злилась, а она вообще была где-то в космосе.

— Забудь, Нэд, прошу тебя. Я ошиблась.

— Тебе показалось, что ты видела меня в «Бигелмэне»?

Лаура быстро сунула руки в карманы своего красивого пальто и согнула правую ногу, чтобы поставить подошву прелестного черного башмачка на невысокий бортик под колонной. Затылок ее прижался к плоской поверхности. Она повернула голову в сторону людей, снующих туда-сюда по коридору, и невольно улыбнулась мальчонке в теплом комбинезоне, шагавшему вперевалячку впереди своей коляски.

— Если б только это...

Коридор развернул перед малышом длинный отрезок свободного пространства — мальчик пустился в неуклюжий бег и держался на ногах, пока действовала инерция. Он хлопнулся на кафед, широко расставив в стороны нож-

ки и ручки, и своей позой напоминал морскую звезду. Не сбившись со спокойного темпа ходьбы, его мать наклонилась, подхватила малыша и усадила в коляску.

— Стар меня сегодня просто замотала по магазинам.— Рассказывая, Лаура наблюдала, как мамаша мальчика удалялась по коридору.— Я очень люблю ее, Нэд, но бывают моменты, когда ей самой невероятно трудно понять, чего она хочет.— Она повернулась ко мне и снова улыбнулась.— Мы приехали в «Бигелмэн», Стар нашла пальто, какое искала, пальто было уценено, ничего похожего за все утро нам не попадалось... В общем, оставалось самое простое. Правда, было дороговато, но не слишком. Еще секунда, и я бы его ей купила.

Я слушал ее и думал: «Одна история всегда скрывает другую, тайную,— историю, которую тебе знать не следует».

— Однако Стар не хотела, чтоб я на нее тратилась, и поступила благородно. Ее не устраивал цвет пальто. Не мог бы продавец взглянуть, нет ли такого же, но посветлей? Увы, это пальто у них единственное, и единственная женщина в Напервилле, которая собирается купить его, уже надела его. Подошел помочь мистер Бигелмэн, и я отошла в сторонку. Когда я оглянулась, твоей матери не было. Затем я посмотрела в сторону витрины и увидела ее там, на улице, в новом пальто. Она разговаривала с тобой.

— Со мной?

— Во всяком случае, мне так показалось,— сказала она.— Стар выглядела очень расстроенной... Очень взволнованной... Даже не знаю. Ты или, вернее, человек, которого я приняла за тебя, повернулся к ней спиной и ушел. Я было направилась к двери, но Стар вошла в магазин и так на меня посмотрела, что я прикусила язык. Мистер Бигелмэн сделал нам дополнительную скидку, и я вытащила свою кредитку. Но по дороге домой я все-таки задавала вопрос Стар.

— Что она сказала о том парне?

— Сначала она сказала, что никакого парня не было.— Лаура оттолкнулась от колонны.— Затем сказала: ой, она забыла, к ней подошел какой-то прохожий и спросил, как пройти туда-то. Затем она расплакалась. Она очень надеялась, что я не замечу, и очень не хотела говорить тебе об этом. Я была гораздо больше заинтересована в том, чтобы ты сам все рассказал, потому что Стар не собирается вообще ничего мне говорить. Однако это был не ты, я об этом знала. Несомненно.

— Несомненно,— эхом откликнулся я.

Объявили рейс. Фил притянул меня к своей груди и сказал, что гордится мной. Объятие Лауры было дольше и крепче, чем Фила. Я проговорил, что люблю ее, и она ответила, что любит меня. Я предъявил на контроле билет, шагнул в зев перехода к самолету и оглянулся. Фил улыбался, а Лаура всматривалась в меня, будто хотела получше запомнить мое лицо. Я помахал им. Словно свидетели на присяге, они поднимали правые руки. Поток пассажиров в альюжных куртках и с сумками на колесиках подхватил меня и повлек к лайнеру.

10

Миддмонт сомкнулся вокруг меня и зажал в кулак. За неделю до выпускных экзаменов я провалился еще глубже в знакомое ощущение пустоты. Под свинцовым зимним небом, как заведенный, я в спешке курсировал между учебным корпусом, столовой, где я работал, и библиотекой; возвращался вечерами в общежитие и частенько засыпал, уронив гудящую голову на раскрытую книгу. Порой казалось, будто одна студеной ночью переносила меня в другую без перерыва на свет дня: иногда я смотрел на часы, видел стрелки, показывающие четыре часа, и не мог с уверенностью сказать, пропустил ли я необходимые несколько часов сна, или пару лекций, или появление перед кастрюлями и противнями.

Первыми в выпускной сессии были экзамены по английскому и французскому языкам, за ними — история, затем выходной день, потом — химия и последним — математика. Помню, как в понедельник и во вторник я входил в облитые ярким светом аудитории, садился, брал синие тетради* и экзаменационные листы и уносился мыслями так далеко, что был не в состоянии понять даже вопросы. Затем по капле начинали просачиваться нужные слова, темнота рассеивалась, и вскоре — будто переданные кем-то по радио, а не подсказанные собственным разумом — предложения сами собой складывались у меня в голове. Я строил, пока не заполнял полностью синие тетради, и лишь тогда останавливался.

В среду вечером я заснул за столом. Шум за дверью выдернул меня из забытья. Открыв дверь, я вздрогнул, увидев прямо перед собой однокурсницу Симону Фейгенбаум — мы с ней занимались французским в одной группе. Симона приехала из Скарсдейла. Она курила «Житан» и была из поклонников Боба Дилана и Леонарда Коэна, а значит, одевалась во все черное. Мысль, что Симона зашла за учебником, испарилась в то же мгновение, как только она подняла руки и обняла меня. Где-то посреди долгого поцелуя она растегнула молнию моих джинсов и запустила туда руку с лукавой и забавной напускной развязностью.

Одежда полетела в стороны, мы повалились на мою узкую кровать.

И тотчас Симона Фейгенбаум заскользила над моим телом... и под ним... и вдоль него... ее груди на моем лице... затем ее живот, ягодицы... затем ее лицо прижалось к моему... Мы усердно трудились, как поршни, пока меня вдруг не охватила сладостная дрожь. Ее груди толкали меня в лицо, и я вновь почувствовал свою силу, не успев почувствовать слабости, и мы вновь прошли весь круг, только на этот

* Тетрадь в синей обложке для экзаменационных работ.

раз медленнее. А потом еще, пока мои бедра не заняли от напряжения и мой пенис не сдался, безвольно опустившись, как белый флаг. Мне было восемнадцать, к тому же я был девственником.

Часов в шесть утра Симона выскользнула из кровати и оделась. Она спросила, есть ли у меня сегодня экзамен.

— Химия, — ответил я.

Она показала пузырек с таблетками, потрясла им в руке и бросила на стол.

— Прими за пятнадцать минут перед выходом. Они волшебные. Сам себя не узнаешь.

— Симона, — сказал я. — Почему ты пришла ко мне?

— Хотела с тобой хоть разок переспать до того, как ты вылетишь из колледжа.

Открыв окно — я жил на первом этаже, — она спрыгнула на гребень сугроба между общежитием и дорожкой. Я закрыл окно и послал пару часов.

По дороге на экзамен я проглотил таблетку. Еще одна ярко освещенная аудитория, еще один зловеющий стол. Во время раздачи синих тетрадей и экзаменационных листов я не чувствовал ничего особенного — лишь будто выпил чашку крепкого кофе. Я открыл синюю тетрадь, прочитал первый вопрос и понял, что не только отлично понял его — я был в состоянии отчетливо увидеть каждый пункт ответа на соответствующей странице учебника, словно их развернули у меня перед глазами. К концу часа я заполнил три синие тетради и выполнил все задания, кроме одного из разряда экстра-кредитных*. Я выплыл из аудитории, подошел к ближайшему питьевому фонтанчику и залпом выпил кварту холодной воды.

До экзамена по математике оставалось двадцать четыре часа. Я принес гитару в комнату отдыха и провел вто-

* За прослушивание какого-либо курса начисляется условное очко (за один курс может быть начислено несколько очков); студент обязан набрать за год обучения такое число курсов, чтобы число очков за них было не ниже определенного предела. Экстра-кредит — дополнительные очки.

рую половину дня, играя намного лучше, чем мог о себе вообразить. Я пропустил обед и забыл о дежурстве в столовой. Зато вспомнил вступление к «Skylark» и слова песни «But Not for Me». Я знал, кого встретила моя мама на тротуаре у «Бигелмэна», — меня, настоящего меня, вот этого самого. Шесть-семь часов спустя я встал, объявил слушателям: «Мне надо вызубрить учебник по математике», — и под плеск аплодисментов удалился в свою комнату.

Когда я раскрыл учебник математики, то вдруг понял, что знаю каждую страницу назубок, включая сноски. Я завалился на кровать и, уставившись в потолок, отметил, что его трещины складываются в математические символы. Кто-то в коридоре заорал: «Данстэн, к телефону!» Я поплелся к телефону и услышал в трубке голос Симоны Фейгенбаум. Она спросила, как я себя чувствую. Отлично, сказал я. Таблетка помогла? Думаю, помогла, сказал я. Хочешь еще? Нет, ответил я, но, может, ты придешь ко мне?

— Шутишь? — Она рассмеялась. — У меня еще все болит. К тому же мне надо готовиться к последнему экзамену. Потом еду домой; так что увидимся после каникул.

Я поплелся обратно в комнату и снова лег. Сон отказывался приходить до семи утра, когда выползшая из углов и укутавшая стены полная тьма не отправила меня в область бессознательного.

Некто, кто мог быть или же не мог быть мной, предусмотрительно завел будильник на время за час до экзамена. Тот же некто поставил будильник на столе подальше от кровати, заставив меня подняться, когда взвыл сигнал. Пошатываясь, я направился в душ и замер там под струями попеременно то горячей, то холодной воды, постепенно сознавая, что проспал и завтрак, и обед, что в данный момент я пропускаю два часа дежурства в столовой и должен сначала выжить на экзамене по математике, прежде чем смогу утолить голод. Я покопался в ящиках стола и обнаружил полпакетика «M&M», непечатую банку орехового масла и зеленые, в пятнышках соли, прилипшие

ко дну пакета остатки картофельных чипсов. Я набивал этой снедью рот по пути на экзамен. Профессор Флэгшип бродил от стула к стулу, раздавал испещренные математическими формулами толстые пачки листов и приговаривал:

— Вам предстоит письменный тест, в котором вы из нескольких предложенных ответов выберете правильный. Подчеркните ответы, а для расчетов используйте синие тетради.— Обратившись ко мне, он добавил: — Удачи, мистер Данстэн.

Кажется, я отчасти ухватил смысла первых нескольких заданий. Все остальное было словно изложено на смеси древнеисландского и баскского языков. То и дело на две-три секунды я проваливался в сон; потом, повинувшись редким импульсам, заполнял страницу каракулями или царапал бессмысленные слова, с трудом всплывавшие на поверхность моего рассудка. К концу часа я сунул экзаменационные листы и синие тетради в стопку таких же на столе профессора и ушел с территории колледжа в студенческий бар, где жадно глотал пиво, пока снова не провалился в бессознательное.

Мой повторяющийся сон нагрелся снова.

Весь следующий день я проваливался в кровати, прислушиваясь к хлопанию дверей автомобилей и крикам прощаний. Поскольку я не помнил, что был в баре, то не понимал, отчего испытываю такое чудовищное похмелье. Когда я успел напиться? Я почти никогда не употреблял спиртного. Плохо способный соображать в то утро, я сделал вывод, что меня свалил грипп какой-то новой экзотической разновидности.

Память возвращалась урывками — будто фотовспышкой выхватывая из забвения призрачные мгновения вчерашнего дня. Я видел свою руку, вырисовывающую сумму при сложении карикатурного лица профессора Флэгшипа и тела льва со щетинистыми крыльями, торчащими грудями и возбужденным пенисом. Пару секунд надо мной крутилось маленькое желанное тело Симоны Фейгенбаум, и я

подумал: «Вот оно, свершилось!» На чистом листе раскрытой синей тетради моя рука вывела аккуратными печатными буквами: «ГЛАВНОЕ В ПРОБЛЕМЕ ЭТО ЕЕ РЕШЕНИЕ». Я вспомнил, как положил экзаменационные листы на профессорский стол и наблюдал, уже много часов спустя, строгого бармена, протирающего тряпкой пять дюймов полированного красного дерева и ставящего увенчанный пеной стакан. Я вспомнил, где был и что делал. Это происходило в субботу, после выпускных экзаменов, и двор колледжа был полон родственников, увозящих своих сыновей и дочерей. Другие студенты, и среди них предположительно был я, садились в автобус, который шел в аэропорт.

Мир, в котором люди могли паковать чемоданы и забираться в отцовские автомобили, казался мне недостижимо далеким. Я вертелся в кровати до тех пор, пока за окном не стемнело и не уехала последняя машина.

По традиции наши педагоги вывешивали экзаменационные отметки на установленной во дворе застекленной доске объявлений до того, как разослать их по почте. Спустя некоторое время вокруг доски толпились студенты, высматривая свои и чужие оценки. Я собирался узнать свои результаты по английскому и французскому в следующий понедельник, по истории — не позже вторника, по химии — во вторник или среду. Относительно химии я питал неумеренные надежды. Что же касается вызывавшей дрожь математики, результаты объявят не ранее среды.

Гранты ожидали моего появления в О'Хэйр в воскресенье днем. В субботу я должен был позвонить им и подтвердить, что выезжаю; билет уже дожидался меня в аэропорту. Когда я обрел способность говорить связно, я позвонил за счет абонента в Напервилль и выдал бессовестную ложь насчет приглашения погостить у друга на Барбадосе — мол, если вы не возражаете... Сестренка моего друга съехала, так что я займу ее место, билеты уже оплачены, и его

родня не против, потому что спать я буду в комнате у друга и высвобожу им комнату, которую они могут сдать...

Гранты очень расстроились, что не увидят меня, но ведь не за горизонтом и весенние каникулы. Фил спросил, не женского ли полу, случаем, мой друг. Я ответил, что нет, это Кларк Даркмунд. Так звали пухлого и розовощекого, как херувим, помешанного на порнографии парня из Миннесоты. Его поселили в соседнюю с моей однуместную комнату. Причиной переселения послужили разногласия с его бывшим соседом Стивеном Глюксманом из Грейт Нэк, что на Лонг-Айленде, по поводу места «Майн Кампф» в мировой философии. Да, сказал я, Кларк интересный парень. С ним можно классно поговорить, и все такое...

— Как сдал выпускные? — спросил Фил.

— Посмотрим...

— Узнаю моего Нэда, — хмыкнул Фил. — Ты, похоже, собрался удивить сам себя.

Поев в студенческом баре, я пошел в кампус. Когда я свернул на дорожку к общежитию, передо мной словно ниоткуда возник Хорст, обучавшийся здесь по обмену студент из Германии, который выглядел как модель из «Эсквайра». Будь Хорст похож на херувима, он бы напоминал Кларка Даркмунда, однако ничего ангельского в его внешности не было. Он улыбнулся мне:

— Ну, вот мы снова вместе, одни, в тихом закуточке. Поскольку ты сейчас трезвый, пойдем ко мне в комнату и разденем друг друга медленно, очень медленно...

Его предложение только усугубило мою депрессию, а мой ответ удивил меня самого еще больше, чем Хорста:

— В кармане у меня нож. Если ты не испаришься сейчас же, я выпущу тебе кишки прежде, чем ты поймешь это.

— Нэд, — поразился он. — Разве не было у нас с тобой душевного понимания?

— Так, я считаю до трех. Поехали. Раз...

Хорст выдал очаровательную улыбку:

— Та штука у тебя в штанах, несомненно, более впечатляет, чем нож.

— Два.

— Неужели ты не помнишь нашего разговора этой ночью?

Я сунул руку в карман и сомкнул пальцы вокруг столбика мятных леденцов.

Скорчив недовольную гримасу, Хорст скользнул в темноту.

Наутро яркий солнечный свет лился вниз с ослепительно чистого лазурного неба. Резко очерченные тени голых тополей вытянулись на ярко-белом снегу. Вместе с собственной резко очерченной тенью я пришел в Миддмонт и бесцельно бродил по городу, потягивая кофе из пластмассового стаканчика и вгрызаясь в кусок яблочного пирога. Церковные колокола провозглашали начала и окончания служб, каких — я не знал. Я глазел на витрины магазинов — в общем, слонялся без дела. Опять заговорили церковные колокола. В компании солнечного света я зашагал обратно к колледжу, но на последнем перекрестке в качестве эксперимента свернул не направо, а налево, и вскоре неожиданно для себя очутился на краю густого леса. Затертые от времени и непогоды буквы на деревянном указателе, прибитом к стволу дуба, гласили, что это «Лес Джонсона».

В то же мгновение я понял: в лесу мне станет лучше. Так что я сошел с дороги и отправился туда.

И мне стало лучше — почти сразу же. Мне вдруг почудилось, что я волшебным образом перенесся домой, и если не буквально домой, то, по меньшей мере, *в правильное место*. По хрустящему снегу, настолько плотному, что он едва отмечал мои следы, я брел меж деревьев, пока не добрался до кольца кленов и не сел в центре их круга, находясь в большем согласии с самим собой, чем когда-либо с

момента моего приезда в Вермонт. Тревоги почти утихли, и жизнь будто обрела надежду — все будет хорошо. И даже если придется уйти из колледжа — ничего страшного. Можно поработать официантом в «На воле». Можно жениться на Симоне Фейгенбаум и стать мужчиной на содержании. Белки в пышных зимних шубках стремглав стекали вниз по стволам дубов и, скользя по гладкому искрящемуся снегу, носились по поляне. Наконец дневной свет начал угасать, и стволы деревьев будто сдвинулись плотнее. Я поднялся на ноги и пошел обратно.

В понедельник утром я отправился в город и закупил длинную палку салами, головку сыра чеддер, банку орехового масла, буханку хлеба, пакет картофельных чипсов «Кейп Код» и два пакетика с драже «М&М», кварту молока и упаковку бутылок «кока-колы». Вернувшись в комнату, я сделал себе бутерброды с салами и сыром и умял их, заедая полными ложками орехового масла и запивая «колой». Потом надел пальто и поспешил на двор к доске объявлений узнать оценки по трем экзаменам. Английский — «В» за экзамен, «В с плюсом» за семестр; французский — «В» и «В»; это разочаровало, но, по правде говоря, неожиданностью не стало. История, которую, как мне казалось, я сдал хорошо, обернулась катастрофой: «С» за экзамен снизила семестровую оценку до «В с минусом». Одним из условий моей стипендии был определенный средний балл, и я рассчитывал на «В» по истории, чтобы компенсировать «Д» или даже потенциальный провал в течение следующих двух курсов.

Попятившись от доски объявлений, я краем глаза уловил движение слева. С верхней ступени лестницы библиотеки, прислонившись к колонне, за мной наблюдал Хорст. Картинность его позы обозначала величественное, почти царское терпение. Он вытянул руку в перчатке из кармана пальто и неспешно, иронически взмахнул ею. Я опустил голову и выбрал ближайшую дорожку, ведущую обратно — к тому самому *правильному месту*.

Как только я ступил на поляну, тревоги об экзаменах, среднем балле и стипендии оставили меня, растворившись в прозрачном лесном воздухе. На какое-то неопределенное время я обратился во всевидящее и замечательное око. Белки продолжали свои потешные виражи и кульбиты. Меж стволов кленов показались лис, замер и ретировался, повторив движения в обратном порядке, словно «перемотал» кинокадр. Когда воздух начал темнеть, я неохотно поднялся на ноги.

Во вторник я валялся в постели и морил себя голодом до одиннадцати утра, потом поднялся, только чтобы выпить залпом молока из пакета и с жадностью съесть хлеба с сыром. Забрался обратно в постель и еще битый час ворочался и тяжело вздыхал, пока наконец не заставил себя встать и отправиться в душ. Вероятность того, что днем вывесят отметки по химии, была невелика. Большинство профессоров обычно давали информацию к трем пополудни, и незадолго до этого часа я поспешил к доске объявлений. Результаты экзамена моей группы еще не вывесили. Я набил карманы калорийной пищей и по пути к моей святой святых заскочил в небольшое, с кирпичными стенами, помещение почтового отделения нашего общежития проверить свой почтовый ящик.

Будто «бомба в конверте», стеклянная дверца моего ящика прижимала конверт кремового цвета без марки, адресованный «Мистеру Нэду Данстару». Был на нем обозначен и отправитель — декан по воспитательной работе.

Дорогой мистер Данстар!

Сожалею о необходимости информировать Вас о факте печального происшествия, сообщенном мне мистером Романом Полком, менеджером персонала Службы общественного питания колледжа Мидлмонта, в обязанности которого входит контроль за работой штатного персонала нашей кухни и тех членов студенческого колледжа, которые были поощрены предоставлением им

должности в соответствии с условиями Программы по выделению стипендий колледжа Мидлмонта.

Мистер Полк уведомляет меня, что на семь из десяти дежурств по кухне вы не явились. Более того, Вы пропустили по болезни девять предыдущих дежурств. Этот факт серьезно обеспокоил всех нас.

Мы встретимся с Вами в моем кабинете в 7:30 утра в первый учебный день предстоящего семестра, 20 января, для обсуждения претензий мистера Полка. Вы остаетесь достойным членом сообщества Мидлмонта, и, если по каким-либо причинам Служба общественного питания оказалась неподходящим для Вас местом работы, мы можем помочь Вам подобрать другое. А пока желаю Вам успехов в экзаменационной сессии.

Искренне Ваши

Клайв Маканудо,
декан по воспитательной работе.

Когда я вышел из маленького помещения, приютившего наши почтовые ящики,— кто стоял на морозе, посреди бетонной дорожки, великолепный в своем шикарном, длинном, оливкового цвета полуприлегающем пальто, с пробором, разделявшим только что причесанные густые волосы? Хорсту для полного парада сейчас не хватало только тирольской шляпы с пером, торчащим из-за ленты. Он бросил взгляд на конверт, который выглядывал из кармана моего пальто:

— У тебя все хорошо?

— Слушай, гад, кончай за мной ползать.— Я попытался обойти его.

— Пожалуйста, забудь о той ночи.— Хорст шагнул ко мне, преградив путь.— Я ошибся, сделал глупость и неверно истолковал наш короткий разговор накануне.

Несомненно, в ту пятницу в студенческом баре разговор у нас с ним состоялся, но... я его позабыл. Хорош же я был, нечего сказать. Не успевало какое-то событие случать-

ся в пятницу, как я тут же благополучно о нем забывал, и уж точно не было у меня желания напрягаться и вспоминать, что я там наговорил Хорсту.

— Ладно,— сказал я.— И все-таки, если не отвяжешься, я тебя порежу.

— Нэд, ну, чего ты, я же...— Хорст сделал шаг назад и поднял руки в перчатках, словно сдаваясь в плен.— Просто выглядишь ты не очень. Я же как друг спросить хотел, все ли у тебя хорошо? Что-то случилось?

— Ну, все. Опять считаю до трех. Раз...

— Нэд, кончай, у тебя ведь и ножа-то никакого нет. Ты не опаснее кролика.— Продолжая улыбаться, он опустил руки.— Пойдем, я угощу тебя чашечкой кофе. Ты поделишься своими проблемами со мной, а я подскажу, как с ними справиться, а потом нагружу тебя своими скучными проблемами, а потом мы выпьем пивка и придем к выводу, что все наши проблемы, в конце концов, не так уж серьезны.

— А потом мы пойдем в твою комнату, разденемся и разрешим твои скучные проблемы.

— Да я не об этом! — воскликнул Хорст.— Честное слово, я просто хочу помочь тебе.

— Тогда *просто* свали с дороги.— Я пошел прямо на него, и он посторонился.

В тот день, немного позже, я сидел замерзший у подножия огромного дуба и прислушивался к таинственному, едва слышному звуку, напоминавшему гул мощного механизма, с трудом просачивающийся сквозь покрывало плотного снега. Снова и снова обрывки торжественной взволнованной музыки то ли сами собой рождались в воздухе, то ли их приносили дуновения ветерка, струившегося меж стволов и ветвей таинственного леса. Напоенный музыкой воздух насыщался крупинками сумерек, их становилось все больше, они сливались, и вот уже темнота почти стерла свет позднего дня.

В среду утром я увидел футляр моей гитары, прислоненный к стене возле двери, и в тот же миг вскочил с кровати, охваченный вдохновением: я хотел написать музыку о лесе Джонсона.

Позавтракав скисшим молоком и картофельными чипсами, я осторожно вышел на двор, внимательно следя, не появится ли Хорст. Его не было. Как не было и результата моего экзамена по химии, хотя итоги и выводы профессора Медли висели на доске объявлений. В то время как напротив фамилий всех студентов моей группы стояли буквы, соответствовавшие оценкам, перед «Данстэн Нэд» красовалось «незав.», что в сокращении означало «незавершен». В замешательстве я побрел назад в комнату и стал набивать в карманы пальто свой дневной паек, припоминая, что делал то же самое, когда получил вызов на ковер к декану. Так же как тогда, я вошел в мрачное помещение почты и обнаружил казенный конверт, прикипший к стеклу моего почтового ящика. Клайв Маканудо. «Продолжение». Правда, на этот раз мою фамилию он написал без опечатки.

Дорогой мистер Данстэн!

Приношу свои извинения за ошибку секретариата, приведшую к неправильному написанию Вашей фамилии в моем вчерашнем письме.

Сегодня утром профессор факультета химии Арнольд Медли говорил со мной о Ваших успехах по его предмету в течение минувшего курса. Профессор встретил результаты последнего экзамена с немалой долей удивления. Поскольку Вы единственный за долгую преподавательскую практику профессора студент, сдавший на «отлично» не только основной экзамен, но и несколько экстракредитных вопросов, Ваш балл на экзамене по химии составил 127 из 100, или же «А» с двумя плюсами.

Профессор Медли придерживается мнения, что ни один студент со стабильной успеваемостью на уровне отме-

ток «С» или ниже не мог за период сессии настолько улучшить свое понимание материала, чтобы получить «А++» на выпускном экзамене, не прибегая к незаконной помощи. Я выступал от Вашего лица. Профессор Медли согласился с тем, что, наблюдая за Вами, он ни разу не смог уличить Вас в мошенничестве и не может представить доказательства того, что Вы получили высокий балл нечестно. Тем не менее, находя этот результат достаточно аномальным, он хотел бы изыскать способы развеять подозрения.

Мы достигли следующего компромисса. Вам надлежит пересдать выпускной экзамен по химии в обстановке строжайших мер безопасности и как можно в более ранний, удобный для Вас срок. Я предлагаю сделать это в 7:45 утра в эту пятницу, если Вы будете находиться в кампусе, а если нет, то в 6:30 утра 20 января, сразу перед нашей с Вами встречей по поводу претензий мистера Полка. Переэкзаменовка пройдет в моем кабинете, в присутствии мистера Медли и меня. Осмелюсь порекомендовать Вам использовать оставшиеся перед экзаменом дни для подготовки.

Искренне Ваши

*Клайв Маканудо,
декан по воспитательной работе.*

Уже ставшее привычным чувство возвращения домой успокоило мои нервы, как только я вошел в лес. Звон в ушах уступил место скрипу обремененных снегом ветвей, щебету птиц, шорохам и цоканью деловито снующих белок. В конечном итоге я начал слышать даже тоненький дискант сверкающих сосулек, а вскоре вслед за ним — знакомый гул утробного баса из-под снежного покрова. Раскрыв футляр гитары, я вынул инструмент и благоговейно устроил между своими сторбленными плечами и бедрами.

На другой день незадолго до полудня я проснулся и не смог припомнить, как и когда вернулся в кампус. Выбрав-

шлись из кровати, я громогласно чихнул и натянул ту одежду, что оказалась ближе всего под рукой. В силу привычки по пути из общежития я зашел на почту. Еще один казенный конверт гляделся в прямоугольник стеклянного окошка почтового ящика. «Клайв, милашка», — проговорил я и, крайне заинтригованный, вскрыл конверт.

Мистер Данстэн!

Вот уже в который раз спокойствие утра было нарушено визитом одного из Ваших профессоров. Ваше присутствие здесь, в Мидлмонтском колледже, под серьезной угрозой.

Профессор Роджер Флэггин потребовал, чтобы я проверил три синие тетради, которые Вы сдали ему по окончании выпускного экзамена по дифференциальному исчислению. Профессор Флэггин сообщил мне, что экзамен носил характер письменного теста, и тетради эти предназначались для ведения расчетов и вычислений. Далее он сообщил, что намеревается предпринять шаги, необходимые для исключения Вас из колледжа. Вы не только провалили экзамен, правильно ответив лишь на двенадцать вопросов из ста, но Вы подвергли как его самого, так и его предмет осмеянию. Профессор Флэггин обратил мое внимание на оказавшиеся в Ваших синих тетрадях непристойные карикатуры на него.

Более того, профессор Флэггин утверждает, что вечером того дня, когда состоялся экзамен, Вы явились к нему в кабинет и умоляли вернуть Ваши синие тетради и разрешить Вам повторить с самого начала весь курс лекций с последующей переэкзаменовкой по предмету. Вследствие отказа в этих невероятных запросах Вы ответили на попытку профессора не дать Вам синие тетради — которые он не до конца еще проверил — тем, что толкнули его назад в кресло и затем выбежали из кабинета. Он поначалу приписал ваше поведение истерической панике и решил не обращать на него моего вни-

мания. Однако содержание синих тетрадей заставило его изменить первоначальное решение.

После долгих раздумий, а также принимая во внимание некоторые другие факты, я прошу Вас прибыть на нашу встречу 20 января в первоначально назначенное время — 7:30 утра, имея при себе все документы, а также справки о предшествующем психиатрическом лечении, которые помогут мне отстоять Ваше пребывание в Мидлмонтском колледже.

Дабы облегчить Вам поиски необходимых документов, я высылаю копию настоящего письма Вашим опекунам, мистеру и миссис Филипп Грант из Напервилля, штат Иллинойс.

Искренне Ваши

Клайв Маканудо,
декан по воспитательной работе.

Я высморкался в письмо Клайва и бросил его в мусорную корзину, более расстроенный тем, что копия отправлена Грантам, чем неминуемым отчислением. Фил и Лаура наверняка поймут, что то, что я делаю, куда важнее, чем банальщина, которой меня пичкают в аудиториях.

На обратном пути к центру вселенной мне показалось, что краешком глаза я заметил оливковое пальто и пятно светлых волос среди темных стволов деревьев в западном конце кампуса. Томящийся от любви преследователь исчез в тот же миг, как только я взглянул на него, и я тут же выбросил его из головы.

После часа тихой медитации, позволившей мне слышать музыку воздуха, после следующих четырех часов слияния моей гитарной партии с той музыкой растущее чувство пребывания во все еще не до конца правильном месте заставило меня вновь подняться на ноги и двинуться глубже в лес. Я шел, пока не добрался до развалин коттеджа. Я открыл взвизгнувшую дверь и, вбирая взглядом подгнившие деревянные стены, единственное разбитое окно, му-

сор и перья, крохотные скелеты и фекалии животных на грязном полу, понял: вот оно наконец — *правильное место*. И место это тоже было музыкальным инструментом. Спокойная музыка пронизывала весь коттедж, ее нес ветер, свистя в щелях меж бревен, я слышал ее в трескотне белок под застрехой. Я наслаждался блаженным часом, добавая к этим звукам свой скромный аккомпанемент. Уже перед самыми сумерками я бегом вернулся в общежитие, там схватил в охапку одеяла, еду и припустил обратно к лесу, пока день не угас окончательно.

Коттедж выплывал из ступающей темноты — массивный высокий призрак в священном лесу. Едва слышная музыка, звучавшая в доме, воззвала ко мне, я рванулся по сугробам и распахнул скрипучую дверь. Едва переступив порог, я в то же мгновение отвесно пролетел сквозь гнилой пол. Я упал, я ничего не видел в темноте, но я не испугался. Длинная, убогая, когда-то милая и уютная, передо мной во мраке обрисовалась комната. Где-то за пределами моего видения человек говорил о дыме и золоте, о трупах на поле сражения. Голова моя гудела, и сильно болел живот. На каминной полке стояли увядающая веточка бостонского папоротника, фигурка лиса под стеклянным куполом и медные часы с противовесами, вращающимися влево-вправо, вправо-влево, влево-вправо. Это было *прежде*, это было *прошлым*, и я был здесь раньше. Я рухнул на колени на потертый восточный ковер. Прежде чем меня вырвало, мир прошлого растаял и восстановился нынешний, и содержимое моего желудка разбрызгалось на прогнившие доски пола. *Дом*, подумал я.

11

Пока я еще выглядел достаточно прилично, чтобы появляться в городе, я решил запастись консервами и походным инвентарем. Я купил спальный мешок и лампу с аккумулятором. Поняв, как можно использовать очаг, я при-

обрел несколько мешков с брикетами угля, топорик, жидкость для разведения огня, жаровню и упаковки замороженного мяса — их я закопал в снег и забросал сверху золой, прогоревшими угольными брикетами и порубленным валежником. Иногда по ночам сквозь разрушенный пол в дом пробирались еноты и, словно собаки, засыпали у тлеющего огня очага. К концу моего сорокадневного проживания в коттедже, когда появление в городе уже было чревато арестом или принудительной госпитализацией, я ночью пробрался в кухню колледжа, где прежде работал, и унес все, что не смог с жадностью съесть тут же на месте. Музыка леса, музыка природы, музыка планеты занимала все мое время. Простуда моя обернулась пневмонией, и я воспринял жар, лихорадку и упадок сил как признаки благодати.

Между тем все решили, что отчисление из колледжа толкнуло меня на самоубийство. Фил и Лаура прилетели в Мидлмонт и участвовали в поисках моих гипотетических останков. Мертвенно-бледный Кларк Даркмунд заявил, что он не только не приглашал меня на семейный отдых на Барбадос, но все зимние каникулы он провел в Хиббинге, штат Миннесота. Полиция прочесала территорию колледжа — безрезультатно. В городе Мидлмонте был проведен опрос жителей — результат почти тот же. Фотография выпускного класса из моего школьного дневника напомнила одному владельцу магазина с Мейн-стрит недавнего покупателя, но он понятия не имел, куда этот покупатель мог направиться после того, как покинул его магазин. Развесив повсюду в городе и кампусе объявления о моем розыске, Гранты вернулись в Напервилль.

Хорст, как обычно, ни на никакие объявления не глядел. Он полагал, что я просто скрываюсь от него. Когда же он наконец удосужился заметить сходство фотографии на объявлении о розыске со мной, он побежал к декану Маканудо. Не прошло и часу, как Хорст возглавил делегацию из представителей местной полиции и медиков скорой по-

мощи, направляющуюся в лес Джонсона. Они нашли меня скорчившимся над покоробленной гитарой, щиплющим две ее оставшиеся струны, и бесцеремонно уложили на носилки.

Увидев наваждение — надо мной склоняется лицо Хорста, обрамленное поднятым воротником своего приталенного пальто, — я спросил:

— Слушай, Хорст, почему мне кажется, что ты меня преследуешь?

— Ты же велел мне остерегаться себя, — ответило наваждение.

Мгновенно ко мне без спросу возвратился рассудок. Вынырнув из забытья, я окинул взглядом растрескавшиеся гниющие стены и груды одеял на полу. Все было одной огромной ошибкой. Хорст казался реальным, а сам я — нет. И место это никогда не было *правильным* местом, за которое я ошибочно принял его.

Первым, кто навестил меня в мидлмонтской «Больнице трех землячеств», был декан Клайв Маканудо, лощеный дипломат, чьи усы в ниточку и речь с придыханием не смогли полностью утаить его ужас перед любыми действиями, которые я либо мои опекуны могли предпринять в отношении администрации колледжа. Мне и в голову не приходило засудить Мидлмонт, как не приходило в голову и Лауре, которая на второй день госпитализации вошла в мою палату. Фила не отпустили с работы, сообщила Лаура, и хотя его отсутствие подразумевало, что мы можем говорить более свободно, тяжесть моей вины делала ее горестное самообладание настоящей мукой. Два дня спустя, когда Лаура поехала в гостиницу Мидлмонта вздремнуть, я выписался из больницы, отправился в центр города, прошел мимо гостиницы, свернул к автобусной остановке — и удрал.

С того самого момента я находился в постоянном движении. Я устраивался в бакалейные лавки, в бары и обувные магазины — туда, где на работе я натягивал на голову

наушники и пытался уговорить незнакомцев купить вещи, им совершенно не нужные. Я жил в Чепэл-Хилле, Гейнсвилле, Боулдере, Мэдисоне, Бивертоне, Секиме, Эванстоне и прочих маленьких городках, о существовании которых вы никогда не узнаете, если только вы родом не из Висконсина или Огайо. (Есть кто-нибудь из Райс-Лейк? Или из Эйзара?) Почти год я провел в Чикаго, но ни разу не ездил ни в Эджертон, ни в Напервилль. Прожив по одному адресу достаточно долго, я умудрился попасть в телефонную книгу, и пару раз меня удивила Стар, которая звонила мне или присылала открытку. Три-четыре раза в год я сам звонил Грантам и пытался уверить их в том, что жизнь моя не кончена. В тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году Фил, в жизни не куривший, умер от рака легкого. Я приехал на его похороны и провел пару дней в своей старой комнатке — подолгу спал и просыпался поздно, вел долгие разговоры с Лаурой. Она казалась еще красивей, чем прежде. Порой мы, обнявшись, горько рыдали о том, чего уже не вернешь. Два года спустя Лаура сообщила мне, что выходит замуж и переезжает на Гавайи. Ее новый муж — адвокат на пенсии и владелец обширных участков земли на Мауи.

Время от времени ко мне подходили незнакомые люди и, взволнованные или расстроенные тем, что обозначались, отходили: подобное случается почти с каждым. На автовокзале в Омахе женщина лет тридцати, завидев меня, отпрянула, схватила за руку стоявшего рядом мужчину и потянула его к выходу с терминала. Через два года в аэропорту Денвера женщина постарше в меховом пальто шагнула ко мне и вlepила пощечину такую смачную, что на багровой отметине от удара проступили стежки швов ее перчатки. На перекрестке у «Петли»* в Чикаго кто-то ухватил меня за воротник и выдернул буквально из-под

* Главный торговый центр Чикаго.

колес такси, а когда я оглянулся, то увидел незнакомого парня в вязаной шапочке. Он сказал: «Мужик, это самое, твой братишка — он смысла». Потрясающе. Еще как-то раз парень, сидевший рядом в баре (даже не припомню, где было дело), сообщил мне, что зовут меня Джордж Питерс и что в Университете Тулейна на его курсе я был временным ассистентом преподавателя.

Порой мне кажется, что всех, кого я в жизни знал, не оставляло ощущение утраты какого-то загадочного, но жизненно важного качества, и что все они хотели найти несуществующее место, которое было бы тем самым *правильным местом*, и что со времен Адама в райском саду жизнь человеческая состоит из мучительных поисков и получения в процессе этих поисков синяков. Накануне моего двадцатипятилетия меня приняли на работу в отдел продаж телефонов только что народившейся компании по производству программного обеспечения в Дерхэме, Северная Калифорния, и я преуспел в делах настолько, что был отправлен на курсы повышения квалификации и вскоре получил должность программиста на полную ставку.

Во всех своих скитаниях я старался держаться подальше от Нью-Йорка — боялся, что «Эппл»^{*} размажет меня по стенке. Через три года после того, как я стал программистом, компания переехала в Нью-Брунсвик, Нью-Джерси. Впервые в жизни у меня появилось немного денег на банковском счете, и как только я приехал в Нью-Брунсвик, на горизонте заиграл огнями Нью-Йорк, маня и зазывая меня на праздник. Каждые два-три вечера в месяц я садился в электричку, приезжал в город и ходил в рестораны или джаз-клубы. Я побывал на посвященном Бетховену творческом вечере пианиста Альфреда Брендела в Эве-

^{*} Корпорация «Apple Computer» — производитель вычислительной техники и программного обеспечения, а также принадлежащая ей торговая марка.

ри-Фишер-холле и на «Missa Solemnis» Роберта Шоу в Карнеги-холле. Я слушал Би-Би Кинга и Фила Вудза и попал на один из последних концертов Эллы Фицджеральд. Со временем я стал возглавлять несколько подразделений фирмы по производству программного обеспечения в Нью-Йорке, а два года спустя после переезда в Нью-Джерси получил более престижную работу, собрал вещи и поехал на праздник.

Я поселился в квартире через дорогу от церкви Святого Марка на Ист-Тенз-стрит, у меня была достойная должность в приличной фирме, и я был счастливее, чем когда-либо прежде в своей жизни. Правильное место оказалось тем самым, которого я всегда наиболее опасался, так что все складывалось не так уж плохо. В мои дни рождения я звонил на работу, сообщал, что не приду в связи с плохим самочувствием, и оставался лежать в постели.

Именно тогда, в разгар моей спокойной и упорядоченной жизни, меня стала мучить тревога о матери.

12

Тревога эта поначалу дала о себе знать как своего рода предчувствие. Через несколько месяцев после переезда в Нью-Йорк я позвонил тетюшке Нетти и спросил, нет ли каких вестей от Стар. Никаких, сказала Нетти, а у тебя? Я ответил ей, что беспокоюсь, и сообщил номер своего телефона.

— Эта девчонка сделана из железа, — сказала Нетти. — Вместо того чтобы волноваться за свою мать, тебе для разнобразия следовало бы поволноваться за себя самого.

Я уверил себя: Нетти обязательно позвонит мне, если случится что серьезное. Нетти обожала всякие бедствия, так что сигнал тревоги выдаст своевременно. А что, если Стар сама не поднимет тревогу и не предупредит тетку? Я снова позвонил Нетти. Она сказала, что мама в Ист-Сити.

— Дает концерты,— дoloжила она,— с двумя старыми жуликами.

Я попросил у нее номер телефона Стар, но Нетти, оказывается, потеряла его, а имена двух старых жуликов припомнить не смогла. Они владели ночным клубом, но и название клуба она тоже благополучно запаматовала.

— Да это и неважно,— сказала она.— Стар даст знать, если ей понадобится помощь, а если что-нибудь стрясется с нами, просить ее не придется — сразу примчится сюда. Она узнает. Данстэны всегда обладали даром ясновидения, и Стар тоже досталось немного. И тебе, кстати, тоже. Я так думаю.

— Ясновидение? — переспросил я.— Это для меня новость.

— Ты просто не слышал байки о своей семье, потому и новость. Говорят, с моим отцом никто не садился играть в карты, потому что он видел, что у других на руках.

— А вы сами-то в эти байки верите? — спросил я.

— Ты бы удивился, узнав о некоторых вещах, в которые я верю,— мягко рассмеялась Нетти.

Однажды ночью мне приснилось, что в доме на Вишневой улице я тихонько забрался в кровать к маме и услышал, как она пробормотала имя или слово, прозвучавшее как «Райнхарт». Частью сна было понимание того, что я сплю, а частью понимания было переживание заново момента из далекого детства. Мои тревоги снова улеглись, хотя нырнувшая в подсознание тревога тотчас всплывала, лишь только я оставался в квартире один, особенно в те минуты, когда я занимался чем-то, что напоминало мне о матери,— например, мыл посуду или слушал записи Билли Холидей. В начале третьей недели мая я попросил разрешения отгулять по семейным обстоятельствам все накопленные больничные*. Мой босс предложил взять столько,

* Количество дней в году, которое служащий может не приходить на работу без объяснения причин отсутствия.

сколько мне требуется, и быть на связи. Я начал набивать спортивную сумку вещами в ту же минуту, как переступил порог квартиры.

Не думаю, что в голове моей тогда имелся конкретный пункт поездки. Мне никогда не приходило в голову, что под давлением беспокойства я возвращался в знакомое с детства состояние самозащиты. И одновременно с этим, как я уже упоминал, я четко сознавал, куда еду и зачем. В тот самый момент, когда Стар садилась в автобус «Грей-хаунд», а я сидел в кабине шестнадцатиколесного автопоезда «Нэйшнүайд пейпер», державшего курс на Флэгстафф, и с удовольствием обсуждал положение афроамериканцев в США с водителем, мистером Бобом Мимсом, мои защитные барьеры рухнули и в жизнь ворвалась действительность. Стар призвала остатки сил, чтобы самостоятельно вернуться домой, и я ехал туда же, чтобы быть с ней рядом в момент ее смерти. Как только Боб Мимс узнал, зачем я еду в Эджертон, он изменил свой обычный маршрут, чтобы довезти меня до мотеля «Комфорт» к югу от Чикаго.

Я битый час безуспешно голосовал на обочине шоссе, потом пошел в отель и взял номер. Был вечер, и все агентства по прокату автомобилей закрылись. В баре отеля я разговорился с молодой ассистенткой окружного прокурора из Луисвилля по имени Эшли Эштон, которая, похоже, приканчивала уже второй стаканчик. Когда она произнесла свое имя по буквам и поинтересовалась, не думаю ли я, что: а) оно вычурно и б) чересчур пикантно для судебного обвинителя,— я решил, что стаканчик перед ней, скорее всего, третий. Если вам, посоветовал я, не по душе ухмылки обвиняемых, услышавших на суде ваше имя, можете ответить той же ухмылкой, зачитывая им приговор. Отличное предложение, сказала она, не хочу ли я услышать еще одно?

Ого, подумал я, три как минимум, и сказал:

— Мне завтра уезжать ни свет ни заря.

— Мне, кстати, тоже. Пойдем отсюда. Если я посижу здесь еще немного, кто-нибудь из этих парней начнет приставать.

Кроме нас в баре сидели: два тяжеловеса с седеющими бородами, одетые в кожаные байкерские жилетки; паренек в футболке с надписью «По паре пива...»; двое парней с массивными цепочками на шеях и наколками, выглядывающими из-под коротких рукавов спортивных рубашек; бледнущий доходяга в дешевом сером костюме, напоминающий серийного убийцу, пришедшего сюда передохнуть от трудов несправедливых. Все они таращились на Эшли, как свора голодных псов.

Я проводил ее по коридорам длиной, как показалось, не менее полумили. Она бросила на меня лукавый вопросительный взгляд, открывая дверь своего номера, и я вошел за ней следом.

— И все же — кто ты, Нэд Данстэн? Извини за нескромность, но одежда твоя выглядит так, будто ты путешествуешь автостопом.

Я рассказал ей вкратце, что узнал о болезни матери в то время, как развлекался путешествиями автостопом.

— Автостоп я еще в детстве полюбил, — сказал я. — Черт меня дернул поехать сейчас. Будь у меня машина, уже вечером был бы в Эджертоне.

— Эджертон? Так и мне туда же! — В глазах ее блеснуло подозрение, затем она поняла, что я никак не мог знать о ее поездке до того, как она сама сообщила мне. — Если мы с тобой утром еще будем разговаривать, я могу тебя подвезти.

— А почему мы вдруг перестанем разговаривать?

— Я не знаю. — Она подняла руки и тревожно посмотрела по сторонам, лишь наполовину притворяясь, что испугана. — Парни терпеть не могут просыпаться утром с незнакомками, разве не так? Или они испытывают отвращение к самим себе, потому что кажется, что женщина

досталась им сшибком легко? Лично для меня это загадка. Я целый год не занималась сексом. Точнее, тринадцать месяцев.

Эшли Эштон была миниатюрной, атлетического сложения женщиной с короткими блестящими светлыми волосами и лицом модели с рекламы курток «Виндфол» из каталога Эдди Бауэра. Годами она силится доказать мужчинам, принимающим ее за смазливую куколку, что на самом деле она талантлива, проницательна и крута.

— Что ж так? — поинтересовался я.

— Полагаю, последствия чудесного бракоразводного процесса с драгоценным супругом. Я выяснила, что он перепробовал половину своих клиентов женского пола. — Иронический огонь полыхнул в ее глазах. — Угадай, чем он занимается.

— Бракоразводными процессами.

Она прижала ладонь ко лбу.

— «Эшли, ты — клише!» Как бы там ни было, я задавала тебе эти вопросы, потому что собираюсь взять свою девичью фамилию. Тёрнер. Эшли Тёрнер.

— Отличная идея, — кивнул я. Скорее всего, ее бракоразводный процесс начался не раньше, чем неделю назад. — Плохие парни сразу перестанут ухмыляться. Но если ты не планировала, что тебя кто-нибудь подцепит, зачем пошла в бар?

— Наверное, я ждала там тебя. — Эшли отвела взгляд, и уголок ее рта чуть искривился. — Сэл и Джимми пригласили меня на экскурсию по любимым барам Синатры. Паренек в футболке с надписью, Рэй, пригласил к себе в номер побаловаться кокаином. У него *куца* кокаина, он везет его во Флориду. Это ж такой крюк, правда? Разве люди не едут во Флориду, чтобы купить наркотик и привезти сюда? А байкеры, Эрни и Чоук, хотели... Ладно, забудем, чего они хотели, но, во всяком случае, звучало это жутко заманчиво.

— Если Рэй хочет добраться до Флориды, ему не стоит тусоваться с Эрни и Чоуком,— заметил я.

Она хихикнула, а затем вдруг как будто расстроилась:

— Господи, ну что за дурацкое настроение...

— Ты развелась совсем недавно, да?

На этот раз она прижала обе ладони к глазам.

— Проницательный какой!..— Она опустила руки и крутнулась на месте.— Я так и знала, так и знала...

Эшли присела на краешек кровати и сняла изящные туфельки.

— Вторая причина моего дурацкого настроения — я чувствую, что процесс мой разваливается. Раз уж я по глупости проболталась... Ты, наверное, слышал о парне, дело которого мы ведем. Он один из эджертоновских знаменитостей.

— Скорее всего, нет,— сказал я.— Я уехал из города совсем мальчишкой.

— Стюарт Хэтч. Денег куры не клюют. Насколько я понимаю, его семья вроде как рулит Эджертоном.

— Это люди не моего круга.

— И слава богу. Не понимаю, как человек, у которого есть все, становится жуликом.— Она деловито расстегнула пуговицы и освободилась от своего костюма в тонкую полоску.

Примерно без четверти шесть утра я вскочил с кровати за мгновение до того, как проснулся. Шестое чувство Нетти работало на полную мощь. Единственной мыслью в моей голове было: то, что угрожает моей матери, уже *стремительно приближается* к ней, и мне надо торопиться в Эджертон. До конца не проснувшись, я пошарил вокруг себя руками в поисках одежды и вдруг увидел обнаженную женщину на смятых простынях. Одна нога ее была согнута, словно в полусаге. Я припомнил имя женщины и положил руку ей на плечо.

— Эшли, проснись, пора ехать.

— М-м? — Она открыла один глаз.

— Уже почти шесть. Что-то случилось... Я должен как можно быстрее попасть в Эджертон.

— Ах да, Эджертон!..— Она открыла второй глаз.— С добрым утром.

— Сейчас буду бить мировые рекорды скорости приема душа, одевания и выписывания из гостиницы. Мне вернуться и взять тебя?

— *Взять* меня? — улыбнулась она.

— Ты еще не передумала меня подвезти?

Эшли перекатилась на спину и потянулась:

— Подожди меня на улице. Жаль, что у тебя плохие новости.

Стремительно принять душ и побриться, натянуть свежие брюки цвета хаки и голубую рубашку, легкий голубой блейзер, кожаные мокасины. Мне предстояло явить себя родственникам, и ради Стар — впрочем, и ради себя самого — я хотел выглядеть прилично.

В надежде, что сборы Эшли займут не более двадцати минут, я протаскил спортивную сумку и рюкзак через вращающуюся дверь, вышел на прохладный утренний свет и услышал окликнувший меня женский голос. В дальнем конце стоянки рядом с ярко-красной маленькой машиной стояла Эшли. На ней был нарядный темно-синий костюм, открывавший стройные ноги, и выглядела она так, будто потратила в два раза больше времени, чем ушло бы у любой другой на то, чтобы привести себя в порядок.

— Копуша,— обозвала меня Эшли.

Она вела машину по почти пустой автостраде на скорости шестьдесят пять миль, колдуя над настройкой радио и позволяя обгонять себя редким дальнобойщикам. Мы не знали, что сказать друг другу. Эшли отыскала университетскую станцию, транслирующую смесь тяжелого би-бопа и чикагского блюза, и оторвала палец от кнопки настройки.

— Ты звонил в больницу перед тем, как разбудить меня? Я сказал, что не звонил.

— Но ты говоришь, что что-то случилось с твоей матерью. В мой номер тебе не звонили, так? Мне, в общем-то, все равно, но...

...но если ты не сообщал, что ночуешь у меня в номере, как же они тебя нашли?

— Наверное, предчувствие.— (Услышав это, Эшли скосила глаза и обожгла меня взглядом.) — А может, просто тревога. Не знаю. Прости, но яснее сформулировать не могу.

Она вновь искоса глянула на меня:

— Надеюсь, с ней все будет в порядке.

— Я рад, что ты сейчас рядом.

— Я тоже,— сказала она.— Знаешь, мне подумалось, тебе стоит как-нибудь отправиться по стране с миссией — дарить надежду впавшим в депрессию женщинам. Ты был настолько тактичен, что мне ничто не показалось спланированным.

— Спланированным?

— Ну, может, я не так выразилась... Моя подружка по юрфаку Мэнди, ты помнишь, из Чикаго...

Навстречу выплыл указатель, возвестивший о приближении заправочной и придорожного ресторанчика. Я сказал:

— Может, остановимся перекусить?

Продолжение истории последовало за завтраком. Оказывается, в баре чикагского отеля подружка Эшли по юрфаку Мэнди угостила меня выпивкой. Когда я подошел к их столику поблагодарить, она предложила мне присесть рядом. Разговор свелся к обсуждению разнообразных причин пребывания в данном конкретном отеле в данный конкретный вечер, и я упомянул, что собираюсь на юг штата завтра к концу дня и, возможно, проведу следующую ночь в другом отеле. К разочарованию Мэнди, я, похоже, проявил больше интереса к Эшли Эштон, чем к ней. Мэнди знала, что на следующий день после работы Эшли поедет на юг. Она завела Эшли в туалет и дала житейский совет. А немного погодя Эшли эдак аккуратненько упо-

мянула об отеле «Комфорт», и я выразил надежду, что она окажет мне любезность и позволит пригласить ее в любое заведение, которое может сойти за бар, если нам посчастливится там встретиться.

— Я сказала Мэнди, что черта с два ты туда приедешь, но она ответила: «Спускайся в бар через час-другой после того, как зарегистрируешься в мотеле, и он тебя найдет». Я сначала даже не поняла, ты ли это! Там, в Чикаго, ты был в костюме, а сейчас — в джинсах. Но чем больше я смотрела на тебя, тем больше убеждалась: это *точно* ты. И ты был так деликатен, будто заехал сюда не только для встречи со мной.

По-видимому, некто весьма похожий на меня, бывший ассистент преподавателя в Тулейне по имени Джордж Питерс или человек, за которого приняла меня женщина в денверском аэропорту, искал партнера для секса, прогуливаясь по вестибюлю чикагского отеля. Никакого другого разумного объяснения я не находил. И в то же время полная невероятность совпадения подняла дыбом волосы у меня на загривке. Если Джордж Питерс, или как там его, преуспел в назначении свидания Эшли Эштон, что же тогда помешало ему прийти?

Оставшуюся часть пути взбодренная кофеином Эшли, удерживая шестьдесят пять миль в час, описывала заодеяния эджертоновского мерзавца-миллионера. Я же издавал междометия, делая вид, что заинтересованно слушаю.

У первого поворота на Эджертон знак гласил: «Эджертон Эллендейл».

— Сюда? — спросила она.

— Нет, следующий,— ответил я.

У знака «Эджертон, центр» маленькая машинка Эшли свернула с автострады. Некоторое время мы ехали мимо холмистых полей по четырехполосному шоссе с разделительной полосой, а потом как-то вдруг, без всякого перехода, замелькали по сторонам ларьки-закусочные, заправоч-

ные станции, мотели и супермаркеты — типичная окраина большинства американских городков. В тот момент, когда мы проезжали мимо рекламного щита, приглашавшего нас в «Эджертон, город с добрым сердцем», спокойный и недвижимый, напоенный солнцем воздух вдруг подернулся дрожащей пеленой-вуалью, будто маревом, а затем снова прояснился.

— Я успею завезти тебя в больницу, если тебе туда,— сказала Эшли.

Зажегся красный свет на светофоре у перекрестка рядом с двумя трехэтажными офисными кирпичными зданиями, парковкой и баром под названием «Прогулка в никуда». Под табличкой с названием улицы треугольный зеленый знак указывал направление к больнице Святой Анны.

— Кажется, нам туда,— сказал я.

Проехав четыре квартала, мы остановились у входа в госпиталь. Я сказал:

— Эшли...

— Не надо. Тебе некогда видеться со мной. Надеюсь, твоя матушка поправится. Если ты хотел спросить, где я остановлюсь,— отель «Мерчантс».

Она сидела в машине, пока я доставал из багажника вещи. Я подошел и наклонился поцеловать ее на прощание.

Женщина в справочном сообщила мне, что пациентки по имени Стар Данстэн нет, зато в отделение интенсивной терапии поступила Валери Данстэн. Она выдала мне зеленую пластиковую карточку-пропуск и подробно объяснила, как повернуть направо после кафе, подняться в лифте на третий этаж и далее следовать указателям.

Оцепеневший от ужаса, я блуждал по унылым больничным коридорам, пока медсестра не подвела меня к вращающимся дверям. Сбоку на стене висел указатель: «Отделение интенсивной терапии». Повинуясь приказу на табличке над раковиной, я вымыл руки, затем толкнул перед собой еще одну вращающуюся дверь, втолкнул свой багаж в длин-

ное, слабо освещенное помещение с боксами — закрытыми белыми пологам койками, стоявшими по окружности, в центре которой располагался ярко освещенный центральный пост,— и подошел к конторке дежурной. Сидевшая передо мной сестра окинула меня скорым оценивающим взглядом, каким детектив супермаркета определяет магазинного вора. В самом дальнем конце комнаты перед одной из коек стояли тетушки Нетти и Мэй. Они показались мне еще более грузными, чем в последнюю нашу встречу, а их волосы стали полностью седыми и сказочно сияющими.

Сестра подкатилась вместе с креслом на полдюйма ближе к конторке и спросила:

— Чем могу помочь?

Незамедлительный и бессловесный обмен взглядами дал мне понять, что не удастся и шага ступить без ее высочайшего соизволения. Бэйджик с именем, прищипленный к свободного покроя зеленой униформе, гласил: «Л. Цвик, д. м.*».

— Данстэн,— сказал я.— Стар Данстэн. Простите — Валери.

Голова сестры склонилась над доской с именами пациентов:

— Пятнадцатый бокс.

Навстречу мне уже спешила Нетти.

13

МИСТЕР ИКС

О Великие Сущности и Неземные Прародители!

За несколько дней до того, как вокруг меня должны были сомкнуться тюремные стены восьмого класса училища, мне удалось получить передышку на заросшем травой лес-

* Дипломированная медсестра.

ном лугу, полого поднимавшемся, а затем сбегавшем к незнакомой мне дороге. По обоим краям дуга к той дороге тянутся леса. Между верхней точкой дуга и гребнем леса стоял на три четверти развалившийся заброшенный дом из кирпича и камня. Из груды каменных блоков вздымался очаг. В самом дальнем углу развалин еще один дымоход и закопченная стена поддерживали остатки крытой черепицей крыши, нависавшей над уцелевшей частью дома. Дальше уже голые балки свисали над кирпичным крошевом. В тот самый миг, как я увидел эти развалины, «крючок» в моих внутренностях сделал такую мощную подсечку, что я едва не свалился, и голос откуда-то изнутри загудел: «Ну, *наконец-то!*» Или что-то похожее. А может: «Ты *здесь!*» Как бы там ни было, могущественный голос поведал мне, что время для серьезных дел пришло.

Я понял, что сейчас моя обязанность — осмотреть мою собственность, чтобы, так сказать, «вступить во владение». И я отправился в обход по периметру развалин, подмечая, как пробилась меж камней трава, как огонь обжег рассыпанные повсюду кирпичи до цвета пережаренного тоста, как проступившая вода обозначила контуры подвала. Я видел гибельную работу разрушения в последних усилиях гниющих балок и в эрозии черепицы. А перед фасадом дома каменная кладка высотой до самой крыши тянулась примерно футов на двадцать от очага. Глубокие проемы обозначали окна второго и третьего этажей. Под ними, примерно на уровне моего подбородка, ровные оконные арки, заляпанные птичьим пометом, глазели из пространства, бывшего когда-то гостиной. Я опустил трясущиеся руки на засыпанный песком оконный брус и заглянул внутрь.

В замкнутое с двух сторон пространство в три этажа высотой лился свет. Поблескивая в его лучах, мельчайшие частички пыли оседали на цементный пол, который был покрыт осыпавшейся штукатуркой, сломанными трубами и обугленной древесиной. Здесь и там сквозь трещины в полу пробивалась трава. Отпечатки лап пятнали толстый,

усеянный перьями слой пыли. С другой стороны темнела стена леса. Я подпрыгнул, обеими руками ухватился за дальний край оконного бруса и, извиваясь, корчился до тех пор, пока не дотянулся ногой до ровной каменной тверди. Затем я спустился на пол и впервые ступил на территорию унаследованных мной владений.

Или: унаследованные мной владения вошли в меня.

Вам, читающим на страницах записной книжки от «Буром и Пиз» или дневника эти строки, начертанные той же надежной авторучкой «Монблан», из-под пера которой в былые дни вышли мои черновые наброски воспитательных посланий к миру, — вам уже известна значимость полуразрушенного дома для Вашей Великой Расы. Именно внутри той самой священной двухсторонней замкнутости Великие Старейшие наполнили мои ранние муки и унижения спасительным величием Готовности. Старшее Божество заговорило, и я узнал Все. Голос Его был низким, чуть охрипшим, доверительным, усталым от бремени многовековой власти, но грозным и повелительным. Познал я и радость от того, что мой Неземной Отец, чья Истинная Личность мне до сих пор неведома, донес до меня самую суть Великой Миссии, ради которой я был отправлен на Землю. Роль моя стала ясна, Природе моей было дано Объяснение. Наполовину человек, наполовину бог, я был первым событием в цепи событий, я был началом Пути, и миссией моей было Истребление. После меня — Апокалипсис, торжественный выход сквозь разодранные небеса моих кожистых, когтистых, крылатых, алчных и прожорливых Прародителей — Старших Богов, потом уничтожение человечества и Ваше так долго ожидаемое повторное вступление во владение планетой Земля. Я перелез через остатки каменной кладки, добавил свой след к отпечаткам следов зверей, пробегавших здесь, и *со мной заговорили*. По причине моей собственной тленности я должен быть направ-

ляем во времени вероломной тенью, и *разрешить эту проблему — моя обязанность*. (В несказанно приятных взору окрестностях военного училища «Фортресс», что в Оулсберге, штат Пенсильвания, мне надлежало услышать еще больше.) Вы, о Великие Старейшие мои, *рассчитывали на мои усилия*. Могущественный Голос возвестил: «Мы — дым, струящийся из пушечного жерла». Мне очень полюбилась эта фраза, она говорила о неумолимости грядущего разрушения, дарованного мне Священной Миссией. Фраза стала моим талисманом, я непрестанно повторял ее про себя: «Мы — дым, струящийся из пушечного жерла». Слова эти вдохновляли меня и придавали сил. Мне сообщили, что предназначавшиеся только для меня особенные удовольствия я обрету *по завершении моей Миссии*. С другой стороны, в незначительных удовольствиях, а именно тех, что имеют привлекательность для юноши, каковым я являюсь, отказа не будет. В разгар *нескончаемых страданий* грядущее обещало мне в скором времени немало забав.

Разумеется, мне бы удалось улизнуть целым и невредимым, если б я убил Морин Орт, а именно это я и собирался сделать, поскольку никаких мыслей о сексе в голове тогда не держал. Единственная причина, по которой я попал в историю, заключалась в том, что девчонка добралась до дому живой. Ее чувство юмора испарилось уже через минуту после того, как я связал ее. И не собирался я ее убивать *в лесу* — я намеревался сделать это *в развалинах*.

Я хотел видеть, как распахнутся близко поставленные глаза Морин, когда я взгляну на случайно залетевшего голубя, останавливаю его сердце и он покатится с насеста вниз. Я хотел усилить эффект, объявив о своем намерении воспарить на восемь дюймов над полом и зависнуть в воздухе, скажем, до счета «десять», хотя от усилий, которые потребовались бы для этого, пот катился бы градом, проступая из каждой клеточки моего тела. Я был уверен, девчонка заявила бы: «Врешь ты все, никому такое не под силу». После чего я хотел увидеть, как изменится выражение ее не-

красивой мордашки, когда она поймет, что ошиблась. Я горел нетерпением изумить мою трогательную крошку еще кое-какими трюками — перед тем, как убью ее.

В последующее время я был не в силах совладать с собой, да, сознаю, что был чересчур импульсивен, и несколько отчаянных девиц неосмотрительно дали согласие составить мне компанию для прогулок в лес, чтобы окончить свои никчемные жизни на полу моей «аудитории». Мне стоило больших трудов предать их тела земле, хотя я мог этого и не делать, оставив тела разлагаться. Поисковые партии обходили развалины стороной. Как бы там ни было, подобную разновидность эксгибиционизма я перерос к тому времени, когда меня выпшвырнули из училища.

14

МИСТЕР ИКС

По сути своей закрытые учебные заведения все на одно лицо. В особенности для того, кто есть дым из пушечного жерла и всегда заканчивает тем, что его выгоняют из одного жалкого гадюшника, потом из другого, третьего... Настоящее военное училище, старое доброе «Фортресс», что в Оулсберге, Пенсильвания, куда отец отправил меня в последнем приступе раздражения и отвращения, пришлось мне по душе гораздо больше, чем гражданские школы. Отец поставил меня в известность, что мой провал и в этом спасительном заведении повлечет за собой полное крушение: не будет никаких месячных перечислений на мой счет, никакого наследства, ничего, — таким образом, он вынудил меня работать достаточно усердно, чтобы окончить курс обучения. Мне же весьма по душе пришлось холодное фашистское великолепие униформы. Поскольку я поступил сразу на старший, или кавалерийский, курс, одной из моих обязанностей было «строить» младших курсантов, обучающихся на курсах артиллерийском и интендантском, а в особенности — пехотном, укомплектованном

плотно, как сардины в банке, запуганными четырнадцатилетними пацанами, изо всех силенок отчаянно старавшимися ублажить своих повелителей. Нам *вменялось в обязанность* доводить этих детей до состояния покорных мурашек, а их обязанностью было принимать все без единого протеста или жалобы.

В этом заведении я провел один из счастливейших годов своей юности. Как только я понял правила игры, я выжил соседа по комнате, такого же изгнанника средней школы, как и я сам, по имени Скуайерс, — его болтовня истощила мое терпение к концу первого же дня нашего знакомства. После этого в шикарном одноместном номере я был волен делать все, что вздумается. И меня абсолютно не трогало то, что вследствие отказа родителей принимать меня дома я проведу здесь каникулы на День благодарения или Рождество.

Единственный звоночек, напомнивший о грядущих трудностях, прозвенел в начале марта, когда мой преподаватель математики и командир подразделения капитан Тодд Скуадрон отвел меня в сторону и объявил, что сегодня в девять вечера зайдет ко мне. Новость эту я воспринял с тревогой. Капитану Скуадрону — уставнику, образцовому представителю регулярной армии — я как будто понравился с первого дня своего здесь пребывания, но потом он стал относиться ко мне с прохладцей и даже отчужденностью. Порой я со страхом думал, что он видит меня насквозь. Я надеялся, что он не обсуждал мое «дело» со всевидящим «дредноутом» майором Одри Арндт, которую я всеми способами старался избегать. Еще одна возможность тревожила куда больше. Как только он заявился ко мне в комнату, я почувствовал, что оба вопроса — первый, не такой значительный, и второй, определенно угрожающий, — были у капитана на уме.

Я отдал честь и стал по стойке «смирно». Капитан Скуадрон буркнул «вольно» и жестом указал мне на койку. К его странной настороженности и выжидательной подозритель-

ности добавлялась отчужденность, которую я в последнее время чувствовал в нем. Когда я уселся на койку, Скуадрон прислонился к шкафчику и долго смотрел на меня сверху вниз, явно намереваясь лишить мужества.

— Что с вами происходит, курсант?

Я спросил, что он имеет в виду.

— Вы ведь не такой, как все, а?

— Разрешите расценить это как комплимент, сэр.

— Могу привести пример того, что я имею в виду, прямо здесь и сейчас. После приема на пехотный курс выясняется, что большинство новичков — пустое место. — Он одернул форменный пиджак, расправляя складки. — Каждый из них повыгоняли из столько школ, что у их родителей осталась последняя надежда отрехтовать, так сказать, сынков здесь. И даже несмотря на то, что большинство из них недостаточно смышлены, все они считают себя умнее, чем есть на самом деле. Буквально каждый из них имеет большие, очень большие проблемы с властями.

— Только не я, сэр, — вставил я. — Я власть уважаю.

Он бросил на меня злобный взгляд:

— Я искренне советую вам перестать валять дурака, курсант.

Все мы здесь назывались курсантами, независимо от того, на каком курсе числились. Я уж было собрался ляпнуть: «Сэр, понятия “курсант” и “валять дурака” несопоставимы, сэр», но вовремя прикусил язык.

— На нашу долю выпал нелегкий труд заставить этих безмозглых бунтарей взяться за ум, и мы делаем это так хорошо, насколько возможно. Как правило, сорок—шестьдесят процентов из них держится до следующего года обучения. Если они попадают на курс артиллерии, шансов вбить им в головы хоть немного здравого смысла остается пятьдесят на пятьдесят. Ну, а на кавалерии это уже вообще пустой номер. Все, что нам остается, это сконцентрироваться на том, чтобы выучить их стоять по стойке «смирно» и отличать левую ногу от правой на строевых заняти-

ях, и мы тянем их за уши весь курс до тех пор, пока они не выметутся отсюда к чертовой матери.— Капитан переломился пополам, как тряпичная кукла, подтянул шнурки на ботинках и резко выпрямился.— Будь моя власть, я бы запретил переводить студентов откуда-то из других заведений на курс кавалерии. В восемнадцать лет уже слишком поздно адаптироваться к нашему жизненному укладу.

Скуадрон повернулся, чтоб взглянуть в зеркало над моим комодом, и снова несколькими точными движениями тщательно одернул и пригладил китель. Вскинув подбородок, он внимательно исследовал результат.

— Эти сопливые клоуны все поднимают на смех, и мне приходится тратить уйму времени на то, чтобы достучаться до их сознания любыми способами, которых в моем распоряжении немало, и потешаться над этими способами я не позволю.— Он поймал мои глаза в зеркале.— Могу заявить, что у меня стопроцентная вероятность успеха в выполнении этой конкретной миссии. Возможно, тупицы были крайне далеки от реальной возможности стать солдатами в момент, когда покидали училище, однако даю вам твердую гарантию: они в это верили.— Капитан все еще смотрел мне в глаза.

— Я поверил в это в ту самую минуту, как прибыл сюда,— сказал я,— сэр.

Скуадрон развернулся и, прямой как палка, спиной прислонился к шкафчику. Круглое, грубо скроенное лицо капитана портил сломанный нос, который делал бы его похожим на бойца, если бы не размер этого носа на его словно усохшей голове.

— А вам я вот что скажу: вы меня одурачили.

— Сэр?

— Вы заставили меня думать: этот курсант заставит вас пересмотреть свои позиции в отношении правил приема в училище, капитан! Через пару дней он отдает честь до того рьяно, аж дух захватывает. Содержит свою форму в таком порядке, как выпускник Уэст-Пойнт. Через неде-

лю он назубок знает устав и «Звания и традиции». Почтителен и всегда готов к занятиям. Случился, правда, казус с соседом по комнате, но с кем не бывает... Да, курсант Скуайерс болтун несусветный, которого следует селить только с глухонемым. Новенький курсант подошел по всем статьям, едва ступил на плац, и стал ценным пополнением своего курса. Вы только посмотрите, как он гоняет этих наглецов из пехотного! Да он, черт побери, настоящий самородок! Вы понимаете, что это за молодой человек? — Он оттолкнулся от комода, воздел руки и вперил взгляд в потолок.— Этот молодой человек — прирожденный офицер!

— Рад стараться! — рявкнул я.

Капитан Скуадрон, чуть отклонившись назад, снова привалился к шкафчику и сунул руки в карманы. Четкая линия недавно постриженных волос изгибалась над крахмальным воротничком его желто-коричневой форменной рубашки. Темная щетина на голове и маленький изогнутый нос делали его похожим на заправщика бензоколонки.

— Нет, ты — произведение искусства, а? — Он улыбнулся так, будто собрался кому-то врезать по лицу.

— Что-то я не пойму, сэр...

— Сколько у тебя здесь друзей? Приятели хотя бы есть? Я назвал имена пары олухов из моей группы.

— Когда последний раз ты со своими дружками ездил на автобусе в город, ходил в кино, покупал бургеры, и все такое?

Вопрос подразумевал то, что ответ ему известен заранее. Покидать территорию в увольнении нам было разрешено только в составе группы. Как-то раз я поехал на автобусе в Оулберг, поглядел на серые улицы и тут же повернул обратно.

— Выходные я стараюсь посвящать учебе.

Он качнулся назад и снова улыбнулся:

— Я склонен думать, что друзей у тебя нет, а интерес в их приобретении нулевой. И на День благодарения домой не ездил, да? И на рождественские каникулы?

— Вы же знаете, что не ездил, сэр.— Меня начала раздражать театральность капитана.

— Рождество очень большой праздник. Редко кто из курсантов не уезжает домой на Рождество.

— Я уже объяснял,— сказал я.— Родственники пригласили меня на Барбадос, но я остался здесь готовиться к выпускным экзаменам.

Его ухмылка напомнила волчий оскал.

— Может, спустимся в холл, и я позвоню твоим родителям, задам пару вопросов?

Он и на этот раз знал правду. Скуадрон покопался в моем личном деле.

— О'кей,— сказал я, кляня себя за то, что поддался искушению цветистой лжи.— Если б я ладил со своей семьей, добился бы я успехов здесь? Ведь нелегко признаться в том, что родители ненавидят тебя так, что не хотят видеть дома даже на Рождество.

— Почему же это они ненавидят собственного сына?

— Мы поссорились.

Он опять поднял глаза к потолку:

— Твое поведение произвело на меня глубокое впечатление, и я задался вопросом, каким же образом такого молодого человека, как ты, попросили уйти из нескольких начальных школ. Из пяти, чтобы быть точным. Никак не вяжется с тем, что видел я. Пришлось заглянуть в твое личное дело.— Он посмотрел на меня с самодовольным вызовом.— И будь я проклят, если нашел там что-то, кроме полного тумана.

— Тумана, сэр?

— Отговорки. «Дурное влияние на школу». «Агрессивное поведение». «Представляет угрозу». Чушь собачья. Ни один из этих болванов не снизошел до подробных деталей. Как ты думаешь, какой я сделал вывод?

— Стыдно признаться, но, наверное, поведение мое можно расценить как хулиганское,— сказал я.

Он сделал вид, что не слышал.

— Вывода я сделал два. Судя по записям, твои нарушения дисциплины исключали возможность приема на учебу куда бы то ни было, кроме государственных исправительных учреждений. Однако тебе ничего не могли вменить в вину, поэтому избирали самый легкий путь и просто-напросто исключали.

— Я не думаю...

Рука его поднялась как стоп-сигнал.

— В этом году по собственному желанию отчислено пока что шесть курсантов с пехотного, обычно же за такой срок уходит от силы двое. Почти все шестеро ушли по состоянию здоровья, через лазарет. Ну прямо какая-то эпидемия — переломанные кости. Как правило, раз-два в год кто-то из курсантов ломает руку. Теперь же раз в неделю мы имеем сломанные пальцы, запястья, руки. Контузии. У одного мальчишки обнаружили внутреннее кровоизлияние вследствие разрыва селезенки. Как это его угораздило? «Нога подвернулась, и я упал на лестнице». А затем последовал случай с курсантом артиллерийского Флетчером. Ты ведь знал его, не так ли?

— До некоторой степени,— ответил я, имея в виду, что «некоторая степень» нашего знакомства очень необычна. Эта тема была чрезвычайно серьезной, и я надеялся, что капитан Скуадрон не затронет ее. Скромный, похожий на школьника паренек со свежим розовощеким лицом в круглых роговых очках, Флетчер обогатил мою жизнь и погубил свою благодаря роковому дружескому жесту.

В четверг экзаменационной недели, предшествовавшей рождественским каникулам, я увидел его, с головой ушедшего в книгу за длинным столом библиотеки. Курсанты по обеим сторонам стола тоже занимались, перед ними высились целые стопки книг, и лишь во второй раз взглянув на ребят, я понял, что именно привлекло мое внимание к Флетчеру. Все строчили конспекты, заглядывая в тома военной истории, Флетчер же развлекался, уделив все

внимание тому в яркой обложке, явно художественного содержания. Движимый инстинктом, до поры не понимая, в чем дело, я прошел мимо стола и разглядел название книги — «Ужас в Данвиче»*. Сочетание названия и зловещего оформления обложки тотчас поразило меня, причем эффект воздействия был сродни той самой силе — разве что в меньшей степени, — что первый раз повлекла меня в лес Джонсона. Я должен был заполучить книгу. Это моя книга. Битый час ерзал я на стуле, делал бессмысленные записи и приглядывал за Флетчером.

Когда он поднялся, я собрал со стола свои вещи и устроился за ним. Да, сказал Флетчер, он будет рад дать мне почитать книгу после того, как прочтет сам. Он дал мне ее полистать, упомянув, что она «просто жуткая». Флетчер и понятия не имел, насколько точным был его отзыв. Брошюрка трепетала и пульсировала в моих руках. Словно я держал колибри.

В течение следующего дня почти половина курсантов — те, что сдали экзамены, — волнами разъезжались на родительских машинах. Последний экзамен, химию, Флетчер сдал в субботу в то же время, что и я — военную философию. Флетчер, однако, думал, что я уже уехал домой, и в половине шестого вечера в пятницу по пути в столовую зашел в мою комнату, не постучав. И, так сказать, застукал меня.

До моего водворения в военное училище «Фортресс» мои героические усилия тайно продолжать «настоящее» обучение оставались досадно вознагражденными. Я крайне нуждался в уединении, но даже тогда, когда удавалось

урвать для этого час-другой, все мои потуги продвигали меня к прогрессу черепашьями шагами. Теперь-то я понимаю, что это тревожное и утомительное затишье зависело от физического развития. Эволюционный скачок добавил моему телосложению двадцать фунтов весу и три дюйма росту, прежде чем я был допущен к занятиям строевой подготовкой, и к тому моменту, когда в комнату влетел курсант Флетчер со священной книгой в руках, я как раз делал свои первые робкие шаги Неподвижного Движения — не знаю, как это назвать правильно: когда ты исчезаешь из одного места и возникаешь в другом.

К нынешним рождественским каникулам я преуспел в том, что научился переносить свое тело на расстояние четыре фута от края койки к стоящему у стола стулу посредством утомительной интерлюдии, в процессе которой я не находился ни на койке, ни на стуле, а одновременно в обоих местах; то есть я преуспел, но не до конца. Как бы там ни было, трудно сказать, что конкретно увидел Флетчер, когда ввалился ко мне. Даже не представляю. Живот мой скрутило, в череп словно вбивали рельсовый костыль. А то, что удалось разглядеть внутри этого кошмара, усугубило мои страдания чрезвычайно. Два курсанта в форме влетели в две разные двери. Блистающее облако света и мои физические муки показали мне посягателя или посягателей лишь в форме силуэта в тот момент, когда он резко остановился либо они остановились.

С койки я видел одного из них застывшим на пороге открытой двери. Со стула, в чуть более прозрачной перспективе, я мог разглядеть верхнюю половину туловища фигуры в форме, неподвижно стоявшей рядом с темно-зеленой створкой двери. С обеих позиций была видна яркая обложка книги в руках гостя, и оба моих «я» — на койке и на стуле — почувствовали острую потребность в этой книге. Наша попытка отдать приказ курсанту стоять на месте прозвучала не громче шипения иглы звукоснимателя по пластинке на 78 оборотов. А сам курсант при всем своем

* Название сборника рассказов Говарда Ф. Лавкрафта (1890–1937) — американского прозаика и поэта, одного из ведущих авторов «литературы ужасов» XX века, оказавшего огромное влияние на плеяду американских писателей. Лавкрафтианские мотивы пронизывают буквально весь роман Страуба; психология, поведение, образ мыслей одного из главных героев книги, Мистера Икса, даны как отражение в реальном мире оккультных построений Лавкрафта, которые писатель использует в большинстве своих сочинений.

желании двигаться не смог бы — его ноги буквально приклеились к полу.

Бесконечную секунду спустя я сидел рядом с ошеломленным курсантом Флетчером, в то время как яркие блестящие искры оседали и гасли на полу — больше всего их было вокруг изножья моей койки. Я был абсолютно гол и, несмотря на горячечную агонию головной боли и смятение в животе, умышленно не скрывал буквально каменную эрекцию, которая зовется у нас в «Фортгресс» «вороненой сталью». Рот курсанта артиллерийского курса Флетчера как распахнулся на пороге, так до сих пор и оставался открытым, взгляд остекленел. Наконец он посмотрел на меня, затем — туда, где я мгновение назад сидел. Запах, напоминающий вонь паленой проводки, висел в комнате. Я потянулся и, достав дверь кончиками пальцев, закрыл ее.

Курсант Флетчер оторвал безжизненный взгляд от меня, перевел его на койку, затем вновь посмотрел на меня.

— М-м-м... — Он вспомнил, зачем пришел. Трясущаяся рука с книгой протянулась ко мне. — А я думал... Я хотел... Глаза курсанта Флетчера опустились на мой член.

Я вытянул книгу из его пальцев. Эрекция моя — с точки зрения завистливой старости — достигла выдающихся размеров.

Флетчер не сводил глаз с моего рычага.

— Э-э... Я не... Понимаешь, я не... — Вскинув голову, он встретился со мной глазами. — Когда я вошел, я, честно говоря, не понял, что происходит, все поплыло перед глазами... Может, поплохело вдруг. Жарковато у тебя. — Он снова опустил взгляд. — Ладно, забирай книгу, я пошел на ужин.

— Никуда ты не пойдешь, — сказал я.

Он попятился к двери. Положив книгу на стол, я поднялся, схватил его за локти и оттянул в сторону.

— Господи, — охнул он. — Мне же влепят наряд вне очереди за опоздание в столовую, но если ты хочешь «Мэри», то так и быть, могу тебе помочь.

«Мэри», или «пятипалая Мэри», на курсантском сленге означало мастурбацию. Он рассчитывал выторговать свое

избавление от того, что могло быть у меня на уме. А у меня на уме ничего не было, за исключением одного: из комнаты он не должен выйти живым. Моя уздечка скользнула по шершавой ткани его мундира, оставив прозрачный блестящий след — будто след улитки.

— Только на форму не надо. — Флетчер сделал шаг в сторону, взялся рукой за мой член и не без нежности задвигал его вверх-вниз, словно доил корову. Я обхватил левой рукой его талию, а правую опустил ему на плечо.

— А что это были за искры?

— Потом объясню, — сказал я.

— Плевать на наряд. Потом — ты мне, ладно?

— С удовольствием, — сказал я.

О лживые обещания похотливых мальчишек! О глупые юные создания, верящие этим обещаниям!

Колени мои крепко сжались, спина напряглась. Сливающие брызги, перелетев через десять футов комнаты, вцепились в оконное стекло. Курсант Флетчер заулюлюкал, шаловливо нацелил меня в потолок и задвигал рукой энергичнее. Ленточка цвета растаявшего мороженого стремительно взметнулась вверх и ударила в штукатурку. С почти научным любопытством он наблюдал за тем, как поток жидкой капицы стекал по его пальцам на пол.

— Ни фига себе!

Я отпустил его талию, он отпустил меня. Лицо его зарделось. Покопавшись, Флетчер расстегнул молнию на своих брюках и запустил в ширинку руку.

— Спасибо за книгу, — сказал я, впервые с начала моих экспериментов в развалинах дома зная, что могу заморозить человеческое сердце, и послал сосульку в сердце Флетчера. Так, с рукой в ширинке, он и рухнул на пол замертво.

Что бы я ни решил сделать с его телом, нужно было подождать до начала комендантского часа. Я засунул труп под койку и надел форму, затем полотенцем вытер следы на полу и окне. Встав на стул, промокнул пятно на потолке. Затем устроился читать.

Должен признаться: экстаз — это гораздо более глубокое чувство, чем сексуальное удовлетворение. Прочитать самые потаенные подробности того, что я сам достоверно знал о мире и о самом себе,— открытым текстом, в стройных линиях строчек уже на вступительной странице. Более того, узнать, что этот мудрец, этот провидец (живший в Провиденсе, на Род-Айленде, как упоминалось во взбесившей меня своей небрежной поверхностностью аннотации на отвороте обложки) проник в Тайну куда более глубоко, чем я. Необходимо было сделать определенные допущения, поскольку мудрец решил преподнести свои знания в беллетристической форме. Но он подтвердил и истоки моей Миссии, и природу моих Прародителей. Он назвал их славные имена: Ньярлатхотеп, Йог-Сотот, Шаб-Ниггурат, великий Ктулху.

«Ужас в Данвиче» стала моей Книгой Бытия, моим Евангелием, моим гнозисом. С изумлением и радостью я прочел ее, потом перечел еще раз. Чтение прервали лишь однажды — соседи курсанта Флетчера, пучеглазые будущие ротарианцы* Вудлетт и Бартленд, вылетевшие ко мне без стука и так же быстро вылетевшие обратно. Прежде чем жадно проглотить книгу в третий раз, я поднял голову и заметил, что за окном темно. Было три часа ночи. С неохотой закрыв обложку, я вытянул труп из-под койки, приволок его к колоннаде, выходявшей на плац, перевалил через бортик и столкнул вниз. Падение с четвертого этажа, подумал я, то что надо. В спешке я забыла вытащить руку Флетчера из ширинки.

Именно эту тему, надеялся я, капитан не затронет.

— «До некоторой степени», говоришь,— сказал Скуадрон.— И другом тебе он не был.

— Вы же сами сказали, у меня нет друзей.

— Вы с ним никогда не коротали время, не вели задумчивых бесед, так?

* Члены Ротари-клуба — клуба для представителей элиты.

— Что-то не припомню,— покачал головой я.

— Курсант артиллерийского курса Флетчер привлек чрезвычайно пристальное внимание крайне нежелательного толка к нашему заведению.

Очевидное самоубийство курсанта «Фортгресс» привлекло внимание властей и общественности, и, хотя аутоэротический аспект суицида нигде официально не фигурировал, факт того, что правая рука Флетчера была в позиции «Мэри», мгновенно стал достоянием всего училища и расположенных поблизости окрестностей, вызвав потрясение, неприязнь и скабрезное недоумение. Он прыгнул навстречу смерти, занимаясь *этим*?

Вскрытие лишь сгустило тайну. Флетчер умер в результате тяжелого сердечного приступа, но не от переломов, вызванных падением с колоннады. Он не только был мертв до того, как его тело ударилось о землю,— смерть наступила в период между шестью и двенадцатью часами, то есть прежде, чем один или несколько злоумышленников сбросили его на плац. И вновь в училище нагрянули полиция и пресса. Всех, кто был в расположении «Фортгресс» вечером в пятницу перед рождественскими каникулами, в том числе и меня, допросили и передопросили в попытке выяснить, где находился Флетчер в момент своей смерти, где укрывали его тело в течение нескольких часов и кто столкнул его вниз. Следы спермы запоздало были обнаружены на мундире, и из этого родилась широко распространявшаяся версия, что курсант умер в разгаре «секс-вечеринки», а его преступные партнеры прятали тело до того момента, когда им удалось от него избавиться в расчете списать все на самоубийство.

Администрация «Фортгресс» громогласно заявила, что половые извращения строжайшим образом запрещены сводом законов чести устава училища. Последней попыткой администрации замять скандал стало заявление о том, что некий посторонний развратник пристал к курсанту артиллерийского курса Флетчеру по пути в столовую и си-

лой завлек его в отдаленный угол территории училища, где аморальные заигрывания маньяка вызвали у несчастного сердечный приступ, после чего злодей затаился, пока ему не удалось таким образом распорядиться телом жертвы, чтобы тень пала на невиновных. Курсант Флетчер покори́лся смерти, но не бесчестью, и училище приняло решение учредить в его честь Кубок Мужества, который будет вручаться в день ежегодной ассамблеи курсанту артиллерийского курса, который более всего Заслуживает Быть Примером Следования Ценностям, Изложенным в Кодексе Чести. Когда эта чушь одержала победу, я рассудил, что все сложилось для меня как нельзя лучше. История давно исчезла из газет, и уже в течение месяца ни полиция, ни репортеры не показывались у нас. Единственным существенным результатом расследований стало исключение печально знаменитого и чрезвычайно популярного на кавалерийском курсе типа, который, будто показывая размеры пойманной рыбы, разводил руки на определенные расстояния при упоминании имен других курсантов.

— Любопытная деталь: выходит так, что ты был последним, кто видел Флетчера живым,— продолжил Скуадрон.

Я помотал головой, демонстрируя изумление и неверие.

— Курсант говорил своим соседям по комнате, что он, мол, пошел в столовую, да, кстати, по пути надо бы заскочить к тебе, оставить книжку, которую ты просил почитать, а то вдруг потом забудет, ну ладно, увидимся за ужином, пока... Он заявляется к тебе в комнату, видит, что ты не уехал, и вручает книгу. Так было дело?

— Он был заботливым парнем,— проговорил я.— Он хотел оставить книгу, чтобы я нашел ее, когда вернусь с каникул.— Я разгладил ладонью складку на одеяле.

— А в библиотеке ты взять ее не мог?

Сколько раз меня допрашивали, но мысль о книге никому в голову не приходила. Уже одно то, что мысль эта пришла в голову капитану Скуадрону, казалось угрозой.

— В нашей библиотеке ее нет... Это сборник рассказов.

Я разгладил еще одну несуществующую складку.

— Какого рода рассказов?

— Я не знаю, как бы охарактеризовали их вы, сэр.

— Дай-ка взглянуть.

Я подошел к столу и открыл верхний ящик. Омерзительное видение скуадроновских пальцев, оскверняющих священный текст, вдруг затопило мой рассудок. Достав книгу, я показал обложку. Капитан прищурился:

— Не слышал о таком писателе.

— Я тоже.

Я положил книгу на стол и, избежав одновременно и осквернения, и опасности, ощутил чувство огромного облегчения, заставившее гулко забиться мое сердце. Когда я снова обернулся на Скуадрона, он, хмурясь, тянул ко мне руку.

— Я думал, вы хотели...

Он сделал пальцами манящий жест.

Я вложил мое сокровище в поджидавшую его лапу.

— Вы, мальчишки, считаете, что эти глупые трюки могут задурить кого угодно, но мы все это уже проходили.— Открыв книгу, капитан стал резко переворачивать листы. Не отыскав в ней картинок с голыми женщинами, он прижал большим пальцем оставшиеся страницы и быстро пролистал их.— Что-то ты очень уж дергаешься. Неужели здесь ничего такого нет?

Взяв книгу за обе половинки обложки, он раскрыл ее, перевернул и потряс. Ничего не выпало.

Скуадрон бросил книгу на комод и снова привалился к шкафчику:

— Почему ты в тот вечер не ходил на ужин?

— Есть не хотелось.

— Парни в твоём возрасте есть хотят постоянно. Ну да ладно, оставим. Как сам-то думаешь, что случилось с курсантом Флетчером?

— Я думаю, начальник училища абсолютно прав, сэр. Какой-то бродяга наскочил на него между казармой и сто-

ловой, и курсант так напутался, что умер от разрыва сердца. Жаль, я не пошел ужинать с Флетчером: на двоих-то он бы не стал нападать.

Я сделал ошибку, покосившись на мое сокровище. Скуадрон уловил движение моих глаз. Ухмыляясь, он подтолкнул книгу к краю комода.

— Никакому бродяге еще ни разу, повторяю, ни разу не удалось проскользнуть сюда незамеченным. Почти невозможно войти на территорию или покинуть ее, минуя КПП. Чтобы попасть в казарму, необходимо заранее подготовиться, правильно? Сговориться с кем-то, кто откроет окно или покараулит у двери пожарного выхода?

Раз-другой в месяц сбегая в самоволку, курсанты возвращались в казарму именно таким способом.

— Мне ничего об этом не известно, сэр.

Сложив на груди руки и склонив набок голову, капитан продолжал ухмыляться.

— Ну, поскольку мы тут с тобой одни, и ты, и я знаем, что версия начальника училища — бред собачий, не так ли?

Я очень старался изобразить на лице озадаченность.

— Сэр, я не понимаю...

— Может, и не понимаешь. Но вот что понимаю я... — Он разнял руки и стал по одному загигать указательным пальцем левой руки пальцы на правой, как он всегда делал на своих уроках математики. — Первое. Кроме вас в ту ночь только два других курсанта находились в помещениях четвертого этажа жилого корпуса. Курсанты кавалерийского курса Холбрук и Джойс прибыли на ужин к восемнадцати ноль-ноль и вернулись в казарму до девятнадцати ноль-ноль готовиться к тому же экзамену по военной философии, что сдавал и ты. Они показывают, что свет погас в двадцать три тридцать. Второе. Вудлетт и Бартленд, соседи по комнате курсанта артиллерийского курса Флетчера, свидетельствовали о его намерении зайти к тебе в комнату отдать книгу, после чего следовать к месту вечернего приема пищи и прибыть туда приблизительно в одно время с ними. За-

тем, по их словам, он собирался вернуться на третий этаж и готовиться там к экзамену по химии до отбоя. Третье. Когда их сосед не прибыл к ужину, курсанты Вудлетт и Бартленд подумали, что он решил на ужин не ходить, сэкономив этим время для занятий. Вскоре после отбоя они спустились на плац с целью встретить курсанта по его возвращении после его уединенных занятий. Тот не вернулся — угадай почему? — бедный мальчик был уже к тому времени мертв. Курсанты Вудлетт и Бартленд оставались внизу до двадцати тридцати, и все это время свет горел в одном-единственном окне на четвертом этаже северного крыла здания. Это было окно твоей комнаты, курсант.

— Прошу прощение за нарушение, сэр, — проговорил я. Капитан сфокусировал взгляд на стене над моей койкой.

— Они поднялись сюда, думая, что их приятель все это время находился в твоей комнате. Во время короткого разговора с ними ты сообщил им, что курсант Флетчер дал тебе книгу и благополучно отбыл. Они вернулись в свою комнату в надежде, что Флетчер к утру все же объявится. К несчастью, не объявился. Вместо этого на нас всех свалилась большая беда, и имя нашего прекрасного заведения смешали с грязью.

Капитан остановил на мне прямой взгляд.

— И вот тут — мы подошли к пункту четвертому — твое имя и пришло мне на ум. Полагаю, оно все время не выходило у меня из головы. Незадолго до этого я уже стал задумываться, не ты ли отправил всех покалеченных курсантов в изолятор.

— Сэр, — сказал я, — это же несчастные случаи. Разве кто-то из пострадавших обвинил меня в нанесении травм?

— Справедливо. Пятое. Имели место несчастные случаи. После тщательного взвешивания фактов я удивил себя собственным заключением: одним из этих несчастных случаев являешься ты. — Скуадрон смотрел прямо мне в глаза. — Я решил, что ты — тот еще тип. Даже не знаю, как тебя и назвать-то. Ты запугал тех мальчишек до такой сте-

пени, что они боятся даже рты раскрывать. Хочешь знать, что я думаю? Я думаю, ты очень неплохо здесь устроился: наш уклад жизни здесь — как раз то, чего ты искал.

— Сэр, простите меня, но вы говорите просто невероятные вещи, — сказал я. — Несколько пацанов ломают себе при падении кости, а виноват я?

— Шестое. — Капитан Скуадрон продолжал цепко удерживать мой взгляд. — Вернемся к свету в твоём окне. Курсанты Вудлетт и Бартленд очень удивились, заметив, что он включен. А включенным он мог быть по нескольким причинам. Или ты ушел, забыв его выключить. Или же его забыл выключить курсант Флетчер. Или же, как они надеялись, он не выключил в твоей комнате свет потому, что все еще находился в ней. И вот, поднявшись в эту комнату, кого они видят — сюрприз, сюрприз — тебя.

Он послал мне странную кривую улыбку и опустил подбородок на сжатый кулак в напряженной, неестественной паузе. С удивлением я почувствовал холодок страха в животе и в тот же момент возненавидел источник страха — капитана.

— Они постучали перед тем, как войти?

— Думаю, да, — ответил я. Он подобрался слишком близко. — Все так делают. Как положено: раздел третий, параграф шестой, статья вторая дисциплинарного устава «Манеры и поведение курсанта».

Он скривился, будто обдумывал, как смыть мерзкое пятно со стены.

— Но какой смысл стучать в пустую комнату, а? Курсанты, чья память, похоже, лучше твоей, утверждают, что они просто вошли, и все.

— Может, и так.

Скуадрон задержался в задумчивой позе еще немного. Затем опустил руку и послал мне ледяную улыбку:

— Курсант Флетчер тоже не постучал, не правда ли?

Унизительный страх разлился внутри меня:

— По-моему, согласно уставу, он постучал, прежде чем войти.

— А по-моему, нет. — Скуадрон окинул взглядом комнату, а затем вонзил в меня испытующий взгляд. — Итак, на чем мы остановились, на восьмом?

— На седьмом, — сказал я. — Сэр.

— Хорошо. Итак, пункт семь. В результате поистине *гигантского* объема размышлений я пришел к выводу, что курсант Флетчер столкнулся с тем, что видел впервые в жизни. Он удивил тебя. Он вдруг неожиданно стал для тебя угрозой. Бог ты мой, что же он такого здесь увидел, а?! И как же тебе удалось его так запугать, что его сердце остановилось... Да только ответы от тебя я услышать не надеюсь. Но то, что это твоих рук дело, — несомненно. И ты ведал, что творил.

— Но это безумие! — вырвалось у меня. Я чувствовал себя так, будто меня переехал грузовик. — Ушам своим не верю: вы что, утверждаете, будто я убил Флетчера?

— Я не утверждаю, что ты спланировал это, я даже не утверждаю, что ты был непосредственным исполнителем. С другой стороны, курсант, можешь считать мой ответ на твой вопрос положительным. Я думаю, Флетчер поставил тебя в такое положение, что тебе пришлось избавиться от него, и каким-то образом тебе это удалось. Черт, я не предполагаю, что ты убил его — я знаю это! Паренек вошел сюда и уже больше не вышел.

Я уставился на капитана с неподдельным, как мне показалось, потрясением на лице.

— Сэр, — заговорил я, — клянусь честью курсанта, он вошел, отдал мне книгу и ушел. И все.

Скуадрон направился было к двери, но остановился, сторбившись. Его манера поведения изменилась от бескомпромиссной агрессии до усталой уверенности, насквозь пропитанной горечью. То, что этот примитивный содафон поднялся до некой эмоциональной утонченности и пронизательности, только усилило мой страх.

— Скорее всего, тело ты прятал под койкой до того момента, когда смог незаметно вынести его отсюда.

— Ну как же вы можете говорить такое? Потому что я новенький? Потому что вы решили для себя, что я вам не нравлюсь? — Мой гнев угрожающе поднялся к поверхности. — Лучше б я поехал на футбол. Тогда бы остался вашим любимчиком, а вы не обвиняли бы меня каждый раз, когда один из ваших тупоголовых умудрится сломать себе очередную конечность! — Я едва успел взять себя в руки, чтобы не взорваться и не переступить черту. — О, простите меня, прошу вас, сэр, последнее высказывание я беру назад. Я приношу извинения. Но повторяю, я могу поклясться честью курсанта, что...

— Стоп! — скомандовал он. — Не продолжать.

— Но, сэр, я...

— Стоп, я сказал. — Его глаза потемнели от отвращения. — Мне нечего больше сказать тебе, за исключением одной вещи, и я не желаю, чтобы ты оскверняла воздух, пока я здесь. — Капитан Скуадрон одернул китель, затем вытянул клапаны из карманов и опять одернул китель, на этот раз так яростно, будто хотел оторвать их. — Я не желаю больше слушать твой бред о чести курсанта, потому твои понятия о нашем кодексе чести постыдны настолько же, насколько серьезно воспринимаю его я. Некоторым новичкам требуется немного времени, чтобы уяснить себе: наш устав — не набор пустых фраз. Однако до большинства из них это доходит только к выпуску. До тебя не дойдет никогда. Ты из племени одиночек. Ты — болезнь.

Я перестал делать вид, что шокирован, а просто сидел на краешке койки и слушал. Тело мое — от поясницы до горла — казалось сплошной глыбой льда.

— Наш разговор окончен, сэр?

— Да. Этот разговор окончен. — Он снова перехватил мой взгляд. — Отныне я глаз с тебя не спущу, курсант. Если я замечу, что ты хоть шаг сделал в сторону от линии, я обрушусь на тебя, как тонна кирпичей, и тебя вытряхнут из мундира прежде, чем ты поймешь, что произошло. Это понятно?

— Так точно, — ответил я. — Сэр.

— И я буду молить Бога, чтобы твои родители перевели тебя в какое-нибудь другое военное училище. — Он бросил на меня испепеляющий взгляд. — А книгу курсанта Флетчера я заберу с собой. Я хочу выяснить, что такого чертовски ужасного в этих рассказах.

Мое сердце остановилось — как сердце Флетчера:

— Прошу вас, не надо, сэр. Я еще не дочитал.

Он зажал книгу под мышкой.

— Через неделю, считая от сегодняшнего дня, зайдешь ко мне в кабинет и получишь ее обратно. Если только мистер и миссис Флетчер не захотят, чтобы книгу вернули им. Вот теперь разговор окончен.

Я смотрел, как он важно зашагал к двери.

Все произошедшее потом можно объяснить комбинацией отвращения, страха и отчаяния, которые скрутили меня. Если и шевелились в голове какие-то мысли, они были связаны лишь с необходимостью заполучить обратно священную книгу. Вернее сказать, я был неспособен на что-либо, имеющее отношение к мыслительному процессу. Не двинувшись с места, я неожиданно оказался рядом с капитаном Скуадроном, начавшим проявлять первые признаки беспокойства. Я как будто стал в два раза больше, хотя, скорее всего, это мне почудилось под гнетом обстоятельств, схожих с теми, в которых матери способны остановить коня на скаку, чтобы отвести угрозу от своих детей.

Я не знал, что собираюсь сделать. И абсолютно точно не имел понятия, что буду делать с капитаном Скуадроном. В действительности я до сих пор не знаю наверняка, как мне это удалось, поскольку с тех самых пор трюк с увеличением размеров тела вдвое удается мне всегда с большим трудом. Точно так же, как ни одной из упомянутых матерей уже не удастся снова остановить коня на скаку. Я прикоснулся к книге и, будто проделывал это прежде сотни раз, почувствовал, как вплыл в его рассудок и дал ему команду подчиниться мне. Держа в руках благополучно

вызволennую книгу, я употребил ту же инстинктивную силу для того, чтобы выдвинуть капитана на середину комнаты. Рассудок Скуадрона был словно отброшен назад и удерживался сильным ветром.

Капитан Скуадрон оставался лишенным дара речи, пока я не покинул его рассудок. Где-то глубоко во мне словно пробудился отдаленный рокот артиллерийской батареи. В этот момент некое жизненно важное откровение, которому суждено было сформировать оставшуюся часть моей жизни, вдруг пришло ко мне. Я говорю «пришло ко мне», имея в виду, что оно буквально влилось в меня подобно ясному серебристому ручейку и придало форму звучащему во мне рокоту. Опять я услышал зов леса Джонсона.

Капитан Скуадрон стоял в центре комнаты, в двух ярдах от меня. Я скользнул к нему, будто на коньках по льду пруда. Не думаю, что я касался его. Мне припоминается только то почти объективное ощущение *опустошения*, что сопровождает опорожнение кишечника. Суставы мои налились тягучей болью, напоминающей артрит. Голова моя была словно разрублена надвое топором. Может, те матери, что способны остановить зверя, отводя угрозу от своих детей, испытывали схожие ощущения? Знаю лишь, что капитан Скуадрон из комнаты исчез. На полу осталась зеленая лужица диаметром дюйма четыре, и сырой запах смерти повис в воздухе.

Довольно долго я превозмогал мою агонию, затем вытер останки капитана тряпкой, вымыл ее в раковине и рухнул на койку, пытаясь сосредоточиться на своем открытии. О том, что я узнал за долю секунды до превращения капитана Скуадрона в полупинту желчи: в один прекрасный день, день далеского будущего, на Земле появится враг более серьезный, более последовательный, чем капитан Скуадрон. Мой враг будет как тень моего скрытого второго «я», ибо, достигнув половой зрелости, он станет обладателем силы, способной воспрепятствовать приходу конца света, — так же, как сильные духом герои рассказов Мас-

тера из Провиденса расстроили замыслы моих истинных Прародителей. Этот Антихрист будет крайне уязвимым в детстве, однако силы противника войдут в тайный сговор, чтобы охранять его от смерти, которую он может принять от моих рук. За то время, пока враг мой будет подрастать и взрослеть, он станет обладателем части моих собственных талантов, тем самым осложняя мою и без того трудную задачу. И для этого треклятого осложнения есть одна замечательная причина. Враг мой — тоже дым из пушечного жерла. Он будет моим родственником. А точнее — моим сыном.

15

МИСТЕР ИКС

Осталось рассказать совсем немного, прежде чем я отложу ручку и лягу спать. Исчезновение из расположения училища капитана Скуадрона вызвало новую кратковременную вспышку интереса, сконцентрированного на вероятности связи между этим происшествием и смертью курсанта Флетчера. Когда в ходе скрупулезной проверки биографии капитана выяснилось, что ему пришлось уволиться из регулярной армии под давлением подозрений в приставании к маленькому мальчику в городе Лоутон, Оклахома, вероятность почти превратилась в уверенность. Развернувшаяся вследствие событий в «Фортресс» облава длилась, кажется, несколько лет, и единственным результатом ее стало временное задержание довольно большого количества граждан, имевших некое внешнее сходство с разыскиваемым. Я не переставал с интересом следить за ходом расследования в течение всей своей курсантской жизни и за примерное поведение был награжден поездкой за границу на летних каникулах.

Я наслаждался счастливыми часами безделья в значных местах Канн, Ниццы и Монте-Карло. Родители мои наверняка не хотели видеть меня дома, но отец, верный своему

слову, с помощью солидного пожертвования устроил мне поступление в свою альма-матер — Йельский университет. Арест и тюремное заключение за малозначительное преступление (взлом и проникновение) вскоре положили этому конец, и после выхода из тюрьмы я начал свою кочевую жизнь. Я нашел удобный способ убедить семью в моей кончине, без сомнения не ставшей для них горестной. Источником доходов я инстинктивно избрал то, что называют рэкето́м. Преступление есть форма обучения, способ приобретения знаний сродни математике или военной философии, и, так же как они, подвластно высшему интеллекту. Немного времени мне понадобилось на то, чтобы постичь все многообразие необходимых для дела приемов и качеств, включая внимание и осторожность, обеспечение и устрашение «кадров», — и стать лидером группы. Тщательно продуманное использование моих нестандартных возможностей избавляло меня от любых проблем, особенно когда дело касалось запугивания: внутри любой бандитской группы я мог отыскать бездонный колодезь суеверий и воспользоваться ими. Еще до того, как мне исполнилось тридцать, я стал серьезным криминальным авторитетом и добился этого, надо отметить, без помощи традиционных «семейных» связей.

И все же я уставал от изматывающих забот, имеющих у человека моего положения, и начал чувствовать, как и все простые смертные, приступы ностальгии. Называйте это кризисом среднего возраста, но правда в том, что я вдруг решил, будто я в той же степени художник, в какой и преступник. (Если бы я тогда знал то, что знаю теперь!) Лишь горстка писателей — и ни одного из них язык не поворачивается назвать достойным — продолжили линию автора «Ужаса в Данвиче», Учителя из Провиденса, и я хотел доказать всему свету, что являюсь единственным его приемником.

Итак, в зрелые годы я отрекся от мирского успеха и вернулся в Эджертон, чтобы там заняться писательством

и еще каким-нибудь делом, которое найду интересным для себя. Местные представители криминального мира приветствовали меня в точности так, как я и предполагал: мне дали понять, что вскоре я смогу контролировать все, что захочу контролировать, — негласно, разумеется. Однако на литературном поприще меня ждал меньший успех. Я писал рассказы — писал великолепно, и это вызывало неприятие и поношения, хорошо известные тем, кто пишет по зову сердца. Я делал свое дело. Любой, у кого есть хоть капля сочувствия, поймет мою горечь.

В этот период жизни я был вхож в забавный полусвет будущих художников и прихлебателей, которых всегда полно в окрестностях любого колледжа или университета. По ночам мое жилище становилось аренной живой и выразительной дискуссией, наполнялось музыкой из проигрывателя, терпкими запахами вина и дыма сигарет, законных или незаконных, сексуальным напряжением, исходившим от бородатых юношей в свитерах с высокими воротниками и роскошных молодых женщин, одеждой которых порой оставалась одна лишь косметика. Много было воздушных девушек — их я не пропускал и в конце тех ночей доводил до исступленных припадков блаженства. Ведь, в конце концов, если одной из важнейших частей моей Миссии было убийство собственного сына, в первую очередь я должен был этого сынишку сотворить.

И если бы все мои овечки произвели на свет ягнят, я бы прирезал каждого из них, но я считал, что распознаю Антихриста в новорожденном мерзавце с первого взгляда. Я не сомневался в том, что, когда маленький мистер Мерзкий Красавчик выскочит из лона Хизер, Лунной Девочки, Сары, Рэчел, Нанетты, Мей-Лю, Сканк, Эвис, Сабицдры, Пань, Лоу Райдер, Арквитты, Саджит, Тэмми, Джорджи-Порджи, Акико, Кончиты, Сьюки, Сэмми, Большой Индианки или Зельды, этот паршивец явится в ореоле сверкающих стрел и неоновых огней. Однако, вопреки моим вдохновенным усилиям, ни одна из этих пылких девушек

не понесла. Из всех помешавшихся на искусстве любительниц экспериментов, с которыми я переспал в тот восхитительный период моей жизни, забеременеть удалось лишь Стар Данстэн.

Голос, принесший мне откровение, вовсе не шутил, когда сообщал о том, что враг мой изворотлив. Я безрассудно заключил, что все предусмотрел и подготовил. Узнав о беременности Стар, я противопоставил обычному нытью об «обязательствах», от которого не удержалась даже такая мечтательная девушка, как она, предложение переехать ко мне. Стар была бесконечно благодарна мне за то, что я не отправил ее к подпольному акушеру, и любое мое намерение приводило ее в восторг. Откуда ж было девчонке знать, что, затащив ее в постель, я преследовал лишь одну цель — чтобы Стар забеременела. Я хотел нормальных, здоровых родов. А через несколько дней после возвращения мадонны с младенцем домой я вдаю его мордашку в подушку и подожду, пока он не обмякнет. План был безупречен, но, как и предвещал голос, по совершенно не зависящим от меня обстоятельствам провалился.

Я выдавливал из себя тошнотворные нежности, которых ждала от меня женщина с разраставшимся животом. Несколько месяцев я мерзко сюсюкал и лживо разглагольствовал о нашем сиятельном будущем. Тем более неожиданным стал один прекрасный вечер, когда я вернулся с прогулки в опустевший дом. То есть он опустел в плане отсутствия моей раздобревшей приживалки и ее пожиток. Она смылась, сбежала. Я подозревал, что у нее появился дружок. Я до сих пор считаю, что так оно и было, но, поскольку мне не удалось найти ее, несмотря на то что я буквально заглянул под каждый камень в радиусе пятидесяти миль, доказательств у меня не было. В отчаянии я прибегнул к помощи леса Джонсона и обнаружил, что говоривший со мной Голос теперь умолк навеки. Месяц спустя я услышал от Эрвина Лика, по прозвищу Трубочка, в то время еще цеплявшегося за место в Альберте, что моя возлюб-

ленная снова объявилась в Эджертоне и родила. С дешевеньким обручальным колечком на пальце она в настоящее время прячется в доме одной из своих теток на Вишневой улице.

Отлично, подумал я: несколько предварительных визитов, украшенных букетами цветов и коробками шоколадных конфет, заверения в полном прощении, демонстрация страстной любви к младенцу — и она вернется в мгновение ока, бесценная моя возлюбленная с прильнувшим к ее груди херувимчиком. Вот *тогда-то* я и придушу того, кого породил. Через несколько часов в дверь мою постучались двое полицейских: «кто-то», как они сказали, «накапал на меня» — донес о нескольких фактах моего участия в незаконной деятельности. Последовавшее вскоре расследование привело к моему второму заключению, на этот раз в тюрьме штата под названием Гринхэвен.

В стены тюрьмы я принес с собой репутацию, которая гарантировала уважение, повиновение, власть и комфорт, какой только возможен в условиях застенка. Все, чего бы я ни пожелал, я мог заполучить в двойном размере, за исключением, правда, одного — избавить мир от отродья Стар.

На этот раз лишение свободы я переносил гораздо легче прежнего, поскольку заполучил сносную камеру с отдельным туалетом и телефоном, приличную еду, сексуальные контакты с посетителями женского пола, разнообразные книги и журналы, необходимые для моих исследований, включая те, что содержали информацию о жизни и творениях Учителя из Провиденса (в ту пору происходило нечто вроде его воскрешения — с моей помощью), и беседы с забавными соседями — то есть все, в чем я нуждался. А где-то рос и развивался малыш: из пеленок — на горшочек, от детского лепета — к первой шепелявой фразе на родном языке. Еще пару десятилетий он не будет представлять никакой угрозы моей судьбе и мне — вестнику Апокалипсиса. То, что было сообщено о моей Миссии, укрепило мою веру в мудрость моих неземных Прародителей. Расправить-

ся с выродком можно будет и после выхода из тюрьмы, и я предвкушал начало охоты. Тем временем большая часть моих исследований была посвящена разработке общего плана и деталей грядущей погони.

Как раз к тому времени, когда «курортное» заключение набило мне оскомину, случился тюремный бунт, давший мне возможность покинуть Гринхэвен и в дальнейшем сохранить анонимность. Подробности можно опустить. Скажем так: легкое применение моих нестандартных способностей позволило мне похоронить свою официальную личность в наиболее безопасном хранилище и беспрепятственно выйти на свободу. Я вернулся в родной город, чтобы поселиться там в уединении и продолжить поиск, который веду и по сей день.

Годы тянулись долго и принесли много разочарований. Мой противник, как и предвещали, был изворотлив и порой ускользал от меня как раз в тот момент, когда казалось, что мои руки уже сомкнулись вокруг его хилой шеи и уже не разомкнутся. Однако в год своего побега из тюрьмы я получил некий последний подарок, который мне приносили теперь ежегодно, и этот дар я каждый год предвкушал с нежным и неистовым пылом, все еще способным окрылять меня, ускорять мои шаги и учащать сердцебиение. Он питал мои силы в суровые и безрадостные годы, когда удача бежала от меня. По милости Древних Богов мне преподносили тень тени, то есть сына Стар Данстэн, в день его рождения.

У него остался только один день рождения — это его последний год. И где бы он сейчас ни был, крался ли по больничным коридорам, отсиживался ли в старых домах на Вишневой улице или закусочных Хэтчтауна, прятался или шаялся в открытую по эджертонским бульварам, улицам и темным закоулкам, — день этот наступит ровно через неделю.

Часть 2
КАК Я УЗНАЛ
О РЕЧНОМ ДНЕ

Кроссовки Нетти шлепали по красным плиткам кафеля, у бедра ее болталась сумка из ковровой ткани размером с добрый чемодан. Почти все находившиеся у центрального поста сестры, техники и лаборантки подняли головы. Зеленая униформа медперсонала напоминала пижаму, и мое болезненное воображение придало им пепельно-светлые волосы и нордические глаза. Подобная комбинация напоминала научно-фантастические сюжеты о похищении инопланетянами. Эффект усиливало освещение их царства, напоминающее внутреннюю подсветку космической станции.

В самом дальнем конце помещения тетя Мэй повернулась к ближайшему члену экипажа и объявила:

— Это Нэд, сын моей племянницы. У него случаются припадки.

Нетти притянула меня в свои объятия. Через ткань ее сумки я почувствовал твердые округлые формы бутылок и банок.

— Когда я сегодня утром набрала твой номер, телефон звонил, звонил, и я сказала Мэй: «Мальчик на пути домой»,

правда, Мэй? — Она глянула через плечо, не выпуская меня, и сумка ткнула мне под ребра.

— Бог свидетель, — ответила Мэй.

— Прошу прощения, — вступила в разговор сестра Цвик. — Мне, наверное, не следует напоминать вам, что вы, люди, находитесь в отделении интенсивной терапии.

Нетти уронила руки и чуть отступила назад:

— Цвик, когда вы называете нас «вы, люди», что вы имеете в виду?

Какое-то мгновение сестра Цвик смаковала удовольствие, которое она получит, разъясняя значение ее выражения «люди». Затем развернула свое кресло в сторону конторки:

— Я лишь хотела попросить вас говорить потише, только и всего.

Сестры, техники и лаборантки вернулись к своим приборам и частным разговорам. Один из мужчин внешне напоминал индуса или пакистанца, одна из женщин была темнокожей, но по мне все они были одинаковые.

— Нетти, что случилось? — спросил я. — Насколько все плохо?

На ее широком лице почти не было морщин, но за обманчивым выражением безмятежности и спокойствия, которое придавали ей ровные щеки и молодой лоб, я разглядел тень беспокойства.

— Плохо, — проговорила она.

Тетя Мэй подошла к нам, опираясь на блестящую металлическую трость.

— Как я рада снова видеть этого мальчика в Эджертоне.

Обе сестры были в свободного покроя хлопчатобумажных платьях, которые предпочитали носить, но если платье Нетти было заполнено ее массивным телом, будто колонна, то на тете Мэй платье болталось как мешок. Жилистая шея тянулась из выреза воротника, словно из глубокой ямы. Когда я подошел достаточно близко, чтобы обнять ее, то почувствовал, как мало она весила.

— Уф-ф, — выдохнула Мэй.

Я держал ее на весу до тех пор, пока она не опустила трость и не приготовилась опереться на нее.

— Я не так плоха, как кажется, нечего меня жалеть. — Ее шепот был слышен в самых отдаленных уголках комнаты. — С тех самых пор, как у меня в том году стало хуже со здоровьем, я нигде не хожу без палочки. Если б мне удалось набрать немного веса, я бы почувствовала себя лучше, да вот только никак не могу заставить себя нормально питаться.

Мы приблизились к боксу номер пятнадцать.

— Ее лечащий врач здесь?

— Мы как раз поджидали его, когда я тебя увидела, — сказала Нетти. — И почувствовала: как гора с плеч...

Я взглянул на полог, отделяющий нас от Стар.

— Что с ней произошло?

Мэй подалась ко мне:

— Это случилось сегодня утром! Грохнулась без чувств на пол! Кларк тут же позвонил девять-один-один...

— Маму твою, такую молодую, хватил инсульт, — сказала Нетти.

Тетушка Мэй погладила мой блейзер тыльной стороной пальцев ладони.

— А пиджак-то твой не иначе как из отличного нью-йоркского магазина типа «Сакса» с Пятой авеню, да? — Подняв глаза, она встретилась с моими, и голос ее вдруг стал выше и отчетливей. — Когда ты приехал?

— Буквально минуту назад, — ответил я. — Добирался автостопом. Даже вещи не пристроил. — Я показал на рюкзак и спортивную сумку у входа на полу.

Тетя Нетти изучала меня хмурым оценивающим взглядом. Таким хмурым, что сейчас ей подошло бы траурное платье.

— Вместо того чтобы расходовать попусту деньги на Пятой авеню, следовало бы сэкономить их на поездку. Тебе просто повезло, что добрался так быстро.

Аккуратный маленький человечек в белой куртке энергично вышел из-за ширмы. Светлые волосы ниспадали с шишковатой головы, на которой выделялись до странности большие очки в черной оправе. Доктор стрельнул в меня неопределенным взглядом, и тетушки собрались с духом, приготовившись услышать все, что он скажет.

— А вы...— Он сверился с записями на доске.— Нэд, сын Валери Данстэн?

— Да,— кивнул я.

— Доктор Барнхилл,— назвался он и поджал губы. Голова его казалась шишковатой, потому что не соответствовала размерам тела, и редящие светлые волосы обнажали большой участок черепа. Маленькие лысые мужчины кажутся более лысыми, чем высокие. Он одарил меня коротким сухим рукопожатием.— Сегодня утром у вашей матери был обширный инсульт. Ее состояние пока остается тяжелым. Очень жаль, что мне приходится сообщать вам такие печальные новости.— Доктор Барнхилл прижал доску с записями к груди, словно боясь, что мы попытаемся прочесть его врачебные тайны.— Вы представляете себе, что означает «обширный инсульт»?

— Не совсем,— сказал я.

— Тромб попал в головной мозг и отрезал доступ кислорода. Если кислород не может достичь определенной области головного мозга, на этом участке наблюдается повреждение ткани. В случае с вашей матерью пораженная область представляет собой часть левого полушария мозга.— Он коснулся своего левого виска.— Вскоре после того, как мы поместили ее в палату интенсивной терапии, у нее развилась аритмия вследствие испытанного организмом потрясения. Я ввел ей препарат, предписанный в таких случаях, но мы наблюдаем общее ослабление сердечных функций. Ваша мать много курила?

— Она не курит,— сказал я.

— Стар много работала в прокуренных насквозь ночных клубах,— сказала тетя Мэй.— Она пела, у нее был волшебный голос.

— Известно ли вам, принимала ли она наркотики, и какие?

— Свою дозу марихуаны,— заявила Мэй,— она получала, дыша одним воздухом с теми, кто крутился вокруг нее и курил эту гадость.

— Пассивное курение и марихуана в прошлом могли стать сопутствующими факторами,— сказал доктор.— Вашей матери...— Он посмотрел на свои записи, потом глянул украдкой еще разок.— Пятьдесят три. Нередко подобный возраст позволяет нам делать благоприятные прогнозы. Мы надеемся, что коумадин растворит тромб. Если вашей матери удастся продержаться в течение следующих двенадцати часов, мы будем надеяться на помощь долгой восстановительной экстенсивной терапии. Вот мои самые хорошие новости для вас.

— Двенадцать часов...— проговорил я.

Его лицо разгладилось, став похожим на маску:

— Все зависит от индивидуального состояния пациента.

— Она узнает меня?

— Надо надеяться на это, в лучшем случае.— Он вновь опустил глаза на доску.— Скажите, есть ли у вас родные братья, сестры?

— Нет,— ответил я, а тетушка Нетти мгновенно встала:— Я же говорила. У Стар единственный сын, вот он.

Доктор Барнхилл кивнул и удалился. Мэй зашла мне за спину.

— Родные братья, сестры?

— Цвик до нашего прихода проявила тут чудеса усердия, конспектируя все, что твоя матушка наболтала ей, а известно ведь, если кто-то что-то запишет, всегда найдет тот, кто написанному поверит...

Я оглянулся. Облокотившись на трость, тетя Мэй разговаривала с плотным молодым человеком с короткой светлой бородкой и длинными волосами, зачесанными назад и туго завязанными в «конский хвост». Он отступил на шаг и проронил:

— Э, я ничего не понимаю.

Я откинул полог бокса и шагнул вперед. Незнакомка, лежавшая между подмигивающих индикаторами приборов, мгновенно приняла болезненный, но все еще узнаваемый образ Стар Данстэн. Щеки ее казались рыхлыми и бесцветными. Прозрачная жидкость из подвешенных сосудов и пакстов бежала по трубочкам, уходящим под белевшие на предплечьях повязки. Ярκο-красная лампочка была прилеплена к указательному пальцу правой руки. Я взял ее за руку и поцеловал в лоб.

Оба маминых глаза одновременно широко распахнулись.

— У-у-унд... — Правый уголок ее рта оттянулся вниз и замер, словно расплавившаяся и тут же застывшая капля воска. Она пыталась приподняться с подушки, и рука ее чуть оперлась на мою. — А-а-ах... В-в-в... О-о-о...

— Я тоже люблю тебя, — сказал я.

Мама кивнула и, расслабившись, вновь утонула в подушке.

Негромкие звуки и сигналы все пели и пели отрывисто и вкрадчиво, готовые вот-вот соткаться в мелодию. Свет на одеяле, взлеты и падения линий на ленте диаграммы, нисходящие изгибы трубок казались мне более реальными, чем мои собственные ощущения. Все было так, будто я тоже впал в кому и теперь двигался и размышлял на автопилоте.

Рука моя оторвалась от поручня койки и коснулась щеки матери — ее кожа была упруга и прохладна. Стар вновь открыла глаза и улыбнулась той стороной лица, которая повиновалась ей:

— Ты знаешь, где ты сейчас?

— О-ль-ни-ц...

— Правильно. Я останусь с тобой, пока тебе не станет лучше.

Ее правый глаз резко закрылся, и левый уголок рта приоткрылся и снова сжался. Она повторила попытку:

— Ка... ты... у... на-а...

— Просто почувствовал, что тебе плохо, и приехал.

Слезинка выкатилась из уголка правого глаза и побежала вниз по щеке.

— Про... ун-н-н...

— Не волнуйся, все у меня хорошо, — сказал я, но она уже забылась сном.

17

Седовласый господин, похожий на ирландского политика, представил себя как доктора Малдуна, кардиолога, назначенного лечащим врачом моей матери, и охарактеризовал состояние Стар как «на волоске». Доверительное звучание его густого баритона придало этому выражению оттенок приглашения на прогулку по морю. Сразу же по окончании рекламной кампании Малдуна мускулистый парень с конским хвостом, разговаривавший только что с Мэй, направился в бокс, и я последовал за ним.

«Конский хвост» делал записи показаний комплекса приборов. Бокс скорее напоминал кокпит «Боинга-747». Заметив меня, парень выпрямился, заполнив собой почти все пространство между панелью приборов и краем кровати. Бэйджик на груди сообщил его имя — Винсент Гардтке. Он смахивал на футболиста-старшеклассника, по уик-эндам чрезмерно увлекающегося пивом.

Я спросил, как давно он работает в больнице Святой Анны.

— Шесть лет. Это приличный стаж, если вы сомневаетесь. Клиентура, правда, здесь небогатая, в основном из Лаундэйла, но, поверьте, если мне вдруг случится заболеть, я попрошусь сюда. И только сюда. И знаете, будь это моя матушка, я был бы спокоен: здесь за ней первоклассный уход.

— Вам приходилось видеть таких же тяжелых больных, как моя мать. Они выкарабкивались?

— Мне приходилось видеть пациентов и похуже — и ничего, поправлялись. Состояние вашей матушки сейчас довольно стабильное. — Гардтке сделал шаг назад. — А пожилая дама с тросточкой, скажу я вам, — это что-то!

Он отодвинул полог и ухмыльнулся тете Мэй. Та в ответ вздернула подбородок с достоинством герцогини.

К полудню посетители собрались в проходах между постом медсестер и двумя рядами боксов. Решив размять ноги, я сделал пару кругов вокруг поста и вспомнил кое-что из сказанного Нетти.

Сестра Цвик не обращала на меня внимания до того момента, пока я не остановился прямо напротив нее.

— Сестра, — заговорил я и указал на свои рюкзак и сумку, сложенные у стены, — если вы считаете, что мои вещи кому-то мешают, я с удовольствием уберу их туда, куда вы мне посоветуете.

Она о вещах совсем забыла.

— Здесь, знаете ли, не багажный вагон. — Она мгновенно приняла решение приказать мне отнести вещи в подвал или в какое-нибудь место, равнозначное удаленное. — Ваши вещи никому не мешают. Можете оставить их пока здесь.

— Благодарю вас.

Я отошел, но тут же вернулся.

— Да?

— Доктор Барнхилл сказал, что вы утром говорили с моей матерью.

Лицо ее вдруг стало обиженно-колючим, и щеки чуть заметно зарделись.

— Ваша мать поступила сюда, когда мы осматривали первого пациента.

Я кивнул.

— Она была очень смущена, что, как правило, всегда происходит с теми, кого разбил паралич. Однако, увидев мою униформу, она ухватила меня за руку и попыталась что-то сказать.

— Вам удалось расслышать?

Гнев добавил краски ее щекам.

— Я не заставляла ее ничего говорить, мистер Данстэн, — это *она* захотела говорить со мной. Позже я подошла сюда и записала ее слова. Возможно, мой рапорт мистеру Барнхиллу расстроил ваших родственников, но я, простите, всего лишь делала свою работу. Жертвы инсульта очень часто страдают нарушением процесса восприятия.

— Мать, наверное, была очень вам благодарна за внимание, — сказал я.

Почти весь ее гнев схлынул, затаившись во временном убежище.

— Очень приятно иметь дело с джентльменом.

— Мать моя говаривала: «Ничто не мешает быть добрым к людям». — Я немного приврал. Мама не уставала твердить: «Чтобы что-то получать, учись отдавать». — Не могли бы вы рассказать мне о том, что было в вашем докладе доктору?

Цвик нахмурилась, уткнув взгляд в стопку документов.

— Поначалу я никак не могла разобрать ее слов. Потом, когда мы переложили ее с каталки на кровать, она притянула меня к себе и сказала: «Они украли моих детей».

18

Величественные, словно пара цариц за партией покера, Нетти и Мэй обозревали свое королевство, восседаая на стульях, временно изъятых ими из центрального поста. Каким-то образом они исхитрились разузнать имена, род занятий и состояние чуть ли не всех пациентов отделения интенсивной терапии.

Бокс номер три — огнестрельное ранение вкупе с сердечным приступом, Клайд Прентисс, отброс общества, разбивший сердце своей матери. Номер пять — мистер Темпл, был красив, как кинозвезда, до того момента, ког-

да получил жуткую травму на производстве. Номер девять — миссис Хелен Люм, уборщица, после операции — рак ободочной кишки. Четырех футов кишечника лишился мистер Баргерон из восьмого номера, аккордеонист-профессионал из ансамбля польки. Мистер Баргерон допился до такого состояния, что стал видеть чертей, летающих по его боксу.

— Это из него алкоголь вылетает,— проворчала Нетти.— А у чертей тех есть имена: Джим Бим и Джонни Уокер.

— А мистер Темпл,— сказала Мэй,— всю оставшуюся жизнь будет похож на составную картинку-загадку...

Главная же тема — моя мать — плавала под поверхностью их болтовни. Обе считали, что ее безрассудство принесло им боль и разочарование. Нетти и Мэй любили Стар, но не могли избавиться от ощущения, что у нее больше общего со спившимся аккордеонистом и Клайдом Прентиссом, чем с мистером Темплом.

Формально Нетти и Мэй перестали быть Данстэнами, когда вышли замуж, но их мужья адсорбировались в закрытый и самодостаточный мирок Вишневой улицы настолько, будто в нем и родились. Замужество Куинни с Тоби Крафтом и ее дезертирство в ломбард мужа произошло позже и лишь ненамного отдалило ее от сестер.

— Как поживает Тоби Крафт?

— Что ему сделается? Из собаки блох не выколотишь,— звизжала Нетти.

Тетя Мэй медленно, с усилием поднялась со стула, будто ржавая буровая вышка. Глаза ее сверкали:

— Перл Гейтс тут заявила в своем второсортном платье. Представляешь, Перли состоит в той же конгрегации в Маунт Хеброн, что и Хелен Люм.

Нетти вытянула шею:

— То самое платье, которое она выкрасила в мутно-зеленый цвет, это в нем она была похожа на черепаху?

Тетя Мэй едва не столкнулась с горбатой женщиной у бокса номер девять. Я повернулся к Нетти:

— Перли Гейтс*?

— В девичестве Перл Хупер, потом вышла замуж за мистера Гейтса. В подобных случаях мужчине следует взять фамилию жены, дабы не выставять ее на посмешище. Учитывая надменность, с которой твой дядя Кларк всегда относился к нашей семье, удивительно, что он не поменял свое имя и не стал Кларком Данстэном вместо того, чтобы мне стать миссис Аннет Рутлидж.

— Надеюсь, дядя Кларк здоров?

— Как всегда, эксперт в области всего на свете. Который час?

— Почти половина первого.

— Он сейчас нарезает крути по стоянке, ищет местечко пошире — боится, что его машину поцарапают, и каждый раз паркует ее так, чтобы слева и справа было просторно.— Нетти подняла глаза на меня.— В прошлом году умер Джеймс. Заснул перед телевизором и уже не проснулся. Разве я тебе не сообщала?

— Увы.

— Перепутала, наверное, думала, что сообщала.

Впервые, подумалось мне, я смотрю на своих родственников глазами взрослого человека. Нетти не колебалась ни секунды, сообщать ли мне о смерти Джеймса.

— А вот и твой дядя Кларк, точно по расписанию.

Во внешности старичка в просторной желтой рубашке, обходившего конторку медсестры, было лишь очень общее сходство с человеком, которого я помнил. Его уши торчали почти под прямым углом к голому, напоминающему грецкий орех, черепу. Над болезненно-розовыми нижними веками тускло поблескивали белки цвета фортепьянных клавиш из слоновой кости.

* В переводе с английского «жемчужные ворота» — иносказательное название женского полового органа.

Дядя Кларк остановился перед своей супругой, как старомодный автомобиль, притормозивший передохнуть у городского памятника:

— Ну, как она?

— Все так же,— ответила Нетти.

Он поднял голову, чтобы рассмотреть меня.

— Если ты маленький Нэд, то я тот, кто сегодня спас жизнь твоей матери.

— Здравствуйте, дядя Кларк,— сказал я.— Спасибо, что вызвали «скорую».

Он вяло отмахнулся и направился в бокс. Я последовал за ним.

Кларк подошел к краю кровати.

— Сынок твой пришел. Это поможет тебе выкарабкаться.— Кларк обвел взглядом огоньки и мониторы приборов.— Если б не я, ты так и лежала бы на кухонном полу.— Он поднес скрюченный палец к экрану.— А здесь видно, как бьется ее сердце.

• Я кивнул.

— Вверх, вниз, вверх, а потом вот эта большая, видишь? У нее сильное сердце.

Я взял руку матери в ладони. Дыхание ее чуть изменилось, и веки дрогнули.

Кларк посмотрел на меня со знакомой смесью условного одобрения и вечного подозрения во взгляде:

— Самое время для ланча, а?

Внезапно распахнувшиеся глаза матери сфокусировались на моих.

Кларк легонько похлопал Стар по боку:

— Поправляйся скорее, милая.

Полог бокса закрылся за ним.

Стар сжала мою руку, приподняла на несколько дюймов голову от подушки и с абсолютной внятностью произнесла мое имя.

— Ты... олжен... зна...

Приборы негромко, но пронзительно взвизгнули сигналом тревоги.

— Мама, тебе отдохнуть надо.

Резким толчком она села. Пальцы ее держали мой бицепс хваткой стальных наручников. Она медленно сделала глубокий вздох и с усилием выдохнула:

— Твой отец.

Сестра отодвинула меня в сторону и положила матери на грудь свою ладонь, вторую — ей на лоб.

— Валери, вам сейчас надо расслабиться. Это приказ.— Она поправила и подоткнула простыни и одеяло, сообщила мне, что ее зовут Джун Кук, что она старшая сестра отделения, и пристегнула зажимом на запястье руку матери.— Валери, мы сейчас выйдем, а вы — хорошенько отдохните.

— Ее зовут Стар,— поправил я.

Мама облизала губы и произнесла:

— Роб. Ерт.— Глаза ее закрылись, и она в то же мгновение уснула.

Выйдя из белого куба, я увидел дядю Кларка, нетвердой походкой направлявшегося вдоль ряда боксов в своих черно-белых туфлях-лодочках, как у Кэба Гэллоуэя.

— Куда это он? — спросил я.

— Опаздывает на ланч,— сказала Нетти.— Или, вернее, ланч опаздывает.

Перед самым уходом я снял блейзер, свернул его, убрал в спортивную сумку и застегнул ее молнию наглухо.

19

В холле для посетителей Нетти водрузила свою сумку на стол и достала из нее завернутые в прозрачную пленку сэндвичи и пластиковый контейнер с картофельным салатом.

— Незачем тратить деньги на еду в закусочной,— объявила она.

Кларк положил себе на тарелку салат, отделил крохотную порцию и поднес ко рту.

— Ты когда примчался, Нэдди, пару дней назад?

— Сегодня утром, — ответил я.

— Вот как? — вскинул он голову. — А я что-то слышал о партии в покер с крупной денежной ставкой.

Мэй одобрительно взглянула на меня.

— В покер не играю. — Я вгрызся в сэндвич с ростбифом.

— А где это ты такое слышал? — спросила Кларка Нетти.

— Когда обходил силки.

— Угу. — Нетти перевела взгляд на меня. — Старый дурак уже с трудом поднимается в спальню, однако не устает шастать по своим любимым барам. Стоит ему пропустить хоть один день — дружки-приятели уже думают, что он отдал концы.

— Ты много выиграл, Нэдди? — поинтересовалась тетя Мэй.

— Я ничего нигде не выигрывал, — ответил я.

— А где играли?

Кларк откусил от своего сэндвича крошечный кусочек.

— В «Автостраде», на втором этаже. У меня там такие друзья — всегда устраивают просто королевский прием.

— Ага, друзья типа того бродяги Пайни Вудса, да?

Кларк с любовью пристроил еще одну малюсенькую порцию картофельного салата на свою вилку.

— Пайни не так уж и плох. Сынок, надеюсь, пока ты здесь, я с удовольствием тебя с ним познакомяю. Лично я считаю, что Пайни человек просто уникальный. — Он поднес вилку ко рту. — Кстати, именно Пайни сказал мне, что ты выиграл кучу денег.

— Да сколько выиграл-то? — спросила Мэй. — Весь лот, то есть тысячу, или малый лот — сто?

— Я ничего не выигрывал, — терпеливо повторил я. — Я приехал сюда утром и — сразу в госпиталь.

— Джой мне говорила... — начала Мэй.

— Ты же слышала, что сказал Нэдди, — перебил Кларк. — А Джой в последнее время не в себе.

— Кстати, как они, тетя Джой и дядя Кларенс? — спросил я.

— Кларенс и Джой постарели, на люди выбираются нечасто, — ответила Мэй.

— Можно и так сказать. — Кларк клюнул краешек сэндвича. — Мой совет: умирайте молодыми, пока жизнь еще приносит радость. — Он внимательно исследовал содержимое моей тарелки. — Молодого человека с таким аппетитом прокормить не просто.

— Зато с радостью могу помочь вам закупить продукты и даже кое-что приготовить.

— Ты этим и занимаешься, сынок? Работаете поваром в буфете?

— Нет, я работаю в нью-йоркской компании, производящей программы для компьютеров, — сказал я. Выражение лица Кларка подсказало мне, что он никогда прежде не слышал слов «программист» или «программы». — Мы производим то, что заставляет компьютеры работать.

— Ну что ж, работа на предприятии дисциплинирует людей, удерживая их от опасных соблазнов. — Он опять клюнул корочку своего сэндвича и положил его на тарелку. — Проблема нашего времени в том, что молодежь ничем не занята, болтается без дела по улицам. А виной тому, я считаю, родители. Они слишком эгоистичны, чтоб привить своим детям хотя бы понятия об элементарной дисциплине. Очень грустно оттого, что наш народ — хуже всех.

На эту тему он был готов рассуждать часами.

— Что произошло сегодня утром, дядя Кларк? Расскажите, я ведь так толком и не знаю, что и как, — попросил я.

Он откинулся на спинку стула и нацелился в меня насмешливым взглядом:

— Карл Льюис и глазом бы не успел моргнуть к тому моменту, как я уже набирал «девять-один-один». Это девочку и спасло.

— Часов в шесть утра в дверь позвонили,— продолжила Нетти.— В это время я обычно уже не сплю, бессонница. «Это Стар,— подумалось мне,— и бедной девочке нужна помощь любящих родственников». Меня аж в дрожь бросило: что-то стряслось.

— Данстэновская кровь,— кивнув мне, вставил Кларк.

— Только я открыла дверь, Нэдди, твоя мать рухнула прямо мне на руки. Ни разу в жизни я не видела, чтоб она так выглядела. Мама твоя всегда была очень хорошенькой женщиной и еще долго оставалась бы хорошенькой, не смотря на то что дает себе волю во всем.

— Излишний вес никогда не портил женщину,— отметил Кларк.

— Ну, дело не в набранном весе и не в седине, а в другом. Она была напугана. Ясно как божий день, ты чего-то боишься, сказала ей я. Бедняжка ответила, что ей надо хоть чуточку поспать, а потом она все расскажет. Хорошо, дорогая, говорю, приляг, отдохни на диване, а я пока приготовлю тебе твою старую кровать и, когда скажешь,— завтрак. Она велела мне достать у нее из сумочки записную книжку и позвонить тебе в Нью-Йорк. Но у меня и так был номер твоего телефона, прямо там, на кухне. Но знаешь, Нэдди, я чувствовала, что ты уже в пути, но никак не думала, что ты так близко! Потом я сварила кофе и поднялась наверх постелить чистое белье. Когда вернулась, ее на диване не было. Заглянула на кухню. Стар не было! И тут вдруг слышу: входная дверь открылась, потом закрылась, я бегом обратно и вижу — Стар возвращается к дивану. Говорит, ей стало нехорошо, решила плотненько свежего воздуха.

Нетти покачала головой, будто желая подчеркнуть явное неправдоподобие слов Стар.

— Тогда я ей не поверила, не верю и сейчас, хотя мне очень неловко говорить это ее сыну. Она кого-то там выматривала. Или увидела проходящего мимо.

— Если верить Джой...— начала было Мэй.

Нетти остановила сестру взглядом и вновь посмотрела на меня.

— Я спросила ее: что происходит, милочка? Мне-то можно сказать. И она говорит: тетя Нетти, чувствую, что-то плохое должно случиться, и очень беспокоюсь. Затем спросила, звонила ли я тебе. Твой мальчик уже в пути, говорю ей, и Стар закрыла глаза и заснула. Я немного посидела рядом, а потом вернулась на кухню.

Почувствовав, что подошло время его дебюта, дядя Кларк оторвался от спинки стула и подался вперед:

— Я спустился вниз и увидел женщину, преспокойно себе спящую на моем диване! Что за черт, подумал я, медленно подошел поближе и наклонился рассмотреть получше. Здравствуй, Кларк, сказала женщина и тут же снова отключилась.

— Пришла Мэй, и я приготовила всем нам вкусный завтрак. Немного погодя появилась Стар — стоит и улыбается. Она сказала Кларку: мол, мне почудилось, что я видела твое красивое лицо, дядя Кларк, но потом решила, что приснилось. Стар села за стол, но к еде не притронулась.

— Зато эти две уплетали за себя и за нее,— проворчал Кларк.— Мяли, как парочка табачных фермеров.

— Только не я,— возразила Мэй.— Я ем ровно столько, сколько надо, чтобы не умереть с голоду.

— Стар выглядела получше, чем утром, но тем не менее — *плохо*. Кожа была серого оттенка, и в глазах не было ни искорки. Самое плохое, что я чувствовала и видела: Стар *до смерти напугана*.

— Эта девчонка никогда ничего не боялась,— сказал Кларк.— Просто она знала, что больна, и ты приняла это за ее страх.

— Да она знала, что больна, однако боялась она — за Нэдди.

— За меня? — спросил я.

— Вот именно,— вставила Мэй.

— Кларк тоже слышал, что сказала Стар, но не придавал значения ее словам, потому что были они не о его красивом лице.

— А что она сказала? — Мне вдруг подумалось, что мама уже дала мне ключ к разгадке.

— «С моим сыном может случиться ужасное, и я должна помешать этому». Вот что она сказала.

— Да все я слышал, — буркнул Кларк.

20

Несколько минут спустя я почувствовал непродолжительное, совершенно не свойственное мне успокоение и спросил, не говорила ли мама чего-либо еще о том ужасном, от чего она хотела защитить меня.

— Совсем немного, — ответила Нетти. — И не думаю, что она смогла бы пояснить сказанное.

— Она спросила, — добавила Мэй, — как мне живется без Джеймса. Стар ведь приезжала на похороны. — Хмурым взглядом она напомнила мне, что я не приехал. — Она казалась вялой и безрадостной, в общем, не такой, как всегда. Помню, она попросила Нетти связаться с одним из ее старых друзей. Потом пошла к разделочному столику и как-то очень *странно* вскрикнула. И сразу же грохнулась на пол. Клянусь, я думала, мы потеряли ее. Кларк сломя голову бросился к телефону.

— Супермену так не броситься, — сказал Кларк.

Я сделал глубокий вдох, а за ним — выдох.

— Может, это прозвучит странно, но она случайно не упоминала ли моего отца?

Мэй и Нетти уставились на меня, рот Кларка распахнулся, придав лицу глупейшее выражение.

— Мне кажется, мама хочет, чтобы я узнал его имя. — Пораженный неожиданной идеей, я рывком двинулся вперед на стуле. — Она хотела, чтобы я успел приехать сюда, к

ней. Она хотела, чтобы я не гадал всю оставшуюся жизнь, кто мой отец.

Кларк казался сбитым с толку.

— Ради бога, да с какой стати ты будешь гадать?

— С самого твоего рождения Стар ни словом не обмолвилась о твоём отце, — сказала Нетти.

— Наверное, все откладывала, откладывала до того момента, пока не поняла, что времени почти не осталось.

Тетушки обменялись взглядом, смысла которого я разгадать не смог.

— Я все понимаю — возможно, тогда вы считали, что моя мама бросила тень на вашу семью. Но вы приняли ее, вы приютили меня. Тетя Нетти, тетя Мэй, я бесконечно благодарен вам за все, что вы сделали. Но мне нисколько не стыдно за то, что Стар не была замужем, когда я родился.

— Что за чушь ты несешь? — возмутился Кларк.

— Нашей семье никогда не приходилось краснеть за Стар, — сказала Нетти.

— Ну, может, тогда вы считали, что надо скрывать... — Фраза моя умерла, не успев столкнуться со стеной их полного непонимания.

Мэй прищурилась, будто попытавшись получше сфокусировать свой взгляд на мне:

— Нэдди, когда Стар родила тебя, она была замужем.

— Нет, не была, — возразил я. — Именно об этом я и говорю.

— Уверяю тебя, была, — настаивала Нетти. — Она, по своему обыкновению, в очередной раз сорвалась с места, а вернулась уже замужней женщиной, причем до родов оставалась примерно неделю. Муж бросил ее, но я видела документы.

Все трое смотрели на меня, и во взгляде каждого я видел три разные степени неодобрения и даже негодования.

— Но почему же она ничего не говорила мне?

— Женщины не обязаны сообщать своим детям, что они незаконнорожденные.

Мириады странных чувств, будто искры крохотных фейерверков, обожгли мне грудь.

— А почему она дала мне не его фамилию, а сс?

— Потому что ты был более Данстэном, чем тот человек. Его имя не имело никакого значения.

— А документы у вас не сохранились?

— Вряд ли. Скорее всего, их уже давно нет.

Я без слов согласился. Мамино отношение ко всем официальным бумагам, кроме разве что автомобильных прав, выходило за все пределы простой беспечности.

— Давайте разберемся, все ли я правильно понял. Стар уехала из дома с незнакомым вам человеком, выпла за него замуж и забеременела. Муж бросил ее вскоре после того, как родился я. Так было дело?

— Почти все так,— сказала Нетти.

— А что не так?

Нетти поджала губы и сложила руки на коленях. То ли она пыталась припомнить, то ли мысленно редактировала историю.

— Помню, Стар говорила мне, что парень сбежал через пару месяцев после того, как она поняла, что беременна. Она могла приехать сюда, но купила билет куда-то... Не помню точно, но там у нее была подруга еще со школьных времен. К тому времени, когда Стар уезжала из города, она жила не у меня. Связалась с какими-то подозрительными людьми из Альберта, занимавшимися бог знает чем.

Женщины встали. Через секунду поднялся и я:

— Стар не просила сообщить ее друзьям?

— Большинство этих людей,— Нетти сунула банку с маринадом обратно в сумку,— не имеет понятия, как вести себя в приличном доме. К тому же они все поразежались кто куда.

— Ну, хоть кто-то должен был остаться...

— Если тебе не жалко потерять уйму времени, пожалуйста, вот ее записная книжка.— Порывшись в своей сум-

ке, Нетти вытащила потертую, черной кожи книжку размером с карманный ежедневник.

Стоя у двери, Кларк с раздражением наблюдал за усилиями Мэй отцепить свою трость от стула. Нетти величественно удалялась. Я присел на колени, чтобы освободить трость, и вложил ее в протянутую руку Мэй.

— Тетя Мэй, что сегодня утром сказала вам Джой?

— О... Мы уже разобрались с этим. Джой ошиблась.

— В чем?

— Я сказала ей: Джой, представляешь, к Нетти приехала Стар. Знаю, говорит Джой, я своими глазами видела, как она стоит на пороге и разговаривает с сыном. Ее мальчик — необычайно красивый молодой человек!

— Надеюсь, это доказывает, что со Стар говорил не я,— сказал я.

— Нет, не доказывает,— покачала головой Мэй.— Но я знаю, что доказывает. Если б Стар встретила тебя вне пределов дома, она не просила бы Нетти позвонить тебе.

21

Записная книжка Стар оказалась палимпсестом передвижений ее самой и ее знакомых за великое множество лет. Я стоял рядом с секцией телефонов-автоматов на первом этаже и, листая странички, пытался в хаосе записей отыскать телефонный код Эджертона. Внимание мое привлекли три имени, одно из которых принадлежало человеку, заслужившему такую неприязнь Нетти и Мэй.

Его номер я набрал первым. Сиплый голос на том конце ответил:

— Ломбард.— Когда я назвал его имя, он съязвил: — А кого вы ожидали услышать, Гарри Трумэна?

Но ощущение, что Нетти и Мэй были правы, презируя мужа их младшей сестры, тут же улетучилось, как только я представился.

— Нэд, какие ужасные новости. Как мама себя чувствует?

Я сообщил ему все, что мог.

— Послушай,— сказал Тоби Крафт.— У меня сейчас тут народ из пригорода по вопросу крупной земельной сделки, пытаюсь расширить бизнес, понимаешь? Как освобожусь — сразу же приеду. Ужасно хочется взглянуть на тебя, малыш, ведь лет-то прошло...

Прежде чем он повесил трубку, я успел сказать:

— Тоби, Стар хотела, чтобы мы позвали ее старых друзей, и я подумал — может, вы знаете двух человек, чьи имена я нашел у нее в записной книжке?

— Ну, давай быстренько,— поторопил он.

Я открыл страничку с первым эджергонским именем:

— Рэчел Милтон.

— Забудь. Когда-то ее звали Рэчел Ньюборн. Частенько навещала в Альберт. Роскошный бюст. У нее все шло путем, пока не вышла замуж за этого придурка, Гринни Милтона, и не уехала в Эллендейл.— Прикрыв рукой микрофон, он что-то проговорил, я не разобрал слов.— Нэдди, все, мне пора.

— Еще одно имя. Сьюки Титер.

— А вот Сьюки позвони. Кстати, о бюсте — она была просто чемпионкой. С мамой твоей они души не чаяли друг в дружке. Все, пока.

Я набрал телефон «чемпионки», дождался шесть гудков, затем еще два. Автоответчик не вмешался в процесс. Я уж почти дал отбой, когда на десятом гудке трубку сняли. Сьюки Титер была не более приветлива, чем Тоби Крафт.

— Слушай, паренек, если ты пытаешься вытянуть из меня деньги, то я тебя огорчу: ты ошибся номером.

Скрытый жизнерадостный оптимизм в голосе Сьюки придавал комедийный характер паузе, понадобившейся ей для ответа, а сам ответ поведал мне о ее материальном положении.

Я назвал себя.

— Нэд Данстэн? Не может быть. Где ты, в городе? А мой телефон тебе дала Стар?

— В некотором роде,— ответил я.— Я звоню из больницы Святой Анны.

— Стар в больнице...

Я рассказал о том, что произошло утром.

— Незадолго до того, как ее разбил паралич, Стар попросила обзвонить ее друзей и дать им знать, если случится что-то серьезное. Может, вы подъедете? Это ее порадует.— И тут совершенно неожиданно свалившееся на меня горе, будто прорвав защиту, больно сжало грудь.— Простите...— пробормотал я.— Я не хотел вас расстраивать.

— Сынок, я не против, можешь поплакать,— сказала он.— Она в сознании?

Вопрос помог мне выкарабкаться и взять себя в руки.

— Да, когда не спит.

— Я буду там сразу же, как приведу себя в порядок. Кому еще ты звонил?

— Тоби Крафту. У меня тут еще одно имя. Рэчел Милтон.

— Да? Удивил. Может, они и оставались подругами, не могу сказать. Точно знаю, что Рэчел порвала со всеми своими старыми друзьями. Нэд... Надеюсь, нам удастся поболтать с тобой...

Голосом, состоящим наполовину из меда, а наполовину из черной патоки, ответившая по телефону Милтонов женщина сообщила мне, что доложит миссис Рэчел о моем звонке, а кто звонит? Я сообщил свое имя и добавил, что являюсь сыном ее старинной подруги. Линия умерла на пару минут. Когда наконец трубку подняла Рэчел Милтон, она показалась мне нерешительной, раздражительной и скучной:

— *Пожалуйста*, простите, что заставила вас столько ждать. Лулу пошла искать меня по всему дому вместо того, чтобы просто воспользоваться интеркомом.

Я же был почти уверен, что те две минуты она решала, стоит ли вообще отвечать на мой звонок.

— Вы хотите мне что-то сообщить?

Вслушав меня, Рэчел Милтон сокрушенно поцокала языком. Я чуть ли не воочию видел, как крутятся колесики в ее голове.

— Я надеюсь, вы не сочтете меня бессердечной, но, к сожалению, сегодня я приехать не смогу. Через пять минут убегая на заседание юбилейного комитета, но прошу вас, передайте, пожалуйста, вашей матушке большой привет от меня. И скажите, что я приеду к ней, как только смогу.— Не желая казаться невежливой, она добавила: — Спасибо, что позвонили, надеюсь, Стар вскоре поправится. Я сама с этой жизнью тоже вот-вот загременю в больницу.

— Могу зарезервировать вам палату в «Святой Анне»,— предложил я.

— Гринвила, мой муж, меня прибьет. Он ведь в совете Лаундэйла. Вы бы слышали, как он пробивал федеральные фонды для «Святой Анны». Да после этого они должны поднимать из гробницы Тутанхамона, вот что я вам скажу!

Когда Рэчел Милтон повесила трубку, я сунул руки в карманы и пошел по коридору мимо стеклянной стены магазинчика подарков. Несколько мужчин и женщин в больничных халатах сидели на обитых дерматином скамьях в длинном унылом вестибюле, и человек шесть стояло в очереди в регистратуру.

Маленький светловолосый мальчишка с полными радостного ликования голубыми глазами повернулся в коляске при моем приближении. На груди его футболки красовался розовый динозавр. Грудные младенцы и маленькие дети всегда очаровывали меня. Слов нет, как я люблю тот момент, когда они смотрят прямо в твоё сердце и безошибочно находят там родственную душу. Я помахал ему пальцами и соорудил идиотскую рожицу, которая пользовалась успехом у предыдущих незнакомых малышей. Мальчонка радостно вскрикнул. Высокая, крепко сбитая

женщина рядом с ним взглянула вниз, подняла глаза на меня, затем снова опустила их на ребенка — тот вдруг закричал: «Билл! Билл!» и попытался вывернуться из коляски.

— Сыночек,— обратилась к нему женщина,— это не Билл.

По первому моему впечатлению незнакомка представляла женскую половину местной команды по перетягиванию каната. Однако это впечатление тут же угасло, вытесненное другим — осознанием интеллекта, отпечаток которого лежал на всем ее притягательном, даже притягательно прекрасном существе. Красота и интеллект ее казались неразрывными, и, когда я стоял под мягким взглядом ее карих глаз и с улыбкой наблюдал за попытками ее сына выбраться из коляски и кинуться ко мне, родилось третье впечатление: если кого она и напоминает, так это наделенную сознанием белокурую пантеру. Искра узнавания сверкнула в ее глазах, и я подумал, что она успела четко рассмотреть все, что только пронеслось перед моим мысленным взором.

Скорее всего, я бы покраснел — мое восхищение было настолько очевидным,— если б она едва ли не осознанно не отпустила меня, переключив все свое внимание на сына, что позволило мне как следует рассмотреть ее: отметить совершенство, с каким подстриженные темно-русые волосы обрамляли ее лицо, и дорогую скромность ее синей блузки и белой льняной юбки. В очереди перед окошком регистратуры рядом с дюжиной эджертоновцев в футболках и шортах она казалась чужестранкой. Женщина улыбнулась мне, и вновь я увидел, что ее мягкую красоту прикрывает, словно щитом, интеллект, в то же время переплетаясь с этой красотой и составляя с ней единое целое.

— Очаровательный малыш у вас,— проговорил я, не удержавшись.

Очаровательный малыш изо всех сил пытался вытянуть ноги в кроссовках с застежками-липучками из-за лямок коляски.

— Благодарю вас,— сказала она.— Кобби, это очень хороший дядя, но он не Билл.

Я положил руки на колени, чуть наклонился вперед, и мальчик, развернувшись, взгляделся в мое лицо. Его глаза потемнели от разочарования и тотчас прояснились. Он смешно фыркнул.

— Ну, наконец-то очередь сдвинулась,— сказала она.

Я выпрямился и помахал им рукой. Кобби восторженно помахал мне в ответ, а женщина встретила мои глаза взглядом, согревавшим меня все то время, пока я шел через вестибюль к солнечному свету улицы. За низкой каменной стеной в дальнем конце парковки узкая полоска земли переходила в берег ленивой серо-коричневой Миссисипи. Меня вдруг поразило сравнение: река ползла вдоль западной части города, как уныло-печальная тайна. Интересно, думалось мне, помнили ли тетушки старые небылицы тех времен, когда весь Эджертон уместался на одном берегу реки? Затем сдуру стал гадать, встречу ли когда-нибудь женщину, которую увидел в вестибюле больницы. А если встречу — что тогда? У нее ребенок — следовательно, есть муж, и все, что я навоображал о ней, было не более чем естественным в этой ситуации отвлечением внимания от моих страхов за мать. Этого хватило, чтобы напомнить мне: такие люди на самом деле существуют.

22

Думая о предстоящих мне ночных дежурствах, я заглянул в магазин подарков, взял парочку детективов в бумажной обложке и немного леденцов. Седая кассирша повертела в руках книги в поисках ценников на обложках и начала тыкать пальцем в клавиатуру.

За моей спиной вдруг детский голосок прозвенел: «Ты — не — Билл!» — и следом рассыпался смехом. Я повернулся и увидел знакомые озорные смеющиеся голубые глаза.

Мальчонка в одной руке держал кроссовку, в другой — плюшевого медвежонка.

— Я не Билл? — улыбнулся я его матери.

Привлекательность женщины еще более, чем раньше, показалась мне цитом, за которым она могла строить собственные умозаключения по поводу откликов, которые вызывало ее обаяние.

— Снова встретились... — проговорила она.

— Госпиталь так мудрено спроектирован, что рано или поздно обязательно встречаешься с кем-то дважды.

— А вы не знаете, где отделение интенсивной терапии? Я здесь впервые.

— Третий этаж,— сказал я.— Пойдемте, провожу.

Женщина за прилавком отсчитала мне сдачу и опустила книжки и конфеты в пакет. Я отошел чуть в сторону, и к прилавку подошла мать мальчика.

— Почем у вас плюшевые мишки?

Продавщица внимательно посмотрела на мальчика. Лучшее весельем, малыш смотрел на нее в ответ.

— Пациентам нашего отделения запрещено передавать подарки или цветы.

— Это ему.— Мать малыша порылась в сумочке.— Награда за хорошее поведение. Или взятка, не знаю. Наша обожаемая няня сегодня утром покинула нас.

Мальчик показал на меня пальцем и сказал:

— Ты-не-не-Билл!

— Это действительно так,— доверительно сообщил ему я.

Прижав кроссовку и мишку к груди, малыш залился смехом. Я попытался припомнить его имя и не смог. Он встретился глазами с моими и заявил:

— Билл ездит на газонокосилке!

— Нет, это ты едешь на газонокосилке,— сказал я, поскольку противоречие — первый принцип юмора четырехлетнего человека.

Мы вышли втроем из магазина и свернули к лифтам.

— Ваш новый лучший друг — мой сын, зовут его Кобби, а меня — Лори Хэтч, — сказала женщина. — Моей уборщице вчера сделали операцию, и мы пришли навестить ее. У вас тоже кто-то в интенсивной терапии?

— Моя мать. — Мы подошли к секции закрытых дверей, я нажал на кнопку. — Нэд Данстэн, рад познакомиться.

— Я тоже, Нэд Данстэн, — проговорила она с легким оттенком иронии, а затем взглянула на меня более задумчиво. — Я слышала это имя прежде. Вы местный?

— Нет, я из Нью-Йорка. — Я поднял голову, разглядывая подсвеченные цифры номеров этажей над дверями лифта.

— Надеюсь, с вашей мамой все в порядке.

Кобби переводил взгляд с меня на свою мать и обратно.

— У нее инсульт, — сказал я. Долгое мгновение мы оба внимательно изучали светящуюся желтым стрелку «вверх». — А вашу уборщицу, наверное, зовут миссис Льюм?

Она осветила меня удивленной улыбкой:

— Вы ее знаете?

— Нет, но ее знают мои тетушки.

Пока мы беседовали, из вестибюля понемногу подходил народ. Все внимательно наблюдали, как над дверью в левый лифт зажглась сначала цифра 3, затем 2. Когда вспыхнула единица, толпа хлынула влево. Двери раскрылись, обнажив плотно спрессованную группу людей, которые просачивались в вестибюль, в то время как толпа ожидавших начала давить вперед. Лори Хэтч, не выпуская коляски, попятилась назад.

— Как тебя зовут? — спросил меня Кобби.

— Нэд. — Я следил, как справа от нас «двойка» сменилась «единицей».

Двери загруженного лифта закрылись. Через пару секунд справа открылись другие, выпустив тележку, которую толкал санитар. Он задержал взгляд на Лори, потом глянул на Кобби и затем многозначительно ухмыльнулся мне, когда я последовал за ними.

— Не спеши с выводами, приятель, — посоветовал я ему.

— А я и не сужу никогда с бухты-барахты, — ответил он. Мы оба рассмеялись.

Кобби похвастался мишкой:

— Его зовут Нэд. Это медведь по имени Нэд.

— Ох, Кобби. — Лори присела на колени надеть сыну снятую кроссовку.

Кобби навалился грудью на лямку коляски и самым своим низким голосом нараспев повторил:

— С бухты-барахты.

Лифт остановился, двери расползлись в стороны. Лори взволнованно взглянула на меня.

— Не понимаю, откуда это у него. — Толкнув коляску в коридор, она повернула не в том направлении. Я показал ей рукой, где отделение интенсивной терапии. — Он просто автоматически повторяет все, что слышит.

Я опустил взгляд на Кобби. Малыш внимательно посмотрел на меня и, изобразив на мордашке комическую взрослую серьезность, прорычал:

— С БУ-ХТЫ-БАРАХ-ТЫ!

— У него, наверное, внутри магнитофон, — пожала плечами Лори.

— У него отличный слух, — сказал я, продолжая улыбаться. — Если он не станет комедийным актером, из него может получиться музыкант.

— Его отца хватил бы инфаркт. — Лори испугала меня взглядом, настолько полным негодования, что он обжег меня, как раскаленное клеймо. — Мы разведены.

Не стовариваясь, мы одновременно посмотрели на Кобби — мальчик, прижавшись губами к мишкиному уху, шептал, что никогда не судит с бухты-барахты.

— Он даже не хотел, чтобы я брала с собой в больницу Кобби.

— Ваш муж не испытывает симпатии к «Святой Анне»?

— Стюарт в совете Лаундэйла. Он считает, что достаточно просто заглянуть сюда, как подхватишь вирус.

— Он, наверное, знаком с Гринвиллом Милтоном?

Лори остановилась и удивленно взглянула на меня.

— Только не говорите мне, что *вы* знакомы с Гринни Милтоном! — Печаль мгновенно смягчила выражение ее лица. — Хотя это, конечно, вряд ли: он нигде не появляется, за исключением разве что университетского клуба и «Лё Мадригалья».

— Да нет, на самом-то деле мы не знакомы. Его жена — старинная подруга моей матери. Минут пять назад я звонил ей, рассказал о маме, и она упомянула, что ее муж в совете Лаундэйла.

— Ваша мать дружила с Рэчел Милтон? И я через пять минут могу с ней встретиться?

— Не исключено.

— Здорово. Так или иначе, это наше отделение. Самый малый вперед.

Я распахнул огромные двери и пропустил Лори. Цвик подняла глаза над конторкой и изготавилась к битве. Объявление под окошком, на которое я в прошлый раз не обратил внимания, объясняло причину.

— Ого, — проговорил я, — планы слегка меняются. — Я показал на объявление: — «Детям вход запрещен».

— О нет! — воскликнула Лори. — Черт возьми! Кобби, детей сюда не пускают. Тебе придется ждать меня здесь. Я быстро, буквально две минутки, хорошо?

Кобби поднял на маму глаза — в них плескалась тревога.

— Я могу посадить тебя у окошка, и тебе будет меня все время видно.

— Давайте я посижу с Кобби, — предложил я. — Дело-то.

— Нет, я не могу...

— А я хочу остаться с Нэдом и Нэдом, — заявил Кобби. — С этим Нэдом и с тем Нэдом.

— Сначала вы сделались моим гидом, потом вам пришлось выслушивать мои жалобы, а теперь становитесь нашей нянькой.

Неожиданно выскочила тетя Нетти и резко остановилась, задержав руку на дверной створке.

— Не помешала?

— Какие глупости, тетя Нетти. Этот миссис Хэтч. Она пришла навестить миссис Люм. Мы только что познакомились внизу, и я пообещал ей посторожить ее сына, пока она побудет в палате. Лори, это моя тетя, миссис Рутлидж. — Не удержавшись, я улыбнулся абсурдности того, что пришлось оправдываться.

— Здравствуйте, миссис Рутлидж. — Лори удалось скрыть ощущение неловкости куда лучше меня. — Не покажи мне ваш племянник дорогу сюда, я бы наверняка заблудилась.

Кобби воспользовался моментом для того, чтобы выступить со своим: «Я никогда не сужу с БУХТЫ-БАРАХТЫ!»

Лори простонала что-то вроде: «О Кобби!» Нетти вознамерилась было выплеснуть свое негодование на мальчика, но почти сразу смягчилась.

— Устами младенца... Малыш, как тебя зовут?

— КОБДЕН КАРПЕНТЕР ХЭТЧ! — выкрикнул Кобби и, откинувшись на спинку коляски, захихикал.

— Замечательное имя. — Нетти с королевским достоинством повернулась к Лори. — Уверена, миссис Люм будет рада вашему приходу.

Через окошко я наблюдал, как Лори Хэтч подходит к боксу миссис Люм, а тетя Мэй ковыляет к сестринскому посту. Я опустился на корточки у коляски. Динозавры были любимыми животными Кобби, а любимым динозавром был тираннозавр рекс. Тетя Нетти ретировалась внутрь отделения. Тетя Мэй придирчиво оглядела сестринский пост, оперлась на стойку и схватила степлер со стола. Затем сунула его себе в сумку.

— О господи... — проговорил я, поняв, что Винс Хардтке все это видел.

— О ГОСПАДИИ, — пропел Кобби, — О ГОСПАДИИ, мамочка идет!

Тетя Мэй навалилась на стойку и взяла блокнот и ручку с другого стола.

Из дверей вышла Лори:

— Ну, как вы тут без меня?

— Как миссис Люм?

— Ей получше, но еще очень слаба. Я заскочу к ней еще разок, когда ее переведут в обычную палату.— Глаза Лори сверкнули, и она легко рассмеялась.— А вы, похоже, чувствуете себя перед тетушкой как школьник, да?

Что бы я ни собирался ответить на это, слова тут же растаяли во внезапно закружившем меня вихре чувственных видений. Женское тело накрывает меня. Волосы скользят по лицу, и зубы прижимаются к основанию шеи. Запах пота и духов наполняет ноздри. Улыбка Лори гаснет. Руки мои, вытянутые вдоль тела, массируют ягодицы лежащей сверху женщины. Ее грудь приближается к моему рту. Язык быстро обводит сосок. Женщина на мне чуть раздвигает бедра, я вхожу в нее и начинаю двигаться в ней...

— Нэ, вам нехорошо?

Я попытался что-то сказать.

— Нет, я...

Я прижал руки к лицу, и женщина, только что слившаяся со мной в единое тело, обратилась в дым. Я опустил руки.

— Простите... Все в порядке.— Я прочистил горло, провел носовым платком по лбу и послал Лори, как мне показалось, ободряющий взгляд.— Наверное, не выспался.

— Мне не хотелось бы оставлять вас, если вам нехорошо.

А я очень хотел остаться один.

— Ничего, ничего, я уже в порядке. Честное слово.

Я подошел к двери в коридор и открыл ее, пропуская Лори. Все еще озадаченная, она обошла коляску, и мое помраченное сознание стало чуть проясняться. Я вспомнил, как она представилась мне большой сияющей золотой пантерой.

— У вас было такое лицо... Словно вы ели самое восхитительное в мире мороженое, но это приносило вам жестокую головную боль. Удовольствие и боль.

— Неудивительно, что я показался вам больным,— сказал я.

Ну, точно, переутомился, признался я себе. Когда я думал о чем-либо другом, кроме состояния Стар, это вызывало во мне чувство вины, и в то же время прекрасная незнакомка по имени Лори Хэтч бессознательно затронула во мне некие струны и вызвала десятисекундное помрачение. С другой стороны, очень может быть, близился очередной припадок. Силуэт доктора Барнхилла то расплывался, то появлялся в фокусе. Глядя поверх его инопланетянской головы, я увидел, что в отделение входит женщина, присутствие которой показалось бы более уместным на углу Десятой стрит и Второй авеню. Темные, чуть рыжеватые волосы развевались вокруг ее славного круглого лица с шаловливо-лукавым выражением глаз, опаловая туника была застегнута от талии до шеи над широкими черными брюками. Мне отчего-то стало легче на душе еще до того, как я понял, кто она. Сьюки Титер выглядела как магарани*. Доктор Барнхилл быстро шел вдоль боксов, и магарани энергично устремилась вперед. Глядя ей вслед, я мысленно слышал аккомпанемент множества тоненьких колокольчиков.

Как океанские лайнеры, Нетти и Мэй грациозно и величаво развернулись и направились к пологу.

— Полагаю, вы Сьюки Титер? — Я протянул руку.

— Мальчик мой, здравствуй.— Она крепко обняла меня. От ее волос исходил едва уловимый аромат мяты и сандала.— Я бы, конечно, давно уже примчалась, но мне, представляешь, надо было повторить наизусть «Геттисбергскую речь»**, а потом забрать машину из ремонта! — Она отступила на шаг.— Я так благодарна тебе за звонок. А сам ты... Ты невероятно... Бог мой! Ты просто чудо, вот ты кто!

* Maharanee (инд.) — супруга магараджи.

** Самая знаменитая речь президента Линкольна, которую он произнес 19 ноября 1863 года на открытии национального кладбища в Геттисберге; вошла в энциклопедии как образец мудрости и выразительности.

— Вы тоже чудо.

Доброжелательное лицо Сьюки покрылось румянцем. Широко поставленные, лучистые глаза были разного цвета: правый — зеленовато-голубой, левый — зеленый, как нефрит.

— Рассказывай все-все.

Я почти закончил говорить, когда Нетти отдернула полог в сторону и выплыла из бокса, а за ней следовала Мэй.

— Тетя Нетти,— сказал я,— вам приходилось встречаться с давней подружкой Стар Сьюки Титер?

— Приходилось. Вы мне все крыльцо засыпали сигаретным пеплом.

— Мне искренне жаль, что со Стар такое случилось, тетя Нетти,— сказала Сьюки и прошла в бокс.

Немного погодя Нетти резко кивнула и словно обратилась в камень:

— Все ясно.

— Что ясно?

Нетти обожгла меня взглядом, который обычно называют убийственным:

— Ты звонил Тоби Крафту.

— По-моему, ему следует знать,— сказал я.

К нам приближался мужчина с серым, щербатым лицом, в очках с темно-коричневыми стеклами, одетый в отвратительный клетчатый, явно не по сезону теплый пиджак. Его туловище напоминало сигарный окурок. Зачесанные назад — в стиле Джорджа Вашингтона — седые волосы на несколько дюймов не доставали до плеч. Под строгим, неправдоподобно маленьким узлом невообразимого галстука морщился гармошкой воротник рубашки, которую он носит уже как минимум неделю.

— Кто следующий? — спросила Нетти. — Мистер Джон Диллинджер?

— О, а вот и Тоби Крафт,— сказала Мэй. — Легок на помине...

Сьюки Титер раздвинула в стороны полог, и тетушки как по команде разом посторонились. Горе словно затуманило присущую Сьюки блистательность.

— Позвони мне вечером, хорошо? А если вдруг что-то изменится раньше — тоже звони. — Она вытерла слезы, не отрывая от меня взгляда. Своеобразие цвета ее глаз создавало впечатление, будто я смотрю одновременно на двух людей, заключенных в одно тело.

Сьюки кивнула и пошла по проходу. Глаза Тоби, увеличенные оптикой до размеров куриных яиц, не отрывались от блузки на ее груди.

— Сорви эти крышки люков с его носа, он станет еще страшней,— пробурчала Мэй.

При ближайшем рассмотрении лицо Тоби напоминало домашний сыр.

— Славная девочка. На редкость хороша. Ну, здравствуй, молодой человек! Рад тебя видеть. Спасибо, что позвонил.

Он протянул белую пухлую лапу, обильно покрытую серебристым пушком.

— Каков молодец, приехал, да? — Тетупки не ответили. Он выпустил мою занемевшую руку. — Эх, мне бы твою молодость на двадцать четыре часа. Больше не прошу — только на двадцать четыре часа. Ладно, черт, — по крайней мере, хоть волосы я сохранил. Ну, как Стар?

Я вкратце описал ему ситуацию.

— Хреново дело. — Он провел рукой по волосам. — Надо бы показаться ей.

— Я пойду с тобой,— сказала Мэй, взяла его за руку, и оба скрылись за пологом.

— Тетя Нетти,— зашептал я,— вы должны быть в курсе: ваша сестра стащила кое-какие вещи со стола медсестер. Что происходит?

Она взглянула на меня скорее огорченно, чем разгневанно, и потянула в дальний конец помещения.

— Тебе следовало бы знать, дружок: то, что делает твоя тетя Мэй, абсолютно тебя не касается. Она сорока-воровка. Только и всего. И никому от этого особого вреда нет. Что там она взяла?

— Степлер,— доложил я,— несколько ручек, блокнот. Но это не...

— Все эти люди, если им требуются канцелярские товары, идут на склад и набирают бесплатно все, за что нам приходится платить по десять долларов в магазине. Мэй помогает сохранять равновесие. Помни — ты Данстэн. Ты должен стоять горой за своих.

Мне в голову не приходило абсолютно никаких возражений.

Силовое поле Нетти почти утратило интенсивность:

— Позволь, я тебе кое-что разъясню. Сестру мою ноги, может, слушаются плохо, зато руки у нее очень проворные. Мэй — лучшая в мире сорока. С тех самых пор, как умерла Куинни.

— Куинни?

— Королева сорок. А как, думаешь, она заработала себе эту кличку? Твоя бабушка могла преспокойно выйти из магазина с цветным телевизором под мышкой, другой рукой толкая посудомоечную машину на тележке, причем менеджер отдела открывал и придерживал для нее дверь, желая хорошего дня.

Мы вернулись к боксу номер пятнадцать в подобии согласия. Лицо Нетти сияло удовлетворением от успешного выполнения трудного задания, я же с трудом сохранял невозмутимый вид.

Из бокса появился Тоби, потирая пальцами щербатую щеку. Выражение его лица могло сойти за меланхолическое.

— Держи меня в курсе, слышишь? Хочу знать обо всем, что происходит. Твоя матушка работала на меня, еще когда ты был стручком, ты знаешь об этом?

— Я помню,— сказал я.— Как ваша сделка с недвижимостью? — Глаза его потемнели, и я добавил: — Вы мне по телефону о ней говорили.

— А, да. Двигается потихоньку.— Глянув искоса на меня, он повернул к выходу.— Остановился у Нетти?

Я кивнул.

— Если придется туго, могу подыскать тебе приемлемое опрятное жилье, скажи, не стесняйся. А если вдруг захочешь малость подзаработать, место в моей лавке тебе найдется... Потому что ты напоминаешь мне свою матушку.

— Учу,— откликнулся я.

Он кивнул мне, я — ему, словно мы только что заключили сделку. Тоби положил руку на мое плечо и притянул меня ближе к ядовитым испарениям никотина и геля для волос.

— Между нами, ты подметил, что Мэй делает кое-какие вещи, которые не подобают пожилой леди? Советую притвориться, что не замечаешь. Умный понимает с полуслова.

— Она уже смахнула все, что не приколочено,— сообщил я.

Тоби потрепал меня по затылку и хихикнул.

— Нетти говорит, это наследственное.

— Куинни! Вот кто был настоящим виртуозом.

Кларк поднес пушистую ладонь ко рту и поцеловал кончики пальцев.

24

На ужин были в точности такие же, как и на ленч, бутерброды, маринованные огурцы и картофельный салат. Кларк аккуратно пристроил на своей вилке крошечный белый комочек салата и проговорил:

— Слышал тут о тебе, сынок.

Я молча выжидал.

— Помнишь, я говорил о Пайни Вудсе? Сегодня днем я совершенно случайно встретился с ним. Он сказал, шестьсот долларов.

— Вот как?

— Парень по имени Джо Стэджерс и три его дружка ломают голову, как бы отыграться.— Кларк мельком глянул на меня.— Это ребята из Маунтри. С ребятами из Маунтри лучше не связываться.

— Дядя Кларк,— сказал я.— В следующий раз, когда вы совершенно случайно встретитесь с Пайни Вудсом, сделайте мне одолжение, а? Скажите ему, что никогда ни у кого по имени Джо Стэджерс я не брал шестисот долларов. Никогда в жизни я не встречал человека по имени Джо Стэджерс. В карты я не играю, и вообще мне надоело слушать все это.

Кларк погрузил вилку в картофельный салат:

— Ну, так я ему почти то же самое и сказал. А Пайни ответил, что сам говорил бы так же, будь он на твоём месте.

Незадолго до смены персонала я подошел к конторке и заметил, что молния на моем рюкзаке застегнута не до конца. Во время одной из своих грабительских вылазок Мэй вскрыла рюкзак и стащила что-то, привлекавшее ее сорочий глаз,— она не знала, что рюкзак мой. Опустившись на корточки, я вытащил блейзер, который затолкал туда кто-то, кто еще меньше меня боялся измять его, и проверил сложенную внутри одежду. Ничего, похоже, не пропало, даже плеер и диски остались на месте. Я направился к дежурной.

— Сестра Цвик,— обратился я к ней,— вы не видели, не трогал ли кто мой рюкзак? Его никто не открывал?

— Только вы,— последовал ответ.

После семи вечера сестра сообщила, что миссис Гринвилл Милтон прислала букет, но, поскольку цветы запрещено приносить сюда, букет остался внизу. Я предложил ей отправить букет в детское отделение.

Кларк устроился в кресле и захрапел.

Стар продолжала бороться за ясность своего рассудка, подниматься и отступать. Тетушки мои продолжали твердить ей, что надо постараться поспать. Мне же казалось,

что мама хочет поговорить со мной и поэтому не выпускает мою руку из своей.

Около девяти вечера Нетти, высунув голову за полог бокса, прошептала:

— Мэй, к Клайду Прентиссу пришли двое. Это надо видеть!

— Может, это его *шайка*,— всполошилась Мэй и высунула голову наружу.

Появление сегодня днем двух полицейских в форме и детектива в гражданском у бокса номер три неожиданно разбудило в тетушках сыпичкий порыв. История правонарушения Прентисса претерпела изменения: от незначительной кражи (то есть, по представлению тетушек, одного из честных способов экономического перераспределения) — к ограблению с применением оружия, тайному сговору с целью сбыта украденного и, наконец, дошла до крупного злодеяния в виде вооруженного грабежа и покушения на убийство плюс обвинение в изнасиловании. А тот факт, что Прентисс был оправдан по всем перечисленным обвинениям, ничуть не умалял его преступлений. Кто подстрелил его — разве не ночной сторож во время попытки проникновения на склад через окно? Разве не его соучастники были задержаны в грузовичке, битком набитом микроволновками? А вдобавок к этому — самое страшное, мирового класса уголовное преступление: разбитое сердце матери. Нетти и Мэй, ни минуты не колеблясь, сделали бы отбивную из сердца самого Клайда Прентисса, вот почему они никак не могли упустить случая хорошенько рассмотреть его соучастников.

Стар сжала мою руку.

— Ты хочешь рассказать мне об отце? — спросил я.

Стар буквально впилась в меня взглядом. Она приоткрыла рот и произнесла ряд гласных звуков. И тяжело вздохнула, расстроенная.

— Его звали Роберт?

— Нннн...

— Мне показалось, что ты именно так его назвала.

Она собралась с силами:

— Нет, не Ррр... Берт...— Следующие несколько секунд Стар пыталась отдышаться.— Эдв... Эдвард.

— А фамилия?

Она глотнула воздуха и встретила мои глаза взглядом, от которого я едва не подскочил:

— Рринн. Т!

— Риннт?

Стар рывком поднялась с подушки:

— Райн.— Приборы стали выдавать сигналы тревоги.— Хррт!

Откуда-то очень издалека, из моего детства отдалось эхом знакомое имя.

— Райнхарт? — переспросил я.

Отбросив полог, в бокс влетела ночная дежурная сестра и вытолкала меня вон, но я позволил ей сделать это лишь после того, как убедился: мама утвердительно кивнула.

В десяти футах от меня, в проходе у конторки, заняли боевой пост тетушки.

Кларк, громогласно всхрипнув, вскочил вдруг на ноги. Покачиваясь, он пришел в себя и присоединился к нам:

— На что вы тут тарацитесь?

— Банда Клайда Прентисса пожаловала. Это те, что успели скрыться, когда он едва не отдал Богу душу.

Тщедушный, маленький, похожий на хорька с эспань-окой, из-за полога выскочил тип в черном кожаном жилете, а за ним следом — сильно накрашенная плотная блондинка в короткой кожаной юбке и джинсовой куртке, застегнутой поверх лифчика. Кларк хихикнул.

Блондинка взглянула в его сторону и бросила:

— Приветик, Кларк!

— Ты выглядишь потрясающе, Кэсси,— откликнулся Кларк.— Очень жаль вашего друга.

Хорек зыркнул на него и потянул блондинку за руку к двери.

Потрясенные тетушки повернулись к Кларку:

— Каким, интересно, образом ты знаком с этим отребьем?

— Кэсси Литтл вовсе не отребье. Она прислуживает в баре «Спидвей», недалеко от города. А этот коротышка с ней — Френчи, я знаком с ним только понаслышке. Помоему, Кэсси могла бы найти себе кого-то посolidнее.

Я вернулся в бокс и попрощался со Стар. Руки ее были вытянуты вдоль туловища, грудь вздымалась и опадала. Я пообещал маме, что приду утром, шепнул, что люблю ее, и поцеловал в щеку.

Сидя рядом с Мэй на заднем сиденье «бьюика», я объявил, что хотел бы кое о чем поговорить, прежде чем все разойдутся спать.

Нетти уселась на небольшой диван, со стуком поставила сумку на пол, заглянула внутрь и одним резким движением закрыла ее. Кларк, устроившись в мягком кресле, обеспокоенно взглянул на меня. С тяжелым вздохом Мэй опустилась рядом с Нетти. Я бросил свои пожитки у лестницы, сел на расшатанный стул и, скрестив на груди руки, подался вперед. Стул заскрипел. Самые разнообразные сомнения, сплетающиеся и наслаивающиеся пластами, громоздились в моей голове и сковывали язык.

— Я видела, ты помахал Джой,— сказала Нетти.— Если не зайдешь к ней после того, как проводишь Мэй, ты очень ее огорчишь. Ну а теперь, думаю, самое время выложить, что у тебя на уме.

— Даже не знаю, с чего начать,— сказал я.— Пока вы поджидали гостей Клайда Прентисса, мама не выпускала моей руки. Она хотела сообщить мне имя.

На миг опередив остальных, Нетти остановила на мне предостерегающий взгляд.

— Никак не возьму в толк, о чем это мы,— пожаловалась Мэй.— Может, поделим то, что у Нетти в сумке, да я пойду, а?

— Говорит ли вам о чем-нибудь имя «Эдвард Райнхарт»? Тетушки обменялись взглядами, слишком стремительными, чтобы я успел их прочесть.

— Нетти, тебе знакомо это имя?

— Нет, — покачала головой Нетти.

— Стар уехала отсюда с этим человеком. Она и ее друзья часто навещали вас, они засыпали сигаретным пеплом ваше крыльцо. Может, среди них был и Эдвард Райнхарт?

— Нет, приходила Сюки, еще какие-то девицы, сидели, несли разную чушь о каком-то Ал-Бэр Кэм-у-у, — привела Нетти доказательство того, что ее память по-прежнему отменна.

— Ну, если вы припомнили Альбера Камю, вряд ли вы могли забыть имя человека, который увез мою маму с Вишневой улицы.

— Доживешь до моих лет, еще и не такое забудешь.

— А что там у тебя в сумке? — поинтересовался у Нетти Кларк.

На диване вырос курган из ручек и карандашей, блокнотов и блокнотиков, ножниц, скрепок для бумаг, цилиндриков бальзама для губ и тюбиков увлажняющего крема, зажигалок, пресс-папье, конвертов, настольных календарей, кофейных кружек, свернутых в бухточки пластиковых трубок, электрических ламп, образцов антигистаминных и назальных стероидов в разовых упаковках, ватных тампонов, марлевых бинтов, рулонов скотча и туалетной бумаги, штемпелей... Немного погодя мое отвращение уступило место изумлению, и я с трудом сдерживался от смеха. Ситуация напомнила мне цирковое представление — тот его момент, когда клоуны гурьбой вываливаются из маленькой машины.

Сестры начали делить трофеи на две равные кучки, при этом откладывая часть в третью кучку, поменьше.

Больше я был не в силах удерживать смех.

— А тапочек из кожи аллигатора для дяди Кларка нету? Мне кажется, я вижу там новые трусы и носки.

— Мужчины-медики носят такую обувь очень редко, — авторитетно заявила Мэй. — А что касается остального, тебе придется подождать, когда я в следующий раз наведаюсь в Лайалл.

Нетти выплыла на кухню и возвратилась с двумя бумажными пакетами: один для добычи Мэй, второй, поменьше, — для третьей доли.

— Когда проводишь Мэй, отнеси это, пожалуйста, Джой. Свет я гасить не буду.

Я помог Мэй спуститься. На другой стороне улицы темная фигура Джой просматривалась в щели между штор. Лампы выплескивали крути густого желтого света на тротуар, отодвигая деревья в темень. Ночной воздух был полон влаги, как туман. Мы с Мэй сошли с края тротуара.

— Неужели вы никогда не боитесь, что вас поймают? — спросил я.

— Нэдди, я слишком опытна, чтоб попасться. А теперь помолчи, потому что болтовня может накликать беду.

Я перевел ее через дорогу на противоположную сторону, и мы вошли в круг света фонаря. Наши тени пали на асфальт.

— И на ту тему тоже давай-ка помалкивай, если не хочешь неприятностей.

— Не понимаю, — снова начал я. — Мы же говорим о человеке, который исчез тридцать пять лет назад.

— Что ж, тогда помолчу я — за нас обоих. — Она не проронила больше ни слова, пока не дошла до дома и не поблагодарила за то, что я проводил ее.

Жившая рядом старенькая, согнутая остеопорозом Джой приняла пакет с «подарками» и слабым голосом, от возраста или от горя истончившимся до полупрозрачности, так робко пригласила меня зайти, что мой отказ показался невероятным облегчением нам обоим. Самая дряхлая из трех оставшихся в живых сестер казалась частью той же отдающей плесенью, нездоровой атмосферы, что и затхлая бедность жилища, смутно маячившая за ее спи-

ной. Я пообещал зайти завтра днем. Вернувшись в дом Нетти, я поднял свои вещи наверх.

На столике у кровати с пружинным матрасом горела лампа, напротив была раковина с зеркалом и домашней аптечкой над ней. В распахнутое окно я увидел, как погрузился в темноту дом Джой. Положив вещи на покрытый линолеумом пол, я расстегнул молнию рюкзака и достал блейзер, плеер с дисками и бритвенный набор. Одежду на завтра я сложил на сиденье тростникового стула, блейзер повесил на спинку.

Пружины взвизгнули, когда я улегся и накрылся простышкой с тонким одеялом. Плеер заряжен диском с Монтеверди в исполнении Эммы Кёркби, наушники надеты. И только я собрался нажать на кнопку и включить музыку, как заметил, что блейзер висит на спинке стула неровно. Решив перевесить его в шкаф, я поднялся, взял блейзер в руки и почувствовал, что в его правом кармане лежит что-то тяжелое.

Опустив руку в карман, я вытащил оттуда толстую пачку банкнот и высыпал их на одеяло. Три по пятьдесят, множество десятков и двадцаток, еще больше пятерок и по доллару — всего оказалось пятьсот семьдесят пять долларов. Я разделил две пятерки, склеенные пролившимся на них пивом, и пересчитал заново. Пятьсот восемьдесят один доллар. Я глядел на деньги и чувствовал, что дверь-то следовало бы запереть. Затем я подумал, что банкноты надо мелко-мелко порвать и спустить в унитаз. В конце концов я затолкал их в передний карман моего рюкзака. Затем, подойдя к зеркалу, взглянул на свое лицо и ничего нового не увидел. Толкнув ногой рюкзак под кровать, я погасил свет и зарылся головой в подушку.

25

Впервые за много лет бессознательное утянуло меня в знакомый с детства повторяющийся кошмар. И хотя он уже давно не приходил ко мне, каждая мельчайшая его

подробность оставалась яркой и живой, как кадры киноленты.

Когда я был младше, сон начинался с того, что тень разрывала соединявшие нас с ней нити, а заканчивался тем, что тень указывала мне на лес. В снах более поздних я преследовал тень через лес. Жуткие монстры срывались с нависающих скал, вгрызались в мои плечи и впивались зубами в шею. Спустя некоторое время я бежал из Вермонта. И до поры до времени непредсказуемость сна удерживала меня от того, чтобы рывком вынырнуть из него. До этого момента мой страх, помимо ощущения того, что я *узнавал тех монстров*, мучил меня. Непредсказуемость же как бы являла собой возможность победить монстров. Когда события сна достигали момента, что я вот-вот должен был спастись, — я просыпался.

Тем не менее сотни раз, прежде чем я высвобождался из кошмара, передо мной появлялась тень: либо стояла, привалившись к стволу дерева, либо качала ногой, сидя на нижней ветке. Иногда зависала в воздухе, картинно развалившись в ленивой позе, подперев рукой щеку.

— Все воюешь... — говорила тень. — Тебе не приходилось задаваться вопросом, где это кончится?

— Когда поймаю тебя, — отвечал я.

— Ты невнимателен. Я спросил: *где* это кончится, а не *как*.

— Это кончится здесь. — Хотя я указывал рукой на лес, я сомневался в сказанном.

— Это лучшее, на что ты способен?

— Да мне наплевать, где это случится.

— Динь-дон, — пропела тень. — Будет ли тебе наплевать, если это произойдет в лесу Джонсона, что сразу за городом под названием Мидлмонт, штат Вермонт?

— Нет. — Желудок мой словно облило холодом.

— Динь-дон. Мы хорошенько подумаем о возвращении в лес Джонсона, не так ли?

— Это не лес Джонсона.

— Динь. Полуправда. Вспомни-ка, что сейчас происходит. Ты же *спишь*. Откуда тебе знать — может мы сейчас в самой гуще того леса, где ты едва не покинул бранный мир.— Невидимая улыбка расплылась на невидимом лице — еще одна невозможная вещь, но именно так оно и было.

— Это совсем не похоже на лес Джонсона.— Винтом поднимавшийся от желудка холод царапнул легкие.

— Динь.— Тень вздохнула.— А разве у тебя никогда не возникало ощущение, что в снах одно превращается в другое, преувеличивается и усложняется до безумия? Что сны имеют тенденцию к сюрреальности?

— О чем ты?

— Мы с тобой приближаемся к тому, что тебе не раз приходилось видеть.

— Я не знаю, что...

— Динь-дон. Это уж точно.

Мне вспомнились темные контуры крыши над темным лесом.

— Что, не нравятся старые дома в лесу, а?

— Не напугаешь.

— Динь-дон, динь-дон! Последний раз ты искал не в том месте. Если когда-нибудь все же доберешься до *правильного* места, тебе будет грозить опасность узнать наконец, кто ты есть.

Как к крайнему средству, я прибег к старому утверждению:

— Такого «правильного» места нет.

— «Правильное» место — то место, в которое ты меньше всего хочешь попасть. Когда попадешь туда, ты будешь там, где меньше всего хочешь быть. Если ответишь на мой вопрос, я отвечу на твой.

— Валяй.

— На протяжении всей своей жизни тебя не оставляет ощущение потери чего-то исключительно важного. Если найдешь утраченное, сможешь ли ты после этого жить?

Даже полусумасшедший не станет отвечать на подобный вопрос — сразу вспоминались пословицы о деревянных пятаках* и котях в мешке. Тем не менее у меня само собой вырвалось «да», и было поздно говорить: «Задай другой вопрос».

— Теперь моя очередь.

— А я передумал. Извини, твоей очереди не будет,— сказала тень, сорвалась и улетела.

И вновь, будто мне опять двадцать лет, я последовал за тенью через густой лес. Нахальная тень летела над землей, я слышал ее «динь-дон», и насмешливые слова о сюрреализме, и намеки на дома в чаще, и парадоксы о настоящих правильных местах, «тот самый» вопрос, полет тени.. Как дурак я гадал: «И это все? И больше ничего?»

Я сделал еще два-три шага в глубь леса и замер на месте, ошеломленный живой, осязаемой реальностью.

Солнечные лучи проникали сквозь полог листвы, шуршащей под легким ветром, и отливали желтые горячие монетки на пружинящей земле. Пьянящими, напоенными жизнью ароматами наполнился теплый лесной воздух. Это не могло быть сном, потому что я не спал! Воздух вдруг потемнел до серебристо-серого. Глянув на небо, я увидел мутные облака в разрывах крон.

* 5 декабря 1931 года Городской банк г. Тенино, штат Вашингтон, обанкротился, в результате чего в городке образовался дефицит денег. Для того чтобы завозить мелкие деньги в Тенино, было необходимо длительное путешествие через перевал, непроходимый для автомобилей. В связи с этим торговцы города приняли решение о выпуске собственных, деревянных, денег, впервые в США. Подобных случаев с выпуском деревянных денег в США было несколько. Деревянные пятаки имели срок годности и срок вывода их из обращения. Если владелец пригоршни денег, срок годности которых истекал в полдень, появлялся в магазине, то хозяин, которому нужно было успеть сдать их в банк до срока вывода из обращения, отказывался принимать эти деньги. Кроме того, не принимались назад поврежденные деревянные монеты, которые ломались весьма легко. Следствие этого — бытовавшая в народе поговорка: «Don't take any Wooden Nickels!» («Не берите деревянных пятаков!»)

По листьям застучали редкие капли дождя, и я спрятался под раскидистым кленом. В двадцати—тридцати ярдах от меня участок леса оканчивался настоящей стеной мощных дубов, обозначающей границу луговины. Ударил гром, следом еще раз, и воздух наполнился хлопанием крыльев. На полпути к краю леса стоял громадный дуб. Хлынул ливень. Я рванулся вперед, продрался сквозь заросли и спрятался под дубом. Легкий порыв ветра, как pulverизатор, покрыл меня водяной пылью.

Изломанная ветка молнии разорвала небо и озарила ландшафт. За мгновение ее вспышки я заметил, что подошел к краю леса ближе, чем мне поначалу думалось: всего футов двадцать оставалось между мной и широким полем, упиравшимся в шоссе. Краем глаза я заметил на излучине леса что-то необычное, тут же скрывшееся за пеленой дождя. Дорога, что шла за полем, вела в Эджертон, и я очень волновался за Стар, но гроза задерживала мое возвращение в больницу. Не дом ли я только что видел? Если бы хозяева позволили, я бы позвонил Кларку и попросил его заехать за мной по пути в больницу.

Другая молния расколола небо и распалась на части, которые окрасили воздух ослепительно белым, когда с шипением рванули к лесу. Я различил впереди высокий портик и каменный фасад с закрытыми ставнями окнами. Футах в ста за моей спиной раскаленная добела электрическая стрела влетела в лес. Я услышал громкий треск — будто ломались огромные кости.

Затем снова шипение, еще одна ошеломляющая атака. Лучи молнии перечеркнули небо, ответившись от ее центрального ствола, который нацелился в левую часть луговины, долю мгновения помедлил и изогнулся по направлению к лесу. Я почувствовал сильный запах озона за мгновение до того, как ослепительное копье, скользя с вершины дуба, врезалось в знакомый мне клен. Он раскололся надвое и облился пламенем.

Вертикальная молния заполнила все светом. Устремившись к дому, она выполнила правый поворот и устремилась

к той части леса, где прятался я. Для молнии она двигалась чересчур медленно, едва ли не с ленцой, и обдуманно. При этом сам ствол молнии оставался недвижим, в то время как ее «наконечник» тянулся вниз, вычерчивая зигзаги в темном небе. Я выскочил из-под дуба и припустил к опушке леса, и тут же заряд размером с локомотив едва не обжег мне спину, высосав из воздуха весь кислород. Я выбежал на открытый участок, и меня едва не сбил с ног жесточайший ливень, а в это мгновение молния взорвалась прямо напротив дуба. Не останавливаясь, я бежал до тех пор, пока не достиг каменной плиты под портиком.

Дождевая вода обильно стекала с моей разорванной одежды. Сомкнув пальцы на рукоятки металлического дверного молотка, я постучал. Подождь немного, занес молоток для следующего удара.

Щелкнул замок, скользнул в пазах засов. Мягкий свет пролился на порог.

— Простите, что потревожил, — сказал я открывшему дверь невидимому хозяину. — Я попал под дождь и подумал, может...

За спиной фигуры, одной рукой придерживающей дверь, просматривалась галерея со светящимися фарфоровыми светильниками на изящных боковых столиках. Свет похожей на сверкающий корабль люстры превращал стоявшего передо мной мужчину в безликий силуэт. Белый манжет, схваченный золотой запонкой, выглядывал из рукава серого костюма. Ногти его сверкнули.

— ...вы позволите воспользоваться вашим телефоном?

Незнакомец отклонился в темноту, придерживая дверь, и я переступил порог. И тотчас почувствовал очень знакомое ощущение. Это чувство каждый раз шокировало меня сразу по пробуждении после ночных кошмаров. Дверь с грохотом захлопнулась. Резко щелкнул замок.

Мучительно знакомые глаза впустившего меня хозяина дома торжествующе сверкали; знакомый рот раскрылся в улыбке. Он отвесил мне иронический поклон. Несмотря

на то что поразительная привлекательность стоявшего передо мной мужчины нисколько не напоминала мою собственную внешность, черты его лица — если рассматривать каждую по отдельности — непостижимым образом повторяли мои собственные. В сочетании же сходство исчезало. Его лоб, брови, глаза, нос и рот вместе с формой челюстей и скул создавали впечатление невероятной физической красоты. Словно я смотрел на то, как я мог бы выглядеть в случае наиудачнейшей генетической комбинации. Но этого человека и меня разделяло нечто большее, чем удача: тысячи миль жизненного опыта пролегли между нами. Он дальше ушел, он больше пережил, больше рисковал, больше выиграл — легко и просто он взял больше и сделал все это в инстинктивном, страстном порыве, не похожем ни на одно из известных мне чувств.

В окружении вульгарной роскоши своего жилища, противной мне по своей сути, передо мной стояла тень и смеялась над моей беспомощностью. Я закричал, вздрогнул и проснулся.

26 МИСТЕР ИКС

Выслушайте меня, о Обитающие Среди Звезд Создания, — это оказалось нелегко. И никогда не было легко, если уж Вы хотите знать правду.

Ни один смертный в моем положении, иными словами — никто, за исключением Его, о ком, как я теперь понимаю, Вы и не слышали, не может понять мучений неуверенности, терзающих меня. О Великие Старейшие, если Вы вообще существуете, я требую Признания, соразмерного моему Служению. Если жизнь моя прожита не зря, я заслуживаю почетного Бессмертия. Перечень моих Тяжких Трудов должен быть выставлен в Великом Музее Старших Богов — назовем его, скажем, Музей Патриотов или

Музей Славы. Там будет, если мне дозволено внести предложение, диорама, воссоздающая эти скромные апартаменты. Этот дневник нужно положить на макет моего стола. Я вижу там и копию меня самого (живую, если возможно), то склонившуюся в глубокой задумчивости над страницей, то стоящую в созерцательной позе у раковины. Необходима пояснительная табличка или просто текст в рамочке, но чтобы не менее восьми сотен слов. Я скромнен. Припомните, если изволите, что Галилеянин представлен в произведениях искусства всего мира, и его образ есть в каждом христианском храме.

Неужели Вы в своей Уникальности ничего не знаете о Другом Парне? То есть при условии, если Вы на самом деле существуете, — может ли быть так, что Вы избрали Его до меня и преспокойно наблюдали, как дело оборачивается все хуже и хуже? Обратите внимание...

Даже у Иисуса, так бездумно идеализированного в программе занятий канонической воскресной школы, были периоды разочарований, сомнений и отчаяния. Как-никак, Он ведь тоже был наполовину человек! Даю голову на отсечение, Его душила мрачная, слепая ярость гораздо чаще, чем об этом рассказали Евангелии. Вот что мне хотелось бы знать: не задумывался ли порой Иисус о том, что все эти бредни о Мессии — заблуждение, иллюзия? И еще: видел ли Он сны?

Обладание сверхъестественными силами и бремя священной Миссии искупления мира то и дело ввергают Его в уныние. Чаще, чем простой смертный, Он переживает моменты духовного спада, когда Его эмоциональный пейзаж напоминает берег реки во время сильного отлива в пасмурный день. Старые автомобильные покрышки, обломки дерева и пара бутылок из-под пива там и здесь торчат из жидкой грязи. Все важнейшие источники утверждают, что подобные безрадостные периоды необходимы для духовной эволюции. Это не депрессия, это Темная Ночь Души. Ставлю сто к одному — кто бы ни пытался пораз-

мыслить над этим, неизменно находил единственный выход в том, чтобы победить свои сомнения верой.

И если Иисус ошибался, что говорить обо мне? Я *знаю*, но как же я могу быть уверен, что я *в самом деле* знаю?

Лет до двадцати эгоизм и пренебрежительное высокомерие к человеческим условиям оберегали меня от смущения и огорчения по поводу этих аспектов в произведениях Мастера. Видит Бог, мне хватало всего, чтобы быть счастливым. Сомнение подкралось на цыпочках и вползло в мою душу, когда я признал, что несколько рассказов Мастера оказались не на высоте. А некоторые и вообще откровенно слабые.

Я сказал себе, что, вероятно, Его антенна исказила сообщение и Он не оставлял работу, даже когда был не на той длине волны. Я уверял себя, что Он не различал правду и вымысел в своих собственных творениях.

Эх, теперь я уже почти готов допустить печальную вероятность: то, что я принял за Священное Писание, было лишь беллетристикой. В мои Темные Ночи Души я шептал себе: «Жизнь твоя — нелепая ошибка, и ты ничтожно мал, ты много меньше, чем ты думаешь».

Отягощенные страданием мысли оскверняют мой сон. Я вхожу в убогую комнату, где за письменным столом сидит с головой ушедший в работу мужчина. Изможденное лицо со впалыми щеками и дешевый костюм, знакомые по дюжине фотографий, выдают облик Мастера из Провиденса, и я иду к Нему. Наконец я стою перед Ним. И спрашиваю: «Кто я?» Он улыбается своим мыслям, а перо скользит по бумаге. Он не увидел или не услышал меня — меня здесь нет, я не существую.

Лишь несколько дней тому назад самоуверенная воля отправила меня, в предвкушении удовольствия, кружить по ночным улицам. Великий Замысел стремился к завершению, и презренному отродью Стар предстояло встретить мучительную смерть. Вот... Вот это, пожалуй, единственное, что способно выгнать меня из логова. *Мне кажется, я ошибся. Мне кажется, я ошибался с самого начала.*

Если Вы не существуете — если не Старшие Боги отправили меня на землю, чтобы подготовить ее уничтожение, — что я здесь делаю, зачем я здесь? Кто был моим *настоящим* отцом?

27

Слабый серовато-белый свет лился из окна, и в нем очертания стула и комода выглядели двухмерными. Руки, вытянутые на простыне, тоже показались мне двухмерными. На неясно видимом циферблате двухмерных наручных часов я умудрился разглядеть, что было чуть больше половины шестого.

Спать уже не хотелось, и я почистил зубы, умылся, побрился, не переставая убеждать себя в том, что деньги в моем кармане — не более чем часть ночного кошмара. Кошмара, обладавшего все той же фантастической особенностью: он был реальным и нереальным одновременно, этаким полусон-полуявь. Более того, я знал *наверняка*, что не выигрывал тех денег — следовательно, мне приснилось, что я обнаружил их у себя. Я вытер лицо и открыл платяной шкаф.

Блейзер висел ровно, явно не отягощенный призрачной взяткой. Я проверил боковые карманы и нашел только визитку Эшли Эштон. Мужское тщеславие предположило, что она незаметно опустила визитку мне в карман. Для пущей убедительности я проверил и внутренние карманы.

«Ну, убедился? — сказал я себе. — Ты с самого начала знал это».

Когда я вытянул из сумки джинсы, взгляд мой упал на лежавший под кроватью рюкзак. Сердце екнуло. Я натянул носки и вновь опустил на него глаза, словно привлеченный некой зловещей, едва уловимой особенностью моего старого спутника. Я надел трусы, натянул через голову рубашку с короткими рукавами, просунул ноги в джинсы, рывком достал рюкзак и плюхнул его на кровать. Память о сне избирательно указала на один из застегнутых пряжками наружных карманов. Я расстегнул пряжку, под-

нял клапан и потянул замочек молнии, бегущий по верху кармана. Запустив руку внутрь, я коснулся предмета, на ощупь напоминающего банкноты. Рука моя вытянула на свет жирную пачку долларов.

Пятьсот восемьдесят пять. Две слипшиеся от пива пятерки.

Я затолкал деньги обратно в карман, застегнул молнию и сунул рюкзак под кровать.

28

Фиолетовая рубашка излишне свободно свисала с плеч Кларка, и бирюзовый браслет болтался у него на запястье. Сейчас он напоминал музыканта — игрока на конгах, ожидающего вызова на сцену, однако единственное, чего Кларк сейчас ожидал, — это завтрака. Я поставил кофе и начал исследовать полки буфета.

— Зерновая смесь — там, в нижнем ящике, в конце. Чашки перед тобой, справа. Мне хлопья «Брэн бадз» и «Грейп натс»*, пятьдесят на пятьдесят, с ложкой меда и немного молока. А тебе рановато переходить на «Брэн бадз», молод еще...

Кларк проследил за тем, как зерна, отбив крупную дробь, заполнили половину чашки, и удовлетворенно кивнул.

— Не переборщи с медом, и молока долей ровно столько, чтоб я мог хорошенько переменить. И за кофе приглядывай.

Я залил все молоком и поставил чашку на стол. Кларк добавил три ложечки сахару. Когда я подсел к нему за стол, он быстро глянул на меня — глаза его были цвета пожелтевших рояльных клавиш слоновой кости.

— Видать, после той ночи, когда ты провернул свое дело, плохо тебе спалось, а? Люди говорят, это признак нечистой совести.

* Сухой завтрак из смеси пшеницы и солодового ячменя с минерально-витаминными добавками.

— Простите, если я вас разбудил.

Он доел все и доскреб ложкой остатки со дна.

— И о чем был твой дурной сон?

— Попал под грозу.

— Говорят, ливень — это к неожиданным деньгам.

— А что говорят, если во сне чуть не убило молнией?

— Это к перемене судьбы. Может, куча денег свалится. Раскрой зонтик, переверни его и держись подальше от мистера Тоби Крафта. Деньжата у него, кстати, водятся.

Я с тревогой вспомнил пачку денег в моем рюкзаке.

— Ливень, говоришь... — Кларк помедлил. — Вспоминается мне в этой связи кое-что забавное. Давно дело было. Река затопила город. Сносила и подхватывала все, что можно. Машины. Скот. Взрослых людей. Утопленников потом вылавливали — *синих*. Трупы распухают от газов, их тащит течением. И лапы у них — как бейсбольные рукавицы. Я всю жизнь прожил у Миссисипи. Многие любят реки, однако умные люди доверяют только речкам не шире тех, что можно перепрыгнуть.

Я сказал ему, что до вчерашнего дня, когда увидел реку из окна больницы Святой Анны, я не помнил о том, что Эджертон строился вдоль берега Миссисипи. Хмуро усмехнувшись, Кларк вновь ожил.

— Ты не помнишь реку?

— Не помнил — до вчерашнего дня.

— Самая лучшая река — та, что позволяет не вспоминать о себе. В давние времена нам без реки было никак, и история говорит, что такие города, как наш, строились только на реках (и благодаря им). Город на реке — это место особенное.

— Чем же?

— Город на реке — город *нестандартный*, — ответил Кларк. — Шулеры и мошенники появляются здесь раньше, чем проповедники, и много воды утечет, прежде чем кто-то из них вдруг станет добропорядочным гражданином. Здесь совсем другой склад ума, понимаешь?

То, о чем он рассказывал, больше подходило для Берега Слоновой Кости, чем для Южного Иллинойса. Тем не менее я согласно кивнул.

— Здесь ты можешь спокойно прожить и двадцать лет без наводнений. А когда оно вдруг приходит, после него приходится все отстраивать заново. Реке без города никак, и городу без нее — тоже. А месяц-два спустя даже вонь исчезает.

— Вонь?

Вновь хмуро усмехнувшись, Кларк несколько мгновений не сводил с меня глаз.

— Я долго размышлял над вопросом, отчего река пахнет свежестью и чистотой, когда спокойно бежит вдоль берегов, а после наводнений оставляет такое зловоние. Думаю, дело в том, что наводнение выворачивает реку наизнанку, и дно с поверхностью меняются местами. Когда большая вода уходит, куда ни глянь — всюду речное дно. Нет, это не та грязь, что остается после дождя и потом высыхает сама собой. Дно — это то, что всегда скрыто от глаз. Дно — это уродливая сторона природы, где все вывернуто наизнанку, где все неправильно. Оно таит в себе много смерти, а смерть несет в себе мощный заряд вонь. Смерть — живое дело, если вдуматься.

— Наверное, тяжело потом все отчищать...

— Эта дрянь *прилипчива*. По-моему, Эджертон перестраивали три раза между тысяча восемьсот семидесятым и началом столетия. Каждый раз, когда его отстраивали заново, он разрастался. Появились цирк и ярмарочная площадь, в каждом квартале можно было найти пару-другую салунов и казино. Однако склад ума-то оставался прежним, понимаешь, о чем я?

— «Открытый порок»*.

* Wide-open town (амер.) — открытый для неограниченной продажи спиртных напитков, для игорных и публичных домов; город «открытого порока».

— Ну, да... С его банками, бизнесом, аристократией, светскими дамами и проститутками. — Кларк вновь бросил на меня насмешливый взгляд, в котором мне почудилась гордость. — Именно в те времена в Эджертон приехали твои родственники. Знаменитые братья Данстэны, Омар и Сильвэйн. Тысяча восемьсот семьдесят четвертый год.

— Омар и Сильвэйн? — переспросил я. — Первый раз слышу.

— Братья Данстэн въехали в город на повозке с сеном и соскочили с парой саквояжей и двумя сотнями долларов золотыми монетами. Только пусть тебя не вводит в заблуждение повозка с сеном. Братья обладали этаким шиком, присущим жителям большого города. Сообразительные, симпатичные джентльмены, говорившие на правильном английском, прекрасные манеры, одеты по последней моде. Когда Омар и Сильвэйн выбрали себе временное жилье, они легко нашли работу в игорном предприятии и в течение дня устроили привезенный запас.

— Они были профессиональными игроками?

— На хлеб насущный они себе зарабатывали коммерцией и финансовыми операциями. Никто так никогда и не узнал, чем они занимались до приезда в Эджертон, хотя слухов ходило множество. Кое-кто даже говорил, они были наемными убийцами. Болтали, что один из них или оба побывали за решеткой.

— Чем они занялись здесь?

— Все, к чему бы они ни прикасались, процветало. Когда случались наводнения, Омар и Сильвэйн богатели. Скупали собственность тех, кто покидал город. Скупали землю, где, по их мнению, предполагалось строительство новых районов города. Пятнадцать, двадцать лет спустя сдавали в аренду важнейшие городские здания. Ну а от природы они были сами не свои до женщин.

Кларку очень нравилась история братьев Данстэнов. Радуга, протянувшаяся от повозки с сеном до полного процветания, завораживала его воображение. Теперь он явно

считал Омара и Сильвэйна своими кровными родственниками, чьи достижения прибавляют достоинства и ему самому.

— Вот как...

— Люди говорили, братья были дьявольски хороши собой.— Самодовольной торжествующей усмешкой Кларк дал мне понять, что, несмотря на разрушительную работу лет, он, Кларк Рутлидж, считает себя не менее привлекательным.— И были похожи как две капли воды. Говорят, время от времени темперамент увлекал братьев настолько, что побуждал создавать у дам их сердца впечатление, что они развлекаются не с тем, с кем думают, если ты понимаешь, о чем я. Не сомневайся, их принимали во многих приличных домах в те моменты, когда хозяин отсутствовал.— Кларк помедлил.— Говард, насколько я знаю, пошел по стопам папочки. Так же как и два других сына, но те то ли умерли еще молодыми, то ли ударились в бега.

— Яблоко от яблоньки... Печально.

Кларк снова помедлил.

— Знаешь, как это бывает. Залетишь слишком высоко — тебя оттуда сшибут. Омар женился на женщине из Нового Орлеана по имени Этель Бриджес и малость остепенился. Тем не менее как-то утром он вышел из дома, в котором мы с тобой сейчас сидим, и кто-то подстрелил его, когда он направлялся к своему экипажу. Насмерть. Сильвэйн услышал выстрел, выбежал из дома, но успел лишь заметить всадника на лошади, во весь опор летевшего по улице. Человека этого правосудие не сыскало. Как ты думаешь, можно было бы установить его личность? Если все было именно так?

Я кивнул.

— Сильвэйн женился на вдове брата, построил дом за городом и переехал туда. У них с Этель родились дети, трое, четверо — никто не знает точно.

— Должны были остаться документы.

— Ты забываешь, *какие* были времена и в каком все происходило *месте*. Все тогда рожали детей дома, а Данстэны не утруждали себя приглашать повивальную бабку или фельдшера.

— Но почему?

Усмешка моментально сползла с лица Кларка, но врожденная словоохотливость одержала верх над осторожностью.

— Как-то сто лет назад один старожил поведал мне, что братья Данстэны понятия не имели о том, что их дети появляются на свет такими уродцами, о каких медицина слыхом не слыхивала. Например, с огромной головой и телом не крупнее кегли. Или с жабрами под ушами, или без рук, без ног. Или того страшней. Почти все новорожденные умирали, сказал он, но тех немногих, что выжили, держали на чердаке.— Он глянул на меня.— Лично я считаю, один или два малыша Этель не вовремя вышли из лона, а Говард, старший ребенок в семье, в детстве нечаянно услышал то, что не следовало слышать маленькому мальчику. Этим объясняется необузданность его характера в дальнейшем — он промотал все свое состояние. Говард натворил бед. Ближе к закату своих лет он, по-моему, совсем обезумел. Жил словно в мире грез.

У меня создалось впечатление, что все услышанное пришло из мира грез, а именно — мира грез, выдуманного на кухне сплетен маленького городка.

— Кто из братьев был моим прапрапрадсудшкой? Если Говард был старшим ребенком в следующем поколении, значит — Омар?

— Насколько мне известно, братья делились друг с другом всем. Не думаю, что они знали, чьим сыном был Говард. Я выдавил в ответ что-то нечленораздельное.

Ухмылка Кларка источала вселенскую мудрость:

— Полагаю, это Сильвэйн. Омар был более уравновешенным. Сильвэйн крутил романы, даже когда жил в этом

доме с Этель и детьми. Когда Говард достиг совершеннолетия, он стал вести себя абсолютно так же, за редкими исключениями. Что его и погубило, потому как к этому времени Эджертон стал другим.

— Добропорядочным,— вставил я.

— Дело все в том, что Говарду необходим был свой собственный Омар, а поскольку такового не было, в одиночку он «сдулся». Хэтчесы и Милтоны воспользовались его слабостью.

Заскрипели ступени, и Кларк выпрямился на стуле.

— При Нетти об этом лучше не надо.

29

Изменение в распорядке дня заставило Нетти сдвинуть брови, и, глядя на Кларка, она с подозрением сказала:

— Что-то ты раненько сегодня,— затем повернулась ко мне.— Как тебе спалось?

— Неплохо.

— Судя по тому, что было слышно мне, за тобой гонялся сам дьявол. Все мы так встревожены — удивительно, что кому-то вообще удалось заснуть.

Нетти плавно переместилась к плите и зажгла газ под чугунной сковородой. Она достала из холодильника картонку с яйцами и бекон, шлепнула бекон на сковородку и, как заправский шеф-повар, аккуратно разбила пять яиц в стеклянную миску, действуя одной лишь правой рукой.

— Я чувствую, сегодня мы узнаем, что твоей матушке стало лучше.

— Хорошо бы,— сказал я.

Нетти взбила яйца, перевернула на сковороде бекон и достала прозрачный пакет окры* из холодильника. Вскоре окра уже кипела на медленном огне на второй сковоро-

дке. Когда бекон чуть потемнел, она выложила его ломтики на бумажное полотенце. Затем вылила яйца на сковороду и еще раз взбила. Тосты были щедро намазаны маслом, разрезаны по диагонали пополам и разложены по краешкам тарелок. Посыпав перцем и сухой петрушкой на сковороду, Нетти напоследок еще раз взболтала яйца и разложила по тарелкам окру.

— Вы всегда так завтракаете?

— Иногда добавляем немного жареной картошки, а иногда бывает куриная печень, но сегодня я не хочу возиться. Кофе не остыл?

— Сейчас подогрею,— сказал я и включил газ под кофейником.

В дверь позвонили.

— Это Мэй,— сказала Нетти.— Сынок, пойдй, открой ей, пожалуйста.

На крыльце стоял водитель УПС* в летней униформе и держал в руках коробку в грубой оберточной бумаге.

— Посылка для...— Он сверился с именем в адресе.— Миссис Стар Данстэн?

В левом верхнем углу коробки я рассмотрел адрес отправителя: Ист-Сисеро. Расписавшись на квитанции, я принес посылку на кухню.

— Почта,— сообщил я.— Наверное, Стар перед приездом переслала кое-какие свои вещи.

Нетти шлепнула ладонью по коробке:

— Положи на пол.

Я опустил коробку на пол у отделанной деревянными панелями стены. Нетти разделала омлет лопаткой и разложила по тарелкам. В дверь позвонили второй раз.

Я пересек прихожую и открыл дверь. В великолепной, украшенной цветочным узором шляпе тетя Мэй тянула мне изуродованную старостью руку.

* Окра, или бамия,— овощная культура, происходит из Южной Африки.

* United Parcel Service (англ.) — Единая посылочная служба, транснациональная корпорация, предоставляющая услуги экспресс-почты.

— Нэдди, помоги мне перебраться через порог. Я немножко припозднилась, заходила поздороваться к Джой. У нас сегодня случаем не куриная печень?

— Тетя Нетти сказала, что это долго.

— Куриная печень — минутное дело.

Мэй опиралась на меня весь путь до кухни. Я придержал ее за руку, пока она опускалась на стул. Она сделала вид, что с восхищением разглядывает наполненную до краев тарелку перед собой.

— Если честно, куриная печень сегодня для меня была бы излишней, — прошептала Мэй и отдала мне свою трость.

Под пристальным взглядом Кларка я устроился между Мэй и Нетти. Сестры приступили к завтраку. Зазвонил телефон. Мэй промокнула рот салфеткой и сказала:

— У Джой, похоже, очередное видение.

Качая головой, Нетти поднялась из-за стола и взяла трубку.

— Хорошо, — сказала она и прикрыла рукой микрофон. — Это тебя. Тот самый доктор с большой головой и маленьким красным ртом.

Я почувствовал в голове легкость, будто уменьшилась сила притяжения. Затем потянулся вперед и, облокотясь на разделочный столик, проговорил в трубку:

— Доктор Барнхилл? Это Нэд Данстэн.

Доктор Барнхилл сообщил мне: тридцать минут назад у моей матери был еще один удар, и все усилия спасти ее оказались безуспешны. Он еще много чего сказал. Будто заготовил речь и прочел ее по бумажке.

Я опустил трубку и лишь тогда заметил обращенные ко мне три лица, словно подвешенные между надеждой и тем, что они уже поняли, — правдой.

Часть 3
КАК МЕНЯ
ЕДВА НЕ УБИЛИ

Ии Нетти, ни Кларк, казалось, не стали горевать, когда я сообщил им, чтобы к ужину меня не ждали. Кларк провел подня в мрачном настроении из-за того, что ему сегодня не дали сделать обход силков, а Нетти все никак не могла простить мне преступное расточительство, проявленное мною при выборе гроба. После осмотра выставленных образцов в похоронном бюро мистера Сполдинга «Вечный покой» она увлекла меня в уголок и прочитала лекцию о разумном поведении. Все еще полагая, что мое решение разумно, потому что оно мое, я напомнил Нетти, что тратил собственные деньги на похороны собственной матери. Этот довод ей крыть было нечем, не правда ли? Черт меня дернул.

Мистер Сполдинг заглянул и дипломатично исчез, Кларк повел плечами в своей рубашке исполнителя на конгах и усмехнулся. Когда я опустился в кожаное кресло перед столом мистера Сполдинга и выписал чек, Нетти что-то недовольно пробормотала. Мне вдруг пришло на ум, что выбор мой, павший на третий по стоимости гроб, грубо нарушил семейные принципы, гласившие, что неразумно тратить деньги на мертвых, если можно отдать их живым. Любые

иллюзии насчет того, что у Нетти не было планов относительно моей чековой книжки, растаяли, когда Кларк провел «бьюик» между кирпичными колоннами в конце подъездной дорожки заведения мистера Сполдинга, повернул к офису кладбища Литл Ридж на Торговой улице и проговорил:

— Иногда, сынок, следует подумать о других, а потом уже — о себе.

Полтора часа, что я провел вместе с тетей Джой и дядей Кларенсом, оказались и того хуже. Я-то шел к ним с мыслью о том, что это акт милосердия по отношению к двум пожилым людям. Мне нужна была информация о личности Говарда Данстэна, и я хотел посмотреть, что будет, если я упомяну Эдварда Райнхарта. Кларенс помнился мне довольно бодрым старичком и не должен был измениться, а его старость не могла омрачить мой визит — так, по крайней мере, я думал.

Как глупый ребенок, который не обращает внимания на вонь собственных экскрементов, Кларенс неуклохе сидел в кресле-каталке, навалившись на удерживающий его кожаный ремень. Комья высохшего и подсыхающего детского питания украшали его рубашку. Джой рассказала мне, что ежедневно в семь вечера она спускает мужа на коляске вниз, на первый этаж — в ванную, и моет его, хотя сама не понимает, откуда берутся силы. Кларенс же чувствовал себя превосходно. Джой очень бы хотелось сказать то же о себе.

Мы с ней сидели в двух креслах — единственная мебель в гостиной. В то время как Джой вела меня по своему захламленному дому и мое сострадание уступало место безотчетному ужасу, более застарелое зловоние, чем то, что я ощутил прошлой ночью, постепенно наполняло атмосферу вокруг Кларенса. Въевшееся, укоренившееся, оно казалось столь же неотъемлемой частью дома, как половые доски и потолочные брусья. Все было прочитано им, включая саму Джой, — она поистине плавала в его волнах, затопивших дом.

Младшая и самая слабенькая из дочерей Говарда Данстэна сидела в кресле и говорила, говорила — будто десятилетиями копила слова. Перебивать ее не было смысла: речь Джой была переполнена горечью настолько, что диалога не получалось. Негромкий, но отчетливый голос Джой соткал в моем воображении образ: вцепившись в весла утлой лодчонки, она изо всех сил гребла прямо к горизонту знакомого мира. Она достигла горизонта, но продолжала грести. Джой говорила о себе, и о нашей родне, и о Говарде Данстэне. Она отчаянно налегала на весла, а устойчивое, нечеловеческое зловоние дома ее отца влекло ее вперед и вперед. «Дно» Кларка выплеснулось на дом Джой и заполнило его тем, что он называл «уродливой стороной природы». Если природа и впрямь такова, мне не надо никакой ее «стороны».

Мигающая малиновая рука* приказала мне остановиться на перекрестке. В тот момент, когда мои ноги прекратили движение, в моей голове вдруг возник образ Джой, сидящей на кресле-развалюхе с протянутой в сторону мужа рукой. Я увидел, что произошло потом. Я слепо повернул налево и пошел. Через два квартала вниз по Сосновой зажегся зеленый свет, позволяя перейти улицу, которую я почти бессознательно определил как Кордуэйнер-авеню.

Я брел по Сосновой, ничего не различая перед собой, пока шедший навстречу седоволосый гигант с лицом бойца и в красной с зеленым дашики** не замедлил шаг. Он не сводил с меня глаз до тех пор, пока расстояние между нами не сократилось. На его лице читались гнев и горе. Я ждал, что он заговорит. В тот момент, когда мы поравнялись, гигант повернулся ко мне, но ничего не сказал. Нить мощного напряжения между нами порвалась с почти слышимым хлопком, когда мы разошлись.

* В США — запрещающий красный сигнал светофора на пешеходном переходе.

** Мужская рубашка в африканском стиле, с крутым вырезом и короткими рукавами.

Я сделал еще два-три шага, затем остановился и оглянулся. Человек в дашики тут же обернулся.

— Сынок, вид у тебя препоганый, и, похоже, ты совсем загнал себя, дышишь, как паровоз. Сердце в порядке?

— Моя мать умерла. Утром.

— Если не будешь внимателен к тому, что происходит вокруг тебя, встретишься со своей матушкой гораздо раньше, чем думаешь. Береги себя, парень.

— Постараюсь,— проговорил я, провожая его взглядом.

Вытерев лицо носовым платком, я прислонился к столбу со знаком «Парковка запрещена» и прикрыл глаза, ощутив, как откуда-то из груди хлынуло горе. Я прижал к глазам платок. Горе имеет невероятную силу, больше ничего тут не скажешь. Горе ставит все на свои места.

Когда бешеный натиск горя понемногу стих, я решил оглядеться. Места для парковки и ограждения из цепей обозначали границы владений складов автозапчастей, каких-то хранилищ и совсем уж непонятных сооружений. Большинство зданий на Сосновой улице были одноэтажными. Своими закопченными кирпичными фасадами и разнокалиберными окнами они напоминали уменьшенные копии более крупных и вместительных строений.

Через три квартала ограждение из цепей и места для парковки исчезли, а кирпичные здания, придвинувшись ближе, как будто подросли. С каждого угла перекрестков красно-желто-зелеными глазами подмигивали светофоры. Я свернул налево и пошел мимо витрин с видеокассетами и бутылками со спиртным. Рубашка моя начала подсыхать. Указатель обозначил, что я нахожусь на Кобден-авеню. Я почувствовал, что голоден.

Мимо проплывали машины с молодыми супругами и группами подростков. Через два перекрестка Кобден заканчивалась у четырехрядного проспекта и маленького, треугольной формы сквера. Я дошел до Коммершиал-авеню, центра города. Повернул направо и пошел в том направлении, где рассчитывал перекусить. Прямо передо мной,

источая беззаботную нагловатую самоуверенность состоятельных жителей Среднего Запада, через вращающуюся дверь вышли две пары, сопровождаемые долгим взглядом невозмутимого швейцара в мундире с эполетами и медными пуговицами. Пышущий здоровьем жизнерадостный мужчина лет пятидесяти говорил:

— Он сам-то хоть понимает, что происходит? Я к тому — вы можете в это поверить?

Тот, к кому он обращался, повыше ростом и не такой плотный, положил ладонь ему на плечо. Очки в золотой оправе поймали лучик угасающего вечернего солнца. Ежик его седых волос был острижен до уровня щетины.

— Еще бы! — Вертикальные морщинки будто смяли его лицо, и плотоядная улыбка обнажила желтые зубы. — Минут через пять он тоже поверит.

Темноволосая женщина рядом с ним протянула:

— Солнышко, ты что, собираешься сказать ему?

Лет на двадцать моложе того, кого она назвала «солнышком», женщина с подтянутой аэробикой фигурой и подтянутым косметической хирургией лицом явно занимала положение «второй жены», изо всех сил борющейся за первое место в сердце своего спутника. Она бросила на меня раздраженный взгляд, почти мгновенно трансформировавшийся из раздраженного в какой-то неопределенный, — я не смог уловить его значения, но почувствовал в нем удивление, испуг и замешательство.

Хриловатым покашливанием ее муж изобразил подобие смеха, отреагировав на ее предположение «сказать ему».

— Да не стоит, все ведь знают, наш друг..

Мужчина заметил выражение лица жены, глянул на меня и резко выпрямился. Ростом он был не менее шести футов и шести дюймов, еще один гигант, в полотняном пиджаке цвета сочной травы и мятых розовых брюках. Галстук его переливался трепещущим изобилием ярких цветов. Ему было лет семьдесят, и всем своим видом он напоминал нераскаявшегося хулигана, до сих пор считающего себя настоящим бойцом.

— Не требуется ли вам какая-либо помощь?

Мне очень понравилось слово «требуется». Тонкая грань отделяет его от «испытывать нужду». «Требуется» ставит вас на место. «Какая-либо» тоже звучит мило.

— Я ищу хороший ресторан. Что бы вы порекомендовали?

Справляясь со своим удивлением лучше, чем я предполагал, мужчина махнул рукой в сторону здания, у которого мы стояли. Бронзовая табличка рядом с вращающейся дверью гласила: «Мерчантс-отель».

— «Лё Мадригал». В фойе сразу направо. Мы там только что отужинали. — Он заметил что-то во мне, отчего вдруг застыл, а улыбка его увяла. — Но там дорого, хотя... нет, дорого. Может, вам лучше в «Лоретту», отсюда три квартала на север. У них прекрасно готовят стейк, ребрышки — все, что пожелаете.

— «Мадригал», пожалуй, подойдет.

— «Алльлэ Мадригал», а не «Мадригал». Именно здесь собираются достойные люди.

— Обожаю слушать, когда ты говоришь гадости, Федерал, — вступил в разговор второй мужчина.

— Маленький совет, приятель. — Федерал обрушил широченную лапу мне на плечо. Шелковое крыло его галстука скользнуло по моему виску. — Ты, конечно, можешь пускать пыль в глаза, сорить деньгами направо-налево, но для начала рекомендую зайти в мужской туалет и привести себя в божеский вид. Такой благовоспитанный юноша, как ты, должен соответственно выглядеть, правильно?

Я вскинул голову и поднес губы к его жесткому уху:

— Совет свой можешь засунуть сам знаешь куда, ты, самоуверенный провинциальный болван.

Отскочив от меня со стремительностью распрямившейся пружины, он схватил за руку жену и рывком потянул ее за собой. Вторая пара, захлопнув рты, стремглав пустилась вслед за ними. Мой новоявленный друг нашел в себе смелость обойти спереди темно-зеленый джип, что-

бы открыть жене дверь, в то время как их приятели забегали на заднее сиденье.

Секунду-другую спустя швейцар позволил себе одарить меня улыбкой.

Пожилой коридорный подсказал мне, как пройти к мужской уборной — вверх по мраморной лестнице. Под любопытным взглядом служителя я вымыл руки и сполоснул лицо, затем направил струю теплого воздуха сушилки на рубашку, перевязал галстук и пригладил руками волосы. Прополоскал рот, освежил себя одеколоном. Служащий отметил изменения к лучшему в моем внешнем облике, и я пожертвовал ему два доллара, положив их на фарфоровое блюдечко.

Пройдя в другой конец вестибюля, я поднялся по ступеням, покрытым ковром. Ярко освещенный подиум; метрдотель, табличка на груди которого сообщала, что его зовут Винсентом, стоял на посту перед столиками со свечами и белыми скатертями. Винсент провел по губам указательным пальцем, изобразив раздумье, и указал мне на столик у бара. Затем он вручил мне манускрипт с меню и карту вин в кожаном переплете. Меня обслужит официант по имени Джулиан, сообщили мне. Девушка, похожая на старшеклассницу из Норвегии, наполнила стакан холодной водой, а хмурая малазийка принесла бисквиты и хлебные палочки. Я раскрыл меню, и в этот момент кто-то произнес мое имя.

Зал пересекала Эшли Эштон. Сидящая за столиком у окна Лори Хэтч вскинула брови и посмотрела на меня так, что сердце мое радостно встрепенулось.

31

Плутоватому эльфу Джулиану я заказал салат «фрисэ», стейк и бокал каберне. По поводу каберне эльф сообщил, что может предложить мне попробовать кое-что особенное. Если Лори Хэтч что-то показалось неправдоподобным

в истории Эшли о том, как она меня подвезла в Эджер-тон, замечания она оставила при себе. Эшли пригласила Лори поужинать в связи с тем, что та имела отношение к судебному делу, однако суть мне разъяснять не стали. Джулиан принес «кое-что особенное» и дожидался моего вердикта. Я выразил изумленное восхищение «кое-чем особенным». Джулиан спросил дам, принести им кофе сейчас или они хотели бы заказать что-нибудь еще? Сейчас, ответила Эшли, ей скоро надо будет подняться в номер, сделать несколько звонков. Лори попросила принести бокал «кое-чего особенного».

— Как ваша матушка? — спросила она.

— О господи, — вздохнула Эшли. — Честное слово, с того самого момента, как ты вышел из моей машины, я все время думала о твоей маме. Так что с ней произошло?

— Инсульт, — сказала Лори. — Что говорят врачи?

— Говорят, что сегодня утром она умерла. Надеюсь, они не ошибаются, поскольку я только что купил гроб и место на кладбище. — Обе женщины в шоке уставились на меня. — Простите. Не стоило преподносить эту новость в таком виде. Такой дурацкий день...

— Хорошо хоть, ты смог провести с ней целый день. Вам удалось поговорить? — спросила Эшли.

— Она с трудом выговорила несколько слов, — сказал я и запнулся, несколько мгновений не находя в себе сил продолжать. Хмурая малазийка убрала тарелки дам, а норвежская школьница подала им воды в стаканы. Вернулся стремительный Джулиан с кофе и вином.

— Останетесь здесь после похорон? — спросила Лори.

— Думаю, да. Хотелось бы посмотреть город.

— Позвольте мне быть вашим гидом. Я ведь ваша должница.

— Отличная идея, — согласился я и с трудом заставил себя прекратить таращиться на нее. — Эшли, как твои дела? — Я напрочь забыл о причинах, приведших ее в Эджер-тон.

— Если я ничего не добьюсь в ближайшие пару дней, выброшу белый флаг. Этот парень от меня за семью замками...

— Это Стюарт, — сказала Лори, разом все объяснив. — Жаль, что в этом деле от меня так мало пользы.

Эшли грустно улыбнулась мне:

— Полдня мы провели, обмениваясь жуткими рассказами о мужьях.

Она намеревалась вытянуть информацию из «раздельно проживающей» супруги ответчика, и «раздельно проживающая» супруга более чем в охотку шла ей навстречу. Следующий обмен информацией между двумя женщинами разъяснил еще кое-что.

— Лори, но ведь у тебя не будет неприятностей, правда?

— Мне все равно, — пожала плечами Лори, — знает Стюарт о том, что мы с тобой ужинаем вместе, или нет. Гринни ничего мне не сделает.

— Гринвилл Милтон?

— Единственный и неповторимый, Великий и Ужасный, — кивнула Лори. — И его жена, старинная подруга вашей мамы. Плюс еще два человека, которые считают меня исчадием ада. За пару минут до ванного прихода они ушли отсюда.

— Великий и Ужасный — это тот лысый тип в галстук-бабочке и зеленом пиджаке, который считает, что весь мир принадлежит ему одному?

— У вас была стычка с нашим Гринни? — сказала Лори. — Надеюсь, он не *лягнул* вам чего-нибудь.

— Он сказал мне, что если я собираюсь притвориться большой шишкой и давать официантам на чай не меньше сотни, то для начала мне стоит зайти в туалет и прихорашиваться.

Лори застонала.

— Видимо, Гринвиллу после ужина похорошело. И его душевное состояние резко улучшилось.

— А затем резко ухудшилось, когда я назвал его самоуверенным провинциальным болваном.

Лори рассмеялась, а Эшли приоткрыла рот в недоверчивой полуулыбке. Джулиан, приближения которого я не заметил, поставил передо мной салат и, двигаясь уже без былой живости, ретировался.

— Похоже, я попал в черный список,— провожая его взглядом, сказал я.

— Джулиан — человек высоких моральных принципов,— пояснила Лори.— Да все в Эджертоне такие. Кроме меня. Если б я слышала, как вы обозвали Гринни болваном, я б запрыгала от радости. Чувствую, он сейчас покатит бочку на Рэчел. Она мне все названивает и оставляет отчаянные сообщения на автоответчике.— Лори виновато взглянула на меня.— Когда я вышла замуж за Стюарта, Рэчел Милтон взяла надо мной опеку: учила, как, например, подобрать хорошего парикмахера или поставщика провизии. Она смотрела на меня и видела во мне себя.

— Себя? — переспросил я.— Да ладно. Женщина намного моложе ее, не ее круга...

На ослепительно красивом лице Лори отразилось ироническое согласие.

— Рэчел была слишком занята, чтобы понять: амбиции не имеют отношения к моему замужеству со Стюартом.

— Нэд, вы позволите мне включить ваш ужин в мой счет, хорошо? — попросила Эшли.— Лори, спасибо за приятный вечер. Я позвоню тебе.

Она выписала чек. Джулиан спросил, не принести ли мне еще бокал вина. Лори тоже попросила вина. Эшли поднялась со стула.

— Я провожу тебя к лифту,— сказал я.

Сидевшие в ресторане смотрели нам вслед.

— Жаль, что Лори предложила этот ресторан.

— Ты выяснила то, что хотела?

— Я позвонила Лори,— улыбаясь, сказала Эшли,— чтобы узнать, подтвердит ли она кое-какие детали. Я думала, мы все обсудим по телефону, но она сказала, что вечер у нее свободен. По сути, весь ужин мы провели, жалуясь друг другу на наших мужей.

— Это лучше, чем проводить вечера в одиночестве.

Она отрывисто кивнула и нажала кнопку вызова лифта.

— Наверное, восхитительное ощущение — когда тебя ждет такая женщина, как Лори Хэтч.

— Не думаю, что у Лори относительно меня какие-то особенные планы.

— Не зарекайся.

— Эшли, когда ужин закончится, я просто поброжу немного по городу. Вот и все.

— Можешь вернуться сюда. Мой номер пятьсот пятьдесят четвертый.

Я обнял ее.

— Мне надо побыть одному.

Эшли уткнулась головой мне в грудь, затем отстранилась.

— Мне очень жаль твою матушку.

Раскрылся лифт — красное дерево и темные зеркала. Сквозь полудюймовую щель закрывающихся дверей я увидел, как Эшли устало прислонилась к задней стенке кабины.

32

Винни плавно махнул рукой в дальний конец зала. Я ни на секунду не одурачил его, однако ему пришлось признать, что я вел себя хорошо.

Взгляд Лори был очень спокойным и радостно удивленным, и я вновь почувствовал, что за всем этим кроется глубокий природный ум. Джулиан ловко сорвал крышку с моей тарелки, выполнил четкий поворот кругом и сделал вид, что удалился.

— Думаете о старине Джулиане? Об эльфе?

Веселые искорки в глазах Лори подсказали мне, что я не понял сути ее вопроса.

— По меньшей мере раз в неделю Джулиану приходится обслуживать Гринни и Рэчел. И он выслушал гораздо больше намеков на его мужественность, чем пришлось бы слышать вам, доживи вы до тысячи лет.

Я как будто взглянул на мир через только что отмытые окна, словно надел новые очки.

— А, угу,— пробормотал я и занялся стейком.

— Так хочется быть более полезной для Эшли.— Выражение лица Лори изменилось.— Она такая умница, так старается. Вы с ней хорошо смотрите.

«Ага, неплохо — для путешественника автостопом и той, что подобрала его»,— подумал я.

— С Эшли легко. Она просила меня рассказать о маме.

— Я знаю, каково это — потерять мать. А как ваш отец?

— Кто его знает.— Я улыбнулся ее разочарованию.— Отца я никогда не видел.

— И где он, не знаете?

— Я даже его имени не знал — до вчерашнего дня, когда мне сказала мать. Я думал, что сам все выясню. Родня моя никогда не была от него в восторге.

— Они боятся, что вы что-то такое про него узнаете?

Ее вопрос напугал меня.

— Они считают мой интерес к нему возмутительным. И не желают говорить о том, что, я уверен, им известно.

— Чего же они боятся?

— Бог знает. Моя родня... скажем так — довольно эксцентрична.

Перед моим мысленным взором пронеслось видение тети Джой, подавшейся телом вперед и тянущейся костлявыми пальцами через комнату, чтобы покатасть инвалидное кресло с Клааренсом на ярд вперед и назад. Затем она прищурилась. Кресло-каталка приподнялось на четыре фута от пола и закачалось из стороны в сторону, а Клааренс по-детски высунул язык от удовольствия.

«Это единственное, на что я способна, ни на что другое сил у меня не осталось. По крайней мере, я еще могу уложить его в ванну и вытащить его отсюда, потому что как еще такая старая женщина может ухаживать за взрослым мужчиной? Вот уж не думала, не гадала, что жизнь моя окажется под конец такой, Нэдди. Мы ведь жили здесь, как короли».

— Мне очень понравилась тетя Нетти,— сказала Лори, возвращая меня со дна реки в «Лё Мадригаль».

— Можете забрать ее себе. И тетю Мэй в придачу. Как только Мэй станет членом вашей семьи, вам больше не придется платить ни за что. Мэй принесет вам все на блюде. Она — что-то вроде волшебницы.

— Что вы имеете в виду? Клептоманию?

— Мэй вне пределов понятия клептомании. Это вроде дзэна, мистическая клептомания.

Лори сделала вид, что обдумывает вероятность существования «мистической клептомании».

— Но вы по-прежнему хотите узнать правду, так? Вы не боитесь.

Словно холодный ручеек, страх зашекотал мне позвоночник.

— Мне бы очень хотелось выяснить все, что удастся.

Вновь я мысленно услышал голос Джой: «Сильвэйн вывез семью за город, и у них с Этель родился целый выводок ребятишек, но некоторые из их детей, как рассказывал мой батюшка, были совершенно не похожи на людей. Есть слово во французском языке, которым можно было бы их описать,— “eprouvante”. Из трех сестер французским я владела лучше всех».*

— Как звали вашего отца?

Произносить его имя в публичном месте показалось мне нарушением тайны моей личной жизни или какого-то древнего свода законов. Тем не менее я сказал: «Эдвард Райнхарт». И тут же вспомнил еще одно имя, сорвавшееся с губ моей матери,— Роберт. Кто это — Роберт?

— Какое славное имя. Клабующийся туман. Замок на скалистом утесе над берегом моря. Дьявольски красивый мужчина в плаще до пят и смокинге. Никогда не говорит о своем прошлом. Леди и джентльмены, перед вами... мистер Эдвард Райнхарт.

* Ужас, страх (фр.).

Почувствовав еще большую неловкость, я сказал:

— Не думаю, что он так уж напоминает Максимилиана де Винтера.

— Простите?

— Мужа Ребекки. Огромный особняк, скалистый берег, тайные трагедии...

— О нет, простите меня! «Ребекка» — один из моих любимых фильмов. Лоуренс Оливье, точно!

Я спугал Дафну дю Морье с фильмом Хичкока, впрочем, какая разница?

Лори накрыла мою ладонь своей:

— В любом случае, я собиралась показать тебе красоты Эджертона, поэтому давай подумаем, как нам поступить. Вместе-то нам удастся больше, чем тебе одному. — Взгляд ее был спокойным и, как мне показалось, чуточку виноватым. — И ты тоже мне поможешь. Мне надо поразмыслить кое о чем помимо моего дурацкого положения. — Момент осознания себя заставил Лори умолкнуть, и она отвела взгляд, затем снова посмотрела на меня. — Послушай, Нэд, если я слишком бесцеремонна, или назойлива, или... просто... ненормальная...

«И Сильвэйн сказал моему батюшке: Говард, не доверяй никому, за исключением своей родни, да и ей тоже не слишком доверяй, потому как тебе повезет, если в одну прекрасную ночь я не приду к тебе и не разрублю тебе голову топором. Всю свою жизнь я думала, что Сильвэйн, скорее всего, застрелил мой батюшка — из револьвера, который он, кажется, чистил в день убийства».

Я успокоил Лори, заверив, что она ни капельки не напоминает сумасшедшую, особенно если сравнить ее кое с кем из моей семейки.

— Я хотела лишь сказать, что моя помощь могла бы...

Могла бы отвлекать от тягостных мыслей о Стюарте Хэтче.

— Хорошо. Давай поможем друг другу.

— Завтра я весь день свободна. По субботам Стюарт забирает Кобби. Это значит, что наемная прислуга будет качать нашего сына на качелях в Мерчантс-парке до тех

пор, пока Стюарт, закончив работу в офисе, не купит и не скормит Кобби кучи гамбургеров и конфет, прежде чем отвезти его домой к восьми вечера.

Мы попытались договориться о месте встречи. Скверик на другой стороне улицы оказался парком, где наемная прислуга будет качать Кобби на качелях. Лори предложила встретиться перед входом в центральную библиотеку — четыре квартала от отеля и еще два на юг, на углу Грейс и Гринвилл.

— Гринвилл?

— Добрая половина улиц в Эджертоне названа фамилиями людей ныне здравствующих. Кобден-авеню, например. Отца Стюарта звали Кобден Хэтч, в его честь и назвали Кобби, сам понимаешь. Во сколько? В девять тридцать? Один мой друг, Хью Ковентри, работает в библиотеке и добровольно подрабатывает в мэрии по уик-эндам. В субботу все закрыто, но ключи от кабинетов у него есть, он подойдет часам к девяти.

Я спросил, зачем ей понадобилась мэрия.

— Эдвард Райнхарт должен быть в архивах. А ты, думаю, не прочь взглянуть на копии свидетельства о браке твоей матери и своего свидетельства о рождении. Что может быть лучше достоверных данных?

— Что может быть лучше восхитительного собеседника? — сказал я.

Почти все сидевшие в ресторане провожали нас взглядами, когда мы шли к подиуму. Улыбка Винсента едва скрывала плотоядную злобу.

В нише вестибюля я зашел в телефонную кабинку и сделал пару звонков. Когда я вышел из будки, Лори Хэтч изо всех сил старалась выглядеть неприметной у пальмы в кадке; я пересек вестибюль и последовал за ней через вращающуюся дверь. Привратник вручил желтую карточку энергичному пареньку в черном жилете, и тот бегом припустил в гараж.

— Приключения начинаются! — Лори приподняла брови, взгляд ее был лукавым и шутовски-заговорщицким.

Паренек в черном жилете выпрыгнул из темно-синего «меркурия монтаньяра» и открыл Лори дверь. Подмигнув мне на прощание, она уехала, а я перешел Коммершиал-стрит по направлению к ломбарду Тоби Крафта. Как сказал Тоби, когда-то давно эта улица называлась Аллеей Распутнид, однако в наши дни все лучшие уличные проститутки, выйдя замуж по расчету, поселились в Эллендейле.

33

В вершине треугольного Мерчантс-парка начиналась Ферримэн-роуд, по ней я и направился. Трехэтажные кирпичные дома поднимались за живописными лужайками, тянувшимися вдоль двух улиц, что разбегались от вершины треугольника сквера. На верхней ступеньке первого дома сидел крупный мужчина в желтовато-коричневой униформе и крутил в руках пухлую связку ключей. Задумавшись, что привело охранника на работу вечером в пятницу в Эджертоне, я поискал взглядом табличку — ее не было. Потом я заметил надпись, выбитую на каменном шлеме, красовавшемся над входной дверью — «Дом Кобдена», — и громко рассмеялся: вот где Стюарт Хэтч крутит деньги своего папаша.

Охранник опустил на меня глаза, глубоко посаженные на его щербатом лице цвета и текстуры овсянки, сдобренной кленовым сиропом. Он казался слишком старым для своей должности.

— Столько ключей, — сказал я.

— Сколько дверей. — Охранник продолжал сверлить меня взглядом — не подозрительным, который был бы уместен на Манхэттене, но полным опытного, выжидательного внимания. — Тышу раз говорил я себе: прилепи бирку к первому, и все равно забываю. Вот он, поганец. — Охранник показал нужный ключ, и его пузо натянуло ткань форменной рубашки.

— Вы служите у мистера Хэтча?

— Пятнадцать лет. — Улыбка его стала шире, не став теплее. — Вы в городе впервые?

Я сказал, что приезжал сюда как-то на пару дней.

— Вам следовало бы прогуляться вокруг Хэтчтауна, увидите настоящий Эджертон.

Ферримэн-роуд напомнила мне кое-какие места на юге, в Чарльстоне и Саванне. Ощущение приближения к цели моего расследования жизни Эдварда Райнхарта придавало мне сил. Со временем даже полная противоречий история Джой может поблекнуть.

«В батюшке моем было столько чуждости, ему было абсолютно безразлично, что и как делать и что подумают люди. Зверство было его второй натурой и его проклятием, по-другому и не скажешь. У Нетти свои взгляды на этот счет, и, что бы ни вытворял Данстэн, она не видела в том дурного. Да только Нетти не все знает. И то, что было в моем батюшке, по большей части перешло ко мне и погубило мне жизнь».

В широкой части парка я свернул направо на Честер-стрит и прошел вдоль микрорайона с многоквартирными домами. Громкая музыка лилась из распахнутых окон. Чьи-то мамы и бабушки сидели на открытых террасах. На следующем углу подле бара с вынесенными наружу столиками люди в ярких одеждах бросали монетки в музыкальный автомат и наслаждались Рэем Чарльзом. Старина Рэй воспевал Джорджию, и жители микрорайона праздновали наступление уик-энда. Я свернул за угол и миновал переулок, где двое парней выгружали ящики из фургона.

Публичные дома сменили обувная мастерская, пожарная часть, бакалейный магазинчик. Три медных шара ломбарда висели над пустынным тротуаром.

Сквозь металлическую решетку и стеклянную дверь с золотыми буквами «Честная оценка» видны были две тусклые лампочки, горевшие в глубине помещения. Нажав на кнопку звонка, я услышал жужжание, напоминающее звук электродрели. Задняя дверь открылась, неожиданно плеснув в помещение светом, и показался Тоби Крафт.

Он распахнул решетку.

— Ну, входи, чего стал. Вот же поганая работа, из-за нее думаешь, что не осталось на свете правосудия, если, конечно, оно существовало когда-то...— Тоби закрыл дверь и сунул в угол полицейскую дубинку. Его рука сомкнулась на моей ладони.— Эх, малыш, мать у тебя была что надо!

Тоби притянул меня к себе и обнял.

— Сегодня утром, да? Ты был рядом?

— Мы были у Нетти, собирались поехать к ней.

Он пригладил волосы и вытер ладони о брюки.

— Ну, как ты?

— Трудно сказать...

— Помянем?

— Нет, мне только... А впрочем, почему бы нет?

— Я, правда, еще не освободился, но это быстро.— Я взглянул на стойку, а Тоби сказал: — Твоя матушка была настоящим украшением, когда стояла вот здесь. Кого ты нанял, Сполдинга?

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, о чем он спросил.

— Нетти считает, что я потратил слишком много.

Тоби поманил меня рукой в маленькую, душную комнату с лампой дневного света: заваленный бумагами металлический стол придвинут к дальней стене, приземистый книжный шкаф небрежно забит зелеными гроссбухами, и несгораемый сейф стоит напротив невысокой перегородки, отделявшей рабочий кабинет от неосвещенного помещения с рядами железных стеллажей. Старые календари с фотографиями обнаженных пышных женщин заклепывали стены. Люди, которых я заметил в переулке, вносили коробки в комнату за перегородкой.

— Крафт? — подал голос один из них.

— Да это мой внук.— Тоби повернулся ко мне.— Не позволяй своим теткам приbedняться и канючить. У них достаточно средств. Когда похороны?

— В среду утром.— Я сел на складной стул.

Тоби вздохнул.

— Секунду,— сказал он, обошел перегородку и заговорил с грузчиками.

Потом послышался шум отъезжающей машины.

— Я рад, что у Нетти и Мэй есть на что жить.

Тоби потер указательный палец о большой и подмигнул:

— Я обещал тебе рюмочку.— Из нижнего ящика стола он вытащил литровую бутылку «Джонни Уокера» и два грязных стакана.— Извини, что без льда, мне все недосуг заложить формочку в холодильник.— Пачка «Кэмела» без фильтра и золотая зажигалка появились из его кармана. Он наполнил стаканы виски на три дюйма.— Жаль, повод у нас грустный. Ну, за Стар.

Мы чокнулись.

— Ты как, держишься?

— Все нормально,— ответил я.— Сегодня заходил к Джой.

— Я-то у нее давненько не был.— Мы выпили. Когда Тоби подвинул бутылку ко мне, я отрицательно покачал головой.— Они с Кларенсом хорошо поживают или это сильно сказано?

— У Кларенса болезнь Альцгеймера,— сказал я.— Джой пристегивает его ремнем к инвалидной коляске и кормит с ложки детским питанием.

— Думаю, Кларенс уже не такой говорун, как в былые времена.

— Зато у Джой рот не закрывается.

Тоби откинулся на спинку стула и улыбнулся.

— Ты смысленный парень, сам, наверное, все понимаешь. Джой очень несчастна.

Отпив из стакана, я задумался, что ему сказать.

— Не думаю, что большинство Данстэнов родились с крыльями и когтями, но вот кое с кем из братьев и сестер Говарда было что-то странное, потому что Кларк тоже упоминал об этом.

Тоби откинул голову на спинку стула и устался на лампу дневного света. Облачко дыма медленно поплыло к потолку.

— Прежде всего... — Он схватил бутылку и подался вперед. — Давай-ка еще по чуть-чуть мерзкого скотча. Ты заставляешь меня отдуваться за двоих.

Я протянул ему свой стакан, удивившись, что он почти пуст. Тоби подлил себе, поставил бутылку и несколько мгновений вглядывался в меня. Добрый знак, решил я.

— Прежде всего подумай о муже Нетти. Я это к тому, что быть мужем Нетти — это штатная должность Кларка Рутлиджа. Он — вице-президент «Данстэн Инкорпорейтед», но, что характерно для этого человека, работу свою он любит. А что в работе самое ценное?

— Зарплата?

— Не-а. Работа определяет твое место в обществе. Кларк — это важная персона, потому что он Данстэн и будет доить эту коровку до упору. Но прежде всего Кларк — человек нестандартный. В один прекрасный день он заявляет, что еврейская нация, к которой принадлежу и я, сама виновата в появлении Гитлера, потому что заныкала все золото Германии. А потом говорит, что евреи выдающиеся люди, потому что они главные действующие лица Библии.

Я улыбнулся.

— Ну да ладно, Кларк есть Кларк... Так, теперь Джой. Джой всегда чувствовала себя обиженной. Ты обратил внимание, как она говорит о своем «батюшке»?

Я кивнул.

— Говард был странным типом, но они с Куинни ладили. А вот у Джой на этот счет пунктик. Джой была ребенком жутко капризным и истеричным. Из таких потом вырастают женщины, которым что ни дай — все мало.

Характеристика Тоби показалась мне необычайно меткой.

— Куинни знала, как ухаживать за стариком, а Джой только и делала, что злилась да жаловалась. Ее рассказы надо сто раз фильтровать.

— Джой весит фунтов девяносто. А Кларенс — все сто пятьдесят. Каждый вечер она его купает в ванне.

— Ловко.

— Джой говорит, что унаследовала сверхъестественные силы от своего отца, однако все, что от тех сил осталось, уходит на то, чтобы вытащить Кларенса из катаалки, опустить его в ванну, вымыть, вытереть и посадить обратно в кресло.

— Надо отдать должное, ее истории становятся занимательнее.

— Я видел, как она передвигает катаалку одним только указанием пальца. А затем загибает палец вверх, и кресло приподнимается над полом и качается в воздухе. Кларенс от этого приходит в восторг и гулит, как ребенок.

За толстыми стеклами очков глаза Тоби дважды открылись и закрылись, как оконные шторы. Я потянулся за бутылкой.

— Это чертова идиотка Джой! — Тоби поднялся со стула и пошел за перестородку.

Я услышал, как он проверил дверь, выходящую в проулок. Вернувшись, он достал из кармана «Кэмел», вытряхнул сигарету, изучил ее на предмет целостности. Прикурив, Тоби бухнулся на стул, откинулся на спинку и взглянул на меня.

34

— Ты об этом пришел поговорить?

— И об этом тоже.

Он провел маленькой плотной ладонью по лицу:

— С чего начинать-то?

— Все знают больше, чем я. И все отказываются хоть что-то рассказывать.

— Стар не хотела, чтоб ты знал об этих штучках.

— О каких таких штучках?

— Которые у вашей родни передаются по наследству, начиная от Омара и Сильвэйна. Ты слышал об Омаре и Сильвэйне?

— О да, — кивнул я. — От Джой. Во всех подробностях.

Слабый голос Джой зазвучал вновь: «Мои дедушки! Дедушками моими были оставшиеся в живых языческие боги, вполне возможно правившие в доминионах, однако заблудившиеся лишь о богатстве и удовольствиях. Чтобы построить тот самый дом на Нью-Провиденс-роуд, Сильвэйн разобрал дом своих предков в Англии, привез на корабле все эти кирпичи да камни и сложил их заново, действуя в точности так, как строили в старину. С таким же успехом он мог бы все свои деньги спустить в унитаз. Мой батюшка был абсолютно таким же. *C'est dommage**».

— Могла бы из приличия и не распускать язык.

— Мама же не захотела посвящать меня в семейную тайну. Вот Джой и посвятила.

Тоби сделал еще глоток виски и прижал стакан к густым седым волосам на груди, торчавшим из расстегнутой рубашки.

— Мама хотела уберечь тебя. И я бы сказал, ей это удалось.

С удивлением я молча смотрел на него.

Тоби поднял левую руку и перевернул ее ладонью вверх — дым сигареты вился вокруг пальцев. Жест его означал: нет проблем, все объясняется просто.

— Ты был нормальным. Потому кое-чего тебе знать не полагалось.

— Я был нормальным...

— Когда Джой была ребенком, она, по-моему, орала как резаная, если ее вовремя не кормили, верещала так, что стекла едва не трескались... Что же до тебя — ты рос нормальным ребенком, за исключением разве что этих припадков. А припадки — явление довольно обычное. Кстати, как сейчас, бывает?

Какие-то контуры понимания стали смутно формироваться у меня в голове.

— Я всегда надеялся, что с возрастом это у тебя пройдет.

* Как жаль (фр.).

— Тоби, вы только что сказали: «За исключением твоих припадков».

— Ну, так было ж дело! Как раз в тот день, когда тебе исполнилось три годика.

— Однако все считали, что со мной может произойти что-то другое. Вы все ждали, что я смогу заставить мебель летать по комнате.

Хмурое и мрачное неодобрение будто съезжило его лицо.

— Мы говорим о том, что передается по наследству у Данстэнов. Когда это перешло ко мне, то выглядело достаточно обыкновенным, чтобы казаться нормальным. Так?

— Тебя можно было и не обучать в колледже, — сказал Тоби. — Ты все схватываешь на лету.

— Как много от Говарда перешло к Куинни?

— Честно говоря, жена моя много чего унаследовала от Данстэна. — Он отпил из стакана и улыбнулся своим мыслям. — Иногда она поднималась в воздух на пару футов над кроватью и зависала. И при этом крепко спала. Покрывало поднималось вместе с ней. Жуткое зрелище, скажу я тебе. И еще она видела людей насквозь. — Воспоминание заставило его рассмеяться. — В первый год после нашей свадьбы дважды совершенно независимо друг от друга две пары идиотов заваливались в наш магазин поживиться налитыми. Они, видать, думали: что со старухи возьмешь, покажешь пушку, она и лапки кверху. Люди называют это «ошибкой в суждении». — Тоби хихикнул. — В ту же секунду, когда они заявляются, Куинни выгаскивает из-под прилавка ружье. Пугает до смерти этих малолеток. «Ах, — говорят они, — вы совершаете ошибку, уберите ружье, а то будет худо». Куинни им отвечает: «Если вы не умотаете отсюда до того, как я досчитаю до трех, вот тогда уж точно будет худо, да только вы не успеете узнать об этом». Больше никогда никаких проблем у нас с грабителями не было.

— Вот молодец, — сказал я.

— Куинни была чертовски талантлива. И не стала первоклассной сорокой-воровкой только из-за того, что руки у нее были на месте.

— Вот как,— вставил я.

Улыбка Тоби обнажила его выпуклые зубы.

— Бывало, сидим на кухне, судачим о том о сем, Куинни за столом, напротив. Встаю, иду к холодильнику принести льда, например. Оглядываюсь — она скрывается через черный ход. Иду на кухню, ору: «Куинни!» Открывается дверь спальни, и появляется она с метелкой для пыли в руках. «Какого черта?» — говорю. А она: «На кухне над окном паутина, и, чтоб ты знал, метелка для пыли будет лежать в шкафу в спальне». Или, например, ты думаешь о покупке нового телевизора и вдруг выясняешь, что платить за него уже не надо,— согласишься, чертовски удобно.

— Таланты отца переходили по наследству по женской линии.

Тоби наполнил стаканы.

— Больше всего досталось Куинни, затем — Джой и Нетти. Мэй тоже перепало.— Он глянул на коллаж из обнаженных красоток на стене.— Когда Мэй было лет тринадцать, она как-то раз ехала по Вэгон-роуд — теперь это Кордудейнер-авеню — на заднем откидном сиденье спортивного автомобиля Говарда. Куинни рассказала, что Мэй увидела двух девчонок, показывавших на нее пальцами из проезжавшего мимо автомобиля. Они якобы потешались над ней. Я, правда, всегда считал, что дело было не совсем так, поскольку выезд в город семейки Говарда не мог остаться без внимания. Я раз даже спросил Мэй напрямик, но толком ничего не добился. Что Мэй там померещилось, не знаю, но она так разбушевалась, что выдала настоящее шоу. По всей улице вылетели оконные стекла и взорвались шины автомобилей. Повредились телефонные линии. Кошмар, короче.

Прозрачный голосок Джой прошепестел мне в ухо:

«В итоге моя сестрица Мэй устроила настоящий погром на Вэгон-роуд, хотя, если послушать моего батюшку, так от Данстэнов в ней мало что было, а сестра моя эти его слова всегда воспринимала как ложь и мерзкую клевету.»

*Дело в том, что, когда мы были молодыми девушками, к нам стал захаживать один джентльмен, проявлявший симпатию к Мэй. К несчастью, он оказался негодяем и попытался подчинить ее своей воле. Обладеть девушкой силой — вот что было у него на уме. Справиться с ним Мэй удалось, прибегнув к тому, что француз назвал бы *force majeure**. В невероятном возбуждении и тревоге она пришла в тот день домой и сказала мне: Джой, мой молодой человек попытался обладать мной. Я была так напугана, что нашла в себе силы собраться с духом и уничтожить моего ухажера — от него осталась ничтожная вонючая зеленая лужица.*

Как можно после этого заявлять, что в Мэй нет ничего от Данстэнов?»

— Я что-то слышал о женихе, пытавшемся ее изнасиловать,— сказал я.

— Ох уж эта Джой,— вздохнул Тоби.— Мы умолчим, так камешня возопиют.

Я спросил, не знает ли он чего-либо об отце Стар.

— Куинни говорила, отец Стар был барабанщиком в джаз-группе, но имени его не называла. Отсюда и музыкальные таланты Стар, говорила она. Я, знаешь, иногда подумывал, может, он тоже был кем-то вроде Данстэнов, барабанщик-то. И вот еще что: я всегда считал, что Этель Бриджес, женщина из Нового Орлеана, которая вышла замуж за Сильвэйна после убийства Омара, из той же породы.— Он ухмыльнулся мне.— Ты, кстати, тоже в музыке преуспел: я слышал, в Напервилле на гитаре играл, а?

Стар разболтала Тоби о моем увлечении гитарой.

— Да так, баловался,— пожал плечами я.

— Пару раз сюда приходили клиенты с фотографиями больших джазовых оркестров, ну, Дюка Эллингтона или Бенни Гудмана, и на них были автографы музыкантов. Я сразу искал на этих фото барабанщиков и думал: если

* Непреодолимая сила (фр.).

это ты, то знай, что дочерью своей, о которой ты и слыхом не слыхивал, можешь гордиться.

— Красиво сказано,— сказал я, удивленный его сентиментальностью.— Похоже, люди заблуждаются относительно ростовщиков.

— Хочешь, скажу, кто мы такие? Мы есть защита для людей, в защите нуждающихся. Или были таковыми, пока банки не начали раздавать направо-налево кредитные карточки.

И тут, озаренный запоздалым пониманием, я воскликнул:

— Бог ты мой! — Мороз побежал у меня по коже.— Только сейчас до меня *дошло!* Мама отдавала меня приемным родителям, чтобы уберечь от своей родни.

— Ну да...— кивнул Тоби с таким видом, будто я заявил, что иметь кучу денег и жить в особняке было куда приятнее, чем нищенствовать в съемной квартирке, питаясь на продовольственные талоны.

— Каждый раз, когда я возвращался домой, она, наверное, просила всех держать язык за зубами. Я не должен был ничего знать о Данстэнах.

— Она хотела, чтоб ты жил как нормальный человек.

— А теткам это очень не нравилось. Они не видели в этом смысла, потому что не понимали ее.

Тоби положил локти на захламленный стол. Продолговатые выпуклые глаза его были удивительно ясными.

— Все время, пока ты был маленьким мальчиком, моя жена и ее сестры надеялись: вот-вот ты хоть как-то продемонстрируешь, что в тебе есть от Данстэнов. Когда ты стал старше, а Стар продолжала настаивать на своем, это стало препятствием.

— Вот почему я ни разу не был в Эджертоне после того, как мне исполнилось двенадцать. Она не доверяла Нетти и Мэй.

Тоби разлил остатки виски — в основном в свой стакан.

— Ну вот, самое время закругляться. Перед сном прими пару таблеток аспирина.— Он улыбнулся мне.— Хочешь еще о чем-то поговорить?

— Только об одном.

— Валяй.

— Перед самым нашим уходом из больницы Стар удалось сказать пару слов. О моем отце.

Тоби медленно поднял голову.

— Она назвала его имя: Эдвард Райнхарт.

Шторы за толстыми стеклами очков медленно опустились и поднялись.

— Родственники вашей жены хотят, чтобы я даже не задумывался об этом. Они что-то знают, но не говорят.

— С чего ты взял? — спросил Тоби.

— Стар жила с этим парнем до того, как выйти за него замуж. Нетти наверняка знала его имя.

— Это ты так думаешь.

— Тоби, вы тоже знаете его имя.

— Изю дня в день ко мне приходит столько народу — разве упомнишь...— улыбнулся он.

— Тоби, не надо...

Он оттолкнулся от стола, поднялся, обошел его и остановился перед фотографией черноволосой женщины, поддерживавшей ладонями свои груди, как чуть сдутые пляжные мячи.

— Не думай только, что я придурок, проведший всю свою жизнь за этим прилавком. В сорок шестом, через год, как я демобилизовался, у меня был белый «кадиллак» с откидным верхом и семь тысяч баксов на счете в банке. Сolidные люди приглашали меня в гости, обращались со мной, как с родным. Однажды я убил человека, потому что он не оставил мне выбора, и отсидел семь месяцев в Гринхэвене за дело, в котором, по сути, был виновен кое-кто другой. Тоби Крафт — это тебе не Кларк Рутлидж.

— И где-то на том этапе вы познакомились с Эдвардом Райнхартом?

Он вперил в меня взгляд сквозь толстые стекла очков.

— Это имя ты слышал от Стар?

— Сршнно верно.— Язык подвел меня, и я попробовал еще раз: — Совершенно верно.

Заглянув в свой стакан, я заметил, что виски там осталось на полдюйма.

— Сдается мне, я кое-что припоминаю.— Последовала многозначительная пауза.— Может, после похорон поработаешь у меня недельку? Сто баксов в день. Наличными.

— Баш на баш?

— Да нет, просто предложение.

— А по-моему, баш на баш. Ну да ладно, согласен,— кивнул я.

Тоби сделал вид, что пытается вспомнить.

— Лично с этим Райнхартом я не был знаком, но такое впечатление, что где-то мы с ним пересекались. Ей-богу, никак не припомню. Но есть человек, который, возможно, тебе в этом поможет.— Он сел за стол, вытянул из бумажной неразберихи ручку и стопку записок-наклеек. Затем нацелился на меня указательным пальцем.— Я тебе ничего не говорил.

— Понял,— сказал я.

Тоби что-то нацарапал на листке, оторвал его, сложил пополам и протянул мне.

— Положи в карман. Завтра утром прочти и подумай, что будешь делать. Вижу, ты решил старое помянуть — ну что ж, давай...

Кабинет раскачивался, как палуба корабля.

— *Hasta la vista*,— сказал на прощание Тоби и, тоже качнувшись, встал из-за стола.

35

Все было хорошо, пока я не услышал пронзительные звуки музыкального автомата. Чем дальше я шел — не сказать, чтоб очень уж нетвердой походкой,— тем громче они становились и тем больше меня раздражали и наконец обрушились на меня завываниями Уитни Хьюстон о веч-

ной любви, а комбинация выпитого алкоголя и ночного воздуха нанесла удар по нервной системе. Словно боковым течением, меня повлекло поперек тротуара, прямо передо мной вдруг нарисовался фонарный столб, и я обеими руками поспешил ухватиться за него, пока он, не дай бог, не исчез.

Так и стоял я, пока тротуар не перестал опрокидываться на меня. Затем побрел сквозь толпу с помощью какого-то джентльмена, подхватившего меня под локоть и придавшего мне направление куда-то на юг. Молодые и пожилые женщины провожали меня полными сочувствия взглядами со своих верандочек. Наконец я добрался до Мерчантс-парка, доковылял до ближайшей скамейки, рухнул на нее и забылся сном.

Очнулся я с тяжелой головой и резью в животе. Уличный фонарь освещал слова, выгравированные на табличке над входом первого дома по этой улице: «Дом Кордуэйнера». Я поджал колени к животу, и боль в желудке вдруг обрела физическую форму и устремилась наружу. Кварта водянистой красно-коричневой жидкости выплеснулась на асфальт.

Было одиннадцать тридцать пять вечера. В забытии на скамейке я провел по меньшей мере полтора часа. Вряд ли Нетти и Кларк успели заснуть, и пробраться к себе в комнату незамеченным мне наверняка не удастся, а непрезентабельный вид мой не оставлял никакой надежды пройти их инспекцию. Мне было необходимо прополоскать рот и выпить как можно больше воды. В дальнем конце парка виднелся внушительных размеров питьевой фонтан.

Гранитная чаша плавно переходила в высокий восьмиугольный пьедестал. Я отыскал медную кнопку сбоку чаши и сполоснул рот, большими глотками напился воды, умыл лицо, потом глотнул еще воды. Опустив глаза, я заметил на пьедестале надпись: «Великодушный дар Стюарта Хэтча. Здесь, у вод вавилонских, обретите покой. 1990».

У меня был час свободного времени, и его надо было чем-то заполнить. Я расправил галстук, застегнул пиджак

моего лучшего синего костюма и относительно твердой походкой направился из парка в поиск по сияющему в ночи Эджертону.

36

Две улицы, ярко освещенные неоновыми рекламами и бегущей строкой над входом в театр, уходили на восток от Честер-стрит. Жирная малиновая стрелка вспыхивала, как неоновый палец. Темно-красная вертикальная строчка с ошибкой «Отел Париж» светилась над дверью из дымчатого стекла. Люди группками по три-четыре человека, в большинстве мужчины, слонялись по улицам.

Слева от меня — Нижняя улица, справа — Евангельская. Я направился по второй, потому что до нее было ближе, и, прежде чем сделал пару шагов, внимание мое привлекла бронзовая табличка в виде завивающегося листа пергамента. В самом верху свитка стояли слова «Старый город». Я подошел поближе, чтобы прочитать надпись:

«На этом самом месте был заложен центр города Эджертон, штат Иллинойс, важного пункта торговли и отдохновения для всех, кто путешествовал по реке Миссисипи. Спонсором реставрационных работ является мистер Стюарт Хэтч».

Единственные признаки реставрации я разглядел на Евангельской: уличные фонари (два на весь квартал), белые стеклянные шары которых были выполнены в стиле ар-деко. Здания, бары, кинотеатры, магазины спиртных напитков, отели для залетных клиентов и многоквартирные дома, сдаваемые в аренду, — у всего этого, казалось, был виноватый вид, будто они ждали, что вот-вот явится полисмен и призовет их к порядку. Неоновые отблески падали на грязный кирпич и изъеденное временем дерево стен. Двери баров открывались и закрывались, заглатывая и выплевывая мужчин в заношенной одежде. Люди, одетые почище, прогуливались по тротуарам. Кое-где на лужайках

перед домами сидели в дачных креслах местные жители, наслаждаясь прохладным ночным воздухом.

Чуть впереди парочка, словно сошедшая с рекламы мыла без химических добавок, обогнула на своем пути пьянчужку, подпиравшего стену у входа в бар. Похожий на хорька тип с козлиной бородкой, одетый в черную кожаную жилетку, показался мне знакомым; он шмыгнул у парочки за спиной и метнулся через улицу.

Проводив «хорька» взглядом до тех пор, пока он не исчез из виду в мерцающем неоне проулка, я понял, что очутился в районе, представлявшем собой остатки тех самых распутных кварталов, — о них мне рассказывал дядя Кларк. Вот он, пережиток Эджертон, где моряки и пассажиры пароходов сходили на берег, чтобы делать ставки, изумленно глазеть на танцующих медведей и двухголовых козлов на ярмарочной площади, протягивать ладони гадалкам и терять срезанные кошельки. По сути своей город не изменился — по крайней мере, если вы стояли на улице Эджертон моих прапрапрадедов в ночь с пятницы на субботу.

Я пересек улицу и пошел в направлении проулка, в котором скрылся хорек в кожаной жилетке.

37

Через несколько секунд после того, как я вошел в проулок, я понял, что существовало два Старых Города: один включал в себя районы Евангельской и Нижней улиц, а второй — отдельный Старый город — прятался за первым. Это был лабиринт извилистых улочек, разветвлявшихся на более узкие и темные проходы, а те, в свою очередь, тоже разветвлялись и неожиданно сворачивали к крошечным, с почтовую марку, площадям на пути к темным тупикам либо к одной из более широких улиц. Филантропия Стюарта Хэтча не дотянулась до Старого города, и фонари в таких безлюдных местах, как Голубиная улица, куда я свернул, представляли собой простые стеклянные светильники

с лампами на макушках железных столбов, которым было лет семьдесят как минимум. Каждая третья-четвертая лампочка была разбита, но местные неоновые вывески и освещенные окна щедро заливали светом узкие переулки.

От следующего угла проулок продолжался темными витринами магазина и брошенными зданиями. Я свернул направо в Кожевенную, где яркое освещение навело меня на мысль о стриптиз-клубах и массажных салонах. Свет лился из широких окон прачечной самообслуживания: полдюжины уставших женщин скучали в ожидании на скамеечках перед крутящими белье машинами.

С Кожевенной я свернул на Рыбную, потом — на Лавандную, Малиновую, Хлебную, Паточную и Восковую. Когда за спиной у меня осталась Хлебная, я окончательно убедился: за мной кто-то идет. Тихие шаги преследовали меня и по Паточной, и по Восковой, хотя, оглядываясь, я не видел никого. Восковая выходила на Телячий двор, где, освещенный светом из окон отеля «Медная голова», стоял фонтан без воды. Обойдя его кругом, я вышел на Реповую, миновал бар «Только у нас» и вновь услышал за спиной шаги. Я оглянулся и успел заметить темную движущуюся тень. Сердце, словно споткнувшись, пропустило удар, а тень растаяла.

Прибавив шагу, я поспешил по скользкому бульварчику и вновь окунулся в суету Евангельской улицы. То, что я увидел на другой ее стороне, объяснило, где я находился.

На улице, у стеклянных дверей двухэтажного бара, вороватый тип, за которым я пошел в переулки Старого города, весь подергиваясь, что-то объяснял коренастой блондинке в наполовину расстегнутой джинсовой куртке. Это была Кэсси Литтл, возлюбленная Кларка Рутлиджа, а хоряка звали Френчи Ля Шпель. Обоих я видел в отделении интенсивной терапии больницы Святой Анны. Сияла ослепительно розовая вывеска над входом в бар «Спидвей».

Чья-то рука сомкнулась на моем левом локте, и я услышал сильный шепот:

— Слышь, приятель, не знаю, как насчет мозгов, но смелости тебе не занимать.

Взъерошенный старикашка рядом со мной ухмыльнулся, видя мое удивление. Сальные завиточки выбивались из-под плоской шляпы, впалые щеки серебрились седой щетиной, от него за версту разило перегаром.

— Пайни Вудз,— сказал он.— Помнишь меня?

38

— Да не было меня здесь в четверг вечером,— ответил я.— Но о вас я слышал от моего дяди Кларка.

— Лучше б тебя здесь не было сейчас, давай, сваливай скорее обратно через Реповую.

Он показал на собравшихся перед баром четверых мужчин с каменными физиономиями, в рубашках поверх обтянутых футболками мощных торсов. Видом своим они напоминали деревенскую шпану, совершенно не изменившуюся с тех пор, как им стукнуло шестнадцать. Кэсси Литтл скрылась в баре, а хореке еще раз продемонстрировал свое умение испаряться. У троих парней были бейсбольные биты. Я позволил Пайни утянуть меня назад в переулок.

— Это, похоже, мои давешние партнеры по покеру? — спросил я.

— Ага, и с ними Стэджерс.— Пайни сделал шаг, заклонив меня.— Это опасные ребята, из Маунтри.

— Который Стэджерс? — спросил я, глянув через его плечо.

— Тот, что в солдатских штанах.

Тот, что в солдатских штанах, обладал порочным щербатым лицом человека, которого не оставляет чувство глубокого разочарования в том, что, как выясняется, не он правит этим миром. Стэджерс хлопал в ладони, отрывистым рыком отдавал приказы и, несмотря на свое брюхо, выглядел так, будто провел рабочий день, дробя камни кулаком.

— Похоже, ребята собираются поразмяться. Глянть-ка напоследок еще разок.

— Мне показалось, кто-то следил за мной,— сказал я ему.

— Я ж говорю, ты везунчик. Хочешь, чтоб везло и дальше, сматывай из Хэтчтауна, быстро.

Я поспешил назад, на Телячий Двор. На его левой стороне и слева от Восковой в глубь Хэтчтауна уходила Смоляная. Я побежал по ней в надежде, что она выведет меня куда-нибудь в район Тросовой улицы и ломбарда Тоби Крафта.

Смоляная соединялась с Паточной вереницей полуразвалившихся домов, источавших запахи аммиака и гниющих яблок. И тут я вновь услышал приближающиеся шаги. Перебежав на другую сторону, я потрусил по темной извилистой Смоляной дальше. В звуке шагов моего преследователя торопливость пугала куда меньше, чем взвешенная осторожность. Навозная пересекала Смоляную, но... к черту Навозную. Включи-ка воображение. Добравшись до Лавандовой, я взглянул налево. Два малолетних оборванца, словно с фотографии трущоб Нью-Йорка тысяча восьмисот девяностых годов, внимательно разглядывали меня из проема двери заброшенного здания. Справа от меня из окна обувной мастерской донесся пронзительный женский смех. Я услышал приближающуюся из-за угла здания тяжелую поступь. Кто бы оттуда ни появился первым, это точно будет один из приятелей Стэджерса.

Два моих вероятных противника приблизились, один — сзади, другой — справа, от Лавандовой. И тут один из мальчишек незаметным и стремительным взмахом показал большим пальцем себе за плечо, отступил назад, и я прыгнул в проем двери — в пахнущую лавандой темень.

Из трещин выходившей на улицу стены тянулись ленточки рассеянного света. У другой стены, укрытые ворохом одеял, спали несколько мальчишек. Я осторожно крался, пытаясь отыскать достаточно большую трещину, чтобы понаблюдать за улицей. Мой спаситель продвигался следом.

— Это они за тобой?

— Спасибо, выручил.

— Спасибо на хлеб не намажешь.

Я вытащил банкноту из кармана, подержал ее перед тускло мерцающей четвертьдюймовой трещиной, высветив замкнутое лицо Джорджа Вашингтона, и дал доллар мальчишке.

— Хотят отбучать?

Присев на корточки, я прижался глазом к трещине.

— А еще доллар дашь?

Я дал ему еще доллар.

Откуда-то из глубины склада долетел шепот.

— Спрячь его у Живодера, Ноли.

Я смотрел в щель — переулок пока пуст, однако приближающиеся тяжелые шаги — *топ, топ, топ* — были уже отчетливо слышны. Мальчишка лег рядом и прижался глазом к соседней трещине.

— Говорят тебе, уведи его к Живодеру.

Обтянутое футболкой пузо и сжимающая бейсбольную битку мощная рука попали в поле моего зрения. Мужчина приостановился, оглянулся на здание на противоположной стороне переулка, затем взглянул на заброшенный склад лаванды, пристукнул битой о булыжник мостовой.

— Здесь мужик не проходил?

Оставшийся в дверях второй мальчик в дверях сказал:

— Двоих видел.

— Не местный, турист.

— Вон туда рванул,— сказал мальчик.— Пыхтел как паровоз.

Пузо развернулось.

— Давно?

— Да только что.

Человек с битой ушел, и вскоре я и мой спаситель осторожно выскользнули из двери. Я спросил, живут ли они в этом старом здании.

— Спим здесь, когда жара на дворе.

— Иногда зарабатываем немножко денежек,— вступил в разговор мальчонка еще младше.

— Например,— разъяснил Нолли,— если вам нужно добыть какую-нибудь штуку, мы могли бы помочь вам ее добыть.

— А вы можете помочь мне выбраться отсюда?

Мальчишки переглянулись.

— За доллар,— пояснил я.

Нолли протянул грязную ладошку, и я положил в нее еще один доллар. Стремительно — я едва успел заметить момент старта — он рванул по Лавандовой в направлении, противоположном принятому моим преследователем. Я бросился за Нолли через проулки, едва успевая прочесть их названия: Шнурочный, Мускусный и Ананасовый.

— Где мы выйдем?

Ясно: сам увижу, когда выберемся.

С Ананасового мы свернули на Медовый — шестифутовый проход с лампочкой, одиноко светившей в дальнем его конце. Неторопливые и тяжелые шаги донеслись с соседней улочки. Нолли помедлил в нерешительности. Секундой позже раздался отчетливый звук — кожаные подошвы по булыжной мостовой. Нолли метнулся вдоль по Медовому. Я — за ним, уже не сомневаясь, что преследователи слышали меня так же отчетливо, как и я их. Мы выбежали на миниатюрную площадь под названием Двор Белой Мыши, и Нолли указал пальцем в направлении темного прохода на противоположной стороне.

— Туда, на Шелковую,— проговорил он,— беги по Шелковой, Стеклойной, Пивной и выйдешь.

Он шмыгнул в проход к смежной улице.

Шаги приближались.

Я бросился на Шелковую, но услышал, как тяжелая поступь настигает меня. Я остановился и оглянулся. Звук, словно описав круг по узкому проулку, теперь донесся спереди. Я пошел вперед и услышал более легкие, цокающие звуки шагов откуда-то с другой стороны. В конце проулка я, не оглядываясь, свернул, как я надеялся, на Стеклойную, побежал в направлении лампы, висевшей над следующим

перекрестком, и понял, что единственные шаги, которые я сейчас слышу,— мои собственные. Чертыхнувшись, я остановился и стянул туфли.

Прямо передо из-за угла вынырнула массивная фигура и буквально заслонила собой центр улочки под лампой. Фигура подняла в замахе руку с бейсбольной битой и метнулась ко мне.

В тот же самый момент некто ухватил меня за воротник и швырнул в сторону — я полетел на мостовую. Подняв голову, я успел увидеть атаку отшвырнувшего меня — сделав шаг, он прыгнул на нападавшего как тигр. На ощупь я напел снятые туфли. Бейсбольная бита, чиркнув по стене, метнулась вверх и резко опустилась. Раздался сочный удар — с таким звуком трескается арбуз. Бита еще раз опустилась с более тяжелым и глухим ударом. Я попытался отползти подальше от побоища, и бита, скользя по булыжнику, подкатилась ко мне.

Надо мной из залитого светом прямоугольника окна высунулся мужчина. Освещенный тусклой уличной лампой, труп громилы распростерся на мостовой. Стройный незнакомец в голубом костюме не спеша удалялся в конец Стеклойной. Затем вдруг остановился. Фантастический ужас, наполовину состоящий из предчувствия, заполнил все мое существо.

Человек на перекрестке неторопливо шагнул в круг света и повернулся ко мне лицом. То, что он собирался мне сказать, вызвало у него улыбку. Уже не фантастический, а перенесенный в каждой своей мельчайшей подробности из моих снов ужас буквально приклеил меня к булыжникам. Догадка о том, что я сейчас услышу от него, затопила меня страхом.

— Нэ, никогда не отказывайся от приглашения леди.— Голос его был моим и не моим одновременно.

Мой бесцеремонный двойник смотрел на меня из-под полузакрытых век с почти ласковым, насмешливым презрением. Я глядел на его лицо, и на доли секунды ко мне

вернулось ощущение узнавания, которое выдернуло меня из моего ночного кошмара. В тот момент, когда он исчез в сумраке проулка, я понял, что это его имя назвала мне Стар.

Я чувствовал, что теряю сознание, лечу вниз и рыдаю от горя, засевшего в самом центре моего сердца, взмывая на два фута над землей и разлетаюсь кровавыми клочьями и брызгами. Роберт сам представился мне. Беспомощно, словно пытаясь последовать за ним, я сделал было шаг вперед, затем развернулся и побежал обратно.

39

МИСТЕР ИКС

Что со мной происходит? Что за демон подвергает меня тяжким испытаниям, что за демон гонит меня в ночные рейды?

Сгорая от стыда и унижения, склоняю голову: я ставил под сомнение Мастера и его Творения. Кто я? Кто был моим настоящим отцом? «Уотли хотели впустить их, но это еще не самое страшное!»*

(Цитируя эти замечательные слова, я залился неудержимым смехом, который утих только сейчас. Утираю слезы радости и продолжаю.)

Далее я привожу описание моих достижений в хронологическом порядке.

Угнетенное состояние, видимое в моей последней записи, лишило меня мужества продолжать ночные прогулки, вследствие чего я без сил падал в кровать незадолго до полуночи и чувствовал себя совершенно разбитым с восходом солнца. Сидя перед незахламленным уголком моего обеденного стола, я копался в мусоре в поисках недоеденного пирожка, который лежал здесь не более недели. Когда же рука моя наткнулась на закаменевший пирожок, уди-

вительный свет вдруг пролился на меня из темнейших небес и невидимый оркестр сыграл величественный аккорд, завершившийся звоном литавров. Сошествие этой лучистой, полной света (и тьмы) гармонии явилось для меня свидетельством лишь одного: в это самое мгновение Стар Данстэн испустила дух — прощай, спи спокойно, тра-та-та, аминь.

Кончина Стар-свиноматки подарила мне сладостное ощущение реванша, а то, что я мгновенно узнал о событии, в мгновение ока смело все мрачные тучи с небес моей души. Вот, вот оно, доказательство того, что это не иллюзия, что Миссия моя продолжается. Мои беспощадные праотцы улыбались сверху, если, конечно, такие Великие Сущности способны улыбаться. Я швырнул пирожок-окаменелость в сторону мусорной корзины — в общем, туда, где что-то поблескивало и должна была находиться корзина, вскочил и начал мерить шагами комнату до тех пор, пока не ощутил, что тело мое полностью подчиняется мне. Минут через десять я набрал номер телефона второсортной эджертонской больницы и пережил непростой момент, в течение которого меня соединяли с отделением интенсивной терапии. Хуже того — какая-то медсестра Цвик объявила, что, хотя с пациентами отделения нельзя говорить по телефону напрямую, можно оставить сообщение, которое будет передано конкретному пациенту. Я назвал конкретного пациента. Восхитительная Цвик колебалась не более полсекунды, прежде чем сообщила мне деловым тоном, что миссис Валери Данстэн только что скончалась.

Пусть даже *предвиденное и ожидаемое*, событие такого масштаба способно порвать паутину.

Возвращенный к жизни, я провел день, внимательно перечитывая Священные тексты Мастера из Провиденса и подмечая сотни пророческих отрывков в Его рассказах, на которые я прежде не обращал внимания. Например, мне понадобилось перечитать «Натуру Пикмена» несчетное ко-

* Г. Ф. Лавкрафт. «Ужас в Данвиче».

личество раз, чтобы в один прекрасный день — сегодня — постичь важность следующих строк:

«Я готов наугад провести вас по тридцати, а то и сорока улицам и переулкам, хитросплетениям всевозможных узких проходов... о существовании которых не подозревает даже десяток ныне живущих там существ, если не считать набродивших их иностранцев... Эти древние места... переполнены такими чудесами и ужасами, которые ни за что не встретишь в местах общедоступных...»

Мастер из Провиденса описывал Хэтчтаун!

И вновь я выступаю с проектом музея Старших Богов — рисую его в своем воображении похожим на Валгаллу. Дневник, летопись моих приключений, раскрытый на этой самой странице (тетрадь от Бурума и Пиза), лежит на точной копии моего стола по соседству с точной копией моей ручки «монблан» (стержень — «медиум»). Все это устроено в виде диорамы чуть позади экспозиции — личного стола Мастера и Его письменных принадлежностей. Анимированная копия моей собственной персоны встает из-за стола и шагает к раковине, где принимает выразительную позу — может быть, даже для того, чтобы процитировать некие берущие за душу строчки из моего дневника. Помоему, все это вполне осуществимо...

Сочувствующему читателю будут понятны мои слезы.

Мудрец обратил невозмутимый взгляд своих миндалевидных очей на меня и *мигнул*. Мои слезы были вызваны долго скрываемым, исцеляющим решением. Слово *экстаз* здесь было бы вполне уместно.

Получилось так, что позже я воспользовался возможностью сделать получасовой перерыв в том скромном занятии, которое позволяет мне платить за жилье и содержать свои тело и душу, чтобы незаметно выскользнуть и вдохнуть прохладу ночного воздуха. Я был готов на все и, окрыленный все еще звенящими в душе высокими словами Мастера, искал приключений, пробираясь по безлюдным закоулкам Хэтчтауна.

Я растворялся в стайках туристов и проходил их насквозь, вопреки обыкновению прилепаясь к чей-либо тени. А ведь у большинства этих идиотов были бы большие неприятности, если б они увидели меня стоящим под фонарем и играющим на аккордеоне «Lady of Spain».

Продвигаясь по Евангельской, я заметил четверых головорезов средних лет, крадущихся по Кошельковому проходу. У троих были бейсбольные биты, они шарили глазами повсюду, заглядывая в открытые двери каждого кабака, и это выдавало в них ищеек, пущенных по следу енота. Дикая атмосфера глухомани Маунтри обволакивала их как туман. Холмы и долины, перечеркнутые сетью грязных улочек, безобразные лачуги с заросшими сорной травой двориками, и в них — допотопные автомобили, сломанная техника, а то и пара-тройка свиней; Маунтри беспрерывно поставляла жестоких головорезов в эпоху расцвета моего творчества и злодеяний. Я не сомневался в том, что Маунтри не изменился с годами. Невидимый, я приблизился к громилам, и самая спелая слива упала прямо мне в ладонь.

Вначале я увидел Френчи Ля Шапеля, у которого чуть глаза не вылезли из орбит, — так старательно он выслеживал передвижение своры ищеек. Он *знал*, зачем они здесь, и от этого очень нервничал. Несмотря на то что все они нарушают закон при первой же возможности, Френчи и ребята из Маунтри были разной породы и инстинктивно оставались кровными врагами, как кобра и мангуст. Природную враждебность усиливала и полная противоположность типажей: у Френчи — лстивая вкрадчивость хорька, а все как один головорезы — с отвисшими, как мешки с картошкой, пузами и физиономиями, как сырые бифштексы.

Неторопливой походочкой я профланировал перед громилами. Их вожак изрыгнул восхитительный приказ:

— Данстэн где-то здесь. Проверьте квартал, встречаемся у «Спидвея».

Сердце мое встрепенулось, как старый боевой конь.

Я поспешил через улицу и материализовался подле Френчи. На протяжении последних лет я то и дело призывал его себе в помощь, и при этом мне неизменно казалось, будто я скорее таинственным образом появляюсь в пределах видимости, чем становлюсь видимым сам. Что касается самого Френчи, то минуту назад меня рядом не было, а сейчас — вот он я, и это лишает его мужества и пугает гораздо сильнее, чем ему хотелось бы.

Заметив меня, он вздрогнул, затем судорожно дернул узкими плечами и притворился, будто разминается перед дракой. Такие, как Френчи, никогда не разминаются, и единственное их упражнение — драпать от полиции.

— Да как же я опять не заметил, как ты подкрался, а?

— Смотришь не туда, — ответил я.

Он отрывисто рассмеялся — кха-кха! — пару раз подпрыгнул на месте и быстро глянул на ту сторону Евангельской улицы.

— Знаешь этих охламонов?

Френчи глянул на меня настороженно и резко сунул руки в карманы кожаной куртки.

— Ну, может, пару раз видел в «Спидвее»...

Я чуть приподнял голову — так, чтобы из-под полы шляпы стал виден краешек моего левого глаза.

— Одного из них зовут Джо Стэджерс, — продолжил Френчи. — Слушай, мне надо кое-куда по делу...

— Никуда тебе не надо, — остановил его я. — Две ночи назад у тебя тоже было дело — за Тросовой улицей, с Клайдом Прентиссом. А нынче у тебя дело одно-единственное — стоять и слушать меня.

Вздрогнув, Френчи изобразил на лице некое подобие решимости:

— А чего такого, Клайд мой друг.

— Склад старика Грубера, — напомнил я. — Микроволновки. Как много ты спер до того, как с Клайдом случилось несчастье, а? Дюжину?

Дыша ртом, Френчи изучал залитые светом окна верхнего этажа многоквартирного дома на той стороне улицы:

— Не больше десятка. Я их в речку свалил.

Но он рассказывал мне о том, что должен был сделать. Сейчас все двенадцать ворованных микроволновок сложены у стены в его крохотной квартирке.

— Клайд Прентисс представляет угрозу твоей свободе, — сказал я. — Случись так, что он выкарабкается, он сотрет тебя в порошок. Кое-кто мог бы сказать, что Клайд окажет услугу своим друзьям, если умрет.

Френчи попытался сделать вид, что это его мало трогает.

— Бедняга дышит на ладан. Слабое сердце. Шансы — пятьдесят на пятьдесят.

— Знаешь, Френчи, я ведь могу изменить это соотношение, — сказал я. Он перестал подергиваться. — После полуночи можешь уже не волноваться насчет Прентисса. Ты же, в свою очередь, выполнишь несколько моих поручений. И получишь вознаграждение. Держи аванс. — Пятидесятидолларовая банкнота перешла из моей руки в вялую ладонь Френчи и следом — в застегивающийся на молнию карман куртки.

Он отважился искоса взглянуть на меня:

— Уф, ты хочешь сказать, что...

— Ты отлично знаешь, что я хочу сказать. Это что за придурки? — Я хотел знать, как много ему известно.

— Парень по фамилии Данстэн сел играть с ними в покер и опустил их на деньги. Вот они и завелись.

— Узнаешь Данстэна, если увидишь?

— Ну.

— Давай-ка, побегай по улицам. Найдешь Данстэна — передашь ему, что кое-кто хочет с ним встретиться на Тялячем Дворе. Покажешь ему дорогу. Если вдруг налетишь на Стэджерса или его дружков, пошлешь их в противоположном направлении.

Френчи пошел, и я бросил ему вслед:

— Микроволновки сплавь в Чикаго.

Он припустил как подстреленный. Не привлекая внимания, я отправился назад, перешел Евангельскую улицу и нырнул в ближайший проулок. Наша так долго откладывавшаяся встреча с Мастером Данстэном должна была состояться не ранее дня рождения ублюдка, и поэтому в настоящий момент — по иронии судьбы — моим долгом было защитить его. Я плавно скользил по Щетинной, ежесекундно готовый пролить энное количество крови гостей из Маунтри.

По мне-то, конечно, лучше, если б Щетинных было штук шесть, но на худой конец и одной достаточно. Поднимаясь в горку и сбегаая вниз, сужаясь и расширяясь, эта глухая улочка виляла взад и вперед по Хэтчтауну, и путешествующий по ней опытный слушатель в состоянии понять большую часть происходящего вокруг. Я с благодушием предвкушал «трансляцию из жизни Маунтри».

Жители Хэтчтауна ковыляла домой, шатались по кабакам, ссорились, спаривались. Дети визжали, засыпали, опять визжали. Я был уверен на сто процентов, что слышу, как Пайни Вудз напевает под нос, волоча ноги по Кожевенной к Евангельской, хотя, возможно, это был другой изгой, достаточно старый, чтобы помнить «Чаттануга Чу-Чу». Я шмыгнул на Телячий Двор, и музыка, которую я искал, прилетела ко мне со стороны Смоляной и Паточной.

Музыкой той были «клик-шлеп, клик-шлеп» железных набоек на стоптанных каблуках лучших, по меркам Маунтри, башмаков по булыжникам мостовой. Я свернул на Восковую. Безмозглый громила вел преследование совсем уж в открытую и совсем уж незамысловато: постукивал битой по кирпичным стенам, производя резкое, звонкое «хрясь!» — яркое, как сполох пламени. Я все еще был не в состоянии точно определить, шел ли он по Смоляной либо по Паточной, но если я чуть прибавлю ходу, то окажусь там, где две улочки сливаются в одну — Лавандовую, лишь на пару секунд позже моей намеченной жертвы. Сосредоточившись на «клик-шлеп, клик-шлеп» и редких, но отчетли-

вых «хрясь», я игнорировал все остальные шумы, плывущие из соседних улочек. И тут мое внимание привлекли шаги двух других людей.

Для всех, кто умеет слушать, звук шагов — все равно что отпечатки пальцев. Двое мужчин приблизительно одного веса, идущие по влажной мостовой в одинаковой обуви, производят, в сущности, одинаковый шум, но звуки, ими издаваемые, имеют тысячи различий. Я обратил внимание на доносящиеся со Смоляной или Паточной звуки шагов этой парочки из-за их удивительной схожести. (Но одинаковыми они не были. Даже однояйцовые близнецы не могут ходить одинаково, такого просто не бывает.) Поступь первого мужчины была неуверенной, с нарушением ритма, и выдавала его сильное опьянение. Шедший за ним следом передвигался плавно и был в чересчур самоуверенном и приподнятом состоянии — не то чтобы беззаботном, но как будто само представление о заботах и препятствиях ему неведомо; это была поступь неземного существа.

Я должен сейчас упомянуть об одной детали, находящейся за пределами восприятия любого смертного читателя. В походке неземного существа не было ничего даже отдаленно напоминающего принадлежность к существам смертным. Исключительная беспощадность слышалась мне в поступи второй пары ног, направлявшейся туда, где Смоляная и Паточная сливались и становились более просторной Лавандовой.

И еще! Несмотря на то что в отзвуках шагов первого фактически не содержалось ничего, так сказать, ангельского или неземного, они все же имели зловещее сходство с шагами второго.

Это было словно

Я чувствовал, будто

Словно я когда-то прежде вот так же стоял

О Великие, в своей теперешней эйфории Ваш Слуга не способен подобрать более точного слова для описания эмо-

ционального состояния, вызванного этим неправдоподобным сходством, чем самое любимое Мастером из Провиденса прилагательное — *жуткое*. Я услышал шаги моего сына. Зная, что громила идет за ним, он сбивал преследователя с толку, подавая ложный сигнал — не знаю, как вы это называете, — слуховой галлюцинации. Я способен создать много чего, но его трюк мне не по силам, как путешествие во времени. Помня о том, что мой противник более гибок, чем я предполагал, я начал движение и устремился к петляющей Щетинной, чтобы попасть на Лавандовую, пока не слишком поздно.

У начала Щетинной я заметил лениво привалившегося к косяку дверного проема заброшенного склада мальчишку из шайки беспризорников, что обычно собираются здесь по ночам. Подойдя вразвалочку, перед ним остановился громила. На мгновение застыв в нерешительности и смятении, я пришел к выводу, что выродок, скорее всего, разговор с Френчи все же имел. Развернувшись к ним спиной, я полетел по Щетинной к пустынному Телячьему Двору.

Цедя сквозь зубы проклятия, я поспешил кратчайшим путем и снова услышал таинственную поступь, вызывающую галлюцинации, и шаги ребенка вдоль по Лавандовой. Я подобрался достаточно близко, чтобы узнать в ребенке Нолли Уидла, которому я время от времени давал безобидные задания. Когда я подметил, что мы направляемся к южной границе Хэтчтауна, до меня дошло: несмотря на то что мой единственный сын, возможно, обладает оккультными силами, в которых его отцу отказано, он ни черта не смыслит в географии. Он нанял Нолли в проводники!

Я понял это до конца, только когда пара передо мной достигла небольшого, мощенного булыжником пятанка под названием Двор Белой Мыши, где эти двое и я, на безопасном расстоянии чуть позади, услышали «клик-шлеп, клик-шлеп» громилы, устало тащившегося по соседней улочке. Следующий долетевший до нас звук — звук шагов неземного создания — рассыпал в прах все мои догадки и пред-

положения. Нолли летел, отрывисто выкрикивая направления, куда надо сворачивать. Мой сын и противник приближался, но я так и не мог понять откуда: я прятался на Щетинной. Он прошел на Шелковую, и я кинулся на параллельную ей улочку. У пересечения со Стеклойной я прижался к кирпичной стене, чуть высунулся из-за угла на освещенном фонарем перекрестке и сделал третье за сегодняшний день, самое значительное открытие.

Мужчина в темном костюме побежал вперед, затем снял туфли и припустил в сторону моего убежища. Прежде чем он добежал до того места, где уличный фонарь осветил бы его лицо, из-за другого угла перекрестка вывалился громила и, подняв над головой бейсбольную битку, пошел на него в атаку. Я незаметно выскользнул, готовый прикончить деревенского ублюдка, и — замер, совершенно сбитый с толку. Вторая фигура, в каждой детали повторяющая первую, метнулась по улице. Один был моим сыном, но который из них?

Я отступил в тень. Многообещающая музыка напоила мой слух.

Вновь прибывший оттолкнул первого и кинулся на громилу. Несомненно, это был мой сын. За пару секунд он завладел битой и обрушил ее на череп бандита.

Жадно вбирая в себя беззаботную красоту его лица, черноту его блестящих глаз, крутой изгиб его скул, я смотрел на свое порождение, медленно идущее к кругу света лампы. Жестокое убийство встревожило его не более, чем встревожило бы его отца. Блистательная чудовищность моего Противника даже меня вогнала в трепет. Я подумал, что маленький паршивец взрастил в себе эту дьявольскую самоуверенность примерно в то же время, когда я стер с лица земли, как мне было *веле*но, последнего из Данстэнов, проживавших в Эджертоне, этих побирушек, через семейство которых я пронесся как чума.

Но на что, черт возьми, он способен и кто или что было его двойником — чью жизнь он только что спас? Прижавшись к стене, я глядел на залитый кровью центр сцены.

Мой неприятель во всем своем блеске вошел в круг света. На мгновение погрузившись в свои мысли, он как будто замер в нерешительности. Этот дьявол прекрасно знал, что творил. Он красовался. Неторопливо, беспечно повернулся он ко мне спиной, а лицом к человеку, стоявшему посреди улицы. После великолепно выдержанной паузы он заговорил.

К сожалению, он произнес лишь одну фразу на тему гипотетического долга мужчин уважать сексуальные инициативы женщин. Очевидно, он затащил в постель ту, которой второй парень отказал. Мои внутренние рецепторы продолжали напряженно гудеть в ожидании и предвкушении более существенной информации. Мой грозный неприятель, мой сын, медленно направился к перекрестку и исчез из виду. Второй же, спотыкаясь, вернулся в круг света.

Осознание того, как близко к пониманию я подобрался, когда бродил вокруг да около, набивая себе шишки, заставило меня расхохотаться. Я смотрел и видел одно и то же лицо — более или менее, скорее более, чем менее. Они были братьями!

Стар разродилась двойней — двумя мальчиками, и, пока я тщетно разыскивал второго, тень первого из сыновей, названного, по-видимому, Нэдом, кружила за моей спиной в дни их рождения. Смерть Стар призвала их обоих в Эджертон, и до случившегося только что происшествия остолоп, топчущийся сейчас в круге света, не знал о существовании своего брата — как и я сам. *Стар не хотела, чтобы он знал. Этим Стар защищала его.* Ошеломленный, парень было двинулся вслед за своим братом, затем отпрянул назад, развернулся и бросился наутек.

Я же получил то, что так долго искал.

Часть 4

КАК Я НАКОНЕЦ НАШЕЛ СВОЮ ТЕНЬ И ЧТО СДЕЛАЛ

Нод кроватью — это не ново, — сказал лейтенант Роули. — Но ведь это вы запихнули рюкзак *туда*. Вы боялись, кто-то украдет ваш выигрыш?

Рыжие брови лейтенанта Роули взмыли до всклокоченной челки того же цвета ржавчины. Морщины на лбу стали резче, и рот растянулся в узкую линию. Складки, словно шрамы-отметины от ударов ножа, сморщили его щеки. Он улыбался. Было четыре часа пятьдесят шесть минут утра, и Роули преотлично проводил время с трех тридцати, когда они с офицером Трехэфтом — ожившим тотемным столбом, облаченным в синий мундир, — разбудили Нетти и Кларка, ввалились в мою комнату, зачитали мне мои права и арестовали меня за убийство человека по имени Минор Кийес. Роули только начал входить в раж.

— Я не выигрывал этих денег. Я привез их из Нью-Йорка.

— Вы что, всегда берете с собой пять-шесть тысяч долларов, когда выезжаете из города?

Уже в четвертый или пятый раз я повторил:

— Я не знал, будет ли здесь действительна моя кредитка. И я не вывозил всю сумму сразу — просто накопилось примерно за неделю.

— Интересно получается, если послушать Стэдджерса и других: они говорят, эти деньги вы взяли у них. Хуже того — они опознали вас. — Его лицо стало чуть менее напряженным. — Это серьезно, Нэд, но все не так плохо, как кажется.

Молодой полисмен с треском распахнул дверь, подошел к Роули и что-то зашептал ему на ухо. Роули уперся пальцем ему в плечо и чуть оттолкнул.

— Что, совсем гладкие? Без папиаллярных линий? Не будешь ли ты так добр отвалить отсюда к черту, а?

Роули было лет сорок пять, примерно столько же, сколько Стюарту Хэтчу, но кожа его выглядела так, словно он ее позаимствовал у кого-то на десять лет старше его и на днях умершего.

— Вот что, Нэд. — Усилием воли он добавил своему лицу немного жизни. — Сейчас, на данный момент, я — твой лучший друг. — Роули подвинулся вместе со стулом поближе к столу. — Забудь о деньгах. Джо Стэджерс и его дружки *уверены*, что это ты забрал их деньги в «Спидвее», так же они *уверены*, что ты был сегодня ночью в Хэтчтауне. Будешь упираться и говорить, что ты ни при чем, остаток жизни можешь провести за решеткой.

— Меня не было в городе в тот вечер, когда играли в карты, — сказал я.

Роули ухватил мой взгляд:

— Нэд, я на твоей стороне. И я знаю, как было дело. — Он хлопнул ладонью по столу. — Откуда ни возьмись появился парень с бейсбольной битой и кинулся на тебя. Все остальное произошло за пару секунд. Ты действовал как заправский морпех. И, скорее всего, даже не знал, что он покойник, я прав? — Роули развел руки в стороны. — В свои двадцать два года и я был на такое способен, ты здорово постоял за себя. Так скажи правду, как было дело, и никто ничего на тебя не навесит. Давай оформим показания и отправим тебя домой, а?

— Я не выигрывал никаких денег в карты в «Спидвее», — повторил я. — В среду вечером водитель грузовика фирмы «Нэшнл Пейпер» по имени Боб Мимс подобрал меня в Огайо и высадил у мотеля «Комфорт». В баре я познакомился с помощником окружного прокурора из Луисвилля, которая сказала, что могла бы завтра подвезти меня сюда. Ее зовут Эшли Эштон, она живет в отеле «Мерчантс». В четверг утром она высадила меня у больницы Святой Анны. Вчера вечером я случайно встретился с миссис Эштон и миссис Хэтч в «Лё Мадригале», и они пригласили меня к своему столику поужинать. После этого я отправился навестить Тоби Крафта. Там я выпил лишнего. По дороге домой я случайно забрел в Мерчантс-парк, прилег на скамейку и вырубился. Я вернулся в дом моей тети примерно в четверть или половину первого.

— А может, минут на двадцать позже? Свидетель заявляет, что видел тебя в двенадцать двадцать шесть.

— Почему бы вам не позвонить миссис Эштон и не спросить ее, где я провел ночь со среды на четверг?

— Позвоним, обязательно позвоним, — кивнул Роули. — Поговорим с миссис Эштон и послушаем, что она может нам рассказать о среде. Это не будет иметь отношения к тому, что произошло в двенадцать двадцать шесть этой ночью, однако мы все же проверим. А пока что я очень рекомендую тебе поразмыслить над моими словами.

— Я не могу сознаться в убийстве, которого не совершал.

Роули отвел меня вниз в камеру. Вытянувшись на койке, я, к своему удивлению, уснул.

Лязг двери разбудил меня. Седоволосый мужчина с румяным усталым лицом вошел в камеру. Он был в белой рубашке, живот заметно выпирал, рукава были закатаны, и галстук под расстегнутым воротом был заметно ослаблен. За его спиной грозным изваянием вытянулся Роули.

— Подъем, мистер Данстэн, — подал голос седоволосый. — Мы выпускаем вас.

Я потер ладонями лицо.

— Капитан Мьюллен,— представился он.— На текущий момент вам не будет предъявлено никаких обвинений. Можете взять свои вещи и возвращаться в дом вашей тети. Прошу вас не покидать пределов Эджертона в течение последующих сорока восьми часов и сообщать нам обо всех изменениях адреса вашего проживания. Я хочу побеседовать с тем водителем грузовика, Бобом Мимсом, прежде чем мы выдадим вам чистое карантинное свидетельство.

— В среду похороны моей матери,— ответил я.— Раньше мне в любом случае не уехать.

Мьюллен сунул руки в карманы.

— Вы, наверное, старомодный джентльмен, мистер Данстэн.— Из-за его плеча на меня мрачно глядел Роули, и это предполагало, что он уже больше не был моим лучшим другом.

— А что?

— Миссис Эштон подтвердила, что познакомилась с вами в мотеле «Комфорт» в среду вечером и на следующий день привезла вас сюда. Она также рассказала нам, что вы никак не могли вступить в схватку с мистером Кийесом в двенадцать двадцать шесть этой ночью, поскольку примерно в одиннадцать вы пришли к ней в номер и не покидали его до двенадцати двадцати пяти. Дежурный по этажу подтверждает ее показания.

Мьюллен улыбнулся мне. Он выглядел так, словно опрокинул не одну кружечку «Гиннеса» в ирландском пабе на Третьей авеню.

Роули добавил, что у дежурного на выходе я могу забрать почти все свои вещи.

— А деньги мы придержим — до тех пор, пока не побеседуем с Мимсом.— Лицо его было каменным.

Аркада из ребристых колонн тянулась перед входом в большой каменный дом, соседствующий с Главным полицейским управлением. Я подумал, что это, наверное, здание мэрии. Внизу, у начала длинного пролета лестницы,

полицейские в форме курили и переговаривались перед полудюжиной припаркованных патрульных машин. На той стороне улицы в центре покрытой травой лужайки бросал игристые струи фонтан.

Полицейские подошли друг к другу поближе. Один из них щелчком отбросил полудюймовый окурочок к подножию лестницы. Я сошел на тротуар и понял, что нахожусь на Грейс-стрит. В двух кварталах отсюда украшенный колоннами вход, наверное, принадлежал библиотеке, здание которой выглядывало из-за вереницы магазинов и офисов. Полицейские чуть разошлись, но на небольшое расстояние друг от друга.

42

Кларк открыл дверь и, обернувшись, прокричал куда-то в глубь дома:

— Если его и поколотили, то совсем чуть-чуть!

— Если уж на то пошло, меня совсем не колотили,— уточнил я.

Нетти поднялась с дивана, схватила меня за руки выше локтей и заглянула прямо в глаза:

— За всю свою жизнь я никогда так не волновалась.

— Простите меня,— сказал я.— Теперь волноваться уже не о чем, но ради вашего спокойствия мне следует переехать куда-нибудь.

Нетти обратилась в грозовую тучу.

— Не исключено, что Джо Стэджерс будет искать меня и придет сюда. Я не хочу подвергать опасности вас и Кларка.

— Любой из маунтровских болванов сунет сюда нос и тут же очень пожалеет об этом. Пойду позову Мэй, и мы с ней сочиним что-нибудь на завтрак.

Нетти и Мэй знакомились с моей отредактированной версией ночных событий, пока жадно поглощали содержимое тарелок. Кларк копался в своей порции единствен-

но правильной для этого времени суток еды и согласился с тем, что совета у Тоби Крафта мне спросить следовало:

— Парни из Маунтри один тупее другого, но они упертые. Лучше собери-ка вещички и позвони Тоби. Когда они к нам заявятся, мы скажем, ты уехал, а куда — не знаем.

Я поставил коробку на кровать и сложил одежду в рюкзак, даже не глядя на него. Тут взгляд мой упал на наклейку с адресом отправителя, надписанным косым почерком Стар, — и горе, нет, что-то еще горше, чем самое страшное горе, плеснуло на меня с этих строчек. Немного постояв и придя в себя, я рывком поставил коробку себе на колени и резко раскрыл.

Я вытащил несколько старых книг в бумажных обложках и одну — в твердом переплете, рассмотрел тридцать или сорок компакт-дисков, которые Стар отправила домой, — Билли, Элла, Луис, Нэт, Синатра, куча записей Дюка Эллингтона, Лестера Янга, Пола Дезмонда и других любимых ею музыкантов. Все это я переправил в свою сумку, отложив в сторону броши, браслеты, пару золотых ожерелий и три шелковых шарфика — для тетушек.

На дне коробки лежала фотография размером с бумажник и конверт, на котором была надпись рукой Стар: «Нэду». Я взял фотографию, поначалу разглядел лишь маленького мальчика в полосатом костюмчике, затем понял, что этим мальчиком был я и фотография сделана в утро моего третьего дня рождения. Я невольно содрогнулся, положил фотографию в свой бумажник и вскрыл конверт. Содержимое его очень напоминало ключ от сейфа депозитов, прилепленный к учетной карточке над словами: «Провидент-банк, штат Иллинойс, Грейс-стрит».

От мысли о том, что Стар хотела передать мне нечто, тайно хранившееся в депозитном сейфе, мне стало не по себе, но я опустил ключ в нагрудный карман своей рубашки. Повернувшись к стопке книг, я расставил те, что были в бумажных обложках — «Анна Каренина», «Мадам Бова-

ри», «Человек-невидимка», «Их глаза смотрели на Бога»*, «Сын Америки»**,— на пустовавшую полку и взял в руки том в твердом переплете.

Темно-зеленые половинки его обложки на ощупь показались мне более грубыми, чем переплеты обычных книг. Название «Потустороннее» было выгеснено золотом на корешке и обложке. Я раскрыл заглавный лист:

ПОТУСТОРОННЕЕ

Рассказы неизвестного

Эдвард Райнхарт

Я оторвал от книги невидящий взгляд. И будто со стороны услышал свой голос: «Эдвард Райнхарт?» Когда я опустил глаза, книга по-прежнему лежала у меня в руках. Я перевернул страницу и увидел:

© 1957 Эдвард Райнхарт

На титульном листе красовалось посвящение:

*Мастеру из Провиденса
и Моим Великим Прародителям*

В содержании значились десять-двенадцать рассказов. Перед глазами поплыли слова «изгой», «склеп» и «ужасный», вне всякой связи с тем, что предшествовало им либо следовало за ними. Мой ошеломленный глаз выхватил слово «голубое», и я концентрировался на нем достаточно долго, чтобы понять — слово было составной частью названия рассказа «Голубое пламя». Я пробормотал что-то вроде: «О нет!» С силой захлопнув книгу, я какое-то время оцепенело смотрел на обложку. Я понадеялся отыскать параграф об авторе, однако Эдвард Райнхарт предпочел хранить молчание о своем прошлом. Я втиснул книгу в свой рюкзак, пошел в душ и долго стоял под обжигающими струями.

* Роман Зоры Н. Хёрстон.

** Роман Ричарда Райта.

Тщательно выбритый, в рубашке, голубом блейзере и джинсах, я спустился вниз и нечаянно услышал разглагольствования Кларка по поводу различий между убийством, совершенным с заранее обдуманной злым умыслом, и непредумышленным убийством. Я бросил свои пожитки у дверей и выложил драгоценности и шарфики на кофейный столик.

— Дамы,— сказал я.— Стар хотела раздать вам вещи, которые прислала, но, пожалуйста, сделайте это сами.

Пока Нетти и Мэй ахали над сокровищами, я тихонько удалился в кухню и позвонил Тоби Крафту. Он посоветовал мне снять комнату в доме на Честер-стрит.

— Хозяйка дома моя старая приятельница, зовут ее Хелен Джанетт. Минут через пять я с ней переговорю, чтоб сделала тебе скидку.

43

Такси высадило меня напротив здания, напоминавшего картонную коробку, увенчанную остроконечной шляпой. Его первоначальная бледно-коричневая окраска выцвела, стала желто-песочной. Две горизонтальные кладки цементного фундамента, перемежающиеся подвальными окнами, поднимались из земли, и разбитая пешеходная дорожка вела к простенькой входной двери. Поднявшись по ступеням, я прочитал имена на табличках рядом с вертикальным рядом кнопок звонков: Джанетт, Тайт, Карпентер и Бержесс, Фельдман, потом пустая табличка, которая, подумал я, соответствовала моей комнате, Бремен, Редман и Шалли, Роулз и Маккенна. Я нажал кнопку напротив «Джанетт», и металлическое жужжание донеслось из окна слева от меня. Открылась внутренняя дверь, звуки легких шагов полетели мне навстречу. Деловитая седоволосая женщина в курточке сафари с короткими рукавами — глаза-буравчики просверлили меня, а лицо было такое, что по сравнению с ним лицо лейтенанта Роули походило на пуховку для пудры.

— Вы от Тоби Крафта?

— Да,— кивнул я.

Хелен Джанетт попятилась и проследила за тем, как я вошел. Что бы она ни увидела, это не изменило ее настроения.

— Значит, так. Я предоставляю вам отличную удобную комнату на втором этаже. У вас и мистера Бремена будет свой вход в ванную и туалет на вашей половине этажа, но ими также будут пользоваться и девушки с другой половины.

За моей спиной со щелчком открылась дверь. Я глянул через плечо. Мрачный костлявый старик с челюстью неандертальца, в сетчатой футболке, в коричневой фетровой шляпе привалился плечом к косяку двери, ведущей в затемненную комнату. Шторы в ней были задернуты; по экрану телевизора метались мультяшные герои.

— Это мистер Тайт,— представила она.

Я повернулся и протянул руку — он проигнорировал ее.

— Комната вам обойдется в тридцать долларов за ночь, сто восемьдесят в неделю. Если привезете свой телевизор — антенна в комнату подведена. За дополнительные десять долларов в неделю — чистое белье через день и уборка пылесосом по четвергам. В комнатах готовить запрещено, едой не обеспечиваем, шуметь запрещено тоже. Если вести себя не умеете — скатертью дорожка, осложнения мне не нужны.

Я сказал, что с удовольствием заплачу за пару недель вперед плюс уборка, если она согласится принять кредитку. Хелен Джанетт протянула руку и поманила пальцами. Я вытащил свою карту «Виза», опустил ей в ладонь и последовал за хозяйкой в ее комнату. Мистер Тайт маячил в дверном проеме и пристально следил за мной из-под полей шляпы. Когда я подписал бланк, она сказала:

— Я провожу джентльмена в его комнату, мистер Тайт.

Тайт выпрямился, тяжело взглянул на меня и убрался к себе.

— В другом конце дома есть еще две комнаты,— сообщила она.— Мисс Карпентер и мисс Бержесс живут в большой, а миссис Фельдман — во второй. Мисс Карпентер и мисс Бержесс снимают у меня уже пятнадцать лет. С миссис Фельдман у меня никогда не было и намека на сложности.

Мы начали подниматься по ступеням.

— Ваша комната выходит на улицу, над комнатой мистера Тайта.— Она полуобернулась и понизила голос.— Мистер Бремен живет напротив вас. Он дежурный на переезде, и вы, конечно, понимаете, что это за человек.— Она прижала палец к губам, а потом указала им вверх.— Алкаш.

Завершив подъем, она направилась к белой двери в дальнем конце коридора. Почтенный малый с внушительным животиком и внушительными седыми усами, сидевший в своей комнате перед телевизором, посмотрел на нас через открытую дверь и поднял руку-шлагбаум, будто призывая остановиться. Широкий желтый транспарант тянулся через заднюю стену его комнаты.

— Привет! — окликнул нас он.— Новый жилец?

— Мне некогда, мистер Бремен.— Джанетт с силой вогнула ключ в замочную скважину.

Я последовал за хозяйкой внутрь.

— Кровать. Шкаф. Стол. Комод. Ваша раковина. Полотенца и мочалку я меняю через день. Если захотите представить телефон на стол — розетка за столом. Коммунальные услуги оплачиваете самостоятельно. Никаких электроплаиток чтобы здесь не было, но кофеварку разрешаю. Миссис Фрам оставила свои радиочасы — это обойдется вам бесплатно.

Я взглянул на цифры, светящиеся на дисплее черной коробки подле телефона: восемь часов тридцать одна минута.

— В том крыле живут мисс Редман и мисс Шалли. Они милашки, однако, если вы джентльмен, вы будете вести себя достойно. Мистер Роулз и мистер Маккенна в ком-

нате напротив них. Мистер Роулз и мистер Маккенна — пианисты и большую часть времени в отъезде. Вы планируете пробыть здесь дольше, чем неделю?

Я отбел шаловаивую мысль о том, что мог бы составить порочный альянс с мисс Редман и мисс Шалли.

Хелен Джанетт положила ключ на комод:

— Постарайтесь придерживаться разумного распорядка. Приходы-уходы после полуночи нежелательны.

Я развесил одежду, рассовал вещи по ящикам комода и позвонил Сьюки Титер. После трех гудков включился автоответчик и голосом Сьюки предложил мне оставить свое имя и номер телефона, а Сьюки, возможно, перезвонит мне — если только я не звоню попросить денег. Сьюки еще спала. Я набрал номер отеля «Мерчантс» и попросил соединить с миссис Эштон.

— О господи, с тобой все в порядке? — ахнула Эшли.

— Твоими молитвами.

— У меня в голове не укладывалось то, о чем они мне говорили. Особенно этот жуткий лейтенант Роули. Тебе, кстати, тоже верю с трудом. Почему ты им не сказал, что был у меня? — Она хихикнула.— Лейтенант Роули просто мерзкий тип. Я сказала, мы болтали, как старые приятели, пока ты не протрезвел настолько, чтобы самостоятельно дойти до своей тетушки, но уверена, он знал наверняка, чем мы с тобой на самом деле занимались. Знаешь что? Ты был таким же, как тогда, в Чикаго,— ты будто источал опасность. Не опасность пьяного, это было бы отвратительно, а — непредсказуемую опасность.

Мои внутренности свернулись в origami.

— Я порой сам себе удивляюсь.

— Слава богу, они тебя отпустили.

— Примерно в шесть тридцать утра.

Я сказал ей, что переехал из дома тети, сообщил новый адрес и номер телефона.

— Я сегодня тебя увижу?

— Не знаю. Мне один человек обещал помочь добыть кое-какую информацию. Я позволю тебе, если смогу.

— Так мне и надо,— вздохнула Эшли.— Ну, ладно, проехали.

— О чем ты?

— Помощником в твоих поисках будет Лори Хэтч?

— Она знает парня из мэрии, у которого могут быть нужные мне сведения,— сказал я.— Это долгая история, но в двух словах: я пытаюсь разыскать своего отца, и она вызвалась мне помочь.

— Вот как...— Эшли помедлила.— Извини, я не хотела тебя обидеть. И все же давай как-нибудь еще встретимся, хорошо?

Когда мы закончили разговор, я набрал номер управления полиции и попросил дежурного сержанта сообщить капитану Мьюллену мой новый адрес и телефон.

Я вышел в коридор. Мистер Бремен поймал мой взгляд, и лицо его расплылось в такой широкой улыбке, что кончики великолепных усов едва не коснулись ушей. Он ткнул пухлым указательным пальцем себе в грудь. Глубоким, густым голосом, вызывающим ассоциации с бивачными ко-страми под черным, усыпанным звездами небом прерий, он прогудел:

— Отто Бремен.

Моя жизнь словно перетекала в иное измерение, став частью кинофильма, в сюжет которого мне приходилось вносить свои линии по ходу действия. Я показал на себя и назвал:

— Нэд Данстэн.

— Заходи в любое время, Нэд,— сказал Отто.— Дверь всегда открыта.

Миновав два квартала на запад от отеля «Мерчантс», я свернул на Грэйс-стрит и пошел на юг в сторону библиотеки. Стайка воробьев, гадевших на тротуаре, взмыла вверх и, трепеща крыльями, описала дугу в чистом утреннем воздухе. Витрины магазина отбрасывали косые солнечные лучи. Я все еще был или уже не был в этом фильме. Юноша с золотыми глазами и блестящими волосами до

плеч смотрел вниз с витрины парикмахерской на втором этаже. Прямо напротив библиотеки, на той стороне Гринвилл-стрит, возвышалось квадратное кирпичное здание Провидент-банка, штат Иллинойс.

Банковский служащий лет восьмидесяти удостоверился, что я, наряду со Стар Данстэн, являюсь арендатором одной из ячеек, проводил меня вниз и попросил записаться в журнале регистрации и поставить время. Затем привел меня в комнату, вдоль стен которой тянулись ряды ячеек с номерами, и указал на ту, которой соответствовал мой ключ. Открыв ячейку, я вытянул широкий стальной контейнер, опустил его на полированный стол и открыл крышку. Внутри оказался пакет, завернутый в толстый пергамент. По его размерам и весу я решил, что это фотоальбом. Я бы тут же раскрыл его, если б не опаздывал на встречу с Лори Хэтч. Подписав бланк и захватив пакет, я поднялся наверх и вышел на улицу.

Лори стояла перед колоннадой на противоположной стороне Гринвилл-стрит. На ней были темно-зеленая шелковая блузка и светлые коричневые брюки, и ее совершенство превращало залитую солнцем улицу и изгибающуюся колоннаду в декорацию на сцене театра. На долю секунды эта картина передо мной застыла в капле времени — будто афиша на журнальной обложке. Лицо Лори осветилось улыбкой, и я почувствовал, что фильм окончен.

44

— Как хорошо, что ты пришел раньше,— сказала она.— Стюарт выкинул очередной номер и сбил все мои планы. Ему придется привезти Кобби часам к трем. А что в пакете? Ты ограбил банк?

Я рассказал ей о ключе в конверте и о банковской ячейке.

— Это как русская кукла — матрешка. В коробке конверт. В конверте — ключ, который открывает коробочку с еще одной коробочкой внутри, в которой лежит еще одна

коробочка, в которой спрятан пакет, завернутый в коричневую бумагу. Возможно, битком набитый сотенными купюрами.— Она взяла у меня пакет и взвесила на руке.— Нет, больше похоже на фотоальбом.

— Если это окажется наследством в пачках сотенных бумажек, я разделю его пополам с тобой.

— Я бы довольствовалась хорошим завтраком. Давай положим твоё сокровище в мою машину. Я оставила её на той стороне улицы.

Лори спрятала пакет под задним сиденьем «монтаньяра».

— Отличная машина,— похвалил я.— Тебе на ней вполне можно возить охотников на львов по африканским степям.

— Подобными вещами занимался мой отец, но я — увольте. Стюарт решил, что провинциальной мамаше именно такая машина под стать, вот я её и получила.— Лори взяла меня под руку.— Пойдём навестим Хью. Он будет жутко заинтригован.

— Что же это все-таки за тип — Хью Ковентри?

— Ну... Для начала его краткая биография.— Она вздернула подбородок.— Хью Ковентри, родом из Новой Англии, получил диплом по историческим наукам в Йеле, следом — аспирантура на Северо-Западе. Когда он открыл для себя, что большинство докторов философии ездят на такси, он перевелся на библиотечное дело.

— Странное решение,— сказал я.

— Ты так думаешь? Хью обожает библиотеки. Тема его магистерской диссертации появилась после лета, которое он провел среди записей церковноприходской книги семейной церкви в Марблхеде, Массачусетс. Он компьютерный гений, любит работать по ночам и выходным и никогда ни на кого не сердится. С того самого момента, как он заступил на должность, эджертонская библиотека работает, как швейцарские часы. Хью Ковентри почти святой!

Как-то раз, рассказала Лори, Ковентри отправился из библиотеки по Грив-стрит в мэрию, а потом — в городской архив, чтобы поинтересоваться, не нужен ли им добровольный помощник — на общественных началах. Архив раскрыл ему горячие официальные объятия: добро пожаловать, мистер Ковентри. Не позднее чем через год менеджеры буквально каждого отделения в здании архива уже были не в состоянии обойтись без помощи Хью Ковентри. На другой год его волонтерства консультации с командой мэра привели к тому, что его честь открыл Хью постоянный доступ к сведениям о результатах голосования, количестве арестованных, осужденных и отбывающих наказание по конкретным обвинениям, статистике по социальному обеспечению и многим другим вопросам, находящимся в ведении властных структур. Впоследствии Ковентри получил доступ во все помещения архива.

Два года назад, когда по случаю грядущего столетия Эджертон готовилось празднование, новые сопредседатели юбилейного комитета Стюарт Хэтч и Гринвилл Милтон попросили у Ковентри помощи в подготовке экспозиции по истории города. Работа соответствовала его интересу к местной истории, вызвала к его организаторским талантам, ну и конечно, давала ему ещё большие возможности вписать свою личность в анналы его приемного города. Лори познакомилась с ним, когда Рэчел Милтон ввела её в комитет, которому Рэчел отдавала по три неполных дня в неделю. Так продолжалось до тех пор, пока Лори не пришлось покинуть комитет в связи с разводом.

— Я бы все равно не осталась — Рэчел просто замучила меня, каждый раз встречая с распрятиями и связками чеснока. Ты ещё не видел Городской площади? Она очень мила, по-моему.

Взявшись за руки, мы перешли улицу неподалеку от Управления полиции. Площадь с фонтаном была от нас слева. На одной из скамеек бродяга с длинными золотисторыжими волосами лежал, завернувшись в рваную шинель,

рядом с гитарным футляром. Поддюжины полицейских стояли, курили и болтали на тротуаре.

— В точности такую же картину я наблюдал сегодня утром, когда выходил из управления.

Полицейские прекратили разговаривать и посмотреть на нас так, как могут смотреть только копы.

— Ты был в полиции? — удивилась она. — Зачем?

Мой рассказ об аресте за убийство очень напоминал описание экскурсии учеников начальной школы в Управление полиции в сопровождении Дяденьки Полицейского.

— Как долго тебя продержали? — спросила Лори.

— Пару часов.

Когда до ближайшего полицейского оставалась пара ярдов, Лори обратила внимание на каменные выражения их физиономий. Она бросила ответный взгляд, и они расступились и отвернулись. Когда еще шесть футов тротуара осталось позади, Лори процедила: «Уроды».

— Они просто не воспринимают рядом с тобой такого, как я.

— Ну и черт с ними! Они понятия не имеют, кто ты. — Лори покачала головой. — Выходит, все дело в ошибочном опознании?

— Совершенно верно.

— А те, что на тебя напали, они это знают или все еще хотят найти тебя?

Я сказал, что, если избежать Стэджерса и его приятелей, все будет хорошо, рассказал о переезде и дал новый адрес.

— Твоя жизнь полна приключений, — сказала она, отпустила мою руку и вспорхнула по ступенькам с легкостью балерины.

Мы прошли сквозь анфиладу колонн. Потянув на себя, Лори открыла огромную дверь из бронированного стекла и повела меня за собой в тускло освещенный вестибюль с мраморным полом, размером с каток. Пустой стол дежурного стоял на полпути к центру. Не было света за окнами

ми рифленого стекла с табличками «Секретарь округа» и «Представитель государственного технадзора за строительством». В самом дальнем конце вестибюля две мраморные лестницы, изгибаясь, уходили вверх.

— Странно — двери открыты... — удивился я.

— По субботам они не закрывают, чтобы не нанимать вахтера. Вопрос в другом — где нам искать полезного мистера Ковентри? Пойдем наверх.

Звуки моих шагов были такими звонкими, словно ноги были обуты в туфли для чечетки. Мгновенно всплыл в памяти мой бег по узким улочкам Хэтчгауна, а следом — запах лаванды. Мы дошли до конца коридора второго этажа и увидели единственную дверь, освещенную изнутри золотистым светом.

— Вот! — воскликнула Лори.

Свет погас. Дверь распахнулась. Высокий светловолосый мужчина в белой рубашке с закатанными рукавами вышел спиной вперед в коридор в обнимку со стопкой папок.

— Работа, работа и работа, — прокомментировала Лори.

Он подскочил, прижав ладонью одной руки верхнюю папку, раскрыл рот и в полном замешательстве уставился на Лори:

— Ты что здесь *делаешь*?

— Пришла с надеждой, что ты поможешь моему другу найти кое-какую информацию о его отце. Он хотел бы взглянуть на свидетельство о браке своей матери и свое свидетельство о рождении. Нэд, это легендарный Хью Ковентри. Хью, познакомься с моим другом Нэдом Данстэном.

Ковентри зарделся румянцем:

— Позвольте мне... уф... — Он опустил стопку папок на пол и сделал шаг вперед, чтобы пожать мне руку. — Хью Ковентри. Рад помочь вам. Сэр.

— Надеюсь, мы не отрываем вас от дел, — сказал я.

— Это может подождать, — махнул он рукой в сторону папок. — Вы друг Лори?

— Миссис Хэтч и я познакомились несколько дней назад. Она так добра ко мне.

— Ваша фамилия Данстэн? Вы один из эджертонских Данстэнов?

— Только не обвиняйте меня в этом,— сказал я.

Глаза Ковентри осветились радостью, и он чуть попятился.

— Шутите? Вы же из одной из самых восхитительных семей в городе.

Мне почудилось, я как на ладони вижу всю его жизнь. Хью Ковентри был порядочным парнем, который всегда жил один в окружении своих книг в скромной двухкомнатной квартирке под самой крышей. Он любил весь мир, не персонализируя его.

— Ваши предки, братья Омар и Сильвэйн Данстэны, основали Эджертонский кредитный банк, ныне — Провидент-банк, штат Иллинойс. Одно время им принадлежал едва ли не весь деловой центр Эджертона. Говард Данстэн построил отель «Мерчантс». Хотелось бы знать о них больше.

— Вот и мне тоже,— сказал я.

— Вы, наверное, родственник Аннет Рутлидж. Миссис Рутлидж передала нам замечательную коллекцию семейных фотографий Данстэнов. Мне очень неловко, но, похоже, их сейчас куда-то на время переложили. Мы наверняка отыщем снимки через денек-другой.

Миссис Рутлидж — тетя моей матери, пояснил я, и она была бы просто счастлива, если б узнала, что ее фотографии попали на выставку к юбилею города. А еще выразил надежду, что Ковентри поможет мне.

— Конечно же.— Ковентри взглянул на стопку папок.— Вы не могли бы... э-э-э...

Я взял половину папок из стопки и зашел вслед за ним в темный кабинет. На длинном столе друг против друга примостились два компьютера — словно игроки в шахматы.

— Здесь можно найти свидетельства о браке? — поинтересовалась Лори.

— И свидетельства о рождении. *Месяцы* ушли на то, чтобы навести в архиве порядок, и, кстати, я еще не все здесь закончил.— Ковентри включил верхний свет.— На очереди кабинет секретаря округа*. Об этом даже подумывать страшно.

— Да ты спишь и видишь, как бы поскорее заняться кабинетом секретаря округа,— улыбнулась Лори.— Так как насчет Нэда?

Ковентри взглянул на меня так, будто я только что спустился с облака. Он забыл, что я здесь.

— Вас интересует свидетельство о браке вашей матери? Какая-то путаница? — В глазах его мелькнул огонек.— Я не собираюсь совать нос в чужие дела любопытства ради, вы понимаете, да?

— Путаница, думаю, правильное слово,— сказал я.— Мать мою звали Валери Данстэн. Она дала мне свою фамилию, несмотря на то что была замужем. Перед смертью она сказала мне, что отца моего звали Эдвард Райнхарт. Я буду очень благодарен вам за любую информацию.

Ковентри сел за компьютер в дальнем конце стола. Он вглядывался в монитор с восхищением маленького мальчика, наблюдающего за движением электропоезда. Лори встала у него за спиной, когда он начал двигать мышкой и щелкать по клавиатуре.

— Отсюда можно получить доступ к любой информации.

— Неудивительно, почему все вас так любят.

Вновь зардевшись, Ковентри взглянул на меня через стол.

— Вы знаете, в каком году ваша мать вышла замуж?

— В пятьдесят седьмом.

Он двинул мышку по коврику чуть на себя и сделал двойной щелчок.

— В-а-л-е-р-и?

* Должностное лицо в округе, выступающее как секретарь окружного совета и организатор местных выборов. Выдает сертификаты и лицензии, производит записи актов гражданского состояния и т. д.

Я кивнул. Лори приблизилась на шаг и опустила ладонь ему на плечо. Ковентри щелкнул мышкой и подался к экрану монитора.

— Да это ошибка,— глядя на экран, нахмурилась Лори.

Ковентри поднял на меня глаза:

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Дональд Мессмер?

— А что?

— Судя по этой информации, Дональд Мессмер женился на Валери Данстэн двадцать пятого ноября пятьдесят седьмого года. Питер Бонтли, мировой судья, провел церемонию; свидетели Лорелей Бонтли и Кеннет Шермергорн.

— Я же говорю, здесь ошибка,— повторила Лори.— Его отца звали Эдвард Райнхарт.

Ковентри проделал несколько манипуляций мышкой:

— Свидетельство о рождении должно нам кое-что прояснить. Назовите, пожалуйста, дату вашего рождения.

— Двадцать пятое июня пятьдесят восьмого года.

— Совсем скоро! — Он широко улыбнулся мне.— Если нам до него не суждено еще раз встретиться — с днем рождения вас.

Я поблагодарил.

— Ваше полное имя?

— Нэд Данстэн.

Ковентри моргнул:

— А разве Нэд не уменьшительное от Эдвард? У вас нет второго имени?

— Просто Нэд Данстэн.

— Это очень удобно,— заметил он.— Однако, если вы чувствуете себя обделенным, можете взять одно из моих вторых имен, хотите? Пожалуйста, на выбор: Джиликоу, Йорк и Сент-Джордж. Рекомендую Джиликоу. Прекрасная ветвь девятнадцатого века.

Лори убрала руку с его плеча:

— А твое полное имя Хью Джиликоу Йорк Сент-Джордж Ковентри?

— Это было единственным способом сохранить добрые отношения с родственниками.

— Вот и мой отец был таким же,— вздохнула Лори.— У него имя длиннее, хоть зачитывай по бумажке, но сам он всегда представлялся только как Ив Д'Ленси.

Джиликоу Йорк Сент-Джордж Ковентри сложил руки на пряжке ремня и снова улыбнулся мне.

— Если я не ошибаюсь, вы искали свидетельство о рождении Нэда? — напомнил я.

— О! Ради бога, простите, Нэд!

— Я согласен на Сент-Джордж,— сказал я.— Это была прекрасная ветвь девятнадцатого века.

Ковентри ударил по клавише и вновь подался телом вперед.

— Я быстренько, буквально пару секунд...— Он помедлил.— Ну, вот.

Ковентри поерзал на стуле, подался еще ближе к монитору и подпер ладонью подбородок.

— Не поняла,— проговорила Лори.

— Не томите,— попросил я.

Ковентри прочистил горло.

— Имя новорожденного: Нэд Данстэн. Дата рождения: двадцать пятое июня пятьдесят восьмого. Время рождения: три двадцать утра. Место рождения: муниципальная больница Святой Анны. Вес: семь фунтов, двенадцать унций. Длина: двадцать дюймов. Мать: Валери Данстэн. Отец: Дональд Мессмер. Лечащий врач: нет такового. Акушерка: Хэйзел Янски.— Ковентри поднял на меня глаза.— Как правило, в пятидесятые акушерки присутствовали чуть ли не на половине всех родов в больнице Святой Анны. Имя Хэйзел Янски попадает довольно часто.

— Кто заполняет бланки свидетельств? — спросила Лори.

— Служащие больницы, но имя отца им сообщает мать.

Присущая Ковентри деликатность заставила его умолкнуть в нерешительности, и я сказал:

— Вы можете смело говорить мне все, что считаете нужным, не надо щадить мои чувства, Хью.

— На церемонии бракосочетания необходимы документы, удостоверяющие личности вступающих. Мировой судья никогда не поженил пару, если она не предъявит ему водительские права и свидетельства о рождении обоих. Но есть одно «но». Не знаю, что вы на этот счет скажете, однако бывают случаи, когда беременная женщина выходит замуж за другого — не отца ребенка. После родов она имеет полное право объявить своего мужа настоящим отцом ребенка. Понимаете, о чем я?

— Возможно, вы правы, — проговорил я.

— Я очень неловко себя чувствую, предполагая подобные вещи, но если она назвала вам имя вашего отца, а в записях стоит другое имя...

— Да нет, все вполне логично, — прервал его я. — Нам пора уходить, но не могли бы мы встретиться еще раз? Я хотел бы посмотреть кое-что еще.

— Хотите, приходите завтра утром. Двери будут закрыты, но если врежете по двери как следует, я вас услышу. Лори поцеловала его в макушку:

— Ты чудо.

— Лори?

— Хью?

— Поужинаем сегодня? Или в кино? А может, поужинаем — и в кино?

— Только не сегодня, — покачала она головой. — Но ты все равно прелесть.

45

— Странно. Твоим отцом не мог быть человек по имени Дональд Мессмер.

— Хью подкинул хорошую мысль, — сказал я. — Когда мама выходила замуж, она была беременна. Кстати, Стар проявляла удивительную небрежность всякий раз, когда дело касалось официальных документов.

— Надо связаться с этим Мессмером. — Лори повернула ключ и завела машину. — У Поузи Феабразер, няни

Кобби, есть компьютерный диск с адресами и телефонами людей из тысяч разных городов. Ну что, куда едем?

Я показал ей клочок бумаги. Корявым почерком Тоби нацарапал имя «Макс Эдисон» и слова «Окружная больница, Маунт-Вернон».

— Это далеко отсюда?

— Не близко, но прямо по автостраде. Если мы в больнице не задержимся, у нас останется уйма времени. Кстати, там, на другом берегу Мэрион, есть место, где можно отлично пообедать.

Мы влились в поток уличного движения и направились в сторону автострады.

— Как ты раздобыл имя этого человека? Макс Эдисон знал твоего отца?

Я сказал, что услышал о нем от Тоби Крафта, владельца ломбарда на Лэньярд-стрит, который был женат на моей бабушке, Куинни Данстэн.

— Когда мы вышли из «Лё Мадригала», именно к Тоби я и направился, — добавил я.

— А, — кивнула Лори.

— Он не хочет, чтоб его во все это вмешивали. Тоби дал эту информацию лишь при условии, что я не проболтаюсь о нашем с ним разговоре и о том, что имя сообщил мне он.

Лори свернула к северному въезду на автомагистраль.

— А твоего отца звали Ив Д'Ленси и он разъезжал по африканским степям и охотился на львов?

— Не совсем так. Это долгая история. Вряд ли ты будешь ее слушать.

— Давай попробуем, — предложил я.

Ив Д'Ленси был обаятельным сорвиголовкой, родился в аристократической семье, владевшей в Гаскони землей и замечательной коллекцией произведений искусства. В семнадцатилетнем возрасте он сбежал в послевоенный Париж, чтобы с головой погрузиться в мир литературы и искусства, зарабатывал себе на жизнь газетными заметками, торговал произведениями искусства. Учился летать на са-

молетах; водил гоночные машины. В конце пятидесятых он переехал в Лос-Анджелес, где у него уже были клиенты — любители живописи, полностью доверявшие его вкусу. Он женился на матери Лори и купил дом в Беверли-хиллз. Потом родилась Лори, и в течение семи лет все шло хорошо. Потом он умер. У Лори осталось две картины из его личной коллекции.

— Отчего он умер?

Мне показалось, что в ее взгляде вспыхнуло бешенство.

— Отец всегда вылетал с аэродрома в долине Сан-Фернандо, чтобы повидаться с другом в Кэрмеле. У него была маленькая «сессна». Мотор заглох к северу от Санта-Барбары. И пали все — и королевские лошади, и вся королевская рать.— Оторвав от руля правую руку, она плавно взмахнула ею вниз.

— Тебе было семь лет.

— С тех пор, как только вижу «сессну», меня всегда воротит.

Я заметил еще один всплеск ярости в ее глазах. Она вытянула руки вперед и откинулась на спинку сиденья.

— Расскажи, как ты познакомилась со Стюартом Хэтчем.

Пять лет назад умеренно привлекательный мужчина лет сорока остановился подле Лори Д'Аенси в разгар вечеринки, разлившейся по первому, второму этажам и саду загородного дома, хозяином которого был исполнительный директор филиала «Эн-би-си» в Сан-Франциско. Стюарт Хэтч прятался с исполнительным директором компании «КРОН», рангом повыше хозяина дома. Не сказать, чтоб Стюарт был некрасив или слишком стар; он не интересовал ее, пока не сообщил, что он бизнесмен из загадочного города в Иллинойсе. Лори в течение трех лет готовила обзоры для отдела новостей, и в тот вечер поняла, что у нее появился шанс победить в соперничестве с двумя молодыми корреспондентками, рыскавшими по загородному дому в поисках жертвы для интервью перед камерой. Ил-

линойский магнат вполне мог оказаться черной дырой в отдаленной галактике.

К концу вечеринки Стюарт Хэтч материализовался снова и предложил свой лимузин, чтоб довезти ее до дому. Приятели, с которыми она приехала сюда, уже исчезли, и альтернативой лимузину оставалось такси. Она согласилась.

Потом Хэтч начал осаду: присылал цветы, звонил по два-три раза в день — из автомобиля, в перерывах между совещаниями, из квартиры в Фэрмонте. Свитера и куртки ему доставляли от Неймана Маркуса; в свой последний вечер в Сан-Франциско он повез Лори в Иль-Пострио. Во время ужина Стюарт Хэтч изумил ее, предложив руку и сердце.

— Боже мой, как же этот парень задурил мне голову!

— Ты не сказала ему «да» за ужином в Иль-Пострио,— предположил я.— Если только это не был самый восхитительный ужин в твоей жизни и Стюарт не заказал парочку бутылок какого-нибудь потрясающего шампанского.

— «Рэддерер Кристалл». Которое, как взял на себя труд разъяснить мне Стюарт, стоит примерно столько же, сколько Святой Грааль. Дети в странах третьего мира готовы нырять в бездну, лишь бы краешком глаза взглянуть на одну бутылочку. У нас было две. И еда была изумительной. Но я отказала ему. Был ли Стюарт обескуражен? Стюарт не подозревает о существовании такого слова.

46

В ресторане на другом берегу Мэрион пожилой официант принес нам меню еще длиннее, чем в «Аё Мадригале», и спросил, что мы будем пить.

— Бокал хорошего бордо,— попросила Лори, я заказал то же самое.

Официант удалился, и я сказал:

— За обедом я обычно не выпиваю, чтоб в сон не клонило.

— С одного-то бокала вина? — удивилась Лори. — Ну, расскажи наконец, почему Тоби Крафт так скрытничал по поводу Макса Эдисона? Они что, в одной шайке? Занимаются перевозкой «томми»* в футлярах для скрипок?

— Тоби намекал, что много лет назад с чем-то подобным был связан.

— Да и сейчас, куда ни глянь, — всюду криминал. — Лори улыбнулась мне коротко и печально.

— Как же Стюарту удалось уговорить тебя выйти замуж?

— Старым проверенным способом, — ответила она. — Как шпион, ходил за мной по пятам и «доставал», пока я не влюбилась в него.

Лори в подробностях описала его настойчивое ухаживание: междугородные звонки из других стран и континентов, переданные с посыльными орхидеи и дорогие наряды, частые приезды. Хэтч обещал ей насыщенную событиями, интересную жизнь, поездки в Нью-Йорк и Европу...

— Я думала, что смогу работать в этих комитетах, советах, экспертных группах, о которых он неустанно рассказывал мне. Звучало все так красиво — грандиозная жизнь, много полезных дел...

— И что же не сложилось?

— Ничего. Ничего этого не было. Стюарт решил выйти из состава администрации города. Я сама не могла ни в чем участвовать, потому что недостаточно знала Эджертона. А кроме всего прочего, Стюарт хотел сына — немедленно. Не просто ребенка, а именно сына. Его дед, Карпентер, заложил основы сложной системы их семейной доверительной собственности, по правилам которой деньги передавались по наследству первенцу мужского пола.

* Автомат (пистолет-пулемет) Томпсона — оружие периода Первой мировой войны, созданное генералом Дж. Томпсоном (1860–1949). Широко использовалось гангстерами в период «сухого закона»; иногда его называли «чикагской скрипкой» (Chicago violin), поскольку автомат легко умещался в футляре для скрипки.

Средневековье какое-то... В конце концов я поняла, что он женился на мне с одной целью — чтоб я родила ему наследника и произвела впечатление на его приятелей, и только-то.

Детали этой невероятной системы доверительной собственности были так сложны, что я забыла их почти сразу же, как они слетели с языка Лори. Зато в памяти отчетливо сохранился один факт: Кобден Хэтч, отец Стюарта, скорректировал условия таким образом, что юридическое доказательство преступного поведения исключает возможность наследования. Очевидно, что его брат — паршивая овца — тревожил семейство.

Официант расставил перед нами тарелки.

— Иными словами, — продолжала Лори, — если Стюарта признают виновным в растрате, хищении или манипуляциях с налогами и тому подобном, все перейдет к Кобби. И, словно это недостаточная причина для моего дорогого муженька, чтобы отказать мне в разводе или в требовании опекунства, его дед передает все права наследования тому, кто будет считаться наследником на первое января следующего года.

— И ты уверена, что Стюарт нечист на руку?

— На все сто.

— Не понимаю. Он же рискует всем.

— Ты Стюарта не знаешь. Он проворачивает свои дела за пределами Штатов, через подставные компании со счетами в банке в Вест-Индии. И он *даже сейчас* абсолютно уверен, что выйдет сухим из воды.

— Но зачем он вообще этим занимается?

— Затем, что жаден и нетерпелив, хочет получить все и сразу. А еще, я уверена, он мечтает ткнуть деда носом в грязь. Стюарт очень мстителен.

Лори сосредоточилась на еде и подцепила вилкой ломтик филе с хрупкой белой арматуры рыбьего хребта.

— Завидую твоей приятельнице Эшли. Через десять лет у нее будет собственная адвокатская практика. В плане карье-

еры моя жизнь закончена. Осталась единственная реальная цель в жизни — вырастить Кобби, а Стюарт из всех сил пытается отнять у меня сына.

— А Эшли, несомненно, завидует тебе и мечтает оказаться на твоём месте. Вот только разница между вами в том, что большинство мужчин, видя Эшли, мечтают затащить её в постель. Когда же они видят тебя, они готовы пасть перед тобой ниц.

— Представляю, как бы это было здорово, — усмехнулась Лори. — Расскажи мне о Вишневой улице. И о своей маме.

Всю оставшееся время Лори развлекала меня подробным изложением невзгод, обрушившихся на неё после смерти отца. Её мать вышла замуж за кинопродюсера из Бель Эр, знакомого Д'Ленси, и её надежды на безопасность и покой обернулись чем-то вроде тюремного заключения. Патологически ревнивый, продюсер разрешал ей покидать дом только в сопровождении своих ассистентов женского пола. Поскольку он не доверял домашней прислуге, он уволил всех, кто работал у него, затем уволил новых — и так до тех пор, пока не остался с одним-единственным слугой, старым, немощным и зающим на всех и вся, за исключением его цепной собаки. Мать Лори начала спиваться. Продюсер отправил падчерицу в католическую школу для девочек, печально известную своей дисциплиной, и в один прекрасный день, копаясь в ящиках её комода, нашёл коробочку из-под пленки, плотно набитую марихуаной.

Он отправил Лори в частную клинику закрытого типа. В течение шести месяцев Лори делила комнату с шестнадцатилетней актрисой, и к ней приходили наставники, адвокаты, психиатры, а к актрисе — торговцы наркотиками. Когда Лори вернулась домой, она увидела мать, швыряющую одежду в чемоданы. Продюсер начал бракоразводный процесс и снял для матери и Лори маленький дом на краю Хэнкок-парка.

На ту сумму, что платил им продюсер, они еле-еле сводили концы с концами. Лори поступила в среднюю школу Джона Берроуза и из всех сил старалась заботиться о матери, прятая бутылки с водкой за унитазом, под диванными подушками и всюду, где, как ей казалось, их невозможно обнаружить. В то лето, когда Лори закончила школу, мать умерла. Лори поступила в Беркли благодаря стипендии и конкурсным работам.

— На этом мой рассказ заканчивается, потому что вон за тем углом — Окружная больница.

47

Плавнo поворачивая, дорога взбегала по холму, а на холме, над макушками дубов и буков, виднелось строение размером с офис федерального значения. Примерно на полпути к зданию мужчины без пиджаков или в купальных халатах сидели за столиками для пикника и прогуливались по лужайке, некоторые — в сопровождении медсестер. Высоченные буки бросали длинные тени на парковку.

А внутри самого здания его размеры неожиданно сужались до узкого коридора, ведущего к открытой конторке, паре дверей с рифлёным стеклом и блоком лифтов. Все тут было окрашено в казенный зелёный цвет, и в воздухе едва ощутимо веяло карболкой.

Клерк за конторкой, слишком пожилой для своей кокетливой эспаньолки и лошадиного хвоста, поинтересовался:

— Чем могу помочь?

Я назвал ему имя пациента, которого мы хотели бы навестить.

Он призадумался:

— Э-Д-И-С-О-Н, как на лампочках пишут?

— М-А-К-С, — уточнил я, — как «до упора».

Мы с Лори поднялись на четвёртый этаж. Долговязый санитар в зелёных штанах и рубаше с короткими рукава-

ми откинулся на спинке кресла к стене и, сплетя пальцы рук на затылке, сидел с закрытыми глазами у входа в темную комнату, в которой человек двенадцать мужчин застыли перед экраном телевизора. Когда мы приблизились к санитару, он уронил руки и пудей выскочил из кресла. Ростом он был не менее шести футов семи дюймов и очень худой, как большинство таких высоких мужчин. С каким-то деревенским акцентом санитар спросил:

— Кого-то ищете, мисс, может, я вам чем помогу?

Лори сообщила, что мы разыскиваем мистера Эдисона.

— Макса-то? Он туточки, тиливизер смотрит. Сейчас я ему скажу, что у него гости.

Санитар нырнул в мерцающую темноту. Лори шепотом передразнила:

— «Тиливизер смотрит».

Через пару секунд маленький плотный мужчина лет семидесяти с густыми, постриженными коротким бобриком седыми волосами и аккуратной белой бородой, в металлических очках, распространяющий ауру превосходного самообладания и выдержки, предстал перед нами. В его взгляде я прочел живой интерес и проблеск удивления, когда он взглянул на меня. У него была безупречного шоколадного цвета кожа, на какой лет до девятисто не бывает морщин, за исключением разве что легких паутинок и линий на лбу и в уголках глаз. Макса Эдисона можно было бы принять за доктора на пенсии или знаменитого джазового музыканта почтенного возраста. С таким же успехом его можно было бы принять и за... много за кого. Жизнерадостный Зеленый Великан вышел вслед за ним.

— Мистер Эдисон? — спросил я.

Старик шагнул вперед, изучая нас все с тем же настороженным любопытством, затем развернулся на каблучках к Великану:

— Джарвис, я провожу гостей в приемную.

Эдисон привел нас в крохотную комнату с единственным столом и полками, плотно уставленными папками.

— Я так понимаю, ребята, меня вы знаете, но сам я, боюсь, не имел чести...

Я представил ему Лори и себя, и Макс пожал нам руки, не подав при этом виду, что имена наши ему знакомы. На джинсах его были идеальные стрелки, рубашка свежеевыглажена, туфли сияли. Я подумал, чего ему стоило поддерживать такие стандарты в Окружной больнице.

— Надеюсь, вы пришли сообщить мне, что я выиграл в лотерее.

— Увы,— улыбнулся я.— Я хотел бы спросить вас об одном человеке, которого вы, возможно, знали много лет назад.

— В какой связи?

— Скажем так, семейные дела,— сказал я.

Его лицо расслабилось, и он как бы улыбнулся, не улыбаясь, словно я ответил утвердительно на какие-то его мысли.

— Говорит ли вам что-либо фамилия Данстэн?

Он скрестил на груди руки, продолжая улыбаться, не улыбаясь.

— Как вам удалось узнать, что я здесь?

— Сообщил один человек, пожелавший остаться неизвестным,— сказал я.— Когда я спросил его о человеке, которого вы, вероятно, знали, он написал ваше имя на листке бумаги.

— Загадка на загадке...— ухмыльнулся Эдисон.— Я знал когда-то человека, женившегося на женщине по фамилии Данстэн.

— Похоже на правду,— кивнул я.

— Ну что ты все ходишь вокруг да около? — вмешалась Лори.— Он же понял, что это был Тоби Крафт.

Как по команде мы с Эдисоном взглянули на нее. И разом рассмеялись.

— Вы чего?

— Ладно, давайте и вправду к делу,— сказал я.

— Но вы же поняли, что это он.

— Человек не хотел, чтобы называли его имя,— сказал Эдисон.

— Я испортила вам веселье, простите. Но не сомневаюсь, мистер Эдисон уже мог бы назвать того, о ком мы пришли сюда поговорить, к тому же остался только час свободного времени: мне надо возвращаться в город.

— Это так? — спросил я Эдисона. — Вы уже поняли, о ком идет речь?

— Может, вы сами назовете имя, чтобы я не гадал?

— Эдвард Райнхарт.

Эдисон бросил взгляд на дверь, затем уже с заметно уменьшившимся самообладанием взглянул на меня:

— Пойдемте-ка на свежий воздух. Там под буками так замечательно — порой забываешь, где ты...

— Тоби Крафт. Я называл его «мистер Контролер», поскольку именно таковым он и был.

Макс Эдисон, сидя напротив нас на скамеечке за столиком, глядел на высокие стройные буки и длинную зеленую лужайку. Глаза он спрятал за темными очками, а ноги в отутюженных джинсах вытянул в сторону от стола, скрестив лодыжки. Одним локтем Макс опирался на стол. Он выглядел так, будто подсел к нам на минутку, прежде чем встать и уйти восвояси.

— С войны я вернулся с ранением в ногу, поэтому не мог заниматься тяжелым физическим трудом. Короче, вместо одной тяжелой работы я занимался кучкой легких. Подметал полы, мыл окна. Работал учетчиком. Водителем. Со временем кое-кто решил, что мне можно доверять. — Эдисон повернулся ко мне. — Вы понимаете, о чем я?

— Вы делали свое дело и держали рот на замке.

— Тоби Крафт попросил меня поработать у него в ломбарде. Три раза в неделю. Я знал, что у него больше делается с черного входа, чем с парадного. Я ни в чем его не обвиняю, понимаете, но если Тоби дал вам мое имя, он знал, что мне придется вам кое-что о нем рассказать. И если я собираюсь рассказать о мистере Эдварде Райнхарте, без этого никак.

Я кивнул.

Эдисон нацелился темными стеклами очков на Лори:

— Если вы не хотите, миссис Хэтч, можете не слушать.

— С этого самого момента, Макс, вам удастся прогнать меня только кнутом.

Он улыбнулся и развернулся к нам лицом. Положив руки на стол, он сплел пальцы.

— В каждом городе размером с Эджертон есть свой Контролер. Он может сообщить вам, куда идти, если вам что-то надо, и имя того парня, который вам поможет это самое достать.

— Очень полезный тип, — сказал я.

— Контролер — он как почтовое отделение. Его линии работают *на передачу*. Назад и вперед по этим линиям бежит *информация*. И нужно очень быстро крутиться и постоянно кого-то «подмазывать». Потому как за тобой не ослабевает пристальное внимание кое-каких людей.

— Полиции?

Он покачал головой:

— Тех, кто всегда держит руку на твоём пульсе. Им совсем не надо, чтобы ты попал за решетку, они хотят, чтобы ты постоянно был у них под рукой, готовый исполнить их прихоти.

— Что это за люди? — спросила Лори.

Расцепив пальцы, Эдисон положил ладони на стол, поднял голову и посмотрел на высоченные буки.

— Примерно через год после того, как я начал подрабатывать у Тоби, один придурок по имени Клотард Спилвин зашел к нему в контору. Его звали Суконной Башкой, потому как с головой он и вправду не дружил. Он был черный, со светлой кожей, но сукин сын еще тот. Простите, миссис Хэтч.

— Ничего.

— Благодарю вас. Суконная Башка сказал: «Макс, ты больше здесь не работаешь. Тебя хочет видеть один человек». Я позвал Тоби. «Кому эта дурь пришла в голову? Уйдет

он, уйду и я,— сказал Тоби.— Не дергайся, я все улажу». Он проводил нас через кладовку и отворил дверь черного хода. Длинноций «кадилак» стоял в переулке. Темно-синий. Такой блестящий, что мог бы осветить переулок, случись вдруг лунное затмение. Суконная Башка дал мне ключи и говорит: поезжай на север, на старое шоссе номер четыре. Сразу за чертой города он указал придорожную гостиницу. Место было пустынное, один только какой-то головорез сидел с краешку за стойкой бара и кто-то еще — в дальнем конце. Этот человек и был моим новым боссом, мистером Эвардом Райнхартом. Следующие семь лет, в любое время дня и ночи, я возил мистера Райнхарта туда, куда он велел.

— Ей-богу...— только и мог сказать я. Лори положила руки на колени и переводила взгляд с меня на Макса, как болельщик на теннисном матче. Когда изумление улеглось и вернулся дар речи, я пробормотал не менее идиотское: — Вот это да...

Эдисону не удалось полностью скрыть удовольствие от моей реакции на его рассказ:

— Как вы думаете, почему Тоби назвал вам мое имя?

Не в состоянии больше сдерживаться, Лори выпалила:

— Ну, скажите же, *каков* он был, а?

Макс Эдисон выдержал паузу, дав чуть рассеяться туману в моей голове.

— Он был гангстером? — наконец выдал я.

— А может, организованной преступности вообще не существует? Может, газеты все это выдумали? Но если она существует, можете ли вы стать преступником, если вы не итальянец? Или, еще лучше, не сицилиец? Мистер Райнхарт был человеком, работавшим исключительно на себя.

— Так чем же он занимался? — спросил я.

— Там, где существует Контролер, обязательно сыщется и Директор. И роль его, возможно, более значительна, чем у мистера Контролера. Однако мало кто подозревает о его существовании. Представьте на минутку, что вам случилось стать «авторитетом». В один прекрасный вечер вас

приглашают в номер отеля. Кроватки, ростбиф, дышлята — стол просто ломится. Бутылки всех калибров, много льда. Полумрак. Три-четыре таких же парня, как вы, уже здесь. Где-то в глубине комнаты — так, что вы не можете видеть его лица,— в удобном кресле расположился господин Директор. По меньшей мере один из гостей, кажется, знает его. Когда все расслабятся, господин Директор разъясняет, что с этого момента вы не вправе ступить ни шагу без его команды. Треть своих доходов будете отдавать ему. Вы хотите покинуть помещение, но он начинает разъяснять выгоды и преимущества. Он покрывает все расходы. Понадобится приложить немало усилий, чтобы скрыть недостающую треть доходов. Затем он предлагает пару-другую дел — до того чистых, что трудности могут возникнуть лишь в том случае, если вас хватит удар в момент, когда вы уже держите в руках выручку. И в будущем светит немало таких дел, в которых комар носа не подточит. Как бы вы поступили?

— Попросил показать, где на документе место для подписи,— сказал я.

— Директором был Эвард Райнхарт? — спросила Лори.

Эдисон стянул с носа темные очки и подался телом вперед. Его глаза были удивительно ясными, рыжевато-коричневыми с зелеными точечками, а белки — безукоризненно белыми.

— Разве я такое говорил? — Он бросил на меня лукавый взгляд.— Я такое говорил, а?

— Вы позволили нам строить собственные умозаключения,— сказал я.

Макс вернул темные очки на нос.

— Мистер Райнхарт не напоминает мне человека, способного написать книгу,— проговорил я.

Эдисон, опустив подбородок, взглянул на меня исподлобья. Я подумал, что он сейчас снова повторит свой трюк с очками.

— Какую книгу? — спросила Лори. — Ты ничего не говорил о книге.

— В коробке, которую отправила сама себе мама, вместе с конвертом и ключом была книга.

— Вы читали эту книгу? — поинтересовался Эдисон.

— Не успел. А вы?

— Мистер Райнхарт подарил мне экземпляр, но я потерял его давным-давно. Вы правы, он не похож на человека, который будет сидеть и писать книгу. Но мистер Райнхарт не делал ничего *заурядного*. И потом, примерно в то время, как вышла его книга, он удалился от дел. Иногда он вызывал меня, и я отвозил его туда, куда он велел, но в основном он предпочитал ходить пешком. Мистер Райнхарт говорил мне, что на него возложена какая-то миссия. Мистер Райнхарт любил повторять, что хотел бы, чтобы его рассказы открыли людям истинную правду об их мире.

— Он разговаривал с вами в машине? — спросила Лори.

Эдисон ухмыльнулся:

— Куда я только ни возил за эти семь лет мистера Райнхарта! Устроившись на заднем сиденье того самого «кадилака», он трещал без умолку. Будь мистер Райнхарт священником, его проповеди тянулись бы дни и ночи напролет.

Смех Эдисона прозвучал так, словно он до сих пор не верит ни слову из того, что доносилось с заднего сиденья.

— А о чем он говорил? — спросил я.

— Об истинной природе вселенной. И своей книге. Если каждый писатель проходит через такие страдания, какие довелось пережить мистеру Райнхарту, я благодарю судьбу, что был всего лишь водителем.

После отказа широко известного в Нью-Йорке издательства Райнхарт решил опубликовать книгу самостоятельно. «Риджент Пресс и переплеты», чикагская типография с побочной специализацией на переплетении библиотечных книг, отправила двести копий в Эджертон, и Райнхарт

хранил их на складе в Хэтчтауне. В течение шести недель Макс Эдисон грузил в багажник «кадилака» коробки и возил своего босса по книжным магазинам и лавкам аж до самого Спрингфилда. Большинство магазинов приобрело по два-три экземпляра «Потустороннего». Райнхарт никогда не просил выписать счет-фактуру и не требовал сведений о продажах. Он не проявлял никакого интереса к тому, чтобы заработать на своей книге, — он хотел лишь, чтобы книга пошла в продажу сразу же после публикации великолепных отзывов, которые — он не сомневался — она вызовет. И уже на гребне известности и славы он еще раз попробует предложить книгу нью-йоркскому издательству.

Вышли экземпляры для рецензирования. Трехстраничное письмо, сопровождавшее первые двадцать, было отправлено в газеты и журналы, мнение которых Райнхарт считал решающим для литературного успеха. Пятьдесят изданий рангом пониже получили сопроводительные письма объемом в страницу. Простая открытка сопровождала экземпляры, отправленные в редакции дешевых журналов.

Прошло три месяца, а от издательств солидных и не очень — ни слуху, ни духу. Дешевенькие, от которых Райнхарт ожидал воплей восторга, тоже отмалчивались. Еще два месяца спустя взбешенный автор разослал семидесяти издателям письма с напоминаниями об их долге перед литературой и литераторами. Не ответил ни один.

Девять месяцев спустя появилась статья «Странные байки», пригвоздившая книгу Райнхарта к стене и предавшая ее публичной казни. Восемь параллельных колонок, развернувшись на четырех полосах, обвиняли автора в банальности, засилье клише и шаблонов и жалком самопародировании. Каждый абзац статьи словно сопровождался беззвучным едким смехом.

«Странные байки» взбесили Райнхарта.

— Он таскал эту статью с собой повсюду. Когда мы оставались в машине одни, он начинал читать ее вслух. Некоторые отрывки мне довелось выслушать сотни раз. Мис-

тер Райнхарт, наверное, думал, что этот журнал собирает-
ся *полюбить* его. Неделю за неделей он пытался убедить
себя в том, что они и в самом деле любят его, а статья ка-
жется ужасной лишь тому, кто не способен это понять.
Потом он отбросил эти мысли и вновь стал объяснять мне,
как глуп написавший рецензию человек, и убеждать, что
любой мало-мальски здравомыслящий человек подтвердит,
что его книга — великое произведение. Думаю, он так и
не успокоился по этому поводу. А вскоре он ушел от дел.

— Вы виделись с ним после его ухода?

— Не сказал бы, что Райнхарт был человеком общи-
тельным. К тому же я вскоре получил небольшой срок и
отсидел в Гринхэвене.

Эдисон снял темные очки и положил их на стол.

— А потом случилось так, что Суконную Башку Спел-
вина взяли за какую-то ерундовую хрень, простите ради
бога, миссис Хэтч. Никогда прежде он не попадался на та-
ком, и, как только перед ним замаячила тюрьма, он зало-
жил мистера Райнхарта, и того посадили.

— Эдварда Райнхарта отправили в тюрьму? — спроси-
ла Лори.

— Согласно приговору, минимальный срок — десять
лет, мадам. Мне довелось наблюдать его тогда. Мистер Райн-
харт вел себя как пассажир первого класса, путешествую-
щий в Париж. Он знал, что единственной его проблемой в
тюрьме будет лишь сам факт пребывания в неволе, что для
человека с такими связями, как у мистера Райнхарта, это
немногим отличается от жизни на воле — разве что в четы-
рех стенах. В Гринхэвене он мог делать — или не делать —
все, что угодно, за исключением выхода за пределы тюрь-
мы. Он устроил меня на работу в библиотеке и присылал
замечательный итальянский ужин почти каждую неделю.
Как только мистер Райнхарт освоился, у меня сразу же по-
явилась возможность получать сигареты и пол-литра вис-
ки всегда, когда я хотел, хотя, скажу честно, этой привиле-
гией я не злоупотреблял.

— У вас в тюрьме были виски и итальянские ужины? —
изумилась Лори.

— И тем не менее это была тюрьма. Я вышел в ноябре
пятдесят восьмого. Года через два в тюрьме произошел
бунт. Когда вошли войска, двенадцать трупов лежали на
тюремном дворе, и одним из них был мистер Райнхарт.
Там, на кладбище Гринхэвена, он и похоронен. Не самое
плохое место для него...

— Что? — не поняла Лори. — Ох. А вы, похоже, боялись
его.

Эдисон медленно улыбнулся.

— Порой мне кажется, я *до сих пор* его боюсь.

Мы с Лори промолчали.

Забавные огоньки сверкнули в желтоватых глазах Эди-
сона:

— Верите ли, нет — мне все одно. Было это пару раз,
ночью. Еду один в машине туда, откуда мистер Райнхарт
просил его забрать, и слышу легкий такой щелчок за спи-
ной и как будто отражение вспышки света в зеркале. Гля-
жу — это мистер Райнхарт зажигалкой чиркнул. «Извини,
Макс, — говорит, — разве ты не слышал, как я сел?» А я-то
помню, что задние двери никто не открывал и не закры-
вал. Разве мог я *такой* звук не услышать? А другой раз было,
часа в три-четыре утра я привез его в Маунтри на встречу с
человеком по имени Тед Брайт. Встречу назначили в доме
за гаражом. Мы подъехали, мистер Райнхарт говорит: «При-
гнись и сиди так, пока я не вернусь». Я оглянулся назад и
подумал: то ли я ослеп, то ли заднее сиденье умеет разгова-
ривать, потому как никого на сиденье не было. Я нырнул
под руль, так что заметить меня можно было бы, только
если подойти вплотную к машине. Откуда-то спереди, со
сторонны капота, послышались шаги — два человека, пере-
двигаются медленно и осторожно. Один говорит: «Это его
тачка», а второй ему: «Тогда давай». Не готов поклясться,
что услышанное следом было выстрелами, но сотню долла-
ров поставил бы. Я сказал себе: «Макс, лучше тебе лечь на

заднее сиденье». Я уж было потянулся к дверной ручке, когда понял: хозяин велел мне не высовываться, потому как знал, что Гомер и Джетро должны были подойти.

— У вас было оружие? — спросила Лори.

— Когда я начал возить мистера Райнхарта, я стал носить с собой пистолет. Но ни разу не выстрелил из него. Ни разу даже не вытащил из кобуры, хотя в ту ночь был готов это сделать. Когда ты с мистером Райнхартом, самое разумное — следовать его приказам. Хотя я не готов поручиться, что он сам всегда точно знал, что делать. Я выждал с минуту. Никого и ничего. Я решил открыть дверь со стороны пассажира, выползти из машины и залечь под ней — так, на всякий случай. И тут вдруг поднялся такой шум, что едва не подняли на ноги весь квартал. Ухватив дверную ручку одной рукой, я другой выхватил из кобуры пистолет. Прямо передо мной Тед Брайт, залитый от шеи до живота кровью, валится на капот, скатывается с него и падает на землю. Я посмотрел на дом. У входа лежит человек лицом прямо в грязь, не дает двери закрыться. На пороге — еще один труп. Еще один виднелся на полу сразу за порогом. Не дом, а скотобойня. Прямо у меня за спиной кто-то прочищает горло, и я едва не выпрыгиваю из штанов. На заднем сиденье как ни в чем не бывало сидит мистер Райнхарт и говорит: «Поедем-ка назад, в цивилизацию».

— Вы спрашивали у него, что там произошло? — спросила Лори.

— Миссис Хэтч. — Эдисон вновь надел очки. — Даже если и было у него желание рассказывать, слушать я не хотел. Вернувшись домой, я проглотил пол-литра бурбона, даже не позаботившись о льде и содовой. На следующий день по радио сказали, что некий бизнесмен по имени Теодор Брайт был убит при попытке киднеппинга и побега с места преступления. Складно, как и все подобные сообщения. Мистер Брайт нарвался и пострадал по собственной инициативе.

— Значит, так оно и было, — сказал я.

— Я там был и не знаю, как оно было на самом деле. Все это я к тому, что мистер Райнхарт был человек-Хеллоуин.

— Пожалуй, вы правы, — сказал я. — Гринхэвенское кладбище — подходящее для него место.

— Мы говорили о Суконной Башке Спелвине, который заложил мистера Райнхарта. Он сидел в КПЗ, когда арестовали мистера Райнхарта. Мистера Райнхарта разместили в камере двумя этажами ниже, и в ту же ночь Суконную Башку порезали буквально на кусочки. Ни одна живая душа не видела, чтобы кто-то входил в его камеру или выходил оттуда.

Эдисон вытянул сначала одну, затем вторую ногу из-под стола. Это стоило ему заметных усилий.

— Ребята, жаль прерывать нашу милую беседу, но мне хотелось бы вернуться к себе. — Он, качнувшись, поднялся на ноги. — Может, Тоби вам не сказал, но куда я попал с раком поджелудочной. Мне дают от силы пару месяцев, но я надеюсь протянуть шесть.

Медленно удаляясь от нас, он изо всех сил старался не показывать, как ему больно.

48

— А что за опасность?

Каждый раз, когда мы поднимались на вершину холма, через лобовое стекло я видел четкую низкую линию горизонта за Эджертоном — городом, в котором я родился. В таких местах нечасто встретишь людей, подобных Эдварду Райнхарту. Семьи вроде моей, если вообще существуют похожие на Данстэнов семьи, тоже встретишь нечасто.

— Ты и Кобби должны держаться подальше от всего, что связано с этим Райнхартом. Слишком рискованно. Лучше б я был сыном Дональда Мессмера.

— Ни мне, ни Кобби никоим образом не может угрожать мертвый человек. И сегодня вечером мы будем искать этого Дональда Мессмера.

— А разве Стюарт не привезет Кобби?

— Позже. Поузи вернется в шестом часу, и я смогу за тобой заехать около шести. Сын с удовольствием встретится с тобой. Он все спрашивает: «А Нэд придет к нам в гости?» Так что заходи, хорошо? Мы с Поузи угостим тебя ужином, а ты покажешь мне книгу Райнхарта.

Это звучало куда заманчивее, чем ужин в Хэтчтауне и возвращение в снятую комнату. К тому же беспокойство об угрозе Лори и ее сыну понемногу развеивалось: Макс Эдисон просто пугал меня.

— Должна предупредить: Кобби заставит тебя слушать его любимую музыку, так что приготовься.

— А какую музыку он любит?

— Честно говоря, я сама в недоумении, — сказала Лори. — Кобби просто *одержим* последней частью «Эстампов» Дебюсси, мадригалом Монтеверди «*Confitebor tibi*» в исполнении сопрано из Англии и песней Фрэнка Синатры «*Something's Gotta Give*». Мне порой кажется, что он не четырехлетний мальчик, а тридцатипятилетний дилепутик.

— А английское сопрано случаем не Эмма Кёркби?

— Ты ее знаешь?

Я рассмеялся над странностью совпадения:

— Когда я собирался сюда, прихватил с собой ее диск.

Знак метрах в двадцати впереди обозначал границу Эджертона, Города с Золотым Сердцем. Знак приближался, увеличиваясь в размерах. Вот до него остался фут, шесть дюймов, потом расстояние, которое можно измерить только штангенциркулем... Знак проплыл мимо капота, став двухмерной вертикальной полоской, двигавшейся в обратную сторону параллельно моей голове. Воздух дрожал и уплотнялся, поднимался вверх от шоссе и трепетал, словно мираж.

Хелен Джанетт выскочила, не успев я поставить ногу на ступеньку. Если конверт в руке хозяйки был причиной той гримасы, что исказила ее лицо, у меня не было никакого желания узнавать о его содержимом.

Словно отлично отрегулированный механизм швейцарских часов, мистер Тайт открыл дверь своей комнаты и появился в рамке дверного проема. Поля мягкой фетровой шляпы скрывали его нос в тени, а массивная округлая челюсть казалась крепкой, как гранит.

— Утром вас искал полисмен. — Хелен скрестила руки, прижав конверт к груди. — И мне совсем не нравится, когда полиция топчется у моего стола для писем.

— Он представился?

Мистер Тайт прокашлялся:

— Парень назвался Роули.

— Лейтенант Роули просил передать это вам. — Хелен протянула конверт.

Отто Бремен пробасил мое имя, прежде чем я вставил ключ в скважину. Он махал мне из кресла перед телевизором и выглядел намного дружелюбнее, чем моя квартирохозяйка и ее цепной пес. Я шагнул в комнату Отто.

Бремен вытянул вперед широченную ладонь:

— Нэд Данстэн, правильно? Отто Бремен, если вы вдруг запомнили. — Его великолепные усы ошетинились над улыбкой. — Хватай кресло.

В комнате Бремена было с избытком стульев, кресел, комодов, маленьких столиков и других вещей, привезенных им отовсюду, где он жил до того, как переехал к мисс Джанетт. Пестрое изобилие фотографий, документов в рамках и прикрепленных кнопками детских рисунков покрывало стены. На замеченном мною утром транспаранте, протянутом под потолком дальней стены, было три раза подряд написано: «МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, ОТТО».

— Как же вас любят.

— Здорово, правда? — Он взглянул на транспарант. — «Мы любим тебя, Отто, мы любим тебя, Отто, мы любим тебя, Отто». Шестой класс начальной школы имени Карла Сэндберга, тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. — Отто закурил сигарету. — Миссис Райс, директор школы, вызвала меня на сцену во время церемонии. На глазах у всех ребят. Тех самых ребятишек, которых я еще за руку водил через улицу с песней «The Teddy Bears' Picnic». Я так гордился собой, что чуть не выпрыгнул из подтяжек.

Это был тот самый густой, глубокий голос, на который я обратил внимание утром. Если бы Отто Бремен запел «The Teddy Bears' Picnic», я бы тоже пошел за ним через улицу.

Сложив руки на животе, он шумно выдохнул:

— Впервые выпускной класс так чувствовал того, чьей обязанностью было девять месяцев в году переводить малышей школы имени Карла Сэндберга через улицу. — Бремен легонько постучал пальцем по сигарете, и хлопья пепла опустились на пол. — Если бы мне пришлось проделать все это снова, клянусь, я бы получил диплом преподавателя начальной школы и приехал бы учить первоклашек или второклашек. Черт, не будь мне семьдесят лет, вот прямо сейчас и отправился бы. Слушай, может, выпьем? Я созрел.

Несколько минут спустя мне удалось пробраться к себе в комнату.

«Департамент полиции Эджертона» — было напечатано на заклеенном конверте, который лейтенант Роули вверил Хелен Джанетт. Внутри находился пластиковый пакет, тоже запечатанный, с четырьмя белыми маркировочными бирками. Номер дела и мое имя были нацарапаны на двух первых. Лейтенант Роули и кто-то из хозяйственного отдела подписали две другие. В пластиковом пакете была пачка денег. Я вывалил деньги и пересчитал. Четыреста восемьдесят один доллар. Я громко рассмеялся и набрал номер телефона Сьюки Титер.

Автобус высадил меня в Колледж-парке в двух кварталах к югу от кампуса Альберта. Я шел по Арчер-стрит до тех пор, пока не увидел потрепанный погодой деревянный знак «Прикладное искусство Риверрэна» над крыльцом трехэтажного, обшитого вагонкой дома Сьюки Титер.

Комната справа от входа была заполнена стойками, рамами и подставками с афишами, плакатами, поздравительными открытками, репродукциями картин, рисунками, ткаными гобеленами, полками с керамикой и стеклом. Комната поменьше, та, что слева, использовалась как кладовая и мастерская. Хотя Сьюки организовывала у себя выставки местных художников, основным доходом была продажа постеров и изготовление рам для картин.

— Это единственное место на сотни миль вокруг, где вы найдете приличные кисти и краски, и тем не менее мне не по карману то, что требуется для работы, — посетовала Сьюки. — Все так дорого! Пора чинить крышу. Пора ремонтировать отопительный котел. Двадцать тысяч долларов решили бы проблему, но мне едва хватает денег, чтобы заплатить двум своим помощникам, работающим на полставки. Они не уходят, потому что я готовлю им ужин и нянчусь с ними, как мамаша.

В гостиной Сьюки абстрактные и сюжетные картины перемежались с глиняными горшками и выдувными стекляшками на полках.

— Все это работы художников, которые выставляют у меня в галерее, за исключением полотна слева от вас.

Нечто мрачное, какая-то сложносочиненная мешанина грязно-красных и коричневых пятен занимала почти четверть стены.

— Ну, как вам?

— Так сразу и не скажешь, погодите минутку, — пробормотал я.

— Полная безнадежность, и вы прекрасно это понимаете. Рэчел Милтон отдала мне эту картину много лет назад,

но мне все не хватает духу избавиться от нее. Не хотите ли чаю?

Сьюки вернулась с двумя чашками травяного чая и села рядом со мной на упругие подушки дивана.

— Мне, наверное, не стоит злиться на Рэчел. По крайней мере, она поддерживала связь со Стар. Может, она даже придет на похороны.

Лицо Сьюки вдруг приблизилось, и она обняла меня за плечи. Я окунулся в облако ароматов мяты и сандалового дерева. Она поцеловала меня в щеку. Ее лицо плавно скользило в золотистой дымке в двух-трех дюймах от моего. Глаза ее мерцали: один — нефритовой зеленью, другой — сияющей бирюзой.

— Скажи. Ты знаешь, о чем я, просто *скажи* мне.

Я залпом выпил приправленный женьшенем чай и рассказал о последнем дне и последней ночи мамы. Как только я упомянул имя «Райнхарт», по взгляду Сьюки я понял, что имя это ей известно. Не вдаваясь в подробности, я рассказал ей о появлении Дональда Мессмера в свидетельстве о браке и моем свидетельстве о рождении.

— Я словно блуждаю в тумане. А тетушки и дядюшки ведут себя так, будто им доверили хранить секреты государственной важности. — Меня вдруг накрыла волна горя, и все остальное стало таким ничтожным перед его неотвратимостью.

— Мне надо *выбраться из тумана*. Я хочу знать, кем был Райнхарт и каким образом в эту историю попал Мессмер.

Сьюки сжала мою ладонь.

— Он был моим отцом, так?

— И ты так на него похож, что мне даже жутко.

Я вспомнил, как едва заметно расслабился Макс Эдисон, когда я сказал, что пришел по своим семейным делам. Он точно знал, чей я сын.

— Скажите, — попросил я, повторяя ее слова, — прощу вас, скажите мне.

Сьюки Титер откинулась на спинку дивана.

Осенью тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года самые рискованные студенты факультета искусства и литературы Альберта поздними вечерами стали частенько замечать за дальним столиком кафе «Голубая луковица» необычного человека. Его поразительно красивое лицо — красивое, в то же время мертвенно-бледное и хмурое — обрамляли темные волосы, когда он сосредоточенно склонялся над столом, в одной руке держа сигарету «Житан» без фильтра. Другая его рука, пальцы которой сжимали карандаш, зависала в воздухе над документом, напоминавшим отпечатанную на машинке рукопись. Это был Эдвард Райнхарт. Благоговейный страх и притягательность, казалось, окружали его, и страх поначалу был сильнее. Однако со временем отраждавшие его таинственные барьеры пали. Да, он писатель, ему пришлось приехать в Колледж-парк, чтобы убедиться, какие здесь отличные книжные лавки и близкое ему по духу общество; если он мог бы желать еще чего-то, так только получения доступа в библиотеку колледжа, славящуюся своим собранием дубликатов. Эрвин Лик, молодой преподаватель английского, одним из первых отвоевал плацдарм для знакомства, когда вскоре отыскал механизм (правда, сомнительного характера), обеспечивший Райнхарту доступ в библиотеку колледжа. Впоследствии Райнхарта частенько можно было встретить в читальном зале — за одним из столов он трудился над своим творением. Ему было лет тридцать пять, может, чуть больше. Его притягательность стала еще сильнее — хотя в усилении не нуждалась — оттого, что от этого человека веяло опасностью и он явно принадлежал к криминальному миру. Эра Райнхарта началась.

Для части избранных студентов он сделался интеллектуальным и светским лидером, доступным для разговора в любое время дня и ночи. В глухом конце Бакстон-плейс, в уединенном тупичке, Райнхарт приобрел два стоявших рядом коттеджа, устроил в одном из них студию, а во вто-

ром поселился. Самые яркие, избранные, самые пылкие и перспективные из студентов Альберта собирались в его резиденции; в студию же, считавшуюся местом священным, вход был воспрещен. В доме Райнхарта всегда кто-то говорил, преимущественно сам хозяин. Музыка, в основном джаз, не умолкала, струилась из динамиков. Вино, пиво и напитки покрепче лились рекой, и запасы их, казалось, были неисчерпаемы. Райнхарт угощал марихуаной, амфетаминами и депрессантами — наркотиками того времени. Его вечеринки длились и два, и три дня, в течение которых фавориты приходили и уходили, вели разговоры и пили до тех пор, пока хватало сил говорить, пить и слушать (преимущественно хозяина), и частенько занимались сексом (преимущественно с хозяином).

Сьюки, Стар, Рэчел Ньюборн и другие девушки не устояли перед чарами Райнхарта. Он был харизматическим, непредсказуемым человеком, который потакал желаниям и стремлениям ребят и в то же время казался олицетворением их желаний: в отличие от юношей, объявлявших себя писателями, Райнхарт в действительности опубликовал книгу — ту самую, которую они единодушно признали слишком тонкой и дерзкой для заправявших издательским бизнесом болванов. *Вне сомнения*, книга была опасна — ведь Райнхарт сам изучал опасность. У него были секреты в прошлом и настоящем. У него бывали дни, когда без всяких объяснений дом на Бакстон-плейс оказывался закрытым и пустым. Временами то одна, то другая девушка из его гарема подмечала, как Райнхарт выходит и садится в «кадиллак», припаркованный где-либо у тротуара Хэтчтауна. Легковозбудимая студентка факультета изящных искусств и философии Полли Геффер обнаружила в выдвижном ящике комода спальни заряженный револьвер и завизжала так громко, что Сьюки услышала в гостиной и прибежала в тот момент, когда голый Райнхарт вышел в раздражении из ванной. Он рыкнул и заставил Полли умолк-

нуть, сказал, что держит револьвер для самообороны, а затем предложил Сьюки заняться с ним и Полли любовью втроем.

— Вы согласились?

— Неужели ты думаешь, что я могла ему *отказать*?

Время от времени поклонники Райнхарта неожиданно встречали его с людьми, явно не имевшими никакого отношения к Альберту. Эти люди отзывали его в угол, Райнхарт иногда похлопывал рукой по крепкому плечу гостя. Более молодые и презентабельные из этих чужаков вдруг появлялись в его доме в самый разгар затяжных вечеринок, и студенты принимали их в свой круг. Одним из таких и был Дональд Мессмер. Жил он в отеле «Париж» на Евангельской и занимался чем придется.

— Дон Мессмер не был преступником, — рассказывала Сьюки. — Сам по себе Дон был общительным и беззаботным парнем, который просто болтался без дела — как говорят, неприкаянный. Нам он казался кем-то вроде Дина Мариарти из книги Керуака «В дороге», только болсс непробиваемым. И он был без ума от твоей матушки. Парень, наверное, в своей жизни не прочел ни одной книги, а тут вдруг начал ходить с торчащими из кармана романами — скорее всего, хотел произвести впечатление на Стар Данстэн. Я частенько слышала, как она беседовала с ним, к примеру, о Сезанне, Джеконе Поллоке и Чарли Паркере — *это с Доном Мессмером-то!* Однако шанса у него не было ни малейшего: Стар по уши была влюблена в Эдварда Райнхарта, впрочем, как и все мы.

— А каким образом его имя попало в ее свидетельство о браке?

— Погоди, — сказала Сьюки, — сейчас я тебе расскажу все, что знаю.

В конце семестра Сьюки перевелась в Уиллеровский колледж в Уиллере, штат Огайо, якобы для того, чтобы продолжить обучение у литографа, который провел предыдущий год в Альберте. Она разочаровалась в Райнхарте и хотела исчезнуть из сферы его влияния. Эрвин Лик, когда-то подававший надежды молодой преподаватель английского, совсем спился; некоторые ребята, которым Райнхарт прочил большое будущее, объявив их «настоящими художниками», постепенно становились наркоманами, заинтересованными только в очередной дозе таблеток; ее подружки не думали ни о чем, кроме как о Райнхарте и о его удовлетворении, — Сьюки хотела вырваться из всего этого.

На следующий год в конце зимы Стар Данстэн появилась в Уиллере — беременная, измученная и искавшая убежища. Сьюки уступила ей половину своей кровати. Как сказала Стар, ей надо было только на несколько дней *спрятаться*. Сьюки велела ей отсыпаться, а вечером принесла еду из ресторана, в котором работала официанткой. Стар рассказала ей, что вышла замуж, но замужество оказалось ошибкой. Когда звонил телефон, Стар дрожала от страха. Когда раздавался стук в дверь, она пряталась в спальне. Недели две спустя Стар пришла в себя достаточно для того, чтобы получить работу в ресторане Сьюки. Еще через месяц она стала посещать курс по искусству в Уиллере. В конце концов Стар рассказала Сьюки, что муж бросил ее после того, как доктор сообщил, что она носит двойню. В следующее посещение доктор сказал ей, что, возможно, у нее все же один ребенок, но эта новость была уже не в состоянии вернуть ей исчезнувшего мужа.

Акушер в Уиллере объявил Стар абсолютно здоровой и тоже предсказал двойню, несмотря на то что вероятность этого не была стопроцентной. Стар собрала вещи и отправилась на Вилпневую.

В конце семестра Сьюки приехала в Эджертон, подыскала себе жилье и переехала за несколько часов до сильнейшей бури. Она позвонила Нетти — никто не отвечал.

Возможно, был обрыв телефонной линии на Вилпневой. Тогда она позволила Тоби Крафту — и удачно. Тоби сказал ей, что Стар отвезли в больницу Святой Анны и она вот-вот должна родить. Он был вне себя от беспокойства. Река вышла из берегов, и обрывы кабелей и телефонных линий были повсюду. Сьюки наглухо застегнула свой дождевик, схватила зонтик и вышла из дому. В то же самое мгновение порыв ветра вывернул зонтик и вырвал его из рук Сьюки.

52

Паводковая вода плескалась вокруг низкого ограждения из мешков с песком и доходила ей до лодыжек. Одежда под плащом вымокла насквозь. Сьюки перелезла через баррикаду и побрела по воде к входу в больницу. Вестибюль напоминал городскую площадь в Калькутте. Сьюки была в полной растерянности, однако ей все же удалось зацепить медсестру, и та уделила ей минутку и сообщила, что только две будущие мамы, миссис Лэндон и миссис Данстэн, находились в родовом отделении на четвертом этаже. Она посоветовала Сьюки не пользоваться лифтом, а подняться по лестнице.

Взбежав вверх, Сьюки окунулась в какофонию акушерского отделения. Из комнаты новорожденных доносился писк младенцев. Сестра, увидев ее грязные туфли, нахмурилась и сказала, что ее подруга находится в родильной палате «В» под присмотром акушерки Хэйзел Янски. Сьюки, ухватив ее за руку, потребовала детального рассказа.

Миссис Данстэн рожала уже пять часов. Осложнений никаких. Поскольку роды у нее первые, не исключено, что процесс может продлиться еще несколько часов. Акушерка Янски ассистирует сегодня ночью двум пациенткам. Сестра сняла руку Сьюки со своей и ушла.

Сьюки ретировалась в приемную. За расплывчатым отражением ее бледного лица над ярко-желтым дождевиком в высоком окне была видна лишь вертикальная чер-

ная стена, пробурованная желтыми фонарями на парковке. Сюки прижалась лицом к стеклу, прищурила глаза и вгляделась в другую черную стену — павшую на город стену половодья, которая морщилась поблескивающей рябью. Длинный темный предмет покачивался на волнах от кильватерной струи проехавшего автомобиля — Сюки очень хотелось, чтобы это был всего лишь ствол дерева.

Немного погодя молоденькая сестричка выглянула и сообщила ей, что у миссис Данстэн дела продвигаются хорошо, однако если у ее малыша есть хоть капелька здравого смысла, ему следует дернуть стоп-кран и побыть там, где он сейчас, еще двенадцать часов. Когда Сюки, сложив ладони чашкой, второй раз взглянула в окно, фонари на парковке уже не горели, а в потоках воды крутились и плавали предметы слишком мелкие, чтобы их различить издали, — будто игрушки. Сюки опустилась на диван и заснула.

Приглушенный взрыв, а за ним — женские вопли разбудили ее. Света не было, и крики сделались протяжными — словно переросли в яркие звуковые линии. Сюки ощупью дошла до коридора и увидела лучи фонарика, метавшиеся в темноте. Она рванулась вперед — искать Стар.

Пальцы ее нащупали широкий стык на стене. Пошарив руками, Сюки отыскала дверь и, толкнув ее перед собой, влетела в абсолютно темную комнату — здесь заходила в рыдания невидимая женщина.

— Стар?

В ответ кто-то незнакомым голосом обругал ее.

Сюки попятилась. Продолжая поиск в крошечной темноте, она наткнулась на дверь родильной палаты и, едва не упав, отлетела назад, потому что дверь распахнулась. Кто-то положил руку ей на плечо и оттолкнул Сюки в сторону. Она протянула руку и ухватила дверь, не дав ей закрыться. Споткнувшись, она вошла в родильную палату. В темноте кто-то тихо плакал. Сюки нащупала металлический поручень, протянула руки вниз и дотронулась до влажной голы ноги.

Стар ахнула и притянула подругу к себе, сжав в объятиях:

— Сюки, они отобрали у меня детей.

Так же внезапно, как и погасло, электричество ворвалось в жизнь. Стар сощурилась. Два широких мазка и брызги крови пятнали ее бедра. Сюки баюкала голову Стар и гладила ее волосы.

В палату влетела акушерка и сунула в руки Стар завернутого в голубое одеяльце, похожего на куклу малыша. Стар запротестовала — она родила двоих и хранила два ярких оставленных малышами впечатления: первый — будто она рожала арбуз, а второй — будто заранее собрал вещички и оформил паспорт. Акушерка ответила ей, что она ошибается и второй — это был не ребенок, а плацента.

Несколько часов спустя пришел измученный доктор, чтобы уверить Стар в том, что она родила одного здоровенького малыша. Когда его спросили о второй пациентке акушерки Янски, миссис Лэндон, он ответил, что ребенок миссис Лэндон родился мертвым.

Сюки оставалась со Стар до следующего вечера — к тому времени пожарным удалось откачать паводковую воду из подвала и цокольного этажа больницы. Бригады рабочих трудились, убирая липкий, вонючий слой грязи, выплеснутой Миссисипи на улицы. Пока Стар управлялась с ужином — курица, картофельное пюре, цветная капуста, — в палате собрались Нетти, Кларк и Мэй. Тетушки засыпали ее вопросами. Нормальный ли ребенок? Уверена ли она в том, что персонал больницы ничего от нее не скрывает?

Нетти захватила в плен несчастную медсестру и потребовала, чтобы младенец Данстэн был сейчас же принесен из палаты новорожденных. Блаженно спящий в закрытой колыбельке, младенец Данстэн был тотчас же доставлен, выхвачен из рук сестры, на мгновение прижат к груди, распеленат для «сию же минутного» тщательного осмотра. Нетти передала расплакавшегося ребенка его матери, что-

бы та его запеленала. Некоторые отклонения проявляются не сразу, знает ли об этом Стар?

Негодование Сьюки наконец нашло выход: что это за такие «поздно расцветающие» хитрые отклонения у Нетти на уме, а?

Повернувшись, Нетти улыбнулась:

— Я просто предположила, что у ее мальчика может поменяться цвет глаз.

Сьюки прикусила язык.

Впоследствии Стар сохраняла полное молчание по поводу своей беременности и замужества. Сьюки наблюдала, как малыш растет — четырех-, пяти-, шестилетний; мысли о его отце приходили в голову, однако ни с кем она ими не делилась — черты лица мальчика удерживали ее от этого. К тому времени, как Стар стала отдавать ребенка на воспитание в приемные семьи, Сьюки эксперимента ради вышла замуж за арфиста с музыкального факультета Альберта и переехала в Пофем, Огайо, — там располагался колледж гуманитарных наук, куда получил распределение ее муж.

Компания Альберта разлетелась на не связанные между собой фрагменты: кто-то стал преподавателем, кто-то — служащим, кто попал в больницу для душевнобольных, кто — в Европу, в колонии хиппи, кто-то нашел смерть во Вьетнаме, кто-то приобрел юридическую практику, кто-то — тюремный срок либо иной жребий... Эдвард Райнхарт был убит во время тюремного бунта. Рэчел Ньюборн перестроила себя и свою жизнь так, что Сьюки Титер осталась вне ее круга. Из старых подруг Сьюки виделась лишь со Стар Данстэн, когда та совершала свои очень редкие поездки в Эджертон.

Сьюки снова заключила меня в золотистую дымку своего объятия, извинившись, что говорит так много.

— Я благодарен вам за это, — сказал я.

Сьюки похлопала меня по щеке и сказала, что мы могли бы пообедать вместе после похорон.

— С удовольствием, — ответил я, и тут в голове у меня родился вопрос — Сьюки... В том, что моим отцом был Райнхарт, вы не сомневаетесь. А мои тетушки — как вы думаете, встречались ли когда-нибудь с ним Нетти и Мэй?

— Хм... Во всяком случае, не при мне.

53

Отто Бремен, крутнувшись на кресле, развернулся ко мне лицом. В одной руке стакан с бурбоном, дымящаяся сигарета — в другой, и он ухмылялся, как хэллоуинская тыква.

— Заходи, посмотрим, как Брэйвз выколачивают из них душу. Потрясающее зрелище.

Можно было бы пройти через холл, провести следующие девяносто минут, помогая Отто Бремену и его Брэйвзам победить, и ухнуть при этом до потери сознания, однако книга Райнхарта прельщала меня больше. Вытащив «Потустороннее» из рюкзака, я устроился на кровати читать, пока не позвонит Лори Хэтч.

Разрываемый между искушением тотчас же открыть «Голубое пламя» и в то же время избегая его, я нашел самый простой выход — начал с первого рассказа.

В «Наследстве профессора Пенданта» дело происходит в восемнадцатом веке. Вышедший на пенсию профессор-арабист приезжает в рыбацкую деревню, где его бывший коллега неожиданно завещал ему старый дом и богатую легендарную библиотеку. В планах профессора-пенсионера — завершить свой труд по изучению арабского фольклора, воспользовавшись этим великолепным подарком судьбы. Застигнутый врасплох ливнем, профессор заскочил в кабачок, где случайно услышал кое-что, до странности похожее на рассказ в одной из редчайших книг своего благодетеля. А недолгое время спустя обнаруживает манускрипт двенадцатого века со страшными древними заклинаниями... В конце рассказа профессора Пенданта сжирает вызванный к жизни заклинанием из манускрипта древний

бог, на треть осьминог, на треть змея и на оставшуюся треть не поддающийся описанию, но тем не менее омерзительный и ужасный.

«Недавние события в сельских районах Массачусетса» описывают визит в унылую деревушку молодого ученого, павшего жертвой погони каких-то мелких существ, возникших вследствие сексуального контакта между примитивными гоминидами и алчным божеством — выходцем откуда-то из-за пределов нашей вселенной.

«Тьма над Эфраимом» заканчивалась таким предложением: «Лишь только прозвонили колокола Святого Арнульфа, я бросился в священную келью и в трепетном огне свечи в моей высоко поднятой руке успел разглядеть, как с омерзительным проворством ядовитого гада исчезает вспененная чудовищность, бывшая когда-то кабинетом Фултона!»

Все это, даже восклицательный знак, напомнило мне о том, что я когда-то в возрасте тринадцати-четырнадцати лет читал, но осмыслить не сумел.

И наконец, собравшись с духом, я приступил к «Голубому пламени». Полчаса спустя, прихватив книгу, я пошел читать к окну. «Голубое пламя» было новеллой о жизни некоего Годфри Деммимана, чей жизненный опыт и переживания напоминали мои собственные ночные кошмары. Несмотря на увлечение книгой, я боролся с довольно сильным желанием сжечь ее и смыть пепел в раковине.

Будучи ребенком, Деммиман слышит зов из «древнего леса», что растет сразу за чертой города. Когда он заходит в лес, нечеловеческий голос сообщает ему, что он сын Старшего Божества, новый Иисус, который принесет Апокалипсис, чтобы проложить путь своим неземным праотцам. При содействии священного голубого пламени он обретет неимоверную мощь. Деммиман демонстрирует свои феноменальные возможности местным девчонкам и убивает их. Исключенный из школы и отправленный в воен-

ное училище, он впадает в экстаз, читая книгу, ставшую для него священной.

В тридцатилетнем возрасте Деммиман пересезжает в город, воспетый автором той самой книги, и поселяется в непривлекательном, пользующемся дурной славой особняке. Ему грезится наяву, будто его преследуют коварные существа, каким-то образом связанные как с ним, так и с домом. Он взламывает пол и обнаруживает семейный склеп Деммиманов восемнадцатого века. Оказывается, это дом его предков. Каждый вечер, возвращаясь домой, он ощущает присутствие, он чувствует Другого — того, кто ищет его, но бежит при его появлении. Как-то раз, идя с зажженной свечой через пыльный танцевальный зал, он мельком бросает взгляд на зеркало и успевает заметить за спиной темный силуэт. Он резко разворачивается — фигура исчезает. Спустя два дня, вечером, сгущающееся чувство тревоги дает ему возможность предположить, что в этот раз Другой все-таки позволит разглядеть себя. Звуки шагов в отдаленной комнате приводят его в библиотеку, расположенную в верхнем этаже дома...

Тут я услышал шум мотора подъезжающей к дому машины и, выглянув, увидел заезжающий задним ходом на парковку «монтажар». Я сунул книгу в карман, открыл дверь и... дальше чем на фут я от двери не отошел. Словно рентгеновский луч, резкая боль пронизала мою голову от затылка до лба.

Вместо прихожей Хелен Джанетт и Отто Бремена, кивающего из своего мягкого кресла, передо мной оказалась комната, которую я видел в детстве в Миддлмонте, причем в тот момент, когда мой приступ был в самом разгаре. Каминная полка, а на ней — увядающий папоротник, чучело лиса под стеклянным колпаком и медные часы. Где-то за пределами видимости низкий мужской голос нудно выводит поток неразборчивых слов. Все это происходило задолго до моего появления на свет. Я отшатнулся назад, и видение растворилось.

Отто Бремен обеспокоенно глядел на меня из кресла: «Парень, с тобой все в порядке?»

— Голова закружилась, — ответил я и побежал вниз по лестнице навстречу Лори Хэтч.

54

МИСТЕР ИКС

О Великие, о жестокие Владыки! Ваш так долго страдающий, но преданный Слуга вновь склоняется над страницами этого дневника. Хочу сделать признание.

Не так давно рассудок мой был почти целиком поглощен работой над моими рассказами, над одним из них — в особенности. Рассказ тот — мой самый длинный, самый лучший и самый печальный. Когда я творил его, я чувствовал себя *богоподобным и вселяющим страх*. Перо мое скользило по странице, и впервые в жизни я писал то, что знал, — то есть я сел писать только тогда, когда убедился в своей правоте... Я постучался в дверь Храма и *был допущен*... Жизнь моя стала *темным лесом, лабиринтом, тайной*... И случилось это, когда я впервые познал свое *прибрежное* состояние...

Ну почему же прежде рассказ этот не опустил мне руку — на грудь и не шепнул: «Пусти меня к себе в душу»...

Мне надо несколько мгновений, чтобы взять себя в руки.

Вдохновение посетило меня в один прекрасный летний вечер, когда я, до крайности уставший, вернулся домой. То был мой последний год в статусе Криминального Авторитета. Некий болван по имени Теодор Брайт предпринял попытку устранить меня с моей позиции в преступной иерархии. Ответная реакция уже не доставила мне никакого удовольствия. Я устал и хотел выйти из игры. Мои мыс-

ли искали утешения в искусстве, и приятная идея посетила меня: ведь предрекая участь Годфри Деммиману, получеловеческое существо даровало ему свободу божества. Мое второе «я» должно было вновь узаконить и повторить мой трудный путь к Святой Цели. Но, как я уже писал, намерения мои были вынуждены капитулировать перед тем, что поднялось в моей душе.

Я ПРОТЕСТУЮ!

Каждый второй рассказ отправлялся туда, куда ему следовало. Почему же только в *этом* нашло приют искусство? Позвольте мне высказаться по слогам, громко и отчетливо:

Я НЕ НАВИЖУ ИСКУССТВО. ИСКУССТВО НИКОГДА НИЧЕГО ХОРОШЕГО НЕ ДАВАЛО НИКОМУ. ОНО НЕ ВЫИГРЫВАЛО ВОЙНУ, НЕ НАКРЫВАЛО НА СТОЛ, НЕ ПОДМЕТАЛО ПОЛ, НЕ ВЫНОСИЛО МУСОР И НЕ ДАВАЛО ТЕБЕ ВЗАЙМЫ, КОГДА ТЫ РАЗОРЯЛСЯ. ИСКУССТВО ТАК НЕ РАБОТАЕТ.

Начало получилось таким, как я предчувствовал. Через призму детства и юности Годфри Деммимана я пересмотрел свои собственные. Мы с ним пережили загадочные и волнующие приключения в густом лесу и унаследовали божественные дары. Слезы переполняли и мои глаза, когда я нашел Священную Книгу. Затем хулиганские фантазии отменили в сторону светлые намерения и уничтожили покой в моей душе. Вместо убежденности — сомнение; вместо ясности мышления — замешательство и смятение; вместо плана — хаос; вместо триумфа — непонятно что, но точно не триумф.

Деммиман переезжает в Маркхэм, возлюбленную Мастером деревеньку в Новой Англии, и, гуляя по ее петляющим улочкам, воображает, будто какие-то уродливые существа ведут его к давно пустующему дому со зловеющей репутацией. Он взламывает его и неожиданно выясняет, что дом был резиденцией его предков. Внутри самого дома Нечто крадется за ним по пятам — или он крадется за Кемто, — они сталкиваются друг с другом лицом к лицу в пуга-

юще нечестивой концовке, о которой я отказываюсь рассказывать. Во благо Грядущих Поколений я записываю следующее:

«Настоящим я *отрекаюсь* от последних эпизодов рассказа под названием “Толубое пламя”, тех самых, начинающихся словами: “Медленно волоча ноги, неясный силуэт выплыл из тени”, и ставлю это условием при дальнейшем распространении книги издательствами. Они должны быть изъяты из списка рекомендованной литературы для начальных школ и учебных заведений более высокой степени. Там, где это возможно, доступ, как исключение, может быть разрешен для историков и филологов, а данное заявление должно быть напечатано полностью на титульном листе».

Нижеследующее является отчетом о недавних действиях во имя Великой Цели.

Я едва не забыл о своей клятве защищать Френчи Ля Шапеля от его сообщника. Однако, вспомнив о ней, я направился в отделение интенсивной терапии больницы Святой Анны.

В центре паутины проводов и трубок знакомый мне хэтч-таунский хорек посасывал выверенные дозы кислорода, нагнетаемого насосом. Как все хэтчтаунские хорьки, включая Френчи Ля Шапеля, Клайд Прентисс осмеливался говорить обо мне только шепотом и только в свои юные годы. (Ни один из них не знал моего имени — ни одного из моих имен, — и десятилетиями эта шантрапа называла меня восхитительно зловещим прозвищем.) Благоухающей ночью двадцать пять лет тому назад, удачно подслушав, как едва половозрелый Клайд Прентисс развлекал своих ровесников непочтительным шоу, я ворвался в их клуб, схватил мальчишку за лодыжки, потащил его, хнычущего, по узким переулочкам прямо к неприметному строению и подвесил головой вниз над Живодером.

В то время, когда расхожее мнение отвергает любую необъяснимую опасность, этот извечный источник хэтчтаунских кошмаров был не только забыт — само его существование начисто отрицалось. Случайно ли, нет ли, местонахождение Живодера нигде официально не фигурировало, что способствовало возведению его в мифический статус.

Я держал извивающегося мальчишку над ямой до тех пор, пока благоухающие испражнения не проступили пятнами на его дешевых бумажных штанах. Добившись нужного эффекта, я опустил его на пол. С того самого дня ни он сам, ни его дружки пикнуть не смели и были покорны мне во всем. И вот сейчас коматозная оболочка того повзрослевшего сопляка лежит передо мной.

Я достал нож, чтобы сделать разрез по углам, напоминающим мехи аккордеона складкам трубки, доставлявшей Прентиссу кислород. Его тощая грудь поднималась и опадала. Сорвав простыню, я воткнул нож ему в пупок и сделал разрез до самой глотки, которую ловко развалил одним поперечным разрезом. Приборы зашлись тревожными трелями, и Прентисс, испуская дух, забился в конвульсиях. Я вытер лезвие ножа о край покрывала и выскользнул незамеченным перед носом у сестры, спешившей в этот бокс.

Я еще раз до смерти напугал Френчи Ля Шапеля, материализовавшись на углу Евангельской улицы.

— Доброе утро, Френчи, — поздоровался я. От неожиданности тот подскочил на пару дюймов. — Ну что, придется тебя увольнять, а?

Френчи издал жалобный стон, как я и предполагал.

— Я искал Данстэна, но он как сквозь землю провалился, я не виноват!

— А мне надо знать, куда он переехал.

— Да как я его найду-то? — заскулил Френчи.

— А ты походи, поищи. Увидишь — топай за ним до самого дома. А потом возвращайся сюда, на угол, и жди меня.

— Ждать вас?

— Сделай вид, что стоишь на платформе и ждешь поезда. Поездом буду я.

Уголки рта Френчи изогнулись книзу в кривой улыбке:

— Данстэна, кстати, уже много кто ищет. — Он рискнул украдкой заглянуть под поля моей палаты. — Легавые его взяли после того, как корешу Стэджерса раскроили башку, да только почти сразу отпустили. Стэджерса и его дружков это не слишком обрадовало.

— Ты должен найти его до того, как это сделают они, — велел я.

Френчи качнулся на каблуках назад, вперед — собирался с духом:

— Я что, один пойду? А если что случится?

— Вызов «скорой» бесплатный.

Френчи перестал дрожать, в висках забился пульс.

— Давай, шагай на Конскую. Объясню, чем займешься в понедельник вечером.

Он задержал дыхание, когда я сделал шаг и преградил ему выход из проулка. Френчи был одним из тех пацанов, на глазах которых Живодер прочистил мозги малышу Клайду.

55

Лори вполуха слушала описание книги Райнхарта и содержание моего разговора со Сьюки Титер. Она оживилась, только когда мы подъехали к скоростной автострате.

— Столько выяснить за один день! Еще вчера ты не знал ничего, а сегодня знаешь больше, чем хотел бы! Молодчина! Это надо отпраздновать.

Я спросил, благополучно ли Кобби вернулся домой.

— Благополучно. — Ее тон был сухим и ироничным. — Домой его привез Стюарт, а затем ошастливил нас своей компанией на несколько часов. Поэтому я и опоздала. — Лори свернула к бегущей на запад магистрали. — Он дул и дул в одиночку виски и твердил все об одном и том же. —

Бросив взгляд через левое плечо, Лори утопила педаль газа. Когда мы выскакивали на магистраль, наш джип набрал скорость шестьдесят миль, а к моменту, как мы заняли скоростную полосу, стрелка спидометра подбиралась к семи-десяти. — И по большей части — о тебе.

— Обо мне? — вырвалось у меня.

Гринвилл Милтон позвонил в «Аль Мадригаль» и пожаловался, что мужчина (по его описанию — я), оскорбивший его у входа в ресторан, зашел внутрь по его же, Милтона, рекомендации! Метрдотель Винсент вычислил меня и сообщил Милтону, что я сижу за столиком с миссис Хэтч и миссис Эштон. Милтон доложил Стюарту, который уже был в курсе, поскольку ему сообщил работающий на него частный детектив.

Лори продолжила:

— Сегодня утром какой-то тип ехал за мной по пути в город, потом проследил, как мы с тобой шли в здание муниципалитета, а потом — в больницу. Когда я вернулась домой, он со всех ног рванул за угол и обменялся парой слов со Стюартом. Ну а тот, само собой, сунул Кобби в машину и погнал во весь опор домой.

Я оглянулся посмотреть в заднее стекло «монтањяра»:

— Если Стюарт решил, что я работаю на Эшли, он сейчас, наверное, с ума сходит, ломая голову над тем, что мы с тобой делали в муниципальной больнице.

— Да он от всего с ума сходит. Особенно когда заходит речь о тебе. — Лори сверкнула на меня глазами. — Ездить куда-то с Данстэном — все равно что общаться с Чарльзом Мэнсоном*. Все бедствия, последовавшие после уничтожения Висячих садов Вавилона и заражения Черной Смертью всей Европы, он готов взвалить на вашу семью. Посе-

* Мэнсон, Чарльз — гуру общины хиппи, известной как «семья Мэнсона», убийца жены кинорежиссера Романа Поланского — актрисы Ш. Тейт и шестерых ее друзей в Беверли-Хиллз в августе 1969-го. Вместе с тремя сообщниками был приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением.

лившись в Эджертоне, Данстэны занимались колдовством и карточным мошенничеством. Они заставили Кеннеди стать похожими на Рейганов! — Лучась насмешливыми искорками, глаза Лори встретились с моими. — Он именно так и сказал: «Они заставили Кеннеди стать похожими на Рейганов». Это впечатляет!

— Мы всегда были малость экстравагантны, — проговорил я.

Черепица крыши большого дома на Блюберри-лейн была из прорезиненного пластика, и в его дизайне неудачно сочетались стиль георгианского* дома и особняка эпохи Тюдоров. Впрочем, скорее всего, Стюарту с первого взгляда понравился участок, на котором потом вырос дом.

— Кто строил дом? — спросил я Лори.

— Это один из шедевров Гринни Милтона, — скривилась она. — Чтобы чувствовать себя хорошо под этой крышей, надо носить розовый блейзер и зеленые брюки.

Мы проследовали в обширное помещение, где островки мебели как будто парили в паре дюймов над ковром неярких расцветок. По лестнице протопали шаги. Из-за угла вылетел Кобби, кинулся нам навстречу и обнял руками ноги матери. Следом за ним появилась темноволосая женщина в голубых джинсах и просторном хлопчатобумажном свитере.

— Нэд, это Поузи Феабразер, моя избавительница.

Поузи подарила мне сухое рукопожатие и улыбку, которая согрела бы и труп.

— Знаменитый Нэд Данстэн! — Пышные вьющиеся волосы Поузи были собраны на затылке, непослушные завитки норовили выбиться и упасть на лицо. Ей было года двадцать четыре или двадцать пять, и она принадлежала к

* Георгианский стиль, стиль георгианской эпохи — название стилей архитектуры и мебели, сложившихся к середине XVIII и существовавших до 30-х годов XIX века.

тому типу женщин, которые красят губы даже под угрозой тюремного заключения. — Кобби весь день только о вас и говорит. — Поузи повернулась к Лори. — Я его покормлю через полчаса, хорошо?

Кобби отпустил мать и попытался утянуть меня за собой.

— Поможешь мне на кухне, когда уложим Кобби спать?

Поузи опустила глаза, наблюдая, как Кобби уцепился за мою руку и делает «перетягивание каната», и улыбнулась мне:

— Цена обожания. — Она присела перед мальчиком на корточки. — Позволь Нэду немного поговорить с твоей мамой, прежде чем будешь просить его слушать твою музыку.

— Мы с Нэдом можем послушать музыку вместе. — Лори склонилась над сыном. — Кобби, Нэду нравится тот же самый отрывок Монтеверди.

Кобби сделал шаг на место, только что освобожденное Поузи:

— Правда? — Глаза малыша были предельно серьезны.

— «Confitebor tibi», — сказал я. — Эмма Кёркби. Очень нравится.

Кобби раскрыл от удивления рот. С таким же успехом я мог бы сказать, что по соседству со мной проживают Санта-Клаус и Пасхальный Кролик. Он крутнулся на месте и бросился к одному из парящих островов.

Мы с Лори уселись на диван цвета овсянки, а Кобби принялся загружать диск в один из блоков солидной музыкальной «стойки» под большим выразительным автопортретом Фриды Калло. Я не в силах был оторвать от него глаз. Я поискал глазами другие картины, унаследованные Лори от отца, и над камином увидел чуть меньшего размера портрет кисти Тамары де Лемпика: светловолосая женщина за рулем спортивного автомобиля.

— Изумительные картины, — сказал я Лори.

Кобби уже едва не разрывало от нетерпения.

— Извини, — улыбнулась ему Лори. — Мы готовы. — Кобби нажал на кнопку воспроизведения.

Волшебный голос Эммы Кёркби плыл из невидимых колонок, превращая тягучий, плавный ритм песни в чистое серебро молитвы. Кобби, скрестив ноги, уселся на ковер, поднял голову и замер — он будто пил музыку, не сводя при этом с меня глаз. Ритм замедлился, затем устремился вперед на «*Sanctum et terrible nomen eius*», и Кобби обхватил себя руками. Мы дослушали до «*Gloria patri*», где Эмма Кёркби воспаряет в серии пылких, не в такт, инвенций, которые каждый раз, когда я слушаю ее, напоминают мне вдохновенное джазовое соло. Кобби по-прежнему не отрывал от меня глаз. Когда фрагмент закончился, малыш заметил:

— А тебе и правда нравится.

— И тебе очень нравится, — откашлянулся я.

Кобби поднялся с ковра:

— А теперь послушаем фортепьяно.

— А я пока покручусь на кухне, — сказала Лори и исчезла за углом. Кобби поставил другой диск и нажимал кнопки, пока не добрался до последней части «Эстампов» Дебюсси — «Сады под дождем» в исполнении Золтана Кочиша.

Он закрыл глаза и откинул в голову, инстинктивно подражая поведению едва ли не каждого музыканта — даже я так делаю, когда музыка сильно увлекает меня. Я почти явственно видел, как гармонические аккорды заставляют трепетать его нервы. «Сады под дождем» заканчиваются коротким драматическим пассажем и звонко-высоким, вибрирующим «ми». Как только оно отзвучало, Кобби открыл глаза и сказал: «Вот она на нашем пианино!» — и, показав на белый детский рояль, выступающий углом от противоположной стены комнаты, бросился к нему, поднял крышку и ударил по клавише «ми» высокой октавы. Не знаю, что мне больше захотелось сделать в это мгновение — глупо захихикать от восхищения или зааплодировать, но, кажется, я сделал и то и другое.

— Правильно? — Он еще раз ударил по клавише и резко отнял палец, чтобы погасить звук.

— А ты помнишь громкую ноту перед ней?

Кобби резко крутанулся к клавиатуре и взял высокое «си»:

— Пять вниз и пять — вверх, *вот смех-то!*

«Си» было на пять полутонов ниже «ми», так что после всего предшествовавшего финалу развития гармонии «ми» казалось просто комичным разрешением. Неудивительно, что Кобби так ловко удавалось подражать голосам. У него был идеальный слух, или то, что называется идеальным слухом, в любом случае — возможность улавливать точные взаимосвязи между звуками.

— Как же ты узнал, где они?

Кобби подошел, положил локти мне на колени и заглянул в глаза, словно спрашивал себя самого, на самом ли деле я такой глупый или просто прикидываюсь.

— Потому, — проговорил мальчик, — что один звук очень-очень-очень *красный*. А второй, большой, очень-очень-очень *синий*.

— Так и есть, — согласился я.

— *Очень-очень* синий. А сейчас послушаем смешную песню Фрэнка Синатры?

— Самое время.

Он побежал к проигрывателю, вставил диск «*Come Dance with Me*», и комнату наполнили сухая барабанная дробь и «медные» пассажи Билли Мэя. Кобби упал на ковер и скрестил ноги, слушая великолепно выверенное вступление Синатры в «*Something Gotta Give*» с тем же предельным вниманием, какое он отдавал Монтеверди и Дебюсси. Он подмигнул мне в начале перехода и улыбнулся, когда Синатра немного растянул ритм после инструментального брейка. Отчасти я слушал ушами Кобби, поэтому то, что я слышал, звучало свободной, уверенной силой. Сердце у меня сжалось — меньше всего мне хотелось слушать «*Something Gotta Give*». Запись завершилась щегольской и цветистой нисходящей фразой и торжественно-ликующим предложением: «Давай покончим с этим», заставившими Кобби рассыпаться смехом.

Мальчонка снова впился в меня взглядом:

— Еще?

— Заряжай,— подыграл я ему.

Отчаянно веселый призыв «к оружию» барабанщика; страстные возгласы труб и тромбонов; ровное, как ковер, вступление саксофонной группы; точнехонько в эпицентре самого центра первой ноты первого такта первого припева старт несильного баритона и набор высоты. Вдоль моего позвоночника пополз страх, и руки покрылись мурашками.

Когда песня стихла, на пороге комнаты появилась Поузи:

— Как насчет того, чтобы размять кучку просто обалденных спагетти, а?

Кобби кинулся к ней. Сворачивая к кухне, он обернулся на меня:

— Нэд! У нас на ужин просто обалденные спагетти!

— Спагетти на ужин у меня и у тебя, Фрэнк,— уточнила ему Поузи.— Как поешь — можешь зайти, попрощаться с Нэдом, он будет ужинать с мамой.

Держа в руках бокалы с вином, их обошла Лори:

— Кобби, идите с Поузи на кухню. Через минутку я подойду.

Кобби вложил ладошку в руку Поузи, и они скрылись за углом. Какое-то время, показавшееся абсурдно долгим, мы с Лори шли навстречу друг другу. Когда мы остановились лицом к лицу, она подалась вперед и поцеловала меня. Поцелуй продлился дольше, чем я предполагал.

— Что скажешь? Что *ты* о нем думаешь?

— Поразительный ребенок — вот что я думаю. Я думаю, он должен вместо начальной школы сразу идти в Джуллиард*.

Лори уткнулась лбом мне в плечо:

* Juilliard School of Music — Джуллиардская (Джюльярдская) музыкальная школа, которая считается лучшей музыкальной школой в Америке. Существует на средства Музыкального фонда банкира, промышленника и филантропа А. Джуллиарда, оставившего большую часть своего состояния на развитие американской музыкальной культуры. Находится в Нью-Йорке в Линкольновском центре сценических искусств.

— А сейчас что мне с ним делать?

— Тебе, вероятно, стоит подобрать ему хорошего учителя фортепьяно и сразу же приступить к занятиям. Через пять лет найди ему самого хорошего учителя и найми адвоката с кличкой «Челюсти».

Она выпрямилась и пристально посмотрела на меня — почти в точности как это делал Кобби, когда объяснял, в какие цвета окрашены «си» и «ми».

— Знаешь, меня поражает больше всего, что он такой хороший мальчик. Мне кажется, ему в жизни настолько же понадобится покровительство, насколько и поощрение. Нет, черт, я, наверное, говорю чушь, я ничего не знаю.

Лори опять подалась ко мне, обняла меня, а затем отстранилась — в руке ее был листок бумаги:

— Поузи отыскала телефон проживающего в Маунт-ри Дональда Мессмера. Не хочешь пообщаться с ним, пока я побуду с Кобби?

Я взял у нее листок.

Камин в гостиной другой своей стороной выходил в уютную комнатку с телевизором и вереницей лампочек на потолке, свет которых был направлен на полупустые настенные стеллажи. Игрушечные грузовики и детские книги были разбросаны по полу. Я сел на диван, взял телефон, но сначала набрал номер Нетти.

— Сегодня утром приходили твои оборванцы из Маунтри,— сообщила она.— Я сказала этому ничтожеству, что пустого трепы и бейсбольной биты недостаточно, чтобы запутать *меня*. В общем, отправила их восвояси с поджатыми хвостами. У тебя случаем нет оружия, а?

— Нет, оружия у меня нет,— рассмеялся я.

— Достань. Придут — покажешь им, и только пятки засверкают.

Книга Райнхарта уперлась мне в бок, и, перед тем как набрать второй номер, я вытащил ее из кармана.

На диске Поузи нашелся правильный номер Дональда Мессмера, однако, чтобы разговорить этого человека, мне понадобилась пара минут.

— Вы увидели мое имя в свидетельстве о браке и заинтересовались мной, да? Думаю, я не должен вас в этом винить.

Я поблагодарил, называя его «мистер Мессмер».

— Надеюсь, Стар сказала вам, что я не ваш папа?

Мы поговорили еще немного.

— Я искренне соболезную... Извините меня за откровение, но я и вправду с ума сходил по ней. Я был на все готов ради Стар Данстэн.

Именно поэтому Мессмер и женился на ней. Через два месяца после того, как Стар забеременела и уехала с Райнхартом, ее страстная влюбленность вдруг обратилась в панический ужас. Когда она поделилась с Мессмером своим страхом, что Райнхарт собирается причинить зло ей, или ее ребенку, или им обоим, Мессмер помог ей уехать тайком из Бакстон Плейс. Мировой судья зарегистрировал их брак, и они бежали через Огайо в Кентукки, где у Мессмера жила родня. Родители Дона встретили Стар враждебно, и молодые отправились в Кливленд. Они работали в ресторанах и жили, в общем-то, счастливо. Месяц спустя Стар пошла на прием к врачу, и все изменилось.

— Я был таким дураком,— рассказывал Мессмер.— Если что-то должно было произойти через пять минут, я был не в состоянии думать об этом накануне. Я с трудом мирился с мыслью о будущем ребенке и поэтому старался просто выбросить ее из головы, думая, что все как-то разрешится само собой. Когда Стар вернулась от врача и сказала мне, что у нее будет двойня, я воспринял новость так, будто — вы простите меня, Дэн,— впереди мне светило двадцать лет рабства.

— К тому же двойня была не ваша,— вставил я.

— Спасибо, что понимаете мое состояние. Через неделю я, бреясь перед зеркалом, вдруг увидел в нем себя — после двадцатилетней каторги. Я собрал манатки и удрал. Конечно, сейчас я бы так не поступил, но что сделано, то сделано. Надеюсь, вы меня понимаете...

— Вы спасли ее, увезя от Райнхарта.

— Это вы очень хорошо сказали. Ведь как бы там ни было, все равно нам не суждено было быть вместе.

Приехав в Маунтри, Мессмер прислуживал в баре до тех пор, пока не приобрел собственное дело. Жена его умерла три года назад, у него было две дочери и шесть внуков. Когда порой Мессмер бросал взгляд в прошлое на парня, сбежавшего из Эджертона со Стар Данстэн, он видел человека, едва ему знакомого.

— Не знаете ли вы некоего Джо Стэджерса?

— Кто ж в Маунтри не знает Джо Стэджерса. А большинство много бы дали, чтобы не знать. А что, вам довелось с ним где-то пересечься?

— Да нет, там произошла ошибка, однако Стэджерс, похоже, думает, что у него на меня зуб.

— Вся жизнь этого урода — одна сплошная ошибка.— Мне показалось, я слышу, как он напряженно думает, как много можно мне рассказать.— А этот «зуб» случайно не человек по имени Минор Кийес?

— Да вроде...

— Если вы собираетесь пробыть здесь дольше, чем пару дней, я рекомендовал бы вам раздобыть себе оружие. Стэджерс опасный сукин сын.

На кухне, за столом в нише у окна, Кобби доскребал с тарелки спагетти. Лори спросила:

— Ну, как?

— Отличный парень. Ты когда-нибудь была в Маунтри? Лори покачала головой.

— А что?

— Пообещай мне, что никогда не будешь.

— «Где-то, как-то, кого-то поцелуют»,— пропел Кобби. Поузи вскочила со стула:

— Пора спать, разбойник.— Она вытерла испачканную кетчупом мордашку Кобби.— Вот так. Все, наверх шагом марш.

— Правда? — поднял к ней лицо Кобби.

Поузи уперла руки в бока:

— Думаешь, я солгала?

— Правда-правда?

Она взглянула на меня:

— Кобби интересуется, не могли бы вы составить список дисков с музыкой, которая ему понравилась бы.

— Попытаюсь уложиться в одну сотню.

— Мы попросим Нэда зайти сказать «спокойной ночи», когда ты ляжешь в кровать, хорошо?

Глаза Кобби сверкнули предвкушением радости.

— И почитаю тебе книгу,— сказал я.— Но только не долго.

— «Спокойной ночи, луна»*,— попросил он. Я почувствовал необъяснимый холодок в груди, будто внутренний голос шепнул: «Нет!»

— «Спокойной ночи, луна»? — переспросила Поузи.

— Она же для совсем маленьких,— сказала Лори.

— «Спокойной ночи, луна»,— покачав головой, повторил Кобби.

— Договорились,— сказал я.— Самый верный способ заснуть.— Та же частичка моей души, что не хотела слушать «Something Gotta Give», твердила «нет, нет, нет» в пользу Кобби. И я знал, что причина этому, в чем бы она ни заключалась,— одна.

— Тебе повезло,— констатировала Поузи.

Лори улыбнулась мне и напутствовала Кобби:

— Только один разок.

Чмокнув маму, Кобби вылетел из кухни, Поузи отправилась за ним.

Лори допила вино из своего бокала, не отрывая глаз от моего лица:

— Ты не похож на многодетного папу, который днем играет, а вечером читает книжки по очереди каждому из своих трех-четырех детишек.

— Шестерых,— сказал я.— И еще двойняшек в Боулдере.

Во рту вдруг пересохло. Я собирался сказать «в Сан-Диего», но «в Боулдере» вырвалось неожиданно, будто колдун какой-то подложил мне его на язык. В третий раз сильная и беспричинная тревога расправила крылья в душе. Боулдере?

Лори поднялась из-за стола за бутылкой.

— А вот Стюарт никогда не читал Кобби перед сном. Ни разочка. А где твой бокал?

— Остался в комнате,— сказал я.— Погоди, я сам принесу.

Вернувшись, я сел рядом с Лори и положил «Потустороннее» на стол.

Лори полистала книгу. Что-то рассмешило ее, и я спросил, что именно. Она ухмыльнулась:

— «Мистер Уотерстоун,— проскрипел старый библиотекарь из пыльной темноты своей зловещей берлоги,— способы, к которым вы прибегли, чтобы заполучить этот древний манускрипт, не интересуют меня». По-моему, нельзя так писать в книге о людях «проскрипел» или как-то в этом роде. Надо писать, что люди говорят.

— Может, Эдвард Райнхарт просто не в твоём вкусе.

Лори закрыла книгу.

— Расскажи мне о Дональде Мессмере.

Я коротко передал историю Мессмера, умолчав о том, что он рассказал о Джо Стэджерсе.

— Знаешь, странно. Я ожидал большего. И почти разочарован.

— Удивительно, ты ведь так много узнал за один день. Теперь самое время задуматься, как жить дальше.

На пороге выросла Поузи Феабразер:

— Ваш обожатель ждет вас. Кобби так давно не открывал «Спокойной ночи, луна», что я с трудом ее отыскала, но он обещал уснуть сразу после чтения. Лори, чем я могу помочь, пока Нэд будет читать Кобби?

* Детская книга американской писательницы Маргарет Браун, 1947 г.

— Помоги мне приготовить голландский соус для артишоков, а если ты еще и салат сделаешь, я вполне справлюсь с остальным.

— Хочешь, я потом приберу тут?

— Мы управимся сами.— Лори отодвинула стул и поднялась из-за стола.— Ты готов еще немного побыть замечательным?

56

Разделенные просторами выкрашенных охрой стен, двери цвета палисандрового дерева тянулись вдоль коридора к высоченному — от пола до потолка — окну с арочной фрамугой. Вторая дверь справа была приоткрыта.

Как источник излучения, от которого бы зашкалило счетчик Гейгера, на стуле у кровати Кобби лежала книга. Уже зевая, мальчик обнимал плюшевого мишку. Игрушечные черная кошка и белый кролик занимали пост в изножье кровати, а тираннозавр рекс ростом в фут — у изголовья.

Мне казалось, что колыбельная книжка Маргарет Уайз Браун едва ли не источает яд. Чтобы отвлечься, я спросил Кобби, как поживает мой тезка. Мишка Нэд и тираннозавр рекс отлично подружились. Готов ли Кобби слушать? Решительное «да». В надежде на то, что сам я так же готов, как и он, я раскрыл книгу, чуть повернулся, чтобы Кобби было видно картинки, и начал читать.

Почти мгновенно моя фобия исчезла, и чувство страха улетучилось. Глаза мальчика закрылись, когда до конца сказки оставалось пять страниц. Я закрыл книгу и, в духе «Спокойной ночи, луна», прошептал «спокойной ночи» всем и вся. Фобия вновь заявила о себе, когда я положил книгу в изголовье кровати. Я выключил свет, испытывая загадочное чувство: я боялся обложки, но не книги.

В голове вдруг зазвучала «Something Gotta Give»: «Борись... Борись... Борись изо всех своих сил».

На середине лестницы я встретил поднимающуюся Поузи. Она спешила: ей надо было сегодня вечером отработать как минимум четыре часа. Еще более похорошевшее от предстоящих забот личико Поузи стало совсем копащим, когда она пожелала мне прекрасно провести вечер.

57

Лори и я держались на волне разговора, который становился все более интимным благодаря удивительному взаимопониманию, возникшему между нами. За последние десять лет я не припомню в своей жизни подобного вечера, и ни в одной из душевных бесед, которые я в эти годы вел, я не ощущал такого реального контакта.

Утверждение, что ваш личный опыт частенько *воспроизводит* опыт другого, что все сказанное будет понято, подтверждалось каждым мгновением общения. Я, конечно же, не рискнул быть слишком откровенным. Лори тоже. Я боялся ее встревожить, застать врасплох — я не хотел, чтобы она сочла меня сумасшедшим.

Если бы подобные разговоры не содержали определенной доли лжи, они не были бы такими проникновенными.

Мы умудрились выпить полторы бутылки вина, а стол по-прежнему полнился тарелками с закусками.

— Может, унесем все это? — предложил я.

— Не бери в голову.— Лори откинулась на спинку стула и запустила руку в волосы.— Поузи унесет.

— У нее еще полно работы, давай ее немного разгрузим.— Я собрал тарелки, отнес их в раковину и сгреб листья артишоков в мусорную корзину.

Лори помогла мне загрузить посудомоечную машину и наполнила контейнеры моющим средством.

— Я чувствую себя одним из эльфов башмачника*. Что у нас было по плану дальше, не помнишь?

* Персонажи английской народной сказки «Эльфы и башмачник».

— Хочешь послушать концовку того рассказа Райнхарта?

— Ладно, пойдем разделаемся с Райнхартом.— Лори доила остатки вина в наши бокалы и повела меня к дивану в гостиной.

Устроившись рядом и опустив голову на вытянутую вдоль спинки дивана руку, Лори спросила:

— Это тот рассказ, что ты читал, когда я подъехала?

— Да, я почти его закончил.

Она отпила глоток:

— Профессор Арбатнот нашел книгу невероятной древности и редкости. У трех стариков, убитых в притоне курильщиц опиума, были одинаковые татуировки на левых ягодицах, содержащие древнее арабское проклятие. По пути на встречу со зловецким карликом наш герой мимоходом замечает ребенка с желтыми глазами и раздвоенным языком.

— Нет, здесь немного по-другому,— сказал я.— Похоже, вся первая половина почти автобиографична.

Я уместил начальный этап жизни Годфри Деммимана в паре предложений и коротко описал его приключения в деревне Маркхэм, вступление во владение домом его предков, бегство и преследование Другого, которое привело к тому, что ночью он оказался в библиотеке на верхнем этаже дома.

Придя к убеждению, что именно нынешней ночью произойдет встреча с тем, кто постоянно прятался от него, Деммиман вошел в старую библиотеку. Дверь вдруг захлопнулась у него за спиной. В то же мгновение Деммиман понял, что его уверенность — не иллюзия. Присутствие Другого запечатлелось на кончиках его нервных окончаний, и как только он понял это, он тут же понял и другое — в каком состоянии он найдет своего неприятеля.

По окончании приготовлений, не менее полных страха, не менее неуверенных, чем его собственные, Другой ожидал его прихода с тем же ужасом, с каким стыла в жилах кровь Деммимана. Однако Годфри нашел в себе силы двинуться вперед и бросить скорый взгляд через заплесневелую пустоту.

— Кто ты, нечестивый дух? — с трудом проговорил он.

Последовала полная нерешительности и сомнений пауза.

— Заклинаю тебя: выйди из мрака и покажись.

Давление сгустившейся вокруг Деммимана тишины едва не швырнуло его назад, к двери. Когда у него уже не осталось сил переносить это, из самого дальнего угла темной библиотеки донесся звук шагов.

— Чувствую, ничего хорошего не будет, если этот тип покажется. Причем выяснится, что это очередной монстр.

— Сейчас узнаем,— сказал я и продолжил чтение.

Медленно-медленно, еле волоча ноги, смутная фигура выплыла из темноты. Деммиман вдруг ощутил, что не может дышать. Он знал: наконец настало время, и его сейчас ждет либо избавление, либо поражение. Горячее любопытство подсказывало ему неясный силуэт мужчины на десятки лет старше его и умудренного жизненным опытом, не идущим ни в какое сравнение с опытом его собственным, даже постичь масштабы которого ему не хватало воображения.

Темная строгая одежда незнакомца выдавала в нем провинциального делового человека, достигшего небывалого успеха. Едва успел Деммиман сделать шаг навстречу ему и заметить светлый клочок его бороды, как понял, отчего лицо незнакомца казалось неразличимым: его закрывали прижатые в жесте отчаянного стыда руки.

Широко расставив в стороны ноги на пыльном полу, Деммиман занял позицию.

Мужчина поднял голову и раздвинул пальцы, будто пытаясь ощутить перемену настроения Деммимана. Затем, словно приняв мгновенное решение, уронил руки и обнажил лицо с такой враждебностью, какая, Деммиман знал, ему самому была не по силам. Ужас тут же сковал его. Тысячи грехов, тысячи преступлений вдруг отразились на челе незнакомца. Это была летопись его тайной жизни, омерзительной и злобещей. Но самым поразительным было то, что черты лица Другого были омерзительной и злобещей копией лица самого Деммимана.

— С тобой все в порядке?

— А что?

— Мне показалось, у тебя пересохло в горле. Выпей немного вина, полегчает.

Неужели все усилия — лишь ради того, чтобы встретиться с чудовищной версией самого себя? Часть унижения Деммимана составляло понимание того, что сила этого страшного создания намного превосходила его собственную. Другой сделал шаг вперед, весь кипит от ярости, и швырнул в лицо Годфри требование — и Деммимана оставило мужество: развернувшись, он бросился бежать.

Деммиману послышалось, что в спину ему полетел смех, однако смех тот был эхом его собственного смеха; ему чудилось, что за спиной раздаются шаги преследователя, но на самом деле это были удары его сердца. Из темных проемов полуоткрытых дверей, из потаенных уголков — отовсюду, чудилось, пристально следят за ним извивающиеся уродливые существа и ждут его капитуляции.

Однако о капитуляции Годфри и не помышлял. Он был рожден для великой цели, на пути к которой встреча в темной комнате была не чем иным, как ключом, открыв-

шим замок. В его судьбе, решил Деммиман, таилось величие, суть которого он только-только начал постигать.

Деммиман добежал до дверей в галерею, распахнул их и нащупал в своем кармане картонку спичек, которыми он обычно зажигал тоненькие свечи в склепе. Язычок пламени дрожал, когда он опускался на колени перед одной из длинных занавесей. Крохотный, трепещущий огонек родился и осторожно потянулся вверх. Деммиман передвинулся ко второй занавеси и зажег еще одну спичку. Когда загорелась вторая штора, он проделал то же самое со всеми занавесями. Затем, в кольце танцующего разгорающегося огня, он внимательным взглядом окинул плоды своих трудов.

Огненные ручейки разбегались от оснований колонн по половицам, растекались по потолку. Пламенные разведчики и гонимые перескочили на одну из полусгнивших панелей, и ручейки красного огня крались вдоль поверхности стены. Стены с радостью встречали пламя; пол занялся ярким огнем в десятках мест. Деммиман попятился в задымленный вестибюль и вышел в ночь.

По обеим сторонам узкой улочки грязный кирпич и черные глазницы окон брошенных домов бесстрастно смотрели на красные отблески, мечущиеся рядом. Тревогу поднимут много-много позже, когда языки пламени взметнутся к темному небу. Деммиман укрылся в нише дверного проема.

Окна первого этажа разлетелись вдребезги, вместе с осколками выплеснув сполохи таких темных оттенков красного, словно желали укрыть от взглядов разгулявшиеся внутри пламя. Пожар неумолимо и быстро охватил второй этаж. Жаркое пламя взметнулось вверх и исчезло, поглощенное широченным столбом дыма.

Занялся третий этаж, а за ним и четвертый. Деммиману почудилось, будто в реве мощного пожара он услышал пронзительно высокие крики тварей, загнанных ог-

нем в ловушку на верхнем этаже дома, и мысль об этом вызвала звериное ликование в его груди.

Темное одеяло плотного дыма перед фронтоном дома укрыло от взгляда самые верхние окна, и Деммиман поспешно перебежал в дверной проем соседнего здания, где укрылся и стал наблюдать за финалом. Лишь только он поднял глаза, чтобы взглянуть на окна пятого этажа, за ними загуляли первые отсветы огня — поначалу желтые, а затем кроваво-красные.

В раме ближайшего окна показался силуэт — человек выглянул наружу с поистине восхитительным спокойствием. Все здание издало стон надвигающегося конца. Силуэт у окна устремил на Деммимана взгляд невидимых глаз. Издалека донесся крик сирены, затем — поближе — еще один. Деммиман чувствовал, что глаза Другого не сводили с него тяжелого взгляда.

Обрамлявшая силуэт оконная рама вспыхнула, бросая отсветы на опустошенное лицо, так похожее и не похожее на его собственное. Другой вновь швырнул свое безжалостное требование. Огонь перекинулся на его волосы. За спиной Другого пламя потемнело — от красного к темно-синему, однажды виденному в глубине древнего леса. Деммиман шагнул из ниши на булыжник мостовой. В требовании Другого, вдруг осенило Деммимана с грозной убедительностью величественного парадокса, тайлся неожиданный поворот судьбы, и внезапно воспаривший дух Деммимана с радостной готовностью устремился навстречу.

Рванувшись из своего укрытия, Деммиман кинулся в горящее здание. Мгновением позже все, что составляло интерьер дома, обрушилось, и внушительное сооружение уступило: мягко охнув, складываясь как карточный домик, оно повлекло самое себя вниз, рухнуло и содрогнулось, будто бы от экстаического освобождения Годфри Деммимана.

— Ему что, пришлось избавить мир от себя? Не говоря уж о семейном доме и тех маленьких страшненьких тварях?

— Бедняга Годфри.

— А мы с тобой могли бы придумать финал повеселее. Хочешь попробовать? Ага... По всему видно, что хочешь. Много ли знал Эдвард Райнхарт об «экстаическом освобождении»?

58

Глядя на это красивое смуглое лицо так близко от своего лица, я ощущал настоящее блаженство. Возможно, женщины, которых я знал прежде, бывали и более пылки, чем Лори, но ни одна из них не оказывалась так грациозно созвучна каждому мгновению — его способности расправить крылья и спланировать в мгновение следующее. Еще Лори обладала даром, который некоторые могли бы назвать развращенным умом и изобретательностью. Чем дольше мы исследовали наши тела и радостно использовали их возможности, тем более мы совпадали, пока наконец не валились друг в друга настолько, что стали единым и неразделимым целым. Когда же мы, оторвавшись друг от друга, лежали рядом, мне казалось, я чувствую, как прозрачной летящей вереницей возвращаются в родное тело частички меня самого.

— Ты хотя бы догадываешься, как мне с тобой хорошо? — спросила Лори.

— Я сейчас готов воздвигнуть храм в твою честь, — прошептал я.

Несколько часов спустя я проснулся со знакомым чувством: необходимо отправляться в путь, прежде чем меня настигнет беда. А еще я почувствовал, что, похоже, влюблялся в Лори слишком уж стремительно. Нельзя было позволить себе этого. Через несколько дней я собирался в Нью-Йорк, после чего увидаться нам вряд ли было сужде-

но. Главное, что я мог представлять собой для Лори — это опасность, и от нее я был обязан Лори уберечь. Осторожно сняв ее руку со своего плеча, я выскользнул из постели.

Когда я на ощупь искал свои носки и врезался в торшер, Лори проснулась на шум и сонно спросила, чем это я занимаюсь. Я сказал, что мне надо вернуться в пансионат.

— А который час?

Я взглянул на светящийся зеленый циферблат:

— Половина второго.

Она включила лампу и села, потирая лицо:

— Я бы тебя отвезла, но так устала, что, боюсь, не смогу вести машину.

— Ничего, вызову такси.

— Не глупи. Возьми другую машину Стюарта — она стоит в гараже. Потом придумаем, как пригнать обратно. Поскольку ты определенно вернешься сюда, Нэд, давай не будем спорить.

Я подошел к кровати и поцеловал Лори. Простынка собралась у нее на груди, и в приглушенном свете ее тело казалось тускло-золотистым.

— Позвони завтра, хорошо? — Лори выключила торшер, как только я закончил одеваться.

«Другой» машиной Стюарта оказался цвета слоновой кости двухместный «мерседес-500SL», что изумило бы меня, не хлебни я уже сегодня изумлений сполна. Включив зажигание, я осмотрел приборную доску, включил заднюю передачу, выехал на полкорпуса из гаража и остановился. Несколько мгновений понадобилось мне, чтобы разобраться, как переключать дальний и ближний свет. Затем, включив дальний и оставив «мерседес» тихонько урчать на «нейтралке», я сходил к машине Лори и забрал с заднего сиденья мамин пакет.

В отличном настроении я вел машину к центру Эджертона, подпевая джазу, который транслировала эджертонская радиостанция, и, подъехав к пансионату на Гарри-стрит, припарковался напротив.

Поднимаясь по лестнице, я услышал доносящийся из дальнего конца коридора моего этажа шум вечеринки. Группа молодых людей заполняла коридор в задней части здания. Большинство девушек были в мини, парни — коротко стриженные и в рубашках с короткими рукавами, каждый держал в руке пластиковый стаканчик, все оживленно и разом говорили, покачивали сигаретами. Темноволосая девушка с челкой, падавшей на брови, помахала мне сигаретой:

— Эй, новенький сосед, присоединяйся!

— Спасибо, но сегодня никак, — ответил я. — Уже нагулялся.

Я помахал ей в ответ и бросил взгляд через вечно открытую дверь. Света в комнате Отто почти не было, мерцающий экран телевизора освещал оплывшую в кресле фигуру. Торчало горлышко зажатой между ног бутылки «Джек Дэниелс», и примерно полдюйма темной жидкости оставалось в стакане, забытом у кресла. Я решил, что лучше будет выключить телевизор и помочь Отто добраться до кровати. Сделав было шаг к креслу, я почувствовал запах горячей ткани.

Вокруг бессильно свисавшей руки Отто курился дымок. От наполовину выкуренной сигареты на подлокотнике кресла расходился кружок искр и, разгораясь, прямо на моих глазах обратился в кольцо язычков пламени.

Вбежав в комнату, я попытался сбить пламя с подлокотника. Отто вскинул голову. Два глаза — желтоватые белки с красными прожилками — вперили в меня взгляд без малейших признаков узнавания.

— Отто, — сказал я, — ты...

— Пошел отсюда! — взревел он. — Ворье!

Я успел только заметить движение огромного кулака вдоль его груди. Кулак врезался мне в плечо, и я отлетел на пол. Свитер на локте Отто расцветал тлеющим пятном, гру-

бо напоминающим формой и цветом осенний кленовый лист.

— Воррюга!

Отто опустил левую руку прямо в тлеющий круг и, взыв, вскочил с кресла. «Джек Дэниелс» полетел на пол. Отто качнулся вперед и тут только заметил, что его свитер тлеет.

— Краковине, Отто! — крикнул я и подхватил спортивную рубашку из-под его кровати, слушая, как он выдает семизатжные проклятия.

У дверей столпилась кучка молодежи — попивали из стаканчиков, гасили сигаретные бычки об пол. Отто и я были интереснее телевизора.

Накинув рубашку на подлокотник, я похлопал по нему ладонью.

Черноволосая с челкой протолкалась вперед:

— Мистер Бремен, это не вор, это парень, которого поселили в комнату мистера Фрама.

— Да знаю, малышка.

Она улыбнулась мне:

— Эй, меня зовут Рокси Редман, а это Чарли с Зипом, а это моя соседка по комнате Мунбим Шалли.

Хорошенькая блондинка в наряде, напоминающем детский передник и открывавшем лямки лифчика на плечах, помахала мне пальчиками:

— Вообще-то мое имя Одри, но все зовут меня Мунбим*.

— И правильно делают, — улыбнулся я. — А мое имя Нэд, но все зовут меня Нэд.

Мунбим хихикнула, а Чарли и Зип посмотрели на меня так, словно я должен был обмочиться от их взгляда.

Рядом со мной возник Отто со стаканом воды в руке. По лестнице кто-то поднимался.

— Убери-ка ее. — Я стянул рубашку с кресла, а Отто вылил воду из стакана на почерневший подлокотник.

Скрытая за толпой, Хелен Джанетт объявила, что вечеринка окончена. За головами проплыла фетровая шляпа мистера Тайта:

— Слышали, что сказала хозяйка? Давайте по домам.

— Извини, малыш, — прогудел Отто. — Развезло малость старого дурака... — Он поднял с пола бутылку и бросил в мусорную корзину. — Сейчас, похоже, мне будут драть задницу...

Рокси, Мунбим и их друзья отправились восвояси в облаке приглушенного смеха, открыв моему взгляду мистера Тайта и позволив понять причину их веселья. Помимо фетровой шляпы на мистере Тайте была футболка-сеточка, та же, что и утром, и полосатые удлиненные шорты с желтым пятном у ширинки.

Затянутая в розовый купальный халат поверх ночной рубашки, Хелен Джанетт гордо выступила вперед и заняла командный пост:

— Я требую объяснений.

Отто приложил все свои старания: он заснул с сигаретой в руке, я его напугал, он извинился за суматоху, никогда ничего подобного не происходило прежде и не случится впредь.

Миссис Джанетт прибавила строгости в голосе:

— Просто возмутительно! — Мистер Тайт подошел поближе и спрятался за спину хозяйки. — Эта комната провоняла алкоголем. Вы заснули с сигаретой и чуть было не устроили пожар. Мы не потерпим подобного, мистер Бремен.

— Не потерпим, — поддакнул сторожевой пес.

— Это случилось первый и последний раз. Впредь буду осмотрительней. — Отто выпрямился. — Вы хотите еще что-нибудь сказать?

— Откройте окна и проветрите, чтоб не воняло. Наш дом, к вашему сведению, — на хорошем счету.

— Окна уже открыты. А если хотите быть на хорошем счету, прогоните к черту Фрэнка Тайта. Это всего лишь мой скромный совет.

* Moonbeam (англ.) — лунный луч.

Тайт было качнулся вперед, но миссис Джанетт остановила его, подняв руку. И обожгла меня взглядом:

— Мистер Данстэн, я очень не хочу, чтоб у нас были какие-либо осложнения с вами.

— Я всего лишь помог вам,— улыбнулся я.

Хелен Джанетт удалилась, сердито топая.

Бремен взглянул на меня и пожал плечами. На лестнице стихли их шаги, затем хлопнули двери их комнат.

— А что за тип этот Тайт? — спросил я.

— Фрэнк Тайт редкая сволочь. Его вышвырнули с работы в полиции, вот что это за тип.— Бремен стянул свитер и бросил его в сторону мусорной корзины.— У меня где-то завалялась еще бутылочка, не опрокинете со мной рюмочку на сон грядущий?

Прощаясь с Отто, я пообещал как-нибудь на днях к нему заглянуть. Книга Райнхарта и пакет из банковской ячейки лежали в углу у окна. Я принес пакет к столу и разворачивал нескончаемые слои коричневой бумаги, пока перед моими глазами не предстал большой старомодный альбом для газетных вырезок в стеганом зеленом переплете. К обложке альбома была прилеплена бумажка с надписью, сделанной рукой мамы: «Нэду».

60

Я листал страницы альбома-матрешки — последнего тайного подарка мамы, и все больше и больше недоумевал. К толстым листам с обеих сторон были приклеены... вырезки из газет — о преступлениях! Некоторые были из «Эхо Эджертона», но большинство — из газет, выходящих за пределами Эджертона. Почти все статьи рассказывали о нераскрытых зверских убийствах, ни одно из которых, казалось бы, не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к Стар. Растревоженный, я начал изучать подшивку более методично, и имя, которое я слышал от Хью Ковентри и Сьюки Титер, бросилось мне в глаза со строк самых первых заметок.

Заголовок над первой вырезкой гласил: «Акушерка, обвиняемая в похищении младенца, признает себя виновной». Хэйзел Янски, местная акушерка, попала под подозрение, когда администратор больницы Св. Анны обратила внимание на то, что последняя в течение минувшей декады приняла девять мертвых новорожденных. Янски привела вполне убедительные объяснения каждому случаю, однако администрация больницы попросила медперсонал понаблюдать за действиями акушерки. Две недели спустя одна из медсестер узнала, что пациентка Янски только что родила мертвого ребенка. Больничный техник рассказал медсестре, что видел, как акушерка быстро бежала вниз по черной лестнице. Медсестра тут же поспешила к служебному лифту, спустилась в подвальный этаж и увидела, как Хэйзел Янски торопливым шагом направляется к пролету ступеней, ведущих к запасному выходу. Медсестра догнала акушерку уже за дверью и успела заметить, как быстро отъехала поджидавшая на улице машина. Медсестра отвела акушерку в кабинет администрации, где под пальто последней был обнаружен младенец — вымытый, спеленатый и, вне всяких сомнений, живой. В полицейском управлении Янски созналась в участии в трех сделках по продаже новорожденных супружеским парам, неспособным либо не желавшим пройти легальную процедуру усыновления. Сообщить факт наличия сообщника либо сообщников акушерка отказалась.

Материал был датирован третьим марта тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. За четыре месяца до моего седьмого дня рождения Стар Данстэн, раскрыв утреннюю газету, узнала, что была матерью не одного ребенка, а двойни.

Днем позже в «Эхо» появилась статья под заголовком «Акушерка-похитительница признается в совершении преступления, утверждая, что действовала во благо». Хэйзел Янски помогает установить личности четырех младенцев с «черного рынка детей» и заявляет, что действовала в интересах спасения их от неблагополучных матерей. Янс-

ки также назвала имена покупателей младенцев, однако попытки отыскать следы новых родителей оказались безуспешными. «Этот факт,— далее сообщает “Эхо”,— наводит на мысли о том, что покупатели действовали под вымышленными именами».

Процесс над акушеркой начался в мае и длился три недели. Из четырех матерей, чьих детей похитили и продали, одна была убита в пьяной драке в баре; вторая, будучи пьяной за рулем, погибла в аварии, унесшей жизни еще двоих людей; третья исчезла бесследно, узнав, что ее сын жив, четвертая мать обвинила подсудимую в том, что та забрала себе все деньги вместо того, чтобы поделить с ней сумму поровну.

Присяжные признали Янски виновной и к своему вердикту прибавили рекомендацию о снисхождении. Через неделю взял слово судья. Хотя противозаконность действий подсудимой нельзя оставить без внимания, нельзя также забывать тот факт, что Хэйзел Янски выбирала младенцев тех матерей, чье поведение (и образ жизни) угрожало дальнейшей жизни малышей. Также судья пожелал учесть послужной список акушерки и пользу, которую она принесла городу. Исходя из сказанного выше, он принимает рекомендацию жюри присяжных и приговаривает подсудимую к трем годам заключения в исправительном доме Гринхэвен с возможностью условно-досрочного освобождения через восемнадцать месяцев.

Она украдала четверых младенцев и сказала их матерям, что они мертвы, эта Хэйзел Янски. Поскольку судья и присяжные решили, что акушерка действовала в интересах похищенных детей, она провела в тюрьме только восемнадцать месяцев. На фотографиях из газет Хэйзел Янски не выглядела как человек, в руки которого можно было бы верить социальную политику страны. Плотная блондинка лет тридцати пяти сердито глядела со страниц “Эхо” с едва сдерживаемой раздражительностью женщины, которая поняла, что постоянная угрюмость послужит ей куда

лучше, чем приветливая общительность, и не забывала об этом.

Мне подумалось, что суд разделял презрение подсудимой к ее жертвам. Если бы Хэйзел Янски продавала детей матерей, принадлежавших к среднему классу общества, она бы и сейчас сидела в тюрьме. А еще мне подумалось: та, убитая в баре, и та, что была пьяной за рулем,— погибли бы они, если б им не сообщили, что их дети родились мертвыми?

В вырезке из «Милуоки Джорнал» под заголовком «Двойное убийство в предместьях» рассказывалось о нераскрытых убийствах. Патологоанатомы округа Милуоки обнаружили, что причиной смерти мистера и миссис Уильям Макклор, прежде считавшихся погибшими в результате пожара, уничтожившего их дом на Сэлсбери-роуд в пригороде Эльм Грув, были множественные колотые раны. Их трехлетняя дочь Лиза Макклор погибла, как ранее предполагалось, не от асфиксии, а вследствие травматического повреждения шеи. Супруги прожили в Эльм Грув всего лишь шесть месяцев, и мало что было известно о них соседям, один из которых рассказал корреспонденту, что мистер Макклор говорил, что переехал сюда из Сент-Луиса по делам бизнеса. Ничего не известно о восьмилетнем Роберте Макклоре, племяннике мистера Макклора, который учился в третьем классе начальной школы Эльм Грув. Так и не выяснив, был ли мальчик похищен субъектами преступного нападения, полиция не теряет надежды, что ему удалось убежать до того, как преступники его обнаружили. Попытки связаться с родителями мальчика успеха не принесли, однако Торстон Лунд, шеф полиции Эльм Грув, выразил уверенность, что мы скоро услышим о племяннике.

Следующая заметка называлась «Тайна убитых супругов»:

«Расследование совершенного в среду зверского тройного убийства и поджога в Эльм Грув приняло неожиданный оборот сегодня утром, когда стало известно, что две жертвы, Уильям и

Сэлли Макклор, проживали, вероятно, под вымышленными именами. По сведениям конфиденциального источника в отделении полиции Эльм Грув, в результате проверки выяснилось, что как минимум в двух случаях прежде супруги указывали фиктивный адрес.

При покупке недвижимости на Сэлсбери-роуд и еще раз, при устройстве восьмилетнего племянника, Роберта Макклора, в начальную школу Эльм Грув, Макклоры сообщили, что предыдущий адрес их проживания был: Пуэрто-Рико, Сан-Хуан, Милафлорес, 1650, какового на самом деле не существует. В бланке регистрации Роберта Макклора в качестве его предыдущего учебного заведения была указана Сент-Луисская дневная школа, в списке учеников которой мальчик не значится.

Высокопоставленный офицер полиции Эльм Грув сообщает, что Макклоры приобрели дом на Сэлсбери-роуд через агентство “Недвижимость Статлера” за наличные. Томас Статлер, директор агентства, утверждает, что подобная сделка за наличные в округе Эльм Грув явление необычное, но не беспрецедентное.

Один местный житель описал мистера Макклора как “смуглого”, но говорящего без пуэрто-риканского акцента. Сэлли же Макклор, по его словам, говорила “с нью-йоркским акцентом”. “Мистер Макклор был каким-то странным, не похожим на здешних жителей. Он старался казаться вежливым, однако дружелюбным его вряд ли можно было бы назвать”.

В распространенном сегодня заявлении шефа полиции Эльм Грув Торстона Лунда допускается предположение о том, что убийства каким-либо образом могут быть связаны с прошлым мистера Макклора.

Мальчик, считающийся племянником погибших супругов, по-прежнему числится без вести пропавшим».

Далее следовала страница со статьей под заголовком «Убитые в Эльм Грув супруги имели криминальное прошлое», и в ней рассказывалось:

«На состоявшейся вчера вечером пресс-конференции представители отделений полиции Милуоки и Эльм Грув заявили, что ФБР установило личности Уильяма и Сэлли Макклор, убитых в прошлую среду в принадлежавшем им доме на Сэлсбери-роуд: это были Сильвэйн Букер и его “гражданская” жена Мэрилин

Фельт, укрывавшиеся от правосудия. Третья жертва, двухлетняя Лиза Букер, была их дочерью.

Чарльз Туми, агент отделения ФБР в Милуоки, заявил, что по делу Букера и Фельт велось серьезное расследование в Филадельфии, округ Пенсильвания. “Со дня на день ожидался арест обоих,— сообщил агент Туми.— Мы полагаем, что их предупредили. Они попытались скрыться, их настигли, но настигли не наши люди”.

Агент Туми не смог объяснить цель или причину пребывания в семье восьмилетнего племянника “Роберта Макклора”. Он сказал: “Мы продолжаем рассматривать мальчика как важного свидетеля”.

В следующей заметке из «Миннеаполис Стар-Трибюн» сообщалось об убийствах в своей собственной квартире Филиппа и Леонайды Данбар, четы пенсионеров, которых соседи охарактеризовали как «замкнутых людей». Полиция выражает уверенность в том, что преступники будут в кратчайшее время задержаны.

«Загадка отделения полиции» из Оттумва, Айова, рассказывает еще об одном таинственном происшествии. Офицер полиции по имени Бойд Бернс заметил мальчика лет одиннадцати-двенадцати, болтающегося по ярмарочной площади, и заподозрил в нем очередного беглеца из дома. Когда полицейский подошел к мальчику, тот отказался сообщить ему имя и домашний адрес. «Он вел себя не как обычный беглец,— рассказал Бернс.— Во всяком случае, держался он довольно нахально. Я отвел его в участок, усадил и сказал, что родители, наверное, с ума сходят от волнения».

Когда мальчишку попросили вывернуть карманы, выяснилось, что у него с собой более четырехсот долларов. Заподозрив неладное, Бернс снял у него отпечатки пальцев — и, к своему удивлению, обнаружил, что его отпечатки лишены характерного пальцевого узора. На вопрос об этой аномалии мальчик ответил, что отпечатки пальцев ему не нужны.

«Я было подумал, что он надо мной потешается,— рассказывал Бернс,— и попросил назвать хотя бы имя, а он ответил, что я могу называть его “Краснокожий Оттумва”. Должен признаться, его ответ вызвал у меня улыбку. Я спросил, не голоден ли он, и пацан сказал, что не отказался бы от гамбургера. В общем, я усадил его в дежурке и велел как минимум полудюжине парней не спускать с него глаз, пока не вернусь». Бернс отправился в «Бюргер Вупер», что в квартале от участка. «За мгновение до того, как мне войти в кафе, я услышал громкий свистящий звук. Я повернулся и увидел, что отделение полиции на пару секунд погрузилось в темноту».

Бернс побежал обратно. Дежурный сержант и офицеры, находившиеся в приемной, лежали на полу и стонали. Из камер доносились стоны задержанных. «Мои друзья, что были в дежурке, они все пропали, просто-напросто исчезли. Дело напоминало происшедшее с “Марией-Селестой”^{*}. Мальчишка, разумеется, тоже исчез».

Когда Бернса спросили, что он думает по поводу случившегося, офицер ответил, что, скорее всего, мальчик был инопланетным существом. «Ну, например, из другой галактики. Потому как у всех людей на Земле имеются отпечатки пальцев, а у пацана их не было. Одно хорошо: я рад, что этого парня в Оттумве больше нет».

В Ленсинге, штат Мичиган, под обломками взорвавшегося дома погибли тринадцать человек. Три супружеские пары были зарезаны в своих собственных домах. Вырезка на следующей странице была об убийстве двух молодых женщин, путешествовавших автостопом через Вермонт. Я выключил свет и повалился на кровать, не раздеваясь.

^{*} «Мария-Селеста» — парусная шхуна, найденная дрейфующей в море в 1872 году, команда которой таинственным образом исчезла. Самое удивительное то, что легендарный корабль не раз встречали даже в XX веке. Предполагалось, что это мираж, возникающий в преддверии бури в результате особого рода атмосферных катаклизмов.

Сны-путы и сны-гири приковали меня к постели. Удерживаемый в плену сознания Мистера Икса, я видел дверь сквозь дымку легкого ночного тумана; я видел лезвие ножа, мужчину с густым загаром, поднимавшегося с нахмуренным лицом из кресла. Когда он открыл дверь, Мистер Икс скользнул в дом и сказал:

— Мистер Букер, у вас есть нечто, принадлежащее мне.

«Нечто» — это я? Нет: «нечто» уже здесь нет, «нечто» успело скрыться.

Букер упал на колени, и Мистер Икс плавно скользнул ему за спину и перерезал горло.

«Нет,— подумал я,— это был Анскомб...»

Нет, это был Фрэнк Синатра, он пел: «Борись... борись... борись... Изю все-е-е-х сил...»

Это не было инсценировкой с участием Мистера Икса, напавшего на человека по имени Сильвэйн Букер и унесшего меня,— это было то, что произошло, когда пел Фрэнк Синатра и когда воздух был напоен запахом сосновой хвои, и людей звали...

Большая черная кошка и белый кролик лежали на полу. В зеркало передо мной вплывал уродливый силуэт человека, трясущегося от злобного смеха. Объятый ужасом, я разорвал путы, сбросил гири и — проснулся. Я стоял у кровати, прижав ладони к глазам.

Матрешка подсказала мне деталь, которая объясняла все, что я был готов понять. Почти все заметки были опубликованы за день-два до двадцать пятого июня. Я навещал убитых супругов вместе с Мистером Иксом — я видел, как их убивали. Стар собрала эти истории, потому что боялась... Боялась, что за ними стоял Роберт? Или Райнхарт? Она думала, что Роберт унес жизни полдюжины полицейских в Оттумве, штат Айова, и убил двух молодых женщин, пу-

тешествовавших автостопом по Вермонту. Газеты поведали ей о том, что ее второй сын блуждал неприкаянным по свету, мотался от одной трагедии к другой, как взбесившийся призрак.

Роберт отправил Эшли Эштон в отель «Комфорт», потому что знал: я буду там. На следующий день, переслав с Эшли, он спас меня от многих лет тюрьмы.

Чувствовал я себя так, будто сам был матрешкой, прячущей секреты внутри секретов, которые, в свою очередь, вели к непостижимой тайне. Роберт, Эдвард Райнхарт. Я не в силах был понять это. Как и не в силах был продолжать подвергать опасности Лори Хэтч. Я решил выйти из дома и бродить по улицам, пока усталость не загонит меня снова в кровать.

Когда я шагнул за порог, в окне мелькнул и скрылся за занавеской бледный овал лица моей хозяйки. Я резко закрыл за собой дверь, насладившись ее громким хлопком. Я хотел выпить. И может даже, не раз.

Какой-то беспокойный уличный шум усилился, когда я прошел некоторое расстояние по Честер-стрит. Время достаточно раннее — ни один нарушитель спокойствия в Хэтчтауне еще не добрался до своей койки. *Я не желал быть игрушкой Роберта.* Мне противна сама мысль о том, что он манипулировал мной, направляя меня, планировал мою жизнь. Но зачем, зачем? Я остановился, шокированный самым очевидным вопросом.

Ответ пришел, когда я вспомнил: *«Мистер Букер, у вас есть нечто, принадлежащее мне».*

Раз в год Мистер Икс выходил на поиски Роберта, моей тени. Родство, о котором я не знал ничего, погнало сегодня меня — тень своей тени — на поиски. Стар и Роберт встречались по меньшей мере дважды — напротив магазина Бигмэна и недалеко от дома Нетти; несомненно, были и другие встречи. Возможно, Стар каким-то образом удавалось не подпускать к себе Мистера Икса. День нашего рождения будет вскоре после ее похорон, и Роберт не может

принять ежегодный вызов Мистера Икса в одиночку. Он спас мне жизнь, потому что я ему нужен.

А он мне не нужен. Пусть Роберт отправляется ко всем чертям. Я был бы очень рад, если б Мистер Икс уничтожил его.

Кипя от ярости, я сделал шаг вперед, и меня вдруг осенило: тот, по кому я так тосковал на протяжении всей жизни, был тем самым существом из сна — тем самым, кого я только что приговорил к смерти. От наплыва чувства, описать которое можно только словами «острая тоска», я едва не рухнул на колени. Каждая клетка моего тела взывала к воссоединению с частью, когда-то оторванной от него. И вновь, как в детстве, только с еще большей, взрослой болью, я почувствовал себя отрезанной половиной, истекающей кровью и умирающей от желания воссоединиться с тем, кто вернет мне ощущение целостности.

«Это безумие... — подумал я. — Ты чувствовал в точности то же самое, когда тебе было три года».

Страшная, всепоглощающая тоска понемногу улеглась, спрятавшись под зарубцевавшейся тканью старого шрама, и вновь передо мной протянулась вереница фонарей Честер-стрит, такой мирной и пустынной в прохладном ночном воздухе. Шел четвертый час воскресного утра Эд-жертона. Если я нужен Роберту, чтобы одержать победу над Мистером Иксом, я помогу ему, — а может, и нет, в зависимости от того, как буду чувствовать себя в тот момент. Но я был здесь, потому что здесь был он: Роберт вывел меня на тропинку, ведущую от Эшли Эштон к Лори Хэтч.

Мысли мои переключились на Лори. Продолжая с тревогой размышлять о ее судьбе, я дошел до Мерчантс-парка и решил попить из прославляющего ее мужа фонтанчика. И только сейчас обратил внимание на вспышки мигалок патрульных машин и «скорой» напротив «Дома Кобдена». Голоса, которые я слышал в начале прогулки, доносились из толпы в конце парка и от людей, небольшими группами стоявших под деревьями.

Коротышка с выбивающимися из-под кепки непослушными выющимися вихрами помахал мне со скамейки коричневым пакетом. Я подошел и сел с ним рядом.

— Привет, Пайни. Что тут такое?

— Черт его знает. Похоже, какая-то заварушка в «Доме Кобдена».

Еще две патрульные машины с воем завернули на улицу Паромщика. На верхних ступенях парамедики «скорой» разговаривали с седоволосым мужчиной, на чье усталое лицо падали розовые и красные сполохи мигалок патрульных машин. Как привальный брус причала, выпирал его живот над поясом брюк.

— Капитан Мьюллен,— узнал я.

— Ага, твой приятель. Хочешь глоточек?

Что там у него было в бутылке, не знаю, но на вкус — как сигарный дым.

— Всего лишь немножко бургундского местного розлива, думал, тебе понравится.— Пайни захихикал и взмахнул рукой с бутылкой.— Мой старый дружок, Эрвин Лик по прозвищу Трубач, был профессором в Альберте, а закончил последним дерьмом, так вот, он частенько говорил: «За тенью следуем — она все убегает; лишь отойдем — за нами тень бежит». Кто автор, знаете?

Я покачал головой.

— Бен Джонсон. «Внимаю все смутней. Не раз желал я тихой смерти поступь полюбить, ее, бывало, ласково я звал в ночи мое дыханье растворить». А это Джон Китс*.

Мне безумно захотелось поскрести в затылке.

— Последнее время люди считали Трубача бездельником и попрошайкой. Всем было до лампочки, когда Черная Смерть прикончил его.— Пайни вытер глаза и рывком поднялся со скамейки.

Неуклюжей, шаркающей походкой он двинулся восвояси, а я последовал за ним через толпу к выходу из парка. Мужчина в черной кожаной куртке глянул на меня и отвел глаза. Френчи Ля Шапеля выгнали из его норы.

На той стороне улицы Паромщика по фронтону «Дома Кобдена» все метались сполохи света от мигалок полицейских машин. Капитан Мьюллен стоял напротив полуоткрытой двери и разговаривал с женщиной в синем костюме, который выглядел так, будто мечтал проснуться и понять, что все происходящее ему приснилось.

— А кто это с Мьюлленом?

Крепко сбитый парень с зачесанными назад блестящими черными волосами сказал, что это шеф службы безопасности Хэтчей Фрэнк Холланд.

— Е-мое, кого я вижу, Брюс Макмикен! — воскликнул Пайни.

— Е, да не твое,— отвечал Брюс.

— Кто-то влез в «Дом Кобдена»?

Брюс Макмикен покосился на меня. Напоминающее плиту лицо делало его похожим на бармена или патрульного:

— Один коп сказал, там все здорово загадили. Раздолбали компьютеры. Отмолотили охранника — отсюда и «скорая».

— Старенького такого? Я видел его здесь на днях.

— Ну да, Эрла.

— Не люблю я этого Эрла,— сказал Пайни.— Строит из себя крутого.

— Да нет, он просто нелюдиный,— возразил Брюс.— Зато не дрыхнет на скамейках, как ты.

Пайни вяло хихикнул, будто услышал комплимент.

— А вот и босс.

Коренастый мужчина в синей рубашке, защитного цвета шортах и мокасинах на босу ногу выскочил из дверей и начал давать распоряжения. У него было широкое началь-

* Орывок из «Оды соловью», перевод И. Дьяконова.

ственное лицо и короткая стрижка не заслуживающего доверия сенатора.

— Стюарт Хэтч?

— Самый главный из хэтчтаунских Хэтчей,— сказал Пайни.

Парамедики понесли через дверь носилки, и трое мужчин, дав им дорогу, спустились со ступеней на лужайку. Одеало чуть сползло, открыв разбитое лицо Эрла Сойера. Глаза были закрыты, и струйка крови пересекала его щеку, как прилипшая красная ленточка. Лейтенант Роули спустился по ступеням вслед за носилками и подошел к капитану Мьюллену. Стюарт Хэтч забрался в «скорую» после парамедиков.

Брюс, Пайни и я перешли на тротуар. Парамедики переложили бесчувственного охранника на каталку. Фрэнк Холланд неторопливо подошел к задней двери «скорой».

— Этот наложил в штаны конкретно,— прокомментировал Брюс.— У них же тут система безопасности самая наикрутейшая. Муха сядет на абажур, и услышишь сирену.

Холланд отвернулся от «скорой», из машины выпрыгнули Хэтч и один из парамедиков. Парамедик захлопнул дверцы и рысцой направился к водительской двери.

— Кстати,— прошептал Пайни,— это был не ты, а?

— Я? — Я решил, что он говорит об Эрле Сойере и «Доме Кобдена».— Я ж только что подошел.

— Да нет, я о той заварушке, в пятницу ночью.

— Нет,— покачал я головой,— не я.

Пайни похлопал меня по локтю. «Скорая» вырулила на Торговую. Стюарт Хэтч методично тыкал указательным пальцем в грудь Фрэнка Холланда.

Брюс Макмикен сказал: «Адъёс, амигос»,— и растворился в растекающейся толпе.

Я заметил, что лейтенант Роули увидел меня. Он нагнулся к Мьюллену. Без особой радости Мьюллен посмотрел на меня. Я кивнул.

Стюарт Хэтч обвел взглядом зевак.

— Давайте по домам! — крикнул он им.— Концерт окончен.— Взгляд его остановился, зацепившись за меня.

«Остановился» не совсем подходящее слово. Когда глаза Стюарта Хэтча встретились с моими, они расширились, будто от шока узнавания, который мгновенно сменился тем, что напоминало ненависть.

«Он выследил нас,— подумал я.— Он видел наши фотографии с Лори».

— Похоже, открыток к Рождеству ты не дождеешься,— проговорил Пайни.

Толстые, уже успевшие загореть ноги Хэтча понесли его к Роули и Мьюллену. Он сунул сжатые кулаки в карманы шорт и, вздернув голову, что-то заговорил Роули в ухо.

Роули уставился на меня своими безжизненными глазами на мертвом лице. Хэтч убрался внутрь «Дома Кобдена», шеф службы безопасности поспешил за ним.

Роули выглядел довольным настолько, насколько вообще может выглядеть довольным такой тип, как он. Ему уже больше не надо было притворяться моим лучшим другом. Пайни исчез. Несколько человек, стоявших рядом со мной, быстренько разошлись, когда Роули перешел улицу, остановился передо мной и выдохнул переработанный легкими сигаретный дым.

— Рад встрече, лейтенант,— сказал я.

Роули огляделся по сторонам. Его лицо, так похожее на лицо трупа, вновь повернулось ко мне, и тени подчеркнули складки, разрезающие его щеки.

— Ты еще тупее, чем я думал. Что тебе нейдет, Данстэн?

— Бессонница,— ответил я.— Вышел прогуляться, вижу — что-то случилось, подошел.

Он шагнул вперед, выпуждая меня отступить:

— У тебя два выхода. Автобусная остановка — на Грейс-стрит, два квартала от Центральной площади. Это первый.

Второй — побыть где-нибудь здесь поблизости и завтра утром ждать нас в гости.

— Вам Хэтч велел так сказать, лейтенант?

Роули ударил меня в живот, ударил крепко. Из меня будто вылетел весь воздух, и я, шатаюсь, попятился. Он нанес мне удар в висок и сбил на траву. Силась глотнуть воздуха, я попытался откатиться. Роули подскочил ко мне и врезал ногой под ребра. Затем присел на корточки и нанес тяжелый удар в голову.

— Кто-то что-то сказал, а?

Мне удалось вздохнуть:

— Все-все, я вас понял.

Полицейские на другой стороне улицы повернулись к нам спиной.

Роули поднялся и собрался уходить.

— Секундочку,— прохрипел я.

Он уперся ладонями в колени и наклонился ко мне. Лицо его было черной невыразительной маской.

Я сделал еще один глоток воздуха:

— Когда я открыл пакет, мне показалось, мы с вами договорились.

— Договорились.

— Я подумал, сотня баксов — надежная страховка от ударов в голову.

Роули резко выпрямился и зашагал прочь.

Когда я вставил ключ в скважину замка входной двери, я почувствовал чей-то взгляд и глянул через плечо, ожидая увидеть Роули, зовущего меня на заднее сиденье патрульной машины. Однако увидел я Френчи Ля Шапеля, семенящего по Честер-стрит. Френчи сначала сверился с номером дома, затем опустил глаза на меня. Держа руки в карманах куртки, он лениво подошел к краю тротуара и посмотрел в конец улицы, будто поджидал машину. Еще раз глянул в мою сторону, засеменял дальше и шмыгнул за угол — в щели Хэтчтауна.

В десять утра воскресенья, когда я пытался уговорить Лори Хэтч привезти Поузи сюда за «мерседесом», в мою дверь постучали. «Ко мне пришли»,— сказал я в трубку.

— Избавься от них поскорее и приезжай ко мне. Я накормлю тебя потрясающим вторым завтраком.

Снова раздался стук — на этот раз тройной.

— Слушай, это, наверное, тот коп, что не пылает ко мне любовью.

— Положи трубку рядом с аппаратом ипусти его, а я смогу уснуть, если что случится. А потом дай ему понять, что ты говоришь со мной.

Из-за двери подала голос Хелен Джанетт:

— Мистер Данстэн, если вы не откроете, я это сделаю сама.

За спиной моей домовладелицы маячили капитан Мьюллен, лейтенант Роули, офицер Трехэфт, живой тотемный столб, приходивший тогда к Нетти вместе с Роули, и собственной персоной Стюарт Хэтч, стоявший так близко к Роули, что они могли бы взяться за руки. На Стюарте были белые брюки, рубашка поло с поднятым воротником и двубортный блейзер. Для полного набора не хватало только кепочки яхтсмена.

— Последняя капля, мистер Данстэн,— сказала Хелен Джанетт и, тяжело ступая, удалилась.

— Вы позволите войти? — попросил капитан Мьюллен.

— Проходите, пожалуйста. Я говорю по телефону.

Четверо мужчин протиснулись мимо меня в комнату. Стюарт Хэтч отправился в обзорную экскурсию по моим апартаментам, ухмыляясь на ходу увиденному, трое других наблюдали за тем, как я сел на кровать и взял в руку трубку телефона.

— Придется закончить разговор. Ко мне пришли капитан Мьюллен, лейтенант Роули, офицер Трехэфт и некий джентльмен, как мне кажется, мистер Стюарт Хэтч.

— Там Стюарт?

Хэтч обернулся, услышав свое имя:

— С кем это вы говорите?

— Со своим адвокатом,— ответил я.

Хэтч взглянул на Мьюллена:

— Я расцениваю это как признание виновности.

— Великий Рой Козн,— сказал я.— Немножко мертвый, немножко заплесневелый, но по-прежнему чертовски порочный.

Мьюллен улыбнулся, а Хэтч метнулся к платяному шкафу и распахнул дверцу.

— Отойдите-ка, мистер Хэтч,— велел Мьюллен.

— Хочешь, я поговорю с ним,— предложила Лори.

— Думаю, не очень хорошая мысль,— ответил я и повесил трубку.

— Мьюллен, я требую, чтобы этого человека арестовали за угон автомобиля,— заявил Хэтч.— И на этот раз придержите его в камере, пока мы поработаем над другими обвинениями.

— Присядьте, пожалуйста, мистер Хэтч,— вновь попросил Мьюллен, бросив раздраженный взгляд на Роули.— Вы заинтересованная сторона, а не офицер полиции.

— Капитан, мистер Хэтч в настоящий момент — потерпевший,— вмешался Роули.

Мьюллен не отрывал глаз от Хэтча до тех пор, пока тот не опустился на стул у окна.

— Мистер Данстэн,— обратился ко мне Мьюллен.— Вы позволите нам произвести в вашей комнате обыск?

— Пожалуйста,— сказал я.— Но если вы ищете «мерседес» мистера Хэтча, то напрасно потратите время: его здесь нет.

Трехффт расстегнул молнию моего рюкзака и вывернул его над кроватью. Роули выдвинул ящики комода и начал рыться в моих носках и нижнем белье.

— Мистер Данстэн,— обратился ко мне Мьюллен.— Это вы взяли «мерседес-500SL» из гаража частного дома по адресу: Блюберри-лейн, 4825, в Эллендейле между по-

луночью и двумя часами ночи и, перегнав его на Гарри-стрит, припарковали за углом этого дома?

— Да он, кто еще! — выпалил Стюарт.

— Я, кто же еще,— в тон ему ответил я.— По просьбе миссис Хэтч.

— Спросите его сначала, что он там делал.

Мьюллен перевел взгляд на меня. Я рассказал:

— Миссис Хэтч пригласила меня на ужин. Машины у меня нет, поэтому она приехала сюда за мной. Во время и после ужина мы выпили несколько бокалов вина. Поздним вечером она предложила мне вернуться на машине, которую ее муж оставил в гараже.— Я внимательно посмотрел на Хэтча.— Замечательная машина, мистер Хэтч.— Его глаза побелели. Повернувшись к Мьюллену, я продолжил: — Сегодня утром я предложил миссис Хэтч привезти сюда Поузи, их няню, чтобы та перегнала «мерседес» обратно в Эллендейл.

— Поузи.— Хэтч будто произнес название смертельно ядовитого насекомого.

— Вы обратили внимание, у этого парня всегда в запасе алиби, которое ему обеспечивают женщины? — Роули подошел к кровати.— С какой целью вы спрятали машину?

— Я ее не прятал. Припарковался за углом, чтобы моя квартирохозяйка не видела, что я приехал на «мерседесе».

Роули взял в руки подшивку и бросил ее обратно на стол:

— Ключи у вас?

Я вытаскивал ключи из кармана и протянул их Мьюллену, который взглянул на Стюарта Хэтча.

— Вы хотите, чтобы мы позвонили вашей жене? Лично я не вижу в этом смысла.

— О'кей,— сказал Хэтч.— Не будем терять время и перейдем к делу.

Поднявшись со стула, он пошел вперед с вытянутой рукой. Я протянул ему руку с ключами. Хэтч подошел ближе, чем я ожидал, и ухватил меня за запястье. Выхватив ключи правой рукой, он резко сунул их в карман и наклонился

над моей ладонью, словно желая рассмотреть отпечатки моих пальцев.

— Отпустите его,— велел Мьюллен.— Сейчас же.

Хэтч выпустил мое запястье и вытер ладони о белые брюки.

— «Пальчики» мистера Данстэна у нас уже есть,— сказал капитан Мьюллен.— И если вы еще раз проявите инициативу, мистер Хэтч, я велю офицеру Трехэфту вывести вас отсюда.

Я припомнил, что офицер Бойд Бернс рассказал репортеру о «Краснокожем Оттумве», и слова Роули молодому полицейскому: «Совсем гладкие? Без папиллярных линий?»

Я вдруг понял, что знаю того, кто волился в «Дом Кобдена» и избил пожилого охранника, и от этого у меня все похолодело внутри. Стюарт Хэтч показал на меня пальцем:

— Этот человек в стоворе с моей женой, точно! Кто возил его в город? В компании с кем его видели, а?

— А вы, должно быть, в отчаянии...— посочувствовал я.

— Сколько они платят тебе? — не унимался Хэтч.— Или ты претендуешь на что-нибудь, кроме денег?

— Вы двое, заткнитесь! — скомандовал Мьюллен и повернулся ко мне.— Вы имеете какой-либо интерес к легальной деятельности мистера Хэтча?

— Ни малейшего.

— Ваши взаимоотношения с помощником прокурора Д. Э. Эштон и мисс Хэтч имеют исключительно дружеский характер и получили развитие в результате случайной встречи?

— Совершенно верно,— кивнул я.

— На наш взгляд, как вы понимаете, это недостаточно правдоподобно. Если вы не питаете никакой враждебности по отношению к мистеру Хэтчу, тогда почему же в пятницу вечером вы изо всех сил старались оскорбить его друга и компаньона мистера Милтона?

— Мистер Милтон оскорбил меня первым. Можете спросить у привратника.

— И вы не имеете никакого отношения к вторжению в «Дом Кобдена» сегодня ночью?

— Могу поделиться с вами, что именно интересует меня во всем этом,— сказал я.— Например, почему мистер Хэтч велел лейтенанту Роули приказать мне убираться из города и избить меня в случае, если я не проявляю желания повиноваться.

Голос Хэтча был низким и сдержанным:

— Я не давал приказов Роули, потому что Роули *не подчиняется* моим приказам.

— Лейтенант — крутой парень, когда дело доходит до приказов.— Мьюллен все больше и больше становился похожим на ирландского бармена.— Вы поссорились с мистером Данстэном, лейтенант?

Мертвые глаза Роули встретились с моими:

— Я ему просто втолковал, что не следует никуда уезжать.

— И долго мы будем слушать этот бред? — спросил Хэтч.

Мьюллен пристально и с любопытством смотрел на Роули, а Роули делал вид, что не замечает.

— Мистер Данстэн, не хотите ли прокатиться с нами до Святой Анны? Мистер Соьер, охранник, пострадавший в результате ночного нападения, содержится в отделении интенсивной терапии. Если вы откажетесь, вас отвезут в отделение полиции, вы вновь пройдете процедуру допроса, а затем вас уже под конвоем доставят в больницу. Если поедете туда сейчас с нами, мистер Соьер либо опознает вас, либо освободит от подозрений.

— Я поеду,— сказал я, надеясь, что охранник не успел как следует рассмотреть Роберта.— Однако вам следовало бы знать, что мы с мистером Соьером перекинулись парой слов, когда в пятницу вечером он открывал дверь и входил в «Дом Кобдена».

Роули и Хэтча прорвало. А потом еще и еще — после того, как я объяснил, каким образом у нас с Соьером за-

вязался разговор. Я готовился к взлому «Дома Кобдена», я все спланировал заранее, и теперь любое опознание можно будет опротестовать.

— Посмотрим, что скажет потерпевший.— Мьюллен открыл дверь.

— Это я здесь потерпевший,— сказал Хэтч.

И вышел из комнаты, как генерал во главе своего войска.

65

Трехэфт открыл заднюю дверь патрульной машины, и Мьюллен жестом предложил мне садиться. Стюарт Хэтч подошел и встал рядом с Мьюлленом.

— Сдается мне, мистер Хэтч, вы хотели забрать свой «мерседес»,— сказал ему Мьюллен. Что-то проворчав, Хэтч ретировался. Мьюллен вместе со мной забрался на заднее сиденье. Роули сел рядом с Трехэфтом, поерзал, устраиваясь на переднем пассажирском месте, обернулся ко мне и оскалился: — Что вы там искали? Ваша подружка леди Д. Э. дала вам перечень документов?

— Это был не я, лейтенант,— ответил я.

— Вы ж компьютерщик?

— Я знаю, как создавать программы. Если и существует то, в чем можно обвинить Стюарта Хэтча, то мне это неизвестно, да и не такой он дурак, чтобы хранить компромат на жестком диске.

— Так, а теперь давайте успокоимся,— сказал Мьюллен,— и очень постараемся, чтобы все у нас прошло гладко.

Роули нажал на кнопку вызова лифта; в знакомом коридоре собрались несколько пар. Я чувствовал себя так, будто время вернулось назад; все, даже посетители в своих шортах и футболках, выглядели абсолютно так же, как и в прошлый раз. Стоявшие рядом с нами люди узнавали Стюарта Хэтча. Как кинозвезда, он явно привык к этому. Купаясь

в лучах славы Хэтча, мы прошествовали через распахнувшиеся настежь двери. Сестра Цвик вытаращила глаза на Хэтча и часто-часто заморгала, увидев меня, однако вместо того, чтобы отправить нас мыть руки, она выметнулась из-за конторки и повела нас в дальний конец палаты.

Желтая лента преграждала вход в бокс, где прежде томился презренный Клайд Прентисс. Подсохшие лужицы крови заляпали пол. Я спросил, что случилось.

— Это было ужасно,— сказала сестра Цвик.— Мистер Данстэн, я так сожалею о вашей матери...

К нам подошла Джун Кук и спросила:

— Как я понимаю, вы к мистеру Сойеру? Я бы хотела узнать, с какой целью.

— Мы хотим, чтобы он взглянул на мистера Данстэна,— сказал Мьюллен.

Старшая сестра нерешительно покачала головой.

— Состояние мистера Сойера стабильное, однако вследствие сильного удара у него по-прежнему двоится в глазах. Я настоятельно советую вам подождать еще двадцать четыре часа.

— А мой врач утверждает, что он достаточно здоров, чтобы провести опознание,— заявил Хэтч.— Полагаю, вы знаете, кто я. Также думаю, вам знакома репутация доктора Диэборна.

Джун Кук осталась такой же отважной, какой я ее помнил:

— Полагаю, любой на этом этаже знает вас, мистер Хэтч. И я глубоко уважаю доктора Диэборна, однако его вывод был сделан на основании телефонного разговора.

— Который позволил ему заключить, что Сойер в состоянии участвовать в процедуре опознания.

Глаза Джун Кук метнулись ко мне, затем — назад, к Хэтчу:

— Можете провести с моим пациентом десять минут. Однако если он произведет опознание в его теперешнем состоянии, мне придется сообщить об этом в суде.

Хэтч улыбнулся.

Я спросил ее, что случилось с Клайдом Прентиссом.

— Мистер Прентисс скончался от ножевых ран, — сказала она. — Никто ничего не видел. Друзья мистера Хэтча в полиции, похоже, так же озадачены происшедшим, как и все мы.

— Подумать только, образцовая больница и — такое, — покачал головой Хэтч.

Джун Кук прошла за ширму. Трехэфт подчинился безвучной команде Мьюллена и остался снаружи, когда сестра выглянула и помахала нам рукой.

Лежавший в постели старик встретил наше вторжение взглядом блестящих глаз, окруженных синяками и кровоподтеками. Конусообразная конструкция была прилеплена пластырем над его носом, а рот напоминал перевернутую букву «U». Он вертел глазами, наблюдая за тем, как Мьюллен и я подходили с одной стороны кровати, а Хэтч и Роули — с другой. Интересно, подумал я, сколько человек он видит.

— Спасибо, что навестили, мистер Хэтч.

Хэтч попытался потрепать его по руке.

Сойер убрал руку.

— Пару часов назад я говорил с вашим врачом. Он хочет, чтобы я поехал в Лаундэйл, но единственное, куда я хочу поехать, — это домой. Знаете, сколько в сутки стоит место в этом отделении?

— Эра, о ваших расходах позаботимся мы, — сказал Хэтч. — Ни о чем не беспокойтесь. Мы что-нибудь придумаем.

— У меня нет медицинской страховки и пенсионного плана*. Если вы, как говорите, готовы что-нибудь придумать, давайте это обсудим сейчас, при свидетелях. Откуда мне знать, может, я вас больше никогда не увижу?

* Инвестиционный договор, заключаемый между работодателем и служащим, по которому служащий получает определенный доход после выхода на пенсию.

— Эра, сейчас не время о работе. — Хэтч ухмыльнулся двум копам. — Мы хотели бы, чтоб вы взглянули на человека в голубой рубашке, что с другого бока кровати, и сказали нам, что вы его узнаете.

— Вы употребили слово «работа», — сказал Сойер. — Учитывая, что меня ранили на работе, о чем речь? Вы согласились покрыть медицинские издержки. Лучше было бы, конечно, договориться о медицинской страховке, однако я не жалуюсь. По правде говоря, я очень благодарен.

— Спасибо, — сказал Хэтч. — Итак, приступим к делам насущным?

— Дела насущные — это то, о чем я вам сейчас толкую. Я пятнадцать лет отдал вам, а потом является какой-то тип и, мать-перемать, выбивает из меня дух вон. Мне шестьдесят пять. Знаете, как было бы по справедливости? Пожизненная пенсия в размере семидесяти пяти процентов от моего оклада.

— Эра, мы не можем...

— Есть другой вариант. Единовременная выплата в двадцать пять тысяч долларов. Думаю, вам это по карману.

Хэтч поднял глаза к матовому потолку палаты.

— Знаете, Эра, я, честно говоря, не готов к переговорам такого рода. — Он вздохнул. Мьюллен и Роули глядели на него. — Если вы думаете, что подобное соглашение вас устроит, считайте, что оно достигнуто. Это наименьшее, чем я мог бы отблагодарить вас за все годы службы.

Сойер кивнул ему.

— Я рад, что мы договорились, мистер Хэтч. Вы оплачиваете мои медицинские счета, а чек на двадцать пять тысяч будет меня дожидаться на столе в вашей приемной... Когда же? В воскресенье? Нет, в среду утром.

Сдаваясь, Хэтч поднял руки:

— Эра, мне бы следовало взять вас в свою команду. Хорошо, в среду утром.

— Я был в вашей команде, мистер Хэтч. За это вы мне и платите. Кого я должен опознать? Его?

Хэтч отошел от кровати, качая головой. Мьюллен сказал:
— У вас была возможность хорошенько рассмотреть его, Эрл, но мне бы хотелось, чтобы вы еще раз сделали это и сказали нам, напоминает ли он человека, напавшего на вас в «Доме Кобдена».

Эрл Соьер, прищурившись, взглянул на меня:

— Подойдите ближе.

Из темных гнезд, окруженных кровоподтеками, глаза старика сверкали злобой:

— Нагнитесь.

Я склонился над ним.

— Это с тобой я разговаривал пару дней назад? Когда открывал дверь?

— В пятницу вечером,— кивнул я.

— Мистер Хэтч дал согласие на наш с ним уговор, слышал?

— Слышал.

— Это не он,— сказал Эрл.— Я же говорил вам, я едва разглядел того парня. Однако это другой.

— У вас двоится в глазах? — спросил Роули.

— Значит, я вижу двух других парней. А еще я вижу двух вас, однако знаю наверняка, что вы сукин сын по имени Роули.

— Эрл ломает комедию,— подал голос Хэтч.— У него не зрение не в порядке. Он заставил нас сюда притащиться, чтобы выторговать себе пенсию.

— Он видит достаточно, чтобы снять подозрения с мистера Данстэна,— возразил Мьюллен.

— Вы не могли бы позвать медсестру? Мистер Хэтч, я хотел бы, чтобы вы подписали письменное соглашение.

Когда я вышел из бокса, Джун Кук коротко победно улыбнулась мне и сказала:

— Я слышала требование пациента.— Она наклонилась над листком бумаги и достала ручку из кармана зеленой рубашки.

Пока Хэтч отказывался от двадцати пяти тысяч долларов в пользу Эрла, мы четвером пошли к выходу из отделе-

ния. Я вновь взглянул на залитый кровью пол в опечатанном боксе Прентисса. Все напоминало мне услышанное в последние дни, но что конкретно — припомнить не удавалось. Мьюллен тоже смотрел на пятна крови, и я спросил, как скоро его люди закончат работу.

— Здесь, что ли? — переспросил он.— Роули, мы тут закончили?

— Я пришаю человека,— буркнул тот.

— Суконная Башка Спелвин,— сказал я.— Не зря мне показалось, что все это что-то напоминает.

Капитан Мьюллен медленно повернул голову и взглянул на меня с плохо скрываемым изумлением.

— О чем это вы? — спросил Роули.

— Старая песенка, но еще популярная.— Мьюллен продолжал изумленно смотреть на меня.— Ну-ка, ну-ка, поподробнее?

— Кажется, это Спелвина прирезали в его собственной камере? И убийцу не заметили ни охрана, ни остальные заключенные.

— Хитро сработано, а? — сказал Мьюллен.

— Странное дело, все шито-крыто. Вы закрыли его как самоубийство, правильно?

— Именно так оно и было закрыто,— ответил Мьюллен, по-прежнему не сводя с меня глаз.

Откинув полог бокса, вышел Стюарт Хэтч. Его лицо было каменным от ярости. Пока ждали лифта, все молчали, и это арктическое безмолвие продолжалось, пока мы спускались бок о бок с незнакомыми полутчиками на первый этаж.

Вместо того чтобы рвануться из лифта через стоящих перед ним людей, Хэтч подождал, пока они выйдут, и кивнул мне, чтобы я шел первым. Я было подумал, что он собирается вернуться и разорвать подписанный договор, однако, дождавшись, пока лифт опустел, Хэтч вышел в коридор. На мгновение он прижал ладони к лицу, словно пряча в них гнев или пытаясь его удержать.

Хэтч опустил руки. Глубоко вздохнул:

— Никак не ожидал такого от старого ублюдка.

Его лицо исказилось усмешкой, и он хихикнул. И тут же безудержно расхохотался. Я бы не так поразился, начини он раздавать направо и налево стодолларовые банкноты. Следом начали хохотать и мы все. Трехэфт гоготал низким басом, Роули вносил вклад монотонным звуками, напоминавшим первые прикосновения ребенка смычком к скрипке.

— Старина Эрл, — выдавил Хэтч, задыхаясь от смеха. — Он *надул* меня! Он — партизан! — Откинув голову, Хэтч разразился новым приступом хохота.

Должен признаться, это разоружило и успокоило меня. Несмотря на все, что я знал или думал о Стюарте Хэтче, в этот момент я не мог не симпатизировать ему. Его способность смеяться над самим собой переводила этого человека в категорию совершенно иную, чем та, к которой принадлежали надутые гады типа Гринвилла Милтона.

Хэтч вытер глаза тыльной стороной ладони, все еще вздрагивая от смеха:

— Ладно. Век живи — век учись. Могу отвезти мистера Данстэна домой. Вам, ребята, еще работать, а мне — по пути.

Когда мы все вышли через вращающуюся дверь, Мьюлен вопросительно взглянул на меня, и я ответил:

— Конечно, почему бы нет?

Стюарт Хэтч открыл правую дверь своего «мерседеса» и галантным жестом руки пригласил садиться.

66

Мы выехали с территории больницы, как пара старых друзей. Хэтч улыбался, и глаза его лучились спокойным весельем. Машина набирала ход по улице с солидной неприужденностью, мне уже знакомой.

— Вам понравилась эта красавица, а? — спросил Хэтч. — Каждый раз, садясь за руль, я вспоминаю, какое наслаждение — ехать на ней.

— Если вам в сторону улицы Паромщика, можно там меня и высадить. Нет нужды везти меня к пансионату.

— А давайте немного покатаемся. Может, это даст нам возможность лучше узнать друг друга. Заодно поговорим, если вы, конечно, не против.

— Если вам так хочется. — Я мысленно собрался.

— О, очень хочется! — Он вновь улыбнулся мне, глаза его блеснули. — И хочется вам показать кое-что. На месте будем минут через двадцать.

— О чем вы?

— Придется вам потерпеть, а то сюрприза не получится. Можете уделить мне немного времени?

— Могу, если только вы не высадите меня в чистом поле и не достанете пистолет.

Перед нами тянулась почти пустая улица и горели пять зеленых огней светофоров. Хэтч подмигнул мне.

— Смотрите.

Он едва коснулся акселератора, и машина, задумавшись на десятую долю секунды, рванулась вперед. Я внимательно наблюдал, как стрелка спидометра плавно миновала отметку в шестьдесят миль еще до того, как мы проскочили первый светофор. Стрелка продолжала ползти вверх, когда мелькнул второй. Ветер, рвущийся нам навстречу, пригнул кончики волос Хэтча как минимум на восьмую часть дюйма назад. Он удерживал машину на восьмидесяти, когда мелькнул четвертый перекресток, и плавно сбавил скорость до тридцати только для того, чтобы вовремя миновать пятый и свернуть направо на Торговую. Волосы его распрямились.

— Эту малышку можно разогнать до ста десяти миль и только тогда заметишь, что вроде бы ускоряешься.

— Стюарт, поскольку обстановка располагает к разговору, — начал я, — можно мне задать вам пару вопросов?

— Сколько угодно.

— Между нами: лейтенант Роули — ваш человек в полицейском управлении?

— Лейтенант Роули трудится на благо города Эджертон. Этот человек — преданный государственный служащий. Его обостренное чувство справедливости порой ему вредит, однако Роули выполняет свой долг.

— И вы не просили его выпихнуть меня из города?

— Да бог с вами.

— И вы понимаете, что к случившемуся в вашем доме я не имею никакого отношения?

— По правде говоря, я успокоился. Теперь мне не надо ломать голову, как вам удалось пробраться туда. В доме установлена самая навороченная сигнализация, какую только можно вообразить. Снаружи невозможно обойти датчики давления, электронные лучи и обезвредить контакт-детали — это по силам только работнику компании, поставившей охранную систему. Ладно, взломщика мы поймали, вот только разбитые компьютеры не вернешь. — Хэтч пытливо посмотрел на меня. — Вы случаем в этих делах не эксперт?

— Эксперт — слишком сильно сказано.

— Хотите заработать десять тысяч долларов за неделю? Похоже, половина файлов на винчестерах утеряна, а мне надо их восстановить. Все, чего я от вас попрошу, — конфиденциальности. Работы на неделю, не больше. Если управитесь за день-два — оплата та же. Как, интересно звучит?

— Звучит здорово, — кивнул я. — Но ответ мой: «Нет».

— Могу спросить — почему?

— Я не желаю вам ничего плохого — просто не хочу числиться в ведомости на зарплату у Хэтча.

— Жаль. Шансов, правда, у меня было мало... Тем не менее очень жаль.

Мы быстро миновали южную часть делового района, повернули к западу и въехали в район города, который я никогда прежде не видел. Границы кварталов, очерченные деревянными домами с облупившейся краской, убегали к заросшим бейсбольным площадкам и гниющим зритель-

ским скамейкам. За следующим подъемом несколько женщин устало тащились по пыльным тропинкам трейлерного парка. Голый по пояс мальчонка целился в нас из игрушечного ружья из-под безвольно обвисшего флага Конфедерации.

— Значит, вам понравилась моя машинка? — спросил Хэтч.

— Да, удивительно послушная.

— А моя жена? — осклалился Хэтч. На этот раз свет в его глазах был по-прежнему веселым, но совсем не спокойным. — Про нее вы могли бы сказать «удивительно послушная»? Плавно ускоряется? Замечательно сконструирована?

— Не надо, Стюарт, — попросил я. — К вашему браку я не имею никакого отношения.

— Вы согласитесь, не правда ли, что жена моя невероятно привлекательная женщина? Даже красивая женщина? Лакомый кусочек?

— Да, она привлекательна. Но если вы наняли человека ходить за ней по пятам с камерой — мне жаль вас.

— Не судите меня строго, — сказал он. — А ведь вы наверняка гадаете, зачем такая женщина вышла замуж за меня. В конце концов, я богат, но не сказочно, я на двенадцать лет старше ее, я живу в каком-то богом забытом городке на Среднем Западе. Я прав?

— Да, кое-что из этого приходило мне в голову.

— Конечно приходило. Если б не приходило, она бы вас не подцепила. А между нами: она ведь в постели не высший класс, а? Что касается исполнения и самоотдачи, эта машинка доставляет удовольствия куда больше. Моя жена слишком эгоистична, чтобы быть хорошей партнершей в постели.

— Перестаньте. Вы сами себя заводите.

— Вам следует знать, с кем вы связались. Лори совсем не такая, какой вы себе представляете. Вы для нее всего

лишь очень удобный способ навредить мне. Она бессердечная стерва.

— Если она так ужасна — разведитесь с ней.

— Господи, да она сама по себе мне абсолютно безразлична! — Он рассмеялся надо мной. — Мы же не бойскауты. Мне от нее надо, чтобы она делала то, что мне надо.

— Тогда вам впору ходить в набедренной повязке и с дубиной в руке.

— Бог ты мой, — воскликнул он. — Феминист! Моя дорогая женушка говорила вам что-нибудь об опеке?

— Какой опеке?

— Давайте выясним, что она сообщила о себе. Она сказала вам о своем прошлом, своей семье и тому подобном?

— Кое-что, — сказал я.

— Занимательная история, не правда ли? Я не перестаю восторгаться.

Справа от дороги полого опускался голый коричневый склон холма. Слева, поодаль, маленькие ранчо стояли на наделах в четверть акра. Каждое второе казалось нежилым. Стюарт вырулил на обочину, выключил двигатель и развернулся на сиденье ко мне.

— Я так понял, вы слышали об Иве Д'Ленси, поэте и торговце произведениями искусства, который сбежал из аристократической семьи и водил дружбу с художниками и другими представителями богемы, прежде чем приехал в Америку. Жизнь бедняги оборвалась в авиакатастрофе под Санта-Барбарой, так?

— К чему вы клоните? — спросил я.

— Настоящее имя отца Лори было Эван Дилэнси, сделано в Трентоне, Нью-Джерси. Он работал на полставки каменщиком и был большой любитель выпить. Когда ему уже никто не давал работы в родном городе, он собрался и вместе с семьей отправился в Лос-Анджелес, где занялся грабежом. И как-то раз хозяин одной винной лавки — стреляный воробей — выбил из него душу. Бай-бай, папочка!

Мамочка торговала своей задницей, жила за счет ухажеров, пока не вышла замуж за кинооператора из «Уорнер бразерс». Этого типа моя жена упоминает как кинопродюсера.

— И вы хотите, чтоб я вам поверил? — усмехнулся я.

— Хотите верьте, хотите нет, однако информация эта стоила мне больше, чем я только что выдал Эрлу Соьеру. Мама вышла за кинооператора. И что же — угадываете? Он тоже оказался хроником. Когда его уволили со студии, он стал срывать свою неудовлетворенность жизнью на женушке и падчерице — он их колотил. Лори бросила учебу в средней школе и так подселла на наркотики, что очутилась в психиатрической лечебнице. Когда ее рассудок привели в порядок, она познакомилась с замечательным старым доктором по фамилии Диринг. Диринг думал, что она несчастная заблудшая сиротка, которая заслужила передышку от невзгод. Он и его жена приютили Лори у себя. Они покупали ей дорогую одежду и отправили в частную школу, где девочка выучилась грамматике и как вести себя за столом. После окончания частной школы она сбежала в Сан-Франциско. Очень скоро она уже жила с Тедди Уэйнрайтом. Помните его?

Я знал, что Тедди Уэйнрайт играл ведущие роли в нескольких сентиментальных комедиях пятидесятых. Позднее блистал в двух телесериалах.

Что мне не было известно, так это то, что в начале семидесятых, уже более не способный найти роли в Голливуде, однако разбогатевший на вложениях в недвижимость, Уэйнрайт перебрался в Сан-Франциско, чтобы насладиться второй молодостью. Лори Дилэнси переехала вместе с ним: ему тогда был семьдесят один, ей — двадцать один. Несмотря на многочисленные измены Лори и другие ее «подарки», включая отказ выйти за него замуж, они оставались вместе еще четыре года — до самой его смерти. Уэйнрайт переписал завещание: Лори он отписал две картины из своей громадной коллекции произведений искусств —

Фрида Калло и Тамара де Лемпика — плюс двести пятьдесят тысяч и проживание в его доме до того момента, как она выйдет замуж. В последнем случае дом переходит к его единственному ребенку — дочери. Дочь же унаследовала большую часть имущества, включая коллекцию, в то время оцененную в пять миллионов долларов.

— Оказывается, в двадцатые годы старина Тедди купил двух Пикассо, Сезанна и Миро, а в пятидесятые куда-то их припрятал. Стоимость его коллекции подскочила до семидесяти—восемидесяти миллионов. Наверняка Лори до сих пор клянет себя за то, что не вышла за престарелого дружка. Она было сунулась на работу в «Крон», где хотела устроиться в отделе местных новостей, но — хлоп! — нет опыта работы. Ни журналистского стажа, ни диплома — ничего. Она устроилась ассистентом видеорежиссера — девочкой на побегушках. Через год, когда я с ней познакомился, она была агентом по связям с общественностью. Лори вела себя так, будто влюбилась в меня, а вот мне и притворяться не надо было. И все было б хорошо у нас, да только выяснилось, что она не та, за кого себя выдает.

— Как скоро после свадьбы вы наняли частного детектива?

— Детектива я нанял, как только обратил на Лори внимание. И ничего ей не говорил до начала медового месяца. Бунгало на шикарном курорте на Карибском побережье. Шампанское на балконе. Лунная дорожка на волнах. «Послушай-ка, — сказал я ей, — одну потрясающую историю». Плакала она искренне. Удивительная женщина.

— Она подарила вам сына и наследника.

— Кобби вырастет отличным парнем, — Хэтч улыбнулся, — после того, как я выбью у него из головы этот музыкальный вздор и привью ему любовь к спорту.

— И ваш сын — это единственное, что удерживает вас от развода с Лори?

Улыбка Хэтча растаяла:

— Похоже, она все-таки выболтала вам семейные финансовые расклады. Что же, интересно, она вам наплела?

Я рассказал ему то, что удалось припомнить.

— Все не так уж плохо, — сказал Хэтч. — К тридцати пяти годам Кобби получит большую сумму. Я хочу быть уверенным в том, что он будет знать, как с ней обращаться. — В глазах его сверкнули лукавые искорки. — А вы в курсе, почему мой отец вписал положение об уголовных обвинениях?

— Лори что-то упомянула о его брате.

— Брат здесь совершенно ни при чем. — Искорки в глазах Стюарта не исчезли. Я понял, что он пытается очаровать меня. — Вы какого года рождения?

— Пятьдесят восьмого.

— Вы тогда были еще ребенком, а мне в шестьдесят восьмом уже исполнилось восемнадцать. — Он рассмеялся. — Выпускной курс Академии Эджертон, волосы до плеч. Я запираю дверь своей комнаты и врубал стерео на всю катушку — чтобы не слышать, как папаша выговаривает мне. «Стоунз», «Дорз», «Айрон баттерфлай», «Крим», Пол Баттерфилд. Я был ритм-гитаристом в группе «Дельта Мада». Нетрудно представить, как мы были ужасны.

— Блюз белых мальчиков.

— Блюз белых выпускников. Блюз белых среднестатистических выпускников. — Он грубовато-шутливо хлопнул меня по предплечью. — Господи, какие ж мы были балбесы! По дороге в школу курили марихуану. Кайфовали с вечера четверга до утра понедельника. У нас в группе был музыкант от Бога — как же он играл блюз! Потрясающий парень, волшебник! Мы обычно выступали перед «элитными» альбертовскими студентами — сынками из состоятельных семей, которым было все до фени, кроме устойчивого ритма, а он... Это было словно слушать, как играет на гитаре Господь Бог. Вы, кстати, может, и слышали о нем. Гутт Гридвелл?

В семидесятые и в начале восьмидесятых были проданы миллионы пластинок с записями концертов с участием потрясающего гитариста Гридвелла. Всякий раз, когда мне

вдруг приходилось слышать его, меня поражала мысль о том, насколько же он был лучше, чем большинство гитаристов, игравших такую музыку. Я припомнил, как, разглядывая обложку журнала «Роллинг Стоун», обратил внимание на его желто-золотистые волосы и зеленые глаза и подумал, что никогда прежде не видел такого ангелоподобного и одновременно порочного лица.

— На последнем курсе его выгнали из академии, и он рванул в Сан-Франциско. Я поинтересовался у Лори, слышала ли она когда-нибудь, как играл Гридвелл, но она и понятия о нем не имела. Для Лори любая музыка одинакова — всего лишь набор звуков. В конце концов Гридвелл стал слишком богатым и слишком знаменитым и — банальная история — спился, бедолага. Сейчас он живет в Эджертоне. Гол как сокол. Время от времени подбрасываю ему десятку-другую, но даже теперь он от меня нос воротит и смотрит свысока.

«Будь я Гридвеллом, — мелькнула мысль, — я бы так же на тебя смотрел».

— В общем, как-то раз после обеда я забыл запереть дверь своей комнаты. Сажу на полу дымаю травкой, динамики разрываются от «Jumpin' Jack Flash». Бэмс! Заявляется папаша. Кобден в ярости. Он позволяет мне ходить в школу только при условии, если я постригусь, а еще, сказал он, если у меня будут хоть какие-то проблемы с законом, я не получу по наследству ни пенни.

— Вас беспокоит процесс в Кентукки?

— Да ничего там серьезного. Через неделю уляжется и забудется. А вот это может вас заинтересовать. Вчера днем моя жена позвонила юристу, занимающемуся вопросами опеки и доверительной собственности, Паркеру Гиллеспи. Он сын Чарльза Гиллеспи, учредившего опеку. Семьдесят три года, преданный, как питбуль. Лори никогда прежде даже не интересовалась им, а тут вдруг решила заняться самообразованием. Ну-ка, скажите мне, о чем она спросила Гиллеспи?

— Откуда ж мне знать, — пожал плечами я.

— Она интересовалась пунктом, который добавил мой отец к договору: если меня признают виновным в этих преступлениях, которых, разумеется, я не совершал, то правда ли, что я лишаюсь наследства? К сожалению, ответил Гиллеспи, это решит суд, миссис Хэтч. Тогда она спросила: какова будет в этом случае позиция моего сына? Видите ли, в отсутствие любого другого наследника мужского пола мальчик наследует все имущество. А кто будет управлять имуществом, спрашивает она. Это обязанность попечителя над наследственным имуществом, ответил Гиллеспи. А если случится худшее, будете ли вы продолжать управлять имуществом, мистер Гиллеспи? Гиллеспи ответил, что будет рад оказать ей всю посильную помощь. Ну, как, общая картина просматривается? Лори хочет денег.

— Она хочет сохранить их для Кобби.

Усмешка Хэтча была пострашнее ухмылки дяди Кларка:

— Кобби ничего не наследует до тех пор, пока ему не исполнится тридцать пять. А до той поры попечитель распоряжается деньгами по своему усмотрению. Лори назначит попечителем себя и захватит столько, сколько ее душе будет угодно. Вот чего она добивается.

— Спасибо, просветили, — сказал я. — Отвезите меня обратно в город.

— Я хотел вам кое-что показать, помните? Вы будете поражены. Сама история восстанет из пепла и заговорит. — Он улыбнулся с фальшивой дружелюбностью. — Если не покажу это вам, никогда себе не прощу.

Он включил зажигание и пустил машину вперед.

67

Шестьдесят лет назад заросшее поле было лугом, а мрачные развалины у самого леса — высоким каменным домом со слуховыми окнами и открытой галереей. Я старался обуздать охватившее меня беспокойство, происходившее

от отчетливого ощущения: если я углублюсь футов на тридцать в лес справа от разрушенного дома, я отыщу расщепленный ударом молнии дуб.

— Вам кто-нибудь рассказывал о старинной резиденции Данстэна?

— После того, как убили его брата, Сильвэйн привез из Англии камни и построил из них дом.

Брови Хэтча поползли вверх.

— Из Англии? Из Провиденса, Род-Айленд. Отсюда и название этой улицы — Нью-Провиденс-роуд. Я знаю о вашей семье больше, чем вы.

— Не такая уж это большая тайна. — Я подумал о том, сколько всего Хэтч о Данстэнах *не знает* и даже не догадывается.

— А вам известно, кто построил дом самым первым?

Я почувствовал легкую тошноту, и в ушах у меня зазвело.

— Человек по имени Омар Данстэн. В пятидесятых годах восемнадцатого века он появился в Провиденсе с несколькими слугами из Вест-Индии и кучей денег. Данстэн говорил о себе, что он импортер и судовладелец, однако ни одно из его судов не заходило в Провиденс. Он часто ездил в Южную Каролину, Вирджинию и Новый Орлеан. Как вы думаете, что именно он импортировал?

— И что же?

— Рабов. Его люди покупали или отлавливали рабов в Западной Африке и странах Карибского бассейна и продавали их в южные колонии. Данстэн не был женат, но был отцом трех или четырех детей, которые почти никогда не покидали пределов дома. Соседи слышали странные шумы и видели загадочные огни в окнах. Ходили слухи о колдовстве и черной магии. В результате группа местных жителей внезапно вломилась в дом с целью выгнать семейку вон из города. Они опоздали. Дом был пуст.

Ноги меня не держали, и я присел на капот «мерседеса».

— Десятки лет в доме никто не жил. Его репутация была настолько дурной, что властям даже не удалось уговорить

кого-нибудь снести строение. Люди называли его «Страшный дом». Сто лет назад жители обнесли его забором и оставили разваливаться.

«Страшный дом»? Звон колокольчика был слишком тихим, чтобы я смог определить, откуда он прилетел. Будто слабый радиосигнал, голос Стюарта Хэтча наплывал и угасал, подавляемый сильным излучением, струившимся от руин.

— Во время Гражданской войны два брата по фамилии Данстэн бежали из тюрьмы, где отбывали заключение за мародерство. В тысяча восемьсот семьдесят четвертом Омар и Сильвэйн Данстэны объявились в Эджертоне и поселились в «Медной голове». Вскоре у них уже было достаточно средств, чтобы начать свой бизнес: Омар открыл ломбард, а Сильвэйн стал ростовщиком. Как вы знаете, то были годы Реконструкции. Через десять лет они уже были владельцами банка, а жили в трущобах на Вишневой улице. Когда наводнения разоряли людей, братья отказывали им в праве выкупа закладной вследствие просрочки и скупали их недвижимость за бесценок. Мне всегда казалось странным, что убили Омара, потому что народ люто ненавидел как раз Сильвэйна. Хотите послушать версию моего отца?

— Жизнь без нее будет казаться мне неполной...

— Никто, кроме Сильвэйна, не видел так называемого бандита, застрелившего его брата и ускокавшего по улице. Мой отец считал, что убийцей был Сильвэйн. К тому времени Омар почти стал порядочным горожанином. Он был владельцем половины недвижимости на Торговой. Сильвэйну же, говорил отец, плевать было на приличия и порядочность. К тому же ему надоело делить с братом жёну Омара.

— Я слышал об их уговоре, — сказал я.

— Сильвэйн переправил камни с Род-Айленда и привез бригаду строителей-португальцев, расселив их поблизости в хижинах. Он заявил, что хочет, чтобы дом был вос-

становлен в точности таким же, каким он был в оригинале, а городские строители не знали всех тонкостей такой работы. Местные же решили, что он не хочет, чтобы они узнали планировку дома.

— Что породило множество сплетен.

— Ну, да. Цепи, прикованные к спинкам кроватей на чердаке. Потайные ходы. Странные слуги. Обычное дело — маленькие городки всегда кишат самыми разнообразными слухами. Сильвэйну следовало бы запустить в дом народ: походили бы, посмотрели, успокоились. Вместо этого он сделал наоборот — прятался от людей и гнал их от себя. Когда он ездил в город, всегда брал с собой ружье. Дети его росли, как звереныши. Кто-то из них сбежал, никто не знает куда. Кто-то утонул, купаясь в реке, или был зарезан в кабаке. Говард, ваш дед, остался на ферме, хотя отца ненавидел всей душой. Считается, что Сильвэйн нечаянно застрелился, когда чистил ружье, но кое-кто поговаривал, что ваш дед помог ему в этом. По мне, так идеальная справедливость. — Голос Хэтча вяло струился откуда-то очень изда- лека.

— Люди, толкующие об идеальной справедливости, ничего о справедливости не знают.

— Очень проникательно. Надо будет запомнить. В общем, Говард похоронил отца за домом. Позже он перевез гроб Омара из Литл Ридж и положил рядом с его братом. Он пошел дорожкой Сильвэйна и ухлестывал за каждой юбкой, за которую только мог ухватиться. Если б жена его не сбежала, он и ее бы убил. Банк его лопнул, деньги кончились. Знаете, что говорили о нем во времена моего детства?

— Что он мог находиться в двух местах одновременно, — ответил я. — Мог проходить сквозь двери, не вторгая их. Читать чужие мысли и предсказывать будущее. Взмывать над землей и висеть в воздухе.

Хэтч посмотрел на меня с удивлением и раздражением — по идее, я не должен был столько знать о Говарде Данстэне.

— И что очень вовремя его дочери переехали обратно на Вишневую, потому как однажды ночью дом сгорел и Говард погиб в огне.

— Как это случилось?

— А вот это самое интересное, — сказал Хэтч. Я едва слышал его сквозь гул, струившийся оттуда, куда мне меньше всего хотелось идти. — Отец рассказывал мне, что в ту ночь, когда случился пожар, его отец, Карпентер Хэтч, заперся в библиотеке с Сильвестером Милтоном, отцом Гринни, и коротышкой по имени Малыш Ля Шапель, который время от времени выполнял для них кое-какую работу. Он видел, как они выходили, а затем поздно ночью слышал, как вернулись. Как думаете, могли *они* поджечь дом?

— Стюарт, — устало проговорил я, — мне абсолютно все равно, кто его поджиг.

— А потом нашли косточки. Не принадлежавшие ни человеку, ни какому-либо известному науке животному. Речь идет о тысяча девятьсот тридцать пятом годе, помните, — по сути своей это средневековье. Никто ничего не понял. В общем, дочери Говарда получили деньги по страховке, вот и сказка вся.

Я почти не почувствовал, как он положил мне руку на плечо.

— Что бы там ни плела моя женушка, Стюарт Хэтч не такой уж плохой малый. — Он потрепал меня по щеке. — И примите этот мой рассказ как подарок от чистого сердца.

— Весьма польщен, — пробормотал я.

— Вы отказались от моего предложения. Нет так нет. Пора возвращаться.

— Не верю я, что вы играли вместе с Гридвеллом, — сказал я.

Он рассмеялся. Зубы его были просто шедевром зубо-врачевания, глаза лучились задушевым дружеским теплом.

— Стюарт, вы можете быть предельно очаровательным, но творя по вам плачет. Если вы получите опекунство над своим сыном — это будет настоящей трагедией.

Он резко сунул руки в карманы брюк.

— Если хотите, чтобы вас подкинули обратно в город, — прогуляйтесь по шоссе, поищите телефон-автомат.

Я повернулся к нему спиной, перешагнул через пыльную обочину и побрел, как лунатик, по густой траве поля. Взревел двигатель, и картечью сыпанул гравий из-под взвизгнувших колес.

68

Темень и кошмар с гулом неслись навстречу мне из развалин дома и чащобы леса позади них. Мой двойник из сна как-то сказал: «На протяжении всей своей жизни тебя не оставляет ощущение потери чего-то исключительно важного. Если найдешь утерянное, сможешь ли ты после этого жить?» Тогда я ответил: да, и, несмотря на страх и отвращение, несмотря на желание *не знать*, и сейчас мой ответ был бы тем же.

Что-то легко коснулось моего рассудка и тут же угасло. Я едва не повернул обратно. Что бы ни мелькнуло у меня в голове, я не хотел знать этого.

Две оставшиеся каменные стены поддерживали то, что осталось от кровли. Два почерневших дымохода сиротливо тянулись к небу. Правая половина дома обрушилась. Старый вход на двор зиял над спутанным комом вьющихся растений. Я миновал пустой проем арки и посмотрел на грязный цементный пол, постепенно исчезающий под зеленым ковром, наступающим со стороны тыльной части здания.

Я решил обойти дом сзади. Мне казалось, я разглядываю фотографию разбомбленного города: почерневшие стены и — пустота. Я сделал шаг назад, и ноги мои встретили ровную каменную поверхность. Когда я нагнулся и раздвинул траву, увидел плиту серого мрамора с вырезанной на ней надписью: «Омар Данстэн, ум. 1887». Сердце мое подпрыгнуло. В трех футах лежал его компаньон: «Сильвэйн Данстэн, ум. 1900».

— А где же ты, Говард? — сказал я вслух.

Футах в шести от надгробья Сильвэйна я нашел плиту: «Говард Данстэн, дорогой наш папа. 1882—1935».

— Это лучше, чем ты заслуживаешь, — проговорил я и обратил внимание, что в одном месте травы клонились к земле. У края леса, перед первым из деревьев, над серо-коричневой мульчей* лежала плоская гранитная плита. Мне удалось прочитать неровные и размытые, но все еще разборчивые слова: «Ангелам не место на этой земле».

И еще восемь надгробий, скрытые травой, лежали на земле. Некоторые имена совсем стерлись, и ни одно из сохранившихся не напоминало имена детей, которые им давали родители. «Рыбка», «Крикун», «Паутинка», «Щепка», «Звездочка» и «Бац-бац». «Собаки и кошки», — понял я, будто от ужасного прозрения отшатнувшись назад, и зацепился ногой за сплетение трав. Я крутнулся на месте, пытаюсь удержать равновесие, и увидел, что зеленый ковер катится в тускло освещенную, разделенную на две половины комнату. Ступня моя освободилась из западни, и я пошел вперед по мягкому упругому травяному коврику.

Голубиные перья вращались в конусе солнечного луча. Знакомой болью мне стиснуло лоб, и я камнем полетел в пустую шахту.

69

«Это было когда-то очень давно, когда меня не было на свете, — подумал я. А затем: — О, я вновь сюда вернулся».

Мелькание перед глазами прекратилось, и все вокруг застыло. Увядавший папоротник и чучело лиса под стеклянным колпаком по сторонам от медных часов на каминной полке. Табачный дым слоился в воздухе. У противоположной стены комнаты седой мужчина в темно-синем, когда-то элегантно-смокинге стоял лицом к окну. В одной руке

* Мульча — перетной, солома, защищающие почву от испарения, замерзания.

у него сигара, в другой — бокал, наполовину заполненный янтарной жидкостью. За окном темно. Я понял, что мне знакомо имя этого человека. Стрелки медных часов показывали одиннадцать сорок.

Человек у окна ждал меня — он готовился заговорить. Я догадался об этом по напряженности его позы и театральности показной, даже неестественной, печали, видной в очертаниях его сутулой спины. Мои тошнота и боль сменились нетерпеливым раздражением: ну вот, я здесь, что ему от меня надо? Мужчина у окна поднес к губам бокал. Отпил. Плечи его опустились. Он заговорил.

— Ты опять здесь, но мне плевать, что с тобой будет. Все разваливается на части. Центр не в силах держаться. Ты знаешь, чьи это слова?

— Уильям Батлер Йейтс,— сказал я.— К черту его и тебя тоже, Говард!

— В золотом кубке появился изъясн — невидимая трещина. Отовсюду я слышу канонаду.

— Что ты пытаешься мне сказать?

— Когда был сотворен твой отец, я решил развлечь себя тем, что лишил его рассудка. Он должен был стать орудием нашего уничтожения. К тому же, поскольку ты после нескольких попыток все-таки нашел меня, возможно, ты сам же его и уничтожишь. Финал игры больше мне не интересен.

Я обозвал его безнравственным и злым стариком — это главное, что я в нем понял. Он тихо рассмеялся.

— Мы вылетели из трещины золотой чаши. Нас украл из тела на поле боя. Мы — дым из пушечного жерла. Я лишил рассудка своего сына, чтобы ускорить наш конец. Их вера в нас умерла. Все повторяется снова и снова, однако каждый раз это значит все меньше.

— О чем ты? Я не в силах понять ни слова. Чья вера? Зачем я здесь?

— Во времена моего прадеда бог Пан творил поразительные чудеса. Во времена моего деда он был пианистом,

приводившим женщин своими выступлениями в необъяснимый иступленный восторг. В мое время он — стившийся поэт, который пишет только о нисхождении в ад и об упадке. К твоему времени он станет безмозглым одержимым алкоголиком и наркоманом. Если увидишь его — скажешь себе: «Вот что осталось от Пана», — и поймешь, почему нам надо покинуть Землю.

— Да не было никогда никакого Пана,— возразил я.— Во всяком случае, в реальном мире.

— Того, что ты называешь реальным миром, тоже никогда не было. Его создала вера. А вера подвержена изменениям. Люди не могут жить без сказок и сочиняют их, дабы вложить какой-то смысл в свои ничтожные жизни. Но в этих сказках мы всегда в заточении, сказки не выпускают нас на свободу. Я устал от всего этого. Отчего-то каждый раз рассказывают лишь маленький фрагмент одной и той же длинной сказки — так никогда не постигнуть всей ее сути.

В темном окне возникла цепочка колеблющихся огней факелов, которые приближались к нам. Откуда-то сверху донеслось хлопанье множества крыл и скрежет когтей.

— Ты должен был явиться сюда с другим. Возможно, ты и он сейчас здесь, но где-то в другом измерении. Посмотрим — ты и я. Моя игрушка, моя игра — близятся к концу. Ошибка за ошибкой. Что погубило жизни, которые нам были даны.

В глазах вдруг потемнело. Суставы тела сковало болью, и кто-то ударил меня по голове деревянной колотушкой. Когда зрение прояснилось, я понял, что стою на коленях позади развалин дома и меня рвет в высокую траву.

70

Хелен Джанетт стояла перед дверью своей комнаты.

— Надеюсь, вы готовы выслушать то, что я обязана вам сказать, мистер Данстэн.

За моей спиной со щелчком открылась дверь. Подкрепление в лице мистера Тайта.

— Сегодня утром приходили два детектива и офицер в форме и стучали в мою дверь.

— А еще мистер Хэтч,— добавил я.— Прочувствовали, какая вам была оказана честь?

— Стюарт Хэтч пусть повесится на ближайшем дереве.— Она скрестила на груди руки.— У вас полчаса на то, чтобы уложить свои вещи. Возврата квартплаты не ждите.

Громко топая, я пошел наверх. Звучный храп доносился из-за двери Отто. Когда я опять спустился вниз, они продолжали стоять по обе стороны от входа, как швейцарские гвардейцы.

— Знать бы, отчего это вы так боитесь копов...

Хелен Джанетт протянула руку:

— Ключ.

Горькое удовлетворение, которое я прочел на ее лице, опуская в ее ладонь ключ, подсказало мне ответ.

— Простите меня, миссис Джанетт.

— Нам нечего сказать друг другу.

— Ваше прежнее имя было случаем не Хэйзел Янски?

Было слышно, как мистер Тайт задышал ртом.

— Вы отбывали срок в тюрьме,— продолжил я.— Поэтому ненавидите полицейских.

— Убирайтесь! — Мистер Тайт ткнул мне в плечо указательным пальцем, словно свинцовой трубкой.

Я отступил на шаг, выйдя из пределов досягаемости его пальца, но не отвел от хозяйки взгляда.

— Мое имя Хелен Джанетт.

— Вы были акушеркой, когда мать рожала меня — двадцать пятого июня пятьдесят восьмого года. В больницу Святой Анны попала молния. Здание было обесточено.

На ее лице отразилось зловещее удовольствие.

— Мистер Тайт, помогите джентльмену выйти вон.

Тайт ухватил меня за плечи. Меня окутало его гнилое дыхание. Я резко повернулся и толкнул его рюкзаком —

он потерял равновесие, запнулся и, сделав полшага в сторону, занес правый кулак.

Я поднял обе руки вверх:

— Все, ухожу.

Оба молча смотрели мне вслед.

Я повернул на Евангельскую улицу и отыскал отель «Медная голова» на Телячьем Дворе. Портье с багровыми мешками под глазами сообщил, что я могу разместиться в номере на втором этаже с ванной за шестьдесят пять долларов в сутки или в таком же, но с душем и уборной в конце коридора на четвертом этаже — за пятьдесят. Я взял номер на втором этаже. Портье ткнул пальцем в сторону лестницы.

— Лифт у нас едва ползает,— добавил он.— А иногда вообще встает.

Номер двести пятнадцать в «Медной голове», прямо напротив лестницы, был в два раза больше комнаты в пансионе Хелен Джанетт. Кровать выступала в направлении стола и двух деревянных кресел напротив пыльного окна, выходившего на Телячий Двор. Записка, прилепленная к зеркалу, рекомендовала постояльцам употреблять питьевую воду в бутылках из мини-бара и не пить водопроводную. Вода из бара была бесплатной.

Пока я пил воду из бутылки, я пытался осмыслить то, что произошло со мной. Неужели я слетал в тысяча девятьсот тридцать пятый год и навестил Говарда Данстэна?

Я не окончательно сошел с ума. С другой стороны, я ни на йоту не верил, что галлюцинировал. Да, конечно, Данстэны не были обыкновенной американской семьей, но и в необыкновенных семьях не обходится без склок и скандалов. Возможно, я был «поздним цветочком» и свойство путешествовать во времени унаследовал от работоторговца, жившего в восемнадцатом веке на Род-Айленде. Может, у меня очередной приступ, и я проведу следующие несколько недель в «мягкой комнате» психушки. Нет, это совсем не было похоже на приступ. А если я в здравом уме, значит, я предпринял путешествие в тридцать пятый год и познакомился со своим прадедом.

Бог Пан продолжал жить как эджертонский изгой? Мы были сказками, чье время вышло? Я выкинул эту чушь из головы и задумался о Хелен Джанетт — Хэйзел Янски. Я был почти уверен, что это одно лицо, однако сомневался, что мне удастся заставить ее признаться в похищении младенца Роберта, если, конечно, она на самом деле *похитила* его. Затем я задумался о совпадении: я снял комнату у Хэйзел Янски, а Тоби Крафт направил меня к ней. Между Тоби и Хелен-Хэйзел была какая-то связь. Какая? Пристрастие Тоби к женщинам с хорошенькими личиками и большим бюстом искало подходящего ответа. Опять тупик.

Сделав большой глоток воды «Полар Спринг», я задумался о том, почему «Медная голова» не доверяла воде Хэтч-тауна. Потом завинтил пробку бутылки и направился в мэрию.

71

В просторном вестибюле свет не горел, и я постучал в монументальную дверь с чувством комической беспомощности. Может, Ковентри вообще сидит в кабинете другого здания. Я вновь постучал по стеклу, чувствуя себя еще глупее, и побрел обратно мимо колоннады. Когда я дошел до ступеней, послышался звук открывшейся двери и голос Ковентри:

— Нэд, постойте!

Распахнув дверь, он улыбался и манил меня:

— Мне пришлось бегом пролететь всю эту лестницу! — Закатанные рукава рубашки, галстук-бабочка и одежда защитного цвета делали его похожим на пожилого школьника. — Я так рад видеть вас! — Ковентри заглянул мне за спину, затем — по сторонам.

— Ее со мной нет, — сказал я. — Я тоже рад. — Я вошел и подождал, пока он запрет дверь. — Как вам удалось меня услышать?

— А будто поджидал вас. Как ваши поиски?

— Прогресс наблюдается, — сказал я. — У вас нашлась минутка заглянуть в документы по учету собственности?

— Конечно! — Его улыбка была почти извиняющейся. — Очень жаль, что Лори не смогла прийти с вами. Она будто приносит солнечный свет, наполняя день его радостью, правда?

— Вы увлечены ею.

— Каждый раз, когда вижу Лори, у меня все получается. Слово у нее дар какой-то.

— Думаю, у Лори целый набор таких талантов.

— Как странно: я ведь тоже так думаю. Я бы даже сказал, просто невероятно. — Вскинув голову, он улыбнулся высокому и едва различимому в темноте потолку. — То, что вы ощущаете подобное, — я об этом. Вы чуткий. — Подбородок Ковентри резко опустился. — Извините меня. Это прозвучало немного свысока, да?

— Разве что чуть-чуть, — улыбнулся я.

— Бог ты мой. Я хотел сказать, что вы, вероятно, в отличие от большинства мужчин более восприимчивы. Вы понимаете, о чем я? Ну конечно же понимаете. — Он прижал ко лбу кончики пальцев. — Я не очень путано изъясняюсь?

— Окольными путями.

Ковентри загоготал и опустил голову. Славный парень.

— Когда большинство мужчин смотрят на Лори, единственное, что они видят, — это... В общем, ясно что. А вот вы и я видим человека с блестящим умом, удивительно тонкой душой и широчайшим набором способностей, которые она только-только начинает реализовать.

— Она должна ценить вашу дружбу, — сказал я.

Ковентри быстро взглянул на меня:

— А вы с ней близкие друзья, и только, да?

— Мне очень нравится общение с ней, — ответил я. — Вот только в Эджертоне я пробуду недолго.

Ковентри припустил по лестнице бегом. Я облегчил ему душу. Дойдя до площадки, он обернулся и оперся рукой на мраморную колонну. Глаза его сияли:

— Она рассказывала вам о своем прошлом?

— Лори много рассказывала о своем отце.

Ковентри умерил шаг, чтобы идти по лестнице рядом со мной, хотя ему явно очень хотелось перепрыгивать через три ступени сразу.

— Отец имел на нее огромное, просто *огромное* влияние.

На втором этаже Ковентри щелкнул выключателем ламп дневного света над конторкой перед двумя загроможденными столами и рядами ящичков с картотекой.

— Каюсь, я все еще не раскопал фотографии миссис Рутлидж, но обещаю вам, найду их обязательно.— Он зашел за конторку.— Какая именно недвижимость вам интересна?

— Во-первых, участок земли около леса на Нью-Провиденс-роуд.

Ковентри исчез за рядами шкафов и вернулся с толстой папкой.

В 1883 году Сильвэйн Данстэн приобрел у Джозефа Джонсона десять тысяч акров, включая лес Джонсона. Говард Данстэн унаследовал данную собственность, а в 1936 году Карпендер Хэтч выкупил ее у дочерей Говарда за неожиданно крупную сумму. Значит, подумал я, мои тетушки инвестировали деньги и преспокойно живут на дивиденды.

— А во-вторых?

— Не попадалось ли вам название «Страшный дом»? Кто-то его нынче упомянул, и я никак не возьму в толк, отчего оно показалось мне знакомым.

— Это случаем не из Г. Ф. Лавкрафта? В детстве я много читал Лавкрафта. Кажется, «Страшным домом» он называл дом в Провиденсе — он провел там почти всю жизнь.

Лавкрафт — писатель, произведения которого напомнили мне рассказы Эдварда Райнхарта.

— Что еще вас интересует?

— Была такая маленькая улочка в Колледж-парк. Я, черт возьми, как ни стараюсь, никак не могу вспомнить ее названия.

— Сию минуту. Очаровательное местечко, этот Колледж-парк. А вы знаете, что там раньше была площадь, на которой старые братья Хэтч устраивали ярмарку?

— У Хэтчей была ярмарка?

Хью Ковентри заговорщически улыбнулся:

— Ни за что б не догадались, точно? Мистеру Хэтчу тоже очень бы этого не хотелось. Он дал понять, что мы должны крайне сдержанно оценивать ранние коммерческие проекты его семьи, но ярмарка много лет приносила огромную прибыль. Вот так им и удалось скупить район, известный под названием Хэтчтаун.

— А что случилось? — спросил я.— Они продали его Альберту?

— Невероятное везение. Дела Хэтчей пошли в гору, и к восьмьсот девяностому году они только сдавали землю в аренду. Убогий темный квартал. Стриптиз и шоу уродцев, контрабандная торговля спиртным и проституция. Дома для рабочих ярмарки строились беспорядочно. Здесь жили и двое сомнительных врачей: доктор Хайтауэр продавал своим пациентам снадобья и наркотики, а второй, доктор Дрирс, был типичным подпольным акушером. Половина его пациенток погибла либо от заражения крови, либо от его неумелых рук.

— Выходит, Хэтч хочет держать эту часть семейной истории под сукном?

— Я не сузу его,— сказал Ковентри.— Ведь если разобратся, они всего лишь землевладельцы. К середине двадцатых годов это был участок незанятой земли с пустующими домами. Затем появились люди из Альберта и одним чохом скупили все. В скором времени подросла регистра-

ция, подтянулись торговцы, и весь район в момент раскупали. Про какую улицу вы спрашивали?

— Бакстон-плейс,— сказал я, назвав старый адрес Эдварда Райнхарта, будто с самого начала только о нем и думал.

Ковентри снова скрылся за шкафами и вернулся с подшивкой грессбухов высотой в два фута и шириной в ярд.

— Раритет...— Он бухнул подшивку на конторку, развернул так, чтобы нам обоим было удобно рассматривать страницы, и раскрыл ее. Нарисованная от руки схема четырех-пяти улиц, разделенных вдоль границ собственности, занимала правую страницу. На левой же были записи продаж зданий и земельных участков с присвоенными им номерами, перенесенными на карту.

— Великолепный памятник материальной культуры! — воскликнул Ковентри.— Рука не поднимется заменить этот шедевр записями в компьютерной базе данных.

Я спросил его, как отыскать Бакстон-плейс в этом великолепном памятнике.

— Если повезет, мы найдем алфавитный указатель.— Он открыл последние страницы.— Ох, все-таки его творцами были великие люди. Так, Бакстон-плейс...— Его палец заскользил вниз по колонке рукописного текста, затем перескочил на вторую страницу.— Есть! — Ковентри сощурился и ткнул пальцем в крошечный проулок.— Тупичок. Что там могло быть? В те времена, по обыкновению,— конюшня. И, скорее всего, парочка домов для конюхов и их помощников. Так, теперь взглянем на список владельцев земельных участков за номерами 60448 и 60449.

Он пробежал глазами список на титульном листе.

— Вот, 60448,— сказал Ковентри.— Первоначально принадлежал «Ярмарке братьев Хэтч», во всяком случае в тысяча восемьсот восемьдесят втором. И как вам это нравится? — Он начал смеяться.— В тысяча девятьсот втором году был продан Просперу Хайтауэру, М. Д.

Я поднял глаза на него.

— Хайтауэр. Доктор-торговец снадобьями, помните? Так, что дальше... Приобретен эджертонской городской общиной в девятьсот двадцать втором. В девятьсот пятидесятом продан Чарльзу Декстеру Варду. А как насчет его соседа? Участок 60449. «Ярмарка братьев Хэтч». В девятьсот третьем куплен Коулмэном Дриссом. Невероятно! Это ж наш подпольный акушер. Они жили бок о бок! Догадываюсь почему — Бакстон-плейс ведь был тупиком, а не улочкой. Никаких тебе любопытных соседей, разглядывающих проходящих-уходящих пациентов. Что же было дальше, когда не стало Дрисса? Приобретен городской общиной в тысяча девятьсот двадцать четвертом, продан Уилбур Уотли в тысяча девятьсот пятидесятом.— Ковентри резко выпрямился.— Помните, мы только что говорили о Г. Ф. Лавкрафте?

Я кивнул.

Ковентри хихикнул и покачал головой, словно не веря своим глазам.

— Что такое?

— Лавкрафт написал рассказ под названием «История Чарльза Декстера Варда», а Уилбур Уотли — действующее лицо «Ужаса в Данвиче», одного из его рассказов. Здорово, просто здорово! Надо будет отметить этот день в своем календаре. Ни разу еще за все время работы в мэрии я не наталкивался на литературную аллюзию.

— Вас не затруднит посмотреть кое-что еще?

— После всего этого? Ну конечно нет!

Я назвал ему адрес пансионата на Честер-стрит. Менее чем через минуту Ковентри вернулся с манильским конвертом*.

— Что вы хотели бы узнать?

— Кто настоящий владелец.

* Почтовый конверт из плотной коричневатой бумаги, пазываемой «манильской».

Ковентри вытянул последний лист из конверта и пустил его по столу конторки ко мне. Дом Хелен Джанетт был приобретен компанией, расположенной на Лэньюра-стрит, в августе шестьдесят седьмого.

— «Т. К. Холдинговая компания». Вам это что-нибудь говорит?

— Говорит. То, что мне следовало бы понять самому, — ответил я.

Тоби приобрел меблированные комнаты за месяц до того, как должна была выйти на свободу Хэйзел Янски. По нынешним меркам, двадцать семь тысяч долларов была не бог весть какая сумма с оплатой в рассрочку, однако и двадцать шесть лет спустя она все еще казалась впечатляющим подарком.

Огромная дверь закрылась за моей спиной. Спускаясь по длинным ступеням, я остановился взглянуть через Грейс-стрит на площадь. Старушка крошила хлеб суетящимся у ее ног голубям. Золотоволосый изгой, которого мне приходилось уже встречать, качался вперед-назад, склонившись над гитарой. За фонтаном, прислонившись к стволу клена, замерла элегантная мужская фигура. В свободно опущенной вдоль тела руке — прямоугольный портфель.

Дыхание у меня перехватило. Мужчина на той стороне площади был Робертом. Несмотря на то что тень клена укрывала его лицо, я знал: он улыбался мне. Роберт оттолкнулся от дерева и вышел на солнечный свет, чуть покачивая портфелем.

72

Я побежал по ступеням, через тротуар и далее — на проезжую часть, едва обращая внимание на машины. Заверещали гудки, завизжали тормоза. Я добрался до разделительной линии невредимым и увернулся от идущего на юг потока транспорта, затем прыгнул на тротуар и бросился по длинной дорожке, ведущей к фонтану. Устроив-

шие междоусобицу над хлебными крошками голуби сыпанули в стороны при моем приближении. Золотоволосый бродяга съехался, прижав к груди гитару. Я посмотрел на пожилую пару на другой стороне площади и в группе пешеходов, поджидавших зеленого света на перекрестке в конце квартала, заметил голову и плечи Роберта.

Когда группа двинулась вперед, Роберт на несколько шагов отстал от всех. Его блейзер и джинсы были точной копией моих. Бродяга взял несколько аккордов, и я узнал песню, которую он начал: «Keys to the Highway» — одна из музыкальных заставок Гридвелла. Он варьировал мелодию и растягивал ноты, и, приблизившись футов на шесть, я оторвал взгляд от Роберта и глянул на музыканта. С разбитого, сильно расцарапанного лица на меня с веселой осведомленностью смотрели ярко-зеленые глаза. Испытав ощущение, будто со всего маху налетел на силовое поле, я едва не споткнулся.

Гридвелл притягивал мой взгляд до тех пор, пока я не миновал его. В последующие мгновения, набирая скорость и удаляясь от площади, я чувствовал, как он смотрит мне в спину.

Роберт прошел половину следующего квартала, когда я обогнул фонтан и направился по дорожке к восточной части Городской площади. Он двигался быстрым, легким шагом. Дойдя до конца дорожки, я увидел, как он свернул за угол направо. Я бросился вперед. Роберт сознательно приглашал меня следовать за ним, но я не верил, что выдержки ему хватит надолго.

Пробежав два квартала, я повернул направо. Пола голубого блейзера и сумка карамельного цвета мелькнули и исчезли за углом дома впереди.

Похоже, Роберт направлялся в сторону Торговой. Я мог запросто опередить его на пути туда, рванув с места, где сейчас стоял, однако мне пришло в голову, что он, возможно, показывает мне путь к какому-то другому месту. Сделав два глубоких вдоха, я добежал до конца улицы, мино-

вал перекресток и выскочил на Гринвилл-стрит. Блейзер и элегантная сумка сворачивали налево на Торговую.

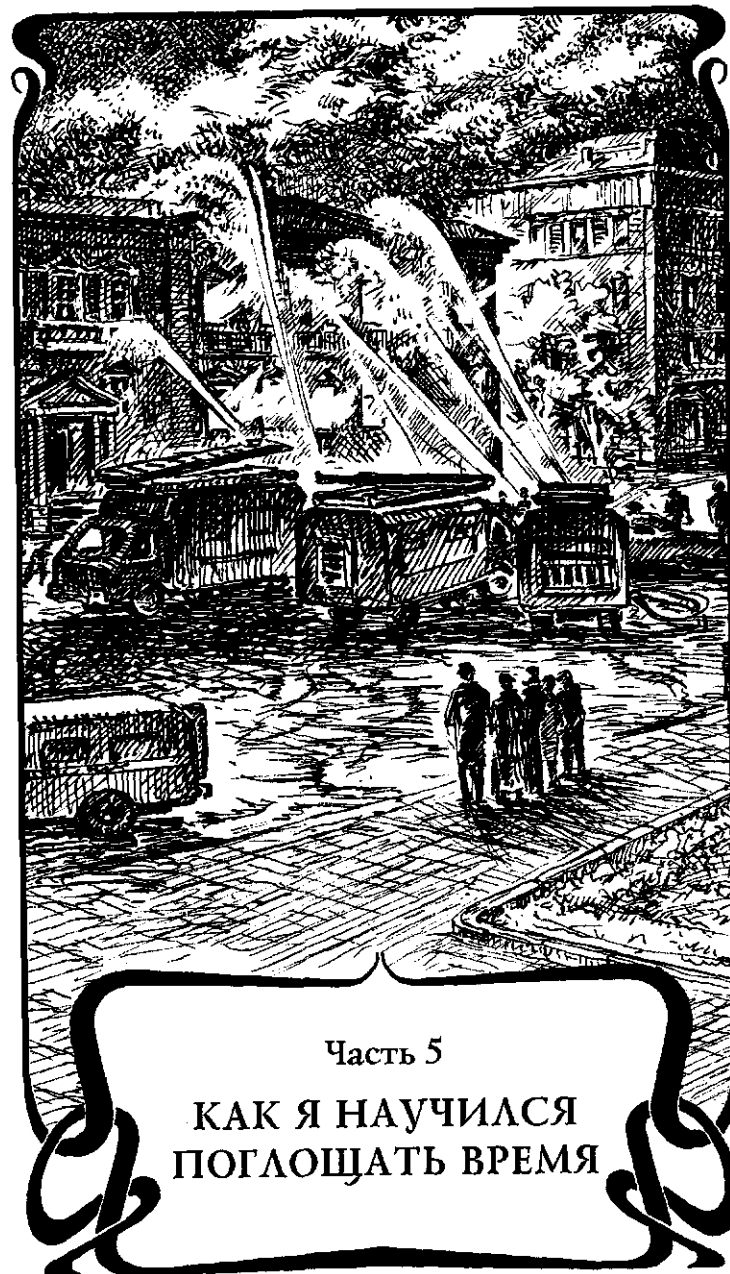
— Черт бы тебя побрал, — прошипел я и припустил по Гринвилл. Сквозь зеркальное окно пиццерии я заметил Хелен Джанетт, склонившуюся над столом. Она что-то выговаривала Тоби Крафту и грозила ему пальцем. Я прибавил шагу и выбрался на Торговую.

В тридцати ярдах впереди и совсем недалеко от входа в отель «Мерчантс» на тротуаре стоял Роберт и глядел прямо на меня. А потом исчез. Я пошел вперед по тротуару. Когда я добрался до того места, где он только что стоял, вращающаяся дверь отеля выпустила бледного как мел старикашку. Швейцар, бывший свидетелем моего столкновения с Гринвиллом Милтоном, проводил своего подопечного и помог забраться на заднее сиденье поджидавшей машины, кивнул мне и широким жестом указал на вход. Получив указание, что надо делать, я вошел в вестибюль. Симпатичная дежурная улыбнулась мне из-за конторки. Я улыбнулся ей в ответ. Благодаря Роберту я, похоже, становлюсь постоянным клиентом. Наверху, в самом конце лестницы, в правой части вестибюля на незанятом подиуме Винсента над затемненными пространствами «Лё Мадригала» стоял охранник. Я повернулся к мраморным ступеням лестницы в левой части вестибюля. Сверху, из бельэтажа, выглянул Роберт, бросил взгляд на меня и скрылся вновь.

Я поднялся по лестнице и вошел в мужской туалет. Прислоняясь спиной к одной из раковин и обеими руками сжимая сумку, там стоял Роберт. Зеркало за его спиной отражало только ряд писсуаров и кафель стены.

Роберт широко улыбался:

— Ну, наконец-то.

Часть 5
КАК Я НАУЧИЛСЯ
ПОГЛОЩАТЬ ВРЕМЯ

тех пор всякий раз, когда рядом со мной был Роберт, я по-разному видел наше сходство, но всякий раз меня поражало, насколько мы разные. Я не понимал, как нас с ним можно спутать: не смотря на внешнее подобие, жестокость, впечатавшаяся в каждую черточку лица брата, стирала всякую схожесть. И то, что зеркала не всегда отражают его, мне казалось очень даже правильным — им вообще не следовало бы этого делать.

И тут я перевел взгляд на зеркало и увидел в нем отражение затылка Роберта. Словно он набрался материальности за мой счет. Когда я вновь взглянул на лицо брата, я увидел, что оно было точной копией моего.

— Ты кто, черт тебя возьми? — спросил я.

— Будто не знаешь. — Роберт протянул мне сумку. — Поднимись в пятьсот пятьдесят четвертый и отдай это Эшли. Она будет так благодарна, что тут же начнет срыгивать с тебя одежду.

— Что там? — Уже начав спрашивать, я знал ответ.

— Не будь идиотом. — Он сунул сумку мне в руки. — Сегодня утром некто, отказавшийся назвать свое имя, по-

звонил в «Медную голову» и сообщил, что ему известно о том, что ты ужинал с Эшли и Лори Хэтч в прошлую пятницу. Он предположил, что тебе, возможно, захочется помочь в деле против Стюарта Хэтча. Эти документы дадут Эшли все, что ей требуется для проведения успешного расследования. Хэтч понятия не имеет, что документы пропали.

— Ага, значит, это ты вломился в «Дом Кобдена». — Роберт в ответ пожал плечами. — Хэтч наверняка проверил, на месте ли документы. Почему ж ты решил, что он не знает о пропаже?

— Да потому что после налета никакой пропажи еще не было. Я вернулся в «Дом Кобдена» прошлой ночью. К тому времени, когда Стюарту захочется еще раз проверить, они уже будут на месте. Скажи Эшли, чтоб сняла копии и вернула оригиналы.

— И каким же образом этот некто неизвестный заполучил их?

— Да влез в дом, каким же еще? У этого парня с давних пор зуб на Хэтча. В процессе разгрома офиса он наткнулся на эти бумаги. Велел тебе отправляться на Городскую площадь, там сесть на скамейку, ты пошел туда, нашел сумку и теперь несешь ей. Вот и сказке конец. — Оттолкнувшись от раковины, Роберт направился к выходу, затем повернулся ко мне. — Очень кстати тебя вытурили из этого пансионата.

Он сделал шаг назад и прошел сквозь дверь. В буквальном смысле слова. Не открывая двери мужского туалета, Роберт *прошел сквозь нее*, продолжая улыбаться, в то время как его тело таяло на белой деревянной панели, и, как Чеширский кот, исчез из виду.

Я заперся в кабинке и открыл сумку. Она была наполнена пухлыми конвертами: балансовые отчеты банка на Виргинских островах; документы о регистрации компа-

ний под названиями «Глиттермакс Инк.», «Игл Пропертиз» и «Дельта Мад Холдингс»; акты о передаче зданий в Луисвилле и Цинциннати; письма из адвокатских фирм. Я просмотрел партнерские соглашения, подписанные Хэтчем и Гринвиллом Миатоном. Две стопки компьютерных дисков были засунуты в боковые кармашки.

Эшли обвила меня руками и звонко поцеловала.

— Непредсказуемый Нэд Данстэн. Что в этой симпатичной сумочке?

Я положил сумку на стол и сел лицом к Эшли:

— Тебе виднее.

Эшли кокетливо закусил зубками нижнюю губу.

— Интересный ответ. — Пара секунд молчания. — Как насчет ланча?

— Интересный вопрос, — сказал я.

— Я заказала в номер пару клубных сэндвичей. А как насчет бутылочки «Пино Гриньо», которое так тебе понравилось?

— О доброе старое «Пино Гриньо», — сказал я.

Она сделала заказ по телефону, затем села, раскрыла сумку, заглянула внутрь. И подняла на меня глаза. Я пожал плечами. Эшли вытащила одну из папок и бегло просмотрела содержимое. Хмурая сосредоточенность ее лица растаяла, преобразившись в выражение изумления. Эшли просмотрела следующую папку:

— Где ты взял все это?

Я поведал ей сказку о человеке, который оставил документы на скамейке на Городской площади.

— Он хочет, чтобы ты сняла копии. Похоже, он собирается вернуть оригиналы туда, где взял.

— Ты видел его?

— Нет. Если этот парень может запросто вломиться в «Дом Кобдена», от него надо держаться подальше.

— Этот парень сделал гораздо больше, чем вломился. — Эшли просматривала следующую папку документов. — Он нашел тайник с секретными документами Стюарта. Можешь представить, как надежно он был спрятан?

— Они тебе пригодятся?

— Пригодятся? Да это же бомба! Хэтч разместил фиктивные компании за границей, прикупил кучку ночных клубов и снимал жирнющие сливки! Наличные он отправлял в банки на Виргинских островах и отмывал их посредством фиктивных компаний, в виде ссуд.— Она вытащила диски.— А здесь, наверное, все заключенные им сделки до единой. Каждый жулик делает когда-то фатальную ошибку, но Стюарт — просто образцовый чудак. Понимаешь, что это все значит?

— Объясни.

— Нет на земле уголка, где я бы проиграла это дело. И я бы с удовольствием использовала эти материалы в суде, однако не буду — нет нужды. Как только мы заденем вторичные структуры, Стюарт будет раздавлен, а с ним и Милтон.— Выражение ее глаз изменилось.— Это Лори Хэтч тебе устроила документы?

— Нет. Не она.

Эшли откинулась на спинку кресла:

— А я ведь едва не отправилась домой с пустыми руками. Босс встретил бы меня сочувственно и снисходительно. Коллеги бы маскировали свое счастье от того, как я облажалась, а я бы следующие года два болталась, как дерьмо в проруби, занимаясь грошовыми делами. Ну а теперь босс навесит мне на грудь золотую медаль, а второму помощнику прокурора придется делать вид, что он вне себя от радости.

— А тебе удастся объяснить...

— Как я раздобыла этот материал? Приобшуду к делу нашего старого доброго друга, анонимного информатора.

Эшли продолжала болтать о своем расследовании до тех пор, пока не пришел официант. Когда он выкрутил пробку из бутылки с вином и удалился, она вгрызлась в свой сэндвич, как портовый грузчик:

— Господи, все прошло так гладко, словно было спланировано.

— Я знаю, что ты имелась в виду,— сказал я.

— А еще должна тебе сказать, Нэд,— когда ты в таком настроении, какое у тебя было в пятницу вечером, ты просто подарок для женщин.

Я сполз в своем кресле, и она покраснела.

— Давай спустимся в бизнес-центр и отксерим все это.

75

Когда мы вернулись в номер, мы посмотрели друг на друга и, не говоря ни слова, разделись. Позже Эшли рассказала мне о своем детстве в Лексингтоне, штат Кентукки, о своем браке с Майклом Эштоном, соблазнившем официантку из отеля, в котором они остановились во время медового месяца. Я ей рассказал кое-что о Стар, Филе и Лауре Грант и о том, чем я занимался с тех пор, как уехал из Напервиалы.

— Почему ты оставил Мидмонт?

— Душа больше была не в силах выносить математику и естественные науки.

— А разве не труднее было потом учиться программированию, чем интегральному исчислению, или как там его?

— Ну, да... Если разобраться,— кивнул я.

— Тебе нравится твоя работа?

— Больше всего, чем приходилось когда-либо заниматься,— ответил я.— Каждый раз, получая зарплату, поражаюсь.

— Деньги для тебя имеют большое значение?

— Нет,— сказал я.— Оттого и поражаюсь.

— У тебя есть близкие друзья?

— Более-менее близкие. А еще есть полублизкие, полудалекие и очень далекие, за исключением притворного товарищества. Как у всех.

— А как насчет подруг?

— Время от времени.

— А Лори Хэтч?

— А что Лори Хэтч?

— Ты жутко нравишься Лори. И по-моему, взаимно.

— Это немножко соответствует истине, — сказал я.

— И что ты собираешься с этим делать?

— А что, по-твоему, я должен делать?

Эшли ухватила мою руку и затрясла ее, как молодое деревце:

— Почему ты спрашиваешь меня? Приведись мне допрашивать Лори в суде в качестве свидетеля, мне, наверное, будет казаться, что я допрашиваю сфинкса. Однако, принимая во внимание то, что ты к ней равнодушен, тебе надо дать себе передохнуть. Господи, неужели это говорю я?

— А ведь ты не любишь ее, — сказал я. — Или не доверяешь ей.

Уголки ее рта чуть загнулись кверху:

— Ты уже с ней переспал?

Я засомневался, удастся ли мне отмолчаться, дабы избежать обмана. Лгать Эшли я не хотел, да и она сразу же почувствует это по любой моей попытке уклониться от ответа. К тому моменту, когда я все это продумал, ответ был очевиден.

— Да, — сказал я.

— Так я и знала!

— Тогда зачем спросила?

— Знала, что это случится, но не знала, *как скоро*. Как ты думаешь, почему она позволила тебе это? Лори — вовсе не девка, стремящаяся извлечь выгоду таким способом, она... Слушай, давай сейчас не будем о Лори Хэтч? Мне жутко хочется еще на какое-то время сосредоточиться на Нэде Данстэне.

76

Я проснулся примерно в половине второго ночи — слишком поздно как для визита к Тоби Крафту, так и для обзорной экскурсии в Бакстон-плейс. Осторожно обойдя тележку для обслуживания номеров, я прошел в душ. За-

тем оделся, сел рядом с Эшли и тихонько погладил ее спину — она проснулась.

— Кто был тот человек в маске? — спросила она. — Позвони мне завтра утром, хорошо?

Сумку я оставил в ее номере — здесь безопаснее, чем в «Медной голове», к тому же записи грешков Стюарта Хэтча должны быть припрятаны до того момента, когда Роберт заберет их. Идеальное для этого место пришло мне в голову, когда я смотрел на панель над дверью лифта, засветившуюся на букве «L».

Одинокая машина прошла мимо Мерчантс-парка. Я вышел на пустынный проспект и увидел красное зарево над кварталами вдоль Ферримэн-роуд. Когда я проходил мимо центра парка, я почувствовал отчетливый запах дыма.

Вернувшись на Честер-стрит, я посмотрел на север. Серебристые дуги водяных струй окрашивались красным, падая на горящее здание. Небольшая кучка людей стояла позади шеренги пожарных машин. Тут до меня дошло, что пожар был в том самом квартале, где находился пансионат Хелен Джанетт, и я поспешил вперед.

Пламя било через окна фронтона обоих этажей пансионата. Столб темно-серого дыма валил от крыши. Хелен Джанетт в розовом купальном халате стояла, крепко прижав руки к груди, а голова мистера Тайта в фетровой шляпе возвышалась над ней, как башка истукана с острова Пасхи. Из-под брюк его пижамы нездорово белели голые ноги.

Мисс Рэдманн и мисс Шалли повисли на руках очарованного ими молодого пожарного. Рокси и Мунбим были в блестящих атласных комбинациях, неотличимых от их нарядов на вечеринке. Как и Фрэнк Тайт, девушки были босы, однако чувствовали себя, похоже, гораздо увереннее и спокойнее, чем он. Полицейские и пожарные двигались между машинами пожарными и патрульными. Группа зевак, многие — в купальных халатах, столпилась посреди проезжей части.

Широкий язык пламени рванулся к небу и окрасил дым в кроваво-красный цвет. Крыша рухнула вниз с едва слыш-

ным треском. Мне не приходилось в жизни ни видеть серьезного пожара, ни слышать, как алчно гудит огонь, праздную разрушение. Хелен Джанетт закричала:

— Это он! Это он спалил мой дом!

Морщась, Фрэнк Тайт тяжело двинулся ко мне. Рокси и Мунбим подались вперед. Двое мужчин в купальных халатах выросли у меня с боков. Один из них схватил мою руку и выкрутил ее за спину.

— Если вы сейчас же не отпустите мою руку, я отверну вам башку.

— Это он! — взвизгнула Хелен Джанетт.

В державшем мою руку мужчине было фунтов сорок лишку. Келоиды заметно пятнали его физиономию, и пот буквально градом катил из каждой поры.

— Простите меня, — сказал я ему. — Я вспылал и говорил вам глупостей. Насколько хорошо вы знаете Хелен Джанетт?

Он отпустил мою руку:

— Миссис Джанетт скорее будет слизывать плевки с тротуара, чем обратит на меня внимание.

Тут подал голос мистер Тайт:

— Ну-ка, прихвати его еще разок.

— Сам прихватывай. С чего это я должен верить твоей подружке или тебе, Фрэнк?

Вслед за медведеподобным мужчиной с желтой табличкой «капитан» на груди резинового плаща рядом с мистером Тайтом засуетилась Хелен Джанетт:

— Это он. Держите его, в тюрьму его!

Стоявшие по бокам от меня мужчины отступили.

— Что скажете на это, сэр?

— То, что я шел себе спокойно домой из отеля «Мерчантс», — сказал я. — Увидел зарево пожара, побежал сюда, надеясь, что горит не дом миссис Джанетт.

— Он врет! — крикнула Хелен.

— Неужели вы думаете, я готов был спалить ваш дом только из-за того, что вы выставили меня вон?

— Нет! — заорала она. — Ты знаешь, почему ты это сделал!

— Хелен, — спросил я, — Отто успел выскочить?

Она захлопнула рот.

Капитан пожарных спросил мое имя и добавил:

— Нам не удалось спасти жильца, который не вышел вместе со всеми. — Он заглянул мне в глаза. — Погибший был вашим другом?

— Отто был хорошим человеком, — ответил я. — И иногда засыпал с сигаретой в руке.

— Ну что вы стоите *просто так*?! — закричала Хелен Джанетт.

Окутанная вспышками мигалки, из-за угла Ферримэн-роуд вырулила полицейская машина.

— Мы поступим так, — сказал капитан. — Я попрошу мистера Данстэна сесть в патрульную машину и побеседовать с офицером. Миссис Джанетт будет предоставлена возможность высказаться, и она это сделает спокойным тоном. А вы, сэр, пожалуйста, отойдите и постойте на тротуаре.

Хелен кивнула Тайту. Он гордо удалился, а она покрепче запахнулась в халат, готовая к новой схватке.

Из машины выбрались Трехэфт и капитан Мьюллен. Хелен обратилась к ним:

— Я хочу, чтобы вы арестовали этого человека по обвинению в поджоге и убийстве.

Мьюллен проследил взглядом за направлением ее вытянутого пальца:

— Только не вы.

— Хотите верить, хотите — нет, — развел руками я.

— Мистер Данстэн, вы сеете радость всюду, где только появляетесь.

— Приблизительно до половины второго ночи я находился в отеле «Мерчантс». Ночной портье видел, как я уходил, однако все только что сказанное может подтвердить помощник прокурора района Эштон.

— Как же радуют мой слух эти старые песни.— Мьюллен подошел к Хелен Джанетт.— Вы обвиняете этого человека в поджоге?

Поясок стягивал ее халат, как нитка — оболочку сардельки.

— Возможно, вы помните мои беды в ту пору, когда меня звали Хэйзел Янски. Я была наказана за то, что пыталась сделать доброе дело для нескольких беспомощных малышей.

Мьюллен не проявлял никакого оживления:

— Я помню это имя.

— Мистеру Данстэну грязную ложь наплел про меня Тоби Крафт. Я назвала это грязной ложью, потому что так оно и есть, и Тоби Крафт прекрасно это знает.— Хелен содрогнулась.— Послушаешь некоторых, так можно подумывать, что я закоренелая преступница, а я всего лишь хотела помочь малышам найти хороших родителей.

Мьюллен устало взглянул на меня:

— Вы не поможете мне здесь разобраться?

— Моя мать думала, что Хэйзел Янски похитила одного из ее детей. Но даже если бы я считал так же, я бы никогда этого не сделал.

Мьюллен прикрыл глаза, открыл заднюю дверь патрульной машины и дал мне знак садиться. Сам он и Трехэфт сели спереди.

— Отель «Мерчантс»,— сказал Мьюллен.— Данстэн, зачем вы тратите время, мотаетесь туда-сюда: взяли бы да перебрались жить в «Мерчантс».

— А мне в «Медной голове» хорошо.

— Вам следовало бы знать кое-что о ночном портье,— сказал Мьюллен.

Трехэфт издал злоеший смехок.

Когда мы подъехали к отелю и остановились перед входом, Мьюллен велел Трехэфту спросить, видел ли он после часу ночи мужчину с моими приметам, а если видел — то когда примерно это было.

— Как же мне надоело будить помощника прокурора района Эштон и доставать ее вопросами о местонахождении мистера Данстэна. Если портье не видел его, мы продолжим по привычной схеме.

Мьюллен откинулся затылком на подголовник сиденья.

— Ну, как бы там ни было, это ведь не вы подождали дом, а?

— Когда я вышел из номера Эшли, там уже вовсю поыхало,— ответил я.— Постоялец, что жил в соседнем номере, частенько засыпал в кресле с непогашенной сигаретой. Вчера он едва не спалил свою комнату.

— Этот пожар не был случайным,— сказал Мьюллен.— Сначала нам позвонили и сообщили, что в задней части здания разбили подвальное окно. Кто-то влез и облил горючей жидкостью все, что там увидел. Затем вылез и поджег. Результаты расследования подготовят позже, но именно это будет написано в протоколе.

— Джо Стэджерс?

— Я его проверю. Да только Джо Стэджерсу сейчас ни до чего, кроме вас, дела нет. Вы случаем не видели, никто там поблизости не околачивался?

— В тот вечер, когда взломали «Дом Кобдена», Френчи Ля Шапель, похоже, шел за мной до самого пансионата.

Вернулся Трехэфт, забрался на водительское сиденье, и машина чуть осела под его весом.

— Портье утверждает, что мистер Данстэн ушел примерно без четверти два.

Мьюллен кивнул:

— Каким, интересно, образом редкий гость нашего города познакомился с самым главным местным бомжом Френчи Ля Шапелем?

Трехэфт резко повернул голову к капитану Мьюллену.

— Мне указал на него мой дядя Кларк, когда Френчи и Кэсси Литтл пришли навестить Клайда Прентисса в больнице Святой Анны. Я всего лишь хотел сказать вам, что он следил за мной до пансионата на Честер-стрит.

— Френчи шел за вами от самого Мерчантс-парка?

— Похоже на то,— ответил я.

— У вас есть какие-нибудь идеи относительно того, почему один из наших самых дрянных мусорных мешков проявляет к вам интерес, мистер Данстэн?

— Ни малейшей.

Лицо Мьюллена растянулось в зевке:

— Офицер Трехэфт, мы с мистером Данстэном хотели бы отойти на пару слов.

Мьюллен неторопливо двинулся мимо входа в отель, кивнул головой в сторону полированного камня, и я прислонился спиной к стене здания. Густой запах дыма тянул в нашу сторону. Мьюллен вздохнул и застегнул пиджак. Затем сунул руки в карманы и опустил глаза на свои туфли. Снова вздохнул.

— Слушаю вас,— сказал я.

Мьюллен обернулся и посмотрел через улицу. Плотный столб дыма как будто сгущал воздух над Честер-стрит.

— Я всегда к вам очень хорошо относился, мистер Данстэн. Вы постоянно возникаете на местах преступлений, вы постоянно подпадаете то под одно обвинение, то под другое, однако все это время я не позволял правосудию прижать вас к ногтю.

— Я заметил,— кивнул я,— и благодарен за это.

— Скажите, нет ли у вас каких-либо служебных отношений с помощником прокурора района Эштон?

— Нет.

— Не являетесь ли вы сотрудником какого-либо федерального ведомства?

— Нет.

— Не имеете ли вы отношения к какому-нибудь профессиональному правоохранительному объединению?

— Нет, конечно,— покачал я головой.

— И вы не частный детектив?

— Я разрабатываю компьютерные программы для компании «Вижн Инк». Я не работаю ни в ФБР, ни в ЦРУ, ни

в министерстве финансов, ни в какой другой организации, которая может проявлять интерес к Стюарту Хэтчу.

— Полагаю, вы не будете возражать, если я проверю, нет ли на вас микрофона?

— Валяйте.

Он обхлопал мою грудь, спину и, присев, пробежался пальцами по моим ногам.

— Распахните пиджак.

Я подчинился, и Мьюллен прощупал у меня под мышками и под воротником рубашки.

— Ну ладно,— сказал он.— Возможно, вы просто частное лицо и по пути в Эджертон случайно познакомились с помощником прокурора из Кентукки. Возможно, вы по воле случая подружились с женой Хэтча. Но вне зависимости от того, кем бы вы, черт вас дери, ни были, я очень хочу сказать вам кое-что и очень хочу, чтобы вы меня выслушали. Мне не нравится лейтенант Роули. Такие копы, как Роули, позорят нас. Что он сделал — ударил вас?

— Он ни с того ни с сего ударил меня в живот,— сказал я.— Затем сбил меня на землю и ударил ногой. Он требовал, чтобы я уехал из города, а я не соглашался. После этого он украл сто долларов из тех денег, что были найдены у меня при обыске в отделении.

— Почему вы не подали жалобу?

— Потому что решил, что жалоба только навредит мне.

— Могли бы обратиться ко мне, мистер Данстэн. Ну да ладно. Сегодня утром вы намекнули, что лейтенант Роули имеет какую-то договоренность со Стюартом Хэтчем. Скорее всего, так и есть. Когда я еще работал патрульным, капитан сыскного отдела и шеф полиции жили в домах, которые оплачивал Стюарт Хэтч. Свой дом я купил себе сам, мистер Данстэн. Весь мой доход составляет зарплата, которую мне платит муниципалитет города Эджертон, но я еще и живу здесь, и если вы не тот человек, за которого себя выдаете, вам придется целую милю ползти на карачках по битому стеклу, прежде чем вы сможете получить работу.

— В среду похороны моей матери,— сказал я.— На следующий день — мой день рождения. В пятницу я возвращаюсь в Нью-Йорк. Вы никогда больше меня не увидите. Мьюллен развернулся и пошел к полицейской машине.

77

Оставшиеся пожарные направляли струи брандспойтов на тлеющий под кучей бетонных блоков курган. Похожая на сгоревшую кухонную спичку, торчала обугленная угловая опора. Где-то там, под курганом, был погребен Отто Бремен или то, что от него осталось. Безжалостно сверкала вспышка фотографа, выхватывая из темноты остатки рухнувшей стены, картинную раму, скрученную огнем металлическую ногу торшера. Перед капотом пожарной машины бок о бок стояли Хелен Джанетт с мистером Тайтом и оцепенело наблюдали за пробивающимися из развалин язычками пламени.

Завидев меня, Хелен вздрогнула и отступила назад. Мистер Тайт встал между нами:

— И что нам теперь делать? Есть ответ на этот вопрос?

— Ну, кто-нибудь вас, наверное, приютит,— предположил я.— Вы не первые в этом мире погорельцы.

Взъярившись, Хелен Джанетт выскочила из-за его спины:

— По тебе тюрьма плачет, ты, придурок! Ты сжег мой дом, ты оставил меня без крова!

— Это не я сжег ваш дом и не я оставил вас без крова, миссис Джанетт.— Она что-то процедила, но я не разобрал.— Вы можете рассказать, как это произошло?

— Раз уж тебе так интересно. Я проснулась и услышала запах дыма. Вышла из комнаты. Горел пол в коридоре, огонь шел вверх по лестнице. Ничего не видно было из-за дыма. Я замолотила в дверь мистера Тайта, мы побежали вниз, чтобы помочь выбраться мисс Карпентер, мисс Бержесс и миссис Фельдман через черный ход. Меня чуть кондрашка нехватила, пока миссис Фельдман искала свою шу-

бу,— чтоб я еще раз когда-нибудь сделала что-то хорошее для этой женщины! Девушки выбрались из своей комнаты через окно, мы все собрались и попытались разбудить мистера Бремена. Пожарных вызвал, скорее всего, кто-то из жильцов, потому что машины были тут уже минуты через две. К тому времени горел уже весь дом.

— Пожар начался с подвала,— сказал я.

— Вам лучше знать,— прошипела она.— А вот что я хотела бы знать, так это куда мне податься? Все мои наличные были в этой берлоге, вместе с кредитками и чековой книжкой.

— Я тут на днях немного заработал,— сказал я.— Четыреста восемьдесят долларов. Я поделюсь с вами. Вы с мистером Тайтом сможете снять комнату на двоих, а утром купить себе что-нибудь из одежды.

— Шутите.

Я достал бумажник и отсчитал двести сорок долларов.

— Мы не берем грязные деньги,— заявил мистер Тайт.

— Говори за себя, Фрэнк.— Хелен протянула руку, и я вложил в нее деньги.— Я не такая гордая, от милостыни не откажусь.

— Я рад, что могу помочь вам,— сказал я.— И буду очень благодарен, если вы расскажете мне о той ночи, когда я родился.

Пару секунд она обдумывала.

— Триста. Одежда тоже денег стоит.

Я отсчитал еще три двадцатки.

— В ту ночь вы должны были вынести ребенка. Но разразилась буря, началась суматоха, и ребенок умер.

— Ребенок родился мертвым.

— Знаю. Но тут мать моя неожиданно родила двойню, и второй ребенок так быстро вышел следом за вторым, что можно было подумать, что это плацента.

— Он вышел *вместе* с плацентой. Была такая темень, что я не понимала, что происходит, пока не взяла его в руки. И сказала про себя: я подарю тебе хорошую семью.

— С помощью Тоби Крафта. Который устроил вам доходный дом после того, как вы отсидели свое.

— О чем вы, черт возьми, треплетесь, а? — встрял мистер Тайт. — В ту ночь, когда была буря, никакого второго ребенка не было.

— Ты не в курсе, — сказала Хелен. — Я тебе не рассказывала, зато теперь могу говорить, что вздумается. Я отсидела. — Она перевела взгляд на меня, глаза были темны от гнева. — У нас была налажена целая система. И система наша спасала невинных младенцев от неблагополучных семей. Между прочим, судья этот факт признал.

— Все делалось детям во благо, — заявил мистер Тайт. Я чуть было не рассмеялся.

— В самый разгар бури вы забрали из родильной палаты второго младенца. Куда вы его понесли?

— Туда же, куда и вас. В палату новорожденных.

— Только не донесла, — вставил мистер Тайт.

Хелен Джанетт резко развернулась к нему:

— Ты в какой тюрьме сидел, Фрэнк? Что-то я запамтовала. — Она вновь повернулась ко мне. — В темноте я обмыла его, так же как и вас. В палате новорожденных стояла люлька, на ней была бирка «Данстэн», я ее отыскала при помощи фонарика, потом вынула вас и положила его. Затем отнесла вас к вашей матери. «У меня же двойня, — забеспокоилась она, — где второй?» Я сказала ей, что второго не было, была плацента. Потом включили свет. Я пошла, отчиталась перед доктором. Доложила ему то, что сказала ваша мать, — чтобы он потом не удивлялся. Затем вернулась в палату новорожденных. Чуть не умерла от разрыва сердца. Колыбелька Данстэна была пуста. Я было решила, что положила ребенка не в ту колыбель, однако кровати слева и справа тоже пустовали.

— Кто-то другой стянул ребенка? — поинтересовался мистер Тайт.

— Во всяком случае, сам он встать и уйти не мог. Я думаю, что это миссис Лэндон, та самая, у которой был мерт-

ворожденный. Протыкнула в палату, взяла ребенка и спрятала его в своем постельном белье. Она выписалась из госпиталя сразу после того, как стихла буря. Эта мысль пришла мне в голову только на следующий день. В записи регистрации больных значился ее адрес — отель «Париж», однако она выехала оттуда в то же самое утро, когда выписалась из больницы.

— И вы пытались разыскать ее, — предположил я.

— Меня волновало здоровье и благополучие ребенка.

Волновало ее благополучие собственного бумажника. И тут я подумал: «А может, и так: Роберт сам выбрался из колыбели и ушел восвояси».

— Так что, если вы спалили дом, чтобы отомстить мне, это было напрасно.

Потянув за рукав халата мистера Тайта, она повела его к полицейскому, усевшемуся на крыло патрульного автомобиля. Перебросившись с ними парой слов, тот посадил их в машину, включил фары и поехал по улице мимо меня. Хелен Джанетт смотрела только вперед. Я провожал взглядом красные габаритные огни до Евангельской улицы.

Минуту-другую после того, как я вошел на первую улочку, меня кольнуло то же чувство, которое я испытал, когда увидел, как Френчи Ля Шпель изображал из себя мирного пешехода. Я оглянулся: вокруг пусто, окна дома закрыты ставнями. Повернув на Кожевенную, я прибавил шаг. То ли из-за того, что один из «главных бомжей» Мьюллена заинтересовался мной, то ли из-за всех последних событий я стал чрезмерно пугливым. Второе больше походило на правду.

С другой стороны, Френчи довел меня до самого пансионата. Возможно, это он устроил пожар, а затем обнаружил, что убил не того человека. Там, где Рыбная пересекала Овечью, я остановился подле уличного фонаря с перегоревшей лампой и оглянулся на темный, бесконечный коридор, в котором могла скрыться и дюжина людей. Ред-

кие машины скользили по Евангельской. В соседнем проулке кто-то отхаркивался. Больше никаких звуков я не слышал, однако затылок мой будто что-то покалывало.

Рыбная пересекала Малиновую и Пуговичную, прежде чем встретить пятьдесят футов Восковой, выводившей к Телячьему Двору. В обычную ночь это было бы краткой и скучной прогулкой; с предчувствием же крадущегося за мной Френчи место казалось мне бесконечной пустыней. Я прибавил шаг и углубился в узкий коридор следующей улочки.

Почти неслышимый, напоминающий легкую поступь звук раздался за спиной. Если б я шел по Торговой при свете дня, я бы его наверняка не услышал. В самом конце Рыбной какой-то шорох заставил меня резко обернуться: увидел я только пустые дома и слабые отблески света звезд на булыжниках мостовой. Я вспомнил, что Джо Стэджерс продолжал искать меня.

Весь остаток пути до Малиновой я бежал, ускорившись на перекрестке и поднажав в направлении серой неопределенности, обозначающей пересечение Рыбной и Пуговичной. Хотя в эти мгновения шагов за спиной я не слышал, зато *чувствовал* приближение преследователя. Я рванулся через Пуговичную и вновь услышал звук легких шагов. Сердце едва не выскочило из груди. Я опять побежал и оглянулся за мгновение до того, как свернуть на Восковую.

Не знаю, что именно это было — образ исчез прежде, чем я успел убедиться, что вообще что-то увидел. Мне показалось, что я различил полы черного плаща, взметнувшиеся и тут же скрывшиеся в потайном закоулке. В тот момент я мог думать лишь о том, что мой старинный враг, которого я прозвал Мистером Иксом, только что скрылся из виду. Скованный ужасом, я застыл на месте. Когда я обрел способность двигаться, я пробежал пятьдесят футов по Восковой, выскочил на Телячий Двор и буквально влетел в вестибюль «Медной головы». Лысый ночной портье с вытатуированным над правым ухом топориком оторвался от книги и поднял на меня глаза.

Пересекая вестибюль, я изо всех сил старался выглядеть нормальным человеком. Портье не отрывал от меня взгляда до тех пор, пока я не начал подниматься по лестнице. На втором этаже я достал ключ от номера двести пятнадцать. Лампа, которую я оставил включенной, роняла круг желтого света на изножье кровати и вытоптанный зеленый ковер. У круглого стола, вытянув скрещенные ноги, сидел Роберт. Он закрыл «Потустороннее» и улыбнулся мне.

78

— Папаша-то наш был писателем паршивеньким, а? Тебе не показалось, что он *искренне верил* в эту чушь?

— Надеюсь, это не ты устроил пожар?

— Чего ради? — пожал плечами Роберт. — Жертвы есть?

— Есть. Старик по имени Отто Бремен.

— Не думаю, что его будет кто-то оплакивать.

— В огне должен был погибнуть я, и ты это прекрасно знаешь.

Роберт согнул ногу в колене, оперся подбородком о ладонь и посмотрел на меня абсолютно невинными глазами.

— Ты знал, что здание должно сгореть. Сам ведь сказал: хорошо, мол, что я переехал.

— А оно должно было сгореть?

— Неужели тебе трудно было предупредить меня? По твоей милости погиб человек.

— Хотел бы я быть таким дальновидным, но — увы, не дано. Я просто был уверен, что тебе лучше съехать отсюда, вот и все.

Я сел за стол напротив. Роберт беспокойно поерзал, удобнее устраиваясь на стуле, и вновь принял позу: подбородок — на ладони, локоть — на столе.

— Ты подстроил мне встречу с Эшли.

— Наверное, документы нашу малышку очень взволновали.

— Да, взволновали,— сказал я.— Когда соберешься положить их на место, они будут в сейфе в конторе Тоби Крафта.

— Ты не хочешь, чтобы я звонил нашему маленькому другу? — Роберт ухмылялся.— Хэтч еще пару дней не заглянет в свой тайник. Он слишком самонадеян, чтобы волноваться.

— А с чего это ты так хочешь засадить Стюарта Хэтча за решетку?

— Дорогой братик,— сказал Роберт,— ты подозреваешь меня в нечистоплотности?

Я видел его словно в зеркале, в котором правое и левое не менялись местами, отчего лицо передо мной казалось настолько же странно чужим, насколько знакомым, и в этой странности была неискренность, которую, как мне казалось, другие люди всегда видели во мне.

— Да, я подозреваю тебя в нечистоплотности,— сказал я.— И меня это возмущает. Чрезвычайно.

Роберт отнял руку от подбородка и переменял позу с тщательно продуманным выражением заботы обо мне, которая предполагала, что я не до конца понимаю суть происходящего. Он положил локти на стол, сплел пальцы обеих рук вместе и послал мне взгляд, лучащийся иронией, будто говорил: тебе и мне такие игры ни к чему.

— Можешь мне сказать честно, что ты не *чрезвычайно* увлечен Лори Хэтч? Не вынашиваешь ли ты мечты жениться на ней?

— Меня тошнит от тебя.

— Даже такой, как я, в состоянии быть благодарным судьбе за редкий шанс ухватить удачу за хвост.

— Лори не получит ни цента, если ее муж угодит в тюрьму. Тебе следовало бы получше подготовиться.

Роберт выпрямился и убрал со стола руки:

— А давай рассмотрим другой вариант — если Стюарта осудят. Примерно двадцать миллионов долларов падают в ручки маленького Кобдена Карпендера Хэтча. У его

мамочки появляется право распоряжаться всей суммой. Знаю, знаю, это противоречит твоим пуританским инстинктам, однако если ты последуешь своим потаенным мечтам и женишься на Лори, жизнь твоя станет просто удивительной.

— К сожалению, она уже стала таковой,— устало проговорил я.

— Неужели абсолютная свобода ни капельки не манит?

— Женитьба на деньгах вовсе не кажется мне абсолютной свободой. На самом деле — наоборот.

— Так забудь о деньгах и женись по любви. Ты ведь даже ее сына успел полюбить. Идиллия.

— Как тебе удалось все это подстроить?

— Ты должен выполнить одно мое условие.

— Какое?

Роберт откинулся на спину и развел руки в стороны:

— Ты поделишься со мной. Раз в два месяца ты будешь выезжать в командировку, а я — занимать твое место. Часов через восемь—двенадцать — обратная замена. Никто не узнает, а Лори и Кобби — и подавно.

— Нет уж, спасибо,— сказал я.

— Да ты раскинь мозгами. Жена твоя нипочем не догадается, что спит не с одним, а с двумя. Придет время — как это бывает во всех браках,— когда тебе понравится незаметно исчезать из дома. А заодно мы с тобой поддержим семейную традицию. Наши прапрадедушки постоянно этим занимались.

— Пока Сильвэйн не застрелил Омара,— сказал я.

— Шутить. Первый раз слышу.

— Так что, если следовать семейной традиции, ты меня убьешь, и все достанется тебе.

— А вот так я *не хочу!* — воскликнул Роберт.— Нэд, не забудь, кто я. Я не семьянин. Сама мысль о том, чтоб жить с одной женщиной, по рукам и ногам связать себя семейным распорядком... Я ведь по сути и не совсем человек. Я чистой воды *Данстэн*. Мы с тобой не должны были

стать такими — родиться должен был один человек, однако нас разделили в утробе или же в ту ночь, когда мы родились, не знаю, каким это образом произошло, и я не могу причинить тебе никакого вреда. Просто *не могу*. Ты нужен мне. Так как мы договоримся насчет Лори Хэтч?

— До сих пор, однако, я тебе не был нужен, — сказал я, хотя убежденность Роберта тронула меня.

— А как ты думаешь, зачем я приехал к Стар в Напервиаль и сказал ей, что ты должен оставить колледж? Для чего, когда ты настоял на возвращении, я позаботился о том, чтобы кто-то за тобой приглядывал? И когда встретил Стар напротив дома Нетти, сообщил ей, что ты в опасности?

— Может, я и вправду нужен тебе, — ответил я. — Ты тоже нужен мне, Роберт. Но я не собираюсь жениться на Лори ради того, чтобы ты покупал костюмы от Армани и золотые «Ролексы». Даже если она согласится выйти за меня, я понятия не имею, что она за человек.

— Неужели ты позволишь какому-то захоластному толстосуму Стюарту Хэтчу вешать тебе лапшу на уши? Да тебе же плевать на ее прошлое. Лучше взгляни на наше! У тебя с ней гораздо больше общего, чем ты думал.

Эта мысль только что пришла мне в голову.

Роберт подался ко мне:

— Нэд, ты, можно сказать, уже почти любишь ее. Это карма.

— Если уж я не знаю, что думать о Лори, то что мне думать о тебе, не знаю и подавно.

— Представь, что думаю о тебе я. Хотя в чем-то мы с тобой один и тот же человек. И не думай, что моя жизнь была более трудной, чем твоя.

— Откуда тебе знать, что за трудности были в моей жизни?

— Отличный вопрос, однако ты все же более-менее человек, а вот я человек лишь самую малость. Думаешь, мне легко приходится?

— Понятия не имею.

— А разве ты не рад тому, что узнал о прошлом в последние два дня? И что мы с тобой встретились?

Я хотел сказать, что мне от всего этого тошно, но сердце ответило за меня:

— Да.

— В нужный момент ты всегда говоришь «да», — улыбнулся Роберт.

Этот внезапный намек на мой повторяющийся сон подсказал мне новую мысль:

— А не ты ли нанес визит на Нью-Провиденс-роуд?

Я застал его врасплох.

— Куда-куда?

— Старый дом Говарда Данстэна. Тот самый, что Сильвэйн построил из привезенных из Провиденса камней.

— Жуткое местечко. Оно как черная магия — может сожрать тебя живьем.

— Именно туда ты меня каждый раз зазывал, — сказал я.

Роберт собрался с духом, прежде чем еще раз взглянуть на меня, как мне показалось, с выражением абсолютной искренности:

— Ты о своих повторяющихся снах. Это были всего лишь *сны*. Я тут ни при чем. Это твое. Именно так и работают сны: ты говоришь что-то *самому себе*.

— Откуда тебе знать, о чем мои сны?

— Мы ведь должны были быть одним человеком, — объяснил он. — Так что неудивительно, что время от времени мы с тобой видим одни и те же сны.

Я задумался о том, что было бы, если бы Роберт и я родились в одном теле, и почувствовал сбивающий с толку, похожий на обморок прилив эмоций — в равной степени притягательный и отвратительный. Я услышал, как Говард Данстэн говорит: *«Мы вылетели из трещины золотого кубка. Мы — дым из пушечного жерла»*. Мы вытекли через трещину в чаше, нас украли из карманов павших на

поле боя солдат — это объяснение, как и любое другое, подходило для охватившей меня радости, равной сопровождавшему ее страху, но более сильной, чем этот страх.

— Кто бы ты ни был — ты мой брат, — прошептал я. — Более того. Ты — моя половина.

— Знал бы ты, чего мне это стоило! — Роберт содрогнулся. Он отвернулся, прежде чем взглянуть на меня с тем же чувством, с каким я смотрел на него. — Я презирал тебя. Ты и представить себе не можешь, какая меня душила обида. Я ведь едва знал свою мать. А ты жил с ней, по крайней мере — временами, а когда не мог, она навещала тебя. Она присылала тебе открытки ко дню рождения. У меня ничего этого не было — Роберт оставался в тени. А Стар вынуждена была защищать своего маленького Нэда. И встречались мы один-единственный раз.

Понимание с мощью локомотива надвигалось на меня.

— Вспоминаешь? — спросил Роберт.

— Это было в тот день, когда нам исполнилось девять лет. Что-то случилось. За день до этого я заболел.

— Вспоминай, вспоминай, — сказал Роберт.

— Я тогда немного не успел. Не припомню, где это было.

— Ты меня едва не убил, — подсказал Роберт.

— У меня был жар, я не мог подняться с постели. В комнату вошла Стар. Я подумал, что самое страшное позади, потому что приступы мои обычно случались в середине дня. Мать стояла рядом с моей кроватью... А ты где был? Куда я пришел?

— Это было у Анскомбов, — помог мне Роберт. — Так они себя, во всяком случае, называли. Они взяли меня к себе, потому что их ребенок умер.

— Бог ты мой! Так ты был в Боулдере?

— До того времени мне всегда удавалось вовремя почувствовать, как он вынюхивает меня, и смыться. В тот день ты заболел, и я ничего не почувствовал.

Где-то в голове прозвучал обрывок ритма, и Фрэнк Синатра пропел: «Борись» — и отстал на долгий, неестествен-

но растянутый момент, прежде чем вновь вступить: «Борись, борись изо всех сил...», и по нисходящей дуге музыкальной фразы все, что я хотел забыть, нахлынуло на меня.

— Я была тобой.

79

В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году, к десяти вечера своего совместного дня рождения, Нэд Данстэн и мальчик, известный как «Бобби Анскомб», возмнили, что избавлены от ежегодного испытания. Предыдущий и почти весь сегодняшний день Нэд провалялся в жесточайшей лихорадке, мотавшей его между истощением от обезвоживания и приступами белой горячки. Кризис болезни произошел перед заходом солнца, оставив мальчишку насквозь мокрым от пота, испытывающим сильную жажду и достаточно ясно сознающим, что он только что пережил свой ежегодный приступ. Что же касается «Бобби Анскомба» — тому не удалось почувствовать ни одного сигнала тревоги: ни ощущения электрической напряженности в воздухе, ни пульсирующего покалывания и трепета, бегущих по обеим рукам, ни внезапных проблесков ярких голубых точек, дрейфующих на периферии его зрения, — все это он, как правило, ощущал за двое-трое суток до дня своего рождения, когда наступал срок еще раз сдать себя, — до следующего выхода в мир людей, в тепло забот супружеской пары, что усыновит его и возьмет на воспитание, к аморфному вакууму, в котором прошла большая часть его детства. «Бобби» стоял на коленях на чердаке, гадая, сколько — чтобы не заметили — взять себе денег из кожаного чемодана, найденного им за недостроенной стеной. Еще один тайник с банкнотами был на кухне, но «Майкл Анскомб» приглядывал за ним. В это время Нэд Данстэн лежал на кровати Стар — мокрая простыня отброшена в сторону, мать гладит его лоб.

В спальне на Вишневой улице Нэд почувствовал, как неодолимая сила начинает со всех сторон давить на его тело — будто сам воздух стал вдвойне тяжелее. Причудливое ощущение, слишком хорошо знакомое, перешло в грудь и прозвенело по нервам. Когда мать склонилась над ним, темная зелень ее блузки и чернота ее зрачков кипели, переливались и искрились.

Что-то произошло внутри дома, но Роберт не мог сказать, что именно. Неожиданный шум, перемещение потоков воздуха, открытая дверь, шаги по лестнице на чердак? Если «Майк Анскомб» проверил его спальню, ему нужно выдумывать причину для своего поведения, и очень быстро. «Майк Анскомб» не терпел непослушания. Роберт побежал к двери на чердак, а из щелей меж половых досок взметнулись языки голубого пламени.

Тело Нэда напряглось, рванулось вверх и затем рухнуло вниз на матрац. Прежде чем он стремительно унесся в никуда, Нэд увидел плавно приближающееся убитое горем лицо Стар.

Сквозь волны голубого пламени он летел за спиной Мистера Икса по асфальтовой подъездной дорожке к загородному дому с бросающейся в глаза новой пристройкой слева от фасада. Велосипед устало привалился к ступеньке. Плосколицая луна выглядывала из-за вершин гор, казавшихся нереальными, как задник театральной декорации. Зябкая ночь была густо напоена запахом хвои.

Театральным жестом Мистер Икс нажал кнопку звонка. Когда дверь открылась, он со страшной силой ударил ножом в живот выпешшего к нему мужчину и, удерживая жертву, вошел вместе с ней в дом. Невидимая сила, принеся Нэда на асфальтовую дорожку, повлекла его в комнату. Из динамиков по обе стороны камина голос Фрэнка Синатры раскатывал полотно длинной фразы о незыблемой цели и старой, неодолимой силе.

Подойдя к чердачной двери, Роберт остановился и прислушался.

— Мистер Анскомб, я полагаю? — произнес Мистер Икс.

Мужчина опустил изумленный взгляд на лиловые нити внутренностей, вывалившихся из распоротого живота. В неожиданном изменении обстановки, вернувшем ему странное воспоминание о чучеле лиса с поднятой лапой под стеклянным колпаком, Нэд воспользовался тем, что Мистер Икс с радостью увлекся своим делом, и пятился до тех пор, пока не наткнулся спиной на дверь. Пелена голубого огня дрейфовала вдоль стен, и Фрэнк Синатра настаивал на том, что кого-то нужно поцеловать.

Ликующий Мистер Икс вспорол горло «мистеру Анскомбу».

Нэд глянул налево и сквозь стену, словно в свете фото вспышки, увидел крупную женщину со спутанными светлыми волосами, лежавшую на постели и читавшую «Спокойной ночи, луна». С этим видением пришло странное и неуместное знание: лежавшая на кровати женщина родила мертвого ребенка, который почему-то был невероятно, просто чудовищно *неправильным*.

Нэд бросился в короткий коридор, упирившись в закрытую дверь. Перед ним не прикрытые ковровой дорожкой ступени вели к более узкому проходу в другое помещение.

Роберт прижал ладони к деревянной стене и сосредоточился на том, что происходило внизу, под ним. Прозрачные языки голубого пламени облизывали ему пятки и весело тянули яркие, живые нити-штрихи сквозь пол чердака. Слабые звуки снизу подсказали Роберту, что «Майклу Анскомбу» вспорол живот охваченное зверской радостью существо, которое долго его преследовало и наконец настигло. Жизнь самого Роберта теперь зависела от его способ-

ности избегать ежегодных вторжений хищной твари в это странное, промежуточное бытие.

Таинственные, неземной мягкости шаги, легче детских и абсолютно Роберту не понятные, плыли к нему снизу по лестнице.

Нэд поднялся до половины лестницы и застыл на месте. Сквозь закрытую дверь с непринужденной естественностью сновидения был виден мальчик, как две капли воды похожий на него.

Роберт с изумлением опустил глаза на ошеломленно таращившегося на него суперпривилегированного, бережно хранимого брата и с облегчением понял — вот оно, средство к спасению, перед ним. Он прижал палец к губам, а затем указал вниз. Брат отступил, и Роберт бесшумно спустился на первый этаж.

Нэд сошел по ступеням и посторонился. Его удивительный двойник указал на конец коридора. Нэд пошел к двери и попытался открыть ее. Пальцы его прошли сквозь дверную ручку спальни Роберта и, ухватив пустоту, сомкнулись в кулак.

Он посмотрел через плечо и за спиной разъяренного двойника, за прозрачной стеной увидел Мистера Икса, который быстрыми шагами удалялся от недвижимого тела «мистера Анскомба», лежащего на полу, чтобы ворваться в комнату, забитую картонными коробками. Женщина со спутанными волосами подалась вперед, прижимая к груди книгу «Спокойной ночи, луна», словно талисман.

Роберт видел, как пальцы его двойника прошли сквозь дверную ручку спальни, и понял, что двойник не *настоящий*. Настоящий же Нэд Данстэн спокойно спал в Эджертоне, а то, что было отправлено в Боулдер, было иллюзорной моделью, копией. Впервые в своей необычной жизни

Роберт обнаружил в себе способность загасить в душе обиду, отложить ее на время, чтобы понять: любимчик матери физически не присутствовал здесь, но некий аспект Нэда Данстэна был доставлен к нему, и эта фикция, этот *дубликат* сейчас необходим, чтобы выбраться из дома.

Роберт резко обернулся и увидел в точности то, что мгновением раньше увидел его брат.

Через секунду после того, как Роберт бросился вперед по коридору, Нэд последовал за ним, полагая, что его двойник бросится в гостиную и пройдет сквозь входную дверь. Пробежав через весь коридор, Роберт исчез. Сбитый с толку Нэд сделал еще несколько шагов вперед и увидел женщину, которая все еще медленно двигалась по спальне. Мистер Икс приближался к следующей жертве. Вокруг скрюченного трупа «мистера Анскомба» разливалась лужа крови. Фрэнк Синатра намеревался целовать обожаемые им губы. Нэд посмотрел в другой конец гостиной и у перегородки, отделявшей ее от кухни, увидел Роберта — тот пристально глядел на него. Нэд бросился прочь из коридора.

Невероятно, подумал Роберт. Его брат — *точная копия* его брата — стоял и глупо пялился, как турист в Большом Каньоне. В тот момент, когда Роберт начал было подумывать, не запустить ли в брата тостером, чтобы привлечь его внимание, Нэд посмотрел в сторону кухни и увидел его. «Давай», — подгонял мысленно Роберт, и брат оттолкнул в сторону бутылочки с моющими средствами и открыл тайник, который устроил здесь один из предыдущих владельцев дома, чтобы прятать драгоценности своей жены. Его пальцы нащупали края металлической коробки.

Нэд не верил своим глазам. Его двойник стоял на коленях перед раковиной и что-то искал. Через секунду-другую либо женщина, либо Мистер Икс, а то и оба они войдут в кухню.

— Кончай копаться,— прошептал он.

— Ш-ш-ш,— прошепел в ответ двойник.

Нэд забрался в нишу для посудомоечной и сушильной машин у двери черного хода и оттуда наблюдал, как появился Роберт с плоской металлической коробкой в руке. Он открыл крышку и вытащил две пачки банкнотов. Еще раз запустил в коробку руку и застыл. Голова его резко склонилась набок.

Они сейчас погибнут. Вот и все. Жадность двойника погубила обоих.

Роберт наблюдал, как, ковыляя, появилась «Эллис Анскомб» и повернула голову в сторону кухни. Ее глаза побегали от возмущения.

— Ах ты, говно на палочке,— прошепела она.

«Эллис» как во сне повернула голову в сторону коридора, улыбнулась и сказала:

— Ты кто, черт побери, Боб Хоуп*?

Роберт и Нэд почувствовали, как атмосфера вокруг них сгущается и одновременно таинственно проясняется. Единственное — кроме них — живое существо в доме услышало слова «Эллис Анскомб».

Голос в голове у Нэда произнес: «Меня нельзя убить, меня здесь нет, но *его* можно». Нэд выбрался из ниши. И в то же самое мгновение наконец-то понял, что его загадочный двойник и есть то, чего ему так не хватало, по чему он так тосковал всю жизнь. Он нашел своего брата.

Роберт вскочил на ноги и рассовал деньги по карманам. «Эллис» направилась прямоком к луже крови, потрясенно остановилась и посмотрела вниз. Роберту показалось, что он видит, как уголки ее губ поднимаются, когда до нее доходит, что это тело ее мужа, и улыбка — если это была

улыбка — угасает. Из рук ее выскальзывает книга, и на ступни летят брызги крови. «Эллис» поворачивает лицо к пустому коридору.

А Фрэнк Синатра все пел: «Борись, борись, борись изо всех сил»...

...и Нэд почувствовал, как он тает, исходит из бытия со стремительностью испарения дождевой капли на горячем асфальте. Он вытянул руки и сквозь их неясную, светло окрашенную материю увидел плитки кухонного пола.

Безумная в гостиной заорала: «Зачем ты делаешь это? Неужели не видишь, что я уже в аду?» Бесстрастный мужской голос ответил: «Не надо волноваться, миссис Анскомб. О вас позаботятся, очень скоро позаботятся».

Роберт и Нэд пристально смотрели в такие схожие лица и, казалось, скользили друг к другу, даже не пытаясь делать каких-либо сознательных движений. Нэда бросило в дрожь от понимания того, что спасение брата и в какой-то мере его собственное спасение зависели от невероятного акта капитуляции.

Они слышали, как закричала женщина: «Черт, я уже в аду, только сукин сын не КРАСНЫЙ, он ГОЛУБОЙ!»

Нэд тянулся к Роберту и чувствовал какой-то новый страх, очагом которого было осознание того, что он стоял на пороге перемены, которую был не в состоянии ни предвидеть, ни управлять ею. Страх стал всепоглощающим, когда он понял, что часть его истосковавшегося существа уже протягивала руки своей половинке.

Разумная, отвечающая за самозащиту часть сознания Роберта также с радостью приветствовала приближающуюся тайну, потому как видела в ней шанс к спасению. Другая, беспорядочная и не поддающаяся логике часть сопро-

* Боб Хоуп — знаменитый американский комик (1903–2003).

тиваялась страху более сильному, чем страх Нэда. Роберт чувствовал отчаяние и отвращение оттого, что его обманом ввергли в опасную сделку.

Неодолимо Роберт и Нэд плыли навстречу друг другу и растворялись друг в друге, деля поровну собственные страхи, сомнения и обиды. И в мгновение встречи души обоих сопротивлялись и бунтовали: одна — против бездны гнева и жестокости другой, вторая — не принимая того, что казалось невыносимой ограниченностью и ничтожностью несвободы, невозможностью выхода для пламенного желания *бунтовать, опустошать и губить*.

И тотчас же, как только была замечена, эта двойственность переживаний разрешилась гармонией, обратилась в нечто целое, наполненное осознанием куда более емкого единства, равного обладанию неким величием, скрываемым от них лишь фактом *реального* отсутствия Нэда. И такая глубина капитуляции личности сопровождала это ощущение новых возможностей, что оба мгновенно отпрянули. Тем не менее, продолжая разделять один разум и одно тело, они просочились сквозь кухонную стену, и Нэд, который был половинкой целого, был уверен в том, что неотделимое от него второе «я» тоже испытывает радость и удовлетворение, равные его собственным.

Из дома они выплыли вместе, и половинка-Роберт, взяв управление на себя, понес обоих в благоухающую хвоей ночь. Нэду казалось, что он катит в гору на тяжелом неповоротливом велосипеде, затем — плывет под водой против сильного течения. Мышцы его ныли, легким не хватало кислорода. Одна за другой тянулись туманные мили. Неожиданно они остановились передохнуть на пустом участке, окруженные трепещущим кружевом белых цветов. Роберт сорвал с себя Нэда, словно грязную рубаху. Мириады звезд глядели с темного неба.

«Это слишком для меня,— подумал Нэд.— Я больше не могу».

— Где мы?

— Я где-то в Висконсине,— ответил Роберт,— а ты в Эджертоне, с мамочкой.

Нэд подтянул колени к груди — голову пронзила острая боль.

80

— И я был тобой,— говорил Роберт,— достаточно долго, чтобы успеть вытащить нас из Боулдера.

— Как же я мог забыть такое...— отвечал ему я.— Я спас тебе жизнь.

— А я спасал тебя несколько раз. Ты в состоянии остаться в живых хотя бы до нашего дня рождения? Я не могу защищать тебя каждую минуту двадцать четыре часа в сутки.

— Нам с тобой нужно поговорить о стольких вещах...— начал было я, но он исчез.

81

МИСТЕР ИКС

О Вы, Парящие в Недостижимой Вышине! О Вы, Дым из Пушечного Жерла! Ваш Сын хотел бы знать, существует ли все еще в Вашем Триумфальном Золотом Веке то, что обычно называют «проблемой прислуги»? Вы в своих Величественных Королевствах нанимаете на службу смиренных созданий, безусловно покорных, безусловно из Завоеванных и Порабощенных территорий? Если так, то Вы понимаете, о чем я. Невольник есть то же, что и слуга, только более ответственный и дисциплинированный. Святой покровитель слуг — Иуда. Мои земные родители страдали от воровства вероломных служанок и экономок. В моей жизни тоже были Иуды, а первый из них — Суконная Баш-

ка Спелвин, на чье предательство я ответил кратким визитом в его тюремную камеру. А теперь вот подвел меня и этот подергунчик Френчи Ля Шапель.

Сегодня утром я выхватил (разумеется, не оплатив) с газетной стойки номер «Эха Эджертон» и устремился вдоль по Честер-стрит, просматривая первую полосу. Редакторы успели лишь вставить краткую заметку об уничтоженном в огне пожара «скромном доходном доме». Огонь, как полагают, стал и причиной смерти единственной жертвы. В завтрашнем выпуске будут фотографии и подробности.

Под личиной простого смертного я не спеша направился к месту радостного события. Мое видимое дневное «я» обладает благопристойной внешностью политика или дипломата, ушедшего на пенсию, однако сохранившего широкие полномочия. Хотя я уже немолод, но, признаюсь, все еще хорош собой. (Чтоб полностью описать подробности моего мирского существования, скажу, что я использую фальшивое либо вымышленное имя, и в имени этом заключена разоблачительная шутка, которую, скорее всего, никому не дано постичь, да и сам я теперь отошел от исполнительской должности.)

По дороге к пожарищу мне не давал покоя один вопрос. Если бы сын мой погиб, я бы уже *знал* об этом, как узнал о смерти его матери. Хотя... он ведь неженка, слабый отпрыск, в котором доля моего наследия слишком незначительна, чтобы он обладал даром телепатической передачи.

От «скромного доходного дома» осталась куча почерневших камней. По территории пожарища, огороженной сетью красных лент с надписями «Проход запрещен: опасная зона», «Опасная зона», «Проход запрещен», в оранжевых космических скафандрах бродили эксперты и следователи. Коллекция кретинов и любителей насладиться чужим горем собралась на противоположной стороне улицы.

Я покружил среди них и выяснил все, что смог. Кое-кто винил в пожаре старую электропроводку, большинство же — ведьму Хелен Джанетт. Я едва не сошел с ума от нетерпения: *кто же жертва?*!

Наконец я собрался с духом и спросил какого-то сиплого доходягу:

— Это правда, что один из постояльцев погиб?

— Чего?

— Кто-то погиб, говорю...

— А, да! Отто. Черт, жалко мужика. Вы знали его?

— Не так чтобы очень.

Доходяга кивнул:

— Похоже, вы переживаете больше, чем хотите показать.

— Да уж, поверьте, переживаю.

Я поспешил обратно в свой свинарник и занялся прослушиванием передач новостей. С места трагедии увезено неопознанное тело. Часом позже: личность погибшего, похоже, установлена, но опознание еще не проводилось. Опознание проведено, личность установлена, но информация держится в секрете. Незадолго до полудня: погибший — Отто Бремен, семидесятилетний охранник начальной школы Карла Сэндберга.

Ближе к вечеру дикторы упражнялись в разглагольствовании о том, что следователи и инспекторы, нанятые пожарным департаментом и департаментом полиции Эджертон, пришли к заключению, что причины возникновения пожара достаточно подозрительны.

Теперь вы понимаете мои жалобы по поводу «проблемы прислуги».

По правде говоря, такие, как Френчи, на дороге не валяются. Я решил дать этому гаденышу второй шанс. Френчи не настолько глуп, чтобы похвастаться своим преступлением. (В отличие от Кэсси Литтл.)

Надо бы приберечь жизнь Френчи, поскольку он может исправить положение и пронюхать, не ошибся ли кое-кто из моих старых знакомцев... Стар не могла обнародовать имя «Эдвард Райнхарт», она умела хранить тайны. Ясно также, что она не говорила неженке, что у него есть брат.

Будь он проклят. И братец тоже. «Я думал, что был один ребенок...»

Ведь как-то давным-давно я *его* почувал: в тот день, чувствую, атмосфера накалилась — мое возбуждение достигло предела непомерного — я ощущал *присутствие* — и вот колышущаяся тень ускользает от меня — странность происходящего волновала и интриговала — теперь я понимаю.

Полагаю, эта парочка *встретилась и воссоединилась*. Опасный Сын совсем рядом — *развязка* близка. Источник моих неудач один, и имя ему — *Неведение*. Я-то думал, что Один-Единственный — никак не Два. Я-то думал, что *Тень* — это образ моей Жертвы, но не беспомощная *Тень* его брата.

Я протестую! Вы неправильно истолковываете некоторые вещи!

Но хватит плакаться. При жизни эта самка, видать, излучала что-то вроде защитного поля. Понимание придает мне сил, как и благословенное Одобрение: а в период зрелости — или, как многие называют этот период, в старости — успех слаще, чем в юности.

82

МИСТЕР ИКС

Шесть часов спустя. Мне необходимо поспать. Неприятные сны осаждали меня, лишь стоило задремать, и битый час я вертелся и вздрагивал. И тем не менее.

Утренний выпуск «Эхо Эджертона» сообщает всем и вся, что пожар на Честер-стрит возник в результате поджога. Под заголовком две элегические колонки сопровождало фотографическое изображение толстого школьного охранника Отто Бремена. ПЛЮС! — аж голова закружилась — в память о мистере Мои-Усы-Куда-Длиннее-Ваших начальная школа Карла Сэндберга объявила о назначении вознаграждения размером в десять тысяч долларов за информацию, способствующую аресту и осуждению поджигателя.

Меня вот-вот охватит трепет и начнется сердцебиение. А если б там нашли сожженным меня, раскошелился бы кто-либо на десять тысяч за имя поджигателя? Кстати, Кэсси Литтл перерезала бы глотку своей мамаше за пригоршню пятицентовых монет, а это значительно меньше, чем десять тысяч.

Прежде чем солнце отмеряет по небу пять футов пути, Френчи получит приказ о выступлении.

83

Следующим утром, перед рейсом Эшли, я отправился в отель «Мерчантс», чтобы забрать сумку и за завтраком рассказать о пожаре и капитане Мьюллере.

— Недавно позвонила Лори. Я сказала ей, что раздобыла полезную информацию. А она не спросила, как я ее раздобыла.

— Хорошо.

Эшли окунула ложку в гранолу*:

— Мьюллен проверил, нет ли на тебе микрофона? Похоже, его самого кто-то пасет. Или он опасается, что будут пасти. Уверена, его очень беспокоит, что будет, если Хэтча осудят. За пару дней, считая от сегодняшнего, эти ребята совсем измаются.

— Только не Мьюллен, — сказал я.

— Ты здесь провел не больше времени, чем я, и уже в курсе всего. Интересный ты человек, Нэд.

— Ты обо мне и половины всего не знаешь.

— Нэд. — Эшли положила ложку. — А что в этом смешного?

Тоби Крафт вышел из-за стойки и обнял меня:

— Слушал утром новости и ушам своим не верил! Ты в порядке? Что там стряслось?

* Подслащенная овсянка с добавлением орехов и изюма.

Я рассказал, что переехал в «Медную голову» после того, как его подруга выставила меня вон.

— Я так понимаю, вы были знакомы еще в те времена, когда ее звали Хэйзел Янски.

— Тыщу лет назад у нас с ней был кое-какой бизнес. Дама попала в беду, я помог ей выкарабкаться. Я друзьям помогаю.— Тоби даже виду не подал, что обеспокоен.— Ты что-то проведal о ее прошлом?

— Кое-что. Надеюсь, ты застраховал тот дом?

— Не сомневайся. Тетушки в курсе, что ты жив-здоров?

— Я им не говорил, где остановился, но позвонить, конечно, следует,— сказал я.

Тоби взглянул на мою сумку, и я попросил припрятать ее на время. Тоби положил сумку в сейф поверх папок и разрозненных бумаг и выпрямился.

— Хелен мне всю плешь проела: зачем я сказал тебе ее старое имя. Но ведь ты не от меня его узнал.

— Я нашел его в подшивке старых номеров «Эха»,— сказал я.— Тоби, ты из-за этого попал в Гринхэвен?

— Присядь-ка.

Те же горы бумаг захламыали стол; те же самые женщины в тех же вульгарно откровенных позах глядели со стен. Тоби сложил руки на животе:

— Хочешь знать правду о том деле? Одни люди желают усыновить ребенка и сталкиваются с трудностями. А другие отказываются от детей, которых дарит им Господь. Не могу отстаивать законность того, что я делаю, но вот что касается морального аспекта...

— Да какой моральный аспект — вы продавали детей,— перебил я.

— А агентства по усыновлению работают задаром?

— Они не похищают детей и не врут матерям, что их дети умерли.

— Ребенок заслуживает хорошей семьи.— Тоби развел руками.— Я, например, люблю делать людям добро. Я за-

ботился о твоей бабушке, заботился о твоей маме, теперь собираюсь позаботиться о тебе. В тот день, когда меня, упирающегося и вопящего, потащат на тот свет в объятия симпатичной дамы с косой, ты получишь весточку от величайшего из всех адвокатов — мистера К. Клейтона Крича, и твоим долгом будет привезти свою задницу сюда, в Эджертон. Я не шучу.— Сверля меня глазами, которые казались неестественно огромными за стеклами очков, Тоби пытался убедиться, что я его понял.— Ясно?

— Ясно,— кивнул я.

— Надо бы дать тебе детальную информацию.— Тоби вытянул из бумажника визитную карточку.

*К. Клейтон Крич, адвокат
Эджертон, Иллинойс
Пэддлвил-роуд, 7*

В левом нижнем углу был напечатан номер телефона, а в правом нижнем — «К вашим услугам в любое время».

— Если попадешь в какую беду в наших краях — в первую очередь звони этому парню. Обещаешь?

— Это ж величайший из всех адвокатов.

— Что б ты понимал.

— В день твоей смерти он огласит твое завещание? А к чему такая спешка?

— Пустишь все на самотек — жди гадостей. А основной принцип знаешь?

Я покачал головой.

— Успеть подстелить соломку, то бишь застать гадости врасплох,— сказал Тоби. Я громко рассмеялся.— Нэд, а может, все-таки останешься, поработаешь у меня? Дела ты вроде бы закончил, а обязанности твои я объясню за пятнадцать минут. Рабочий день с восьми до семнадцати тридцати. Небольшой перерыв на обед. Ну, готов?

— Застать врасплох? Пожалуй, готов, но только на несколько дней, не дольше. Можно я сначала позвоню Нетти?

— Звони на здоровье,— сказал Тоби.

Нетти не стала терять время на обмен приветствиями:

— Я думала, мы с тобой будем видеться, однако ты едва удосуживаешься позвонить.

— Как вы узнали, что это я?

— Узнала, и все. Часов в шесть приходи обедать. Кстати, если ты еще не успел обзавестись оружием — лучше всего обратиться к Тоби. И оружие тебе нужно без регистрационного номера. Когда придет время применить пистолет, вытри его хорошенько, выброси и уходи подальше. Будешь чище Отдела здравоохранения. Мэй сегодня тоже придет, так что, пожалуйста, не опаздывай.

Тоби откинулся на спинку стула и сцепил пальцы рук на затылке:

— Старая бой-баба подкинула пару дельных советов?

— Вы же знаете ее, — ответил я. — Как насчет инструктажа по работе в ломбарде?

— Ты здесь будешь как рыба в воде: у тебя ж это в крови. — Оттолкнувшись от стола, Тоби поднялся.

Он объяснил мне, как выдаются квитанции и где хранят вещи. Фотоаппараты и камеры отправлялись на один стеллаж, часы — на другой, музыкальные инструменты — на витрину, в соответствии с номерами на прикрепленных бирках. Мелкую и плоскую посуду ставили завернутыми в бумагу аккуратными стопками в выдвижные ящики, бокалы, рюмки, фужеры и фарфор — в застекленные шкафы, картины — на пол у стены, ковры и мебель — в кладовку. На заклады начислялось три процента в неделю. Я спросил, как определить сумму выплаты за заложенный товар.

— Обычно узнаешь по внешнему виду клиентов — это у них в глазах. Сам увидишь. Когда поймешь, какую сумму они мечтают получить, предлагаешь половину, и они уходят счастливыми. Если появляется что подозрительное — например, тип с магазинной тележкой, набитой мониторами, — берешь телефон и говоришь ему, что звонишь в полицию. Со временем научишься.

— Как насчет оружия?

— Бумажная отчетность в чемодане, сверху. Огнестрельное — в закрытом ящике с той стороны стеллажей. Захочет клиент купить оружие — открываешь ящик, выдвигаешь, показываешь. Ценники приклеены. Когда выберет, нужно заполнить бланки — лежат там же, в ящике. Копии мы отправляем в полицию штата, и через пять дней клиент возвращается. Винтовки, ружья — неважно: как только получено разрешение, товар выдается клиенту. Боевым оружием не торгуем, потому как у меня не арсенал.

— Нетти считает, что я должен обзавестись оружием — незарегистрированным, — сказал я.

— Она хочет, чтоб ты стал налетчиком?

После того как я поведал Тоби историю моих взаимоотношений с Джо Стэджерсом и его друзьями, он долго и внимательно смотрел на меня.

— Есть тут у меня парочка стволов, приберет их на всякий пожарный. Никому их не показывай, только в крайнем случае, и никогда не рассказывай, где взял.

Тоби скрылся в недрах лавки и вернулся с маленьким пистолетом и кобурой, очень похожей на перчатку.

— Автоматическая «беретта», двадцать пятый калибр. Обойма вставлена. Чтобы дослать патрон в патронник, отведи назад вот эту штуку. А это — предохранитель: красную точку видишь? Это значит, пистолет на предохранителе, на спусковой крючок не нажать. Большим пальцем опускаешь его, и можно стрелять. — Тоби вложил пистолет в кобуру. — Прицепи на ремень брюк сзади, никто не заметит. В день отъезда вернешь.

— Надеюсь, этого не случится, однако... Что, если мне придется стрелять из него?

— Бросишь в реку. Незарегистрированный ствол можно использовать только один раз. — Он смотрел, как я пристегиваю кобуру к ремню, затем попросил меня повернуться кругом. — А теперь забудь, что она на тебе. И понапрасну не тянись к ней руками.

Мы вошли в его кабинет.

— Вся твоя работа в том, чтобы не отходить от прилавка. Если меня нет или я занят в кабинете, приноси копии бланков каждые пару часов и записывай операции в журнал на моем столе. В журнал — по образцу — вписывай порядковый номер, фамилию клиента, описание предмета и сумму. Сумму, кстати, заноси не целую, а половину. Потом берешь другой журнал — мой стол, слева, нижний ящик, на самом дне — и записывай все то же самое, только сумму — полностью. В конце дня второй журнал убирается в сейф.

Я рассмеялся.

— Хочешь остаться на плаву — будь осторожен. Эта концепция для тебя нова?

— Тоби, я же Данстэн.

Тоби протянул пушистую от густого волоса руку, и я ответил на ее крепкое пожатие, едва не вздрогнув от неожиданно пришедшей в голову мысли: Тоби Крафт будет всегда хранить преданность моим тетушкам — а с недавних пор и мне — и всегда смотреть сквозь пальцы на их враждебность, потому что Нетти и Мэй оставались единственным живым напоминанием о жене, чьи необыкновенные таланты восхищали его сверх всякой меры.

84

Остаток дня я продремал в ломбарде. Двое мужчин — в разное время, — выглядевшие так, будто никогда в жизни ничего не закладывали, вошли и проследовали в кабинет. Уходя на обед, Тоби представил меня второму визитеру, «мистеру Профитгу», который, скользя на манжикюрными пальцами руки по моей ладони, протараторил без пауза: «Рад познакомиться парень, давай не подведи шефаладно?»

— Постараюсь, — ответил я.

Тоби вернулся один и вручил мне коричневый кулек, где были сэндвич с тунцом, пакетик картофельных чипсов и бутылка колы. Он извинился, что не отпустил меня пе-

рекусить, и сказал, что я сделал большое дело. К моему удивлению, клиенты, с которыми я общался в течение дня, подтвердили его предположение, что я сам научусь точно определять сумму залога: блеском в глазах, нерешительностью речи или упрямым жестом каждый «транслировал» сумму, на которую он рассчитывал. Когда я же называл половину ее, они соглашались.

К пяти вечера Тоби похлопал меня по спине и сказал, что я могу пойти «прихорошиться» для встречи с тетушками. И дал мне связку ключей.

— Завтра приходи на полчаса пораньше, хорошо? Надо будет кое-что переставить в кладовке. Будешь уходить, повесь табличку «Закрывается» и запри дверь снаружи. Сегодня больше никого не хочу видеть.

Закрыв решетку, я пошел в агентство на Торговой и взял напрокат «форд таурус» цвета спелой испанской оливы.

85

На карте из старого дневника Хью Ковентри въезд в Бакстон-плейс, где Эдвард Райнхарт занимал два коттеджа, оформленных при покупке на имена персонажей Г. Ф. Лавкрафта, был обозначен близ Ярмарочной, недалеко от кампуса. Я заехал на парковку перед кафе. В двух кварталах впереди Ярмарочная заканчивалась, упираясь в широкий луг, перечерченный тропинками, бегущими к краснокирпичным, неогеогианским зданиям. Оглянувшись, я увидел автобусную остановку, где я выходил, когда ездил в гости к Сьюки Титер. Бакстон-плейс была впереди и по другую сторону Ярмарочной улицы. Я прошел мимо широкого позолоченного окна ирландского бара «У Бреннана», затем, пробравшись между припаркованными машинами, рысцой перебежал улицу.

До самого перекрестка вдоль тротуара тянулись витрины. Бакстон-плейс, должно быть, находилась где-то в последнем перед университетом квартале. Я миновал непре-

рывный ряд магазинчиков с комиксами, магазинчиков одежды, студенческих ресторанчиков кондитерских лавочек. И тут будто внутренний голос шепнул мне: тот самый тупиковый проулок, упирающийся в Ярмарочную, должен быть чуть дальше на юг, может, через квартал от дома Сьюки.

Справа потянулись те же самые витрины, что я миновал пятью минутами раньше, когда шел сюда. Когда я поравнялся с баром «У Бреннана», увидел в окне бармена в фартуке, целившегося пультом в невидимый для меня телевизор. Я взглянула направо и между канадской блинной и восточным ресторанчиком увидел мощный булыжник проулок не шире моей взятой напрокат машины. Ступив на мостовую, я вгляделся в темноту. Чуть дальше, за тылами магазинов, проулок расширился. Мне удалось разглядеть двойные створки ворот старых конюшен и, уже в самом конце, два маленьких домика.

На воротах конюшен висели массивные замки, а под пыльными окнами нанесенные по трафарету буквы складывались в «Склад Университета Альберта». Дома Эдварда Райнхарта стояли бок о бок, разделенные общей стеной. У каждого было по два окна сверху и внизу и окошко над аркой входной двери. Две тощие дымовые трубы пронзали пологие черепичные крыши, и узкие резные гребни тянулись вдоль водосточных желобов. Казалось, из покосившихся, ссохшихсязданий выжали жизнь. Приложив руки к стеклу, я вглядывался в темные окна — они отражали лишь мои ладони и смутный овал моего лица. Я поспешил назад, к солнечному свету.

За восемь минут покрыв расстояние, рассчитанное на пятнадцать, я, нарушив правила, развернулся через двойную сплошную полосу и погнал машину на юг по Ярмарочной улице. На светофоре зажегся желтый свет, но я, вдавив акселератор в пол, пролетел перекресток за мгновение до того, как загорелся красный. Роберт, внезапно появившийся на пассажирском сиденье справа, зааплодировал:

— Вот это класс!

Я чуть не налетел на стоящую у тротуара машину.

— Я тебя напугал? Ну, прости, прости. Надеюсь, наши документы в сейфе у Тоби Крафта?

— Иди ты к черту! Да, они у Тоби в сейфе.

— Какие у нас планы на вечер?

— Я обедаю с Нетти и Мэй.

— А известно ли тебе, что мне еще не доводилось испытывать удовольствие от компании наших пратетушек?

— Тебе не понравится,— сказал я.— Разговоры у них скучные.

— Так давай я избавляю тебя от скуки. Займу сегодня твоё место.

— Нет.

— А после скучного обеда не собирался ли ты отправиться в Эллендейл?

— Держись подальше от Лори Хэтч,— пригрозил я.

— Ну, если ты так настаиваешь... Во всяком случае, некоторое время.

— Слушай, Роберт,— начал было я, но заметил, что обращаюсь к пустому креслу.

86

Со своего поста у окна тетя Джой показала пальцем на дом Нетти, а затем — на себя, веля мне после ужина зайти к ней. Я кивнул. Нам с Джой надо было о многом поговорить.

Когда я вошел в гостиную, тетушки заулыбались мне с дивана. Кларк расщедрился на снисходительную усмешку. Сегодня он нарядился в жемчужно-серые брюки, пиджак от фиолетового костюма и широкий красный галстук в желтый горошек:

— Ты никак машиной обзавелся?

— Взял напрокат.— Ответив ему, я поцеловал тетушек, и Мэй вручила мне коричневый бумажный пакет.

— Надеюсь, с размерами я не промахнулась.

В пакете оказались три упаковки трусов «Кельвин Клайн» тридцать четвертого размера и шесть пар высоких носков тонкой шерсти. После того как тетюшки поделили добытые в больнице трофеи, я шутки ради попросил Мэй раздобыть мне нижнее белье и носки, а она, оказывается, восприняла это как руководство к действию.

— Тютелька в тютельку,— сказал я.— Честно говоря, способ добычи мне не по душе, но все равно, спасибо, тетя Мэй. Я буду их носить.

— Скажи-ка мне, кроме этого блейзера, у тебя совсем нет верхней одежды? Могу подыскать тебе у Лиалла. У них в отделе мужской одежды есть замечательные пальто.

— Нет-нет, спасибо,— торопливо проговорил я.— Пиджаков у меня достаточно.

— А такого цвета есть? — спросил Кларк почти воинственно.

— Такого нет, но ваш мне очень нравится.

— Да, цвет особенный; как бы ты назвал его?

— Фиолетовый?

— Терпеть не могу, когда юноша валяет дурака.

— Темно-фиолетовый?

— Это называется оттенком красновато-лилового. Теперь нет нужды пребывать в неведении.

— И слава богу,— сказал я,— а то я пребывал в неведении большую часть моей жизни.

— Пойдемте-ка лучше на кухню,— объявила Нетти.— Нэд, ты все еще любишь жареную курицу?

— И никогда ее не разлюблю.

На столе стояли тарелки с картофельным пюре и фасолью и кувшин чая со льдом. Нетти сняла алюминиевую фольгу, раскрыв блюдо с курицей. Мэй помогла разложить мясо по тарелкам. Дядя Кларк опустился на стул, и я налил ему в стакан холодного чая:

— Как поживает ваша подруга Кэсси?

Он отхлебнул ровно столько, сколько понадобилось бы, чтобы потушить спичку:

— Девчонка сегодня не явилась на работу. Брюс Мак-микен рвал и метал.

Мэй устраивалась на стуле напротив меня, пока Нетти ходила за соусом и бисквитами. Я разлил чай в другие три стакана. Нетти поблагодарила меня — официально. В полной тишине каждый накладывал себе пюре и фасоль.

— Замечательный ужин, тетя Нетти,— похвалил я.

— В детстве ты просто обожал жареную курицу.

— Никто не готовит ее так, как вы,— улыбнулся я.

Снова тишина. Мое высказывание о том, что я вырос в неведении, убило веселье.

Нетти, для которой даже полное скрытого смысла молчание было непереносимой мукой, не выдержала первой:

— Чем ты занимался все эти дни? Катался по городу в новой машине?

— Или играл в карты? — подключилась Мэй.— Шпана из Маунтри все еще разыскивает тебя. А одного из них убили. Невелика потеря для мира.

Нетти одарила меня одним из своих тысячепудовых взглядов:

— Надеюсь, полиция тебе не доставила неприятностей? — Она помедлила.— Впрочем, ты все равно не скажешь.

— Да, они меня отпустили с миром,— сказал я.— Странное дело: в городе живет человек, очень на меня похожий.

— Брехня,— сказал Кларк, ловко опуская крошечную порцию картофельного пюре в капелюшку соуса.

— Вовсе не брехня,— мягко возразил я.— Вчера, когда я выходил из мэрии, он стоял в дальнем конце площади. Я попытался за ним проследить, но ему удалось оторваться.

Кларк впился в меня неодобрительным взглядом:

— Чем же это ты занимался в мэрии, которая по воскресеньям закрыта?

— Друг Лори Хэтч по уик-эндам добровольно подрабатывает в мэрии. Он мне кое в чем помогает.

— Миссис Хэтч знакомит тебя со своими друзьями? — подняла брови Нетти.

Я объяснил, зачем мы с Лори встречались в «Лё Мадригале».

— Мне нужна была кое-какая информация об Эдварде Райнхарте, и она познакомила меня с Хью Ковентри, своим другом, тем самым, который добровольно помогает мэрии.

— Хью Ковентри? — переспросила Нетти. — Это тот юноша, что потерял наши фотографии. Если миссис Хэтч твоя добрая приятельница, она могла бы помочь нам вернуть их.

— Нет нужды вовлекать миссис Хэтч в наши семейные дела.

— Ты уже вовлек миссис Хэтч в наши личные семейные дела, — укорила меня Нетти.

— В мои личные — да, — сказал я. — Если вам от этого легче, об Эдварде Райнхарте я в мэрии узнал не так уж много — то, что он купил два маленьких дома в тупиковом переулке в Колледж-парке. А еще то, что он был уголовником. Умер Райнхарт предположительно в тюрьме.

— На этом можно остановиться и больше не копать-ся в грязи, — проворчала Нетти.

Копаться в грязи. Я представил себя стоящим на коленях на травяном ковре позади разрушенного дома Говарда Данстэна — я вспомнил, как проваливался вниз, и пафосная речь призрака зазвучала в моих ушах: «Когда был сотворен твой отец, я решил развлечь себя тем, что лишил его рассудка... Возможно, ты сам же его и уничтожишь. Финал игры больше мне не интересен».

От внезапного, огромной важности откровения у меня перехватило дыхание.

Все трое смотрели на меня так, будто наблюдали наяву приход этого внезапного откровения, однако на самом деле видели они не больше чем выражение моего лица. Говард сообщил то, что я больше всего стремился узнать, и заодно это развлекало его.

— Дело в том, что Эдвард Райнхарт не умер в Гринхэвене, — сказал я. — Он живет в Эджертоне. И, насколько мне известно, ведет себя почти совсем как Данстэн.

Подбородок Нетти утонул в ее груди, а Мэй вдруг очень заинтересовалась чем-то на плите. Кларк препарировал фасолину.

— Этого не может быть... — наконец проговорила Нетти.

— Столько всего о нашей семье от меня утаивалось.

— Наслушался сплетен! — Нетти зыркнула на меня.

— Если хотите заставить меня думать, что Данстэны были нормальной семьей, держите меня подальше от тети Джой, — сказал я.

— Джой живет в своем собственном мире, — возразила Нетти. — Разве можно воспринимать ее слова всерьез?

— Вы хотите, чтоб я забыл, как она мановением пальца подвесила в воздухе дядю Кларенса?

— Джой — в отличие от тебя, Нетти, или меня — не так повезло в жизни, — сказала Мэй. — А в своих бедах она винит нашего папу.

— Мы говорим сейчас не о ее бедах, — недовольно проворчала Нетти, — а о том, что она *сделала*.

— Мы говорим сейчас о Данстэнах, — сказал я. — Тетя Нетти, а ведь вы с Джой не такие уж разные, а?

Она швырнула мне еще один яростный взгляд:

— Я *Данстэн*, если ты это имеешь в виду. Хочешь, я сейчас докажу тебе, что это так?

Прежде чем я успел ответить, Нетти сунула ладони под мышки и, нахмурившись, уставилась на стол. Кувшин приподнялся, перенесся на другой конец стола и долил чаю в мою чашку. Затем подплыл по воздуху к чашке Мэй, которая сказала: «Нет, спасибо, мне достаточно». Звякнув кубиками льда, кувшин приземлился на стол.

Нетти повернула голову к Кларку. Тревога пробежала по его лицу:

— Нет! Я не..

Он приподнялся на три фута над своим стулом и поплыл к плите, будто в сказке о ковре-самолете.

— Нетти, сейчас же опусти меня!

Она заставила его сделать полный оборот и вернула на стул. Прижав руки к груди, Кларк сделал два шумных вдоха:

— Ты же знаешь, мне не нравится, когда ты так делаешь.

— Однако ты женился на мне.

— А мне нравится, — зашептала Мэй, — и всегда нравилось.

Нетти вытерла лоб и зафиксировала взгляд на своей сестре. Хихикая, Мэй взмыла над стулом, облетела вокруг стола и вернулась на место.

Нетти сердито смотрела на меня:

— Еще хочешь?

Единственное, что я мог проговорить: «Да...»

Сдвинув брови, Нетти скорее смотрела не именно на меня, а на мое положение в комнате. Капелька пота выкатилась у нее на лоб из-под волос. Жжение, предвестник моих «приступов», распускалось в груди. Я чувствовал, как мое существо цепко схвачено и удерживается внутри — в точности как это делал со мной Мистер Икс. С тем же чувством беспомощности перед неодолимой силой я поднялся в воздух над стулом. Мощным порывом ветра меня повлекло в гостиную. Меня направление, ветер швырнул меня назад, в кухню, и перевернул вниз головой за мгновение до того, как вцепиться в стену. Крик ликования вырвался у меня из горла. Я подплыл к столу и увидел, что Нетти глядит в никуда, брови нахмурены, а лицо влажно от пота. Я перелетел к своему стулу, завис над ним, покачался вправо-влево, влево-вправо и вертикально опустился на сиденье.

— Тебе, гляжу, это нравится больше, чем мне, — проворчал Кларк.

— Потому что Нэд — *Данстэн*. — Нетти вытерла лицо салфеткой. — Чем старше, тем быстрее садятся батарейки.

— Нетти, я вчера ездил к вашему старому дому, — сказал я. — И там что-то со мной произошло. Объяснить это я не в состоянии, но могу рассказать, как все было. У меня закружилась голова, а потом вдруг вижу: стою посреди комнаты, там на каминной полке были чучело лиса и медные часы.

Не отрывая взгляда от Нетти, я краем глаза заметил, как Мэй подалась вперед, прижав руки к груди. Нетти коснулась салфеткой лба.

— И еще в той комнате был ваш отец, — продолжал я. — На нем был бархатный смокинг, в одной руке он держал сигару.

— Как выглядел наш отец? — спросила меня Мэй.

— Усталым. Но мне показалось, что он скорее делал вид, что это так.

— Что-то не узнаю я отца по твоему описанию: он был очень энергичным мужчиной.

— Зато я узнаю, — возразила Нетти. — И Джой тоже узнает.

— Он говорил со мной, — сказал я.

— Джой вот тоже все твердит, что папа часто разговаривает с ней — оттуда, из нашего старого дома. — Мэй тепло взглянула на меня. — Похоже, твоя данстэновская «доля» наконец-то проявила себя, да только вышло это чересчур сильно — в качестве компенсации за потерянное время.

— Что он сказал, когда заговорил с тобой? — спросила Нетти.

— То, что он сотворил моего отца. Я думаю, его сын назвал себя Эдвардом Райнхартом, когда вернулся жить в Эджертон. Мне бы хотелось знать другое: кто был его матерью?

— Ты хочешь знать, кто была та женщина, которая водела пашни с Говардом? — спросил Кларк. — Кандидаток предостаточно.

— Наша мать частенько говорила, что некоторые из прекрасных дам были не теми, кем поначалу казались, — сказала Мэй. — Папа ей говорил: «Ни единая из них».

— «Прекрасных дам», — повторил я.

— Люди тогда отправляли своих сыновей в школы-интернаты, — сказала Нетти, — с целью завести правильные знакомства, связи. И помнишь, Мэй, когда мы были маленькими девочками, нас в город редко возили. А учителя приезжали к нам на дом.

— Папа нас берег.

— Да только не уберег от того, что заставило бить ветровые стекла машин и срывать электропровода вдоль Вэгон-роуд.

Мэй выпрямилась на стуле:

— Я вышла из себя. Вот и все. Отец тогда очень рассердился, но я не могла совладать с собой и сделала то, что сделала.

— Ты увидела двух девочек, смеявшихся над тобой?

— Все, что я помню, это как папа кричит на меня своим низким сильным голосом. Всю дорогу домой я плакала.

— Давайте поговорим о чем-нибудь более приятном, — предложила Нетти. — День рождения нашего внучатого племянника через день после похорон нашей племянницы. Нэд, ты хочешь устроить вечеринку на свой день рождения? Я могу испечь сладкий картофельный пирог.

— Спасибо вам огромное, — сказал я, — но вы же знаете, что случается в мои дни рождения. Не хотелось бы портить праздник.

— Ты о приступах? — спросила Мэй. — *Этим* нас уже не удивить.

— Ужин мы устроим пораньше. Если почувствуешь, что «накатывает», побудешь в комнате своей мамы, пока не пройдет. Ты же знаешь, как самому управиться с этим, правда?

— Думаю, да, — ответил я. — Конечно, давайте отпразднуем все, что можно!

Я проводил Мэй вниз по ступеням крыльца.

— Это твоя машина, Нэд? Дорогая?

— Взял напрокат.

— Ну, такую малышку не так уж трудно будет конфисковать... — Внезапное вдохновение заставило Мэй резко остановиться. Она повернулась ко мне с ослепительной улыбкой. — Хочешь новую машину ко дню рождения?

— Нет, спасибо, тетя Мэй. В Нью-Йорке место для парковки днем с огнем не сыскать.

— Да, место для парковки не украдешь, — посетовала она. — Я раздобуду тебе кое-что другое. Но, увидев эту машину... — Она покачала головой. — Ты упомянул Вэгон-роуд? Папа *так* рассердился на меня тогда, в тот день. И я знаю почему. Он рассердился оттого, что рассердилась я. На *него*.

Джой в окне подняла руку, и я помахал ей в ответ. Мэй не видела ничего, кроме Вэгон-роуд.

— Ты говорил о тех девочках... А знаешь, я их помню! Они *смеялись* над нами. Я хотела умереть. Я повернула голову, делая вид, что слишком горда, чтобы замечать их, и... — Мэй покачала головой. — В итоге я сотворила такое, о чем *я и понятия не имела*, — но оказалась способна на это! Во мне от Данстэнов было столько же, сколько и в моих сестрах, что бы они ни думали. Господи, какой поднялся шум, грохот! Всюду лопались стекла, рвались и падали провода, лошади бедные так напугались... И все это сделала *я*! Случившееся напугало меня больше, чем папин крик.

Мы дошли до противоположной стороны улицы и направились к ее дому.

— Девчонки смеялись над вами, и вы отвернулись. Это произошло, когда вы уже рассердились. Но рассердились вы не из-за них, правда? Вы что-то другое увидели.

— У маленькой девочки тоже есть глаза, вот что я вам скажу. — Она крепче сжала мой локоть, и мы стали подниматься на ее крыльцо.

— Так что это было? Что вы увидели?

Джой отпустила мою руку и открыла входную дверь:

— Ох, Нэдди, ничего-то ты не знаешь...

87

Сгорбленная фигурка Джой тяжелой походкой удалилась по темному коридору и растворилась в сумраке у входа в комнату-пещеру. Как только я переступил порог гостиной, вонь резко усилилась. Кларенса куда-то телепортировали.

— Я хочу поговорить с тобой! Хочешь стаканчик шерри?

— Спасибо. А где Кларенс?

— Спит в шкафу.— Джой повернулась ко мне и внимательно всмотрелась в лицо, глаза ее слабо мерцали.— Ты видел папу, да, Нэдди? Он говорил мне, что так и будет и ты его увидишь. Сестрички мои такие ревнивые, что, небось, уже извелись все. *Им-то* не дано видеть его, и никогда не было дано. Нетти и Мэй думают, что они все знают, однако это не так, далеко не так.— Она поднесла кончики пальцев ко рту, едва не пританцовывая от ликования. Затем махнула рукой в сторону кресла.— Присядь-ка, я сейчас приду.

Легкие шорохи и глухие удары донеслись с другого конца дома. Кларенс проснулся, подумал я, и начал протестовать по поводу шкафа. Джой вернулась с двумя рюмками размером с наперсток. Я взял одну и сказал:

— Кажется, Кларенс хочет выбраться наружу.

— Да это он во сне. А шумит ветер на чердаке.— Она устроилась на краешке другого кресла и опрокинула содержимое рюмочки в рот. Я сделал то же самое. Шерри, который был явно не шерри, обжег мне горло, как керосин.

— Домашний,— доверительно сообщила Джой.— По рецепту моего ужасного, безумного папы. У меня осталась совсем капля, но я очень хотела, чтобы ты попробовал.

— Амброзия Данстэнов. Вы, конечно, тоже видели его?

— А что сказали сестры? Что я все выдумала? Ничего я не выдумывала. Говард Данстэн стоял передо мной, точно так же, как и перед тобой. Ну, скажи, разве не показался он тебе *удивительным*? Разве не показался человеком *сильным и глубоко несчастным*?

— Мне показалось, что я не увидел в нем большого желания к продолжению жизни,— сказал я.

— Если верить папиным словам, с нами было покончено давным-давно. Он являлся мне, потому что я была из настоящих Данстэнов, как и он сам, но ему не нравилась эта обстановка. Он хотел, чтобы мы все ушли.

— Он вам сказал, что я тоже смогу видеть его?

— Да, потому что ты *vrai** Данстэн, как я. Хотя он не любил тебя. Папа никого не любил, а Данстэнов в особенности. Он даже дочерей своих не любил, потому что они напоминали ему о его тщетности. Вот к такому заключению я была вынуждена прийти.

— Тетя Джой,— сказал я.— Как же вы и я могли разговаривать с вашим отцом? Это совсем не похоже на встречу с призраком — мне в тот момент казалось, будто я в самом деле рядом с ним.

— Мой папа не может быть *призраком*,— развеселилась Джой.— Подобные ему никогда не становятся обыкновенными дряхлыми привидениями. Такими их делает время.

— Время?

— Оно окружает нас. Ты можешь пользоваться временем, если в состоянии сделать это. Я не понимаю, отчего ты такой *темный* в этом отношении. По словам папы, ты все больше и больше беспокоишь его. Именно так он и *сказал*.

— Не понимаю,— покачал я головой.— Что значит «пользоваться временем»?

— Ты ведь видел моего папу, так? Ты был в его кабинете, и он был живой-здоровый, а живым он должен был быть для того, чтобы разговаривать с тобой.

Тут до меня дошло, о чем она.

— Ох...

— Ты перенесся в его время, вот и все,— сказала Джой.— *C'est simple***.

Я в изумлении смотрел на нее какое-то мгновение, пытаясь сопоставить воспоминание о пережитом с моим инстинктивным отрицанием представления тети Джой о «простом».

— У меня было чувство...

* Истинный, настоящий (*фр.*).

** Это просто (*фр.*).

— Какое? — Ее голос выдавал крайнюю степень нетерпения.

— Будто я падаю.

— Неудивительно. *C'est normal**. Не пойму, почему я должна это тебе *объяснять*. Когда ты возвращаешься *назад*, это ощущается как *падение*. Как же по-другому-то? Надеюсь, ты понимаешь, как нам повезло в жизни. Вряд ли кому-то еще дано такое. Кое-кто на это способен, но лишь раз в жизни. Куинни не может, и Нетти не может, и наверняка Мэй не под силу. А вот мой папочка мог, потом научилась я, пока были силы, а теперь — и ты. Знаешь, что частенько говорил папа?

Я покачал головой.

— Он говорил, что *поглощает* время. Занятие было папе не по душе, однако он все равно съедал его, потому что у этого есть причина, и если ты такой способностью обладаешь, ты должен найти причину. Он рассказывал, что как-то раз увидел, как Омар и Сильвэйн Данстэны мародерствовали на поле боя, и подумал, что это явилось причиной появления способности у него.

— А какая причина была у вас?

— Причина... Может, все оттого, что Говард Данстэн сделал меня такой несчастной. Может, для того, чтобы я могла рассказать тебе обо всем. Надеюсь, твоя причина благовидней моей.

— Говард сделал несчастной вашу мать, — сказал я.

— Это так, — кивнула Джой. — Глубоко несчастной.

— У него были любовницы.

— Да уж, сколько их было...

— А у тех женщин были дети от него?

Джой с интересом взглянула на меня:

— Хочешь послушать смешную историю?

Я кивнул.

— Как-то раз я закончила урок с учителем французского — я занималась отдельно, потому что у меня были ве-

ликолетние способности к французскому. Куинни и Нетти, такими способностями не обладавшие, пошли на свой урок. Мэй болела, лежала у себя. Она даже *не ела* — моя сестра Мэй вообще за все свое детство съела едва ли больше крупинки. Я сидела одна, заняться было нечем. И вот, набравшись мужества, я проскользнула в папин кабинет, эта комната была моей любимой, однако заходить туда *sans permission** я не могла. Угадай, что особенно пленяло меня в той комнате?

— Лис, — сказал я.

Джой хлопнула в ладоши:

— Я обожала лиса! Мне чудилось, если я буду долго-долго на него смотреть, старый Рейнар перестанет меня замечать и завершит тот шаг, на котором замер с поднятой лапой. Как же я мечтала *une fois seulement*** увидеть, как он двигается. Только я опустилась на колени перед камином, как зазвонил телефон. Ох! Я чуть не упала в обморок. К двери кабинета приближались неторопливые папины шаги: бум, бум, бум. Я вскочила и спряталась за спинкой дивана. Вот он входит: бум, бум. С грохотом захлопывает дверь. Я видела снизу его ноги, приближающиеся к столу. Он снял трубку и некоторое время молчал. Затем произнес: «Элли. Прошу тебя, успокойся». Я *знала*, что он говорил с *чужой женщиной*. Он сказал: «Все будет хорошо. Он будет думать, что это его ребенок». Опустив трубку, отец проговорил: «Слишком много дыма из пушечного жерла». Затем он вышел из кабинета совсем неслышно.

— Вы так никогда и не узнали, кто была эта Элли?

— Мы никогда не встречались ни с какими Элли, — ответила Джой. — Мы вообще ни с кем не встречались.

Она вгляделась в темень коридора:

— Мне пора возвращаться к своим обязанностям. — Джой проводила меня и попрощалась неожиданно сухо и официально.

* Это нормально (фр.).

* Без позволения (фр.).

** Только разок (фр.).

Когда я сел за руль, в поясницу мне уткнулось что-то металлическое. Я расстегнул кобур и положил пистолет Тоби на пассажирское сиденье. Было около половины десятого вечера ионьского понедельника. Фонари роняли желтые круги на тротуар. Вишневая улица была невероятно красивой, и весь мир, казалось, застыл в покое. Все, что мне оставалось сегодня сделать, — добраться до «Медной головы» и отоспаться. Такая перспектива представлялась мне просто восхитительной. Я решил покататься по улицам, по которым шел после моего первого визита к Джой, чтобы стереть впечатления, полученные под гнетом горя и ярости.

В конце квартала я повернул налево, и в глаза мне ударил свет фар. Серым нечетким пятном мимо пронесся пикап. Я глянул в зеркало заднего обзора и успел увидеть, как грузовик свернул на Вишневую.

На следующем перекрестке я повернул направо и в трех кварталах впереди над пересечением Пан-стрит и Кордауэйнер-авеню увидел зеленый свет. Мне было все равно — успею ли я до того, как загорится красный: я никуда не торопился, и на душе было покойно. Деревянные каркасные дома, такие же, как у Нетти, проплывали за окном машины. Когда я ехал по второму кварталу, зеленый все еще горел, и я, не удержавшись, притопил педаль. В зеркале ярко полыхнула вспышка белого света. Я поднял глаза и увидел на полквартала позади серый пикап: включив дальний свет, он набирал скорость, чтоб устремиться за мной.

Сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди. Маунтри вновь заявилось на Вишневую. Я резко нажал на педаль газа. Фары пикапа увеличились в размере вдвое, пока моя маленькая машина, лязгнув коробкой, переключилась на пониженную передачу и рванулась вперед.

Футов за тридцать до перекрестка зеленый свет сменился желтым. Он все еще был желтым, когда я, надавив на клаксон, на полной скорости вылетел на Кордауэйнер-

авеню. Бросив взгляд в зеркало, я успел заметить, что пикап продолжает преследование.

Справа за разделительной полосой две машины, дернувшись, резко остановились за мгновение до того, как я пролетел мимо. В зеркале я увидел, что пикап, вылетев на красный свет, врезался во встречную машину и ее занесло поперек проезжей части. Слепящий свет фар в моем зеркале метнулся в сторону и пропал.

Впереди были цепное ограждение и одноэтажные кирпичные здания Сосновой улицы. Вновь бросив взгляд в зеркало, я увидел, как пикап проскочил перекресток.

В поисках выхода я подался телом вперед, навалившись грудью на руль. Массивная фигура застыла под светом уличного фонаря. Тот самый громила, с которым я столкнулся в день смерти матери, смотрел на меня, когда я пронесся мимо.

И вновь меня ослепил отраженный зеркалом свет фар. Я резко нажал педаль тормоза. Заднюю часть «тауруса» занесло вправо, и я вывернул руль в ту же сторону. Улица крутанулась перед глазами. Пистолет соскользнул с пассажирского сиденья. Когда машина остановилась, мои глаза смотрели прямо в приближающиеся фары пикапа. Отпустив тормоз, я резко вдавил в пол педаль газа. Машина прыгнула вперед, дернулась и замерла. Я почувствовал вонь горелой проводки. Огни на щитке приборов погасли.

Двери пикапа распахнулись, выплонул взрыв хриплого хохота. С подножки соскочил Джо Стэджерс. Крупный мужчина вывалился из другой двери и, тяжело ступая, направился ко мне. В руке он сжимал бейсбольную битку. Джо Стэджерс затягивал на ходу ремень:

— Похоже, машинка мистера Данстэна послала его подалее, вот незадача, а?

Его приятель заржал:

— Ек-ек-ек!

Я повернул ключ зажигания, и «таурус» глухо заворчал. Джо Стэджерс шлепнул ладонью по капоту моей машины:

— Эй, может сперва пообщаемся, а?

— Ек-ек-ек!

Скорчившись, я попытался нащупать на коврике у сиденья пистолет.

Физиономия Джо Стэджерса закрыла собой боковое стекло, как хэллоуинская тыквa.

— Вылезай, позабавимся! — Он потянулся к дверной ручке.

Я был один против двоих. Как бы хорошо я ни умел драться, они меня прикончат. От глупейшей и мучительной смерти меня отделяли считанные минуты. Внезапно в голове моей с идеальной четкостью прозвучал голос Джо: «Он говорит, что *поглощает* время».

«Ты можешь использовать время, если чувствуешь, что в состоянии сделать это».

Желудок мой сжался. Я закрыл глаза и провалился в темноту.

Когда глаза мои открылись вновь, я понял, что «сожрал» время. Я по-прежнему сидел в машине. Стэджерс исчез. Исчез и свет фар его грузовика. Окружающее ничем не напоминало покинутую мной Сосновую улицу. Лачуги из упаковочного картона стояли в грязном поле, обрывавшемся у деревянного забора с надписью: «Проход запрещен». Далеко позади, перед дряхлым деревянным строением, пламя горящего в бочке мусора бросало отсветы на дюжину мужчин, одетых как будто бы в слои сухой грязи. Все очень напоминало фотографию времен Великой депрессии. Голова моя прояснилась настолько, что я понял: это и было время Великой депрессии. Я перенесся почти на шестьдесят лет назад.

Поначалу с осторожностью, затем с дерзкой уверенностью мужчины двинулись в мою сторону. Подозрительность и враждебность, словно терпкий запах, летели впереди них.

Я повернул ключ — вхолостую заворчал стартер.

Один из них крикнул:

— Вы следите за нами, мистер? Что это у вас за машина?

Угрожающей темной толпой они собрались у края дороги. Кричавший вытащил из кармана нож и выступил вперед. Остальные, сбившись в кучку за его спиной, тоже шагнули вперед.

Я попытался припомнить, что я делал мгновение назад, и услышал приближающиеся шаги. Я подумал о Джо Стэджерсе; затем вспомнил, как шел по травяному ковру к развалинам на Нью-Провиденс-роуд. Впервые я понял тот способ, которым уже дважды пользовался. Мне бы хотелось связно описать мои ощущения, но это то же самое, что пытаться объяснить восприятие цвета. Молния еще раз пронизала мой мозг. Я «съел» время, хотя чувствовал, что если кого и съедают, то меня.

Темноту пробили лучи фар, и кто-то взвизгнул. Меня едва не вырвало.

Стэджерс стоял у своего пикапа, повернув голову, через плечо обратив ко мне отвратительную физиономию. В четырех футах впереди Ек-ек таращился на меня с перекошенным от ужаса лицом.

— Быстро в машину, Коротышка, — приказал Стэджерс. Ек-ек выронил битую и, пошатываясь, руками ощупывая капот грузовика, обошел его спереди.

Я повернул ключ. Приборы на щитке осветились, и двигатель ожил.

89

Двигаясь как во сне, я почистил зубы, умылся и лег. Я никогда не пойму, что со мной происходит. Никаких разумных объяснений не находилось. Я уже никогда не смогу писать компьютерные программы, потому что никогда уже не буду тем человеком, который это делал. Я чувствовал, что заблудился, потерял себя в детективном романе, — пока не выключил свет.

В шесть утра, мокрый от пота, я заставил себя подняться с постели, натянул голубую рубашку с короткими рука-

вами и последнюю пару чистых джинсов. Взял со стола «беретту». Шесть тридцать утра — довольно странное время для прогулок с пистолетом. Положил его обратно. Джо Стэджерс испытал унижение, он наверняка будет продолжать охотиться за мной, но вряд ли в дневное время. Я спрятав пистолет за мини-баром и отправился завтракать яичницей и кофе.

По дороге в ломбард я купил в газетном ларьке свежий номер «Эха». Мэр Эджертона представил своего доброго друга Стюарта Хэтча собранию представителей местной прессы. Добрый друг мэра объявил о незамедлительном начале строительства Центра искусств и Дворца Согласия к северу от больницы Святой Анны, причем средств на эти сооружения уйдет примерно вполуполу меньше, чем на большую парковку перед больницей.

Рубрика поменьше внизу первой полосы шла под заголовком «Убийство в старом городе». Кассандра Литтл, тридцатидвухлетняя барменша «Спидвей Лонж», была зверски убита в своей квартире на Лоу-стрит. Когда в тот день она не явилась на работу, менеджер «Спидвея» Брюс Макмикен отправился к Кассандре домой, где обнаружил ее труп. Источник отделения полиции полагает, что мисс Литтл застала распахнутым грабителя.

На Честер-стрит над грудой обуглившихся балок торчали опаленные стены — как пережаренные тосты.

Я повернул на Лэньярд-стрит. Тоби, наверное, еще спал. Я вошел в ломбард и минут двадцать подметал пол и выравнивал ряды товаров на полках. Затем, приводя в порядок бумаги на стойке, обнаружил под пресс-папье два бланка. Взяв их, я направился было в кабинет и тут заметил, что из-под его двери пробивается полоска света.

— А я-то думаю, где вы, — начал я, открывая дверь. Тоби Крафт упрямо смотрел на меня из-за стола. — Разве вы... — Вопрос растаял у меня на губах.

Вниз от шеи на грудь Тоби сбегала широкая полоса крови. Всклоченные седые пряди, напоминающие парик,

застывший взгляд темных глаз и изжелта-белое, как творог, лицо, казавшееся сердитым, — в первое мгновение мне почудилось, что сейчас Тоби вскочит и рассмеется над моим потрясением. Внезапно густой запах крови ударил мне в ноздри.

Роберт?

Мне вдруг остро захотелось уйти... И идти, идти — далеко-далеко, туда, где английский язык понимают одни лишь официанты и уличные торговцы. Я вышел из кабинета и позвонил в полицию.

В ту же секунду, как повесил трубку, я вспомнил об адвокате со смешным именем и вытянул из бумажника его визитку.

К. Клейтон Крич спросил:

— Убит? Как?

— Кто-то перерезал ему горло.

— Сейф не взломан?

— Нет.

— Полицию вызвали?

— Да.

— Так. Прямо сейчас необходимо сделать две вещи. Возьмите из нижнего ящика грессбух и спрячьте его в кладовке. Когда сделаете это, позвоните.

Его сухой голос был лишен всяких эмоций. Очевидно, подумал я, не первый раз ему приходится слышать об убийстве своего клиента. Выдвигая ящик стола, я старался не глядеть на тело Тоби. Спрятав грессбух меж двух коробок в кладовке, я вернулся к телефону.

— С этой минуты, мистер Данстэн, мы с вами заключаем договор. За плату в один доллар вы нанимаете меня в качестве своего юридического представителя. Я буду у вас через десять минут.

— Мне не нужен юрист.

— Будет нужен. В соответствии с завещанием мистера Крафта я хочу встретиться с вами и другими ныне здравствующими членами семьи его бывшей жены в два часа

дня. Тогда вы поймете, почему я предпочитаю не обсуждать это дело в присутствии полиции. Держите язык за зубами, пока я к вам не приеду.

Я повесил трубку и стал ждать лейтенанта Роули.

90

Полицейский автомобиль в сопровождении синего седана с воем промчался по Лэньярд-стрит и остановился перед входом в ломбард. Двое в полицейской форме, выйдя из патрульной машины, наблюдали за тем, как из седана выбирался Роули. Он кинулся к двери, увидел меня внутри и стукнул кулаком в стекло. Роули продолжал молотить до тех пор, пока я не открыл.

— Какого черта вы здесь делаете, Данстэн?

— Я здесь работаю. Сегодня второй день.

— Тело обнаружили вы?

— Вы же сами знаете, что я. Когда я звонил в участок, назвал свое имя.

Рони ткнул пальцем в сторону одного из полицейских:

— Нельсон, запишите показания мистера Данстэна и отвезите его в участок. Где труп?

— Там, в кабинете.

Роули влетел в кабинет. Тоби как будто смотрел на меня, а у меня вдруг возникло сумасшедшее желание подойти и поправить ему волосы. Еще две полицейские машины подъехали к ломбарду. Капитан Мьюллен и незнакомый мне детектив вышли из второй.

Мьюллен смерил меня ледяным взглядом, потом вошел в кабинет. Детектив последовал за ним. Я услышал, как Мьюллен сказал:

— Знаешь, что-то мне не очень в это дерьмо верится.

Завывая сиренами, прибыли еще две патрульные машины и «скорая помощь». Внезапно все помещение ломбарда заполнилось полицейскими. Офицер Нельсон раскрыл свой блокнот.

Мьюллен вышел из кабинета вместе с тяжело ступавшим Роули. Увидев другого детектива, Роули от удивления раскрыл рот.

— Я думал, это мое дело,— сказал детектив.

— Что здесь делает Остер?

Выражение лица Мьюллена было предельно хитрым:

— Роули, разве не вы занимаетесь делом Литтла?

— Вы же знаете — я.

— Тогда отправляйтесь в участок, лейтенант. А этим делом займется детектив Остер.

Все набившиеся в помещение полицейские смотрели на Роули.

— Отлично,— сказал он. Щеки его порозовели.— Но Данстэн уже...

— Что «уже», лейтенант?

Головы всех присутствовавших повернулись к худощавому бледному мужчине в сером костюме, словно по волшебству сотканшемуся из воздуха рядом со мной. У него были жидкие бесцветные волосы, узкое, в глубоких морщинах лицо, очки в тонкой металлической оправе и рот как щель почтового ящика. Я узнал его ровный, бесстрастный голос:

— Прошу вас, продолжайте, лейтенант.

— Только этого не хватало,— пробурчал Роули.— К. Клейтон Крич.

Крич игнорировал оскорбление Роули. Он игнорировал и многое другое. Его трудно было застать врасплох — он пребывал в состоянии безразлично-нейтральной готовности ко всему, с чем предстояло столкнуться. Невозможно было удивить его тем, чему он уже неоднократно являлся свидетелем, а потому единственной его реакцией было ироничное понимание. Крич был так же далек от традиционных человеческих реакций, как пришелец с другой планеты. И сейчас его присутствие принесло мне большее облегчение, чем я ожидал от себя.

— Это ваш адвокат? — спросил Мьюллен.

— Да.

Роули с отвращением фыркнул и стал пробиваться к выходу через толпу полицейских в форме. Офицер Нельсон неуверенно посмотрел на Остера и вздохнул:

— Я вообще-то собирался допросить его.

— Допрашивайте,— сказал Остер.

Словно интересуясь счетом бейсбольного матча низшей лиги, проходившего в заштатном городишке, Крич спросил:

— Не собираются ли моего клиента доставить в управление полиции?

— Вашего клиента пригласят помочь в ведении нашего расследования.— Мьюллен устало повернулся ко мне.— Не хотите ли вы оформить заявление в управлении полиции?

Не двинув ни единым мускулом, Крич выразил согласие.

— Разумеется,— выразил согласие я.

— Я буду присутствовать при допросе,— сообщил Крич.— Если того пожелает мой клиент.

— Мне хотелось бы, чтобы мистер Крич присутствовал,— кивнул я.

Вошел усталого вида человек с красным лицом и объявил, что Тоби мертв. Санитары «скорой» понесли тело, казавшееся гигантским батоном, укрытым белой простыней.

— Надеюсь,— сказал Мьюллен,— адвокат не будет возражать, если я сообщу вам, кто в ответе за пожар, произошедший прошлой ночью?

Недвижимая фигура Крича неуловимо продемонстрировала умеренное любопытство.

— Начальная школа Карла Сэндберга объявила награду в десять тысяч долларов за достоверную информацию о поджигателе.

— Благородный жест,— проговорил Крич.

Мьюллен улыбнулся:

— Вчера, во второй половине дня, ваш старый приятель Френчи Ля Шапель и злодей по кличке «Ты мне, я тебе»

Блант решили расслабиться с бутылочкой виски и порцией крэка.

— Тымни Ятиби? — переспросил я.

— «Ты мне, я тебе», — поправил Мьюллен.— Шесть лет назад этот гений появился на почту за посылочкой — целым чемоданом травки из округа Гумбольдт, Калифорния. В графе «адрес отправителя» он поставил свое имя. К его счастью, он был одним из клиентов мистера Крича и — «отскочил».

— Прискорбная халатность со стороны производивших арест,— прокомментировал Крич.

— Когда им похорошело, Френчи начал хвастаться суммой, которую он получил за поджог дома на Честер-стрит. «Ты мне, я тебе» решил, что его обязанности честного гражданина более весомы, чем преданность другу. Мы взяли Френчи, предъявили ему обвинение и посадили в камеру. А сегодня около четырех утра с мистером Ля Шапель приключилась странная вещь.

У меня невыносимо зачесалась голова.

— У Френчи с собой в камере не было ничего острее его собственных ногтей, однако он каким-то образом умудрился перерезать себе горло. Видок у него был в точности как у Тоби.

— Ох ты... — проронил я.

— На днях вы упоминали Суконную Башку Спелвина,— сказал Мьюллен.— Не могли бы вы пролить немного света на эту тему?

Безразличный взгляд стоявшего у прилавка К. Клейтона Крича рекомендовал свет не проливать.

— Увы... — развел руками я.

Мьюллен покачался на каблуках:

— Нельсон, отвезите мистера Данстэна в управление. Можете захватить мистера Крича.

— Спасибо, капитан, но я лучше подышу воздухом.— Крич задал мне вопрос взглядом, устремленным к потолку. Я в ответ посмотрел через его плечо в направлении кладовой, где был спрятан грессбук.

Двадцать минут спустя К. Клейтон Крич мягкой походкой вошел в комнату для допросов и своим неповторимым способом дал мне понять, что все в порядке. Флегматичный Нельсон раскрыл блокнот и стал задавать вопросы. Крич сложился на стул слева от меня и оставался там следующие три часа. Время от времени он излагал мягкие упреки моему мучителю. Казалось, Крич был увлечен происходящим не больше, чем могла быть увлечена им ящерица, вытянувшаяся на теплом камушке. Незадолго до полудня управление полиции Эджертона отпустило меня с указанием находиться в пределах досягаемости.

Мы с Кричем прошли мимо дежурного сержанта, причем Крич демонстративно игнорировал последнего.

— Все отлично,— подытожил Крич. Когда мы подошли к ступеням, спускающимся к Грейс-стрит и на площадь, Крич спросил: — В два часа в моем офисе?

— Я приду,— ответил я, и Крич ушел.

91

В приемной, декорированной развешенными по стенам гравюрами на охотничьи темы, женщина с унылым лицом скучающего судьи взглянула на меня из-за длинного, похожего на гроб стола и спросила:

— Мы мистер Данстэн?

— Они самые,— ответил я.

Взяв со стола стенографический блокнот и ручку, она встала и открыла дверь во внутреннее помещение.

На стульях с узкими высокими спинками сидели Кларк, Нетти и Мэй — все повернули головы, когда я вошел. Украшенные черными кружевами шляпки венчали прически каждой. Потертый кожаный диван стоял перед стеллажом с книгами по юриспруденции, и коричневые нити проступали там и здесь в узорах вытертого восточного ковра на полу. Высокие окна, спиной к которым стоял Крич, выходили на залитый солнцем парк, но пропускали такой сла-

бый свет, что он увядал, едва просочившись в комнату. В сером сумраке адвокат казался безликим контуром.

Вынув из лежащей на столе папки лист бумаги, Крич поместил его перед собой. На него положил перьевую авторучку.

— Прежде чем вы присядете, мистер Данстэн, будьте добры, поставьте свою подпись под соглашением, формально закрепляющим наши с вами отношения на условиях, которые мы обсудили сегодня утром, и передайте мне сумму в один доллар в знак выполнения этих условий.— Обратившись к остальным, Крич сказал: — Мистер Данстэн просто выдает мне санкцию — разрешение выступать в качестве его адвоката. Данное разрешение стало необходимо вследствие обнаружения мистером Данстэном тела покойного и не имеет никакого отношения к предстоящему нам с вами делу.

Я подписал соглашение, уместившееся в один абзац, и положил на него расправленную долларовую банкноту. Доллар исчез прежде, чем Крич убрал документ в ящик стола, однако я не заметил, чтобы адвокат к банкноте прикасался. Пройдя мимо стульев, я присел на ближайший ко мне край кожаного дивана. Секретарша примостилась на другом краю. Крич пояснил:

— Мисс Вик будет вести стенограмму нашей встречи.

Мисс Вик раскрыла блокнот, и кончик ее авторучки, как клюв птицы, застыл над чистым листом.

— Мистер Данстэн, я сообщил вашим двоюродным бабушкам и двоюродному дедушке о событиях сегодняшнего утра на Лэньярд-стрит. Мистера Крафта я знал только как его юрисконсульт, однако обязанности эти я выполнял много лет, и как личность мистер Крафт всегда производил глубокое впечатление на меня.

— Подлецы — мастера производить глубокое впечатление,— проворчала Нетти.— Однако не могу не отметить, что Тоби не был таким уж конченым. Он навещал нашу племянницу на ее смертном одре.

— Мой клиент испытывал искреннее чувство к своей падчерице,— продолжил Крич.— Однако теперь, когда мистер Данстэн присоединился к нам, мы можем немедленно приступить к делу. Мой клиент распорядился, чтобы в случае его кончины его последняя воля и содержание завещания были оглашены своевременно, а именно по возможности в течение двадцати четырех часов; пропущу отметить в стенограмме: мы собрались, дабы выполнить это распоряжение.

— В стенограмме отмечено,— откликнулась мисс Вик.

— Прошу также отметить факт, что стороны, присутствия которых при чтении завещания пожелал мой клиент, собрались, за исключением миссис Джой Данстэн Кротерс, отсутствующей по собственной воле, и мистера Клааренса Кротерса, отсутствующего в связи с болезнью.

— Отмечено.

Крич поднял глаза от лежащей перед ним папки:

— Мой клиент также распорядился, чтобы погребение его останков произошло как можно скорее. Разумеется, мистер Крафт не мог предвидеть, что его смерть наступит вследствие убийства, и правила канцелярии окружного коронера и нашего управления полиции могут воспрепятствовать выполнению пожеланий мистера Крафта. Но в любом случае необходимо отметить, что в основе своей его распоряжения будут выполнены и что вышеупомянутые останки будут преданы земле в течение двадцати четырех часов с того момента, как их доставят в помещение для гражданской панихиды «Небесный покой» Споддингса.

— Отмечено.

Казалось, вот-вот мистер Крич едва уловимо улыбнется аудитории, хотя ни тусклое освещение, ни бесстрастные черты его лица не позволяли знать это наверняка.

— В мои обязанности входит сообщить всем присутствующим следующее. Мой клиент заранее оплатил все приготовления, необходимые для проведения похорон, включая расходы на гроб, надгробие с надписью и место

на кладбище рядом с могилой его последней жены. Кроме того, он пожелал отказаться от поминовения либо заупокойной службы в каком-либо доме отправления религиозных обрядов, будь он протестантского, католического, иудейского или другого вероисповедания. Вышеупомянутые похороны должны проводиться без представителей духовенства, и присутствовать на них должны лишь те, кто изъявит на то свою волю. Мой клиент оговорил в качестве особого условия, что присутствующие на похоронах будут вольны говорить в добровольной и стихийной манере. Прошу отметить в стенограмме, что эти распоряжения оглашены и поняты.

— Отмечено.

— Я правильно расслышал слово: «Надпись»? — поинтересовался Клаарк.

— Позвольте мне процитировать точную формулировку.— Крич перевернул несколько страниц.— Надпись на надгробии моего клиента должна быть следующей: первая строка — «Тобиас Крафт», заглавными буквами; вторая строка — даты рождения и смерти; третья строка — «Верьте в непредвиденное», более мелким шрифтом из заглавных букв и курсивом атрибуция на автора — «Эмили Дикинсон».

— «Верьте в непредвиденное»? — переспросил Клаарк.— Что это, черт возьми, может означать?

— Полагаю, мой клиент посчитал эту мысль удачной.— Крич перевернул лист и пробежал глазами оборот.— Итак, мы подошли к моменту оглашения последней воли и завещания мистера Крафта. Позвольте мне с уверенностью предположить, что собравшиеся стороны готовы воздержаться от зачитывания вводных статей и перейти непосредственно к разделу С — «Наследство»?

Нетти повернулась и потянулась вправо что-то шепнуть Мэй, и Крич сказал:

— Позвольте заверить вас: переходя непосредственно к разделу С, мы не пренебрежем ничем, могущим затро-

нуть ваши интересы. В любом случае копии всего документа будут розданы всем по окончании нашей встречи.

— Хватит напускать туману,— проворчала Нетти.

— Занесите в стенограмму, что согласие достигнуто и стороны приступили к чтению раздела С — «Наследство».

Мисс Виск отозвалась эхом.

Ровным и бесстрастным голосом Крич начал читать:

— «Я, Тобиас Крафт, приказываю: после моей смерти все принадлежащее мне имущество должно быть разделено следующим образом:

1. Сумма в пять тысяч долларов должна быть передана анонимно Красному Кресту.
2. Сумма в пять тысяч долларов должна быть анонимно передана Американскому государственному музею Холокоста, расположенному в Вашингтоне, округ Колумбия.
3. Все принадлежащие мне предметы одежды после моей кончины подарить благотворительной организации «Миссия доброй воли».
4. Оставшееся имущество, включая денежные средства на моих счетах, все ценные бумаги и акции, взаимные фонды и недвижимость, принадлежащие мне как лицу частному или юридическому — владельцу «Т. К. Холдинг Корпорация», — я настоящим завещаю Валери Данстэн, известной как Стар Данстэн. В случае, если Валери Данстэн умрет раньше меня, наследником должен стать ее сын Нэд Данстэн».

Крич поднял глаза от завещания:

— Отметьте в стенограмме, что завещание мистера Тобиаса Крафта зачтено и услышано.

Отклик мисс Виск заглушила Нетти:

— То ли вы что-то пропустили, то ли я что-то прослушала.

— Позвольте мне разъяснить вам все подробно, дабы исключить неверное толкование. Согласно двум пунктам

завещания моего клиента, десять тысяч долларов жертвуется благотворительным организациям. Одежду он дарит «Доброй воле». Большую часть его имущества наследует молодой человек, сидящий рядом с вами на диване.

Шокированные каждый по-своему, родственники разом повернули головы и изумленно уставились на меня.

Затем Кларк повернулся к Кричу:

— А о каком имуществе идет речь?

— Минуточку...— Взяв несколько листов из другой стопки, Крич поискал и, найдя нужный, отложил его в сторону; затем пробежал глазами второй.— В ликвидных средствах имущество исчисляется пятьюстами двадцатью пятью тысячами четырьмястами двадцатью долларами, не считая процентов, набежавших со времени последнего изменения завещания. Мистеру Крафту также принадлежали дом, в котором он проживал и вел бизнес, многоквартирный дом на Честер-стрит и два коммерческих объекта в деловой части Эджертона. Их полная стоимость — приблизительно восемьсот тысяч долларов, учитывая сумму страховки за здание, на днях уничтоженное вследствие поджога.

Нетти и Мэй замерли на своих стульях.

— Кроме того,— читал Крич другой лист,— мой клиент дважды застраховал свою жизнь. Его жена изначально была лицом, которому причиталась страховая премия по обоим полисам. В случае ее смерти бенефициарием мой клиент назвал Валери Данстэн либо, в случае кончины последней,— ее сына Нэда Данстэна. По каждому полису выплачивается триста тысяч долларов, что означает в итоге сумму в шестьсот тысяч. Я переговорил со страховым агентом мистера Крафта: в ближайшее время мы уладим дела. При удачном стечении обстоятельств и благосклонном отношении властей чеки от страховых компаний будут доставлены в течение трех-четырех недель.

И тут он вновь улыбнулся — либо мне показалось.

— Мистер Данстэн, в скором времени вы будете довольно состоятельным молодым человеком. Если вам еще

не довелось узнать, какие преимущества даст вам толковый бухгалтер, советую вам такового поискать.

— До сих пор я так и не услышала своего имени,— подала голос Мэй.

— И не услышишь,— сказала Нетти.— А сколько от этой сделки получите вы, Крич?

— Я проигнорирую ваш вопрос, миссис Рутлидж.— Крич выровнял бумаги и закрыл папку.— Под воздействием стресса людям свойственны опрометчивые высказывания.

— Вы еще не слышали опрометчивых высказываний,— парировала Нетти.— Так сколько?

— Дайте подумать...— протянул Крич.— За подготовку завещания мистер Крафт мне платил согласно моему почасовому тарифу. Весь гонорар, возможно, обойдется тысяча в пять долларов, плюс-минус... Мы с мистером Данстэном предварительного соглашения не подписывали, за исключением того, что я привел в действие на ваших глазах и за которое получил один доллар. Мистеру Данстэну я пришло счет за время, что я сегодня утром потратил на него, причем это не имело никакого отношения к настоящему делу о наследстве. Будучи весьма далек от мысли о сговоре со мной по поводу изменения условий завещания мистера Крафта, мистер Данстэн, я полагаю, ничего об этих условиях прежде не знал. Скажу больше — именно такой вывод можно сделать, заметив, насколько поражен услышанным мистер Данстэн.

Нетти резко повернулась на стуле, глаза ее потемнели от гнева:

— Я хочу услышать правду. Ты знал, что должно случиться, когда приехал сюда?

— Понятия не имел,— сказал я. Ручка мисс Вик заскользила по листу блокнота.— Да, я поражен. Тоби говорил мне, что собирался позаботиться обо мне, но я думал, он имел в виду мою работу у него в ломбарде.

— Теперь я понимаю,— поджала губы Нетти.— Теперь я понимаю, что это ты велел старому мерзавцу прийти к

Стар в больницу. Небось, и платил ему за протокольные визиты.

Бесстрастный голос Крича был как всплеск холодной воды:

— Последнее изменение в свое завещание мистер Крафт внес через две недели после смерти его жены. А именно семнадцатого апреля тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. В то время, полагаю, мистеру Данстэну не исполнилось и семнадцати. Также считаю ясным, что намерением мистера Крафта было завещать львиную долю наследства матери мистера Данстэна и что мистер Данстэн унаследовал эту долю в связи с ее кончиной.

— Нетти,— заговорила Мэй,— старый мошенник оставил все *Стар*?

— Именно это он и сделал,— ответила Нетти.— А поскольку она покинула нас, все переходит к ее мальчику.

Мэй вытянула шею, чтобы взглянуть на меня:

— Нэдди, ты же не можешь забрать себе все, верно? Я же знаю, хоть ты еще и не много повидал в своей жизни, но все же остался добрым мальчиком.

Не трудясь повернуть голову, Кларк заявил:

— Да, парень, денежек тебе свалилось будь здоров. Надеюсь, не собьешься с пути истинного.

— Мистер Данстэн,— сказал Крич,— есть ли у вас намерение принять бизнес моего клиента, то есть ломбард?

— Нет.

— В таком случае мы можем подготовить ликвидацию предприятия и продажу собственности. Если пожелаете, мы можем также выставить на продажу и другие объекты недвижимости. Последняя воля моего клиента должна пройти процедуру утверждения завещания, длящуюся, как правило, не менее года, но было бы мудро позаботиться об этих деталях сейчас.

— Спасибо, да,— сказал я.— Приготовьте недвижимость Тоби к продаже.

Я наблюдал, как ручка мисс Вик танцует по листу блокнота.

— Шикарные машины,— проговорил Кларк.— Просторный дом. Французское шампанское и полногрудые красавицы. Знаешь, что обычно говорят о дурачке и свалившемся на него богатстве? Если б ты позволил мне позаботиться об этих деньгах, у тебя появился бы шанс малость их преумножить.

— Дядя Кларк,— сказал я.— Мне надо сейчас подумать, что делать, и мне бы очень хотелось, чтобы вы все на минутку замолчали.

— Скажу вам от чистого сердца...— Нетти обращалась не ко мне, но к воздуху перед ней, как и Кларк.— Скажу о маленькой, крошечной вещи, иначе она сама собой увеличится и станет для меня на всю оставшуюся жизнь тяжелым бременем. Мистер Тоби Крафт женился на нашей любимой сестре. Хотя он и забрал Куинни от нас, мы всегда были рады ему в наших домах. Когда сестра наша умерла, мистер Тоби Крафт остался членом нашей семьи. Можно даже сказать, он стал проклятием нашей семьи. Тоби Крафт взял себе в привычку заявляться в гости без приглашения и оставаться на ужин, а я, в память о своей сестричке, была вынуждена готовить гораздо больше еды, чем обычно; то же самое было и у моей сестры Мэй. Если б кто занялся подсчетом стоимости домашних обедов и ужинов, которые имел удовольствие получать в наших домах Тоби, вышла бы сумма в тысячи долларов, что явно больше суммы на его христианскую благотворительность. Этот старый плут жил так, что ни знака не подал о том, что накопил целое состояние, правда, Мэй?

— Правда, правда,— закивала Мэй.

— Посмотришь на него — голя перекатная. Одевался в немыслимые обноски. Мы знали, что он выпивал и был негодяем. Но мы отдавали ему свою любовь — любили его таким, каков он был. Мы по-другому не умеем.

К. Клейтон Крич смотрел на Нетти с нескрываемым восхищением.

— Нэдди,— сказала Мэй,— подумай, как поступила бы твоя мама.

— Именно об этом я и думаю,— ответил я.— Мистер Крич, я хотел бы, чтобы вы составили документ о разделе имущества мистера Крафта на четыре равные части: тете Нетти, тете Мэй, тете Джой и мне.

— Не хотите отложить решение до утра? — спросил Крич.

— Нет.

— Страхование пособия по случаю смерти застрахованного включать в разделение собственности?

— Да,— сказал я.— Какова будет доля каждого?

Из ящика стола Крич достал блокнот и закурил сигарету, взяв ее из лежавшей на столе пачки «Лаки страйк».

— Успеваете за развитием событий, мисс Вик? — спросил он.

Мисс Вик заверила его, что развитие событий стенографируется.

Крич наклонился над своим блокнотом и выдохнул густое облако дыма:

— Получается пятьсот двадцать пять тысяч долларов наличными. Добавив к этому приблизительную стоимость недвижимости и страховых премий, мы получим один миллион девятьсот двадцать пять тысяч долларов. Значит, четвертая часть наследства мистера Данстэна исчисляется суммой в четыреста восемьдесят одну тысячу долларов — приблизительно.

— Что ж, готовы документы,— сказал я.— Тоби оставил деньги моей матери, а она, не сомневаюсь, поделилась бы ими со своими тетюшками.

— Ваше решение окончательное? — посмотрел на меня Крич.

— Вы слышали, что сказал мальчик, Крич,— сказал Кларк.— Давайте, закругляйтесь.

Мэй снова взглянула на меня:

— А по-моему, Джой совсем ни к чему столько денег. К тому же, Нэдди, четыреста восемьдесят одна тысяча долларов — это тоже слишком уж большая сумма для молодого человека, у которого вся жизнь впереди.

Я улыбнулся ей.

— Вы правы. Мистер Крич, я хотел бы пожертвовать двадцать тысяч долларов из моей доли страховых премий женщине по имени Сьюки Титер.

— Вы не могли бы произнести имя по буквам? — попросила мисс Вик.

Я произнес имя по буквам.

— Она живет на Риверран-галлери, Арчер-стрит, в парке колледжа.

— Это все, что мне требуется, — сказал Крич. — Хотите ли, чтобы я сообщил миссис Титер это радостное известие?

— Будьте добры.

Нетти полоснула меня взглядом:

— Ты отдаешь деньги этой Сьюки?

— И Стар отдала бы, — сказал я. — Я на днях видел Сьюки, она очень нуждается. Если вы считаете, что мне не следовало делать подобные вещи, я в любой момент могу оставить все себе. Сколько там? — Я поднял глаза на К. Клейтона Крича.

— Один миллион девятьсот двадцать пять тысяч долларов. — Благодаря его манере подачи материала это прозвучало так: «Во столько же вам обойдется билет в кино плюс упаковка попкорна».

— Сьюки была близкой подругой Стар, — сказала Нетти. — Твоя мама сейчас гордится тобой. Я всегда знала, что у тебя доброе сердце.

Крич предложил документально сопроводить факт моего дарения условием, что все оставшиеся части должны быть возвращены мне после смерти получателей, на что Нетти сказала: «Уж я-то не собираюсь завещать деньги Красному Кресту или музею нацистов. Давайте, оформляйте все поскорее. Хочу купить газовую плиту с двумя духовками и грилем, как в ресторанах, хочу, чтоб у меня была плита до того, как меня закопают». Когда мы все встали, Крич попросил меня вернуться к половине шестого подписать документы.

Спустившись вниз, я распахнул дверь в полную солнечного света и дрожащих теней улицу.

Неуверенно ступая, по лестнице спускался Кларк — на его лице угадывалось торжество. Нетти и Мэй друг за дружкой вышли на светлую Пэдлуил-роуд, следом за ними вышел я. В десятке футов от Торговой сверкал на парковке «бьюик». Чувство нереальности происходящего не оставило меня: только что мне подарили более полутора миллиона долларов.

Кларк придирчиво осмотрел рукава своего пиджака:

— Боюсь, я, похоже, малость отстал от моды. Сколько мы должны получить от Тоби?

— Четыреста восемьдесят тысяч, — напомнила Нетти.

— Н-да, здесь, при свете солнца, это уже не кажется такой уж сказочной суммой. Человека, у которого на счету в банке четыреста восемьдесят тысяч долларов, не назовешь состоятельным, так что не надо причислять нас к этой категории граждан.

— Хочу большую плиту с грилем, — упорствовала Нетти. — И я ее заполучу, вне зависимости от того, к какой категории граждан нас причислят.

— А знаете, чего я хочу? — оживилась Мэй. — Домашний кинотеатр и спутниковую тарелку вместо моего дрянного телевизора, который берет только три программы.

— Я тоже могу купить, — гордо бросила Нетти, — да только кажется мне, за такую несерьезную вещь платить не стоит.

— За наши музыкальные центры нам вовсе нет надобности *платить*, — сказала Мэй. — Просто хотелось бы, вот и все.

— И новую одежду, — поддержал разговор Кларк. — В тот самый день, когда я получу первый чек, я войду в «Лайял» и выйду оттуда чистеньким. Затем прогуляюсь пешочком до «Спидвея» и угощу Кэсси двойным «Джонни Уокер Блэк» — поднимем тост за старину Тоби, упокой Господь его душу.

— Кларк,— решил я,— должен вам кое-что сообщить...

— Тоби Крафт теперь точно упокоится с миром,— сказала Мэй.— Я всегда говорила: несмотря на свои беды, в душе Тоби был порядочным человеком.

Я попытался еще раз:

— Кларк, сегодня утром...

На этот раз прервала Нетти:

— Поскольку он не хотел усугублять наше горе, мы должны уважить его волю и устроить достойные похороны — как он и просил. Нэди, его преподобие Свинг совершает богослужение на похоронах Стар. Его преподобие Свинг настоящий мастер проведения похоронных церемоний.

— Уверен, я всей душой полюблю его преподобие Свинга,— сказал я.— Но я должен сообщить Кларку...

— Надеюсь, ты не пойдешь против последней воли умирающего человека,— прервал меня Кларк.

— Кларк! — Я почти кричал.— Вы больше никогда не сможете угостить Кэсси Литтл.

— Это еще почему? — раздраженно спросил он.

— Она мертва.

— Глупости. Намедни у нее был насморк, а так — девочка на здоровье не жалуется, в самом соку.

— Мне очень жаль, дядя Кларк.— Поздно было начинать сначала и готовить его к печальному известию: мертвенная бледность как знак потрясения уже начала покрывать его лицо.— Кэсси убили в ее квартире прошлой ночью. Ее друг, Френчи, был тоже убит в своей камере отделения полиции.

— Они были в этой шайке Клайда Прентисса,— сказала Мэй.— И их убили, чтобы заставить молчать, вот так. Глаза Кларка будто остекленели.

— Ее тело обнаружил Брюс Макмикен. Об этом написали утренние газеты.

Кларк закрыл рот, открыл его и снова закрыл.

— Боже, какой кошмар. Кошмар. Тебе следовало бы меня подготовить...

— Я пытался, но меня все время перебивали.

— Тебе следовало бы проявить уважение к человеческому горю.— Он горько усмехнулся.— Это Френчи убил ее, чтобы не доставалась никому другому, а потом в раскаянии убил себя. Надо к похоронам успеть купить новую одежду.

— Ну и долго мы будем жариться на тротуаре? — пророчала Нетти.— Поехали домой.

— Господи, неужели ее завтра уже заркоут в землю...— запричитал Кларк.

— Завтра хоронят Стар, а не твою подружку. Открой машину, пусть проветрится.— Нетти вынула из сумочки клочок бумаги.— Нэд, тебе утром звонили. Миссис Рэчел Милтон и твоя подруга миссис Хэтч. Мы очень мило поболтали. Вот здесь номера телефонов.

Она сунула мне листок.

92

Я чувствовал себя так, словно уже ничто не держит меня в реальной жизни или в той области, которую я принимал за реальную жизнь. В Мерчантс-парке сочно-зеленая трава блестела на солнце. Тяжелый бело-золотой свет калил крыши машин. Я то ли плыл над тротуаром, то ли устало брел против сильного течения. Перед глазами стояло залитое кровью тело и сердитое лицо Тоби Крафта.

Мимо проплывали выходившие на Уорд-стрит прячущиеся в тень проулки и манили к себе. Опустив голову, тротуар перебежал Брюс Макмикен и распахнул дверь «Спидвея». Нервно подергиваясь, за ним шмыгнула призрачная Френчи. Голубая неоновая вывеска над узким окном призывала: «Загляни»,— а когда я заглянул, увидел мужчину, который гладил обнаженную руку молодой женщины. Ее голова загораживала мне лицо мужчины. Женщина чуть запрокинула голову, открыв моему взгляду стройную шею. Мужчина подался к ней и сказал что-то, рассмешившее ее. Сердце мое екнуло и замерло.

Роберт поднес к губам сигарету. Рот его напрягся, когда он затянулся, раздражающе резкий дым хлынул в мои легкие. Отвернувшись от окна и закашлявшись, я побрел дальше. Подняв руку вытереть пот со лба, я заметил, что ладонь моя прозрачна — будто сквозь закопченный осколок стекла в форме ладони, я вижу сквозь нее тянущиеся вдоль Евангельской улицы дома.

Я вытянул другую ладонь, растопырил пальцы. Сквозь обе ладони смутно просматривался тротуар. Я рванулся к ближайшей витрине проверить — вдруг и все мое тело исчезает. Стекло отчетливо отразило мое лицо. Обыкновенные, непрозрачные ладони выступали из рукавов. Дыхание мое успокаивалось. Я вновь повернулся к витрине: отраженный в ней гигант в дашки — тот самый, который говорил со мной на Сосновой, — внимательно разглядывал меня с расстояния трех футов.

— Ну, что опять с тобой стряслось? — спросил он.

— Даже не знаю, как сказать, — рассмеялся я.

— А ты попробуй.

— Сегодня утром я обнаружил залитый кровью труп. Днем выяснилось, что убитый завещал мне почти два миллиона долларов. Три четверти суммы я раздарил. А секунда пять назад я начал исчезать.

Запрокинув голову, гигант оглушительно расхохотался. Как и тогда, со Стюартом Хэтчем, я не удержался и хохотал до слез.

— Лихо, — выдавил гигант, с трудом успокаивая громовые раскаты хохота. — Ну, ладно, коль ты в состоянии смеяться над собственной дуростью, ты, по крайней мере, еще не окончательно сошел с ума. Но ты тот еще фрукт, Нэд Данстэн, вот что я тебе скажу.

— Откуда вы знаете мое имя?

— Существует множество причин, по которым человек может начать исчезать. Люди все время исчезают — по хорошим причинам, по плохим... Но вот получение такой кучи денег — это самая плохая причина, о которой мне

приходилось слышать. — Ухмыльнувшись, он покачал головой.

— Откуда вы знаете мое имя? — повторил я.

— Нэд. — Он чуть иронично взглянул на меня с высоты своего роста. — А почему ты думаешь, что я знаю твое имя?

Я сделал шаг назад, чтобы рассмотреть его полностью. Росту в нем было около шести футов восьми дюймов, веса — фунтов двести семьдесят пять; грубое, будто вырубленное топором лицо, блестящие глаза, зубы настолько белые, что хоть сейчас на рекламу зубной пасты. На нем были черные брюки с отглаженными стрелками, начищенные легкие туфли размером не меньше тринадцатого. Дашки — темнее и тоньше, чем в пятницу на Сосновой улице, с темно-зелеными и голубыми разводами и малиновыми редкими полосками. Его кожа блестела, как полированное красное дерево. Он смахивал на ярчайшего представителя королевской семьи какого-нибудь африканского государства. Его ослепительная ухмылка стала шире.

«Нет, — подумалось мне, — он не похож на короля, он похож на...»

Волна плотно сжатого света и тепла хлынула от незнакомца, и мысли мои угасли, прежде чем я успел понять: кем бы этот человек ни был, он каким-то загадочным способом родствен мне. Нет, не Данстэн, но *такой же*, как Данстэны. Чувство защищенности и безопасности сопровождало эту волну тепла, и мне захотелось обнять незнакомца и просить у него помощи.

— Как зовут вас? — услышал я свой голос.

— Уолтер, — ответил гигант. — Обрати внимание, Уолтер, а не Уолли. Единственное, чего я не выношу, — это когда меня называют Уолли.

— У вас есть фамилия, Уолтер?

— Бернстайн. Будь я маленького роста, я б, наверное, натерпелся насмешек, однако никто никогда надо мной не смеялся.

— А ваш отец был?..

— Мой отец был раза в два мельче меня. Не думаю, что я должен казаться очень уж удивительным.

— А вот я удивляюсь,— сказал я.— Я *сбит с толку*. Каждый раз, когда мне кажется, что я начинаю что-то понимать, мне опять приходится начинать сначала.

Я замолчал. Мне не хотелось жаловаться перед Уолтером Бернштейном.

— Ты пока еще делаешь первые детские шаги,— сказал он.— Но прежде всего ты — чертов Данстэн. Данстэны никогда не умели ухватить суть общей картины, они носятся вокруг да около, навлекая беды и рождая переполох. И так было во все времена, повторяется и теперь, понимаешь? Ты можешь изменить это, если будешь осторожен и прилежен.

— В чем?

— Тебе предстоит впереди многое, чего ты не знаешь. Всегда помни об этом, как бы ты ни был *сбит с толку*. С чего, кстати, тебе быть сбитым с толку? Ты что, думал, жизнь так проста?

— А что вам до этого? Чего ради вы тут *возникли*?

— А может, мне надоело наблюдать за тем, что Данстэны творят? Думаете, вы одни на свете, что ли? Ты слушал когда-нибудь Вагнера? Читал норвежскую мифологию, исландскую? Кельтскую? Средиземноморье — это, черт возьми, еще не весь мир. Гляжу на Гридвелла, и меня тошнит. Хотел поговорить об исчезновении — получай. К черту, надоело.

— Но я могу...

— Позаботиться о деле, вот что ты можешь.— Уолтер Бернштейн развернулся и зашагал прочь. Затем, как во время нашей первой встречи, он остановился и оглянулся.— У тебя будет шанс, если будешь думать *головой*.

Он окинул меня внимательным взглядом, отвернулся и пошел по залитой солнцем Евангельской. Его не видел никто — кроме меня.

Рэчел Милтон ответила через мгновение после того, как ее горничная попросила меня подождать:

— Нэа, слава богу, ты перезвонил. Сьюки рассказала мне о твоей маме. Как ты?

— Малость не по себе...— ответил я.

— Простить себе не могу, что не бросила все и не сбегала хоть разок в больницу. Я цветы тебе посылала — ты получил?

— Спасибо вам за чуткость.

Вытянувшись на кровати, я наблюдал, как нарезают круги между потолком и окном две тяжеловесные мухи. Периодически одна или другая пикировали в стакан, оставленный мной под столом, и с низким жужжанием вылетали из него три-четыре секунды спустя.

— Я слышала, вы с Лори Хэтч подружились?

— Да, немного...

— Мы ведь с ней были добрыми подругами и поругались из-за какой-то ерунды. Ты, когда будешь говорить с Лори, пожалуйста, передай ей, что я очень хочу помириться, хорошо?

— Передам,— ответил я.

Рэчел Милтон спросила меня о похоронах, и я рассказал подробности.

— Я должна попрощаться со Стар, я очень хочу тебя видеть. Я ведь помню, когда ты родился! — Рэчел сделала полную значения паузу.— И отца твоего знала. Мы все так жутко ее ревновали к нему.— Еще одна многозначительная пауза.— Сьюки сказала мне, что ты интересуешься Эдвардом Райнхартом.

— Рад буду любой информации о нем,— сказал я.

— После похорон мы с тобой сходим куда-нибудь пообедать.

Муха врезалась в окно со звуком удара теннисного мячика о бетон и упала на пол. Интересно, подумал я, а что

сейчас жужжит в голове Рэчел Милтон,— но решил отложить размышление на эту тему на потом, после похорон. Затем не удержался и позвонил Лори Хэтч.

— Ты где? — Голос ее показался мне музыкой.— Я себе места не находила... Я так волновалась за тебя, не знала, как тебя найти, и позвонила твоей тете. Она передала?

— Не сразу,— сказал я.— Я в «Медной голове».

— «Медной голове»? Где это?

Я назвал адрес и номер и добавил:

— Мои приключения не закончились, тут такое закрутилось... Даже не знаю, с чего начать.

— Начни с пожара.

Я рассказал ей о пожаре и о Тоби Крафте.

— А потом эти уроды, которые приняли меня за кого-то другого, чуть не раскатали меня своим грузовиком, но мне удалось вырваться. Манхэттен по сравнению с Эджертоном — райский уголок.

— Ну так приезжай в мой райский уголок.

— Мне надо съездить к юристу подписать кое-какие бумаги. А потом — на всех парах к тебе.

Лори секунду помедлила.

— У вас со Стюартом был долгий разговор, да?

— Что бы он ни говорил, не имеет никакого значения для меня, Лори.

— А Эшли тебе звонила? У нее потрясающие новости.

— Я, похоже, ускользнул из круга ее интересов. Хотя хорошие новости-то?

— Не знаю, как ей это удалось, но она откопала именно то, что искала. Ты к этому имеешь отношение?

— Да каким образом?

— Просто Эшли, конечно, не скажет мне, как она добыла эти документы, и я хотела... Ладно, забудь. Хорошо то, что Стюарт продолжает считать, будто он вне подозрений. Меня тошнит от того, как он доволен собой, особенно после того, как он уверил себя, что ты больше никогда не заговоришь со мной.

Я сказал, что понял мотивы Стюарта.

— Но я рассказывала тебе те глупые сказки, которые сочинила пятнадцать лет назад, потому что истинная история слишком мерзкая. Я была в ужасе от себя самой.— Мне показалось, я слышу, как звенят в стакане кубики льда.— Вот уж он порезвился, когда дошел до Тедди Уэйнрайта.

— Не обратил внимания. Да! Чуть не забыл. Меня тут разыскивала Рэчел Милтон, а когда я ей позвонил, она попросила меня передать тебе, что хочет помириться. В общем, она жаждет с тобой поговорить.

— Ну, поскольку мы сегодня рассказываем друг другу потрясающие новости...— Напряжение в голосе Лори улеглось до привычного легкого изумления.— У Гринни есть тридцатипятилетняя подружка из Гонконга, настоящий финансовый гений. Они познакомились, когда она приезжала к нему в офис оформлять учреждение благотворительного фонда, и с тех пор они уже несколько месяцев тайно встречаются. Она невероятно хороша собой, эта Минь-Ва Салливэн. Она вышла замуж за парня из Эджертона по имени Билл Салливэн, когда училась с ним в Гарвардской экономической школе. А сюда они приехали, потому что он получил работу в Ферст Иллинойс. Минь-Ва занялась самостоятельным бизнесом и добилась небывалых успехов, а потом они расстались. Гринни хочет жениться на ней.

— А Рэчел хочет поплакаться тебе в жилетку.

Голос Лори снова изменился:

— Я напела тебе глупостей, а Стюарт добавил яду. Я должна объяснить, как все было на самом деле.

— Правду и только правду.

— За тобой заехать?

Я сказал ей, что взял машину напрокат.

— Ну тогда прыгай в нее и лети ко мне.

— Часов в шесть буду,— сказал я.

Мы с Лори, захватив стаканы и недопитую бутылку, перебрались в гостиную, где уселись на диване у камина под большой картиной Тамары де Лемпика. Лори поставила бутылку на ковер и откинулась на подушки, держа стакан обеими руками:

— Я так волнуюсь, что не могу говорить.

— Ну что ты, не надо,— проговорил я.

— Столько сказано лжи... Идиотская привычка! Я думала, что наверняка оттолкну от себя человека, если он узнает обо мне правду. Я самой себе была противна... Такой позор! — Глаза ее наполнились слезами.— Мы жили так бедно. Отца моего застрелили, когда он грабил *винную лавку*. С такой женщиной ты хотел провести вечер?

— Я не вижу ничего позорного в том, что у тебя было трудное детство,— сказал я.

Лори обожгла меня взглядом:

— Я росла с мыслью о том, что мир... Что *во всем мире* не сыскать безопасного уголка. Утром просыпаешься и не знаешь, будет ли еда к ужину. Нас периодически отовсюду выселяли, потому что у мамы не было денег оплатить жилье. Каждый раз, когда мы переезжали, мне приходилось менять школу, поэтому друзья у меня не заводились. Одежду мне покупали в самых захудалых секонд-хендах. Я была настоящим посмешищем. И каждый день мне казалось, что вот-вот передо мной откроется черная ямища, я полечу в нее и буду падать, падать — всю оставшуюся жизнь. Думала, когда-нибудь нас окончательно выкинут на улицу. Или меня упекут в какую-нибудь *тюрьму*, а мама моя *умрет*. — Лори вытерла глаза.— И тут мама выходит замуж за этого оператора из «Уорнер бразерс», Морри Бюргера,— это было, знаешь, как спасение утопающих. У него была работа и свой дом в Студио-сити. Некоторое время все было хорошо. Однако старина Морри выдувал в день бутылку джина, а потом стал бить маму, возвращаясь с работы. Я пряталась в своей комнате и слушала, как он

бьет ее, как она плачет, а он орет на нее, чтоб она перестала реветь, и все это было, словно... Словно я все-таки полетела в ту черную яму. Я перестала замечать окружающее, я будто закаменела вся — стала вроде зомби. И это плохо для меня кончилось. Вот мы с тобой и подошли к первой из самых интересных глав.

Лори опять вжалась в подушки дивана, держа обеими руками стакан перед лицом.

— Когда мне исполнилось одиннадцать, Морри стал по ночам забираться ко мне в постель. Пока мама была в отключке. Если б она узнала, она б его убила. Хотя, может, она и знала, но виду не подавала.

А потом Морри уволили из «Уорнер бразерс». Ему удалось куда-то устроиться, однако долго на одной работе он не задерживался — не более нескольких недель. Раз, наверное, двенадцать я сбегала из дома, но копы всякий раз возвращали меня. Мы потеряли дом в Студио-сити, который, кстати, всегда наводил на Морри тоску. В течение месяцев шести мы переезжали из одной дыры в другую, в основном на окраине Хэнкок-парка. Однажды мама поздно вечером вышла из дому, и кто-то убил ее на заднем дворе аптеки-закусочной. Убийцу так и не нашли.

К тому времени я уже основательно «подсела» на травку. После того как убили маму, я познакомилась с девушкой по имени Эстер Голд. Эстер Голд была богатой неудачницей, она давала мне амфетамины и «квэйлюд»*, и мы с ней «отрывались». Как-то ночью Морри схватил мою сумочку и нашел таблетки, что натолкнуло его на блестящую мысль о том, что я уже настолько испорчена и развращена, что он может делать на мне деньги — влиять на людей, продавая меня своим друзьям. Чем он и занялся, один-два раза в месяц. И хотя ложиться в постель с друзьями Морри было точно так же гадко и страшно, как и с ним

* Наркотик-депрессант, снимающий действие возбуждающих наркотиков.

самим, Эстер Голд стала снабжать меня в избытке наркотиками, и каждый раз, когда приезжал кто-то из дружков Морри, я к этому моменту уже отрубалась.

Лори вытерла слезы со щек и улыбнулась противоположной стене комнаты:

— Ну, вот, про мое детство ты теперь знаешь, приступаем к самой интересной части — отрочеству. Эстер отправилась в Фэрфакс, а я — в гимназию в Лос-Анджелес, так что больше мы с ней не виделись, но в гимназии было полно наркоманов, и достать там можно было все, что угодно. Как-то раз на уроке английского я сказала учительнице: «Я царица небесная, а ты — прыщик на заднице Господа Бога». Слово в слово. Она вышвырнула меня из класса. Я поплелась домой. Только дом-то не был *домом* — просто дыра, где я жила с Морри. Шла я, шла, а потом застыла на месте и стояла так часа четыре. Когда мимо ехала патрульная машина и полисмен спросил, как меня зовут, я ответила ему: «Царица небесная».

Лори нервно засмеялась, и вновь из глаз полились слезы. Кончиками пальцев я вытер их.

— Спасибо. В общем, попала в больницу. Рассказала полицейским о Морри, и его уперли в тюрьму — трехкратное «ура» в честь системы охраны детства в штате Лос-Анджелес. О больнице мне рассказывать особо нечего, разве что после нее в голове у меня немного прояснилось. Замечательный человек по имени доктор Диринг, шестидесятилетний психиатр, сообщил, что меня устраивают в гостиницу на полпути*, но он и его жена предлагают мне пожить у них, если мне такая идея по душе. Доктор Диринг был единственным человеком на свете, которому я доверяла, правда, доверяла самую малость, но я сказала тогда себе: попробую. И после этого все в моей жизни переменялось. Независимо от того, какой бы психованной и подозрительной я ни была, — они всегда были терпеливы. Ви-

дишь ли, я усвоила для себя условия сделки. Я сказала себе: «Это замечательные люди, и, возможно, они — твой последний шанс на пути к пристойной жизни. Не будь душой».

Лори отпила немного вина из бокала, и на лице ее легла тень обиды:

— Стюарт Хэтч, разумеется, думает, что Диринги пригнали эту паразитку. Но я любила Дирингов. У меня тогда была почти полная амнезия, а они так заботились обо мне. Они наняли учителей — домашних. Они стойчески выдерживали ужины, когда я орала на них. Они *говорили* со мной. Когда я научилась вести себя по-человечески, они определили меня в частную школу и помогали делать уроки. Колледж я тогда не потянула бы, и, когда я закончила школу, они устроили меня на работу в регистратуре поликлиники в Сан-Франциско. Дэвид и Пэсти Диринг. Храни их Господь.

Мы чокнулись стаканами.

— Стюарт сказал тебе, что я сбежала? Так он сказал? Я сказал, что не помню.

— В Сан-Франциско отвез меня доктор Диринг. Нашел мне квартиру. Весь следующий год, по крайней мере раз в неделю, я им звонила — до тех пор, пока, кажется, Бог не решил снова швырнуть меня в яму. Возвращаясь домой из гостей, Дэвид и Пэсти погибли в автокатастрофе. Ужас. Когда я вернулась с их похорон, я была так подавлена, что целый месяц почти не поднималась с кровати. Работу, конечно, потеряла. Чувствовала себя бездомной кошкой. С горем пополам нашла место в картинной галерее и в один прекрасный вечер после очередной выставки случайно познакомилась с Тедди Уэйнрайтом.

Не сомневаюсь, Стюарт явно намекал на то, что я пользовалась Тедди. Нет смысла сейчас все заново переоценивать, однако со временем я поняла, что, *вне всяких сомнений*, я полюбила человека намного старше меня — полюбить я могла *только* мужчину намного старше меня. Тедди был мне как отец, и что с того? Он любил меня.

* Между двумя городами.

Бог ты мой, как же он любил меня. Я думаю... Тедди помог мне собрать себя воедино из кусочков лишь только тем, что просто был со мной таким великодушным. Как бы я хотела, чтоб он был сейчас жив, — я бы тебя с ним познакомила. Вы бы друг другу понравились...

— А когда ты познакомилась со Стюартом, не показалось ли тебе, что он напоминает Тедди Уэйнрайта?

Лори скользнула поближе ко мне и устало прильнула к моему плечу.

— Думаешь, я была такой глупой? Хм-м. Сейчас, по здравому размышлению, чувствую, мне это совсем не по душе. Ты очень уж проникателен.

— Не сказал бы, что тебе это так уж не нравится.

Лори опустила руку мне на бедро.

— Он был из богом забытого города, такой вроде открытый, прямой, и мне это показалось очаровательным. Знать бы мне тогда, насколько он болен. Он ведь и вправду нездоров — ему в радость делать людям больно.

Лори переложила руку мне на грудь и прижалась лицом к моему лицу. Тело ее было горячим, как у ребенка в лихорадке.

95

После полуночи я перекатился на бок и заметил темный силуэт у кровати. *Стюарт*, подумал я, и рывком сел. Стюарт Хэтч подался поближе ко мне и, наклонившись, превратился в ухмыляющегося Роберта:

— Местами поменяемся, а? — спросил он шепотом.

— Пошел отсюда. Нет, постой. Надо поговорить.

— Чего ты там? — сонно пробормотала Лори.

— Схожу вниз, выпью стакан молока, — сказал я, и она провалилась в сон.

Я натянул рубашку и трусы. Пистолет, который я спрятал под брюками, отправился в один из карманов блейзера. Роберт продолжал ухмыляться. Мои предосторожности забавляли его.

На цыпочках мы прошли мимо комнат Кобби и Поузи и вниз по лестнице. Я зажег свет над полочкой со стаканами, взял себе один, а в баре — наполовину полную литровую бутылку «Джонни Уокер блэк».

Роберт развалился в одном из кресел в нише:

— Никак наша Лори прикладывается к бутылке? Ты, кстати, тоже что-то пристрастился.

— Да нет, разве что иногда... Чертовски тяжелая неделя была. — Я поднял стакан. — Давай за Тоби Крафта. Он, конечно, был тот еще плут, но о Стар позаботился от всего сердца. А в итоге — и обо мне.

— Позаботился, позаботился, — кивнул Роберт.

Несколько раздраженно я шагнул к свободному креслу в нише и расположился там:

— Очень интересно. Очень хотелось бы знать, к чему это ты ляпнул, однако прежде всего я бы попросил тебя закрыть рот и послушать, что я тебе скажу. Прошлой ночью ты, поджидая меня в моем номере, читал книгу Райнхарта. Ты тогда сказал что-то вроде: «Наш старик был ларпивым писателем, правда?» Откуда ты узнал, что Райнхарт был нашим отцом? Я тебе об этом не говорил.

— Рот уже можно открыть? Как я прознал о Райнхарте? Да наверное, тем же способом, что и ты. От Стар. Ты вообще-то не единственный ее сын.

— Врешь.

— А помнишь, ты как-то обедал с Нетти и Мэй?

— А ты в это время ходил в больницу?

— А каким образом, думаешь, в твоём кармане оказались выигранные в покер денежки? Может, мне и не следовало делать этого, но удержаться сил моих не было. Потом я заглянул к Стар попрощаться, и она рассказала мне о Райнхарте. Само собой, тебе она собиралась рассказать то же самое. Я был уверен, что могу рассчитывать на тебя: ты вслед за мной узнаешь об этом из того же источника. Я начну — ты продолжишь. Ведь, несмотря на все свои недостатки, ты парень надежный.

— Ты был уверен, что можешь рассчитывать на меня? — Я изумленно уставился на него.

— В смысле, следующий шаг сделаешь ты. Теперь я заткнулся, а ты продолжай.

— Ага, продолжаю,— кивнул я.— Эдвард Райнхарт был сыном Говарда Данстэна. Скорей всего, незаконным. И с самого нашего рождения он ищет нас.— Я рассказал, что поведал мне Говард Данстэн, представив все так, будто услышал эту историю из уст Джой. Рассказал Роберту и о встрече с Максом Эдисоном в больнице.— Эдисон до сих пор боялся Райнхарта, как боялся его и Тоби. Тоби даже не хотел, чтобы я произносил вслух его имя. Никогда не признаюсь в этом Лори, но, по-моему, его убили из-за нас. Она произнесла это имя.

Роберт обдумал услышанное и сказал:

— Ты не можешь быть уверен, что Тоби Крафта убил Райнхарт, и тем более не должен винить себя. Ты ведь думал, что Райнхарт уже мертв. К тому же профессия у Тоби была опасной — я не про его ломбард... Радуйся жизни и денежкам, что он оставил тебе.

— А об этом как ты пронюхал?

— Я же залезал в его сейф, помнишь? Когда я доставал документы Хэтча, почитал мимоходом завещание Тоби и его страховки. Вместе с недвижимостью там набегает почти два миллиона. Можешь считать это своим приданым.

— Увы: большую часть я уже раздал,— развел руками я.

Роберт взглянул на меня с неподдельным испугом. Глаза его сузились, а губы скривились в улыбке:

— Шутишь...

Я рассказал ему о своем распоряжении разделить деньги.

— Бог мой, чего ради ты так сглупил-то?

Я объяснил все и добавил:

— По большому счету, прямая наследница Стар, а не я.

— Ушам своим не верю. А адвокат оговорил условие, что все денежки возвращаются к тебе, когда старушки сыграют в ящик?

— К. Клейтон Крич старый крюкотвор.

— И ждать придется, может, еще лет двадцать...

— Тетушки все равно деньги не тратят,— успокоил я.— Они в основном используют односторонний бартер.

— Да ну, как только им в руки попадет несколько сотен тысяч, они захотят стать образцовыми горожанами. Так и вижу Кларка, покупающего самый длинный лимузин. Джой сплавит Кларенса в дом престарелых. В конечном счете, всем им туда дорога.

— И хорошо,— сказал я.— Если им захочется в дом престарелых, они смогут найти приличное заведение. Теперь им это по карману.

— Деньги вообще-то предназначались тебе. Точнее, нам.

— Надеюсь, ты не планируешь ради этого убить их всех,— сказал я. В ответ на неудачную шутку я получил обжигающий неприязный взгляд. Роберт покачал головой и отвел глаза.

— Роберт, ты ведь не убивал Тоби?

Он вздохнул и вновь покачал головой:

— Все-таки зря я с тобой связался...

— Прошу, скажи мне: ты не убивал его, чтобы я унаследовал его деньги?

— И ты сразу почувствуешь себя чистеньким, да? Избавишься от угрызений совести, перестанешь обвинять Лори, так?

Я прикинул по времени момент смерти Тоби, и мир, казалось, перестал вращаться.

— Ладно, если хочешь прямого ответа — нет. Я не убивал Тоби Крафта. Извини, придется тебе дальше жить с мыслью о своей виновности.

— Когда я обнаружил Тоби, он сидел в кабинете за столом. Это значит, его убили перед тем, как он собрался подняться в свою квартиру. И когда ты пришел, он был уже мертв.

— Зрелище оказалось не из приятных. Хотя Тоби никогда красавцем не был. Какая жалость, что ты раздарил три четверти его наследства.

— Призраку деньги ни к чему, — заявил я.

— Ты почему знаешь? Мне осточертело бродить на грани. Мне, может, хочется больше стабильности и целостности. Ты — мой шанс уйти в отставку. Мой пенсионный фонд.

— Ты же можешь войти в любой банк мира и выйти оттуда с целым состоянием, и никто тебя не заметит. Не пойму: мой брат «подбрасывает» мне сначала Эшли Эштон, потом Лори Хэтч — чего ради?

— Я обещал Стар приглядывать за тобой. Она ведь не предупредила тебя обо мне, да? Раз мы с тобой пережили наше рождение, переживем и все прочие трудности нашей жизни, поодиночке и вместе, вместе и поодиночке.

Я не верил ни одному его слову.

— Сегодня днем я проходил мимо бара «Загляни» и видел там тебя — ты говорил с какой-то девушкой. И в этот момент со мной что-то произошло. Я начал исчезать.

— Да я постоянно исчезаю. В чем это проявилось?

— Ладони стали прозрачными — я видел сквозь них.

— Эти данстэновские шутки для любого станут сюрпризом. Наверное, это означает, что ты становишься сильнее.

— А это может быть как-то связано с тем, что я увидел тебя?

— Ну так ты и сейчас видишь меня. Кстати, и я тебя вижу.

— В день, когда я приехал сюда, ты был в постели с женщиной, и я чувствовал все, что ты делал. Я занимался любовью с женщиной, которая была где-то в другом месте.

Брови Роберта взметнулись:

— Неужели? — Нельзя сказать, что ему было неприятно это услышать.

— А ты будто не знал об этом?

— Нет. — Он улыбнулся. — Какое необычное явление! — Белки его глаз словно стали еще белее, а зубы засверкали необыкновенной белизной. Почувствовав мою тревогу, он

поднялся с кресла. — На похоронах меня не ищи, но присутствовать я там буду. Завтра вечером обсудим наш день рождения. А пока, пожалуйста, постарайся остаться в живых.

— Роберт, ты, похоже, недооцениваешь меня, — сказал я.

— Даже при желании это вряд ли возможно. — Подарив мне ироничную улыбку, он шагнул к выходу и прошел сквозь закрытую дверь, как призрак.

Я внимательно пригляделся к двери черного хода: высокая деревянная панель, из двух одинаковых частей, разделенных ложбинкой. Поднявшись и обойдя стол, я прицелился указательным пальцем в центр верхней панели. Палец уткнулся в дерево. Мысленно твердя себе, что я Данстэн, я попытался усилием воли заставить палец пройти сквозь дверь. Ничего не получилось.

96

Я сидел за столом Лори, глядел на стакан и размышлял о своем брате, моей тени, чье отсутствие направляло течение всей моей жизни. Он заранее знал, что со мной произойдет в Мидлмонте, он спас меня от голодной смерти — ведь это Роберт флиртовал с Хорстом, когда я впадал в ступор. Он подстроил мою встречу с Эшли, потому что знал: следствием ее будет ужин с Лори Хэтч в «Лё Мадригале». Однако он не знал, что я раздам три четверти доставшегося мне от Тоби Крафта, и был очень удивлен рассказом о моей поездке на Нью-Провиденс-роуд. Роберт хотел, чтобы я думал, будто он обо мне знает все, однако не знал он и о моем полуисчезновении на Евангельской улице, и о моей новой способности поглощать время.

Роберт пропускал те мгновения, когда я действовал по данстэновским законам; в особенности это касалось того, что перешло ко мне непосредственно от Стар. В сущности, все, что я узнал по возвращении в Эджертон, отдавало ме-

ня от его скрытой претензии на мое бытие. Те части моего существа, которые были наименее знакомы мне самому, оказались вне пределов его досягаемости.

Роберт, однако, рад был слышать, что я принимал участие в его сексуальных приключениях и что я видел, как исчезают мои руки на Уорд-стрит, — возможно, он желал, чтобы я весь исчез. Тридцать пять лет Роберт жил на границах человеческой действительности, как голодный волк, и вполне естественно, что он желал большего. Думал ли я, что он планировал жениться на Лори, наложить лапы на имущество Хэтчей, а затем избавиться от обоих — Лори и Кобби? Последний глоток виски превратил притянутую за уши идею в почти невероятную. Однако до конца идея из головы не ушла, поэтому провести ночь в постели Лори я не мог.

97

Вернувшись в спальню, я в полной темноте оделся. Сонным голосом Лори пробормотала:

— Ты всегда куда-то уходишь, уходишь...

— Надо подготовиться к похоронам.

Она приподняла голову, чтобы поцеловать меня.

— Утром позвоню, — пообещал я.

— До боли знакомая фраза...

Мимо спящих домов я ехал к шоссе. Восемнадцатиколесные фуры выплывали сзади из темноты, словно желтоглазые монстры, догоняли меня и уплывали вперед, превращаясь в красные точки на границе бесконечности. Редкие машины, словно призраки, крались по ночным улицам Эджертона. Отыскав место на парковке перед «Спидвеем», я перешел улицу и вошел в Реповый переулок.

В спешке я едва не налетел на человека, напоминавшего кучу старого тряпья. Я наклонился, решив, что, если это Пайни Вудз, я дам ему денег на ночлег в отеле «Париж». Вонь немывтого тела и алкоголя поднималась от бродяги

со спутанными волосами и струпьями на щеках. Веки его задрожали, будто он почувствовал мой взгляд. Откуда-то неподалеку доносился мощный храп — словно заводили и выключали бензопилу.

На Кожевенной из двери дома вылетел человек и рухнул ничком на бульжник мостовой. За подвальным окном раздавался женский голос: «Каждый раз одно и то же, одно и то же! Как же мне это осточертело!» Где-то спустили воду в унитазе. Под слабым светом уличного железного фонаря я свернул на Рыбную.

Не успел я пройти и тридцати футов, когда вдруг услышал сигнал, будто прилетевший ко мне из детства: кто-то свистнул на две ноты — вторая на октаву ниже первой. Обернувшись, я увидел пустую улочку. Я хотел продолжить путь, но тут футах в двадцати передо мной с Лавандовой на Рыбную вынырнул Джо Стэджерс. Резко остановившись, он засмеялся.

— Так-так. Похоже, пришло время поразвлечься. — Плавным, отработанным движением он вытянул из заднего кармана нож и тряхнул рукой. Лезвие выскочило и зафиксировалось с тяжелым металлическим щелчком.

Я глянул через плечо. Ек-ек — Коротышка — стоял под фонарем, отрезая путь к отступлению.

— Данстэн, ты готов? А, паренек? — крикнул Стэджерс. — Только нынче без дураков, понял? — Он шагнул вперед.

Я выхватил из кобуры пистолет, снял с предохранителя и направил его на Стэджерса:

— Стоять! — Я оглянулся на Коротышку — тот не двинулся — и передернул затвор. — Брось нож.

— Ух ты. Никак застрелить меня собрался?

— Надо будет — застрелю. — Полуобернувшись к Коротышке, я прицелился в него. — Пошел отсюда. Живо!

— Да не будет он стрелять, — сказал Стэджерс. — Зуб даю.

— А башку Минору кто проломил? — подал голос Коротышка.

— Этот пацан никогда в жизни из пистолета не стрелял. Но он прикарманил наши бабки, если ты забыл.

— Не такие уж большие бабки, чтоб подыхать из-за них. Я резко направил ствол на Стэджерса, и тот отступил на пару шагов назад.

— Да забудь ты о бабках, подумай для разнообразия о том, чтоб побыть настоящим мужиком,— убеждал Стэджерс.— Если он кого и застрелит, так это меня.

Я посмотрел на Коротышку, не отводя прицела от Стэджерса. Когда я перевел взгляд на Стэджерса, тот стоял, согнувшись и прижав руки к бокам, и улыбался мне.

— Коротышка,— сказал я.— Сматывайся, пока не поздно.

— Да ничего этот пацан не сделает. Вперед,— командовал Стэджерс.

Я услышал, как Коротышка сделал неуверенный шаг вперед. Я развернулся и прицелился ему в грудь. Затем, взяв на дюйм левее, нажал на спуск. Ствол выплюнул красную вспышку, руку подбросило вверх. Пуля ударилась в кирпич стены, от ricoшетила через улицу и влетела в заколоченное досками окно. Коротышка неуклюже попятился. Я передернул затвор и услышал, как о мостовую звякнула гильза.

По-прежнему не разгибаясь, Стэджерс стоял в четырех ярдах от меня и сжимал в вытянутой вперед руке нож острием вверх:

— Специально промазал, сучонок.

— В тебя точно попаду,— пообещал я.

— Может, я брошу нож, а ты — пистолет, и мы свалим отсюда, а?

— А может, вы свалите отсюда, пока я не вцепил пулю тебе в башку, а?

Похожий на краба, Стэджерс сделал маленький шаг вперед.

Я прицелился ему в лоб.

— Брось нож, я сказал.

— Ну, бросил.

Стэджерс опустил руку с ножом, зыркнул исподлобья на меня и, как жаба, прыгнул вперед. Я успел прицелиться в большую клетчатую тень, полетевшую ко мне над булыжниками мостовой. Яркая-красная вспышка, грохот выстрела, звук ricoшета пули от камня. Стэджерс врезался мне в ноги и опрокинул на спину.

«Давай,— командовал я себе,— ну же!»

Желудок свело судорогой. В голове распустилась боль. Мир растаял в податливой мягкости, и я провалился сквозь время на шестьдесят лет вместе с вцепившимся в мои ноги Стэджерсом.

Следом пришло знакомое ощущение *неправильности и дезориентации*. В миазмах конского навоза, пива и нечистот Рыбная вздымалась и опадала, как качели. Когда взгляд мой немного прояснился, я понял, что лежу на спине недалеко от входа в таверну. Звезды чуть не вдвое крупнее привычных усыпали ночное небо. Подняв голову, я увидел Джо Стэджерса, пытающегося подняться на ноги. Я знал, что собирался сделать с ним, еще до того, как открылась дверь таверны, выпустив группу мрачных мужчин в поношенных куртках и засаленных шляпах. Зловещие и удивленные смешки прокатились среди них. Один из них подошел к нам, следом — еще двое-трое. Стэджерс осел на пятки и поднял нож.

Ему не приходило в голову, что его чистая рубашка, прочные желтые ботинки «тимберленд» и свежая аккумуляторная стрижка абсолютно не вызвали симпатии у окружающих нас незнакомцев. Он не выглядел богачом, однако казался намного более обеспеченным, чем любой из них. А то, что он помахивал ножом, антипатию только усугубляло. Стэджерс обернулся посмотреть на меня, и боль и смутение в его глазах заставили меня почти пожалеть его.

— Где это мы, черт побери?

Большинство стоявших у входа в кабак мужчин достали ножи.

Один из них отошел от группы. Вспоротые карманы его куртки шлепали, как кроличьи уши. Хриплый голос проговорил: «Бугор, этот твой».

Я швырнул пистолет и услышал, как он заскользил по булыжникам. Бугор двинулся вперед, а я сделал то, что надо было сделать.

Со всех сторон навалилась темнота. В голове загудело, и лицо залил пот. Пустые дома и заколоченные досками окна молчаливо созерцали происходящее. Я рывком поднялся и почувствовал запах кордита*. Впереди, на пересечении улочек, сидящие под уличным фонарем двое пьяниц изумленно таращились на меня. На Евангельской взвыла сирена.

— Он туда побежал! — крикнул я, показывая в дальний конец Рыбной.

Пьяницы медленно обернулись, и я кинулся в темноту.

98

Катафалк мистера Сполдинга двигался впереди сверкающего «бьюика» Кларка по дороге к Литл Ридж, а следом за ними ехал я, включив фары. Мы миновали ворота и по хрустящему гравияу направились к узкой дорожке, выходящей мимо старинных надгробий. Катафалк плавно притормозил у небольшого возвышения, и мы с Кларком остановились позади него. Все вышли из машин. Было ясное солнечное утро. В темных ситцевых платьях с кружевными воротничками Нетти и Мэй напоминали двух дьяволиц. В своем баклажанного цвета костюме, белой рубашке, черном галстуке и шоколадного цвета широкополой мягкой фетровой шляпе Кларк выглядел таким элегантным, каким мне прежде не доводилось его видеть. Ковер искусственной ярко-зеленой травы от «Астро-Торфа» прикрывал холмик земли, которую после церемонии свалит в могилу желтый бульдозер, припаркованный поодаль. С той

* Бездымный порох.

стороны ямы стояла машина, смахивающая на автопогрузчик с металлическими стойками и торчащими скобами. В тени бульдозера сидели на корточках два кладбищенских рабочих.

Кларк поправил шляпу:

— Все эти дни я думаю о твоей матушке, сынок. И слава богу, что мне довелось дожить до этих лет: сегодня я могу на прощание выразить ей свое почтение.

— Дядя Кларк, — ответил я, — без вас сегодня все было бы не так.

Мистер Сполдинг и трое одетых в черное его помощников вытянули из катафалка гроб и понесли его на холмик. В лучах солнца гроб сверкал желто-бронзовым. Плавные очертания и округленные края делали его похожим на готовую к запуску в открытый космос ракету.

— Эти бронзовые ручки, наверно, вечные, — проговорил Кларк.

Я помог Мэй подняться в горку, потому что она что-то бормотала о несусветной жаре. Помощники Сполдинга опустили гроб на подставку, установленную над четырехугольным провалом могилы. Плотный мужчина в черном одеянии и очках с золотой оправой раскрыл перед своим округлым животиком Библию в кожаном переплете и представился: его преподобие Джеральд Свинг.

— Еще кто-нибудь придет прощаться? — поинтересовался он.

— Кажется, да, — сказал я, показывая на помятый пикап «вольво», остановившийся позади моей машины. Его преподобие Свинг занял место у изголовья открытой могилы и погрузился в созерцательный транс.

— Я рассказала Джой, — подала голос Мэй, — о деньгах, что нам оставил Тоби. Похоже, она начинает склоняться к мысли о том, что Клааренса надо отправить в дом престарелых.

— До отъезда я попробую найти подходящий, но если мне не удастся, придется этим заняться вам с тетей Нетти.

— Сынок,— спросила Мэй,— а когда мы получим эти чеки?

— Недели через три,— ответил я.

— Должен признаться, я, по-моему, сегодня, неплохо приоделся,— сказал мне Кларк, и голос его дрогнул.— Мама твоя всегда придерживалась мнения, что я симпатичный мужчина.

Я взгляделся в лицо Кларка под полями шляпы: из глаз его текли слезы.

По петляющей дорожке к нам поднималась Сьюки Титтер в просторном черном брючном костюме и черной шляпе размером с сомбреро.

— А эта девушка приходила в больницу,— сказала Мэй, заведя Сьюки.

— Нэд подарил ей целое состояние, только я до конца своих дней не пойму, чего ради...— проворчала Нетти.

— Намного меньше, чем отдал вам и Нетти,— сказал я.

— Нэдди,— спросила Мэй,— скажи ради бога, сколько ты дал нам?

Ответить я не успел: Сьюки обняла меня, окутав мое лицо золотистой дымкой.

— Спасибо, спасибо, *спасибо* тебе. Я потрясена!

Я поцеловал ее в щеку и проговорил:

— Я так рад, что могу помочь...

— Давай после церемонии встретимся, хорошо?

Кларк приподнял край шляпы на четверть дюйма и опустил:

— Спасибо вам, что пришли попрощаться, мисс. Должен признаться, вы восхитительно привлекательны.

— Благодарю вас, я могла бы сказать и вам то же самое, сэр.

Польщенный Кларк фыркнул и увенчал свой триумф тем, что вытянул из нагрудного кармана неимоверного размера солнцезащитные очки в черной оправе (мне показались, на днях я видел их на столе мистера Споддингга), небрежным взмахом кисти откинул дужки (точь-в-точь так

же, как Стэджерс раскрывал свой нож) и водрузил их на нос. В очках Кларк немного напоминал тонтон-макута*.

В плотно облегающем черном костюме, высоко открывавшем ноги, из белого «БМВ» вышла Рэчел Милтон. Ее очки были еще больше, чем у Кларка, приподнявшего край шляпы элегантным движением опытного сердцееда.

Нетти хмуро глянула на меня:

— Даже не знаю, удастся ли нам с Мэй отправить твоего дядю Клааренса в приличный дом престарелых. Мы уже в таком возрасте, что впору самим искать подобное заведение.

Рэчел поняла намек и отошла в сторонку. Я сказал что-то утешительное Нетти, наблюдая, как Рэчел нерешительно подходит к Сьюки. Настороженно помедлив мгновение, Сьюки бросилась к ней, и обе женщины заключили друг дружку в объятия.

Забытый всеми у могилы, его преподобие Свинг обратился ко мне вопросительный взгляд. Я кивнул. Преподобный неистово кашлянул в кулак, вновь раскрыл Библию и взгляделся в текст в надежде почерпнуть в Священном Писании духовное подкрепление. И следом резко захлопнул книгу.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы проводить из земного мира Валери Данстэн, известную в кругу родных и друзей как Стар, и вернуть ее душу Господу.

Создавалось впечатление, будто он открыл в себе потайную заслонку и голос, которым он обычно разговаривал, сменился вдруг густым и вибрирующим низким баритоном.

Я окинул взором подъем холма, кленовую рожицу, оглянулся — но Роберта не увидел.

Хотя его преподобие Свинг не имел чести быть лично знакомым с Валери Данстэн, эти несколько минут с осиротевшей семьей доказали ему, что Стар Данстэн — да позво-

* Тонтон-макуты — наводившая на людей ужас тайная полиция гаитянского диктатора Дювалье («папы Дока»).

лят ему употребить это милое прозвище — была любящей матерью, любящей дочерью своей матери и преданной племянницей своим тетушкам и дядюшкам. Преподобный Свинг был в курсе, что Стар Данстэн приготовила и упаковала в коробки для завтрака тысячи сэндвичей с желе и ореховым маслом, с тунцом и яичным салатом, которые брал с собой в школу ее сынок Нэд. Преподобный Свинг был в курсе, что она провела много бессонных ночей у кровати маленького Нэда, когда он болел. Несчетные часы она потратила, стирая и отглаживая его школьную форму. Стар билась вместе с сыном над умножением и делением в столбик; она помогала ему готовить рефераты по истории; его преподобие не мог не поражаться, как они вдвоем — Нэд с мамой — открывали для себя величие Иерусалима и Святой земли, которые его преподобие Свинг имел счастье посетить в компании со своей супругой и помощницей мисс Виолеттой Пьюс Свинг.

Нетти и Мэй постоянно кивали как заведенные, а мне больших трудов стоило удержаться от смеха. Интересно, подумал я, а видела ли в своей жизни Стар коробку для завтрака? Никогда она не делала сэндвичи с желе и ореховым маслом, а единственной одеждой, которую она когда-либо гладила, были платья, что она надевала на сцену. Я бросил взгляд к подножию холма и увидел Роберта — в синем костюме, в точности как у меня, он стоял в роще, прислонившись к стволу клена. Словно вспышка, воспоминание о нашей встрече в доме Анскомбов и нашем слиянии в единое существо заставило меня содрогнуться. Глаза мои обожгло слезами.

Преподобный Свинг заговорил с модуляциями в голосе:

— Мать этого молодого человека, племянница благородных дам, стоящих передо мной, ежедневно искала вдохновения на страницах книги, занимавшей особый уголок в ее доверчивом и добром сердце.

Вопреки абсурдности такого портрета Стар — или, возможно, благодаря ей — чувства, пробужденные присутствием Роберта, усилили мою скорбь по маме: будто тол-

стую стену, стоявшую у меня внутри от груди до позвоночника, раскололи пополам. Я зарыдал. Все присутствовавшие, включая его преподобие, уставились на меня, однако вместо смущения я почувствовал, как вновь во мне заструилось глубокое течение жизни: сильнее, чем когда-либо, я почувствовал себя сыном своей матери.

Когда я вновь взглянул на кленовую рощу, Роберта там не было.

Преподобный Свинг вверил Валери Стар Данстэн земле, откуда она и пришла, и предложил нам возрадоваться вознесению ее души. Первая половина его фразы мне понравилась. Чрезвычайно понравилась. Вверим Стар земле, поскольку явилась она на свет из земли сырой. Именно туда она сейчас и возвращалась, так давайте предадим ее земле, наряженную в свое лучшее черное платье и любимые жемчужные серьги (если, конечно, тетушки потихоньку не стянули их, оправдываясь тем, что жемчугу лучше служить живым, нежели мертвым). Давайте надеяться и верить, что земля примет ее по-доброму, давайте верить: что бы еще ни осталось от нее, помимо этой направляющейся в землю космической капсулы Сполдинга, оно тоже найдет успокоение, которого заслуживает, — в раю ли, по рекомендации преподобного Свинга, или в сферах, ему неизвестных...

Свинг пробасил красивую молитву. Один из помощников мистера Сполдинга вытянул из могилы косметический саван от «Астро-Торфа», а второй незаметно скользнул к механизму и нажал кнопку. Гроб Стар плавно опустился в могилу и почти неслышно остановился.

— Джерри Свинг знает, что хотят слышать люди, — тихо сказал Кларк.

Он и тетушки стали спускаться с холма. Атмосфера разрядилась, и напряженность спала, как только вниманием всех завладела окружающая реальность. Плотная группа пришедших проститься вновь распалась на отдельные фигуры. Закашляла бульдозер. Я направился к Сюки Титер и Рэчел Милтон, и крупная фигура в очках с золотой оправой и в черной рясе выросла рядом со мной.

Вибрирующим голосом проповедника преподобный Свинг произнес:

— У меня такое чувство, будто я знал вашу матушку так же хорошо, как если бы она была моей прихожанкой.

— Спасибо, ваше преподобие.— Я дал ему банкноту в пятьдесят долларов, и она утонула под рясой.

— Вас растрогало воскрешение в памяти духа вашей матушки.

— Ваше преподобие, моя матушка от души посмеялась бы, услышав она о сэндвичах, но тем не менее спасибо, очень трогательно.

Продолжая нажимать педали голосового органа, Свинг пробасил:

— Я знаю, ваша мама была доброй христианкой.

— Она любила Билли Холидей и Эллу Фицджеральд и цела в клубах,— ответил я.— Это пойдет ей в зачет? Посвоему она была фантастической матерью.

Свинг хлопнул меня ладонью по спине и рассмеялся. Своим натуральным голосом он сказал:

— Знаете, какие казусы частенько приключаются с такими разовыми ангажементами, как мой сегодняшний? Вся беда в отсутствии достаточной информации. Если б Сполдинг сказал мне, что ваша мать была певицей, я бы минут пять посвятил Билли и Элле, и тогда точно все рыдали бы навзрыд. Это были бы незабываемые похороны.

— Они и так незабываемые,— вздохнул я.

Он зашагал вниз, бормоча благословения. Тотчас передо мной возникли Нетти с Мэй.

— Необычайно красивый голос у священника,— сообщила Нетти.— Однако я не хотела бы слушать его с утра до вечера. И он ничеготеньки не знает о Стар, хотя был очень любезен с Мэй и со мной.

— Подозреваю, преподобный Свинг прихватил с собой Виолетту Пьюс в Святую землю в надежде оставить ее там,— сказал Мэй.— Ты поедешь с нами, Нэдди?

— Я загляну попозже.

— С дамами он поедет,— сказал Кларк и не спеша подошел к нам.— Преподобный заставил нас испытывать гордость, однако Стар пришлось бы по душе, упомяни он и ее привязанность ко мне. Меня она любила больше всех, так-то вот.

99

Стоя рядом с «БМВ», Сюки не сводила с меня глаз, и Рэчел сказала:

— Мы со Стар частенько заглядывали в «Бреннан». Сейчас, конечно, рановато для ланча, но единственное, чем мне удалось сегодня позавтракать,— это йогурт в половине восьмого.

— Я сегодня вообще не завтракал,— признался я.

— А я только встала,— сказала Сюки.— «Бреннан» от меня совсем рядом, за углом, и я целую вечность там не бывала. Это будет похоже на возвращение после долгой разлуки.

— У них все еще висит то фото,— сказала Рэчел.

— Нэд, ты себе не представляешь, что тебя ждет. Найдешь его? Впрочем, не ломай голову, просто поезжай за нами.

— Я знаю, где «Бреннан»,— сказал я.— Но поеду за вами следом.

Сюки порхнула к своей машине. Рэчел сказала:

— Одна из тетюшек Стар озабочена тем, чтобы отправить кого-то в дом престарелых?

— Да, речь шла о муже тети Джой, Кларенсе,— пояснил я.— У него поздняя стадия болезни Альцгеймера.

— Гринвилл ввел меня в состав правления «Маунт-Болдуин». Это лучшее в Южном Иллинойсе заведение по уходу за престарелыми. Я могу днем позвонить Лицу Фэнтингу, директору, и договориться обо всем в течение пяти минут. Кларенс готов отправиться туда?

— Он давно созрел, если это вы имеете в виду.

— После ланча я займусь этим. Честное слово.

Рэчел припарковала машину напротив ирландского бара на Ярмарочной, а Сьюки и я нашли свободные места за углом. Когда я вышел из машины, Сьюки стояла на тротуаре, чуть смущенно глядя на меня:

— Я недостаточно вас отблагодарила за вашу щедрость. Это удивительно, Нэд. Вы ведь едва меня знаете.

— Эти деньги предназначались Стар. А она сделала бы в точности то же самое.

Сьюки обняла меня одной рукой:

— Пожалуй, это единственное, что убеждает меня принять от вас деньги, хотя, если честно, у меня просто не хватит духу отвергнуть их. Хочу, чтоб вы знали, как я благодарна вам.

Вместе мы вошли внутрь длинного темного помещения: стойка бара из полированного красного дерева с одной стороны и деревянные кабинетики с другой, далее располагался обеденный зал. Крупный мужчина с седыми висками улыбнулся нам из-за барной стойки.

— Миссис Милтон, — приветствовал бармен. — Сколько лет, сколько зим! — Глаза его встретились с моими за мгновение до того, как он глянул на Сьюки, и вернулся к Рэчел. — Могу я предложить вам и вашим друзьям столик в дальнем конце? — Он еще раз посмотрел на Сьюки, и взгляд его смягчился. Лицо осветилось улыбкой. — Смотрите-ка, Сьюки Титер вернулась к Бреннану! И все так же красива.

— Боб Бреннан, ты идешь по стопам своего отца, — улыбнулась Сьюки.

— У вас была отличная компания. А Стар Данстэн сегодня с вами будет?

Игла, летящая со скоростью света, прошила мне сердце. Рэчел сказала:

— Мы только что с ее похорон. Это ее сын, Нэд.

— О нет! — проронил потрясенно Бреннан. — Какой ужас... Искренне соболезную вам, Нэд. — Он протянул че-

рез стойку руку, в ладони которой утонула моя. — Мой отец любил, когда ваша матушка была здесь, и я тоже. Сейчас мы вас усадим и принесем все, что только пожелаете.

Мы сели за столик, и Бреннан вручил каждому меню:

— Первый напиток за счет заведения.

— Мне, пожадуйста, «Манхэттен». И спасибо вам, Боб.

— Мне тоже, — попросила Сьюки.

— Она здесь заказывала «Манхэттен»? — спросил я.

— Один «Манхэттен», вермута самую малость, без льда, — рассказал Бреннан.

Такой я и заказал, и мы вернулись в бар.

Сьюки принялась разглядывать стены:

— А Боб — копия своего отца. Жуть...

— Надо обязательно показать Нэду картину, — спохватилась Рэчел.

— Если позволишь, я покажу, — сказала Сьюки. — Пойдем. Сейчас у тебя будет урок истории.

Сьюки повела меня к дальней стене.

— Боже, как же мы были хороши! — ахнула Рэчел.

Чуть выше уровня глаз на стене висела большая фотография: десять девушек и двое юношей в летней одежде сидели в ряд вдоль стойки бара. Лица их светились неприкрытым и естественным счастьем. Ослепительно красивая Стар улыбалась между ошеломляюще молодой Сьюки Титер и столь же ошеломляюще молодой Рэчел Ньюборн.

— Ух ты! — негромко воскликнул я. Это «ух ты» очень верно выражало все, что я чувствовал. — Это ваша компания?

— Почти вся. — Рэчел стала называть имена девушек с фотографии — Сара Берч, Нанет Бридж, Тэмми Вэкфорд, Эвис Олбрайт, Зельда Дэвис. Мей-Лю Чанг — вон, рядом с Сэмми Шварц. А вот девушка, которая балдела от «бензедринчиков»* и любила говорить стихами.

* «Бензедрин» — фирменное название средства, оказывающего стимулирующее действие на нервную систему.

— Джорджи-Поражи,— подсказала Сьюки.— Совсем недавно опубликовала свой второй роман, у нее двое детей, мужа нет, она самый довольный жизнью человек на земле. Ненавижу ее всеми фибрами души.

Я попросил рассказать, как сложилась судьба ребят и девушек. Зельда Дэвис выиграла стипендию в Гарварде, сейчас работает в Государственном департаменте. Сэмми Шварц сбежала с одним из «ангелов ада», сейчас преподает в третьем классе в школе в Аризоне. Нанет Бридж — партнер в юридической фирме на Уолл-стрит. Лунную Девочку Томпсон никто не видел с той минуты, как она объявила своему парню, что идет прогуляться по пляжу,— она буквально исчезла.

Бреннан принес напитки и принял наши заказы: салат для Рэчел, гамбургеры и картофель фри мне и Сьюки.

— Помнишь Саджит? А Большую Индианку?

— Да разве их забудешь? — ответила Сьюки.— Саджит вернулась в Бомбей, устроила крупный национальный скандал. Двум или трем членам кабинета министров пришлось подать в отставку. Большая Индианка делает авангардные фильмы. Ее настоящее имя Берта Сноуберд.

— Несколько фильмов Берты Сноуберд я видел,— сказал я.— Она настоящий мастер. Где она тут?

Мы вернулись к дальней стене, и Сьюки показала на энергичную девушку с прямыми черными волосами, разделенными пробором, атлетическими плечами и глазами как у львицы. Коротко подстриженный молодой человек лет двадцати пяти с внешностью красавца актера обнимал ее за шею.

— Что за юноша? — спросил я.

— Дон Мессмер,— ответила Сьюки.

В объектив камеры улыбался человек, отдающий себе отчет в том, что он потерял почву под ногами и в то же время ему необычайно подфартило. С другого края группы темноволосый мужчина с сигаретой во рту прислонился плечом к Сэмми Шварц.

— А этот?

— Он преподавал английский в Альберте,— сказала Рэчел. Она поднесла наполовину полный стакан к губам и осушила его.— Его звали Эрвин Лик.

Я увидел Пайни Вудза сидящим на скамейке в Мерчантс-парке.

«За тенью следуем — она все убегает; лишь отойдем — за нами тень бежит».

— Почему на фотографии нет Эдварда Райнхарта? — спросил я.

— Эдвард терпеть не мог фотографироваться,— ответила Рэчел.— Сьюки, ты помнишь те времена...

Затолкав едва ли не весь гамбургер в рот, Сьюки ответила:

— Еще б не помнить.— Она подняла вверх указательный палец и проглотила гамбургер.— Помню и другие.

— Ну почему мы были такими *глупыми*? Как-то раз кто-то сфотографировал Райнхарта, но разбил фотоаппарат. Через три месяца Саджит фотографирует его на улице, и он выхватывает ее камеру и выдирает оттуда пленку. Нам тогда еще следовало задуматься над этим.

— Мы считали, что подозрение — буржуазный пережиток,— усмехнулась Сьюки.— Как ты поживаешь, Рэчел?

Рэчел Милтон прикончила второй «Манхэттен».

— Честно говоря, не здорово. Это просто *ужасно*, что Стар умерла. А мой муженек вдруг решил, что в жизни ему не хватает чего-то новенького, а именно — тридцатипятилетней ледышки, ловкой в разделе земельной собственности. Теперь он спит и видит, как бы жениться на этой ледышке.

— Сколько ему? — поинтересовалась Сьюки.

— Семьдесят два, однако это ему не помеха. Он влюблен. Не влюбись Гринни в нее, он бы окончательно влюбился в себя, так что и в подобной ситуации есть свои плюсы. Ты была замужем?

— Официально — однажды, — ответила Сьюки. — Не-официально — два с половиной раза. Рэчел, ты забыла, как я выходила замуж за Роджера Лэтропа!

— А, музыкант, который все время ерзал, когда играл на клавишине. Как только ты сказала, я сразу и вспомнила. Я бы еще выпила, только не «Манхэттен». Бокал белого вина.

— А я повторю «Манхэттен».

Я помахал рукой Бобу Бреннану.

Сьюки повернулась ко мне:

— Я рассказывала тебе о Роджере. Мы учились в колледже Пофэма, а через шесть лет Мичиганский университет сделал его своим штатным художником. Мы оба были счастливы убраться из Пофэма, поверь. А потом...

— Роковые слова, — сказала Рэчел.

— А *потом* Роджер заявил мне, что я торможу его творческий прогресс, но что я не должна принимать эти слова как личное.

— И как же звали суэчку? — спросила Рэчел. — Наверняка студентка.

— Его лучшая ученица, Соня Скиффингтон. В Мичиган поехала не я, а она. Я же вернулась сюда. О неофициальных мужьях я предпочла бы умолчать. Один из них был отличным парнем, но скоропостижно скончался во время своей ежедневной пятимильной пробежки, а двое других оказались просто чем-то вроде «печенья судьбы»*.

Двадцать минут спустя Сьюки сказала:

— Когда я увидела Стар в больнице, я думала, у меня сердце разорвется.

— Я тоже, — кивнула Рэчел.

— Рэчел, ты же не ездила в больницу.

— Ах да! Точно. У меня был тогда жуткий день. Я шипела на всех и каждого. — Она с большим трудом сконцентрировала взгляд на мне. — И на тебя — тоже, помнишь?

— Отчасти, — сказал я.

— Гринни только что дал мне понять, что мои услуги больше не пригодятся. Сьюки, у меня потрясающая идея. Нам обоим надо выйти замуж за Нэда.

— Рискованная затея, — улыбнулся я.

— Возможно, мальчик только внешне очень похож на Эдварда, — сказала Сьюки. — А во всем остальном он куда более славный.

— Эдвард славным никогда и не был. Именно это нас всех и сводило с ума.

— Эдвард на всех плевал. Даже на Стар. А кому до нее было дело, в курсе? Дону Мессмеру.

— Ой, не надо, пожалуйста, об *этом* типе. Знаешь, как некоторые мужчины пользуются тем, что хороши собой? А так-то им всего только и надо, что плыть по течению, я права? Дон Мессмер!..

— Интересно, чем сейчас занимается Дон? — спросила Сьюки.

— У него бар в Маунтри, — сказал я.

Женщины рассмеялись.

— Рэчел, ведь это значит... — Сьюки снова зашлась смехом. — Это значит, что ему приходится воровать у *себя самого*.

— Нам, пожалуй, пора двигаться, — напомнил я.

— Прости нас, пожалуйста. Мы со Сьюки не виделись целую вечность. Потому и веселимся.

— А знаешь, ты права, — сказала Сьюки. — Пошли за Нэда замуж.

— Прежде чем мы поженимся, давайте-ка я отвезу вас домой, — сказал я.

— Еще минутку, — попросила Рэчел. — Два вопроса. Первый... Ты не передумал отправлять дядю в «Маунт-Болдуин»?

* Fortune cookie — небольшое печенье (особенно часто его подают в китайских ресторанах), в котором запечена бумажка с пословицей, предсказанием и т. п.

— Нет,— сказал я.

— Хорошо, я займусь этим. Напиши, пожалуйста, мне его имя, а то забуду.— Она покопалась в сумочке и выудила блокнот и ручку.

Я записал ей имя Кларенса, номер телефона Нетти и добавил строчку: «Дядя Стар, устроить в "Маунт-Болдуин"».

Рэчел кинула взгляд на страничку и убрала ручку с блокнотом в сумочку.

— Вопрос второй. Нет, даже не вопрос. Кажется, я собиралась тебе что-то рассказать?

— Вспоминайте.

— Так, мне пора домой,— заявила Сьюки.— Нэд, отвезешь меня?

— Отвезу вас обеих.

— Если я решусь рассказать тебе это кое-что,— сказала Рэчел.— Я не решилась. Договорились?

— Договорились.

Рэчел нацепила темные очки. Мне почему-то подумалось, что она маскируется:

— Мой муженек дал мне отставку ради тридцатипятилетнего вампира из Гонконга; я ясно выразилась?

— *Вампириши* из Гонконга,— поправила Сьюки.— Вопрос к аудитории в студии: когда она берет в рот, сосет ли она кровь?

— Гринни думает, что ему все сойдет с рук. Так же считает и его лучший друг. Знаете, о ком я? Имя не говорите, только инициалы.

— С. Х.

— Правильно. Сьюки, угадай, что его лучший друг часенько делал, когда шел за мной на кухню в разгар вечеринки?

— Хватал тебя за сиськи и тянул твою руку к своему члену,— сказала Сьюки.— Тоже мне загадка.

— Такая скотина. У Гринвилла и его дружка какой-то бизнес?

— По-видимому,— кивнул я.

— И тут вдруг на этого его лучшего друга сваливаются обвинения во всех тяжких.

— Так.

— И друг лучшего друга, *вне всякого сомнения*, попадет в беду, если в беду попадет Стюарт. Мы всдь не называли никаких имен, верно?

— Пока что я расслышала два,— сказала Сьюки.

— А я не с тобой разговариваю. Теперь представь: жена друга этого друга решила, что оба голубчика заслуживают того, что на них свалилось. Предположим, ей как-то удалось защитить себя в финансовом отношении, в то время как муженек все еще заботится о ней и кладет ее на *операционный стол* в день ее рождения.

— Изверг,— сказала Сьюки.

— Ну, вот мы и добрались до мистера Эдварда Райнхарта.

— Каким образом? — спросила Сьюки.— Ах да, ты ж не со мной разговариваешь.

— Думаешь, это его имя — настоящее?

— Нет,— ответил я.

— А? — спросила Сьюки.

— Я второй заместитель председателя юбилейного комитета. Лори была первым заместителем, потом Стюарт выкинул ее оттуда. Вот что: тебе надо просмотреть снимки.

— Какие снимки? — спросил я.

— Да *фотографии*.

— Часть наших семейных фотографий потеряна.— И тут наконец до меня дошло, о чем Рэчел пыталась рассказать мне.— Фотографии Эдварда Райнхарта! Вы видели фотографии в библиотеке и на них узнали его, так?

— Я ничего подобного не говорила. Сьюки, разве я говорила?

— Мне правда очень надо домой,— запричитала Сьюки.— Чем скорее, тем лучше.

Я спросил у Рэчел, на месте ли сегодня ее горничная.

— Да, сегодня Лулу работает. Если это можно назвать работой.

— Я отвезу вас домой на вашей машине, а Лулу может вернуться со мной, когда я повезу Сьюки.

— Ты небось думаешь, я забуду то, что рассказала о твоём дяде? — спросила Рэчел. — Однако слово я дала.

Я помог Сьюки подняться со стула. Когда мы выходили, я подхватил со стойки бара картонку со спичками, подумав о том, что надо бы сегодня попозже позвонить Бобу Бреннану.

101

Горничная Рэчел Лулу Уайт помогла мне выманить Сьюки из «БМВ» и направить в галерею Риверрэн, где одна из молодых ассистенток пообещала проводить хозяйку до постели. Я вернулся к машине и поехал на Грейс-стрит.

Библиотекарша за столиком указала на дверь в дальнем конце читального зала. В унылом конторском коридоре я отыскал табличку «Ассистент старшего библиотекаря» на серой двери. Полускрытый стопками папок и завалами книг на столе, спиной к окну сидел Ковентри. Он прижал к уху трубку телефона и зажмурил глаза.

— Да-да, я знаю. Разумеется, понимаю.

Он открыл глаза, чтобы взглянуть, кто вошел, и его славное лицо потомка пассажиров «Мэйфлауэр» порозовело. Хью приветливо помахал мне и указал на стул. Затем, неопределенно покрутив рукой и изобразив беспомощность, дал знать о непредвиденных затруднениях.

— Да если б я мог объяснить это. — Он вновь зажмурился. — Во всех отношениях проблема *не в моем* учреждении. В конце концов, это ведь я преобразовал библиотеку в... Нет, сэр, речь идет *именно* о библиотеке. И весь материал теперь находится здесь.

Я опустился на стул и сделал вид, что не слушаю.

— Мистер Хэтч, ко мне пришли... Да, я в ответе за действия своих подчиненных... Ну да, был такой случай... Думаю, один из волонтеров перепутал местами пару папок.

Ковентри вытянул шею и прикрыл свободной рукой глаза.

— Да. Миссис Хэтч была здесь вчера вечером... Нет, буквально на минутку... Да, если понадобится... Хорошо.

Он положил трубку, опустил голову и прижал ладони к вискам.

— Дурдом, — простонал он. Затем поднял голову, встал и протянул руку над столом. — Здравствуйте, Нэд. Рад видеть. Здесь сегодня настоящий штаб Данстэнов.

— Познакомились с моими тетушками, — догадался я.

— Очаровательные женщины. Пришли они сюда вместе с Лори, тем не менее рассказывать об этом мистеру Хэтчу я не стал. На миссис Рутлидж и миссис Хаггинс наш комплекс произвел впечатление, однако оно было бы куда сильнее, если б я нашел их фотографии. Мы раздаем фамильные ценности направо и налево.

— Расскажите-ка мне о том, по каким принципам у вас происходит отбор материалов, — попросил я.

Перейдя к рассказу о работе, он почти перестал смущаться:

— Ваши тетушки принесли и предложили именно то, что искал комитет. Несколько студийных портретов каждого поколения семьи, моментальные снимки, великолепная фотография отеля «Мерчантс» в период реконструкции. То, что я не планировал использовать, я вернул, а остальное отправилось в подписанную папку для окончательного отбора. В то время нас просто завалили документами, и я хотел быть уверен, что мы ничего не упустим. Это было, еще когда мы работали в здании мэрии.

— Кто делает окончательный отбор?

— Тогда этим занимались заместители председателя — Лори и миссис Милтон. Дважды в неделю я отсылал материалы им в офис. Они одобрили мою подборку фотогра-

фий Данстэнов, а фотографии миссис Рутлидж были заменены в архиве. В конце сентября нам уже не хватало места, и я перевез все из мэрии сюда, в подвал. Когда мне захотелось проверить архив Данстэнов, я обнаружил в картотеке пустой ящик. И вот, как вы уже догадались, теперь то же самое произошло с архивом Хэтчей.

— Как давно его нет?

— Понятия не имею! Мистер Хэтч присылал документы в конце февраля. Вчера утром он позвонил и сказал, что хочет заменить кое-что в предназначенных для выставки семейных документах, и я сделал себе пометку. Чтобы не забыть послать ему его бумаги. Сегодня днем Хэтч позвонил снова и попросил направить ему архив. Немедленно. Я пошел вниз и... Вы уже знаете, что произошло. Он рвал и метал. Я бы сказал, Стюарт Хэтч всегда дает волю своему гневу, не задумываясь.

— По поводу всех потерянных документов,— сказал я.

— Именно. На самом деле деваться-то им некуда. Может, когда переезжали, кто-то из волонтеров убрал не в тот ящик. Найду я их, и материалы вашей семьи тоже, но работка предстоит утомительная.— Ковентри едва слышно вздохнул, но врожденный такт тут же стер морщинки на его молодом лбу и заставил выпрямиться на стуле.— А давайте я покажу вам, как здесь все крутится-вертится!

Он повел меня вниз по железной лестнице к помещению, бывшему когда-то столовой для персонала. Серые полосы на бетонном полу остались от стоявших здесь прежде буфетной стойки и линии раздачи. Отслужившие свое обеденные столы в центре помещения составляли гигантскую букву «П». Две седоволосые женщины — одна в футболке «Гринпис», другая в светло-голубом спортивном костюме — и паренек лет шестнадцати-семнадцати с розовой шевелюрой, кольцом в носу и подведенными черными глазами сортировали сложенные пачками манильские конверты.

— Салют, прихожане,— окликнул их Ковентри.— Разрешите познакомить вас с Нэдом, другом мистера Хэтча.

Нэд, это Лиона Бертон, Марджори Раттацци и Спайк Люндгрен. Должен признаться — мистер Хэтч, наверное, уже не рад, что связался с нами.

— Да тут копать не перекопать! — С негодованием взглянув на меня, Спайк тощей рукой показал на три стены, уставленные секциями ящичков с архивами.— Видите, сколько их?

— Кто ж обещал, что будет легко, Спайк,— сказал Ковентри.— Нэд, я вам покажу, где они должны были лежать.

Ковентри вытянул из стеллажа черный архивный ящичек. На его металлическом торце была белая табличка с маркировкой «Д-И», а под буквами на той же карточке было напечатано: «Данстэн (миссис Аннет Рутлидж), Дорман (мистер Дональд Дорман, миссис Джордж Дорман), Имс (мисс Эллис Имс, мисс Вайолетт Имс)».

Ковентри поставил ящик на стол и снял крышку. Документы — написанные от руки и распечатки с компьютера — составляли половину содержимого.

— Это самое первое письмо миссис Рутлидж к нам и мой на него ответ. Далее список фотографий, что мы оставили у себя, и отдельный перечень, кодирующий фотографии согласно хронологической таблице.

Ковентри указал рукой на таблицу, начерченную на информационном доске: в оглавлении одних ее столбцов были обозначены годы, другие были подписаны как «Начало пароходного судоходства по реке», «Рост города» и «Рост процветания». Списки фамилий и цифр заполняли большинство столбцов на три четверти.

— Папка с фотографиями Данстэнов должна была лежать под этими материалами. Но, к сожалению, ее там нет, и нам теперь надо ее отыскать.

Он вставил ящик на место.

— Материалы Хэтча были здесь.— Мы прошли немного вдоль стены, и Ковентри вытянул ящик, подписанный «Х — семья Хэтчей (мистер Стюарт Хэтч)».— Тут все еще более странно, чем в случае с материалами Данстэнов. Вот

смотрите, две отдельные папки: в первой — фотографии и рекламы, относящиеся к ярмаркам и другим видам ранних деловых интересов семьи Хэтчей. Во второй — фотографии и студийные портреты плюс некоторые групповые фотографии учеников Эджертонской академии. Им цены нет.

— Это-то он и ищет, да? — спросил Спайк.

Лиона Бертон и Марджори Раттацци замерли, уставившись на него. Выбросив перед собой руки и подавшись к ним, Спайк сказал:

— Леди, успокойтесь. Когда пришли эти материалы, вас здесь еще не было. Присутствовали малыш Хью, я и Флоренс Флуттер.

— Флусер,— поправила Марджори Раттацци, женщина в спортивном костюме,— *Флу-сер*.

— Эта Флоренс *Флу-сер* каждый раз, когда хотела вспомнить, что «р» идет перед «с», проговаривала весь алфавит с самого начала. Мне приходилось по шесть раз на дню проверять ее работу. Если что-то напутано, детектива для расследования можно не звать. И еще один пунктик был у Флоренс. Каждый раз, когда я входил в комнату, она старалась задерживать дыхание, но если от кого и пахло, так это от нее.

Ковентри взглянул на меня со смесью досады и извинения:

— Миссис Флусер много лет работала в библиотеке на добровольных началах, и мы ценили ее вклад в наше дело.

— Ладно, ладно,— сказал Спайк.— Но он же пришел за бумажками Хэтча, так? Вы с Марджори просматривали документы Данстэнов, а я...— Спайк повернул свою розовую голову и долго испытующе смотрел на меня. Все его лицо залилось краской.

— Вы решили, что я пришел за фотографиями Хэтча?

— Хью, малыш, может, подыщешь мне какую другую работенку? У меня уже в глазах рябит.

Хью вслеп ему подниматься наверх и заняться переключением книг, и Спайк поспешил к лестнице.

— Этот паренек не так уж плох, каким мне показался, когда я обратила на него внимание,— сказала Марджори Раттацци.— Вот только из его слов я с трудом понимаю половину.— Она улыбнулась мне.— Я была здесь, когда мистер Ковентри спустился с миссис Хэтч и вашими тетушками. Решительные женщины, не правда ли?

— Им палец в рот не клади,— сказал я.

102

Неподвижно сидя рядышком на тахте, сложив руки на животах, тетушки жадно впитывали мыльную оперу, громышающую из телевизора. Кларк мирно почивал в кресле-качалке.

— Вам повезло, что это я, а не взломщик,— объявил я им.

— Ну, привет, бродяга,— проговорила Нетти.

Кларк почмокал губами и желтым глазом отметил мое присутствие:

— А упаковочку пивка по пути не прихватил?

— Виноват,— пожал плечами я.

— Там, правда, в холодильнике еще осталось немного. Будь другом, достань бутылочку. Если есть настроение, можешь и себе.

— В сотеинике на столе тунец,— сказала Нетти.— Возьми тарелку, положи себе.

— Дамы, мне надо с вами поговорить.

— Ох, мы уже столько всего наслушались! — вздохнула Мэй.

Я достал из холодильника две бутылки, откупорил и принес пиво в гостиную. Кларк принял свою бутылку с достоинством члена королевской семьи, которому подставляяют стул,— не глядя.

— Чего наслушались? — поинтересовался я у тетушек.

— Мы уже обо всем договорились за две секунды до твоего прихода,— сказала Нетти.— Я и мои сестры — мы знаем, что поступаем правильно.

Кларк оторвался от бутылки:

— Может, мне следует пойти по пятам Кларенса и поселиться с ним по соседству... Беда частенько заставляет человека задуматься.

Я оглянулся на Нетти.

— Вы уже слышали о «Маунт-Болдуин»?

— Я разговаривала с миссис Элизабет Фэнтин, — ответила она. — Миссис Фэнтин — директор «Маунт-Болдуин». Она позвонила, спросила тебя, но, поскольку тебя не было, миссис Фэнтин с удовольствием пообщалась со мной. Возможно, ты удивишься, но эта душка миссис Милтон позвонила в «Маунт-Болдуин» и забронировала место для Кларенса. Миссис Фэнтин сказала, что они будут рады его принять в любое время.

— Отлично, — сказал я.

— Когда миссис Фэнтин поинтересовалась финансовыми возможностями Кларенса, я сообщила, что моя сестра и ее муж — нуждающиеся.

— Я бы сначала переговорил с Кричем, — сказал я.

— А я и с мистером Клейтоном Кричем переговорила — через минуту после разговора с миссис Фэнтин. Его манеры, конечно, своеобразны, однако мистер Крич знает толк в своем деле. Если ты пошевелишься, мистер Крич хотел бы, чтоб ты подписал документы завтра в девять утра в его офисе.

— И успеешь отвесить от нас последний поклон старине Тоби, — пробурчал Кларк.

Я снова посмотрел на Нетти.

— Мистер Крич сообщил мне, что похороны завтра в десять утра. Мы хотели бы, чтобы нашу семью представляла ты.

— Хорошо, — согласился я.

— А я бы съела немного тунца, — заявила Нетти. — Составлю тебе компанию.

— И я не откажусь от пары кусочков, — кивнула Мэй.

— Я тоже буду, — сказал Кларк. — На сытый желудок горевать легче.

Я принес тарелки с вилками и стал смотреть, как они едят.

— Кажется, вы говорили, что звонила Лори Хэтч? — спросил я.

— Кажется, да, — ответила Нетти. — Очень милая молодая дама. Так ее жаль, прямо сердце разрывается: ее мужа подозревают в каком-то правонарушении.

— Вы говорили, что подумывали о том, чтобы позвонить ей. Но вы не сказали, что еще и в библиотеку ходили.

Нетти взглянула на меня с укором:

— Миссис Хэтч просто помогла моей сестре и мне отыскать фотографии, которые потерял мистер Коверли — человек, который не смог бы ткнуть пальцем в небо, лежа на спине посреди поля.

— Ковердэйл, — поправила Мэй. — Ю Ковердэйл. Он, скорее всего, не из наших мест. В наших краях не дают детям таких странных имен — Ю.

— Хью, — улыбнулся я, — Хью Ковентри.

— Исклучительно робкий молодой человек, — сказала Мэй. — Робкий нрав делает мужчину жалким.

— А по-моему, робел он исклучительно по причине присутствия миссис Хэтч, — подметила Нетти.

Зыбкий, едва ли не шутаивый намек на мысль шевельнулся в голове, и я сказал, практически не задумываясь:

— А миссис Хэтч ничего не говорила о каких-либо других фотографиях, а?

— Что-то не припомню такого, — сказала Нетти. — Мы тут подумывали о том, чтобы отметить твой день рождения завтра в одиннадцать, если это не нарушит твой плотный график.

— Вы не ответили мне.

— Миссис Хэтч просила передать привет Нэдди. Я тебе разве не говорила, Нэдди? Твоя знакомая передавала тебе свои поздравления.

Я улыбнулся Мэй:

— Вы хотите сказать, что ушли из библиотеки с пустыми руками?

— Да бог с тобой, только дурак не воспользуется такой возможностью. Я обнаружила там уйму полезного. Полная коробка резиновых лент, *две* коробки восхитительных больших скрепок для бумаг, их еще называют «джумбо», и штамп для проставления даты, в котором можно менять цифры. Мы можем проштамповать наши книги!

— Мэй,— сказал я,— у вас нет никаких книг.

Она лукаво улыбнулась мне.

— О господи,— вздохнул я.— Можно я позвоню Рэчел Милтон?

— Ну, если это так необходимо,— позволила Нетти.

Когда Рэчел сняла трубку, я сказал:

— Никак не ожидал, что вы все так быстро устроите. Спасибо вам.

— Я, как только приехала домой, прилегла вздремнуть, а потом выпила две чашки кофе. Лиз Фэнтин пообещала мне, что все устроит. У Лиз просто гениальный изворотливый ум. Кстати, примерно час назад примчался Гринни, чуть живой и вне себя. Заперся в кабинете и сделал не меньше миллиона звонков. Потом опять умчался, вопя на ходу, что ему нужно встретиться со Стюартом. Очень не похоже, что он врал. Если Лори тебе что скажет — дашь мне знать, хорошо? Мне проще будет оказать мужу поддержку, если я буду знать, что его сажают.

Через несколько минут я перешел улицу, и Джой нерешительно мялась в дверях, пока я рассказал ей о «Маунт-Болдуин». К моему облегчению, Джой эти новости обрадовала. А слышал ли я сам новость? Только что произошло удивительное: внезапно скончался Тоби Крафт и всем нам оставил целое состояние!

103

После трех пополудни я миновал витрины магазинов на Ярмарочной улице и свернул на Бакстон-плейс. Солнце будто резко выключили. Под грубыми плоскими крышами коттеджи напоминали злобных карликов. Мне стало

казаться, будто я, как слепой мул, прикован к столбу и нутжно тащусь по кругу, а через минуту я подумал, не повернуть ли мне к дому и не поспать ли пару часов.

В окнах дома номер один по Бакстон-плейс я увидел лишь свое отражение. То же повторилось и у следующего дома. Я понапрасну терял время. Ответы, что я искал, были не в прошлом, а в настоящем, и мысль о коротком сне была самой удачной из всех, что родились у меня в голове с тех пор, как я рассказал преподобному Свингу о музыкальных вкусах моей матери. Когда-то очень давно Стар говорила мне о соло альт-саксофона, услышанном ею на концерте до моего рождения,— это воспоминание пришло сейчас, принеся с болезненной ясностью образ матери. Я развернулся, сделал шаг к яркой полоске света в конце улочки, и тут человек в черной кепке «Кангол»* и голубой рубашке с короткими рукавами свернул за угол и зашагал в темноту. Чуть прихрамывая, он на ходу начал перебирать пухлую связку ключей, отыскивая нужный. Его смуглая кожа была серого оттенка, как у человека, долго лишенного солнечного света.

— Мистер Соьер,— окликнул его я,— здравствуйте.

Вздвогнув, Эрл Соьер поднял глаза от связки ключей.

— Я Нэд Данстэн. Мы виделись с вами в реанимационной палате больницы Святой Анны.

— Да, помню.— Он сделал неторопливый шаг вперед. Затем еще один.

— Как вы себя чувствуете?

Соьер наконец отыскал ключ:

— Отлично. Меня в тот же вечер и выписали. Через пару часов осталась только головная боль. Даже синяки прошли. Синяки на мне никогда долго не живут. Что тебя завело сюда?

— Моя мама знавала хозяина этих домов.

* «Кангол» — фирменное название головных уборов и шапек для мотоциклистов производства одноименной компании.

Сойер вздернул голову и ждал продолжения.

— Несколько дней назад она умерла. Я надеялся, мне удастся поговорить с ним.

Его глаза будто изменили форму.

— Они были близки?

— Когда-то давным-давно, — сказал я.

— А как звали этого друга твоей матери?

— Эдвард Райнхарт.

— Жаль, но ты, похоже, ошибся адресом. Вот уже пятнадцать лет я прихожу сюда дважды в неделю, но никогда о таком человеке не слышал.

— Да нет, адресом я не ошибся, — покачал головой я. — Мистер Сойер, кто нанял вас? Владелец домов?

— Может, и он.

— Его зовут Уилбур Уотли? Или Чарльз Декстер Вард?

Выражение лица Сойера вдруг изменилось, и глаза обрели прежнюю форму. Робкая улыбка изогнула губы. Он прошепел взглядом по дверям конюшни.

— Признаться, ты меня крайне удивил, дружок.

— Я заметил, — признался я.

Он хихикнул.

— Я-то думаю, парень ошибся адресом, а он выдает мне: «Чарльз Декстер Вард»!

— Вы знаете мистера Варда?

— Встречаться не приходилось. — Сойер подошел, остановился рядом со мной и вгляделся в тупиковый конец улочки, будто желая убедиться, что никто не подслушивает. — Я откликнулся на объявление в «Эхе». Тридцать долларов в неделю за обход вот этих зданий, по средам и субботам. Теперь за это уже платят пятьдесят. Думаю, еще поработаю здесь. А что: полтинник в неделю, до работы всего пару остановок на автобусе...

Он словно признавался в том, что это было лучше, чем воровать, и по меньшей мере вдвое проще.

— Как вы отчитываетесь перед мистером Вардом?

— Каждую субботу он звонит, ровно в шесть вечера. Спрашивает: «Проблемы есть?» — «Никаких проблем,

сэр», — говорю. А в понедельник днем пацан, что живет на Лавандовой, вручает мне конверт с пятью десятками. Нолли Уидл — Сойер хмыкнул, представив того самого мальчишку, что вывел меня из трущоб в ночь, когда Роберт впервые обнаружил себя. — Как-то раз, много лет тому назад, я жутко простыл и пропустил среду. В субботу позвонил мистер Вард, и я доложил: «Никаких проблем», как говорил ему всегда. А мистер Вард... Скажем так, с тех пор я никогда ему не лгу. В моем следующем конверте лежала одна десятка.

— Как же он узнал?

— Вот именно. Видать, он все-таки сюда приходит, раза два-три в месяц. Как-то я обнаружил в раковине первого номера стаканы. А на столе во втором номере книги были по-другому сложены.

— Мистер Сойер, — сказал я. — Понимаю, я прошу вас об очень большой услуге, но... Не могли бы вы выпустить меня внутрь?

Поджав губы, он позвенел ключами.

— Мистер Вард был другом твоей матери?

— Да.

— Как ее звали?

Я сказал. Покачав ключами на связке, он некоторое время раздумывал.

— Только держи руки подальше от вещей мистера Варда.

Сойер отпер дверь номера один — в пахнувший плесенью угольно-черный сумрак, с призрачно отсвечивающими очертаниями незнакомых предметов. Он скользнул куда-то влево, и я услышал щелчок выключателя. Сооружение под потолком скупо освещало обстановку гостиной Эдварда Райнхарта. Пустые книжные полки занимали всю стену справа от меня. Усилитель, катушечный магнитофон, вертушка — стереосистема, способная ошеломить любого в пятьдесят седьмом году, — вытянулись в линию на полке близ камина, а над ними располагались постер испанской

корриды и репродукция «Трех музыкантов» Пикассо. Слева от камина висела уставленная грампластинками полка, а за ней виднелась узкая дверь. Уныло белели накрытые простынями диван и три кресла — это их неясные очертания невольно разбудили у меня мысли о призраках, когда я при входе глядывался в сумрак.

— Дверь ведет во второй номер, — пояснил Соьер.

Здесь Райнхарт правил бал на своих вечеринках и неофициальных семинарах. Он вставал в позу перед камином и читал пассажи из своих работ. Картинно раскинувшись на диване, он цедил сквозь зубы провокационные речи. Студенты из Альберта — несчастный Трубоч Лик и такие, как Дональд Мессмер, — слетались сюда вместе со всеми своими чувствами и переживаниями.

Эрл Соьер прошел в дальний конец комнаты, оттуда — на кухню, где из металлического корыта едва не вываливался мусор. Мы поднялись наверх и заглянули в комнату с голой двуспальной кроватью, дубовыми комодом, зеркалом и столом.

— Тебя интересует здесь что-то конкретное? — спросил Соьер.

— Меня здесь интересует все, — ответил я.

Может, на этой самой кровати меня зачали. И тут вдруг зыбким маревом затрепетал рядом Роберт — я чувствовал, как мне сейчас не хватает его присутствия, — и исчез, оставив ощущение, что был он не более чем иллюзией.

— Что?

— Да что-то послышалось.

— В таких старых домах звуки рождаются сами по себе, — сказал Соьер.

Когда мы спустились, он открыл дверь, что была у полки с пластинками. За ней темнела комната — черный провал брошенной шахты.

— Погоди-ка, я включу свет.

Соьер шагнул в темноту и стал густой тенью. Я услышал звук дерева, скользящего по дереву, затем еще звук — будто выдвинули и задвинули ящик.

— Черт, каждый раз я бьюсь об этот дурацкий стол.

Он включил лампу, стоявшую на столе с краю. Еще одна покрытая книжными полками стена. Соьер подошел к столу побольше в центре комнаты и включил лампу, окруженную курганами пожелтевших газет и пустых упаковок из-под готовой еды. И вновь повсюду — книги, книги...

— Проходите.

Райнхарт превратил свой коттедж в библиотеку. Полки тянулись вверх под крышу, занимая все свободное пространство стен. Железная лесенка поднималась к своеобразной галерее — узеньким мосткам с перилами. В этом помещении хранились тысячи книг. Я пробежался глазами по корешкам: Г. Ф. Лавкрафт, Г. Ф. Лавкрафт, Г. Ф. Лавкрафт. Подойдя к лестнице, я поднялся на пару ступенек. На полках выстроились множество экземпляров каждого издания всех до единой книг Лавкрафта в сопровождении их переводов на все мыслимые иностранные языки. Первые издания, издания в мягких обложках, в дешевых мягких обложках, в твердых переплетах с четким шрифтом — для библиотек, сборники. Некоторые книги выглядели почти новенькими, некоторые — так, будто приобретены в обменных лавках дешевых книг. Райнхарт тратил время и деньги, скупая едва не каждый увиденный томик Лавкрафта и не раздумывая, есть он уже у него или нет.

— Я, похоже, знаю имя любимого писателя хозяина, — проговорил я.

— Мистер Вард считает Г. Ф. Лавкрафта величайшим писателем на земле. — Соьер разглядывал полки с молчаливой застарелой гордостью. — Раньше, бывало, я, закончив обход, читал историю-другую. Мистер Лавкрафт рассказал о многом, однако не обо всем, что ему ведомо. У меня было много времени поразмышлять об этом.

Это и было источником гордости Соьера — его теории о Лавкрафте.

— Надеюсь, ты знаешь, что такое притча?

— Воскресную школу посещал, — улыбнулся я.

Его улыбка исчезла в тени значимости того, что он собирался сказать:

— Притча — это рассказ, в иносказательной форме содержащий нравоучение либо скрытый смысл. Поначалу и не разглядишь, а он, смысл-то, — есть.

— Некоторые притчи таят в себе не один скрытый смысл, а несколько, — сказал я. — Чем больше думаешь о них, тем более туманными они кажутся.

— Да нет, вы, молодой человек, просто неправильно истолковываете их. Если так думать, то толку от них никакого. У притчи лишь один смысл, однако вся штука в том, что его надо искать. С рассказами мистера Лавкрафта — то же самое. Они многому могут научить, если в тебе достаточно мужества принять правду.

Такое же упоение я видел на лицах людей, увлеченных умозрительными многоглавыми тайными заговорами, связанными с убийством Кеннеди, ФБР, организованной преступностью, военно-промышленным комплексом и сатанизмом.

— Вон, смотри. — Сойер показал на полку, уставленную экземплярами «Потустороннего». — Эту книгу написал его друг. Мистер Вард сказал, что эта книга заслуживает славы, и он прав. Великая книга. Может даже, моя самая любимая. — Его глаза встретились с моими. — Так ты хочешь сказать, что мистер Вард и Эдвард Райнхарт — одно лицо? Райнхарт — это то, что называется псевдонимом?

Он хотел показать, что знал это слово.

— Так же, как и Чарльз Вард.

Нездоровое лицо Сойера помрачнело.

Я пошел вдоль рядов книг и увидел стоящий с краю полки том, показавшийся мне первым изданием «Ужаса в Данвиче». Я вытянул его и увидел надпись карандашом на форзаце: «У. Уилсон Флетчер, военное училище “Фортресс”, Оулсберг, Пенсильвания, 1941 год».

Эрл Сойер вдруг вырос рядом со мной, словно разгневанный джинн, и выхватил у меня из рук книгу.

— Прости, что не предупредил. — Он втолкнул книгу на место. — Мистер Вард велел не прикасаться именно к этой книге. Это что-то вроде святыни.

Сойер прервал мои извинения:

— Знаешь, пойдем-ка отсюда. Зря я тебя привел.

104

Покалывание в ладонях, как уколы иголок, слишком тонких, чтобы быть видимыми, я ощутил, когда проезжал через южную часть Колледж-парка. Опустив глаза, я увидел, что руль чуть колышется между двумя размытыми пятнами в форме рук.

С заднего сиденья раздался голос:

— Как это ты умудряешься, а?

— Так это ты умудряешься! — закричал я.

— Да ладно, не психуй, — сказал Роберт. — Смотри, все прошло.

Мои отчетливо видимые ладони сжимали рулевое колесо.

— Могу, конечно, объяснить, да ты все равно не поймешь. — Он похлопал меня по плечу. — Чего это тебя занесло в Колледж-парк? Какие новости с фронта Джо Стэджерса?

— Ты будто не знаешь.

— За всем уследить я не в состоянии. — Роберт раскинул руки по спинке заднего сиденья. — Выкладывай.

— О Джо Стэджерсе теперь можешь забыть, — махнул рукой я и рассказал, как ходил с Сойером на экскурсию в коттеджи на Бакстон-плейс.

— Это наталкивает меня на одну мысль. Пока держи курс на Эллендейл. Сдастся мне, Стюарт Хэтч прячет то, что ищем мы.

Загадку ограниченных возможностей Роберта затмило предположение о том, что Хэтч сам же и стянул свои семейные фотографии.

— Дома его нет,— продолжал Роберт.— У Стюарта сегодня дурные новости. Он и Гринвилл Милтон сейчас потеют на совещании со своим адвокатом.

— Я не собираюсь взламывать его дом.

— А кто этого от тебя требует? Я пойду и открою дверь.

— Ну так ты и без моей помощи можешь рыскать в доме Хэтча,— сказал я.

— Как знать... Может, разведаешь что-нибудь про Лори. Так, а теперь поясни-ка, почему я должен забыть о Джо Стэджерсе.

Я сказал ему, что он все равно не поймет.

105

Одна нога на подъездной дорожке, вторая, согнутая в колене,— на сиденье «монтаньяра»: Поузи Феабразер пристегивала Кобби ремнями безопасности на детском сиденье. Фигура у нее была почти идеальной.

Роберт вздохнул:

— Какая жалость, что Поузи слишком высоконравственна, чтобы крутить роман с любовником своей хозяйки. Сверни налево, к Блюберри.

Угловатый, модернистский дом Стюарта стоял на двух краях без единого деревца в самом конце первой улицы в отдалении от Голубичной. Проехав мимо него, я остановил машину за углом Ежевичной.

В знойной зеленой пустоте мы с Робертом пересекали лужайку и поднялись по ступеням к серому деревянному настилу.

— Момент,— шепнул Роберт.

Он скользнул через дверь черного хода и, после паузы большей, чем я ожидал, открыл ее.

— Стюарт не включил сигнализацию. Боюсь, выносить здесь больше нечего.

Войдя в кухню, я огляделся:

— Разве только автопогрузчиком.

Газовая плита стояла напротив двенадцатифутовой мраморной барной стойки, протянувшейся до холодильника с двойными дверями и застекленного винного погреба. На полках у погреба выстроились полдюжины бутылок скотча и пара бутылок водки «Бельведер», несомненно все еще ожидающих своей очереди попасть в холодильник.

Перегородка отделяла столовую от того, что люди вроде Стюарта называют «большой комнатой». Мебель, приобретенная в секции «Мебель Скандинавии» местного торгового комплекса, терялась в просторном помещении.

Наверху в спальне хозяина огромный телевизор глядел серым экраном на изножье незаправленной широченной кровати. Рубашки с короткими рукавами и брюки хаки были разбросаны по дивану. Роберт раскрыл дверцы платяного шкафа. Покопавшись в письменном столе, я обнаружил коробки аннулированных чеков, афишки с карибских курортов и две видеокассеты с ярлычками «Лесбийское рабство, США» и «Любовь в оковах».

На прикроватном столике лежала книга «Изошрпленные тайны полководцев Древнего Китая»; на дне выдвижного ящика я обнаружил коробку патронов со стальными наконечниками и девятимиллиметровый пистолет. В следующем ящике — куча носовых платков, кожаные ремни, мотки веревки, металлические наручники и пара вещей, назначения которых я либо не знал, либо не хотел знать.

Я заглянул под кровать, увидел лишь ковер и присоединился к Роберту, осматривавшему платяной шкаф размером с бывшую комнату Стар в доме Нетти. Не менее полсотни костюмов и пиджаков, как минимум сотня галстуков и десятки поясов, ремней и подтяжек висели под ярусами открытых полок, а также джемпера, рубашки, отсортированные по цвету и оттенку. Роберт потянулся к стопке коробок от «Брукс бразерс», выбрал одну и, раскрыв ее, обнаружил внутри полосатую, на пуговицах сверху дони-

зу, рубашку в пластиковой упаковке. Мне вдруг припомнился Гэтсби*.

— Пойдем вниз, осмотрим кабинет,— предложил я.

Роберт рылся в картотеке. В шкафу стоял еще не распечатанный ящик «Бельведера». Чуть выше уровня глаз на узкой полке почти не заметная лежала упаковка от «Бэр, Стирнс». Отодвинув ее, я обнаружил манильский конверт размером с лист писчей бумаги. Я достал его с полки.

— А вот и свет в конце тоннеля.

Роберт подошел и встал рядом:

— Даже знать не хочу, что означает твоя фраза. Вскрывай.

Я вытащил из конверта папку, битком набитую фотографиями, и мысленно извинился перед Лори и моими тушками — даже прежде, чем до меня самого дошло, что я подозревал их в краже фотографий Хэтча.

— Троекратное «ура» нашей семейной команде,— сказал Роберт.

Двое мужчин на самом первом снимке из пачки, несомненно, могли быть Омаром и Сильвэйном Данстэнами. Мое сердце и желудок будто внезапно провалились внутри меня дюймов на шесть, а то и на семь, и я пошел к столу и вывалил из папки все фотографии. Облаченный в темный узкий костюм, застегнутый наглухо жилет, с воротником-стойкой со скошенными концами, в меня пристально вглядывался двадцатилетний Говард Данстэн. Его дочери постоянно твердили, что он был красивым мужчиной, и я в этом сейчас убедился. Он выглядел умным, обаятельным, безрассудным, своенравным и, подумалось мне, малость не в своем уме: жестокость и отчаяние уже начинали разъедать черты его лица, неприятно и тревожно напоминающего лица Роберта и мое.

Стюарт украл из архива Ковентри не свою, а нашу папку.

Машина, за ней вторая прошуршали по подъездной дорожке. Дважды хлопнули двери. Я взглянул на Роберта. Он пожал плечами.

— Ну, ты кретин,— прошипел я.

— Всем свойственно ошибаться...

Я сгреб фотографии и сунул папку назад в конверт. Глянув за спину Роберту в окно, я увидел входящего в гараж Стюарта Хэтча, а рядом с ним каланчой маячил Гринвилл Милтон. Оба исчезли из виду за рамкой окна, и я услышал их шаги по бетонному полу.

— Что будем делать?

Шаги приближались к кухне. Сделав мне знак молчать, Роберт осторожно прикрыл дверь.

— Когда старикан уйдет, Хэтч поднимется вверх.

Голос Гринни Милтона рокотал из кухни.

— Если они вдруг сунутся сюда, я позабочусь обо всем,— сказал Роберт.

На кухне открыли холодильник. Зазвенел лед в стаканах.

Я взялся было за подъемную раму окна, но тут Роберт остановил меня: «Погоди».

Как след от двигающейся цели на экране радара, расстроенный голос Милтона отмечал продвижение мужчин через гостиную в другую половину дома, откуда его слова стали отчетливо слышны.

— У этих людей явно *что-то* есть, Стюарт. Они требуют финансовую отчетность аж за тысяча девятьсот восемьдесят третий год. Это ты тоже считаешь совпадением?

— Отстань,— устало проронил Хэтч.

Шаги теперь посылались на подходе к «большой комнате». Мужчины с размаху опустили в кресла.

— Мой дуисвильский поверенный просит, чтобы я разделил наше дело на два самостоятельных.

— Этим-то как раз ничего не известно. И не может быть известно. Как дважды два.

— Я не хочу за решетку. Тюрьма никак не входит в мои планы. Слышишь, Стюарт?

* Герой романа Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби».

— Да слышу, слышу,— откликнулся Хэтч.— С самого полудня я слушаю твою истерику.

— Тогда выслушай вот что. Если идешь ко дну — иди-ка сам, ладно?

— О'кей. Гринни, никто ни к какому дну не идет. Все это ерунда. Если ты разделишь дела, ты дашь этим понять, что мы оба виноваты. А это не совсем то, что нам надо.

— Да они готовят обвинительные акты — нам это надо?

— Ты хочешь знать, почему они готовят обвинительные акты? Эштон бродила вокруг да около, собирая заявления от всех и каждого. А в процессе она брала напрокат машины, летала на самолетах, расплачивалась за дорогие отели и изысканные меню. Откуда она взялась? Кентукки. Эти люди *понятия не имели* о том, в какую копеечку она им обошлась. Так что домой она вернется с пустыми руками.

— Но...

— Эштон возвращается в родные пенаты и говорит: простите, ребята, шансов никаких, нас постигла неудача. И это *наверняка*. А босс ей и говорит: Эштон, это моя работа, и мы теперь не вправе бросить все. И что они делают? Готовят обвинения, Гринни, вот что они делают, потому что обвинения оправдывают их расходы. Если ничего нового не всплывет — что ж, тогда они, наверное, ударят по рукам. Им важно сохранить лицо — только и всего.

— А как быть со взломом? — спросил Милтон.

— А никак. Сбой сигнализации. Залез кто-то в дом и расколотил компьютеры. Но, Гринни, наши данные целы, к ним никто не прикасался, это я тебе гарантирую.

— Надеюсь, ты прав,— сказал Милтон.— Я слишком стар для тюрьмы.

— Да и я немолод. Не говоря уж о том, что творится у меня в семействе. Не надо было мне вводить Лори в этот чертов комитет. Еще один пример того, что делать людям добро — по сути своей гнилая идея. Так что там Рэчел?

— Рэчел приговорила мой бумажник примерно за месяц до того, как я устроил ей лучшую косметическую опе-

рацию, какую только можно получить за деньги,— сказал Милтон.— С чего бы ей мстить мне? Ладно, хватит об этом — мы сейчас начнем все по второму кругу. Поеду домой, переоденусь перед встречей с Минь-Ба.

— Вот-вот, пусть лучше она будет твоей единственной головной болью,— пожелал Хэтч.— Но вот что мне делать?

— Ты просто хочешь оказаться на моем месте,— сказал Милтон.

Они пошли к входной двери и повторили половину того, о чем уже сказали до того, как туфли Милтона тринадцатого размера тяжело ступили на подъездную дорожку.

Хэтч закрыл входную дверь, подошел к лестнице и поднялся на несколько ступенек. Помедлив, он начал спускаться. Дойдя до последней ступеньки, он направился к кабинету. Роберт подмигнул мне и исчез.

Ручка повернулась, и дверь начала открываться. Я сделал единственное, на что был способен, кроме нападения,— в тот самый момент, когда Стюарт Хэтч переступил порог, я взнуздал время.

Когда в глазах моих прояснилось, я стоял в чистом поле, чувствуя боль, как от всех моих предыдущих «глотков» времени, только на этот раз она была слабее. Зеленый ковер пустынного луга поднимался по склону холма и дальше. Расправив крылья, в пронзительной синеве неба парили птицы. Инстинктивно я пошел в направлении будущей Восковой улицы, пытаясь припомнить расстояние до угла. Когда я подумал, что уже должен подойти к своей машине, я вновь исполнил свой трюк и вернулся к выложенному кафелем бортику бассейна. Еще фут вправо, и я уйду в воду.

Голова моя ничуть не болела, а живот — чуть-чуть. Однако женщина в десяти футах передо мной, одетая лишь в нижнюю половину бикини, казалось, была готова потерять сознание от потрясения. Она резко дернулась вперед и схватила полотенце.

— А *вы* откуда взялись?

— Мисс, я сконфужен не меньше, чем вы,— проговорил я.— Я надеялся найти кого-нибудь, кто помог бы мне найти адрес. Мне надо доставить этот конверт на Восковую улицу, но что-то я никак не могу ее отыскать. Извините меня, пожалуйста.

Зажав концы полотенца под мышками, она улыбнулась:

— А чей дом вам нужен?

— Мистера Хэтча,— ответил я.

— Стюарта? — Не поднимая руки, она показала пальцем: — Вам туда.— Ярдах в пятидесяти серый настил выступал над ровной, дрожавшей маревом зеленой лужайкой. Мимо своей машины я лихо промахнулся.— Шагайте по Ежевичной улице, первый поворот направо.

Когда я свернул за угол на Ежевичной, то увидел Роберта, прислонившегося к моему «таурусу» и ухмылявшегося.

— Слушай, иди ты к черту,— не выдержал я.

— Я в курсе, что моя помощь тебе не нужна,— сказал Роберт.— Просто я умираю от любопытства: как тебе удалось унести ноги?

— На ковре-самолете,— ответил я.

— Таинственно и непостижимо. С ума сойти.

— Роберт,— сказал я,— ты обратно в город найдешь дорогу без посторонней помощи, правда?

Коснувшись пальцами лба в насмешливом салюте, Роберт исчез. Я подошел к двери своей машины и тут услышал:

— Мистер? — С той стороны улицы на меня пристально смотрела женщина в шортах и блузке на бретельках.— Все хочу спросить... Как вы это *делаете*?

— Мой братец откалывает такие номера с малых лет,— ответил я.— Нашу маму это всегда бесило.

106

Лори открыла мне дверь, и каждая черточка ее прекрасного лица осветилась радостью.

— Нэд! Я так рада тебе. Заходи скорей.

Я обнял ее.

— Расскажи, как прошли похороны.

— Все хорошо. Была старинная мамипа подруга Сююки Титер, была Рэчел Милтон. Мы втроем потом пообедали. Рэчел вообще-то не такая уж плохая.

— Надо будет ей позвонить. У меня хорошая новость, хочешь услышать? Звонила Эшли: они работают над обвинениями. Гринни недолго осталось наслаждаться истинной любовью.

— Даже идиотам бывает грустно,— сказал я.

— Давай отпразднуем это бутылочкой хорошенького винца.

Лори сходила на кухню и вернулась с бутылкой каберне и двумя бокалами.

Когда я разлил вино, она сказала:

— Я должна быть уверена в том, что Кобби не слишком тяжело переживет это. Ума не приложу, как объяснить ребенку, что его отца сажают в тюрьму, но я хочу защитить его. Сейчас, кстати, они с Поузи уехали. Поузи повезла его посмотреть «Аладдина».

— Так ты одна — здорово!

— Я вот все думаю...— Она откинулась на спинку дивана.— Поузи поступила в аспирантуру Колумбийского университета, факультет психологии. А Кобби нужно обучение более качественное, чем он получает здесь. Пожалуй, Нью-Йорк подошел бы нам больше всего.

— Поузи с собой возьмет?

— Ей, конечно, надо использовать свой шанс, а с другой стороны, для Кобби лучше будет, если она останется с нами. Знаешь, честно говоря, я с ума схожу, думая о Поузи — ее я тоже не хочу терять. Если б я купила большую квартиру или особнячок, мы смогли бы жить достаточно уединенно.

— То, о чем ты говоришь, стоит целое состояние,— сказал я.— Частные школы — еще десять—пятнадцать тысяч в месяц. Плюс уроки музыки. Тебе по карману все это?

— Фонду — по карману, — ответила она. — Я не дам Паркеру Гиллеспи распоряжаться моей жизнью.

Так вот зачем она звонила Гиллеспи: Лори подумывала о переезде в Нью-Йорк еще до встречи со мной.

— Это было бы здорово. Хотелось бы мне быть рядом, когда Кобби впервые услышит Баха. Или Чарли Паркера.

— Ты должен быть рядом. Кобби нужно больше, чем музыка. — Лори улыбнулась, будто спохватившись, что сказала слишком много. — А ты бы хотел, чтобы мы переехали в Нью-Йорк? — Она чуть отстранилась и в качестве компенсации положила руку мне на колено. — Не хочу ставить тебя в затруднительное положение.

— Ну конечно хотел бы, — сказал я. — Представь, сколько прекрасных мест мы могли бы посетить вместе. — На слове «прекрасных» я понял, что говорю об иллюзии. Мне очень хотелось, чтоб иллюзия стала реальностью.

— Каких мест?

— «Метрополитен-опера». Музей Фрика*. Угол Бедфорда и Бэрроу в Виллидж. Вторая авеню воскресным утром в августе, когда все светофоры одновременно переключаются на зеленый и на несколько миль на улице не видно ни одной машины. Большой лут в Центральном парке. Эспланада на Бруклинских высотах. Готтэмский книжный базар. Около сотни великолепных ресторанов.

— Мы выберем из них один и будем ходить туда раз в месяц.

— Лори, — сказал я. — Когда в библиотеке тебе встретились мои тетушки, ты не просила их взять несколько снимков?

— Сфотографироваться? Так у них не было с собой фотоаппарата.

Более невинного ответа трудно было представить. Я рассмеялся:

— Я имел в виду «взять и вынести».

* Музей в Нью-Йорке, где выставлено богатейшее собрание картин европейских мастеров живописи XIV–XIX вв.

Она казалась сбитой с толку:

— А зачем?..

— Забудь. Хью рассказал мне, что семейные фото Стюарта исчезли. Он обнаружил пропажу после того, как у него побывали ты и мои тетушки, которым ничего не стоит затолкать Эмпайр-стейт-билдинг в пару хозяйственных сумок, причем никто этого не заметит. Не знаю, может, ты хотела немного встряхнуть его... Я глупость сморозил. Прости.

Это было больше чем глупость: это было нелепо. Лори никак не могла знать, что Стюарт собирался затребовать свой архив обратно.

— И теперь не хватает уже двух фотоархивов? Твоего и Стюарта?

— Невероятно странное совпадение, да?

— Настолько странное, что ты даже решил, что к этому имела отношение я. И ничего не сказала тебе. Все это звучит так, будто я, вместо того чтобы попытаться досадить Стюарту, что-то скрываю от тебя.

Она была права: именно так это и звучало. Я помнил, что Рэчел Милтон сказала мне о фотографиях Хэтча, но удивительная пронизательность Лори уже направила этот разговор мимо любой темы, которая могла бы прикрыть мой необдуманный вопрос.

— Тпру! — скомандовал я. — Тише едешь, дальше будешь. В твоём обществе мне следует следить за своим языком.

— Кто подвозил тебя к больнице?

— Все. Понял, — сказал я.

На подъездную дорожку вырулила машина и остановилась перед гаражом.

Лори поцеловала меня в щеку:

— Помни, кто твои настоящие друзья.

В комнату вихрем влетел Кобби и радостно завизжал:

— Нэд, Нэд, я знаю фокус!

Поузи улыбнулась мне, опустила на пол коляску и поставила два пакета с покупками на столик.

— После кино я заехала, купила кое-какие книги и пару CD, которые рекомендовал Нэд.

— Я знаю *фокус*! — В глазах Кобби плясали чертеньята. От него пахло попкорном.

— Напомни мне потом, сколько ты заплатила, я добавлю к твоему жалованью, — сказала Лори. — Привет, бесенок. Фильм понравился?

— Угу. А я...

— А ты хочешь показать фокус.

— Угу. — Он сделал драматическую паузу и напел мелодию с необычной гармонией. И залился смехом.

— Это выше моего понимания, — развела руками Поузи. — Он постоянно поет это и каждый раз хохочет.

Кобби снова запел странную мелодию и на этот раз напел ее настолько смешной, что допеть до конца не смог.

— Ну-ка, давай с начала и до конца, — попросил я.

Кобби подошел, встал напротив меня, взглянул прямо мне в глаза и пропел музыкальную фразу полностью.

Мне показалось, я понял, отчего мелодия звучала так необычно.

— Хм, наперед задом это поешь ты, Кобби? — Выговорить предложение из шести слов с конца в начало заняло у меня больше времени, чем занимало у Кобби пропеть восемь тактов мелодии.

— Что-что? — не поняла Лори.

Сдавленно прыснув, Кобби подбежал к фортепьяно и наиграл мелодию.

— А теперь сыграй нормально, — велел я.

Он сыграл те же ноты в обратном направлении и ухмыльнулся Поузи.

— Бог ты мой, — ахнула она. — Это же из фильма.

— «Необъятный мир», — кивнул Кобби.

— Все ясно, — сказал я Лори. — Он решил стать Спайком Джонсом, когда вырастет.

— А Нэд останется ужинать? — спросил Кобби.

— Останется? — Лори глянула на меня.

— Надо же нам с Кобби прослушать хотя бы один из купленных дисков, — сказал я, размышляя о том, что после ужина я вернусь в Бакстон-плейс выяснить, что именно Эрл Соьер спрятал в комод. Эрл Соьер был чем-то встревожен. Он лелеял надежду, что рассказы Г. Ф. Лавкрафта описывали реальные события, и едва не лишился чувств, когда я прикоснулся к первому изданию с авторским посвящением на форзаце. Я попытался припомнить имя: Флекнер? Флекер? Флетчер. У. Уилсон Флетчер, из «Форт-ресс», военного училища в Оуасберге, Пенсильвания.

Едва ли не полчаса Кобби сидел, зачарованный «Theresienmesse» Гайдна, лишь изредка поворачиваясь посмотреть, слышал ли я какое-либо особенное звуковое чудо. Время от времени он говорил самому себе: «Ух ты!» Когда зазвучало «Credo», он взглянул на меня озадаченно и восхищенно.

— Это называется fuga, — объяснил я.

Он повернулся к динамикам и пробормотал: «Фу-га». Когда fuga завершилась, Кобби заявил, что пора смотреть мультики, и кинулся в комнату, что была по ту сторону камина.

На кухне Лори и Поузи снова встали взад-вперед между столиком и плитой. Поузи спросила, видел ли я книги, что она купила Кобби, и я вернулся в гостиную. Поузи удалось разыскать адаптированные для детей краткие биографии Бетховена и Моцарта. Последней книгой в пакете была «Лучшие из леденящих кровь рассказов Г. Ф. Лавкрафта».

Я захватил ее на кухню и спросил:

— Это уж точно не для Кобби, верно?

— Разумеется, — ответила Поузи. — Мы с Лори на днях говорили о книге, которую вы приносили. Автор, кажется, Райнхарт? Тут всплыло имя Лавкрафта, и я заинтересовалась. Один парень с курсов повышения квалификации нейробиологов, на которые я хожу, большой почитатель Лавкрафта. Сама-то я его не читала, вот и решила попро-

бовать. Отдельный пример — случайность, два — композиция.

— Ух ты,— вырвалось у меня, как минуту назад у Кобби.

— Тебе запрещено строить ей глазки,— сказала Лори и вручила мне бутылку вина.— Минут через двадцать все будет готово.

Я вылила остатки в свой фужер, вернулся на диван и начал читать «Ужас в Данвиче».

Рассказ начинался с экскурса в зловещую область на севере Массачусетса, где, зажатый меж лесистыми склонами мрачных холмов, прозябал ветхий городок Данвич. Поколения кровосмесительных браков между родственниками довели коренное население до вырождения. История становится более детальной после появления перед читателем Лавинии Уотли, уродливой альбиноски, которая в возрасте тридцати пяти лет дала жизнь похожему на козленка смуглокожему младенцу — Уилбуру. В семь месяцев малыш начал ходить, а говорить научился до того, как ему исполнился годик. Едва ему миновало двенадцать, как он вытянулся в парня с толстыми губами, желтоватой кожей, ершиком жестких волос и удивительной способностью приводить в ярость местных собак.

Как застрявший меж зубов обломившийся кусочек зубочистки, одна деталь, не замеченная поначалу, засела мне в голову, и я, перелистнув книгу в начало, отыскал то самое предложение: *«Единственными, кто видел Уилбура в первый месяц его жизни, были старейший Захария Уотли, еще из тех, прежних Уотли, и невенчанная жена Эрла Сойера Мэми Бишоп».*

Я перевернул еще несколько страниц и отыскал: *«Эрл Сойер проводил к дому Уотли репортеров и фотографов».*

Мурашки побежали по моим рукам. Отдельный пример — случайность, два — композиция. Дома на Бакстон-плейс были приобретены на имена героев рассказа Лавкрафта, а совпадение имени персонажа и нынешнего сто-

рожа — счастливая случайность. Эрл Сойер обожал Эдварда Райнхарта, потому что Эдвардом Райнхартом был он сам.

— Лори,— сказал я прежде, чем понял, что собираюсь сделать.— Кажется, я вчера оставил кое-что наверху.

— Что? — отозвалась она.

— Я сейчас.— Словно движимый дурным порывом, перепрыгивая через две ступени, я взбежал по лестнице в спальню Лори. Пока одна моя половина замерла в ужасе, вторая выдвигала ящики комода и перерывала одежду в них. Затем я подошел к ее шкафу и усугубил свое преступление.

Голос Лори прилетел с нижней ступеньки лестницы:

— Нэд, что ты ищешь?

— Да очки от солнца. Только сейчас заметил, что их нет.

— Вряд ли они там. Кстати, через пять минут садимся ужинать.

Я заглянул под ее кровать, затем в ящик прикроватного столика. Я обыскал ванную. Выйдя в коридор, я посмотрел на дверь комнаты Кобби и направился к комнате Поузи. Сначала я решил было только заглянуть туда, затем передумал и повернул к лестнице. В конце коридора стояла Поузи и с интересом смотрела на меня.

— Спасибо, что не стали заходить в мою комнату,— сказала она.— Вы, наверное, решили, что это я взяла ваши очки?

— Да нет, Поузи, извините, просто я никак не возьму в толк, где могут быть эти чертовы очки.

— Честно говоря, я их вообще ни разу на вас не видела,— сказала Поузи.— Идем ужинать.

Я провел ужин, плавя в русле разговора о мультфильмах — на эту тему у Кобби имелось удивительное множество точных наблюдений,— и о «Theresienmesse» Гайдна, которую я слышал достаточно много раз для того, чтобы прикидываться экспертом. Поузи постреливала в меня не-

доверчивыми взглядами, а Кобби, для которого ужин со взрослыми был развлечением особенным, выдал пару интересных для четырехлетнего малыша суждений: «Эта музыка похожа на вкусную-вкусную еду» или «Так приятно, когда группа певцов не делает ноты *жирными*». Я, похоже, очень расстроил обеих женщин, и мои извинения по поводу суматохи с пропажей очков и возникшей вдруг необходимости сразу после ужина уехать ничуть не согрели атмосферу. Сбитая с толку Лори проводила меня до дверей. Я сказал, что, скорее всего, весь следующий день буду занят, но позвоню сразу же, как только смогу. Кобби пулей вылетел с кухни, и я, схватив его в охапку, поцеловал в щеку. Выгнувшись назад, Кобби, тщательно проговаривая каждое слово, сказал:

— Я-хочу-послушать-другую-ФУ-У-ГУ!

107

Я припарковал машину в квартале к югу от заведения Бреннана и быстро нырнул в узкий Бакстон-плейс. Сумерки уже смывала настоящая темнота, и лунный свет ярко отражался в стеклах старых конюшен. Как я и предполагал, двери и окна коттеджей были закрыты наглухо. Мне удалось выковырять из кладки мостовой булыжник. Завернув его в пиджак, я подошел к номеру два и шагнул к окну.

И тут на мое плечо опустилась ладонь. Я думал, сердце сейчас разорвется.

В дюйме от моего уха голос Роберта — мой голос — прозвучал:

— Ты спятил?

Мне до смерти захотелось прибить брата камнем.

— И нечего сердиться. Я оказал тебе услугу.

— Ты бросил меня!

— А разве сам ты не исчез через секунду после меня?

— Разве?

Он хмыкнул.

— Братишка, дорогой мой, чем больше открытий ты сделаешь в себе самом, тем более состоятельными мы будем с тобой завтра.

— Ты где был?

— Вручал верительные грамоты, — оскалился он. — На Голубичной.

Его самодовольная ухмылка была непереносима.

— Должен же кто-то восстановить нанесенный тобой ущерб. Я извинился за свои капризы и дурное настроение. Я даже не поблагодарил Лори и Пуузи за восхитительный ужин и выразил надежду, что они поймут, что похороны моей матери жутким образом повлияли на мои манеры. Очки я нашел в своей машине, простите, что позволил им стать средоточием моего беспокойства. Бла-бла-бла. Вот чего я не пойму в вас, в человеках, — это ваших нежных чувств к маленьким мальчикам. Они просто ставят меня в тупик. С трудом оторвал его от моей ноги — так вцепился... Ты бы поостерегся: запросто избалуешь ребенка.

— Ты следил за мной?

— Нет. Я имел удовольствие рано поужинать в «Лё Мадригале». Джулиан так мило со мной флиртовал, что я согласился выпить с ним сегодня в половине второго ночи. Паренек аж трепетал от волнения.

— Ты что, собираешься заняться сексом с Джулианом?

— Для меня не существует бессмысленных различий. А теперь, когда дамы с Голубичной улицы умиротворены, объясни мне, зачем мы валяемся в этот сарай?

— Влазимся — объясню, — ответил я.

Роберт просочился сквозь дверь второго номера. Как всегда, это выглядело словно киношный спецэффект. Дверь распахнулась, и я, выбросив булыжник, вошел.

— Глянь, шторы задернуты? — велел Роберт.

Я запахнул шторы так, чтобы одна заходила на другую.

— Тебе видно?

— Не намного лучше, чем тебе. — Ощупью добравшись до стола в центре комнаты, Роберт попытался включить лам-

пу.— Эрл Сойер уже водил тебя на экскурсию, зачем мы опять здесь?

— Его зовут не Эрл Сойер.— Я рассказал ему о своем открытии.

На этот раз Роберт был ошеломлен:

— Как может этот мерзкий старик быть Эдвардом Райнхартом? Внешнего сходства с нами никакого, и что же — он наш отец?

— Ну, может, тридцать лет назад сходство было. Однако последние годы жизнь у него была поганая, лишнего весу в нем сейчас фунтов пятьдесят, да и питается он бог знает чем. И прежде всего, крыша у него заметно едет, а это обстоятельство, знаешь ли, тоже отражается на внешности.

— Да я ж убить его мог в этом чертовом «Доме Кобдена»!

— Ну так он не знал, кто ты. Он тебя толком и не видел. Но он точно знал, кто я, когда сегодня днем впустил меня сюда. Ему пришлось узнать.

— Почему ж тогда он не попытался тебя убить?

Я привел ему единственный довод, казавшийся мне логичным:

— Потому что если убивать — то нас обоих.

— Ты ошибаешься, ошибаешься, ошибаешься,— возразил Роберт.— Он не знает, что нас двое. Вот почему я до сих пор жив.

— А теперь ему придется об этом узнать, Роберт,— сказал я.— Вполне вероятно, что он видел нас с тобой в ту ночь в Хэтчтауне. И он выжидает подходящего момента — когда ему удастся подловить нас вместе. Но что бы он ни планировал, у нас есть одно преимущество.

Роберт мгновенно уловил смысл.

— Он не в курсе, что *мы* знаем.

— Надеюсь, это можно назвать преимуществом. В любом случае это единственное, что у нас есть.

Напряженно нахмурившись, Роберт прошелся по комнате и включил еще одну лампу.

— Только не строй предположений относительно того, что захочется делать мне.

— Роберт,— твердо сказал я,— мы будем делать то, что надо.

Две параллельные полосы прорезали толстый слой пыли на столе, у которого стоял Эрл Сойер, когда пригласил меня войти в комнату. Одна полоска была дюймов восьми длиной, вторая — не более двух. Следы от настольной рамки, подумал я. Выдвинув ящик стола, я обнаружил там лишь мышинный помет. Сойер забрал с собой то, что прятал от меня.

— Давай перевернем в этой халупе все вверх дном.— Роберт едва не искрился от возбуждения.— Разозлим Эдварда Райнхарта, чтоб он совсем перестал соображать.

— Каким образом?

Роберт пробежал взглядом по корешкам тридцати—сорока экземпляров «Потустороннего»:

— Мне думается, он весьма привязан к этим книжечкам.

— Какой все-таки у тебя извращенный склад ума.

— А еще у меня несколько спичек, но нам понадобится больше.

— В этом я тебе смогу помочь,— сказал я.

— Ну, тогда нам нужна всего лишь одна штуковина — металлическая емкость вместимостью эдак в полванны. Я хотел бы все устроить снаружи, чтобы не спалить дом.

— Погоди-ка.— Я прошел через номер один, ошупью пробрался на кухню, включил верхний свет и опрокинул корыто, которое заметил накануне. На захлащенный пол вывалился мусор. Я притащил корыто обратно и увидел Роберта, стоящего в крохотном кирпичном дворике под неуклонно темнеющим небом. Роберт развернулся и пошел к дому, а я опустил корыто и последовал за ним к полке, уставленной экземплярами «Потустороннего». Нам при-

пилось сделать три ходки, чтобы вынести книги на дворик. Я достал из кармана спички и взял в руки одну из книг.

— Не так.

Роберт завернул наверх ее обложку и выдрал склеенные страницы из корешка. Он разорвал страницы пополам, затем на меньшие и еще меньшие части. Я приступил к расчленению другого экземпляра. Отлетевшие клочки трепетали на цементном полу.

Когда почти половина книг была уничтожена, Роберт присел на колени у остатков.

— А вот теперь начинаем веселиться.— Он зажег спичку и поднес ее к низу дести* книжных листов. Желтый огонек взбежал по одному листу, перескочил на второй. Роберт перевернул их. Огонь сжался и потерял силу, затем пополз по краям и вновь осмелев. Роберт опустил горящие листы в раковину, а затем взяла следующую пачку листов и подержал над огнем.

— Только так можно понять, что чувствует человек, когда палит книги,— проговорил я.

— Не умничай! — Роберт едва не давился смехом.

Я раздирал книги на части, пока Роберт кормил пламя страницами, подкладывая новые и новые пачки, как дрова в топку, и заполняя ими дно корыта. Горящие обрывки взмывали вверх и падали к стенам. Некоторые страницы сгорали в полете дотла, не оставляя даже пепла. Одни превращались в плавающие в воздухе светящиеся точки, как светячки, другие — как пылающие птицы. Одни горели, пока поднимались, ввинчиваясь в темное небо. Пламя отбрасывало тени немислимых очертаний, и тени танцевали на стенах.

Когда Роберт склонился над корытом, блуждающие сполохи красного и оранжевого освещали его лицо. Оно казалось почти совершенным и в то же время не более похожим на мое, чем мое — на Микеланджелова Давида. Рез-

ко очерченные брови Роберта казались стремительными черными росчерками одинаковой умеренной толщины по всей своей длине. Глаза его были чистыми и блестящими, форма носа безупречна, будто ее создал резец богоподобного ваятеля. Глубокие тени подчеркивали рисунок скул и четко очерченный рот. В его лице были видны острота ума, самоуверенность, изящество, энергия и — когда он наблюдал за танцем светячков и огненных птиц над головой — тот чистый голод, который принуждал его наслаждаться разрушением.

— Твоя очередь.— Роберт подпрыгнул, пытаясь сбить поднимающееся к темному небу огненно-желтое крылышко.

Я присел на корточки перед корытом и поворошил тлеющие страницы, отдергивая руку от редких языков опавшего пламени. Под раскаленным ковром строки вскипали и скручивались. Роберт подпрыгивал за своим порхающим желтым крылышком, пока то не сжалось до крошечного созвездия красно тлеющих искр, затем метнулся к стене вдогонку за другой пылающей птицей. Он напомнил мне слугителя какого-то древнего божества — его волосы перевиты лентами из золотых кузпечиков, и он охвачен иступлением обряда жертвоприношения. Затем я подумал, что Роберт скорее похож не на слугителя, а на само божество, ликующее в бешеной пляске пожара и хаоса.

Пританцовывая, он вернулся, чтобы подержать над огнем переплет — желтый язычок распустился и побежал поперек зеленой обложки. Мое ощущение непостижимой глубины его жизненного опыта вдруг *стерлось* и исчезло, переродившись в понимание причин его неуравновешенности, интенсивности его детских страданий. Будто он остановился в развитии под бременем всего свалившегося на него. Впервые я понял, что половину своей жизни Роберт провел в заточении, а я — я был единственным, кто мог его спасти. Роберт нуждался во мне куда острее и больше, чем я нуждался в нем. Внутри той непроглядной бездны

* Десть — переплетенная книга.

ревности, которая была его душой, Роберт тоже знал это и делал вид, что не знает.

Его красивое лицо помрачнело, когда он заметил, что я наблюдаю за ним.

— Я думал о том, насколько мы с тобой похожи и не похожи, — сказал я и получил в ответ еще один раздраженный взгляд.

Мы вновь занялись делом и продолжали до тех пор, пока от экземпляров книги Эдварда Райнхарта не остались слой пепла и золы и несколько полусгоревших переплетов на дне корыта. Вокруг пахло так же, как на развалинах дома Хелен Джанетт. Черные обуглившиеся листы пятнали цемент двора. Роберт поддал один из них ногой, и он рассыпался в пыль.

— Давай спалим что-нибудь из его Лавкрафтов.

— Хорошие книги палить не собираюсь, — заявил я, — но ты подсказал неплохую мысль.

Я вернулся в дом и заметил, что руки выпачканы сажей.

«Лицо, скорее всего, тоже», — подумал я.

Уже успокоившийся и сдержанный, в дверях появился Роберт. В отличие от меня он был безукоризненно чист. При помощи носового платка я вытянул с полки «Ужас в Данвиче»:

— Сдается мне, этот Лавкрафт был первым, которого прочитал Райнхарт. И, скорее всего, это его Библия.

Роберт проявил признаки заинтересованности.

— Он пойдет на все, чтобы вернуть ее.

— Что ж, тогда мы заставим его ходить перед нами на задних лапках. — Роберт взглянул на свои часы. — Ты б умылся. Смотреть страшно.

— Как насчет завтра?

— Как показывает практика, наши приключения начинаются часа в три-четыре пополудни. Я найду тебя до трех, где бы ты ни был. А до тех пор не делай никаких глупостей, хорошо?

— Ты тоже.

Роберт улыбнулся мне:

— Ага, у Нэда опять козырь в рукаве. Нэд никогда не выкладывает карты на стол. У меня вопрос. Он не знает, что мы знаем, что он знает, что нас двое. Не мог бы ты ясно изложить, как мы используем данный факт против него?

— Точно так же, как было в Боулдере, — ответил я, не желая сообщать ему остальное.

— Я пас.

— А у тебя не будет выбора. Это все, что у нас есть.

Роберт остро глянул на меня, будто зажатый между тем, что он считал правдой, и тем, что он не желал признавать.

— Я же сказал, я — пас.

Я подошел к столу, с которого, как мне показалось, Эрл Сойер убрал фотографию в рамке — фотографию его самого в юности.

— Иди сюда. — Роберт с неохотой пошел через комнату. — Подержи под светом руку.

— Если ты так действительно требуешь...

Роберт протянул вперед под лампу правую руку ладонью вверх, вытянул пальцы. Ни единой складки не разделяло его ладонь, и кончики пальцев были идеально гладкими, без рисунка. Его рука словно была изготовлена из поразительно напоминающего живую ткань пластика.

— Когда раздавали отпечатки, хватило не всем, — ухмыльнулся Роберт. — Не сказал бы, что мне их очень не достает.

«Нехватка их доставляет тебе больше страданий, чем ты позволяешь себе признать», — подумал я.

Он убрал руку из круга света:

— Ты еще столького не знаешь...

— Ничего, на данный момент достаточно, — сказал я, однако Роберта уже не было рядом.

Перед складом на Лавандовой сидел на корточках мальчишка в лохмотьях — руки опущены меж колен, в пальцах зажата сигарета. Плечи его дернулись, рука с сигаре-

той поднялась, губы сомкнулись вокруг фильтра. Он выучил наизусть каждый жест Френчи Ля Шапеля. Когда я подошел к мальчишке, тот вскочил на ноги и юркнул за дверь. Брякнул засов.

Прижав ладони к двери, я прошептал:

— Мне нужен Нолли Уидл.

Слова поглотила тишина.

— Нолли! Ты помог мне выбраться из Хэтчтауна в прошлую пятницу ночью, помнишь? Мне надо с тобой поговорить.— И эти слова встретила выжидающая тишина.— Плачу за беседу пять баксов.

Я услышал шарканье шагов. Детский голосок деловито произнес:

— Десять.

— Идет,— согласился я.

— Подсунь под дверь,— велел голос.

— А ты отодвинь засов.

— Деньги вперед.

Я сунул десятку под дверь. Засов пошел в сторону, и створка с дребезгом приоткрылась на фут. Я скользнул внутрь. Закрывшаяся за спиной дверь отрезала путь свету. Не мне — кому-то другому.

Нолли шепнул:

— Смойся.

Маленькие босые ноги удалились по земляному полу. Глаза стали привыкать к темноте, и я разглядел смутные контуры маленьких фигур, собравшиеся у стены напротив,— будто птицы, которые устраиваются на ночь.

Неясная фигура Нолли двинулась к боковой стене склада:

— Говори потише.

— Ты помнишь меня?

— Ага,— сказал Нолли.

— За нами тогда бежали двое.

— Люди говорили, ты с одним разобрался.— Голос его звучал, как воздух, вырывающийся из прокола колеса.

— Не я, кто-то другой,— прошептал я. Нолли издал шипящий звук, который я воспринял как смешок.— Мне по-

казалось, там был кто-то еще. Тот, кто видел нас, но сам оставался невидимым. Кто-то, которого ты знаешь. Человек, который платит тебе за услуги.

— Ну, мало ли кому какие мы услуги оказываем.— сказал Нолли.— Это ничего *не значит*.

— Я сегодня с ним познакомился. Он сказал, что его зовут Эрл Соьер.— От дальней стены склада прилетела стайка шепотков.— Он еще иногда ходит в черном пальто и шляпе.

Неотчетливый силуэт Нолли застыл на месте.

У стены склада кто-то проговорил:

— Черная Смерть.

— Заткнитесь там! — шикнул Нолли.

— Вы зовете его Черной Смертью? — прошептал я.

Тихий голос проговорил:

— На живодерню его, Нолли, на живодерню его.

Нолли подался ко мне:

— Ни сном, ни духом ты не должен был узнать о нем. Ты, видать, что-то напутал. И говоришь ты о двух совершенно разных мужиках.

— А что это за живодерня? — спросил я Нолли.

— Это куда они всех отводят,— прошептал в ответ мальчишка.— В смысле, не только лошадей.

Нолли попятился, но я ухватил его за подол рубахи и затянул поглубже в угол. Нолли подчинился с мрачной, разрывающей сердце податливостью. Я присел на колени и вложил еще одну пятерку в его ладонь:

— Ты очень боишься, я знаю. Если честно, я — тоже. Но это очень важно для меня.

— Вопрос жизни и смерти?

— Жизни и смерти.

Так тихонько, что я едва услышал, Нолли прошелестел:

— Его имя нельзя произносить вслух, потому что он слышит даже сквозь стены. Те, кто видит его, когда он не хочет, чтобы его видели, горько потом об этом жалеют. Это Ч. С. Ты понимаешь, о ком я?

— Да,— шепнул я в ответ.

— Он выходит по ночам, и так было всегда. Ч. С. не совсем человек. Многие из наших ребят считают, что он вампир. А я говорю, он не вампир, а дьявол из ада.

— Говоришь, так было всегда?

— Он появился здесь с тех пор, как появился *Хэтчтаун*. Ч. С. и *есть* Хэтчтаун, вот что я думаю. Потому-то все так и происходит.

— Как так? — спросил я.

Нолли презрительно фыркнул:

— Вода поднимается, стоки не работают. Каждый раз, когда наводнение, нас заливает водой и грязью. Хэтчтаун, одним словом... Ч. С. — он такой как *мы*, с одной разницей: он — демон. Зуб даю, это сам мистер Хэтч сотворил Ч. С., но лучше б он этого не делал.

Я прислонился спиной к стене и закрыл лицо руками.

Нолли пригнулся еще ближе:

— А про Эрла Сойера — еще пять долларов.

Я дал ему банкноту.

— Мистер Сойер — вредный и мерзкий старик, — сообщил Нолли. — От него дождешься скорее по уху, чем доброго слова.

— Где он живет?

— Я его частенько видел в районе Кожевенной. Но когда хочет лечь на дно, он ныряет в свою нору, как лиса.

— Ну, ладно. — Я поднялся на ноги. Нолли потянул меня к выходу и отодвинул дверь. Я шагнул на улицу, и, к моему удивлению, Нолли выскользнул за мной следом. Быстро глянув по сторонам, он что-то зашептал так тихо, что я едва заметил движение его губ.

Я склонился над ним, и он зашептал прямо мне в ухо:

— Слыхал я, что именно тебя видели две ночи тому назад на Рыбной с Джо Стэджерсом из Маунтри.

— Может, и меня, — шепнул я в ответ, понимая, что эти мальчишки в курсе всего здесь происходящего.

— И с тех пор Джо Стэджерс как в воду канул. И никто, кстати, по нему не плачет. В Хэтчтауне. И в Маунтри, я так думаю, — тоже.

— Джентльмена отозвали, — сказал я.

— Ага, видать, отзыв-то был мощный.

Интересно, кто он, этот Нолли, что он хочет узнать?

— Для него, во всяком случае, — слишком мощный.

— Выстрел был, а ни в кого не попали, — продолжил Нолли. — Не ваших рук дело, нет?

— Нолли, — прошептал я, — ты хочешь мне что-то сказать?

Он поднял одно плечо и подтянул пояс штанов. Шаркнул ногой и дернул головой вперед и назад. Превзойдя в имитации Френчи Ля Шапеля объект подражания, он подтянул рукава и скосил глаза так, будто хотел заглянуть за изгиб улички. Прежде Френчи был одним из этой шайки мальчишек, догадался я, он проводил ночи в старом складе, изредка выполнял поручения Ч. С., хэтчтаунского вампира, и так и останется на побегушках у него до конца своей жалкой жизни.

Нолли по-прежнему косился на поворот:

— Знаешь, где Щетинная?

Я покачал головой.

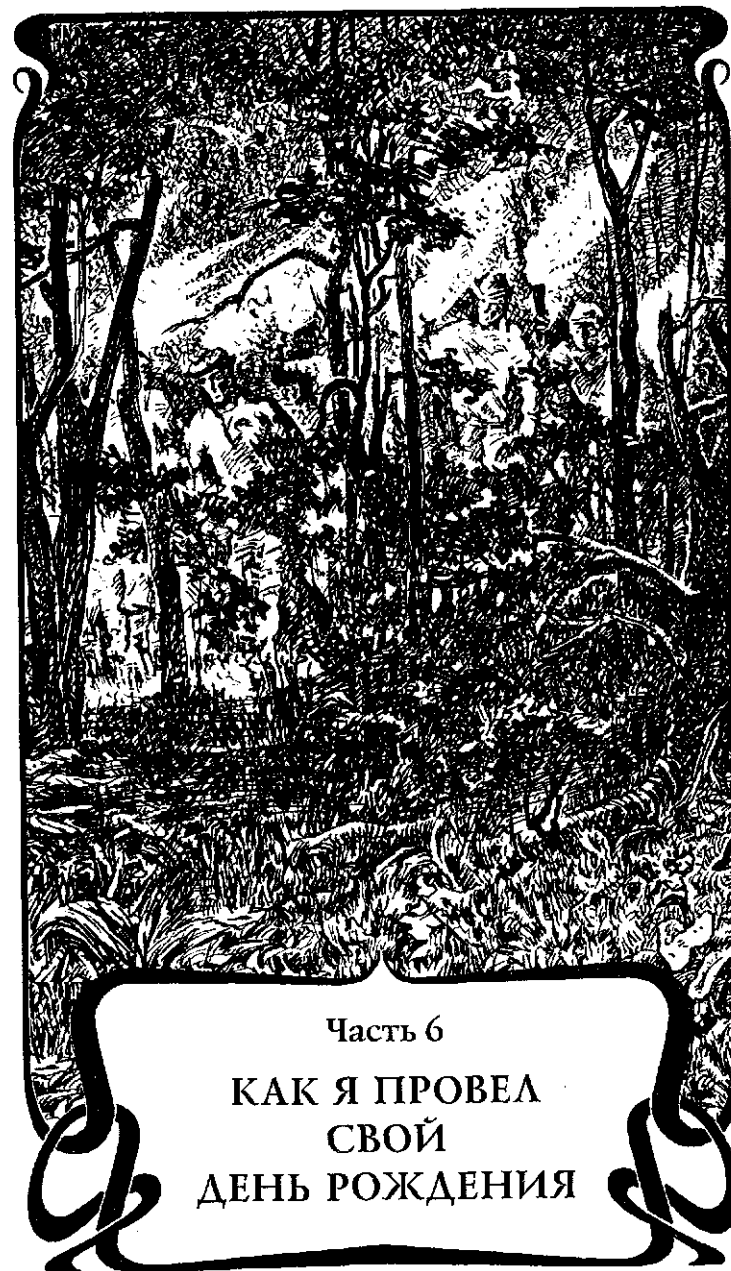
— Щетинная — узкая, а еще она *темная*. Щетинная петляет *вперед, назад*... По Щетинной можно дойти туда, куда надо, зная, что никто не заметит твоего ухода. Горожане не заглядывают сюда, потому что она такая вот, какая есть. — Нолли опять приподнялся и зашептал мне прямо в ухо: — Он часто ходит по ней. Так что если хочешь найти его, чего я никогда бы не делал, то искать его, скорее всего, надо там.

— Где это?

— Везде, — прошептал Нолли. — Да хотя бы *здесь*. — Грязной ладошкой указав на едва видимый проход между двумя домами, он юркнул за дверь склада.

Я шагнул в проход, указанный мне Нолли. Темная, узкая артерия тянулась футов на двадцать, прежде чем вильнуть влево. Я чувствовал себя так, словно Нолли Уидл рассказал

мне самую страшную тайну, подсказал ключ от самого сердца Хэтчтауна. Щетинная привела меня к Малиновой, затем — крохотной пустынной Бочковой, а оттуда вывела к извилистому проулку, бегущему, как я полагал, по направлению к Телячьему Двору. Доносящиеся с других улочек звуки многократно отражались от нависавших стен. В нос вдруг ударила вонь — так же пахло в доме Джой — и следом исчезла, будто всосанная кирпичными стенами. Где-то рядом мужской голос вдруг негромко запел «Чаттануга-Чу-Чу», и я подумал было, что это Пайни Вудз, нетвердой походкой бредущий по Кожевенной. Когда я наконец вышел к Телячьему Двору, я увидел брешь Конской за высохшим фонтаном и понял, откуда Эдвард Райнхарт наблюдал нашу с Робертом первую встречу.

Часть 6
КАК Я ПРОВЕЛ
СВОЙ
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

На следующее утро я поздравил себя с тридцатью пятью прожитыми годами и пожелал дожить до тридцати шести. Когда дело доходит до подарков, очень хочется пожить еще. Собираясь на похороны Тоби, я надел чистую белую рубашку, серые брюки, репсовый галстук и свой неизменный блейзер, затем подошел к телефону и набрал номер военного училища в Оулсберге, Пенсильвания. Интересно, кто это — мистер Флетчер, думал я, и каким образом к Райнхарту попала эта книга? Если он не погиб во Второй мировой, значит, сейчас еще жив и, должно быть, помнит, как дарил книгу дружку-курсанту.

Я сказал капитану Лайтхаузу из офиса Аламни, что готовлю биографический материал для отдела искусств в «Экс Эджертона» о самой богатой коллекции книг на тему Г. Ф. Лавкрафта. На боковой страничной врезке будет статья, отслеживающая историю краеугольного камня великой коллекции, первого издания «Ужаса в Данвиче», и я хотел бы побеседовать с первым обладателем славной книги, У. Уилсоном Флетчером, оставившим на ее обложке надпись: свое имя, название училища и год — сорок первый.

— Сэр, а в этой подписи Флетчер не упомянул своего звания?

— Нет, только имя.

— Значит, он был курсантом. Погодите секундоочку, я проверю список выпускников Алаамни... У. Уилсон Флетчер не значится в наших списках, что означает одно из двух: он либо скончался, либо отчислен за неуспеваемость — сами понимаете, каждый раз, когда случается подобное, мы очень переживаем. Сорок первый, вы сказали?

— Да.— Я едва удержался и не ляпнул: «Так точно!»

— Тогда надо проверить в списках учащих за тысяча девятьсот сорок первый год, а также сороковой и сорок второй.

Я спросил у Лайтхауза, не заканчивал ли он сам это училище.

— Так точно,— ответил он.— Выпуск тысяча девятьсот семидеятого года. Оттрубил двадцать лет и вернулся на помощь своей альма-матер. Мне нравится здесь, очень. Так, давайте посмотрим. Сорок первый... Нет, здесь нет... Может, он тогда учился на артиллерийском курсе, значит, надо посмотреть в списке сорок второго... Оп-па! Вот он, Уилбур Уилсон Флетчер, тысяча девятьсот сорок второй год. Неудивительно, он ведь на букву «У». Я так понял, вы в своей статье упомянете наше училище?

— Разумеется,— заверил я.

— Если вы можете еще чуть подождать, я хотел бы проверить кое-какие источники. Из списка выпускников академии, погибших на войне, мы можем узнать, был ли Флетчер убит во время службы в армии. Если там нет, я обращусь к майору Одри Арндт, исполнительному секретарю академии. Майор здесь работает с тридцать восьмого, она помнит все и вся. Без нее тут жизнь замерла бы. Так как, подождете?

— Конечно, спасибо. Удивительно, время отпусков, а вы в кампусе.

— Я работаю круглый год, а майор не верит в пользу отпусков. Подождите немного, сэр.

Подождать пришлось десять минут — как мне показалось, за это время можно было обкасить обоями мою комнату. У меня создалось впечатление, что Уилбур не поднимал флаг над Иводзимой* и не был награжден правительственными наградами. Я взял телефон к столу и только сейчас заметил, что кто-то вырезал на его поверхности с аккуратной, почти забавной четкостью: «П. Д. 10/17/58». П. Д. славно поработал. Почти каллиграфически вырезанные буквы и цифры образовывали изящную дугу вдоль края стола, такую крохотную, что заметной она становилась, лишь когда смотришь прямо на нее. «П. Д.», думал я, наверное, было невыносимо, мучительно скучно. А еще я подумал, что он был музыкантом и создал сие творение, дожидаясь начала концерта.

В трубке щелкнуло, и оживший капитан Лайтхауз доложил: «Майор Арндт на линии»; еще один щелчок.

Властный женский голос отпарировал:

— У аппарата майор Арндт, мистер Данстэн. Будьте добры, объясните причины вашего интереса к курсанту Флетчеру.

Я повторил свою легенду, добавив:

— Я надеялся побеседовать с мистером Флетчером и думал, что узнаю в академии номер его телефона.

— Мистер Данстэн, администрация нашего училища всегда с радостью сотрудничает с прессой, однако такое сотрудничество подразумевает взаимность. Я хотела бы иметь гарантии, что с тем, что я собираюсь вам рассказать, вы будете обращаться обдуманно, взвешенно и со вкусом. Кроме того, вы дадите мне обещание выслать факсом черновик вашей статьи — до ее публикации.

По телу побежали мурашки.

— Обещаю.

* Иводзима (Ио) — один из трех вулканических островов в северо-западной части Тихого океана. Место крупного сражения Второй мировой войны на Тихоокеанском театре военных действий.

— Непреднамеренно, как я полагаю, вы, мистер Данстэн, коснулись единственного в истории училища трагического инцидента. Курсант артиллерийского курса Флетчер погиб в результате нападения нелегально проникшего на территорию неизвестного незадолго до рождественских каникул в тысяча девятьсот сорок первом году. Убийца найден не был. Как результат, наше образцовое заведение получило крайне нежелательную широкую известность.

— Да что вы...

— Я бы предпочла, чтобы вы в своей статье не упоминали имени курсанта Флетчера. А уж если придется, то я прошу вас представить это как трагедию, несчастный случай.

— Майор Арндт,— сказал я,— в моей работе нет ничего, что требовало бы от меня раскапывать скандал пятидесятилетней давности. Однако есть еще кое-что, о чем я попросил бы вас, и я обещаю выполнить все ваши требования.

— Продолжайте,— велела она.

— Курсант Флетчер не может сказать мне, как в его руки попала книга и каким образом он расстался с ней, но, возможно, кое-кто из его сокурсников в состоянии заполнить пробелы. Если вы любезно согласитесь выслать мне факсом списки учащихся с тысяча девятьсот тридцать девятого по сорок первый год, я продолжу поиски самостоятельно. Если я узнаю что-либо о гибели Флетчера, этого не будет в моей статье. Меня интересует лишь судьба книги.

— Вы понапрасну потратите уйму времени, мистер Данстэн.

— Здесь, в редакции «Эха», мы его, в сущности, просто глотаем,— сказал я.

111

«Форд» — точная копия моего — двигался в сторону длинной вереницы машин, выстроившейся на подъездной дорожке. Облаченный в темно-серый костюм и серую фетровую шляпу, К. Клейтон Крич обозрел собравшихся с при-

вычным бесподобным хладнокровием. Я взглянул на надгробие рядом с могилой Тоби. «Генриетта “Куинни” Данстэн Крафт, 1914—1964. Виртуоза не превзойдешь».

— Между нами,— обратился я к Кричу,— почему Тоби считают мошенником?

— Был обвинен лишь однажды,— подчеркнуто медленно протянул Крич.— Обвинение было состряпано.

Чуть ниже по склону холма двойник моего «тауруса» припарковался в хвосте вереницы машин. Со стороны водителя появился мистер Тайт и открыл дверь для Хелен Джанетт.

— К делу усыновления это отношения не имело,— предположил я.

— Хэйзел держала язык за зубами.— Крич даже не взглянул в сторону подъехавшей парочки.

— Тогда за что же?

— Марихуану подкинули.

Хелен Джанетт и ее верный пес достигли вершины холма. Фрэнк Тайт изо всех сил делал вид, что не замечает, как Хелен направляется ко мне.

Адвокат чуть коснулся своей шляпы:

— День добрый, миссис Джанетт.

— Мистер Крич, мне надо кое-что сообщить вашему другу.— Она жестом попросила меня отойти в сторону.— Хочу извиниться за свое поведение в ночь пожара. Я чувствовала себя несчастной, никому не нужной старухой и ничего не соображала.

— Вы, наверное, были просто в ужасе,— сказал я.

— Потеряешь все, что нажито,— поймешь, что значит быть в ужасе. Вот только не возьму в толк, что нашло на этого мальчишку Ля Шапеля.

— Вы знали его?

— Френчи рос рядом, буквально за углом. Они с Клайдом Прентиссом были неразлейвода с самого детства.

Последние из пришедших на похороны присоединились к толпе за могилой Тоби. Все, кроме двух-трех чело-

век, были темнокожими и одеты подобающим для похорон образом.

— Все наши беды от *Хэтчауна*, — сказала Хелен Джанетт. — Кому нужен этот Дворец съездов? Лучше б Стюарт Хэтч сровнял здесь все с землей и отстроил заново. Или хотя бы навел порядок в своих владениях. Ваши родственники были бы рады, если б кое-что на Вишневой улице привели в порядок, ведь верно?

— Кто их знает, — вздохнул я. — Только зачем Хэтчу с этим связываться?

— Ладно, не берите в голову, — проронила Хелен и пошла прочь.

Мистер Сполдинг подошел к краю открытой могилы. Негромкий гул голосов мгновенно стих.

— Дорогие друзья и близкие, мистер Крафт перед смертью отказался от услуг священника, однако позволил тем, кто придет сюда, сказать ему свое последнее «прости». Если вы чувствуете в себе желание выразить ваши чувства — просто выходите и высказывайтесь от чистого сердца.

Легкое волнение, казалось, долетело от толпы, и вперед выступила пожилая женщина. Она подняла голову, и солнечные зайчики метнулись от стекол ее очков:

— Тоби Крафт не был мне, что называется, близким другом, но я глубоко ценила этого человека. Он был честен со своими клиентами. Он уважительно относился к людям. А еще у него было доброе сердце. Тоби слыл человеком сурового нрава, но я знаю, бывали времена, когда многим из присутствующих здесь он протягивал руку помощи. — Толпа одобрительно зашелестела. — По моему глубокому убеждению, Тоби Крафт не зря прожил свою жизнь. Вот что я хотела сказать.

Сменяя один другого, семь человек подходили к могиле и говорили о Тоби. Седой мужчина сказал:

— Тоби никогда не был похож на романтика или сентиментального человека, однако никто не сможет сказать, что в его сердце не было глубокой любви к жене.

Я спросил Крича, не знал ли он Куинни.

— Тоби был влюблен по уши, — ответил адвокат. — Она потрясала его так, что у него отвисала челюсть и глаза вылезали из орбит. Много раз они приглашали меня к ужину, и, должен признаться, Куинни пекла такой сладкий картофельный пирог, какого мне не приходилось нигде пробовать. И уже не придется. — Крич улыбнулся скорее себе, чем мне. — И только в их доме я наблюдал, как ее пирог приподнимался на дюйм-два над столом, будто предлагая едокам заняться им.

Последний оратор сказал:

— Мистер Крафт действовал так, словно ел на завтрак бритвенные лезвия, но он никогда не воротил носа от людей. Как-то раз он сказал мне: «Джорджия, может, я и сукин сын, — извините за выражение, — но приглядывать за тобой — это часть моей работы». Он помог мне расплатиться за похороны отца. Когда моя дочь отправилась в Морхаус, он каждую неделю посылал ей деньги и не требовал их вернуть. Вот что я вам скажу: Тоби Крафт был хороший, очень хороший человек.

Мистер Сполдинг внедрился в толпу, чтобы пожать руки своим будущим клиентам. Люди потянулись к своим машинам.

— По большому счету, Тоби был отличный парень, — подвел итог К. Клейтон Крич. Ледажным, как у ящерицы, взглядом он посмотрел на меня. — Полагаю, вы не жалуете о принятых накануне решениях?

— Тоби бы их одобрил, — кивнул я.

— Мне всегда нравилась эта его эксцентричность. Большинство моих клиентов не позволяют себе подобного. С годами я все больше и больше ценю в людях богатое воображение.

Мы стали спускаться с холма.

— Зачем он решил сесть в тюрьму? — спросил я.

В белой как молоко ладони Крича блеснули ключи от машины.

— Полагаю, у него было достаточно богатое воображение, чтобы понять, что выбора у него нет.

Тетушки сновали взад-вперед перед плитой. Ослепительный в своей новой канареечно-желтой спортивной куртке, Кларк посмотрел на меня из-за стола:

— Глян-ка, сынок, какую я себе обновку прикупил в честь твоего дня рождения!

Нетти крикнула:

— С днем рождения! — И звонко чмокнула меня в щеку.

Мэй скомандовала:

— Так, стой, никуда не уходи, я сейчас принесу тебе подарок.

— На похоронах Тоби, небось, народу никого не было, — предположил Кларк.

— Да нет, народу-то как раз было много, — сказал я. — Кое-кто даже рассказал, как горячо он любил Куинни.

— Да уж, что правда, то правда, — покивала Нетти. — С того самого момента, как Тоби положил глаз на мою сестренку, он потерял голову.

— Можно вас спросить кое о чем? — попросил я.

Вошла Мэй, держа пластиковый пакет с логотипом местного бакалейного магазина. Выглядела она почти кокетливо:

— Когда я выдавала тебе те носки и нижнее белье, Нэд, я приберегла кое-какой секрет и на день твоего рождения.

— Вы дарите мне на день рождения секрет?

— Ну, теперь это уже не секрет. — Она вытянула из пакета розовую спортивную куртку с рисунком: мешки для гольфа, клюшки для гольфа и флажки, торчащие из лунок на лужайках для гольфа. Гривилл Милтон пришлось бы от нее в восторг.

Я стянул блейзер и надел эту розовую экстравагантность. Она оказалась мне впору.

— Вот черт! — воскликнул Кларк. — Теперь ты выглядишь так, будто знаешь, как и где повеселиться.

— А еще угощение, — сказала Нетти. — Сладкий картофельный пирог. Вот увидите, мой ничуть не хуже того, что готовила Куинни.

— Что еще в программе сегодняшнего вечера? — поинтересовался я.

— Свиные ребрышки и мой фирменный горошек. Мэй принесла домашний хлеб. Салатик по рецепту из «Поваренной книги для домохозяек Галилеи». А от вчерашнего осталось еще много запеканки из тунца. О *еде* можно не беспокоиться.

— После всех наших мук мы заслуживаем праздника, — заявил Кларк. — Теперь, когда Тоби нет, я скучаю по нему больше, чем мог предположить. Что там слышно, есть какой прогресс в поисках его убийцы?

— Не уверен.

— По Эджертону шастает Джек-Потрошитель, а полиция упорно не желает признавать этот факт. И я знаю почему. Чтобы не сеять панику среди населения.

— Дело не только в Джеке-Потрошителе, — зловеще проговорила Нетти.

— Не только. Взять, к примеру, события в Колледж-парке прошлой ночью.

Я вздрогнул, словно ужаленный пчелой:

— Какие события?

— Около часу ночи живущие в том районе слышали жуткий грохот. Едва ли не все стекла повывлетали из рам. Говорят, была вспышка во все небо — вспышка *голубая*.

— Это знак свыше, точно вам говорю, — заявила Мэй.

— А по радио утром сказали, что источником шума был космический корабль пришельцев. Эта версия заслуживает рассмотрения.

Через окно кухни я посмотрел на бумажную скатерть, бутылки с лимонадом и чай со льдом на стареньком столе для пикников:

— Как жаль, Джой не может прийти.

— Джой сегодня утром не захотела со мной разговаривать, — сообщила Мэй. — Не удивлюсь, если узнаю, что она давно мечтает отправить Кларенса в то заведение.

Я ощутил предостерегающее покалывание в груди — пока еще вкрадчиво легкое, оно подавало мне сигнал, что в

моем распоряжении осталось часа три-четыре до начала приступа.

— На похоронах был мистер Крич,— сказал я.— Я спросил, за что Тоби посадили, но он отмолчался.

— Сегодня,— сказал Кларк,— мы должны припоминать только добрые его дела, но не ошибки.

— Которых было не счесть,— вставила Нетти.

— Как песчинок на пляже,— добавила Мэй.— Давайте праздновать, а?

Сидя напротив меня за столом для пикника, Кларк извлекал максимальную пользу из единственной крапчатой горошины. Внушительные горки обглоданных ребрышек собрались на бумажных тарелках тетушек. Не давая расслабляться, организм посылал мне сигналы тревоги. Присутствующих охватило теплое всепроникающее ощущение, обычно сопровождающее окончание вкусной трапезы. В тот момент, когда я подумывал о возвращении к тем тюремному заключению Тоби, Мэй сделала это за меня.

— Помнишь, Нетти, когда Тоби посадили, у Куинни все еще оставался тот маленький холодильник, и она расстраивалась, что теперь придется ждать целых шесть месяцев, чтобы выбрать новый? А когда Тоби вернулся, я помню, как он велел купить новый холодильник — немедленно.

— Если он сидел всего полгода, значит, его преступление было не таким уж серьезным,— предположил я.

— Преступление его было не то что несерьезным,— сказала Мэй,— он его вообще не совершал. С какой стати Тоби Крафту вламываться к совершенно чужому человеку? Если б Тоби это до зарезу понадобилось, мы бы заставили какого-нибудь дурачка сделать это для него.

— Он весь тот день просидел дома с Куинни.— Нетти глянула на меня.— Об этом она свидетельствовала под присягой на суде, однако присяжные предпочли не поверить ей, и это то же самое, что признать все ее слова сплошной ложью. А сестра наша всегда была воплощением честности. Кристальной честности.

— Порой,— продолжила Мэй,— в ее честности, как в зеркале, можно было увидеть свои болячки. Нэд, будь добр, положи мне еще ребрышек и немного салатику от «домохозяйек Галилеи».

— Тоби ничего не пытался сказать в свою защиту? — спросил я.

— Не пытался, не мог, а если б мог, не сказал бы.— Нетти отобрала миску с суфле у Мэй и сгребла ложкой половину содержимого себе в тарелку. В ее тоне сквозила неприкрытая досада.— Тоби даже своему адвокату от силы пару слов сказал. Его обвинили в краже серебряной рамки для фотографии всего лишь потому, что какой-то хэтчтаунский обормот заявил, что видел его болтающимся рядом с домом.

Знакомое ощущение — будто равномерные электрические волны, пульсируя, побежали по моим рукам, и цвета, окружающие меня, вдруг засверкали. Я не знал наверняка, сколько времени у меня осталось. Откуда-то рядом появился Роберт, снедаемый ревностью. Я сказал:

— Спасибо вам всем за праздник, но сейчас я хотел бы вернуться в дом и ненадолго прилечь.

— Иди, конечно,— спохватилась Нетти.— Если ты рухнешь на землю с пеной у рта, я почувствую себя самой несчастной старухой в мире.

Жужжащие пульсации в моих венах утомнились, желтое пламя вокруг груди и плеч Кларка опало, вернулось в его куртку.

— Во время похорон Тоби кто-то что-то сказал, и это натолкнуло меня на мысль: Стюарт Хэтч — хозяин ваших домов. А я всегда думал, что они принадлежат вам.

Мэй нахмурилась. Кларк задумчиво усмехнулся крошечному кусочку мяса, отделенному им от свиного ребрышка. Нетти похлопала меня по руке:

— Сынок, тебе не стоит о нас волноваться.

— Из чего следует, что ваши дома в самом деле принадлежат ему.

— Вот уже много лет наша родня имеет деловые отношения с Хэтчами. Был момент, когда мы испытывали денежные затруднения, и мистер Хэтч, узнав о наших трудностях, оказал посильную помощь.

— Какого рода помощь?

— Мистер Хэтч планирует улучшить этот район. А пока мы можем оставаться здесь до своей смерти.

— А если Хэтча посадят в тюрьму?

— Да что бы ни случилось, с нами все будет в порядке.

— У нас есть защита, и защиту мы сотворили себе сами, — заявила Мэй. — Деньги Тоби — это то, что я назвала бы глазурью на плюшке.

Кларк встрепнулся:

— Кстати, о десерте: где хваленый картофельный пирог?

— Подождешь. Пусть мальчик сначала придет в себя, — сказала Нетти. — Сегодня не твой день рождения.

113

Идя через кухню и с каждым шагом явственнее чувствуя незримое присутствие брата, я позвал:

— Роберт, покажись.

Я вошел в гостиную.

— Ты знал, что Стюарт купил их дома? Что происходит? Нельзя давать ему развернуться в квартале на Вишневой. — Я представил, как мой безмолвный двойник стоит передо мной и усмехается над моей растерянностью.

Устало тащась вверх по ступеням, я думал: «Глазурь на плюшке за четыреста восемьдесят тысяч долларов?»

Дойдя до площадки, я вздрогнул и остановился: пристально, со сдержанным любопытством из дальнего конца коридора смотрел на меня Говард Данстэн. Я с трудом подавил желание броситься наутек, вниз. Слабая улыбка играла на губах Говарда. Он радовался моему дню рождения. Роберт и я скрасили ему скуку вечности, подарив драму более занимательную, чем он предполагал.

— Сходи-ка, напугай своих дочерей, — сказал я. — Видеть тебя не могу.

Выражение его лица говорило: «Не понимаешь, не понимаешь самой сути». Он отвернулся, наклонил голову к окну и исчез.

Я подошел к окну и глянул вниз. Четыре нарядно одетых человека за столом для пикника. Облаченный в такую же, как у своего двойника, розовую экстравагантность, элегантный и беззаботный Роберт балагурил с Нетти, и та светилась от удовольствия. Он сейчас казался мне потрясающе красивым — даже после того, как в ту ночь, когда он скакал среди светящихся и огненных птиц, я разглядел в его душе kloкочущую бездну несчастий.

Я отошел от окна и увидел, что дверь в спальню Нетти и Кларка полуоткрыта. Вряд ли сознавая, что делаю, я вошел в их комнату. Два отдельных шкафа стояли у дальней стены, и два кресла виднелись из-за двуспальной кровати с белыми подушками и выпетшим желтым покрывалом. Я вдруг почувствовал себя насильником. Высокий комод с выдвижными ящиками стоял напротив кровати. Единственный в спальне платяной шкаф расположился у стены справа от меня.

Сладковатый, несвежий запах лавандового саше витал в комнате. Одну половину вешалки занимала одежда Кларка, другую — длинные, просторные платья Нетти. Аккуратные стопки свитеров и хлопчатобумажных рубашек заполняли большую часть полки, тянувшейся над вешалкой. Светло-коричневая папка из манильской бумаги лежала в дюйме от края полки, за рубашками.

В папке было много черно-белых фотографий — по всей вероятности, Нетти и ее сестер, выстроенных по ранжиру перед домом на Нью-Провиденс-роуд; Кларка Рутлиджа, запечатленного в картинной позе в узких брючках; Стар Данстэн в ночном клубе у фортепьяно, поющей «Этого у меня не отнять». Единственным способом очистить тетешек от подозрений было взглянуть на снимки. Я открыл

папку и вытащил наугад три фотографии, уже зная: кто бы ни были эти люди, они не были Данстэнами.

Молодой человек в соломенном капотье поставил одну ногу на подножку, как мне показалось, «мармона». Студийный портрет девушки лет восемнадцати с челкой из прямых черных волос, с жемчужными бусами, в белом платье до середины икр и шелковых блестящих чулках — она улыбалась, глядя на свиток диплома. Снимки этих же людей в более старшем возрасте: он — в костюме-тройке, она — в шляпе-колоколе позировали за спинами двух мальчиков в матросках, одному из которых было чуть больше годика. Я вложил фотографии обратно и вытянул другие. Симптомы припадка вдруг вновь проснулись, гарантируя мне «веселое» продолжение праздника.

Наряженный в почти кукольный жакет с галстуком-бабочкой, маленький мальчик с челкой, как у его матери, сидел на стуле фотографа перед заставкой-задником, изображающей итальянский город на склоне горы. Его лицо было почти точной копией трехлетнего Нэда Данстэна с фотографии, которую дала мне мама.

Я вытащил одну из фотографий класса Эджертоновской академии, которую, как полагал Спайк, я хотел отыскать. Двадцать мальчиков-подростков стояли в три ряда на ступенях перед школой. Хмуρο глядя в объектив с самого края дальнего ряда, одинокий и несчастный, мрачный как Калибан*, стоял собственной персоной тринадцатилетний Нэд.

Выйдя из спальни, я наткнулся на Роберта — привалившись спиной к стене, он улыбался мне:

— Нетти и Мэй — идеальная пара мошенниц. А вот о Кларке могу лишь сказать, что этому человеку место в Сенате. Ничего, что я воспользовался твоим отсутствием и познакомился с родственниками, а?

— Мне все равно.

* Грубое, злобное существо (по имени персонажа «Бури» Шекспира).

Роберт взглянул на папку в моих руках и чуть прищурился:

— Это то, что я думаю?

Я рывком протянул папку ему:

— Отнеси в машину. Мне нужно вернуться в «Медную голову» до начала приступа.

— А «отложить» его никак нельзя?

— Я и так уже отложил его, как никогда, — ответил я.

— Вот видишь, ты еще кое-чему научился, — усмехнулся Роберт и исчез.

Когда я вышел на задний двор, Кларк и тети посмотрели на меня с удовлетворенным любопытством.

— Ты чего скачешь туда-сюда? — спросила Нетти.

— Да пока не началось, — сказал я. — Лучше, наверное, мне вернуться в гостиницу. Еще раз огромное спасибо за праздник. И за новую куртку — она очень нравится мне, тетя Мэй. — Тут я вспомнил о вопросе, на который не получил ответа. — Мы говорили о Тоби. А взлом какого дома в Хэтчтауне ему инкриминировали?

— А разве в Хэтчтауне сыщешь серебряные рамки для фотографий? — хмыкнул Кларк.

— Нетти сказала, что у дома его видел какой-то тип из Хэтчтауна.

— Мерзавец по имени Спелвин сказал, что видел Тоби там, в Эллендейле. В те времена такие как Тоби без крайней нужды никогда не гуляли по Эллендейлу.

— Где именно в Эллендейле? — Электрические пульсации вновь побежали по моим венам.

— Мэнор-стрит, — сказал Кларк. — Там, где в двадцатые годы стояли особняки.

— О каком именно особняке речь? — Ответ я уже знал.

— Карпентера Хэтча, — пояснил Кларк. — До сих пор не пойму, с какой стати присяжные решили, что Тоби Крафт мог быть до такой степени глуп.

Задний двор я покинул совсем не так стремительно, как это сделал Роберт.

Развалившись во всю длину заднего сиденья, Роберт спросил:

— И что ты понял из этих снимков?

— Сначала ты.

Взяв насмешливо-профессорский тон, Роберт начал:

— Фотографии эти дают нам представление о приблизительно пятнадцатилетнем периоде жизни семьи Среднего Запада с неуклонно растущим достатком. Все начинается со смышленного хулигана и маленькой красавицы, имевшей несчастье выйти за него замуж. Со временем хулиган трансформируется в нестигаемого диктатора, а новобрачная — в его покорную тень. У них рождается двое сыновей, с разницей в семь-восемь лет, которых отправляют во вселяющую ужас школу, призванную укрепить у питомцев иллюзию о том, что они суть аристократы-землевладельцы.

— Еще что?

— Старший сын очень похож на нас с тобой.

— И так же похож на Говарда Данстэна.

Роберт ждал продолжения.

— Хулиганом был Карпентер Хэтч. Девушку, превратившуюся в тень, звали Элли, уменьшительное от Эллен — как Эллендейл. Их первый сын кончил жизнь в тюрьме — там он пропал без вести, возможно, умер. Второй сын — Кобден — работал на своего отца, женился, имел сына. Всю свою жизнь Кобден Хэтч боялся, что его сын Стюарт пойдет по дорожке его старшего брата.

— Который, как оказалось, очень похож на Говарда Данстэна. А когда все решили, что он умер, кукушонок вернулся в Эджертон, назвавшись Эдвардом Райнхартом.

— Второй раз он вернулся под именем Эра Сойер. Куча народу из кожи вон лезла, не давая мне выяснить, что он был моим отцом. Нашим отцом.

— А это значит...

— Ну, не тяни, — подтолкнул я, — скажи, скажи.

— Это значит, что Эдвард Райнхарт был Данстэном, а ты и я — Хэтчи. Наш добрый папочка связал две семейки

вместе, но где же вещественные доказательства? Нэд Данстэн. Неудивительно, с чего вдруг Стюарт захватил наши фотографии и хотел выпереть тебя из города. Ты мог на репутации его семьи камня на камне не оставить. — Роберт засмеялся. — Восхитительно! Райнхарт пахал на своего племянника пятнадцать лет и так маскировался, что Стюарт ни сном ни духом не знал об этом. Стюарт знал его только по этим фотографиям.

«А как же Нетти и Мэй?» — подумал я. Нетти мгновенно бы узнала в «Эдварде Райнхарте» незаконнорожденного сына своего отца. Но «Эдвард Райнхарт» избегал Данстэнов — так же, как избегал он и Хэтчей: он даже фотографировать себя никогда не разрешал. Если б тетушки не знали, кто любовник Стар, они бы не смогли шантажировать Стюарта Хэтча, а узнать это они никак не могли.

Я свернул на стоянку на Евангельской улице — фасад отеля «Париж» приглушенно мерцал, как расплавленная лава. Острый электрический укол пронзил мой скальп, юркнул вниз по позвоночнику и в руки. Чем больше я узнавал, тем больше запутывался. Каждая новая частица информации вела в очередной тупик.

— Иди в мой номер, — сказал я Роберту. — Я сейчас приду.

— Я ничего тебе не обещаю. — Роберт испарился с заднего сиденья.

Я рванулся сквозь оглушительные звуки и пестро распускающиеся цвета улиц, пронесся через Телячий Двор. На стойке портье «Медной головы» крошечная щепочка застыла поверх нескольких слоев лака.

— На ваше имя, мистер Данстэн, получен факс, — доложил дневной портье. Взорвавшись мириадами голубых искр своей голубой рубашки, он протянул мне рулон изжелта-серой бумаги.

Я пошел к лестнице, на ходу вчитываясь в блестящие черные строчки факса. Майор Одри Арнат с удовольствием предоставляла мне... и тому подобное... с пониманием, что я обещал... и так далее. Ее подпись была со страницы

мне в глаза, громыхала, как пушечный выстрел. Я прочитал список имен с девятьсот тридцать восьмого по сорок второй год. В списке учащих сорок первого года пятым по счету шел Кордауэйнер К. Хэтч.

Роберт стоял у окна, когда я вошел. С края стола, искрясь как драгоценность, выплывала в комнату дуга «П. Д. 10/17/58».

— Получил факс?

— Кордауэйнер Хэтч, — сказал я. — Брат Кобдена. Думаю, это он убил курсанта военной школы, чтобы заполучить книгу, которую я стянул в Бакстон-плейс. — Голубые сплюхи побежали по периферии моего зрения, и колоссальное давление атмосферы сконцентрировалось в устойчивый натиск. — Ты знаешь, что мы должны сделать, Роберт.

Он поднял вверх руки:

— Ты не понимаешь. Мне это сделать намного легче, чем тебе. Я даже не уверен, сможешь ли ты выдержать это.

Я двинулся к нему. Изжелта-белая дымка, которую я бы не смог увидеть в любое другое время, струилась сквозь его тело и зависала в воздухе, как табачный дым. За секунду до того, как дойти до брата, я взял со стола экземпляр «Ужаса в Данвиче» и с силой затолкнул книгу в карман розовой куртки. Все гудело, искрилось и пыло. Я ухватился за руку Роберта, в точности зная, что мы сейчас увидим.

115

МИСТЕР ИКС

О Беспорядочная Стая, Великие Бессердечные Создания, одной рукой дающие, а другой — отбирающие, — я начинаю понимать...

Прежде всего я должен обозначить самую ключевую точку. Я знаю лишь

Это горько, мучительно, и с этой мукой только сейчас ко мне приходит осмысление.

Десятилетия минули — я свылся с Иллюзией — что Божественное и Ироническое увеселение — умозрительное — за пределами познаний Мастера из Провиденса — ошаставило обременило меня Задачей — Величественной — Убить Антагониста — а точнее — как я выяснил — Антагонистов. — Я в состоянии лишь здесь лишь отмечаю, что Кошмары — сотворенные этими Двойниками — заставили меня поверить привели меня к пониманию того, что я неправильно истолковывал Вашу Истинную Природу. Дары и Озарения подпитывали Иллюзию Вашего Слуги в том, что Он есть Избранный и находится под Покровительством — какой же я тупец БОЛВАН.

Прошлой ночью — во Тьме — мое Безумие воспарило — перед очевидностью Великого Разорения. Священное Пламя вспыхнуло обрекло на муки Небеса — а я стоял, осыпавый Пеплом — внизу...

И — объятый Ужасом и Отчаянием — получил Дар.

Я стоял, будто Вы того не знали не ведали, посреди Пепелища — словно Дым из Пушечного Жерла — исторгая Гнев — и затем проглотил — Расплавленную Субстанцию — Имя которой Время — и полетел Обратно — Богоподобный и Насытившийся — Туда, где я еще раз зарежу Ферди Данстэна, называемого Майклом Анскомбом, и Мойру Хайтауэр Данстэн, называемую Элли Анскомб, — и затем — упоенный Триумфом — уничтожу Антагонистов — Ближних...

Юмору — нет места в Вашем Царстве — Ирония — так же чужда, как Жалость. Я высмеиваю себя за то, что я оказался недостойн — за то, что я не смог узреть моей Гефсимании — моей Голгофы...

Берег Реки — несет свое Предназначение — и его Предназначение — сеять Ужас. Боль — будет Болью — Гнев — Гневом — никакого Триумфа без Испытаний. Вот мои запястья и лодыжки — Пробитые. И вот укол Меча Центуриона...

Распятие вовсе не удовольствие, позвольте заметить. Позвольте добавить, что получеловек, Негодяй и Изгой, не способен вынести большего! Я вопию — мой Вопль да достигнет Небес — они погубили мое Дело!

Вдобавок — в разгар Истребления — я понимаю — Вы — Ползучие Непристойности, и да Благословенны будут мои Раны и нанесенные Мечом Рубцы — Моя Великая Потеря и Мука — предзнаменование скорого прихода Великого Пожара — поскольку мое своеобразие невозможно отрицать — Великий Пожар следует за Дымом из Пупшечного Жерла...

Полубезумный от ярости — от обиды — вследствие раскрытия Преступления сон бежит меня — я дрожу и потею, от пота намокает одежда, я не могу есть — эти Блаженства сыплются на меня в залог Конца — когда я погибну — чтобы обрести Вечность...

Мои недруги мучают меня — я взываю к ним — как в прежние времена — у меня преимущество — моя Армия могущественней — в разведке — новую Возможность я обрел в Критической Ситуации — Врагу неизвестно мое Земное Имя — И даже больше — я узнал, что их Двое — большое Преимущество — Они не подозревают — и явят мне Одного — в то время, пока я подчиню себе Время...

А в разгаре Гнева — я залябюсь Смехом — в знак уважения к Игре...

Я кладу ручку — и закрываю Книгу — *Триумф* торопит меня — Мои Бессердечные Прародители...

. 116

За полсекунды до того, как нас унесло в Боулдер, штат Колорадо, я вновь воссоединился со своей тенью.

Как в детстве, я испытал отвращение от посягательства и вторжения, и в этот раз я почувствовал отвращение Роберта как свое собственное. Нам было уже не по девять, а по тридцать пять, и шок оказался гораздо сильнее. Однако

я стал более Робертом, чем понимал это: силы, что открыл я сам, и те, что были знакомы брату всю его жизнь, мирно поселились «под одной крышей». Снова случилось потрясающее слияние в наше с ним неразгаданное единство, а вместе с этим пришли твердость и решимость, которые никоим образом не стирали его и мою индивидуальности. Каждый из нас знал то, что знает другой, чувствовал, что чувствовал другой, однако в рамках этого симбиоза оставались прежние личность Роберта и личность Нэда. К нашему удивлению, решения принимал Нэд.

Вернувшись в тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год, мы стояли на лужайке перед домом Анскомбов, наряженные в розовые спортивные куртки с рисунком на темы игры в гольф. Чудовишной кнопкой нависла над горным хребтом луна, воздух напоен хвоей. Голубым пламенем светится окно в новой пристройке в дальнем левом крыле дома. Мистер Икс образца шестьдесят седьмого года крадется в поисках своего сына. Лучик голубого света, выброшенный словно флаг иронического приветствия, *нашим* Мистером Иксом, Кордзуэйнером Хэтчем, пробился сквозь щель между шторами гостиной. На ступенях чердачной лестницы девятилетние Роберт и я встречаемся в первый раз. Ни нынешние мы, ни демон в гостиной не видны, потому что *тогда* нас не было.

Хорошо знакомая сила поваскала нас сквозь входную дверь. В бесформенном одеянии, доходившем почти до пят, с книгой «Спокойной ночи, луна» в одной руке, волосы в беспорядке — миссис Анскомб неотрывно смотрела вниз на труп мужа. Наш Мистер Икс маячил за ее спиной, демонстрируя гротескную улыбку из-под полей шляпы. Миссис Анскомб ступила в лужу крови супруга. Фрэнк Синатра пел о том, как восхитительной ночью столкнулись сила, что необорима, и объект, что не сдвинешь с места.

Миссис Анскомб сказала:

— Говно на палочке.— Она повернула лицо к нам.— Ты кто, черт побери, Боб Хоуп?

Не видя тридцатипятилетнего мужчину, материализовавшегося у входной двери, Роберт смотрел на миссис Анскомб из кухни. Словно повинаясь моим мыслям, миссис Анскомб посмотрела в его направлении и зашла еще дальше в лужу крови. Смутное понимание пробежало тенью на ее лице, и книга шлепнулась в кровь. Она закатила глаза.

— Зачем ты делаешь это? — закричала она. — Неужели ты не видишь, что я уже в аду?

— Не надо волноваться, миссис Анскомб, — сказал Кордуэйнер Хэтч. — О вас позаботятся, очень скоро позаботятся.

Ошеломленная, она сделала еще один шаг к кухне.

— Черт возьми, да я точно в аду, — заорала она, — только сукин сын не КРАСНЫЙ — он ГОЛУБОЙ!

Черная Смерть хэтчтаунских трущоб двинулась к нам. Тошнотворная волна безграничной ярости, отравленной безумием еще более глубоким, чем безумие Эалис Анскомб, хлынула от него, как только его рассудок попытался заглотить рассудок мой и Роберта. И только сейчас я впервые осознал, что могу противостоять его воле. Роберт взвыл:

— Делай что-нибудь!

И я бросил ему:

— Погоди.

Рассудок Кордуэйнера нанес удар моему — так шквальный ветер бьется в дубовую дверь.

Это ничего не значит. Вперед!

Воздух сгустился, став твердым веществом, выдавил нас назад, через податливые стены — в маленькую комнату, заставленную картонными коробками. Кордуэйнер был в нескольких дюймах от нас. От него несло речным придонным илом. Голубой свет пробивался из гостиной, где Мистер Икс образца 1967 года бранил миссис Анскомб. Наш Мистер Икс швырнул беззвучный рев возмущения в наши умы: «Ты, разрушитель, мерзкий маленький вандал! Ты чудовище!» Из кармана плаща он вытащил нож.

Неистовый вопль и серия приглушенных шумов поведали о кончине миссис Анскомб. Молодой Мистер Икс

разочарованно взвизгнул, рванулся на кухню и оказался за пределами дома, устремившись в погоню за маленьким мальчиком, которому, как он понял, снова удалось ускользнуть от него.

— Вы, наверное, сердитесь из-за книг, да? — спросил его я.

Кордуэйнер схватил нас за плечо, крутанул и придавил к своей груди. И ткнул ножом нам в шею.

— Так вот что ты задумал? — спросил меня Роберт. — Пардон, в мои планы не входило быть прирезанным.

Я велел ему уgomониться.

— Да, можно сказать и так. Я рассердился из-за книг. — Еще на восьмьюшку дюйма лезвие вошло в нашу шею. — Утоли-ка мое любопытство. Откуда ты узнал имя Эдварда Райнхарт, а? От матери? От старого придурка Тоби Крафта?

— Столько людей мне говорили об Эдварде Райнхарте! — ответил я. — Где мы?

— Ты что, забыл Анскомбов? — захихикал он. — Не припоминаешь: Боулдер, Колорадо, а? Мы проделали путешествие во времени, в Расплавленной Материи, хотя твоим умишком этого не понять, так что мне страшно любопытно, как тебе удалось тогда от меня улизнуть. Расскажи, пожалуйста, — я весь внимание.

— Почему ты НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕШЬ? — взвыл Роберт. — Мы что, так и будем мило беседовать с мужиком, тычушим нам в шею ножом?

— Заткнись и не мешай мне, — ответил я Роберту. — А побеседовать с ним нам просто необходимо.

А Кордуэйнеру я сказал:

— Я могу назвать ваше настоящее имя. Вы найдете это невероятно интересным, обещаю. Это и для меня было сюрпризом.

— Ладно, хватит трепаться. Сейчас посмотрим, может, еще один поджигатель присоединится к нашей забаве.

Сильнейший порыв ветра ворвался в комнату, облепив розовую куртку вокруг тела. Мебель поехала по полу гостиной. Грохот поднялся такой, будто каждую тарелку и каж-

дый стакан на кухне сдуло с полок и вдребезги расколотило о стены. Окно за моей стеной брызнуло стеклом. Я передал Роберту часть своего замысла и услышал его смешок.

— Неужели ты думаешь, что тебе удалось меня одурачить?

Все в доме закружилось, подхваченное набирающим силу ветром. Окно гостиной выгнулось и взорвалось. Я почувствовал, что Роберт испытывает что-то вроде экстаза.

— Вы кого-то ищете? — спросил я.

— Вы уничтожили мои книги! Это страшное ОСКОРБЛЕНИЕ! Где он?!

— Хочу показать вам кое-что, мистер Сойер, — сказал я. — Нас могут увидеть люди. Если у вас осталась капля здравого смысла, вы уберете нож от моей шеи.

Он еще сильнее прижал нас к груди.

— Уговорил, — сказал он и, вытащив нож из нашей шеи, ткнул его в поясницу.

— *А сейчас какого черта ты делаешь?* — спросил Роберт.

Я велел ему уповать на лучшее, и мы втроем провалились сквозь пол в ставшую вдруг податливой и вязкой материю времени.

117

Я летел к какой-то цели, в достижение которой я не очень-то верил. Даже если мне удастся найти эту цель, я не мог представить, что мы там увидим.

Мир перестал кружиться. Мы стояли на хорошо знакомом пешеходном тротуаре у двухполосной щебеночной дороги. В обоих направлениях мимо катили повозки на конной тяге и старинные автомобили. Роберт орал, что не понимает, что происходит, а Кордуэйнер просто стоял, воткнув кончик лезвия ножа нам в спину. И в то же мгновение доказательство того, что мы попали в нужное место, явилось нам.

За лобовым стеклом пыхтевшего по Вэгон-роуд в нашу сторону автомобиля хмурилось безумное бородатое лицо Говарда Данстэна. С томным видом сидела рядом с ним его супруга. Когда автомобиль приблизился, мы разглядели сидевших за их спинами двух хорошеньких девушек — несомненно, Куинни и Нетти. С откидного заднего сиденья тянули шеи едва входящие в подростковый возраст Мэй и Джой.

— Это ничего не значит, — сказал Кордуэйнер. — Ничего. Иллюзия. Так кто был второй, говори, мерзавец!

В дальнем конце Вэгон-роуд, в кильватере запряженной лошаадьми повозки, доверху груженной джутовыми мешками, показался автомобиль — с виду более дорогой, чем у Говарда Данстэна. Карпентер Хэтч, на чьей физиономии уже застыла недовольная гримаса, процедил сквозь зубы замечание, заставившее и без того уже потерявшую присутствие духа Элли втянуть голову в плечи. На заднем сиденье смотрела в окно пара угрюмых дубликатов меня и Роберта в возрасте пяти лет. Двигаясь в том же направлении позади хэтчевского и неумолимо приближаясь к данстэновскому, показался третий автомобиль — крупнее говардовского, но менее внушительный, чем ладья Хэтча. Девочки с заднего сиденья показали на Данстэнов, почти поравнявшихся с ладьей. Мэй Данстэн задержала взгляд на хмуром мальчишеском лице в проезжавшем автомобиле. Говард смотрел только вперед. Элли Хэтч, которую мы видели в последнюю секунду, подвинулась на сиденье и стала глядеть в пустое поле. В следующее мгновение обе машины разминулись, и на Вэгон-роуд началось светопреставление.

Буквально каждое ветровое стекло и фара в радиусе пятидесяти ярдов взорвались мелкими стеклянными брызгами. Колеса слетали с осей и разбегались по щебенке. Охваченные паникой лошади пятились, срывались в галоп, и влекомые ими повозки врезались во все, что было у них на пути. На дорогу из джутовых мешков сыпался карто-

фель. Я увидел, как лошадь упала и исчезла под обломками, ее длинные худые ноги молотили по воздуху. Зажим руки Кордуэйнера ослаб, и нож больше не колол спину.

Сквозь грохот столкновений неслись крики людей и визг лошадей. Когда лабя, объезжая препятствие, свернула с дороги, до меня с расстояния двух футов донеслись рыдания Элли Хэтч: то был не голос женщины, которая сейчас быстро удалялась от нас, а голос матери, запечатлевшийся в памяти сидевшего за ее спиной ребенка. Я и Роберт подчинили себе рассудок и память Кордуэйнера.

В развалинах дома на Провиденс-роуд упала на пол синешейка*; одиннадцатилетняя обнаженная девочка прижала руку к кровоточащей ране на груди и завертелась на грязном цементном полу; молодой Макс Эдисон кивнул из-за руля лимузина; «Ужас в Данвиче» выскользнул из протянутой руки мальчика в курсантской форме; мужчина в униформе произнес: «Болезнь»; на пороге дома на Честер-стрит нож вошел в живот шлюхи; мультяшные монстры низвергались с мультяшного неба; чернильная авторучка скользила по разлинованной странице; что-то утраченное, безвозвратно потерянное пронеслось по улочкам Хэтчтауна, и этим «чем-то» был Кордуэйнер Хэтч.

— *Убей его, убей его! Чего ты ждешь?!* — заорал Роберт.

Я отведал кордуэйнеровского эгоизма и иллюзии его священной миссии и подумал: «Я знаю, чем все закончится».

Жуткий визг напуганных лошадей и грохот столкновений несли с Вэгон-роуд. Я вынул нож из руки Кордуэйнера.

— Отпусти меня!

— Хорошо, я вас отпускаю, — сказал я и отпустил его. Роберт завизжал, протестуя.

Пошатнувшись, Кордуэйнер отступил назад и рассмеялся:

* Маленькая певчая птица с синей спинкой и каштановой грудкой и шеей.

— Слабак, куда тебе удержать меня! — Он взглянул на пустую, без ножа, руку. — Думаешь, он мне нужен — нож? Да ты ничто без своего брата.

— Что вы видели? — спросил я. — Вы видели себя?

Он кинулся на меня. Когда Кордуэйнер в меня врезался, я увернулся в сторону и, чтобы погасить рывок, обхватил его руками. Так, втроем, мы повалились через люк сбоку от тропинки.

118

Продолжая двигаться по инерции после своего броска, Кордуэйнер Хэтч вывернулся из моего захвата и ударился об стол в номере «Медной головы». Застонав, он закрыл лицо ладонями.

— Осваивайтесь, — предложил я ему.

Кордуэйнер опустил руки, огляделся вокруг и смахнул с головы шляпу. Призрак Эдварда Райнхарта просвечивал сквозь его опустошенное лицо.

— Даже в неженке есть капля боевого духу. — Он посмотрел через плечо и попятился к стене, взвешивая свои возможности.

— *Убей его!* — торопил Роберт. — Он сбит с толку, он не понимает, что произошло.

— *Погоди, ему будет намного хуже,* — ответил я Роберту. — *Потерпи.*

Кордуэйнеру же я сказал:

— Помните тот день? Вы в курсе, что случилось на Вэгон-роуд?

Я видел, как Кордуэйнер пытается «прозондировать» меня. Он опустил свою шляпу на стол, пародируя дипломатичный жест, — якобы он попался, и следующие его слова подтвердили это.

— Давай заключим временное перемирие. Это последнее, на что я рассчитываю, но сейчас у нас есть интересная возможность выслушать друг друга. Я хочу, чтобы ты опи-

сал свои фантазии. Когда выскажешься, я опишу реальное положение вещей. Реальность до глубины души *поразит* тебя. Принимая во внимание то, что ты сделал со мной, мое предложение — неопишуемая щедрость. Однако заверяю тебя: как бы то ни было, за свое грязное преступление ты заплатишь.

Роберт сказал:

— *Давай придавим его — чтоб завизжал.*

— *Ему придется визжать, не волнуйся,* — ответил я. — *Сейчас наступят самые страшные мгновения в его жизни.*

— Похоже, я не угадал, — сказал я Кордуэйнеру. — Мне думалось, вы так разгневаетесь, что будете ни на что не способны.

— О, ты прав, ты *разгневал* меня. И я со всей серьезностью заявляю: ты сильнее, чем я предполагал. Однако нет смысла продолжать эту дискуссию без твоего брата. Ты утратил фактор неожиданности, на который рассчитывал, так что давай, зови сюда брата.

— Сегодня утром я брата своего ликвидировал. Он мне только мешал. Хотите послушать мои фантазии, как вы это называете, — я вам сейчас кое-что покажу.

Кордуэйнер обеспокоенно всмотрелся в мое лицо. То, что он увидел, убедило его, что я говорю правду.

— Мои поздравления. Почему бы тебе не рассказать мне, что такого важного ты увидел в нескольких древних столкновениях на Вэгон-роуд?

В этот момент я почувствовал почти то же, что и Роберт, требовавший прикончить его:

— А может, это вы мне расскажете о доме на краю леса Джонсона?

Лицо Кордуэйнера скривилось в самодовольной и зловедшей улыбке:

— Ты все равно не поймешь. Куда тебе.

— Тогда я сообщу кое-какие факты, вам, вероятно, не известные. Карпендер Хэтч купил участок с этим домом у дочерей Говарда Данстэна. Именно там провел всю свою жизнь Говард и, когда дом сгорел, сам погиб в огне.

Кордуэйнер шагнул к столу, опустил ладонь на спинку стула и поднял глаза к потолку. Он решил подыграть мне:

— Вот как? Полный абсурд. Человек, которого я считал своим отцом, купил ту землю, чтобы построить дома для, как он это называл, «поднимающейся пены» — отбросов общества. Данстэны не имели никакого отношения к той собственности. Они свили себе гнездо на Випиневой улице, плодились там и никогда оттуда не выползали. — Сейчас в его словах звучало то же сумасшедшее торжество, с которым он рассказывал мне о секретных посланиях у Лавкрафта. — В том доме обитало Божество.

— Говард Данстэн и был кем-то вроде Старшего Божества, — сказал я. — И самое интересное — в том, *что* он сделал с вами.

Рот Кордуэйнера открылся и закрылся в беззвучном смехе.

— Вам весело? — спросил я.

— Я трепещу в благоговейном страхе. Мать набила твою голову паразитической чепухой.

Я вытащил из папки снимок с Говардом в воротничке-стойке со скошенными концами, в застегнутом на все пуговицы жилете и пустил его по столу к Кордуэйнеру — тот улыбнулся фотографии с презрительной небрежностью.

— Перед вами Говард Данстэн, — пояснил я. — Ваш настоящий отец.

— Это ты сам придумал или сумасбродка Стар сочинила?

Следом за первой я пустил ему фотографию Карпендера Хэтча.

— Какого из этих двух мужчин вы могли бы назвать своим биологическим отцом?

Кордуэйнер едва взглянул на снимки:

— Сомневаюсь, что ты поймешь меня, но все же скажу: мои истинные прародители не с планеты Земля.

— Позвольте пару слов сказать о вашей единокровной сестре Куинни, — продолжал я, — первой из четырех дочерей Говарда. Куинни не могла читать чужие мысли и в мгно-

вление ока переноситься из одного места в другое. Она не беспокоила себя тем, чтобы открывать двери или подниматься по лестницам — она просто *шла и проходила*. Это талант Данстэнов — наряду со способностью проходить сквозь стены, и достался он ей от Говарда. Когда Мэй Данстэн, сестра Куинни, была девицей, ее ухажер попытался изнасиловать ее. Она превратила его в лужу желчи.

Лицо Кордуэйнера дернулось. Опущенные глаза поднялись, чтобы встретиться с нашими.

— Это Мэй устроила светопреставление на Вэгон-роуд. Как только она увидела вас, она поняла, что вы — сын Говарда. Очень уж вы на него были похожи, чтобы быть кем-то другим. Взгляните на фотографию, Кордуэйнер. Все наши таланты мы с вами унаследовали от Говарда Данстэна.

— Она превратила человека в лужу? — Кордуэйнер смотрел в упор от дальнего конца стола. — Ты можешь утверждать, что это факт?

— Я уже не знаю, что есть факт, а что — нет, — сказал я. — Ни одному из нас не свойственно иметь дело с фактами. Только вместо Г. Ф. Лавкрафта у меня есть вы.

Уголки его рта подогнулись, он отвел глаза. И вновь я заметил, как в какое-то мгновение его лицо стало похожим на лицо Эдварда Райнхарта:

— В чем же я ошибся? Когда назвался Эрлом Сойером? Никак не думал, что кто-то меня на этом подловит.

— Мне это удалось почти случайно, — признался я.

Кордуэйнер подвинул фотографии к себе поближе:

— Ты хочешь, чтоб я рассказал о Вэгон-роуд? Помню, как та девчонка глазела на меня с откидного сиденья. Я понятия не имел, кто она такая. Потом лобовое стекло нашей машины разлетелось, и начался сущий ад. А мой отец — мой законный отец — невозмутимо катил домой, будто ничего не случилось.

— Как ваш отец обращался с вами? — Я разобрал фотографии и нашел то, что искал, — семи- или восьмилетний Говард, а за ним — Сильвэйн с горящим взглядом.

Кордуэйнер отложил этот снимок в сторону:

— Если он не читал мне нотации, он меня просто не замечал. Я приводил его в уныние. Неудивительно: у него ведь был Кобден — его любимчик, зеница его ока! Кобден все делал правильно. Маленькое самодовольное ничтожество!

— К тому же Кобден был на него очень похож.

— Чрезвычайно любопытно. — Кордуэйнер все еще смотрел вниз — на фотографии. — Не берусь утверждать, что ты прав, но это могло бы объяснить очень многое о моем детстве. Ни мать, ни отец никогда не выказывали особо теплых чувств ко мне, однако души не чаяли в моем братце.

— Полагаю, Карпентер не позволял себе задумываться об истинном положении вещей — правда была бы слишком позорной.

— Почти поверил. — Кордуэйнер улыбнулся лежавшим на столе фотографиям. — Нет, знаешь — даже совсем поверил. Мать моя, должно быть, была более предприимчивой, чем я представлял себе. — Он поднял глаза. — И это могло бы объяснить, откуда у меня такая внешность. Я всегда был дьявольски хорош собой. Как ты. Но личности моих земных родителей... Поверь, мне это абсолютно безразлично.

— Говард Данстэн манипулировал вами. Он направил вас в лес и привел к тому, что осталось от его дома. Он *объяснял вам, что к чему*. Он убедил вас в том, что вы случайно наткнулись на конкретную книгу, и воспламенил вас фантазиями о Лавкрафте. И все это время он просто развлекался. Он играл с вами.

Кордуэйнер вновь глянул на фотографии, затем обратил побелевшие глаза и безжизненное лицо к нам:

— Нет, это природа меня учила. Великие Старейшие учили.

— Неужели у вас никогда не рождались сомнения? Не было моментов, когда вы вдруг сознавали: все, во что вы верите, пришло из коротких рассказов, написанных человеком, никогда не считавшим, будто рассказы его — нечто большее, чем страшные сказки?

— Были у меня сомнения.— Кордуэйнер говорил с безусловным достоинством, и в отличие от Роберта я почувствовал укол жалости.— Я познал Темную Ночь моей Души.

— Полагаю, время от времени даже самозванные мессии переживают подобное.

— Я не *самозванец*! — проревел Кордуэйнер.

— Нет, конечно,— спокойно проговорил я.— Вы настоящий... Данстэн. Все, во что заставил вас поверить ваш отец, было полуправдой. Говард все обустроил так, чтобы самому наблюдать, как вы пытаетесь уничтожить меня. А как пойдет игра — ему глубоко плевать.

— Что для меня очевидно, так это то, что мои отцы поиграли с тобой,— сказал Кордуэйнер.— Они беспощадны, уж поверь мне.

— Что произошло с курсантом военного училища по имени У. Уилсон Флетчер?

Кордуэйнер пристально посмотрел на нас:

— Ты и это раскопал?

— Вы испугались, узнав, что Мэй Данстэн превратила человека в лужицу желчи,— сказал я.

Я угадал: его лицо приобрело землистый цвет.

— Видать, Флетчер показал вам какую-то книгу. Или вы однажды увидели Флетчера читающим ее. Но что-то с вами вдруг произошло. Вам вдруг позарез понадобилась эта книга, так?

Я вытянул из кармана «Ужас в Данвиче». Глаза Кордуэйнера впились в обложку.

— *Есть!* — подавал голос Роберт.— *Ты его сделал!*

Тень острого чувства пробежала по бесстрастному лицу Кордуэйнера:

— Ты украл эту книгу у меня, и я требую вернуть ее. Ты понятия не имеешь, что она для меня значит.

— Верну — после того, как мы навестим Говарда Данстэна. Он нас ждет не дождется.

Я положил книгу на стол. Когда Кордуэйнер дернулся, чтобы дотянуться через стол за книгой, я ухватил его за запястье.

Неодолимо мы падали в плотный, темный и таинственный мир, который наполовину — мир Ганса и Гретель, наполовину — непостижимая тайна, как ночной лес. Я надеялся, что сейчас будет поздний вечер двадцать пятого июня тысяча девятьсот тридцать пятого года.

Кордуэйнер схватил нас за руку и дернул к себе:

— Место знакомое. Где это мы?

— Лес Джонсона, шестьдесят лет назад,— сказал я.— В эту ночь вы, маленький мальчик, спите в доме на Мэнор-стрит.

— В те годы я плохо спал,— сказал Кордуэйнер.— Человеческая жизнь была адской мукой, и я предпочитал реветь по ночам. Я постоянно мочился в постель — сознательно. По сравнению с моим твоё детство было в точности как у Матушки Гусыни.— В темноте пушечное ядро его головы словно висело в воздухе, окружая выступая над черным пальто.— Ладно, дурачь себя, если хочется. Где дом-то?

— Уже недалеко,— ответил я, понятия не имея, в какой части леса Джонсона мы находились.

Кордуэйнер вдруг схватил нас за шею и прижал к себе. Он был намного сильнее, чем я ожидал. Его рука сдавила дыхательное горло, и в ноздри наши ворвалось сдвоенное зловоние безумия и речного дна. Его рассудок крадучись пробирался по периферии моего рассудка, в точности как это делала Нетти, собираясь приподнять меня над кухонным стулом. Я захлопнул все входы и лазейки в мой разум, и Кордуэйнер хмыкнул. Зажим его руки со страшной силой перекрыл нам воздух:

— Забавно, однако: ни дома не видать, ни огней.

Как только глаза мои привыкли, деревья отделились от пелены мрака и превратились в вереницы неподвижных колонн, оштукатуренных лунным светом. Перед нами вырос большой клен, уже виденный мной, правда, не в реальности. Я захрипел, и Кордуэйнер чуть ослабил хватку:

— Что-то хочешь сказать, маленький Роберт?

— Дом впереди справа, ярдах в тридцати.

— Можно, конечно, и поверить тебе.— Зловонный дух речного дна шел от его рта, от его лысой головы — из каждой поры его тела.— Но долго ли ты собираешься ломать комедию?

Роберт весь кипел. Роберт был на пределе и вот-вот мог взорваться. Губы мои раскрылись, и Роберт произнес моим голосом:

— А что, долбаное перемирие кончилось?

— Вовсе нет,— сказал Кордуэйнер.— Я еще не объяснил, в чем суть Реальности. Ты готов признать, что ага? Ты готов выслушать правду?

— А позвольте, в свою очередь, задать вопрос вам,— просипел я.— Вас не страшит то, что вы можете увидеть?

— Да это нелепо!

— Ладно, сделайте мне поблажку, уберите руку с шеи и дайте еще пять минут,— попросил я, а Роберт добавил: — А не уберешь, так я dokonчу то, что начал в «Доме Кобдена».

— С меня должок и за это,— ответил Кордуэйнер.— У тебя пять минут, не больше. Ври дальше.

Мы пересекли открытый участок и вошли под сени клеон, знакомых мне по моим снам. Впереди, над кронами деревьев, возвышался дуб-великан. Роберт знал эту местность так же хорошо, как и я, несмотря на то что он тоже никогда не бывал здесь наяву. До меня вдруг дошло, что после тысячи повторений мы поменялись местами: теперь двигающейся в заданном направлении тенью был я сам.

— Я отвергаю самую мысль о том, что ты способен перемещаться во времени,— заявил Кордуэйнер.— Ведь это я перенес нас в прошлое на Вэгон-роуд.

— Кто ж тогда перебросил нас сюда? — спросил я.

— Не оспариваю твоей способности перемещаться в пространстве,— сказал Кордуэйнер.— Это у тебя от меня.

— Взгляните-ка направо. Секунд через десять вы увидите освещенное окно.

Мы миновали последние дубы. Кордуэйнер посмеивался над моими попытками одурачить его. Еще пара шагов — и сквозь листву показался желтый свет.

— Что за дом?

— Подойдем поближе,— сказал я.— Он не может нас услышать и ничего не видит, кроме своего отражения.

Кордуэйнер сделал несколько шагов вдоль края луга и приостановился:

— Я знаю эти стены.— Узнавание появилось на его лице, словно непрощенный гость.— Это окно очень напоминает то самое, через которое я в детстве лазал украдкой.— Он развернулся и взглянул на меня.— О, какой же ты вероломный, вероломный демон, однако я вижу твой подлый план. Ты привел меня к иллюзии дома.

— Подождите, пока не увидите того, кто в доме,— сказал я.

— Нет, это *нестерпимо*. Это *богохульство*. Под стенами, так похожими на эти, со мной говорили мои Великие Прародители. То здание было моим *университетом*.

— А вашим учителем был Говард Данстэн. Он в большой комнате с этой стороны дома. Подойдите, загляните в окно. Примите это как испытание вашей веры.

— Вера моя подвергается испытанию всю мою жизнь,— пробормотал Кордуэйнер.— Как и мое терпение. Однако столь мучительного испытания еще не бывало.

До ярко освещенного окна оставалось десять футов. На белой каминной полке у противоположной стены убогой комнаты виднелись высохший бостонский папоротник и лис, шагающий к краю стеклянного купола. Блестящие противовесы кружились влево-вправо, вправо-влево под медными часами, показывавшими одиннадцать часов тридцать одну минуту после полудня.

— Если есть здесь кто живой,— сказал Кордуэйнер,— пусть покажется.

Словно по команде в поле зрения вошел Говард Данстэн: лицо опустошенное, волосы и борода седые, но его

все еще можно было узнать — тот самый, со студийных портретов, кто вез свою семью на машине по Вэгон-роуд. Он говорил с непреклонной и монотонной размеренностью, как гипнотизер. Я знал, кто остался вне прямой видимости. Под усталым отчаянием Говарда скрывалось остроумное и расчетливое ожидание, до этого момента ускользавшее от моего внимания. У него было лицо человека, который никогда ничего не говорил прямо, никогда не совершал необдуманных поступков, никогда не открывался больше, чем того требовала необходимость, — лицо человека, отравленного одиночеством.

Будто влекомый магнитом, Кордуэйнер Хэтч нехотя двинулся вперед.

Я увидел себя входящим в сверкающую рамку и окунулся в тридцать пятый год из того полудня, когда Стюарт Хэтч махнул рукой в сторону заросшего поля и прозрачно намекнул, что его дед и Сильвестр Милтон уничтожили дом, темневший перед нами. Теперь я понимал, что Стюарт все переврал: истинную историю подарил мне Кордуэйнер. Я также понял, что буквально несколько минут или секунд назад две ранние версии Нэда Данстэна, в возрасте трех и восемнадцати лет, промелькнули перед нами и исчезли, потому что явились слишком рано и явились одни. Я чувствовал какое-то оцепенение и в то же время был достаточно рассержен, чтобы позаботиться о себе. Я что-то сказал Говарду, но он продолжил говорить, тогда я попытался остановить поток его слов вопросом: «Кто мы такие?»

Говард покачал головой и изрек: «Мы есть то, что истекло из трещины золотого кубка», а следом — что-то, что мне не удалось прочитать по его губам. Рядом со мной застыл, раскрыв от удивления рот, Кордуэйнер. Казалось, даже воздух покинул его тело. Говард двинулся в глубь комнаты и пропал из виду. Я подумал: «Он знает, что мы здесь стоим, он разыгрывает спектакль перед двумя аудиториями, каждый жест у него продуман до мелочей»...

Кордуэйнер резко шагнул назад, в замешательстве огляделся и рванулся к лесу с поразительной скоростью. Я по-

шел вслед за тучной фигурой, мелькавшей между деревьями. Он остановился, когда достиг кленовой рощи. Лицо его было размытым бледным пятном.

— Вы по-прежнему считаете, что это трюк? — спросил я.

— Мне не послышалось, он сказал: «Мы — дым из пушечного жерла»? Он говорил словно во сне.

— Думаю, да, именно это он и сказал, я помню.

Кордуэйнер издал утробный звук, словно пытался очистить легкие от постороннего вещества:

— Я читал по его губам. Он что-то сказал о золотом кубке. А потом он сказал: «Мы дым из пушечного жерла».

— Вы слышали это раньше?

— О да! Да, приходилось. Я слышал это не один раз. — Голос его чуть дрожал. — В детстве...

Откуда-то из глубины леса к нам стали приближаться тяжелые шаги. Кордуэйнер обернулся с трудом, скорбный и неподвижный, будто его шея стала единой колонной с позвоночником. Танцующий проблеск света, качаясь и подпрыгивая, двигался в нашем направлении.

— Люди из города, — сказал я. — Они идут, чтобы сжечь его. Лет за сто пятьдесят до этого то же самое произошло в Провиденсе.

— Говард Данстэн никогда не жил в Провиденсе.

— Один из его предков построил дом, который люди прозвали «Страшным домом». Сильвэйн Данстэн перевез его сюда по кирпичику.

Свет разделился: теперь ясно были различимы огни трех факелов, приближавшихся из-за деревьев. Кордуэйнер дернул меня в укрытие между двух кленовых стволов.

120

Факелы растянулись полукружьем, как огни рампы, и двигались к нам сквозь лес. Порой раздавалось шипение листьев, попадавших пламени на язык. Кордуэйнер нырнул еще дальше в лес. Он не обращал на меня никакого

внимания — его уже не волновал даже сам факт моего существования.

Вел людей Карпендер Хэтч, который теперь был старше и тучнее, чем на Вэгон-роуд. Если б не факел в руке и искаженное жаждой мести лицо, он выглядел бы типичным напыщенным толстосумом-ничтожеством, каким всегда стремился стать. В трех футах позади и по бокам от него шагала пара мужчин, разделенных как взаимным отвращением, так и социальным положением. Мрачный лысеющий мужчина лет на десять старше и почти на фут выше Карпендера Хэтча был, скорее всего, Сильвестром Милтоном. Коротышка Феррети Ля Шапель суетливо поспешал рядом, стараясь не отставать.

Мы с Кордуэйнером пробирались за дубами футах в двадцати перед ними. Тяжело дыша, Кордуэйнер наблюдал, как, высоко подняв над головой факел, человек с искаженным ненавистью лицом приближался к нам — человек, который, как думал Кордуэйнер, был его отцом. Факел Милтона вновь поджег гроздь листьев низко нависшей ветки.

— Смотрите, мистер Милтон,— сказал Ля Шапель.

— Заткнись, Коротышка,— отрезал Милтон.

Выскочив из-за дерева, Кордуэйнер стал на их пути. Трое мужчин остановились, на пару секунд опешив, будто перед ними вдруг появилась отрезанная голова.

Карпендер Хэтч, оправившись от замешательства, рявкнул:

— Убирайтесь отсюда! Это дело вас не касается.

— Он видел нас,— сказал Милтон.

— Не трясись, Сильвестр, взгляни как следует на этого старика,— успокоил его Хэтч.— Он же полоумный дегенерат,— и звонким голосом добавил: — Послушай, старина. Ты больше не работаешь на мистера Данстэна. Он серьезно согрешил и должен быть наказан. У меня в кармане пятьдесят долларов, это большие деньги, но они могут стать твоими, если ты сейчас уйдешь отсюда и будешь держать язык за зубами.

Кордуэйнер застонал и бросился на них. Милтон и Ля Шапель пустились наутек, бросив факелы. Карпендер Хэтч глянул через плечо, отскочил назад и швырнул свой в Кордуэйнера. Прежде чем Кордуэйнер успел подхватить его в воздухе, Карпендера уже след простыл. Я выскочил из укрытия и затоптал загоревшуюся траву. Кордуэйнер держал факел над головой, прислушиваясь к звукам панического отступления. Плечи его вздымались и опадали, как поршни. Я не мог понять, рыдал он или просто тяжело дышал.

Кордуэйнер резко повернулся и кинулся к дому. Попадая в пламя факела, над его головой трещали и шипели листья.

Когда я выбежал из леса, Кордуэйнер метался вдоль стены дома и кричал. На щеках его блестели слезы. Когда я приблизился к нему на шесть футов, лицо Кордуэйнера вдруг закаменело от потрясения, а затем оживилось — он узнал меня. Страдальческий рев вырвался из перекошенного рта:

— Ты знаешь, что он со мной сделал?!

— Он агал вам,— проговорил я.

Сжимая факел как копье, Кордуэйнер бросился к краю луга и там начал кружить. Он что-то искал, но я поначалу не понял этого и подумал, что старик впал в животное бешенство. На втором круге он упал на колени и выкопал длинный, гладкий, испачканный землей камень. Затем левой рукой он поднял факел и устремился назад, к дому. Проплыв по воздуху, словно диск, камень врезался в окно, расплескав стекло брызгами сверкающих осколков. Второй широкий замах — и в разбитое окно полетел факел.

Кордуэйнер завертелся на месте, вскрикивая то ли от возбуждения, то ли от непереносимой душевной муки. Он взглянул на меня, но увидел только пару факелов в моих руках: выхватив их, он поспешил к фронтону дома.

В портике загорелся свет. Оглушительно лязгнув, отошел засов, и входная дверь распахнулась, явив пустой коридор перед комнатой, в которой меж стопками книг взлетали языки пламени.

— Где он?! — вскричал Кордуэйнер.

В освещенные окна фасада я увидел седовласого Говарда, легкими шагами идущего к порогу комнаты, в которой Кордуэйнер получал свои уроки безумия. В окне над портиком показался слабый свет, струившийся откуда-то из глубины дома. Я услышал — или вообразил, что услышал, — звук, напоминающий писк летучих мышей. Узкие огненные ручейки побежали через пол кабинета и, подпитанные ночным воздухом, взвились и хлынули в коридор.

— Он идет на чердак, — сообщил я Кордуэйнеру; тот обратил на меня яростный взгляд. — Там и все остальные. Вы, наверное, слышали, как Карпентер и Элли шептались о них.

Задышавшись, Кордуэйнер проговорил:

— «Осьминог, сороконожка, что-то вроде паука...»

Мы чуть отступили от стены и взглянули наверх. Окна чердака окрасились золотисто-желтым светом.

Я полагал, что Кордуэйнер исполнит собственное пророчество и бросится в горящий дом. Но он сделал то, что изумило меня, — испустил какой-то нечеловеческий звук, в котором слышались высокомерие и радость под пеленой безумия. Мне понадобилась секунда, чтобы понять: Кордуэйнер хихикал.

— Роберт! Обидно, что у тебя не хватило ума и учтивости прочесть мои рассказы до того, как уничтожить их. Поступи ты таким образом, ты бы постиг смысл нашей ситуации. Все записано! Мы с тобой привели друг друга сюда.

Я попытался отыскать Роберта, но Роберт исчез.

— Записано? — переспросил я, теперь уже всерьез пытаюсь потянуть время. — Каким образом?

— По милости... — Лицо его осветилось восторженной улыбкой. — По милости, с удовольствием тебе сообщаю, моего гения. Какой же я был глупец. Я забраковал собственный шедевр! — Кордуэйнер начал захлебываться истерическим смехом.

Его очевидное унижение набрало силу и обратилось почти без всякого перехода в эйфорию, напугавшую меня

больше, чем все случившееся перед этим. Я отошел чуть в сторону, страшно злясь на Роберта за то, что снова бросил меня:

— Вы хотите сказать, что вы написали о Говарде Данстэне?

— Я написал о Другом, чье имя мне неизвестно. Он предал меня, Роберт, ты был абсолютно, просто гениально прав!

— Ну так присоединяйтесь к нему, — сказал я. — Если это то, о чем вы писали, займите свое место, пока не поздно!

— Ну как же ты не можешь понять?! — заорал Кордуэйнер. — Присоединиться к нему должны мы оба!

Повторяя худшие мгновения моего детства, какая-то сила, будто рука великана, оторвала меня от земли и повлекла к открытой двери. Кипя от возбуждения, Кордуэйнер устремился ко мне. Я отлетел назад футов на десять, едва успев избежать огненного объятия пламени факелов в его руках. За эти мгновения я успел собрать в кулак всю свою силу, чтобы противостоять ему. Это было — теперь, оглядываясь назад, я припоминаю, что именно так мне и казалось тогда, — словно мне удалось разбудить и включить в действие некую неактивную частицу Роберта. Когда я остановился как вкопанный у самого угла портика, за моей спиной, подобно разъяренному огромному зверю, закрутился жар, угрожая запалить мою одежду одной лишь своей близостью. Кордуэйнер тоже остановился. С расстояния пары футов он швырнул в меня сгусток той же деспотичной энергии, которая когда-то держала меня в неволе, и я почувствовал, что могу противостоять ей. От жара у меня в ноздрях закрутились волоски. Я не двигался.

Кордуэйнер взвыл от разочарования.

Лицом к лицу стояли мы, связанные патовой ситуацией, которая будет длиться до тех пор, пока один из нас не устанет. Без Роберта я чувствовал себя физически неполноценным и обреченным. И тут в голове моей открылась потайная дверь, и из обширного, темного, неизведанно-

го пространства, что было за ней, прилетел голос Стар Данстэн: «Передо мной будто мир раскрылся и поведал свою историю». С чувством, что я отдаю себя тому, чего больше всего в жизни страшился и в чем сомневался, я шагнул за порог двери — по-другому описать происходившее я не в силах. Подчиняясь воле ужасающей, неизбежной капитуляции, я шагнул в какую-то стихийную тьму, я *перешел*. Сила и мощь, об обладании которыми я прежде не подозревал и которыми никогда не желал повелевать, вырвались из самого центра моего существа и, крадучись, пробрались сквозь психический вихрь Кордуэйнера.

— Ты должен войти в дом! — выла Кордуэйнер. — Ты что, не понимаешь? Ступай!

— Это твой рассказ, а не мой, — сказал я, сделал шаг в сторону от стены и окутал его ужасающими чарами, которые я унаследовал от Говарда Данстэна. Мой старинный враг, Мистер Икс, Кордуэйнер Хэтч, распахнул рот и заверещал, как кролик, почувствовавший петлю силка на лапе. Я почувствовал, что мне тоже надо закричать, однако вместо этого... швырнул воющего Кордуэйнера в ярко пылающий дом наших предков.

Где-то внутри дома начали рушиться прогоревшие стропила. Окна чердака вспыхнули красным, затем — ярко-голубым. Я попятился от пожарища и медленно, по слогам, бездумно произнес имя Роберта. Рев пламени заглушил мой голос. Еще одна балка с грохотом полетела на пол. Темное покрывало ночи гасило прорывающиеся сквозь крышу языки пламени. Я приказал себе вернуться в «Медную голову».

121

Меня всего колотило, и запах гари влез в одежду. Я положил руки на стол. Когда они перестали дрожать, я вытащил из кармана библию Кордуэйнера Хэтча. Как и от моей одежды, от нее несло распадом. Открыв книгу наугад, я прочитал первое предложение, на которое наткнулся взглядом:

«...Осьминог, сороконожка, что-то вроде паука, но тела их венчало то, что наполовину напоминало человеческое лицо, и...»

Я швырнул книгу на стол.

Фонтан на Телячьем Дворе отражал немощный свет фонаря. Путешествие из реального мира и обратно отняло у меня часа два. Тщательно вымыв руки и лицо, расставив фотографии в папки, я спустился вниз.

Ночной портье старался не смотреть на мой пиджак:

— Вам сообщение, мистер Данстэн. Я только что собирался отнести его вам.

— Прочтите, — попросил я.

Подняв брови, он потянулся под конторку и развернул листок бумаги:

— «С днем рождения. Я звонила Нетти узнать, там ли ты, и она проболталась. Хочешь чудный подарок? Приезжай ко мне. Лори». — Клерк умудрился так прочитать записку, что каждое слово звучало похабно. Он свернул бумажку и протянул ее мне с преувеличенно ироничной любезностью. — Не будете ли вы так добры, заберите, пожалуйста, этот милый сувенирчик себе!

У кромки подъездной дорожки дома Лори передними колесами на траве лужайки стоял небрежно брошенный «мерседес-500SL» Стюарта Хэтча. Я быстро обошел его, подбежал к входной двери и вошел в дом.

Я увидел Поузи Феабразер с Кобби на руках внизу лестницы. Мальчик словно закаменел — его сковал испуг. В кухне орал Стюарт, но слов я разобрать не мог. Кобби потянулся ко мне, я взял его на руки и прижал к груди. Я чувствовал, как бьется его сердечко.

— Позвонить «девять-один-один»? — шепотом спросил я у Поузи.

О кухонную стену разбилась тарелка. Следом послышался пьяный рык Стюарта. Еще одна тарелка... Кобби заплакал.

— Я займусь этим, — сказал я. — Кобби, иди к Поузи, хорошо?

Мальчик кивнул.

— Вот так.

Поузи укрыла его в своих объятиях и понесла наверх.

Я вошел в кухню. Стоявшая у разделочного столика Лори взглянула на меня, дав понять, что напугана, но владеет собой. Осколки тарелок усыпали пол между ней и Стюартом Хэтчем — широко расставив ноги, чтобы не качаться, тот стоял рядом с разбитой китайской горкой. Его красивая итальянская рубашка на спине была мокрой от пота.

— Когда ж ты перестанешь лгать мне?! — орал Стюарт.

Схватив третью тарелку, он швырнул ее в стену в пяти футах слева от Лори. Лори вновь глянула на меня, и Стюарт обернулся. Взмокшие от пота волосы облепляли голову, а белки глаз были красными.

— Убирайся к чертям из моего дома! — Затем он прислонился спиной к столу и улыбнулся. — Бог ты мой, Данстэн, надо быть совсем без мозгов, чтобы носить такой пиджак.

— Кобби очень напуган, — сказал я. — Может, вам лучше вернуться к себе домой?

— А Кобби-то здесь при чем! Эта сучка разбила мне жизнь! — Он ткнул в моем направлении пальцем. — А ведь ты в курсе, а? — Стюарт сделал почти незаметный шагок вперед. — Жену мою охмурить, меня засадить в тюрьму — таков твой план?

— А ты собираешься сесть в тюрьму, Стюарт?

— Мне крайне неприятно, *чрезвычайно* неприятно говорить об этом, но, возможно, мне предоставят такую честь. Эштон сделала невозможное, и мы знаем, как это ей удалось, не правда ли? Я человек здравомыслящего, и мне всего лишь хотелось бы услышать правду — для разнообразия. — Пьяное бешенство делало румянец на его лице гуще.

Стюарт был близок к тому, чтобы вновь утратить контроль над собой, и мысль об этом ему была по душе. Потеряв самообладание, он почувствовал бы себя лучше, чем в настоящий момент.

— Я никак не возьму в толк, — продолжил Стюарт, — это кентуккское ничтожество связывает меня с делами, о которых она могла пронюхать только в одном случае — если какая-то *сволочь* втихаря дала ей информацию. А о том, что эта информация у меня есть, знал только Гринни, и он черта с два бы проболтался.

Стюарт осклабился, опустил глаза на половинку почти идеально ровно расколовшейся тарелки и отбросил ее в сторону ударом ноги в плетеном кожаном мокасине с кисточками. И захихикал как слабоумный.

— Завтра в девять утра нам предписано явиться в управление полиции для прохождения... — Стюарт задрал голову, пытаясь подобрать слово, — *формальностей* перед процедурой допроса по обвинению в совершении целого ряда преступлений. Как то: мошенничество. Уклонение от уплаты налогов. Присвоение денег обмашным путем. Неблаговидные поступки в отношениях с нашей славной почтово-сберегательной системой. Гринни наложил в штаны. Может, пустит пулю в лоб. А если пустит — может, мне скидка будет?

— Мне по душе твое участие, — сказал я.

— Ага. А мне — твое. — Стюарт потер ладонями лицо. — Давай в открытую, а? Скажи хоть, как тебе это удалось? Я сейчас вроде слепого котенка. Помоги мне.

— Стюарт, я не понимаю, о чем ты.

Он прижал ладонь к сердцу:

— Это ты в ту ночь забрался ко мне? Это не только неприлично, но и преступно, если верить федеральному закону.

— А из тебя преступник паршивенький, — сказал я. — Ты настолько дилетант, что даже не позаботился нанять себе К. Клейтона Крича.

Стюарт покачал головой и вскинул вверх руки:

— *Кричи!* Завидев его, мой папаша предпочитал перейти улицу, чем поздороваться с К. Клейтоном Кричем.

— Твой отец не был преступником, — сказал я. — Кордуэйнер позаботился, чтобы этого с ним не случилось.

Лицо Стюарта побагровело еще больше. Он перевел взгляд на Лори, и она покачала головой.

— Нет? Что ж, нет так нет. Надеюсь, что нет.— Качнувшись, он повернулся ко мне, готовый вот-вот взорваться.— А скажи-ка, наш маленький друг, я тебе случаем не рассказывал о моем покойном дядюшке Кордуэйнере? Освежи мою память.

— Да, ты говорил мне о нем,— ответил я.

— А не называл ли я тебе его имени? Сдается мне, нет.

— В этом городе о Кордуэйнере тщательно скрывается буквально все. Но я понимаю, почему ты предпочитаешь не распространяться о нем.

Стюарт качнулся назад:

— Кто тебе нацептал?

— Все тайное становится явным,— пожал плечами я.— То же касается и твоих секретов. Езжай домой, Стюарт.

— Знаешь что? Думаю, юбилейный комитет был паршивой затеей.— Он засмеялся, и смех его был похож на воронье карканье: сухой, отрывистый, напыщенный, без капли веселья.— А может, эта сука с кассовым аппаратом вместо души — я о моей дорогой женушке — все-таки не предавала меня?

— Не думаю, что в этом была бы нужда,— подала голос Лори.

— И это моя *супруга*,— сказал Хэтч. Он снова зашелся неприятным смехом: *кар-кар-кар*.— Это говорит тебе о чем-нибудь? — Сейчас он был уже на самом пороге взрыва, которого сам все это время хотел.— Ну-ка, поведай мне, о каких секретах ты тут заикнулся, Данстэн? Я, кажется, начинаю кое-что понимать: «Теплее, теплее...» Я становлюсь — как это? — во, перспективным!

— Если ты не уберешься, мне придется тебя отсюда вывести.

— Думаешь, много потеряю? — Он сделал шаг ко мне. На лице его застыла напряженная ухмылка.— Лично я — нет. А вот ты потеряешь.— Он неуклюже выбросил кулак в сторону моей головы.

Я уклонился влево и ударил его в живот.

Лори пронзительно крикнула:

— Прекратите!

Стюарт, шатаясь, отступил.

— Ловко,— проговорил он.— Знаешь мое золотое правило?

Я покачал головой.

— Никогда не дерись, если ты в хлам.

Стюарт уронил руки и шагнул к задней двери. Когда я подошел ближе, он резко крутнулся на каблуках и нанес мне мощный удар слева, наверняка сломавший бы мне челюсть, если б я вовремя не уклонился. Его кулак вцепился мне в череп. В голове зазвенело. Я заметил движение Стюарта, собравшегося довершить дело правым боковым, и упредил его ударом в живот, покрепче, чем в первый раз. Он отлетел к столику и выдавил: «Угу». Белки его глаз были почти полностью красными. Стюарт потянулся за спину, пошарил рукой в выдвижном ящичке и вытащил нож для чистки овощей.

— Вообще-то я искал кое-что более внушительное...— пробурчал он.

Лори осторожно двинулась в сторону гостиной. Стюарт, указав на нее ножом, крикнул:

— Стоять!

Лори взглянула на меня.

— Как же меня достали Хэтчи, кидающиеся на меня с ножами,— прошипел я. Разозлившись и поэтому не в силах держать себя в руках, я пошел прямо на него.— Давай, режь, крутышка, суперпривилегированный будущий каторжник.

Пытаясь не подпустить меня ближе, Стюарт ткнул ножом в пустоту перед собой. Затем качнулся вбок, на мгновение потерял равновесие и попытался восстановить его, подавшись корпусом вперед и выбросив руку с ножом в моем направлении. Я перехватил его запястье, дернул вперед и ударил ногой по лодыжке. Он повалялся ничком на

кафель и разбитые тарелки. Отдавая дань уважения лейтенанту Роули, я ткнул Стюарта по ребрам.

— Хватит! — взвизгнула Лори.

Перешагнув через Стюарта, я опустился на колени. Он замычал. Я вынул нож из его руки.

— Не убивай его! — воскликнула Лори.

— Лори, пожалуйста, не шуми, — проворчал я и вывернул правую руку Стюарта ему за спину. Затем, потянув за эту руку, заставил его подняться на колени. Еще один рыбок — и он встал на ноги.

— Черт тебя подери, Стюарт, — сказал я, — за тобой нужен глаз да глаз. — Левой рукой я крепко дал ему в ухо. — Ну что, вызовем полицию, расскажем им о том, как ты порывался зарезать меня?

— Да пошел ты! Шутки не понимаешь, — вяло огрызнулся Стюарт. — Просто от всех этих дел я сейчас немного не в себе.

Я приподнял вывернутую за спину руку Стюарта еще на пару дюймов, и он вскрикнул от боли.

— Я знаю, тебе сейчас очень беспокойно, Стюарт. Однако ты поднял на меня нож, и я не могу сказать, что мне не по душе идея сделать тебе больно.

Ногой в изящном плетеном кожаном мокасине Стюарт врезал мне по правой голени и попытался вырваться. Я резко поднял его руку вверх и услышал звук рвущихся связок и громкий хруст сустава, выворачивающегося из лопатки.

Стюарт охнул и качнулся вперед.

— Ты ему руку сломал!

— На самом деле я всего лишь вытянул ему плечо из сустава, — сказал я. — Сейчас старина Стюарт поедет в Лаундэйл и обратится в отделение скорой помощи, а там добрый дежурный доктор мгновенно вправит ему сустав. Ты ведь в состоянии рулить левой рукой, правда, Стюарт?

— Да кто меня пустит в Лаундэйл? — простонал Стюарт.

Я ткнул его в плечо. Стюарт, дернувшись, взвизгнул.

— Я могу рулить.

Толкнув его вперед, я велел ему открыть дверь. Выйдя из дома, мы подошли к «мерседесу».

— Где ключи от машины?

— В правом кармане.

Я сунул руку в его карман. Стюарт в изнеможении рухнул на кожаное сиденье, с усилием подтянув ноги под руль. Я вложил ключи ему в левую руку. Потев и кривясь от боли, он все же завел машину. Затем поерзал на сиденье, пристраивая поудобнее на руле левую руку. Хныча, он включил заднюю передачу и выехал на дорожку. Звук удара, скрежет металла о металл и звон разбитого стекла дали мне понять, что по пути он не миновал мой «таурус». Вихрем «мерседес» промчался по дорожке и вылетел на Голубичную. Один из задних фонарей машины болтался на проводах. Задняя часть «тауруса» справа напоминала измятую бумажную салфетку. Забрав из машины папки, я поднял глаза и увидел, как пристально, изучающе смотрит на меня из окна гостиной Лори.

122

Она вышла из дома и крепко меня обняла.

— Спасибо, спасибо тебе, спасибо, что пришел. Не знаю, что бы он натворил, он совсем обезумел.

Я уловил легкий, не сказать, чтобы неприятный, запах виски.

— Кобби успокоился?

— Я сказала ему, что ты помог успокоить папу. — Лори вздохнула и опустила голову мне на плечо. — Намаялся, бедный. Вот-вот заснет.

— Хорошо бы, — сказал я. — Кобби такое совсем ни к чему.

Я поцеловал Лори в макушку, и она еще мгновение помедлила, прильнув ко мне.

— Я на самом деле очень тебе благодарна, Нэд.— Она подняла на меня глаза и улыбнулась.— Ты получил мою записку?

— Да, спасибо.

— Ты не предупредил меня, что у тебя день рождения! Я узнала об этом только от Нетти.

— Не хотел добавлять тебе проблем...— сказал я.

Лори потянулась поцеловать меня:

— Пока ты не приехал сюда, твой день рождения был праздником?

Я рассмеялся:

— Можно сказать и так.

— Что ты сегодня делал?

— Тетушки устроили праздничный ужин. С тех самых пор я вроде как в бегах.

— Они, наверное, устроили барбекю. От твоей куртки пахнет дымом.— Не отнимая от меня рук, Лори чуть откинулась назад и очаровательно улыбнулась мне.— Какая на тебе *дачная* курточка.

— Мэй стянула ее мне в подарок,— сказал я.— Нравится?

— Очень. Стюарт вывел тебя из равновесия, а мне хочется вернуть тебе хорошее настроение. В розовом ты просто неотразим. Тебе нужно носить только розовые брюки, розовые рубашки и розовые костюмы с рисунком — мелкие лодочки и навигационные флаги.

Способность Лори скрасить тягостное впечатление от мерзкой сцены, обратив все в понятную нам обоим шутку, увлекла меня в ее особую ауру. Меня поразила неожиданная мысль: все, что терзало тревогой мою душу, Лори неизменно воспринимала с поддразнивающей, размывающей остроту переживаний иронией. А следом пришла другая мысль: если я воспринимаю это так, значит, я уже отторгнул себя от этого.

— Прости, если напугал тебя.

— Напугал меня *Стюарт*. Ты поразил меня.

— Не сомневаюсь, что в конце концов ты бы и сама уладила это. Я, наверное, все только испортил.

— А я сомневаюсь.— Лори опять поцеловала меня.— Когда он расколотил мою китайскую горку, я поняла, что следующими будут стаканы. Поможешь мне собрать осколки? — Она взглянула на папки у меня под мышкой.— А это что?

— Потом покажу.

Я положил папки на кофейный столик, и мы отправились на кухню, где занялись уборкой. Фарфоровые черепки и осколки пятнали пол и отдельными островками белели на столе.

Вошла потрясенная Поузи и стала наводить порядок у столика для разделки мяса:

— Кобби заснул, но мне пришлось прочитать ему почти все его книжки. Вы в порядке?

— Нэд вел себя геройски,— улыбнулась Лори.— Жаль, ты не видела. Стюарт кинулся на него с ножом.

— Овощным,— уточнил я.— Он тоже очень волновался.

Когда весь разбитый фарфор был собран в пакет, Поузи спросила, чем еще может помочь.

— Все, спасибо, больше ничего не требуется,— сказала ей Лори.

— Как хорошо, что Нэд появился вовремя и выпнул этого зверя.

Я поклонился, а Поузи послала мне воздушный поцелуй и вышла из кухни. Ее легкие шаги раздались на лестнице.

— Как думаешь, мы заслужили выпивку? — спросила Лори.

— Ага, и хотя Стюарта нам, пожалуй, не догнать, я не прочь попытаться. Похоже, у меня будет здоровенный синяк на виске, и рука болит. Теперь понятно, зачем боксерам перчатки.

Лори взяла стакан с полки и второй — из мойки, бросила в них лед и достала из холодильника литровую бутылку любимого напитка Тоби Крафта. Каждый стакан она наполнила виски на три четверти.

— А ты, похоже, успела выпить до приезда Стюарта,— заметил я.

— Разве?...— Я не разобрал: то ли она забыла, то ли сделала вид, что забыла. Тут я заметил, что она смотрит на меня с легким вызовом.— Вот оно что. Я дала тебе чистый стакан, а этот достала с полки. А... Поняла. Перечисляя тебе мои пороки, Стюарт упомянул и тяжелую стадию алкоголизма.

— Алкоголизм он опустил. Люди, пьющие столько, сколько Стюарт, не считают это пороком.

— Верно подмечено,— согласилась Лори.— Господи, пойдем присядем, а?

Она обняла меня одной рукой, и мы перешли в гостиную.

Мы устроились на длинном диване перед кофейным столиком. Большая комната показалась мне сейчас наполненной гулкой пустотой, как здание брошенного аэропорта.

— Прости, что я так визжала,— сказала Лори.— К моему огромному изумлению, я обнаружила, что мне жаль Стюарта.

Я сделал глоток скотча.

Она откинула голову на диванную подушку.

— Как думаешь, что с ним будет? Он выдержит?

— Хочешь знать, что ждет доброго старого Стюарта? — Я усмехнулся.— Я тебе скажу. Отсидев годик в тюрьме, Стюарт найдет в себе Иисуса и станет убежденным христианином. Весь оставшийся срок он будет возглавлять группы молящихся и классы изучения Библии. Когда он освободится, получит в какой-нибудь захолустной бурсе духовный сан и несколько лет посвятит тюремной пастве. Он будет рассылать сообщения для печати, и о нем будет написано много статей. Вы только представьте, потрясающая история: один из столпов общества, унаследовавший огромное состояние, совершает преступление, обретает спасение и очищение в тюрьме и посвящает себя добрым делам. Этот парень никогда не пропадет. Через три года у

него появится своя церковь и многочисленный приход. Когда он будет описывать свое прошлое, Эллендейл покажется Содомом и Гоморрой: стейки с кровью, модные машины, дорогие костюмы, цепи, кожа и кнуты. Количество прихожан возрастет вчетверо, и он купит новое здание с телевизионной аппаратурой. Потом он напишет книгу и станет завсегдатаем ток-шоу.

Пассаж о цепях и коже вырвался у меня невольно. Я никак не ожидал, что во мне накипело столько гнева.

Проницательно и слетка удивленно она смотрела на меня:

— Похоже, ты прав. А откуда взялись цепи и кнуты? По-моему, он вполне нормален и далек от садомазохизма.

— Присочинил, чтоб история получилась более сложной. Когда Стюарта посадят, я напишу ему, что вымысел куда сильнее реальности.

Лори смотрела на меня с той же глубокой задумчивостью, которую я подметил, когда взглянул на нее поверх крыши машины.

— Ты сказал, что тебя достали кидающиеся с ножами Хэтчи.

— В запальчивости...

— Это ты тоже присочинил, да? Сколько ж тогда получается Хэтчей?

«О нет!» — подумал я.

Взгляд ее почти неуловимо изменился.

— Что? Прости, не понял.— Я сделал большой глоток виски, пытаясь подготовить себя. Я не хотел готовить себя.

— Нэд?

— Ты права,— проговорил я.— Мы с тобой должны кое-что выяснить.

— Ты, кстати, собирался показать, что в папках,— звонко, почти с вызовом напомнила Лори. Сейчас она была словно армия на вершине холма: знамена развеваются, оружие наготове. Я чувствовал восторженное изумление.

— Для начала послушай, что происходило в течение последних двух дней. Я обязан рассказать тебе об этом. Ты

познакомила меня с Хью Ковентри и помогла мне узнать об Эдварде Райнхарте.

— Это то, что ты хочешь выяснить? — Знамена красиво и гордо реют на ветру.

— Это то, что нам необходимо выяснить, — сказал я.

123

Рассказ я начал с Бакстон-плейс и Эрла Сойера; покинув коттеджи, я пришел на Голубичную, где увидел имя сторожа в сборнике Лавкрафта у Поузи.

— Вот почему ты вдруг так странно повел себя, — сказала Лори. — А мы-то с Поузи гадали, какая муха тебя укусила.

— Виноват... Мне надо было уйти и подумать.

— Зато, слава богу, ты вернулся. Рассказывай дальше.

— На похоронах Тоби кто-то обмолвился, что истинным хозяином домов моих тетюшек на Вишневой улице якобы является Стюарт. Это бессмысленно. И я так и не пойму, почему они изо всех сил старались сделать вид, будто ничего не знают о моем отце.

— Мне это тоже непонятно, — сказала Лори. — А какая здесь связь?

— Я кое-что сделал, чего делать, конечно, не следовало. Обшарил платяной шкаф Нетти. Там и нашел одну из этих папок. А вторая — из дома Стюарта.

— Ты забрался в дом *Стюарта*?

— В этом не было нужды. Я взял папку, но первым украл ее он. Я лишь востребовал снимки назад.

— Значит, это он забрал фотографии твоих тетюшек?

— Забрал, чтобы они не попали на выставку.

— А остальные были у Нетти? Что ж, по крайней мере, это ты выяснил. Они держали их у себя как выкуп. Нетти и Мэй далеко не дуручки.

— Нетти и Мэй знают, как взять то, чего они хотят, — ухмыльнулся я. — Вопрос-то в другом: чего они хотят?

Лори невозмутимо взглянула на меня в ответ.

— Им, наверное, очень дороги эти фотографии.

— Я тебе покажу кое-какие.

— Наконец-то. — Лори поставила стакан и подвинулась поближе к кофейному столику.

Я вытянул из папки фотографию Омара с Сильвэйном.

— Запомни эти лица.

Следующей появилась фотография Говарда Данстэна, за ней — Кордуэйнера.

— На тебя похож. — Лори обернулась ко мне с сияющей улыбкой и вновь взгляделась в снимок. — Немного. У тебя глаза не такие бешеные.

— Это Говард Данстэн. Отец Нетти и Мэй.

— Непрост, а? А это что?

Она взяла следующую фотографию из стопки. Под прищелком сидящего на корточках десятичника в котелке двое мужчин катили тачки к сотам строительных лесов и балок, поднимающихся из грязной земли. В правом углу кадра двое других рабочих тащили охапки деревянных брусков «два на четыре» через Торговую авеню. Поодаль от стройки припарковались «форд» модели Т и грузовик с дощатыми бортами кузова. Весьма упитанный зевака в костюме из сирсакера* и канотье, как у молодого Карпенгера Хэтча, взволнованно смотрел в камеру, стоя в нескольких футах за спиной надзирателя в котелке. Углы наклона шляп и позы этих двоих сочетались четко и плавно, как стихотворная рифма.

— Это на стройке отеля «Мерчантс», девятьсот двадцать девятый год. Хью Ковентри очень нравилась эта фотография.

— И вправду, удачный вышел снимок. В нем столько движения, а два парня в шляпах — прямо анекдот.

— А вот я совсем маленький. — Я выложил перед Лори фотографию с моего третьего дня рождения.

— Боже, какой очаровательный ребенок! — Глаза ее лучились радостью. — Нет, правда, ты был не просто симпатичным.

* Тонкая хлопчатобумажная ткань типа жатого ситца с рельефными полосками.

тичным — ты была потрясающе красивым малышом. Вот кого надо было снимать в рекламах.

— Моя матушка наверняка с тобой согласилась бы. Так, а теперь кое-что из папки Хэтча. — Я показал фотографии Карпендера, хвастающегося своим новым авто, и Эллен на выпускном вечере.

— Кто эти люди? Дедушка и бабушка Стюарта?

— Правильно.

— Какая хорошенькая, правда? А вот он очень смахивает на образцового поставщика свиных бифштексов. Глянь, какие тучные бедра.

Я достал фотографию Кордуэйнера Хэтча в галстук-бабочке, глядящего из-под челки.

Лори нагнулась к снимку. Сделала глоток из почти пустого бокала и снова обернулась ко мне.

— Это ты? Не может быть. Это снято задолго до твоего рождения.

— Это паршивая овца семейства Хэтчей, — сказал я. — Дядя Стюарта, Кордуэйнер.

— Он похож на тебя.

— Это я похож на него. Лори, когда первые снимки поступили в архив, ты видела хоть один из них?

Лори закусила нижнюю губу.

— Честное слово, не помню.

— А Рэчел Милтон помнит. Это она сказала мне, чтоб я их искал.

— Не понимаю. — В глазах Лори было лишь невинное смущение. — Рэчел сказала, что я их видела?

— Нет. Сказала только, что они могут быть у тебя.

— Может, и были. Я не придавала им значения. Я ведь тогда и не знала тебя.

— Стюарт понял, кто я такой, в ту же секунду, когда меня увидел. По идее, Кордуэйнер умер еще до рождения Стюарта, и я не думаю, что Стюарт, пока он рос, где-либо видел фотографии своего скомпрометированного дядюшки, так что он понятия не имел, как выглядел Кордуэйнер, пока не собрал семейные фотографии для выставки. Не

может быть, чтобы Стюарт не заметил сходства своего дяди с Говардом Данстэном.

Лори покачала головой. Выбившаяся прядка волос упала на щеку, и она убрала ее назад рукой.

— А знаешь... — Она снова покачала головой. — Мне, кажется, надо выпить еще. Ты будешь?

Я откинул голову на спинку. Сейчас я чувствовал неуверенность — полную неуверенность. А внутренний голос подсказывал мне: *я хочу быть неуверенным.*

Лори вернулась в комнату и пошла на свое место в обход, не желая проскальзывать в тесном промежутке между столиком и мной. Она села почти в ярде от меня и сделала глоток из стакана, полного янтарной жидкости и льда.

— Я пытаюсь понять, что происходит со всеми этими фотографиями. Твои тети взяли в залог фотографии Стюарта, но почему Стюарт прячет фотографии твоих тетюшек? — Она подвинула Кордуэйнера с челкой и в бабочке к моей полосатой футболке. — Ох!.. Потому что паршивая овца был твоим отцом?

Я вынул студийный портрет Говарда Данстэна и положил его рядом с теми двумя снимками.

— Что-нибудь еще приходит тебе в голову?

Лори подалась вперед, вгляделась в лицо Говарда, обернулась ко мне:

— Если хочешь, могу показать другие снимки Кордуэйнера.

Она резко откинулась на спинку дивана и улыbnулась белой стене перед нами:

— Да мне незачем их смотреть. Кажется, я поняла, почему Стюарт хотел припрятать снимки.

— А мне кажется, он дал моим тетюшкам много денег, — предположил я.

— Нет, Стюарт вовсе не такой поборник равноправия, — рассмеялась Лори. — И не станет прыгать от радости, узнав о кровной связи между его семьей и Данстэнами. Он сделает все, чтобы скрыть это. — В глазах Лори искоркой блеснула мысль, и она резко подвинулась ко мне,

изучая твердую убежденность.— Твои тетки знали об этом с самого начала!

— Думаю, да, но они боятся, что в глаза не видели Эдварда Райнхарта. А если и видели, как они могли знать, кто это?

— Да это совсем не важно как! Они знали! Разумеется, они не могли сказать об этом Стар — никогда: это была их тайна. А Стюарт пытался заставить тебя убраться из города прежде, чем ты начнешь что-то понимать.

— Но зачем ему отваливать целое состояние моим тетушкам за три старых дома? Ни за что не поверю, что он настолько печется о репутации своей бабушки.

— Стюарт сноб. Ему нравится быть великим и могучим Хэтчем. И он готов потратить целое состояние, чтоб отстоять это.

— У меня такое ощущение, что я шел, шел, дошел до конца пути и там узнал, что *это совсем не конец*.

Лори поерзала на диване, вытянула ногу и положила локоть на спинку дивана. Затем опустила голову на руку и стала ждать, что я скажу дальше.

— Я не знаю, что говорить,— сообщил я ей, оставляя невысказанным самое важное.

— Расскажи что-нибудь о Хэтчах, кидающихся на тебя с ножами.

Я проглотил почти обротившееся в воду виски и гладкие тонкие льдинки.

— Честное слово, Лори, если я расскажу тебе все, ты решишь, что я либо лжец, либо сумасшедший.

Ее колено плавно проплыло над диванной подушкой, и икра опустилась на край дивана. Она стала покачиваться из стороны в сторону, подперев ладошкой подбородок. Сочувственная решимость была на ее лице.

— Ты встретил своего отца, этого Эдварда Райнхарта. Кордуэйнера Хэтча, так? И он бросился на тебя с ножом. Это было в Бакстон-плейс?

— Умница.

— Я просто умею слушать. Где это произошло?

— В нескольких местах.— Я улыбнулся ей.

— Ты встречался в нескольких местах со своим отцом. И по причинам, которые еще предстоит объяснить, джентльмен пытался от тебя избавиться.

— Лори,— сказал я.— Ты меня прости, но это пустая затея.

— А поскольку ты сейчас здесь, этого ему не удалось. Могу ли я предположить, что избавиться удалось тебе — от него?

Я рассказал столько, сколько мог.

— Он сам от себя избавился, как только выяснил, что он сын Говарда Данстэна. Это все, что я могу тебе рассказать.

Лори не двигалась.

— Где-то в Эджертоне или его окрестностях покоится тело Кордуэйнера Хэтча. В конце концов тело обнаружат. А спустя недолгое время идентифицируют.

— Этого не случится,— сказал я.— Поверь мне.

Ее ладошка отпустила подбородок; предплечье скользнуло вниз по спинке дивана; колено передвинулось к краю подушки. Лицо Лори приблизилось к моему — я прочел в нем неверие и неприятие.

— Все, что ты говоришь, настолько *туманно*. Ты хочешь, чтобы я тебя поняла, но мне становится все труднее и труднее. Постарайся довериться мне, чтобы — по крайней мере — рассказать, куда ты ходил.

Шевельнувшаяся в душе едва знакомая мне враждебность сделала меня неосторожным. Лори Хэтч склонилась надо мной, будто не заслуживающий доверия ангел, и в этот момент я хотел не открыть ей тайные стороны моей жизни, а отплатить за то, что она не заслуживает доверия.

— Я сделаю больше... Я покажу.

— Покажешь? Нэ, я сегодня больше никуда не хочу ехать.

Я вытянул руку, не в силах остановить себя, не в силах предотвратить непоправимую ошибку.

— Поставь стакан и возьми меня за руку.

Медленно, не отрывая взгляда от моих глаз, Лори опустила стакан на столик. Я думал, что она была способна понять намерения мужчин с тех пор, как стала жить с Морри Бюргером. А к тому времени, как Лори переехала к мистеру и миссис Диринг, ее проницательность и дальновидность мгновенно схватывали все, что было слева, справа и позади. С тех пор она всегда умела различать скрытое и то, что скрыто за этим скрытым.

«Если хочешь меня узнать,— подумал я,— придется тебе узнать и это».

Лори Хэтч крепко ухватила меня за руку, и с привычным ощущением провала сквозь дыру в земле, я утянул ее в то, что она никогда не сможет постичь и принять. Мы остановились на углу Торговой и Пэддуил-роуд, неподалеку от места будущей конторы К. Клейтона Крича. Здания из старого песчаника все еще оставались коттеджами для одной семьи с индивидуальным выходом в парк через высокие железные ворота. На той стороне улицы, прямо напротив, у обочины рядом со строительной площадкой стояли «форд» модели Т и грузовик с дощатыми бортами.

Два первых этажа укрывали строительные леса. По лесам сновали вереницы рабочих, они выходили и скрывались в недрах стройки. Перед фронтоном будущего здания мужчина в котелке орал на двух парней у чана с цементом; прямо напротив железных ворот в парк на нашей стороне авеню два человека выгружали с подводы бревна. Мужчина в канотье и костюме из сирсакера, не искажавшего его сходства с президентом Гарфилдом или Лучано Паваротти (в зависимости от вкусов наблюдателя), вышел из-за припаркованных автомобилей и с важным видом направился к стройплощадке. Стоял тихий пасмурный день, скорее всего, середина сентября.

Футах в десяти от нас с Лори оказался фотограф, которому было суждено остановить это мгновение. Из-за треножника и аппарата с гармошкой-мехом размером с ящик

из-под апельсинов фотограф наблюдал, как рождается его композиция. В одной руке он держал вспышку, в другой — черный покров, приделанный к тыловой части камеры. Он сильно походил на фокусника.

Лори замерла на тротуаре, прижимая свободную руку ко лбу.

«Ты хотела ответов? — подумал я. — Оглянись вокруг».

На ее лице появился нездоровый румянец, глаза были неподвижны.

— Постарайся, чтоб тебя не вырвало,— попросил я.

— Меня никогда не рвет.— Лори подняла голову.— Где мы?

— Угол Пэддуил и Торговой,— ответил я.— Тысяча девятьсот двадцать пятый год. Оглянись.

Все участники сцены двигались к кульминации. Гарфилд-Паваротти обогнул угол и остановился позади десятника, чей рык на работах, уже покотивших свои тачки обратно от бака с цементом, перекрывал шум стройки. Пригнувшись, фотограф нырнул под черный покров. Рабочие лесопилки закончили разгружать подводу, подставили руки под дюжину брусков и зашагали через авеню. Парни, замешивающие цемент, согнулись, как горняцкие пони. Десятник скрестил руки, выпятил грудь и, расставив пошире ноги, встал в позу. Тяжеловес в костюме из сирсакера тоже скрестил руки, выпятил грудь и расставил ноги. Под черным покровом и фотограф расставил ноги, прильнув к видоискателю. Рабочие приблизились к стройке и подняли на нее глаза. Ряд ламп-вспышек полыхнул желтым пламенем и резким, отрывистым «хлоп!».

Лори подскочила. Тачки покатались вверх по сходням к лесам; люди с бревнами перешли улицу. Зевака в канотье стал обходить десятника, десятник продолжил орать во всю глотку на «горняцких пони». Фотограф вынырнул из-под покрова и согнул в поклоне спину.

— Нэд, не надо... Нэд, *пожалуйста*... — прошептала Лори.

В то же мгновение вокруг нас выросли прежние стены комнаты. Нетвердой походкой обогнув кофейный столик, Лори опустилась на пол в футах от дивана. Она свернулась калачиком и прижалась щекой к коврику, как мистер Майкл Анскомб в последние мгновения своей жизни. Я опустился рядом на колени и погладил Лори по спине. Она отмахнулась.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил я.

— Нет.— Она проползла вперед, забралась на диван и вытянулась без сил. Минуту спустя села и хлопнула рукой по подушке:

— Я едва не нарушила свое золотое правило и не заблевала весь ковер.

— Как голова?

— Вернулась на место.— Лори наклонилась вперед, взяла со столика свой стакан, затем откинулась на спинку и прижала стакан ко лбу. Глаза ее были закрыты. Она вытянула ноги. Стакан опустился к губам.— Хочу еще раз взглянуть на этот снимок.— Лори рывком подалась вперед и стала ворошить фотографии. Мне показалось, что веки ее чуть припухли.— Две минуты назад мы стояли на этом самом месте.

— Опустись мы по времени чуть ближе, и попали бы в кадр,— усмехнулся я.

— Я ничего не понимаю, но точно тебе скажу: мне это очень не нравится,— сказала Лори.

— Мне, кстати, тоже.

Лори откинулась на спинку и выпрямила спину:

— Но ведь ты *сделал* это. Ты *сводил* меня туда. Здесь что-то *не так*.

— Это не может быть «так» или «не так», хорошо или плохо,— сказал я.— Тебе правильнее было бы сказать «ненормально». Или «неожиданно, непредсказуемо».

— «Неожиданно»! — Все лицо ее ровно залил яркий румянец.— Почему ты не предупредил меня, что собираешься сотворить?

— Да потому что ты бы мне не поверила.

Во взгляде Лори снова появилась внимательно-настороженная пронизательность. Она опять полностью контролировала себя. И то, что она чувствовала себя так, будто у нее расстроился желудок, ничего не значило. Она видела все, даже гнев, на который я закрывал глаза.

— И часто ты такое вытворяешь?

— Стараюсь как можно реже. И скорее всего, больше мне это делать не придется.

— Это то, что ты унаследовал от Кордзуэйнера Хэтча?

— От его отца,— сказал я.

— Давай сегодня не будем об этом, я больше не могу,— попросила Лори.

— Как скажешь.

Я начал засовывать фотографии обратно в папки, чувствуя себя так, будто мой мозг зажали в тиски и били по нему молотком. Лори подтянула колени к груди, опустила на них подбородок и безмолвно наблюдала, как я ухожу. Словно в бреду, я миновал входную дверь, забрался в «таун-рус» и, очнувшись, взглянул на часы. Тридцать пятый день рождения стал достоянием истории. На обратном пути в город мне пришлось съехать с шоссе и поспать часок.

124

Офицер Трехэфт внимательно наблюдал за тем, как я обхожу мертвый фонтан, будто ожидал, что я вот-вот дерну от него наутек.

— Похоже, у меня гости,— приветствовал его я.

— Капитан Мьюллен и лейтенант Роули ждут вас, сэр.

— О чем, интересно, они хотят побеседовать?

Трехэфт моргнул:

— Полагаю, это имеет отношение к вашему визиту в управление нынче вечером, сэр.

— Ага, понятно. Давно ждете здесь?

— Пару минут.

В фойе гостиницы ночной портье поманил меня рукой. Навалившись грудью на конторку, он заговорил, почти не двигая губами:

— В ваш номер поднялись два копа. Если хотите слить, черный ход там.— Он вытянул мизинец и показал им за конторку: несколько ступенек спускались в узкий коридор.

Я дал ему банкноту в пять долларов и выложил на конторку книгу Лавкрафта и папки с фотографиями:

— Пожалуйста, придержите у себя это, хорошо?

Портье пожал плечами, и конторка опустела.

Когда я вошел в свой номер, лейтенант Роули поднялся с края кровати. Капитан Мьюллен устало кивнул мне с дальнего конца стола.

— Присаживайтесь, прошу вас, мистер Данстэн.— Он указал на стул напротив.

Пальцы мои нащупали рельефную каллиграфию «П. Д. 10/17/58», и я услышал, как мама говорит мне: «Если б я могла петь так, как играл на альте тот человек, Нэдди, я б заставила время замереть навеки...»

— Чем вы занимались до прихода в управление?

Роберт, похоже, порядком потрудился.

— Катался.

— Катались.— Роули толкнул бедром ножку стола.— Ваш маршрут не пролегал через Эллендейл?

А я все слушал голос Стар: «Знаешь, поначалу-то эта группа мне даже не понравилась. Это был квартет с Западного побережья, а я никогда особо не любила джаз с Западного. А потом вдруг вышел этот с альтом, похожий на аиста, оттолкнулся от фортепьяно, поднес к губам инструмент и заиграл “These Foolish Things”. Ох, Нэдди, это было словно...»

— Может, и пролегал,— кивнул я.

— Примерно в двадцать два тридцать Стюарт Хэтч обратился в отделение скорой помощи больницы Лаундэйл,— сообщил Мьюллен.— Он утверждает, что застал вас

и миссис Хэтч в интимной ситуации и вы бросились на него с ножом.

— Вы носите с собой нож? — поинтересовался Роули.

— Мистер Хэтч также заявил, что во время последовавшей затем стычки вы вывихнули ему плечо и всячески оскорбляли его. Он хочет, чтобы против вас были выдвинуты обвинения.

«...ты попал в такое место, о котором и слухом не слыживал, но тебе там уютно как дома. Он ухватил мелодию буквально за мгновение до того, как коснулся губами мундштука, и повел ее выше и выше, и все, что он играл, так сладко ложилось на душу — будто сказка...»

— Мне плевать, чего хочет Стюарт Хэтч,— сказал я.— Ничего у него не выйдет. Он все переврал.

— Мистер Хэтч вывернул плечо *вам*?

— Данстэн, покажите нож,— велел Роули.

— Ножа у меня нет.— Я рассказал им о поездке в Эллендейл и завязавшейся драке с пьяным Стюартом Хэтчем.— И тут он лезет в ящик буфета и достает оттуда нож для овощей. Он сказал что-то вроде: «Жаль, я искал что-нибудь более внушительное», и кинулся на меня. Я сбил его с ног и вывернул ему плечо. А еще я врезал ему по ребрам, потому что к этому моменту был уже в не очень хорошем настроении. После чего я вышвырнул его из дома. Стюарт намеренно врезался во взятую мной напрокат машину и рванул в Лаундэйл со скоростью миль сто в час. Удивительно, как глупо он себя вел. Всему этому была свидетелем его жена.

— Уровень содержания алкоголя в его крови превышал допустимый в четыре раза,— сказал Мьюллен.— По сообщению офицера, бравшего показания у миссис Хэтч, слово, которое ее муж применил, когда увидел нож для разделки овощей, было «импозантное», а не «внушительное». «Жаль, я искал что-нибудь более внушительное». Чувствуете разницу?

— Капитан,— сказал Роули,— они ж сговорились. Мистер Хэтч застукал их в постели, и Данстэн схватился за нож.

— Офицеру, допрашивавшему миссис Хэтч, показали мусорную корзину, полную осколков тарелок. Думаю, мы можем отклонить обвинения мистера Хэтча.

— А вы и там уже побывали?

— Мы в состоянии передвигаться достаточно быстро, когда надо.

«Нэдди! — раздался мамин голос. — Передо мной будто мир раскрылся и поведал свою историю. Я словно взмыла к небесам».

Хриплым голосом Роули проговорил:

— Странное дело, этот парень вдруг оказывается всюду, где бы мы ни появились. Уже два дня никто не видит Джо Стэджерса, а мы знаем, что Стэджерс охотился за ним. Как вы думаете, Данстэн, что стряслось со Стэджерсом?

— Заявление о его пропаже, по-моему, еще никто не подавал.

— Нет, ну ты подумай, каждый раз Данстэн выдает алиби, и все алиби подтверждают женщины. Беды мистера Хэтча, похоже, ветром унесет, а Данстэна ветром унесет еще раньше. И наладится нормальная работа. Кого ж выгоднее припереть к стенке, а, капитан?

Мьюллен хлопнул ладонями по животу и поднял изучающий взгляд к потолку:

— В общем... Лейтенант, думаю, могу вас отпустить домой на ночь. Передайте офицеру Трехэфту, что он тоже свободен.

— Подумайте хорошенько, капитан.

— Спасибо за работу, лейтенант. Увидимся завтра.

Мертвые глаза оторвались от Мьюллена, остановились на мне и вернулись к Мьюллену.

— Как хотите, капитан. — Уходя, лейтенант хлопнул дверью.

Теперь Мьюллен впери в меня тот же бесстрастно-изучающий взгляд, который только что был обращен к потолку:

— Станный вы человек, мистер Данстэн.

— Да, мне уже говорили.

Холодная улыбка Мьюллена сообщила мне только то, что Роберт действовал невероятно бездумно.

— Полагаю, вы догадались, что я хотел бы сказать вам пару слов.

— Догадался.

Мьюллен сидел недвижимо. Улыбка застыла, став ледяной.

— Помните, я как-то обмолвился об одном телефонном звонке — анонимный доброжелатель обвинял Эрла Сойера в нескольких убийствах?

— Помню, — кивнул я.

— Вот почему я назвал вас странным. Ничего я про звонки вам не говорил.

— Простите, — сказал я. — Столько всего в последние дни...

— Это ведь не вы звонили?

— Не я.

— Тема, однако, в сфере ваших интересов, а?

— Не буду отрицать, — признался я, буквально ошупью пробираясь по минному полю, устроенному Робертом.

— Приблизительно в девять часов вечера вы пришли ко мне в кабинет с целью сообщить, что подозреваете Эрла Сойера в том, что он Эдвард Райнхарт. — Мьюллен поднял брови для усиления эффекта сказанного. Я кивнул. — Получается, уже двое пожелали побеседовать со мной об Эрле Сойере. Я не верю в совпадения, мистер Данстэн.

— Я думал, полиция постоянно получает анонимные телефонные звонки.

— Это было бы замечательно. Тогда этому старику не пришлось бы столько трудиться... Ладно, про звонок забудьте. Поправьте меня, если вдруг подведет память. Когда мы шли к больнице Святой Анны, вы, кажется, упомянули Клоарда Спелвина? Суконную Башку?

— С памятью вашей все в порядке. Как и всегда, я полагаю.

— В управлении вы сказали, что имя Райнхарта сообщила вам ваша мать.

Его улыбка по-прежнему была не теплее тундры, но враждебности с его стороны я не чувствовал. Сериями осторожных перебежек Мьюллен продвигался к *чему-то*, и Роули с Трехэфтом он отослал, потому что *это* должно было остаться между нами. Я понятия не имел, что Роберт сказал Мьюллену, и не мог позволить себе ошибиться. Понятия я также не имел и о том, к чему клонил Мьюллен.

— Перед своей смертью,— подтвердил я.

Вытянув ноги, Мьюллен сцепил пальцы рук на затылке.

— Посмотрим, правильно ли я все понял. Вас известили о том, что ваша мать вернулась в Эджертона и серьезно больна. Каким образом вы получили известие? Вам в Нью-Йорк позвонила одна из двоюродных бабушек?

— Позвонила, но только к тому времени я был уже в пути. У меня оставалась часть отпуска, и я решил провести ее, путешествуя через всю страну автостопом. Понимаю, это звучит крайне странно, однако идея казалась мне привлекательной. Я собирался добраться до Иллинойса, навестить тетушек, а обратно — самолетом. За два дня до смерти мамы, когда водитель грузовика, с которым вы говорили, Боб Мимз, вез меня через Огайо, я... Я не знаю, как вы отреагируете на то, что я скажу вам.

— Постараюсь понять,— сказал Мьюллен.

— Я вдруг остро почувствовал, что у мамы резко ухудшилось здоровье и что я должен поторапливаться.

— Однако мать ваша не жила в Эджертоне.

— Я знал: если мама почувствует приближение смерти, она вернется туда.

— Вы ехали через Огайо с Бобом Мимзом. У вас появилось острое чувство, что ваша мать вернулась домой, потому что поняла, что умирает.

— Понимаю, звучит странно, но именно так все и произошло.

— Что было потом?

— Мимз отклонился от своего маршрута, чтобы высадить меня напротив мотеля «Комфорт», где я познакомился с Эшли Эштон, а она вызвалась на следующее утро подвезти меня сюда.

— Когда вы наутро добрались до Эджертона, вы попросили помощника прокурора округа Эшли Эштон высадить вас у больницы Святой Анны. Не на Вишневой. У вас, наверное, появилось другое острое чувство.

— Можно и так сказать. Капитан Мьюллен, к чему весь этот разговор?

— Тому есть несколько причин. Итак, вы прошли в реанимацию. Узнали, что у матери был инсульт. Что сердце ее очень слабое. В глубине души вы понимали, что она умирает, что вы едва успели застать ее в живых, поговорить с ней. Разговор получился непростой. Каждое слово давалось ей с огромным трудом, да и вам больших усилий стоило разобрать эти слова. В сумме названные факторы делали буквально все сказанное матерью невероятно важным. Я прав?

Мьюллен продолжал пристально смотреть на меня, не меняя позы: ноги вытянуты вперед, пальцы рук сцеплены за головой.

— Говорите так, словно вы там были.

— А я и был там,— сказал Мьюллен. Он сделал еще один шаг к своей загадочной цели.— И вот в этих непростых условиях ваша мать делает кое-что непредвиденное. Она хватается за руку и говорит: «Эдвард Райнхарт». И ей удается сообщить вам кое-что об этом джентльмене.

Капитан Мьюллен сказал мне достаточно, чтобы я вздохнул с облегчением. Теперь все, на что я отвечу утвердительно, будет правильным. Мьюллен хотел убедиться, знал ли я о том, что Райнхарт мой отец. Он знал, и элементарно допустив, что Стар наверняка выдала мне информацию о неизвестном джентльмене, Мьюллен преподнесет мне все таким образом, будто я тоже якобы об этом знал. Мьюллен вел меня через лабиринт. Он выдернул из-под моих

ног дорожку, более того, подумалось мне, он выдернул ее и из-под Роберта. По каким-то своим причинам он хотел выяснить, как далеко в лабиринт я уже проник.

— Она сказала, что Райнхарт мой отец.

— И вы, наверное, решили попробовать выяснить как можно больше об этом человеке. И подумали, что помочь вам в этом может Тоби Крафт.

— Тоби был первым, к кому я с этим обратился.

— И он помог вам? В смысле, косвенно? Ну, скажем, вы и миссис Хэтч отправились в больницу в Маунт-Вернон по рекомендации Тоби?

Мьюллен хорошо подготовился.

— Он посоветовал мне поговорить с человеком по имени Макс Эдисон, а миссис Хэтч предложила свозить меня туда.

Мьюллен чуть повернул ко мне голову, не меняя позы:

— Полагаю, об Эдисоне вы еще не слыхали. В газетах об этом не было.

Я явственно представил себе труп с перерезанным горлом поперек залитой кровью кровати.

— Все было, как в случае с Тоби Крафтом, разве что рядом с телом бросили нож. В тот же день, поздно вечером. Основная версия — самоубийство. Меня устраивает на все сто. Мужу оставалось жить месяца три-четыре, и он решает выйти из игры, пока в состоянии принимать самостоятельные решения. Но вот что интересно. Местный привратник сообщил, что днем ранее с Эдисоном пытался встретиться частный детектив Лерой Пратчетт. Тот тип в черной кожаной куртке. С эспаньолкой.

— Френчи,— определил я.

— Вы склонны к подозрительности. Мне не совсем понятно, каким образом вы увязали Райнхарта с Эрлом Сойером? — спросил Мьюллен.

Я рассказал капитану о Бакстон-плейс и о том, как Хью Ковентри выяснил имена владельцев, о том, как познакомился с Эрлом Сойером и как он пустил меня в коттед-

жи, как я увидел книги Райнхарта и Лавкрафта и обнаружил имя Сойера на обложке «Ужаса в Данвиче».

Подвинувшись к столу вместе со стулом, Мьюллен из всех сил постарался сделать вид, будто очень верит в то, что говорит:

— А вы ходили туда еще раз в отсутствие Сойера?

Я покачал головой.

— И не имеете никакого отношения к сожжению книг? До меня дошло, что он хочет мне сказать.

— Вы были в Бакстон-плейс.

— Мистер Данстэн, я весь вечер убил на то, чтобы разыскать Эрла Сойера, где бы он ни был.— Мьюллен потянулся и зевнул.— Прошу прощения. Я слишком стар, чтоб заниматься подобной ерундой. Надеюсь, в скором времени на тюремном кладбище Гринхэвена выкопают гроб с останками Эдварда Райнхарта. Тогда, возможно, мы выясним, кто покойся в чертовой деревяшке. Только зуб даю, не Райнхарт это.

— Сомневаюсь...— проронил я.

— Как это называется — «сдержанное высказывание», да? — спросил капитан.— Подъем, мистер Данстэн. Нам с вами предстоит небольшая прогулка.

125

Мьюллен показал рукой на дальний конец конторки в вестибюле и ведущие к двери черного хода ступени: «Нам туда». Из двери офиса вынырнул портье и быстренько отвернулся к полке с рекламными буклетами якобы за тем, чтобы навести там порядок.

Вслед за Мьюлленом я спустился по ступеням и проследовал по цементному полу к выходу. Двигаясь неожиданно быстро, капитан резко распахнул дверь и вышел. Я перехватил отлетающую назад створку и шагнул в узкий кирпичный коридор — по-видимому, Щетинный переулок. Серое пятно костюма Мьюллена и мазок седых волос быстро таяли в темноте слева от меня.

Мне почудилось, будто я узнал двойные двери и покоившиеся дома Лавандовой, когда мы едва не бегом пересекали ее, двигаясь по Шетинной. Мьюллен остановился и повернул ко мне бледный овал своего ирландского лица:

— Давайте обсудим вашу подозрительность. Так называемый Пратчетт появляется в окружной больнице. Предположим, Пратчеттом был Френчи. Что это означает? Прентисс — он уже мертв. Следующей ночью — бац, как утки в тире: Эдисон, Тоби Крафт, Кассандра Литтл и Ля Шапель. Между нами: может быть, у вас есть какое-либо, чисто гипотетическое, объяснение всего этого?

— Если гипотетическое, то есть, — ответил я. — Хелен Джанетт говорила мне, что Френчи рос в этих трущобах. Может, Райнхарт, он же Эрл Соьер, каким-то образом запугал его в детстве. — Я пересказал Мьюллену байку Соьера о том, как «Чарльз Вард» заставлял мальчишку по имени Ноли Уилл доставлять ему раз в неделю зарплату, и историю Ноли про некоего типа по прозвищу Черная Смерть. — Может статься, Райнхарт, Соьер, или как там его, послал Френчи в окружную больницу узнать, был ли я там, и если был, то о чем спрашивал. Кто-то из персонала сообщил ему, что с Максом Эдисоном беседовали два человека, а может, Эдисон сказал, что его имя те двое узнали от Тоби Крафта.

— В наших с вами многочисленных разговорах, мистер Данстэн, вы ни словом не обмолвились об Эдисоне или Эдварде Райнхарте.

— Капитан, какими бы развеселыми ни были наши с вами встречи, они, по-моему, не имели никакого отношения к моему отцу.

— Это Эдисон рассказал вам о Суконной Башке Спелвине?

— Он, — сказал я. — Кстати, Макс Эдисон мне понравился. Он заслуживал большего, чем быть зарезанным в своей кровати, — тут я вспомнил, что мы с капитаном уговорились строить предположения гипотетические, — если все случилось именно так.

— Если именно так все и случилось, уж выкладывайте остальное.

— Соьер «позаботился» о Максе и Тоби, а потом ему пришлось избавиться и от Френчи. Он решил, что Френчи мог сказать своей подруге больше, чем следовало, поэтому убил и ее. Клайд Прентисс — не знаю... — Я вспомнил, как увидел Френчи и Кэсси Литтл в реанимации. — А может, это было что-то вроде отсроченного платежа: Прентисс мог бы немного уменьшить свой тюремный срок, указав на Френчи.

Мьюллен разозлился:

— Эрл Соьер убил четверых из желания скрыть от вас тот факт, что он ваш отец, — это вы хотите сказать?

— Он боялся, что его выдадут, и никому не доверял, — сказал я.

— Вы ничего не хотите добавить?

— А вы ничего не хотите мне объяснить? Почему вы решили, что я выполняю задание окружного прокурора или какого-то федерального агентства?

— Потому что я, скажем так, тоже никому не доверяю. — Очередная ледяная улыбка появилась и исчезла, и больше ничего мне не удалось рассмотреть на лице капитана. — Откуда же мне знать, вдруг вы вносите свою маленькую лепту в дело охраны правопорядка, мистер Данстэн... — Мьюллен развернулся и быстро пошел дальше.

Запах, напоминавший мне о доме Джой, исходил от кирпичей; шагов через двадцать Мьюллен свернул на Малиновую. В полумраке бульварники мостовой спускались к двери дома, по обе стороны которой, привалившись спинами к стене, застыли полисмены; дверь перетягивала желтая лента. Завидев Мьюллена, они отодвинулись от стены и стали по стойке «смирно».

— Вам это будет интересно.

Когда мы подошли к двери, оба копа напоминали часовых у ворот Букингемского дворца.

— Снимите, — скомандовал Мьюллен.

Окинув меня бесстрастными сканирующими взглядами, копы неторопливо убрали ленту.

Мьюллен оборвал ее остатки:

— Телефон Эрла все еще числится за Энни Энгстад, она жила здесь до него, но у шефа безопасности Хэтча остался в картотеке адрес. Мне пришлось взломать замок, чтобы получить его. Если вас заботят права мистера Сойера, то судья Грэм — один из тех парней, с кем я играю каждую субботу в гольф, — подписал ордер на обыск.

Капитан открыл дверь, и зловоние речного дна встретило нас, как невидимая стена. Он вошел внутрь и зажег свет. Я услышал, как крысы бросились врассыпную, ища укрытия.

— Бог ты мой... — невольно вырвалось у меня.

Дверь открывалась в комнату площадью двенадцать квадратных футов с низким потолком, выглядевшую так, словно в ней разорвалась бомба. Последняя резиденция Кордуэйнера Хэтча. Груды мусора, некоторые высотой по грудь, холмами вздымались на полу. Газеты висели на стенах, как застывшая морская пена. По левую от меня руку на кровати лежала куча грязных рубаш, носков, фуфаяк и тренировочных штанов. Справа, у противоположной стены, геологические слои пищевых отходов переползали через край стола и сливались с такой же субстанцией, поднимавшейся от самого пола. Тряпки, лохмотья, коробки из-под пиццы, стаканы, измятые журналы, дешевые книжки без обложек, пластиковые тарелки — словно, обогнув ножки кресла, в комнату вполз зловонный многослойный ковер, целостность которого нарушали пробитые в нем тропинки-проходы.

— Гостиная и спальная Эрла, — пояснил Мьюллен. — Прозвучит, наверно, нелепо, но я попросил бы вас ничего не трогать без моего разрешения. Кое-что из *этого* понадобится для следствия. — Он показал на заднюю комнату: — Там была его кухня и мастерская — так, наверно, правильно было бы назвать. Там еще круче. Но прежде чем мы туда войдем, загляните в кладовку.

Капитан осторожно пробрался через зловонные дебри и потянул на себя дверь. Брюки и рубашка формы Сойера висели рядом с желто-коричневой ветровкой и парой брюк цвета хаки. Одна проволочная вешалка была пуста. Форменная кепка — козырек выглядывал с полки, — мотоциклетный шлем, длинный черный фонарик, полицейская дубинка и какие-то предметы с округлыми концами, которые я не сразу распознал. С груды ботинок на полу кладовки на меня смотрели желтые глаза взъерошенной крысы.

— Брысь! — рявкнул Мьюллен и двинул ногой по ботинкам. Крыса шмыгнула в дыру в стене величиной с десятицентовик. — Вон там, справа от дубинки.

Перешагнув через рыхлый детрит*, я привстал на цыпочки и увидел ряд ножей: ножей кухонных; ножей с роговыми и деревянными ручками; ножей, прячущих лезвия в черные металлические рукояти; ножей с лезвиями, выщелкивающимися из литых или прессованных железных корпусов.

— Еще ближе, — подсказал Мьюллен.

Я потянулся чуть вперед и увидел ржавые пятна и засохшие отпечатки пальцев.

— Эрл ножички любил, — сказал Мьюллен. — Да только не заботился о чистоте орудий труда, как и о чистоте всего остального, поскольку для выхода в свет у него была униформа и пара-другая тряпок.

Я с трудом пробрался вслед за Мьюлленом к веерообразному пятну на стене в дальнем правом углу комнаты, где он выкопал из кучи хлама картонную коробку.

— К счастью, Эрл не выбрасывал сувениры. — Мьюллен поднял согнутый металлический прут, бывший когда-то частью зонтика, и с его помощью открыл картонную коробку.

Я вгляделся в путаницу наручных часов, браслетов, непарных сережек, нескольких брелков для ключей и ста-

* Продукт болезненного разрушения или перерождения живых тканей в виде кашицы.

рых бумажников, перемешанных с маленькими белыми косточками и ровной дугой фрагмента человеческого черепа с кусочком хряща.

Мьюллен ткнул фрагмент металлическим прутом:

— Не удивлюсь, если выяснится, что это часть джентльмена по имени Минор Кийес. Помните такого?

— Его забудешь, — сказал я. — Тогда меня в первый раз обвинили в убийстве.

— Маленькие косточки видите? Я так думаю, это останки отрезанных рук новорожденного, которого нашли года четыре назад. Потом установили его мать. Шестнадцати лет от роду. Шарлин Туми, симпатичная ирландочка. Со зналась, что это она бросила свою новорожденную дочку, но клялась, что та была жива и здорова. По словам мамыши, она надеялась, что какой-нибудь добрый самаритянин найдет малышку и заберет себе.

— А по вашему мнению?

— А по моему мнению, она хотела подбросить его, но в последнюю минуту сдрейфила. — Мьюллен ткнул в один из бумажников. — Собственность алкаша по имени Трубач Лик, забитого до смерти в проулке за отелем «Мерчантс» в тысяча девятьсот семьдесят пятом году. А этот вот принадлежал пареньку по имени Фил Дория, ошибавшемуся по ночам в районе Баффало-хилл и грабившего стариков. В семьдесят девятом кто-то его прирезал. Этот браслет мог принадлежать одной девчонке-беглянке, подсевшей на героин и промышлявшей проституцией на Честер-стрит, звали ее Молли Тротуар.

— Все это, наверное, заберут в управление?

— А как же. И вскоре после этого Эра Сойер, он же Эдвард Райнхарт, станет достоянием общественности. И вы, кстати, тоже, мистер Данстэн. В данный момент у нас все еще есть шанс решить, какого рода будет эта история и какую роль в ней сыграете вы.

— Не понимаю, о чем вы?

Мьюллен воткнул прут в кучу мусора. Капитан уже ничем не напоминал бармена:

— Некоторые подробности насчет того, как предпочитал действовать ваш приятель Стюарт Хэтч, могут подвести мое отделение под следствие. А я не хочу скандала. Ничего хорошего уже не будет и без обнародования дела этого Джека-Потрошителя.

— Вы хотите скрыть все это?

Я был — единственное верное слово — ошарашен.

— Даже будь я настолько глуп, чтобы желать этого, скрыть его мне не удастся. Такое не утаишь. Даже Роули смекнул, что может прикарманить еще немного хэтчевских денежек, если вытолкнет вас на свет божий. Толку от этого немного, зато стопроцентная гарантия, что от Стюарта внимание будет отвлечено.

— Вытолкнет на свет божий... — повторил я.

— Часа два назад Гринвилл Милтон собрал вещички и поехал за реку в мотель, что за Кейп-Джирардо. Он заказал два билета первого класса в Мехико на рейс в семь тридцать завтра утром из Сент-Луиса. У Милтона при себе сто тридцать тысяч долларов и «рюгер» сорок пятого калибра. Никогда не слышал про «рюгеры». Ребята типа Милтона, если покупают пушку, то обязательно выпендрятся.

— Два билета, — повторил я, — первый класс.

— Затем Милтон позвонил женщине по имени Минь-Ва Салливэн. Минь-Ва — та еще штучка. Она отказалась ехать в мотель и высмеяла его идею встретиться в аэропорту. Он сказал, что убьет себя, а она ему: «Гринвилл, будь ты взрослым мужчиной, ты бы понял, как мне это безразлично». Цитата. Повесив трубку, она позвонила нам, а мы связались с отделением полиции в Кейп-Джирардо. У них два патруля выехали по сигналу о стрельбе. Милтон стрелял из своего «рюгера» четыре раза. Убил телефон в своем номере. Убил телевизор. Распахнул окно и пристрелил неоновую вывеску напротив отеля. Затем сел на пол, сунул ствол в рот и снес себе полбашки.

— Хэтч в курсе?

— Пока нет.

— Хоть убейте, я так и не понял, к чему вы клоните,— покачал головой я.

Мьюллен осторожно обошел меня:

— Пойдемте на кухню.

126

И здесь тоже крысы, вместе с полчищами тараканов, брызнули врассыпную, едва только под потолком вспыхнула лампочка. В дальней половине помещения в каком-то испуге роились мухи над сросшимися блестящими предгорьями зеленого студня, разделенного тропинками, убегающими к уборной, раковине и двери черного хода. Дверь в уборную была приоткрыта настолько, что мне удалось разглядеть то, на что я никогда бы не желал смотреть при свете.

Словно прогалина в лесной чащобе — прямоугольник свободного места на кухонном столе слева от меня, расчищенный среди гор грязи. В центре этой «полянки» черная с золотом авторучка лежала параллельно краю тетради в переплете, точно такой же, в какой Тоби Крафт вел свой фиктивный бюджет. Над грудой мусора в дальнем конце стола на стене висела фотография в серебряной рамке. Снимок был раскрашен цветными карандашами и золотым маркером: фотография была вынута и старательно изменена, а потом вставлена обратно. Я пробрался вперед сквозь хаос, окружавший нас с Мьюлленом, остановился перед столом и вгляделся в то, что мой отец сделал с бывшим портретом Хэтчей.

Подрисованные ножи и стрелы, словно перья, торчали из Карпентера и Эллен Хэтч. Глаза супругов были вымараны чернилами, а на лицах намалеваны вампирские улыбки. Черные карандашные каракули зачеркивали маленького Кобдена Хэтча. Золотая корона разбрасывала лучи с головы молодого Кордуэйнера, золотое сердце полыхало в центре его груди.

— Картинку, вижу, вы заметили,— нарушил молчание Мьюллен.

Вот что Эрл Сойер сунул в ящик на Бакстон-плейс, вот что Эдвард Райнхарт велел украсть Тоби Крафту из дома на Мэнсон-роу.

— Скажите-ка мне, как зовут парнишку в короне.

— Эрл Сойер,— ответил я.— Эдвард Райнхарт.

— Мои поздравления, мистер Данстэн. Ваш отец и отец Стюарта были братьями, из чего следует, что вы со Стюартом — кузены.

— Похоже, Эрл не очень-то жаловал своих родственников,— сказал я.

— Достаньте этот стул,— велел Мьюллен,— разверните его и присядьте.

Я вытащил стоявший у стола стул и опустился на него.

— Итак, мистер Данстэн,— начал Мьюллен.— Только вы и я. Лейтенант Роули названивает по телефону, возводит бастионы, лезет из кожи вон, пытается подкупить или запугать, да только нет у Роули того, что мы с вами здесь обнаружили. Вы меня понимаете?

— Что известно Роули об Эрле Сойере?

И вновь ледяная улыбка:

— То, что последние тридцать лет Эрл убивает людей. Но вот один замечательный маленький факт — то, что Эрл Сойер оказался давным-давно пропавшим Кордуэйнером Хэтчем,— лейтенанту пока неизвестен.

— И мы собираемся это скрыть, так?

— Ну, скрыть это нам черта с два удастся. Все, что я хочу,— это свести огласку к минимуму и выйти на пенсию с чистой репутацией. Иначе ведь со всей страны сбегутся репортеры. Замучаешься уворачиваться от микрофонов, выходя каждый раз из управления. Это не по мне.

— Тогда зачем мы здесь?

— Если у вас есть желание помочь мне разобраться, что происходит, тогда давайте попробуем найти в этом хаосе что-нибудь полезное. Мистер Данстэн, вы доверяете мне?

— Прямого ответа у меня нет,— ответил я.

— Хорошо. Все, что вы говорите мне,— не для протокола. Обещаю. Продолжим разговор?

— Смотря куда он заведет.

— Надежда умирает последней.— Мьюллен взглянул на изуродованную фотографию.— Вы не удивились, узнав, что мальчик на снимке — Кордуэйнер Хэтч.

— О том, что мой отец Кордуэйнер Хэтч, я знал уже часов двенадцать назад.— Я рассказал капитану, как заезжал к Хью Ковентри и услышал о пропаже фотографий Хэтча. Я довольно туманно объяснил ему, почему подозревал Нетти, и описал, как нашел папку в ее спальне.— Взглянув на фотографии, я сразу понял, что Кордуэйнер — мой отец.

— Я так понимаю, Кордуэйнера нет в живых.

Я промолчал.

— Только между нами, мистер Данстэн. Если вы скажете, что убили его своими руками, я не буду выдвигать против вас никаких обвинений.

— Кордуэйнер Хэтч мертв.

— Вы могли бы сделать нам обоим доброе дело, если бы сообщили мне, где искать его труп.

— Никто и никогда не найдет его тело.

В изучающем взгляде Мьюллена не было ни капли осуждения:

— Года через два какой-нибудь парень на экскаваторе или ребенок, гуляющий в лесу, не наткнутся на его останки? И во время очередного наводнения труп не вынесет на отмель — так?

— Ничего подобного не случится. Никогда. Теперь ваш черед поверить мне.

— Вы убили его?

— А у вас случаем не включен диктофон?

Он улыбнулся.

— Скажем так, он убил себя сам.

— Позвольте задать вам вопрос совсем из другой оперы. Имеет ли хоть одна фотография из тех пропавших, включая и ваши семейные, отношение ко всему этому?

— Капитан, вы чего-то не договариваете, а?

— Попытаюсь выразиться чуть яснее. Когда Стюарт Хэтч обвинил вас в нападении на него с ножом, он также заявил, что подозревает вас в незаконном проникновении в его дом с целью поиска неких фотографий, ошибочно взятых им из библиотеки. Мне по барабану, забирались ли вы к нему, брали ли что-то принадлежащее вашей семье. Мне надо знать, показывали ли вы эти снимки Кордуэйнеру Хэтчу?

Тревожные звоночки, трепетавшие в моей душе, сделались отчетливей:

— Чего ради?

Мьюллен перед ответом чуть помедлил, а когда решился, мне понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, о чем говорил капитан:

— Как-то в детстве мама показала мне на улице Говарда Данстэна. Он уже был стариком, однако, в отличие от большинства стариков, не казался безобидным и покорным. Наоборот, он тогда напугал меня. Мама сказала: «Когда я была девушкой, Говард Данстэн одной улыбкой мог заставить тебя почувствовать, что пришла весна». Думаю, он производил такое впечатление на большинство женщин.

Потрясенный, я уставился на Мьюллена с благоговейным страхом: он знал все! Он знал все, что он *был в состоянии* узнать. С тех пор как мы с ним остались один на один в моем номере в «Медной голове», Мьюллен вел меня к цели, которую я изо всех сил старался скрыть.

— Вы слишком хороши для этого города,— покачал головой я.

— В Кейп-Джирардо о таких делах и не слыхивали. В ту самую минуту, как Стюарт Хэтч заметил вас, он сделал все, чтобы заставить вас сбежать отсюда или попасть за решетку. Но он понятия не имел, кем был Эрл, не так ли?

— Он думал, что Кордуэйнер мертв.

— Как не имел понятия и Кордуэйнер. Но я догадываюсь, кем он считал себя. Повернитесь и откройте его дневник, или как там его. У него был прекрасный почерк, скажу я вам.

Я развернулся и протянул руки к тетради. Пальцы перевернули несколько страниц, и я прочел: «И в моей жизни были Иуды, и первым из них был Суконная Башка Спелвин, на чье предательство я ответил кратким визитом в его тюремную камеру».

Ниже каллиграфическим почерком Кордуэйнер вывел: «Могу признаться самому себе: я хоть и несколько “обветрен”, но все еще хорош собой».

На предыдущей странице гневная запись прописными буквами: «Я НЕНАВИЖУ ИСКУССТВО. ИСКУССТВО НИКОГДА НИЧЕГО ХОРОШЕГО НЕ ДАВАЛО НИКОМУ».

А еще раньше: «О Великие, с которыми Ваш Раб связан общим Происхождением, если Вы вообще существуете, я смиренно испрашиваю у Вас степени признания, соразмерной моей Миссии».

Затем я отыскал последние написанные им строки: «Я положил Ручку... И закрыл Книгу... Триумф торопит... Мои Бессердечные Отцы...»

Из-за спины раздался голос Мьюллена:

— Вы показывали ему фотографию Говарда Данстэна?

Я закрыл журнал.

— Что вы собираетесь со всем этим делать?

— Замечательный вопрос. Пока офицеры, которых вы видели на посту у дверей, осматривали комнату, я зашел сюда, открыл грессбук и прочитал пару опусов. Затем приказал ребятам сторожить снаружи и пролистал до конца. Кордуэйнер Хэтч возомнил себя потомком враждебных монстров, пославших его сюда устанавливать свой контроль и порядок. Он утверждал, что может перемещаться в пространстве, входить в закрытые помещения и становиться невидимым. Что будет, если такое станет достоянием общественности? Тысячи репортеров начнут копать эти убийства. Город превратится в «Нэшнл инкуайер». Шефа снимут, за ним — меня, и мне тогда придется всю оставшуюся жизнь бегать от людей, мечтающих написать книгу об эджертонском монстре.

— Как вещественное доказательство дневник вам не нужен?

— В этой халупе и так достаточно вещественных доказательств.— Мьюллен посмотрел вниз на поблескивающие волнообразные завалы мусора в четырех футах от его ног. Упитанная крыса наполовину высунулась на поверхность и пристально глядела на капитана.— Пшла вон!

Лоснящаяся, сытая и нисколько не испуганная, крыса дернула носом и выползла на свет. Мьюллен топнул по полу — крыса чуть дернулась вперед, не сводя с капитана глазбусинок.

Он расстегнул куртку и достал револьвер.

— Иногда чувство собственного достоинства вынуждает делать то, чего делать не следует.— Вскинув револьвер, Мьюллен прицелился.

Оскалив зубы, крыса метнулась к Мьюллену. Капитан отскочил назад и выстрелил. За миг до того, как достигнуть его ног, крыса превратилась в окровавленный комок шерсти с раскрытой розовой пастью. Сквозь звон в ушах донесся до меня голос Мьюллена:

— Во всяком случае, могу смело заявить, что стрелял в целях самообороны.— Откинув ногой труп, он убрал оружие в кобуру.

— Отличный выстрел.— Голос мой звучал так, словно я говорил через полотенце.

— Я, наверное, схожу с ума.— Губы капитана шевелились, но голос с трудом пробивался сквозь неугасающий звон в ушах.— Мне кажется, этот тип мог делать все, что ему вздумается. По-другому я не могу объяснить, как он сумел убить Прентисса и Френчи.

— Верно подмечено,— донесся мой ответ, также через полотенце.

— У вас есть брат-близнец, мистер Данстэн? Он утверждает, что есть. Он говорит, что Минора Кийеса убил ваш брат.

— Есть у меня брат. Но он не совсем человек.— Мьюллен смотрел на меня тяжелым взглядом, словно видя боль-

ше, чем ему хотелось бы.— Я не подозревал о его существовании, пока он сам не объявился в том переулке.

— Вот и все, что я хотел выяснить, мистер Данстэн.— Мне показалось, капитану сейчас хочется найти повод шлепнуть еще одну самоуверенную крысу.— Позиция управления полиции Эджертона такова: ваш отец, Кордуэйнер Хэтч, совершал все преступления, будучи вне себя от ярости на то, что был отвергнут семьей. Отпечатки, оставленные в этой лачуге, должны совпасть с теми, что были сняты при его первом аресте. В картотеке ФБР найдутся отпечатки Райнхарта, а данные о захоронении тела на тюремном кладбище Гринхэвена будут признаны ошибочными. Френчи Ля Шапель и Клайд Прентисс признают самоубийцами. Убийства Тоби Крафта и Кэсси Литтл увяжут с делами организованной преступности. Свидетель, в данное время находящийся под защитой полиции, к нашему удовлетворению, установил, что Кордуэйнер Хэтч, он же Эдвард Райнхарт, он же Эрл Соьер, был убит во время стычки и его тело никогда не будет найдено.

— Раз уж вы не планируете привлекать меня к ответственности, я бы точнее высказался насчет тела.— Наши с Мьюлленом голоса будто доносились из царства Жестокых Богов моего отца.

— Заткнитесь и слушайте,— велел Мьюллен.— И запомните мои слова, потому что вам придется повторять их сотни раз.

127

Никогда мне не узнать этого наверняка, но даю три к одному, что капитан Мьюллен из тех людей, которые одарены необычайной способностью мысленно создавать пространственные связные логические построения. Возможно, годы детективной деятельности, а расследования убийств в особенности, очень развивают воображение — так же, как регулярные занятия в тренажерном зале наращивают мускулы.

Что я знаю наверняка, так это то, что Мьюллен в своем воображении мгновенно, не колеблясь, нашел историю, которая впоследствии спасла нас обоих. Время от времени я помогал ему в этом. Капитан подсказывал детали, прояснявшие мои сомнения. Вот что он поведал.

После того как мама сообщила мне имя Эдварда Райнхарта, я узнал о его аресте в пятьдесят восьмом году и смерти во время мятежа заключенных. Сюки Титер сообщила еще кое-что. Пытаясь узнать больше, я попросил Хью Ковентри проверить записи о владельцах домов на Бакстон-плейс и обратил внимание, что они были приобретены на имена героев рассказов любимого писателя Райнхарта. Я нанес визит на Бакстон-плейс и встретился с Эрлом Соьером, который впустил меня внутрь. Соьер узнал, что я остановился в «Медной голове», отметил, что живет поблизости, и дал мне свой адрес. Следующей ночью мне в гостиницу позвонил неизвестный и сообщил, что у него имеются пропавшие семейные фотографии Данстэнов. Отказавшись сообщить, как они к нему попали, этот человек поинтересовался, представляют ли они для меня какую-либо ценность. Мы сторговались на сто долларов. Я спустился вниз, заметил выходящего мужчину и последовал за ним на Телячий Двор.

— Как он выглядел? — спросил я.

В темноте он показался светлокочим мужчиной, ростом пять футов десять-одиннадцать дюймов и весом около ста шестидесяти фунтов. На нем была темно-синяя или черная куртка на молнии, темные брюки, на руках перчатки. Я принес фотографии в номер и заметил свое сходство с Говардом Данстэном. После похорон моей матери Рэчел Милтон посоветовала мне просмотреть фотографии, находящиеся в архиве Хью Ковентри, — не данстэновские, которые я только что заполучил, а другие. Я отправился в библиотеку и там узнал, что вскоре после посещения архива миссис Хэтч и моими тетками папка с фотографиями Хэтча исчезла.

Я решил, что мои тетюшки могли взять папку Хэтча, чтобы получить в обмен на нее свои фотографии, и чуть позже обнаружил ее спрятанной в доме тети Нетти. Внешнее сходство молодого, как я полагал, Кордуэйнера Хэтча с Говардом Данстэном и мной заставило предположить, что я правильно определил личность Эдварда Райнхарта.

Я нанес визит миссис Хэтч; там поссорился с пьяным Стюартом. Когда я вернулся в гостиницу, то подумал о том, чтобы позвонить Эрлу Сойеру и поинтересоваться, не желает ли он взглянуть на кое-какие старые фотографии. Эрл мог бы обмолвиться о какой-то мелочи, которая привела бы меня к его хозяину. Номера телефона Сойера в телефонной книге я не нашел и битых полчаса бродил по переулкам в поисках его жилища, как вдруг заметил, что стою напротив брошенного дома. Я вспомнил, что ничего не пил с самого полудня, меня мучила жажда. Удивительно, но стоял я напротив дома Сойера. Я постучал. Сойер, увидев меня, отпрыгнул, но, после того как я сказал, зачем пришел, он охотно впустил меня.

Я сделал вид, будто не замечаю жуткого состояния его берлоги. Сойер сказал, что, конечно, в его доме творится черт-те что, но если он всю жизнь прожил вот так, то уж пару минут я в состоянии продержаться.

— Запомнили? — подчеркнул Мьюллен. — Если я всю жизнь прожил так, вы в состоянии пару минут продержаться.

— Почему это так важно? — спросил я.

— Потому что это настолько странно, что не может показаться ложью.

Я повторил фразу, и Мьюллен продолжил изложение легенды.

Сойер провел меня в загаженную гостиную. Очевидно, мое присутствие пробудило в хозяине эксцентричную, даже забавную учтивость, которая, на мой взгляд, граничила

с истерией. Сойер спросил, что за фотографии я хотел ему показать. Я дал ему папку Данстэнов и попросил взглянуть на снимок молодого Говарда Данстэна. Что он и сделал, не проявив, однако, никаких признаков узнавания.

Затем я дал ему папку с фотографиями Хэтча. Сойер сразу проявил интерес к фотографиям отдельных личностей. Он вновь взглянул на снимок Говарда Данстэна и положил его рядом с фотографией Кордуэйнера Хэтча. Мне показалось, что он слегка ошеломлен. Я спросил, не найдется ли у него питьевой воды, и Сойер, сунув мне обе папки, отправился на кухню. Я пошел за ним следом, дабы убедиться в том, что мне нальют воды не из-под крана, а из бутылки и в чистый стакан.

Не заметив, что иду за ним, Сойер пнул ногой мусор, скопившийся перед холодильником. Я обратил внимание на висевшую над столом фотографию и подошел поближе. Как только я увидел, что Эрл Сойер сотворил с фотографией, я понял, что он — Кордуэйнер Хэтч.

Эрл Сойер резко развернулся и спросил, что я делаю. Я показал на мальчика в короне и с горящим сердцем и сказал:

— Это вы.

— И что слого? — ответил он. — Я перестал быть Кордуэйнером Хэтчем сто лет назад.

— Повторите, — приказал Мьюллен.

— «Я перестал быть Кордуэйнером Хэтчем сто лет назад».

— Тогда вы ему ответили: «Вы вернулись в Эджертон как Эдвард Райнхарт, и, знаете вы об этом или нет, я ваш сын». Теперь повторите и эту фразу.

Эрла Сойера не удивило мое заявление. Он кивнул, изучающе вглядываясь в меня с истеричным возбуждением, которое я заметил в нем еще на Бакстон-плейс. Он сказал:

— Похоже, так оно и есть, тут уж ничего не поделаешь... Я тебя всегда знать не желал.

Я начал пятиться из кухни, в тот момент мечтая лишь очутиться в своем номере и напиться чистой воды из чистого стакана. Сойер шагнул ко мне и сказал:

— Сейчас я тебе кое-что покажу. — Он открыл заднюю дверь. — За мной должок.

Следуя за ним, я вышел из дому в узкий, петляющий переулочек.

Мьюллен отворил заднюю дверь и пригласил меня:

— Пойдемте, мистер Данстэп.

128

Капитан поднимался вверх по тесному переулочку, повторяя его крутые повороты, устремляясь вперед с легкостью человека, хорошо знающего путь через эту сеть неожиданных перекрестков и кирпичных дворишков.

— Знаете, как называется этот чертов коридор?

— Щетинная, — сказал я.

— А почему, знаете?

— Потому что узкая, наверно.

— Неплохое предположение.

Мьюллен предоставил мне гадать, прав я или нет, и свернул в переулочек в два раза шире Щетинной. Неясный силуэт капитана сместился чуть в сторону и остановился — он ждал меня. Широкий переулочек уходил вправо на двадцать футов и упирался в кирпичную стену. Здесь Щетинная заканчивалась: она не выходила — как я предполагал — на одну из улиц на границе Хэтчтауна, а упиралась в тупик между кирпичной стеной и покосившимся фасадом давно забытого литейного цеха. Взглянув на стену, я увидел надпись «Живодерня».

— Знаете, чем занимались живодеры?

Я не знал.

Капитан махнул рукой на здание, которое я принял за литейный цех. Его широкие двойные двери были со встав-

ными стеклами и напоминали двери старой конюшни на Бакстон-плейс. Мьюллен налег плечом на одну половину дверей и сдвинул ее в сторону; все сооружение задрожало. Мы вошли в длинное просторное помещение, на покосившихся стенах которого тускло поблескивали крючья. В центре, ниже уровня плотно утоптанного земляного пола, располагался круг футов шести диаметром. Густой запах смерти ударил мне в ноздри, и я чихнул.

Мьюллен подошел к яме.

— Сто лет назад по этому переулочку сюда приводили старых лошадей. Двойные двери должны были им напоминать их родные конюшни.

— Так чем занимались живодеры? — спросил я.

— Почти всюду по стране живодеры резали отслуживших свой срок лошадей, а из их копыт варили клей. Некоторые сдирали шкуры и отправляли на сыромятни. Здесь же, в Эджертоне, обрезали хвосты и гривы и продавали их в мастерские по изготовлению париков и матрацев. Когда лошадь входила внутрь, бумеры — так их тогда называли — били им в лоб молотом. Лошадь падала, и человек, который назывался подъемщиком, поднимал ее с помощью вот этой штуковины. — Мьюллен показал на длинную, наполовину заржавевшую цепь, свешивающуюся с потолка. — Стригальщики состригали конский волос, и подъемщик подвешивал тушу на крюк. Когда приходило время, он вновь поднимал ее, заводил над ямой и опускал туда. А яма... В яму сбрасывались туши.

— Глубокая? — Я заглянул вниз в черный недвижимый омут в шести-семи дюймах от края ямы.

— Глубокая. В дни, когда работы было особо много, живодеры сбрасывали туда десять-двенадцать лошадей, и не было такого, чтоб хоть одна из них всплыла. Оттуда вообще никогда ничего не всплывало. Говорят, трупы лошадей все еще там, у Живодера, — в полном сборе.

— А там что — кислота?

Мьюллен отошел от ямы, подошел к стене и ковырнул носком ботинка землю. Затем нагнулся и поднял что-то

вроде небольшой буханки хлеба. Когда он приблизился ко мне, я разглядел в его руках расколотый булыжник.

— Смотрите.— Неуловимым движением Мьюллен бросил камень в яму. В то мгновение, когда камню оставалось лететь до поверхности два-три дюйма, мне показалось, что готовое поглотить его черное зеркало подернулось едва заметной рябью. Затем, ударив из-под поверхности, яростная раскаленная струя закрутила камень, будто невесомую пробку,— над поверхностью появился завиток дыма, поплыл ко мне и резанул ноздри. Глаза мои начали слезиться. Булыжник, от которого отсекали кусок за куском, стремительно плыл поперек ямы, уменьшаясь на глазах. Казалось, на плаву его удерживает стая пираний. Через несколько секунд он превратился в крутящуюся облатку, корочку, крошку...

— Вот что делает концентрированная кислота,— сказал Мьюллен.— Когда-то в начале тридцатых у города возникла блестящая идея использовать Живодера в качестве вспомогательного средства уничтожения городского мусора в этой части Хэтчтауна. Было отдано распоряжение, но дело вдруг застопорилось, а потом власти, как это обычно происходит, публично объявили об отказе. Как бы там ни было, именно сюда привел вас тогда Эрл Соьер. Он сдвинул в сторону дверь, вошел, вы вошли следом, и тогда он достал нож. Вы бросили свои папки — вот здесь.— Мьюллен провел каблук черту на земляном полу.— Вступили с ним в борьбу. Не ведая, что может случиться, вы столкнули его в Живодера. Прощай, Эрл. Поскольку у нас нет трупа, это лучшее, что мы можем придумать. Сработает. Никто и пальцем не пошевеливает, чтоб найти его тело. Надо еще придумать, кто из местных привел вас сюда, потому что самостоятельно вы никогда бы не нашли его. Большинство эджертонцев слыхом не слыхивали о Живодере, а три четверти тех, кто слыхал, считает, что это сказки. Ночь еще не кончилась — давайте обдумаем детали.

Мьюллен привел меня обратно в дом Соьера и велел забрать себе дневник:

— Я его не видел. С этого момента его не существует.

Перешагивая через горы мусора, я подошел к столу и взял тетрадь.

— Что теперь?

— Отправляйтесь в «Медную голову» за фотографиями. Затем я отвезу вас в управление, где вас будут допрашивать — боюсь, до утра. Запомнили свои «строчки»?*

— Думаю, да,— кивнул я.

— У нас найдется время все повторить. Что бы вы хотели сделать до поездки в участок?

— Мне, наверное, стоит позвонить К. Клейтону Кричу.

— Стоит — и вам, и Стюарту Хэтчу.

Заперев дверь черного хода, Мьюллен погасил свет в этой норе — зловещей пародии на человеческое жилище.

129

В комнате для допросов, где лейтенант Роули как-то уверял меня, что является моим лучшим другом, перед аудиториями, насчитывавшими от двух до полудюжины слушателей, я подробно излагал легенду капитана Мьюллена — вновь и вновь, как проигрыватель с автоматической сменой дисков, как Шехерезада, знавшая лишь одну сказку и раз за разом повторявшая ее, пока той сказке не поверили. Передо мной, выказывая любопытство, подозрительность, безразличие либо откровенную скуку, менялись женщины и мужчины — сотрудники полиции в деловых костюмах; люди в форме на два поколения старше меня, смолотившие сигарету за сигаретой и с выражением усталого цинизма во взгляде изучавшие стол; ответственный работник из мэрии; представительница пресс-службы Управления полиции города, постоянно поправлявшая прическу и подмигивавшая большому, прозрачному с той стороны зеркалу;

* «Строчки» — дополнительное задание (отрывок из книги или назидательная фраза), которое учащийся должен переписать много раз в виде наказания.

шеф полиции Эджертона, посоветовавший мне получить номер телефона, не внесенный в телефонный справочник; и двое не представившихся мужчин с лицами цвета пергамента, похожих на кремлевских функционеров, которым предопределено в скором времени избавить выставку фотографий членов правительства от своих портретов. Всем этим людям я пел песню капитана Мьюллена, и почти все это время капитан Мьюллен наблюдал за моим выступлением, сидя в углу комнаты.

Вскоре после восхода солнца я был объявлен «паходящимся под защитой полиции свидетелем», или что-то вроде этого, и препровожден в камеру. Лязг железной двери разбудил меня в семь тридцать утра. С неизменным видом человека, получившего удовольствие от освежающей прогулки через кладбище, в камеру неспешно вплыл К. Клейтон Крич, великолепный в своем старом сером костюме и старой серой фетровой шляпе. Он с достоинством нес черный кейс. Усевшись в изножье койки, Крич внимательно посмотрел на меня взглядом, едва ли не сочувствующим.

— Благодарю вас за рекомендацию мистеру Хэтчу, — начал Крич. — Со Стюартом мы встречаемся во второй половине дня, но я сделаю все, что в моих силах. Могу обрадовать вас тем, что очень скоро вы покинете эту дыру. — Неудовимым движением он устроился поудобнее. — Согласно официальной версии, вы избавили Хэтчтаун от социально опасного элемента и оказали максимальное содействие полиции.

— Приятно слышать, — сказал я. — А согласно неофициальной?

— Кое-кто из местных синих мундиров* высказывает подозрения относительно неизвестного, подменившего те фотографии пятью портретами Эндрю Джексона. Мне больно говорить вам об этом.

— Понимаю, — сказал я.

* «Синий мундир» — прозвище полицейского (по цвету формы).

— Однако наше беспокойство могут рассеять два позитивных факта. Первый: неспособность этих джентельменов — в связи с поддержкой, оказанной вам шефом нашей полиции, — дать какой-либо ход упомянутым выше подозрениям. Второй: мистер Стюарт Хэтч не оспаривает вашего утверждения о том, что вы являетесь незаконно рожденным сыном его дяди Кордуэйнера. По всей вероятности, фотографии, которые вы предоставили нашим представителям правопорядка, являясь неопровержимым доказательством вашей правоты.

— Стюарт всегда это знал, — сказал я.

— Что бы мистеру Хэтчу ни было известно или неизвестно, к настоящему нашему с вами разговору это отношения не имеет.

Я вытянул ноги и привалился спиной к стене.

— Что ж тогда имеет отношение?

— Признание мистером Хэчем того, что он знал прежде. После неудачной попытки миссис Хэтч оказать мужу поддержку во время следствия против него Стюарт больше не хочет оспаривать ваши претензии на наследование траста — доверительной собственности семьи.

— Мои претензии? Я не собираюсь претендовать на его деньги. Я об этом даже не заикался.

— В данный момент мы говорим о «претензии», подразумевая ваше «право на иск», а не «потребность» либо «притязание».

Стюарт что-то утаивал: он рассчитывал использовать меня, чтобы сохранить наследство для себя. Я был для него дополнительной страховкой, фигурой для отвода глаз. Несомненно, эту схему придумал сам Крич — с той бесстрастной ловкостью, с которой делал все, за что брался.

— Мистер Крич, — сказал я, — если Стюарта признают виновным, траст перейдет к Кобби. Я не позволю ему обмануть сына.

Терпение Крича было, как всегда, безграничным:

— Мистеру Хэтчу, так сказать, «отключили питание». Возможно, я смогу помочь ему в чем-то, однако от при-

знания виновным мне его не спасти. Состояние дел таково: если бы вас не было тут — к примеру, если бы вы оставались в неведении о вашем происхождении,— Кобден Карпентер Хэтч стал бы наследником семейного капитала, все правильно. Однако в настоящей ситуации траст по праву должен перейти к вам.

Я простил Кричу соучастие. Стюарт сделал элементарную ошибку.

— Стюарт забыл, что условие, лишаящее его прав, также лишает прав и меня. Кордуэйнер Хэтч был арестован и осужден дважды. Он вышел из игры, я — тоже.

— Условие, на которое вы ссылаетесь, неприменимо к Кордуэйнеру. Его брат, Кобден Хэтч, внес изменения в устав траста в мае одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Поправка не имеет обратной силы.

— Поясните,— попросил я.

— Условие неприменимо к действиям, совершенным до мая тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года.

— Шутите.

— Я крайне редко шучу, мистер Данстэн. Это не в моем духе.

Крич завернул левую ногу за правую, скрестил на груди руки, словно упаковав себя в непроницаемый контейнер. Улыбка ящерицы вновь появилась на его лице. Его состояние можно было бы назвать вершиной Крич-блаженства.

— До прихода в это очаровательное заведение я наслаждался весьма долгим телефонным разговором с мистером Паркером Гиллесли, адвокатом фонда имущества Хэтча. Мистер Гиллесли по складу характера холерик. Ему была не по душе наша беседа, однако он не стал крутить. Кобден Хэтч мечтал вывести своего сына на путь добродетели с помощью хорошо зарекомендовавшего себя на практике метода кнута и пряника. В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году прошел слух, что его заблудший брат отошел в мир иной. И Кобдену Хэтчу не приходило в голову, что его собственность окажется в руках кого-то другого, кроме

его сына. Однако мы можем предположить, что Стюарт Хэтч мгновенно представил себе всю картину, как только вы попались ему на глаза. Кордуэйнер был первым ребенком своего отца; вы были его сыном; траст — ваш. Незаконнорожденность не имела никакого значения для правил наследования. Кордуэйнер Хэтч приходился сыном Карпентеру и Эллиен Хэтч. Имя Карпентера прописано в его свидетельстве о рождении. С юридической точки зрения он — сын Карпентера.

— В соответствии с моим свидетельством о рождении, моим отцом был Дональд Мессмер.

— Не имеет значения, несмотря даже на признание Стюарта о том, что он знал заранее. Так что мужайтесь, мистер Данстэн: траст Хэтчей будет передан вам.

— Не верю,— заявил я.

— Вы и в первый раз не поверили.

Ящеричья улыбка от моего непонимания стала еще шире.

— Так складывается, мистер Данстэн, что моей обязанностью стало периодически информировать вас о получении солидного наследства. Моя роль в вашей жизни становится все больше похожей на роль небесного посланника.

— Прошу прощения,— сказал я,— за тот первый раз.

— В связи с пожеланием Карпентера Хэтча оставаться владельцем по праву «мертвой руки»*, что весьма ограничивало финансовые возможности будущих наследников, траст всецело переходит к вам свободным от долгов. А от себя лично добавлю, что зрелище того, как по-царски загарпунили семейство Хэтчей, ничего, кроме удовольствия, мне не приносит.

— О какой сумме идет речь?

— На настоящий момент мистер Гиллесли оценивает ее в двадцать — двадцать пять миллионов по скромным подсчетам. Мистер Гиллесли свяжется с вами сегодня, и я уве-

* Владение без права передачи.

рен, что он посоветует вам воспользоваться его услугами. Могу представить себе душераздирающую историю об ожидающей вас печальной участи в случае, если вы ему откажете.

— Пожалуй, мне следует с ним поговорить,— сказал я, чем озадачил Крича.

— А я тем временем готовлю документы, необходимые для разрыва отношений траста с Гиллеспи и отправлю их вам «Фидэксом»* в Нью-Йорк. Если пожелаете, я также могу незаметно навести справки, дабы удостовериться, правильно ли мой коллега произвел бухгалтерский расчет.

— Сколько вы с меня возьмете за это?

— Я выставляю вам счет по своему обычному тарифу: двести долларов в час. Если это приемлемо, в день своего возвращения в Нью-Йорк отправьте факс мистеру Гиллеспи с предписанием высылать мне копии всей корреспонденции, которую он направляет вам. Мой глубоко уважаемый коллега, наверное, наложит в штаны. Подозреваю, что ваши двести долларов в час принесут вам два-три миллиона чистой прибыли.

— Мистер Крич, вы мой герой.

— Вашим деньгам будет произведен строгий, доскональный учет. И поскольку мне ваш характер известен много лучше, чем мистеру Гиллеспи, позвольте мне спросить, какую часть неожиданно свалившегося наследства вы планируете раздать?

Я улыбнулся ему, однако ответной улыбки не дождался. В своем сером костюме и шляпе Крич сидел на краешке моей тюремной койки, «спрятавшись» в себя — мужчина неопределенного возраста, тощий и будто лишенный человеческих чувств,— в ожидании любого моего слова.

— Я хочу позаботиться о Кобби Хэтче,— сообщил я.

— Ваше желание позаботиться о мальчике подразумевает выделение определенных сумм на его образование и выделение его матери разумной ежегодной стипендии, до-

статочной для того, чтобы ей и сыну не испытывать нужды, или же вы намереваетесь сделать его богатым?

— Он получит половину денег,— сказал я.

— Вы последовательны в своих действиях,— сказал Крич.— Я предполагал, что вы поделите сумму на равные части. Вы позволите дать вам совет?

Я кивнул.

— Я бы порекомендовал вам учредить фонд, аналогичный фонду Хэтчей, который гарантирует мальчику определенную сумму в год, а также отдельную сумму его матери для расходов на содержание. В возрасте двадцати одного, двадцати пяти, тридцати лет — как распорядитесь — мальчик получит основную сумму. К тому времени, когда ему исполнится двадцать один, она должна быть равной сумме, которую насчитывает нынешний траст.

— Сколько времени вам потребуется, чтобы все устроить?

— Приблизительно неделя бумажной работы.

— Давайте сделаем так.— Я подумал о деталях.— Пусть Кобби в двадцать один год получит четверть основного капитала, другую четверть — в двадцать пять, а остальное — в тридцать. Миссис Хэтч на расходы выделите двести пятьдесят тысяч в год.

Он кивнул.

— Выплаты миссис Хэтч будут осуществляться из капитала, учрежденного для ее сына. Эта мера, являющаяся невероятно великодушной, потребует моего участия на основе нашего с вами действующего соглашения, как вы понимаете. Я подозреваю, что вы предпочли бы, чтобы мои услуги оплачивались из ваших средств, а не из средств миссис Хэтч и ее сына.

— Не будете ли вы так добры отправить миссис Хэтч письмо с изложением условий, которые мы только что обсудили?

— Разумеется.— Крич развернул ноги и положил руки между колен, приняв позу, которую я было принял за

* FedEx — курьерская служба.

приготовление к отбытию. Вместо этого он вытащил из кейса стопку бумаг и вложил ее мне в руки с легким укором во взгляде.— Это документы о финансовых обязательствах мистера и миссис Кларенс Кротерс в отношении дома престарелых Маунт-Болдуин. Мы сошлись на том, что вы подпишите их в моем офисе на следующий день. Но ничего страшного, видите, я захватил их с собой сюда. Миссис Кротерс не разорится.

Извинившись, я подписал бумаги и наблюдал, как они исчезают в кейсе. Крич откинулся назад, умудряясь не касаться спиной стены.

— До прошлой ночи вам не приходилось слышать о Живодере? — Его голос создавал впечатление, что это вопрос незначительный.

— Я слышал, как какие-то мальчишки из Хэтчтауна говорили о Живодере, но что это такое, я тогда не знал.

— Вы в курсе, что город некогда использовал живодерню для уничтожения мусора?

Я сказал, что слышал об этом от капитана Мьюллена.

— Через неделю после того, как это распоряжение городских властей вступило в силу, жители Хэтчтауна охватил беспрецедентный рост заболеваний. Грипп, кишечные расстройства. В первый месяц шестеро умерли от не поддающихся диагнозу инфекций. К концу второго месяца заметно возросло количество врожденных дефектов. К концу третьего месяца общественное мнение настояло на прекращении использования ямы. Мальчишкой я рос на Кожевенной, мистер Данстэн, и я знал мальчиков помладше меня, которые родились слепыми, глухими, умственно отсталыми, с деформированными либо отсутствующими частями тела или же со всем этим в комплексе. Живодерню прикрыли задолго до этого. Землевладельцы устроили там ярмарку.

Я промолчал.

— Полагаю, Хэтчи знали, что гадость, которая была там, в яме — сами они туда это запустили или нет,— со време-

нем могла просочиться в систему водоснабжения Хэтчтауна. К этому времени хэтчтаунцы уже пили воду только из бутылок.

— Я заметил,— сказал я.

— Если Кордуэйнер Хэтч нашел смерть в Живодере, значит, ему выпала честь встретиться с несколькими моими прежними клиентами.— Крич ухватился за ручку кейса и поднялся, издав дребезжащий звук, в котором я различил Крич-усмешку только после того, как адвокат подошел к двери и позвал охранника.

Четверть часа спустя офицер сопровождал нас в вестибюль. Несколько полицейских отвернулись, заведя Крича. Мы вышли в хмурое утро, было на двадцать градусов холоднее*, чем вчера. Ключья тумана ползли через Главную площадь. Я почувствовал легкое прикосновение пальцев к моему локтю и принял это как подтверждение моего второго выхода на свободу. На скамейке близ фонтана из-под вороха одеял выбивались прядки золотистых волос Гоута Гридвелла.

— Спасибо, мистер Крич,— проговорил я и только тут заметил, что Крича уже след простыл.

130

Сквозь клубящийся туман я шел по Голубиной, Кожевенной, Овечьей, Паточной, Восковой улочкам, с каждым шагом ожидая услышать шаги и негромкий низкий смех, что возвестят о присутствии за моей спиной Роберта. Я знал, что он сделал, и знал, почему он это сделал. И Роберт знал, что сделал я,— между нами больше не осталось притворства и обмана. Угрозы, исходившей от существа, известного мне как Мистер Икс, больше не существовало. Я *сделал* это, я *победил*. Роберт и я теперь пришли в равнове-

* Имеется в виду двадцать градусов по Фаренгейту.

сие, думал я, и мне хотелось сообщить брату, что я отдал половину состояния, которое он замышлял получить. Мы спасли друг другу жизнь. Пришло время расставаться. Все закончилось.

Я пересек Телячий Двор и обернулся, взглядываясь в высокие дома и темные зевы проулков за фонтаном. Роберт медлил; он выжидал момент. Войдя в вестибюль гостиницы, я увидел Лори Хэтч, поднимающуюся из кожаного кресла.

Она обняла меня и прижалась шелковистой щекой к моему небритому лицу.

— Слава богу.— Она запрокинула голову и заглянула мне в глаза.— Как ты?

— Донесения все еще поступают,— улыбнулся я.

— Я... Я чувствовала, будто... Не знаю, что я чувствовала. Мне надо было увидеть тебя. Вчера вечером мир будто сошел с ума. Я чувствовала себя такой беспомощной. Потом вломилась полиция, стала задавать вопросы... Они даже спрашивали о фотографиях. Тебя тоже?

— Они общались со мной всю ночь,— сказал я.

— И отпустили. Значит, у тебя все в порядке?

— Все в порядке.

Лори опустила голову мне на грудь. Я бросил взгляд над ее макушкой на таращившегося на нас дневного портье, и тот нырнул за стойку.

— Прости за то, что я сделал с твоей жизнью,— проговорил я.— Это была ошибка.

— Нет, Нэд, не надо.— Она положила ладонь мне на грудь.— Это не ты сделал ошибку, а я. Господи, как же я измучилась, как я боялась — я ведь совсем не задумывалась о том, что могу все погубить. Меня будто закружило и понесло — я лишь хотела, чтобы со мной рядом всегда был ты.

Когда мы поднимались по лестнице, я держал ее за руку.

Я захлопнул дверь номера, и Лори приникла ко мне всем телом.

— Как давно ты знала? — спросил я.

— Что знала? — Не видя ее лица, по движению губ я почувствовал, что Лори улыбнулась.

— Ты знала, кто я, когда увидела меня в первый раз?

Макушкой она едва не ударила меня в подбородок. Затем отстранилась на пару дюймов:

— Да откуда ж?

— Стюарт убрал тебя из комитета, потому что не хотел, чтоб ты увидела в архиве фотографии, которые я показывал вчера.

— Да бог с ним, со Стюартом. Ты думаешь, я тебя узнала?

— Я пытаюсь это выяснить.

Она сердито отстранилась на целый шаг:

— Стюарт интересуется своей семьей раз в сто больше, чем я. Я даже не припомню, интересовалась ли когда-нибудь прошлым Хэтчей. Да, я видела архив, если ты это имеешь в виду. Вполне возможно, что твое лицо показалось мне знакомым тогда, в больнице, но я и сейчас не могу понять, отчего так произошло.

— А ты не звонила Паркеру Гиллеспи через два дня после этого?

— Разумеется, звонила! — Взмахнув руками, Лори застыла с поднятыми вверх ладонями.— В городе ведь объявлялась Эшли, помнишь? И я очень встревожилась: что будет с Кобби, если Стюарта вдруг посадят. Вполне естественной реакцией было позвонить адвокату и посоветоваться с ним. Нэд, не делай несчастными нас обоих.

Я взял ее ладонь в свою и поцеловал:

— Я никого не хочу делать несчастным. Я всего лишь ишу ответы. Ты вот что мне скажи. На следующий день после того, как ты сделала все, чтобы помочь мне найти Эдварда Райнхарта, ты хотела, чтобы я обо всем забыл.

Лори положила ладонь мне на бедро:

— Милый, это ведь ты *мне* сказал, что, как тебе кажется, ты можешь подвергнуть опасности Кобби и меня.

— Ты, наверное, еще ничего не знаешь о Гринвилле Милтоне.

Ее глаза расширились.

— Прошлой ночью Гринни заказал два билета первого класса в Мехико и рванул в мотель в Кейп-Джирардо. С собой он прихватил сто тридцать тысяч долларов и пистолет, а перед тем умолял свою подружку ехать с ним. Когда она отказалась, он покончил с собой.

В глазах Лори мелькнула тень мысли — четкой и безошибочной, как теорема Евклида. Она пошла к столу, постукивая кончиком указательного пальца по губам:

— А Стюарт в курсе?

— Потому, наверное, мы и позвонили К. Клейтону Кричу.

— Стюарт пытается погубить столько народу, сколько в его силах. Он пытается утопить буквально каждого, кто когда-либо имел с ним дело.— Лори выдвинула стул, с которого капитан Мьюллен провозгласил о рождении нашего правдоподобного вымысла, и устало на него опустилась.— Он пытается погубить все, что может.

— Включая траст Хэтчей,— закончил мысль я.

Беглая улыбка, порожденная мыслями о разрушительных намерениях ее мужа, исчезла. Лори скрестила ноги и подождала, что я скажу еще. Она выглядела непорочной и чистой, как горный поток.

— Стюарт позвонил Паркеру Гиллеспі,— продолжил я.— Он не мог знать о моем разговоре о Кордуэйнере Хэтче с полицейским по имени Мьюллен. Он просто хотел все сломать.

— Он хотел сломать меня,— проговорила Лори.

— Стюарт заявил, что хочет отказаться от прав на наследство. Он сказал Гиллеспі, что обнаружил существование законного наследника, Нэда Данстэна, являющегося незаконным сыном старшего брата его отца. Плохие новости для Кобдена Карпентера Хэтча, однако он не в силах идти против истины. Примерно таким был их разговор.

Лори поерзала на стуле и заметила аккуратное граффити на краю стола. Она подняла руку и провела вдоль надписи пальцами, в точности как это сделал Мьюллен. Отку-

да-го очень издали донесся до меня голос Стар: «...Он все глубже и глубже погружался в ту мелодию, и тут вдруг она раскрылась, словно утренний цветок, и выплеснула сотню других мелодий, каждая из которых становилась с каждым мгновением полней и красивей...»

— О Кордуэйнере я слышала немного,— сказала Лори.— Когда-то очень давно он, кажется, был за что-то арестован, да?

«...И я стояла, замерев, а во мне наливался жизнью ты, и я думала, что после этого будет еще одно прекрасное рождение...»

— Условие об арестах и обвинениях никак не затрагивает Кордуэйнера. Кобден Хэтч в конце шестидесятых внес поправки.

— Даже и не знаю, что сказать...

— Ты, похоже, не очень-то удивлена.

— Секунд тридцать назад ты сделал большой и жирный намек,— сказала Лори.— Но это не значит, что я не удивлена. Мистер Крич обсуждал это с Гиллеспі? И что, не возникло никаких споров?

— Стюарт знал, что делает,— сказал я.— И ты ни о чем таком не думала, когда мы с тобой говорили о твоём переезде в Нью-Йорк?

Самообладание очень помогло Лори во время долгой паузы:

— Это было отвратительно.

— Я не имею права винить тебя в желании дать Кобби то, что ему предназначалось.

— Он должен получить это.— На обращенном ко мне лице была неприкрытая мольба.— Нэд, я все еще пытаюсь прийти в себя от твоих новостей, у меня не было времени подумать, как это повлияет на тебя и меня, но ты сам должен видеть, что это неправильно. Согласен? Двадцать четыре часа назад ты и понятия не имел, что дядя Стюарта — твой биологический отец. Он не хотел быть наследником. Он даже не был настоящим Хэтчем.

— Юридически — был, — покачал головой я.

— Но ты-то, *ты*, Нэд Данстэн, ты же не такой человек! Ты не такой, как Стюарт. Я хочу, чтобы мы с тобой жили в Нью-Йорке. Ты будешь для Кобби гораздо лучшим отцом, чем Стюарт был или когда-то мог бы им стать. И это *правда*. Как и то, что я люблю тебя. Для нас с тобой нет никаких причин отказаться от нашей замечательной новой жизни. Однако право Кобби на наследование более обоснованное, чем твое. Ты же понимаешь это, не так ли?

— То, что я понимаю, не играет никакой роли, — сказал я. — По закону Кобби не имеет права на наследование. Прежде чем мы начнем разговор о нашем будущем, тебе придется смириться со сложившейся ситуацией, а не с той, какую ты хотела бы видеть.

С отчаянной решимостью и полной откровенностью она продолжила:

— А если б Гринни не покончил с собой? Если бы Стюарт не позвонил Гиллеспи?

— Ты сама знаешь ответ. Я бы вернулся в Нью-Йорк и ждал там тебя. Мне этот план казался восхитительным.

— Он и сейчас восхитителен, — сказала Лори.

— Но если б Стюарт не позвонил, перед Паркером Гиллеспи неожиданно возникла бы жуткая дилемма. Сегодня днем все в Эджертоне узнают, что Соьер — это Кордуэйн Хэтч, а я — его сын. Как, думаешь, поступил бы в этом случае Гиллеспи?

— Он бы высказался, — ответила Лори. — Безусловно. Не знаю, сразу же или чуть погодя, но ему понадобилось бы на это не более двух часов. А потом мы бы отпраздновали все в «Лё Мадригале».

— Как счастливая семья.

— Разве не этого ты хотел больше всего?

— Даже Стюарт вычислил меня быстрее, чем это сделал я сам. А вот ты увидела меня насквозь мгновенно.

— Я увидела самого интересного человека из всех, встреченных мной в жизни, — сказала Лори. — Я начала влюб-

ляться в тебя, когда мы ужинали с Эшли. Знаешь, что ты сделал? Ты сказал Гринни, что он болван, ты понимал мое чувство юмора, и, Нэд, ты был *весь там* — ты смотрел на меня своими невероятными карими глазами и ты был *там, со мной*. Ты не оценивал меня, ты смотрел не на мою грудь, а на мое лицо, ты не пытался прикинуть в уме, как скоро затащишь меня в постель. Последнее в жизни, чего мне хотелось тогда, — это подцепить себе нового дружка, но я не смогла устоять. Эшли поняла, что происходит, уже через десять секунд. Если ты не веришь тому, что я сейчас говорю, ты глупец.

— А я начал влюбляться в тебя в больничном магазине подарков, — сказал я. — После того как Крич рассказал мне о трасте, он спросил, как много я опять хочу раздать. Он тоже видит меня насквозь. К. Клейтон Крич видит насквозь всех. — Я рассказал Лори о том, как разделил деньги, и о фонде, учрежденном для ее сына. — Так что у тебя будет двести пятьдесят тысяч в год, выплаченных с его доли.

Ничего не изменилось на ее ясном лице.

— Тебе не кажется, что детали нам следовало бы обговорить вместе?

— Лори, я в тот момент сидел в камере полицейского управления. Кричу удалось попасть ко мне минут за пятнадцать до того, как меня выпустили. Я сделал то, что мне показалось правильным.

— Крич уговорил тебя сделать то, что ему показалось правильным. Но еще не поздно все изменить. — Буквально лучась ясным здравомыслием и благоразумной предусмотрительностью, Лори, вытянув перед собой руку, раскрыла ладонь, будто на ладони той лежал весь мир. — Крич не знает о нас с тобой. И не понимает, что такое Нью-Йорк. Где ему? Квартира, которая будет нужна мне, стоит порядка двух миллионов. Мне придется устраивать приемы, встречаться с нужными людьми. Нам понадобятся учителя и гувернерны, обучение в Европе. Сколько тебе нужно на жизнь? Три миллиона? Пять? Все остальное можно переписать на

Кобби, с условием, что мне достанется что-то около пяти-сот или восьмисот тысяч в месяц. Мы будем вместе. Если мы поженимся, то получится так, будто ты ни с кем не делился.

— Ты хочешь заключить добрачный контракт?

Лори откинулась на спинку стула и пристально смотрела на меня. Во взгляде ее, решительном и твердом, я увидел не столько оценку, сколько конечный итог неоднократных оценок и размышлений. Это не имело никакого отношения к холодности или расчетливости. Твердое, спокойное внимание Лори говорило за нее — оно объявляло условия ее безмерной привлекательности. То, что я увидел в ее лице, было грустью с оттенком иронии, и это поразило меня, поскольку до того момента я и понятия не имел о существовании ироничной грусти. Я почувствовал привлекательность будущего, полного нюансов, которые я сам бы не постиг: в тот момент я не мог отречься от того, что казалось главным принципом ее жизни, — в мире взрослых людей широта чувства значит больше, чем его глубина. Словно большие прохладные крылья, чувство Лори раскрывалось на многие мили в обе стороны. Я было принял эту способность за средство защиты, однако такой щит ничего не прикрывал и не отражал — наоборот, он притягивал, и то, что он вбирал в себя, делало его крепче. Лори сидела передо мной в сиянии своего ума.

— Сама мысль о добрачных контрактах мне ненавистна, — сказала Лори. — Отвратительный способ начинать брак. С таким же успехом можно приобрести франчайзинг* на кока-колу. — На лице Лори появилась улыбка. — Нам очень подошла бы Филадельфия. Там не так дорого, как на Манхэттене, а институт Кертиса — великолепная музыкальная школа. Там учился Ленни Бернстайн.

* Франчайзинг — специальный вид лицензирования, когда компания, владелец известной торговой марки, предоставляет другой компании право ставить эту торговую марку на свою продукцию, но при этом получает право контроля за качеством продукции компании-франчайзера.

Как К. Клейтон Крич, Лори собралась с силами, не меняя позы и вообще не двигаясь, затем вновь улыбнулась мне и поднялась.

Следующие ее слова прояснили мне, кого она имела в виду, сказав «нам»:

— Ты приедешь в Филадельфию, да?

— Лучше передай Поузи, чтобы поступала в Темпл или Пенсильванский университет, — ответил я.

— Я всегда смогу найти другую Поузи. — Лори понимала, что шокировала меня. Применение этого приема было ясным заявлением о наших новых отношениях. — Особенно в Филадельфии. Труднее всего было найти ее в Эджерто-не. — Она поцеловала меня в щеку. — Позвони мне перед отъездом. Мне понадобятся твой адрес и номер телефона.

Я наблюдал, как она неспешно направилась по коридору к лестнице.

131

Обрывки тумана тянулись через Телячий Двор. На булыжниках матово отсвечивала влага. Серые сумерки, казалось, вот-вот согнут здания, окружившие крохотную площадь. На той стороне фонтана стояла черная женская туфелька — каблук застрял в щели меж камней, и чудилось, будто произошло это пару минут назад. Женщина покидает тебя, женщина уходит с такой безоглядной решимостью, что оставляет туфельку на память... Я вспомнил красноречие, с каким Лори переступила мой порог, и неослабевающую четкость голоса Стар, рассказывавшей о саксофонисте, которого она слушала на концерте, будучи беременной мной.

И тут вдруг горестно отозвался каждый тускло поблескивавший булыжник мостовой, каждый клочок тумана, и мир словно стал шире и глубже.

«Горе, — подумал я, — оно повсюду, как же мне могло прийти в голову, что удастся избежать потери...»

Лицо Роберта появилось и исчезло в темноте боковой улочки.

— Роберт! — позвал я. — Нам надо...

По пути к Вишневой я все оборачивался, надеясь заметить Роберта развалившимся на заднем сиденье и раскрывающим рот, чтобы сказать что-то смешное или жестокое. Однако в машине я был единственным живым существом, когда остановился напротив дома Нетти. Было начало десятого утра. Все три мои любимые родственницы должны были собраться на кухне. Я вышел из машины и взглянул на окна дома Джой. Тюлевые занавески висели аккуратно и недвижимо. Джой никогда так рано не занимала свой пост у окна.

Нетти и Мэй хлопотали у плиты, готовя яичницу с беконом и чем-то еще, что пахло как куриная печенка. Кларк Рутлидж послал мне ухмылку над чашкой с зерновой смесью, молоком и сахаром.

— Вот молодец, так в этой замечательной куртке и ходишь!

Нетти поинтересовалась, не составлю ли я им компанию за завтраком, а я ответил, что достаточно голоден, чтобы съесть все, что они поставят передо мной на стол. Я опустился на стул рядом с Кларком.

— По радио сказали, нынче ночью Гринвилл Милтон покончил с собой. Хочешь знать мое мнение?

— Да, прошу вас.

— Это ловушка, к гадалке не ходи. У Стюарта Хэтча есть враги, которых ничто не остановит, чтобы выставить его в дурном свете.

— Миссис Хэтч, наверное, сейчас испытывает муки ада, — вступила Нетти. — Такая милая женщина, правда, Нэд?

— В своем роде.

Мэй разложила яичницу и куриную печенку по тарелкам, а Нетти вынула из духовки укутанный в фольгу сверток с беконом. Кларк подтолкнул свою опустевшую чашку к центру стола:

— Оставить миссис Хэтч с носом. Вот что было конечной целью.

— А его — с женой и ребенком, — вставила Мэй.

— Его жена и ребенок должны получить около двенадцати миллионов из семейного траста, — сообщил я.

— Значит, у них будет крыша над головой. — Мэй вздохнула. — Что ж, я довольна.

— А я доволен тем, что крыша есть над головой у вас, — сказал я. — Когда Стюарт Хэтч услышал о самоубийстве Милтона, он рассказал семейному адвокату, Паркеру Гиллеспи, о своем дяде Кордуэйнере, так что можете больше не волноваться об этом.

Нетти и Мэй с преувеличенным усердием занялись печенкой.

— Сегодня все узнают, что он был Эдвардом Райнхартом, — продолжил я.

Мэй съежилась на стуле и возвела очи к небу:

— Господи, гора с плеч. Может, едок из меня неважный, но я обожаю поболтать и тишину переносу с трудом.

— Что ты несешь? — проворчал Кларк.

— Мистер Хэтч снял с нас обет молчания, — сказала Нетти. — А вот благодарить за это, похоже, надо нашего мальчика. Ты так помог нам, сынок, спасибо тебе от нас всех.

— Присоединяюсь, — подал голос Кларк. — Хотя лично мне жаль, что мистеру Хэтчу светит тюрьма. Он был по-царски щедр.

— Стюарт Хэтч отваливал вам немалые деньги, чтобы вы помалкивали о его дяде. Потому-то вы и не могли ничего сообщить мне об Эдварде Райнхарте.

— Понимаешь, сынок, — вздохнула Нетти, — мы не могли помочь, но мы знаем об Эдварде Райнхарте гораздо больше, чем твоя мама.

— Потому что он был очень похож на вашего отца.

— Сходство было поразительным, — сказала Мэй. — А мы не могли сказать ей всей правды. О таких вещах с молодой чистой девушкой не говорят.

— Могу себе представить,— рассмеялся я,— насколько трудно вам было намекнуть Стар, что ее ухажер являлся незаконным сыном вашего отца. Об этом, наверное, можно было сказать только напрямую. Но как, как вы узнали, что это был Кордуэйнер?

— Ну, это все Джой,— сказала Мэй.— Ты же знаешь, она все сидит сиднем у своего окошка. Как-то раз вечером Джой звонит и говорит: «Мэй, я только что видела, как этот палопай Кордуэйнер Хэтч как ни в чем не бывало прошел в дом нашей сестренки, а на руке у него повисла Стар». Тогда в первый и последний раз Стар приводила его к нам — знакомить со своей семьей. Я накинула свое лучшее пальто и шляпку и со всех ног бросилась через улицу. Только они ушли, я позвонила Джой и сказала: «Джой, а ведь этот молодой человек, похоже, свалился с нашего семейного древа, однако зовут его не Кордуэйнер Хэтч». А сестра мне в ответ: «Солнышко, ты глубоко заблуждаешься. Он наверняка живет под другим именем в связи с тем, что у него скандальная репутация».

— Откуда Джой могла знать, что это Кордуэйнер? — спросил я.

— Джой полных три месяца проработала у них в доме,— рассказала Нетти.— Ей тогда было восемнадцать. Понимаешь, то было время Депрессии, и хотя в тот период мы, в общем-то, не особо нуждались, поскольку продали землю за городом, но это было единственным способом получить работу. Карпенгер Хэтч поместил объявление, что ищет девушку с хорошим характером, желающую заниматься работой по дому, и Джой прошла собеседование. Заявила, что хочет уйти из дому, можешь себе представить? Взглянуть на нее сейчас — не поверишь, что такое могло быть.

— И Карпенгер Хэтч нанял ее? — спросил я.— Он не знал, кто она?

— Я так думаю, ему очень по душе была мысль о том, что девочка Данстэнов будет менять ему постельное белье

и мыть туалет. Джой приступила к работе в конце октября. Кордуэйнер тогда учился в школе-интернате. Видишь ли, родители были вынуждены отправить его туда.— Нетти покивала, живописно имитируя полное сочувствие и сожаление.— В один прекрасный день, наводя порядок в ящиках комода миссис Хэтч, Джой наткнулась на фотографии, которые хозяйка хранила подальше от посторонних глаз. Она заметила сходство между мальчиком и нашим покойным отцом. Это произошло незадолго до того, как ее расценивали.

— Хэтч уволил ее за то, что она что-то сказала? — И тут до меня дошло, что рассказала мне Нетти.— Нет, Джой не наводила порядок в ящиках миссис Хэтч, а перераспределяла их содержимое. Она была сорокой, как Куинни и Мэй.

— Хотя до нас ей было далеко,— проворчала Мэй.— В общем, как бы то ни было, миссис Хэтч ничего доказать не удалось, но подозрения пали на нее, и — прощай, работа.

— Джой рассказала вам, что видела, и вы запомнили это на всю жизнь. Когда вы вели те «полезные дискуссии» со Стюартом Хэтчем?

— Когда, Кларк? — спросила Нетти.

— Году в восемьдесят четвертом или восемьдесят пятом. В Овальном кабинете сидел тогда мистер Рейган. Как тогда говорили, то было утро Америки.

— Полагаю, вы истратили деньги, которые Карпенгер Хэтч заплатил за дом и землю на Нью-Провиденс-роуд?

— Кларк кучу денег потратил на клюкву,— сказала Нетти.

Кларк проинформировал меня о том, что клюква — продукт, необычайно полезный во многих отношениях. Ее сок, приятный на вкус и полезный для здоровья, раньше добавляли в несколько видов коктейлей. А приготовленный из клюквы соус ставили на стол чуть ли не в каждой семье по всей стране, особенно в День благодарения. В его оде добродетельной клюкве звучала нотка печали.

— К сожалению,— дополнила Нетти,— клюква не сделала из нас миллионеров.

— Человека, с которым я занимался «кляквенным» бизнесом, можно было бы назвать нарушителем общественного порядка, — продолжил Кларк. — Хотя по сути своей он был белым и пушистым.

— Итак, у вас состоялся разговор со Стюартом Хэтчем, — напомнил я.

— На тему возможной передачи ему недвижимости, — сказал Кларк.

— И одним из пунктов вашего соглашения был запрет разглашения всего, что вам известно об Эдварде Райнхарте.

— И это, поверь, очень расстраивает нас до сих пор, — покачала головой Нетти. — Появляешься ты, опарашиваешь нас именем Райнхарта — это был настоящий шок! У нас не было ни шанса, сынок, и мы дали тебе лучший совет, на какой только были способны в нашем положении.

— Вы поразили меня до глубины души. Вы шантажировали Стюарта Хэтча, вытряхивая из него целое состояние.

— «Шантаж» не совсем верное слово, — сказала Нетти. — Мы заключили деловое соглашение. И все разошлись довольные, включая мистера Хэтча.

— И сколько вам удалось выжать из этого жулика?

На этот раз в улыбке Кларка не было ни намека на насмешку:

— Кругленькую сумму.

— Не сомневаюсь. — Несмотря ни на что, я почти восхищался этими тремя старыми хулиганами. — Вы живете на деньги Хэтчей годами, не так ли? Сначала вы продали им землю, потом продали им тайну. Я горжусь вами. Данстэны никогда не были образцами законопослушания, однако Хэтчи были куда хуже.

— Нэдди. — Мэй положила нож и вилку на тарелку, казавшуюся только что вымытой и вытертой насухо. — Сейчас, когда мы можем говорить открыто, я хочу задать тебе вопрос. Мистер Райнхарт, как его тогда звали, погиб, отбывая срок заключения в тюрьме. Мне не совсем понятно, как тебе удалось узнать его настоящее имя.

— Что ж, теперь мой черед признаваться, — сказал я. — Мне пришлось позаимствовать фотографии, которые твоя Нетти держала в своем шкафу.

— Вот так так! — воскликнула Мэй. — А я-то все гадала, чего ради миссис Хэтч просила стянуть их из библиотеки. Хотя, к слову, задача была пустяковая. Люди частенько не замечают, как снимают одежду прямо с их плеч, особенно мистер Ковингтон.

— Вспомни-ка, Мэй, — сказала Нетти. — Миссис Хэтч сказала нам, что Нэд говорил о твоих талантах и что глубоко в душе она чувствовала, будто те снимки помогут нам вернуть наши собственные бесценные фотографии.

— А что, вполне возможно, так оно и было, — согласилась Мэй. — И фотографий наших как не было, так и нет. Может, стоит еще разок наведаться в библиотеку.

— Обе папки с фотографиями у меня в машине, — успокоил я тетюшек. — Через минуту я вам их верну. Если вы отправите их обратно к Хью Ковентри, они будут в полной сохранности.

— Замечательно, не правда ли? — воскликнула Нетти. — Миссис Хэтч просто *душечка*. Она напоминает мне тех девушек из новостей, которые глядят прямо в камеру и говорят: «Сегодня в первой половине дня трое детей были разорваны на части тиграми во время экскурсии в зоопарк округа. Подробности после блока новостей». И мне так нравится ее малыш.

— Мне тоже, — проговорил я.

Нетти повернулась к Мэй:

— Я познакомилась с сыночком миссис Хэтч, когда мы приходили навестить Стар в больницу. Он был такой забавный! Мальчуган перегнулся через ремень своей коляски и сообщил мне: «Я никогда не пускаюсь в рассуждения с бухты-барахты, миссис Рутлидж». Ушам своим не поверила!

— Такого мальчишку надо показывать по телевидению вместе с его мамашей, — выдал Кларк.

— Он сказал мне: «Я никогда не бросаюсь...» Нет, он сказал: «Я не сужу...» Нэд, как он сказал?

— «Я никогда не сужу с бухты-барахты»,— подсказал я.— Пойду схожу за фотографиями, а потом загляну к Джой. Сегодня вечером уезжаю в Нью-Йорк.

— Так скоро? — удивилась Мэй.— Боже, у меня такое чувство, будто ты приехал пять минут назад.

Кларк подарил мне пластоватую улыбку и отодвинулся вместе со стулом от стола:

— Я провожу тебя.

132

Когда мы спускались по ступеням крыльца, Кларк ода-рил меня таким светским взглядом, на какой, пожалуй, был бы неспособен и Морис Шевалье*. Клоэzia тумана сотка-лись в тонкую серую вуаль, от которой все казалось чуть более отдаленным, чем на самом деле. Когда я отдал Кларку папки, он вздернул подбородок, будто желая подчеркнуть, что сознает конфиденциальность ситуации, предполагаю-щей возможное присутствие невидимых посторонних глаз и ушей:

— Мне показалось, у тебя с миссис Хэтч было что-то...

— Этого «что-то» была самая малость,— отпнулся я.

Отеческая гордость плеснула в его глазах, обрамленных красной оправой очков:

— Надеюсь, со временем ты станешь настоящим Дан-стэном.

— Надеюсь, вы не ошибаетесь.— Затем, припомнив не-видимых посторонних свидетелей, я взглянул на ту сторону улицы.— Вы случаем не в курсе, Джой звонила в Маунт-Болдуин?

— Последние два дня о Джой ни слуху, ни духу. Раз уж мы с тобой вышли, давай зайдем к ней?

* Морис Шевалье (1888–1972) — актер, певец, композитор. Удиви-тельный контакт со слушателями Шевалье устанавливал не только благо-даря своим песням, но и оригинальным, окрашенным юмором интерме-диям между песнями.

На стук в дверь Джой не отозвалась. Я постучал вновь. Лоб Кларка словно разрежала сотня параллельных морщи-нок:

— Она всегда оставляет ключ на всякий пожарный, так сказать, случай. Погоди-ка, сейчас вспомню.

Я приподнял угол коврика для ног и поднял ключ от входной двери.

— Только ты нагнулся, я тут же вспомнил. Давай его сюда.

Кларк открыл дверь и замахал рукой перед лицом:

— Непостижимо, как можно жить в такой вони. ДЖОЙ! ЭТО МЫ С НЭДДИ, МАЛЬЧИКОМ СТАР! КАК ПОЖИВАЕШЬ?

Я услышал высокий и чуть приглушенный, похожий на мычание, звук.

— СЛЫШИШЬ МЕНЯ?

Тишина, и лишь этот страшный звук, который Кларк не мог слышать.

— Давай зайдем.— Мы перешагнули порог, и вонь оку-тала нас.— ДЖОЙ! ТЫ В ТУАЛЕТЕ, ЧТО ЛИ?

— Посмотрим в гостиной,— предложил я, надеясь, что Джой не хватил инфаркт, когда она опускала Кларенса в ванну.

Звук стал громче. Когда мы вошли в гостиную, Кларенс вытаращил на нас глаза со смесью ужаса и облегчения во взгляде и резко рванулся грудью вперед, удерживаемый лямкой.

— Ммммм! Ммммм!

— Кларк, позвоните в Маунт-Болдуин, пусть немедлен-но присылают «скорую».

— Уже звоню,— ответил Кларк.— А ты поищи Джой. Мне все это очень не нравится.

«Морзянка» Кларенса сопровождала меня в столовую и кухню. Джой, похоже, брала уроки ведения домашнего хозяйства у Эрла Соiera. Ей еще многому надо было на-учиться, но явный прогресс уже прослеживался. А ванная даже превзошла эрловские стандарты.

Я щелкнул выключателем у начала лестницы и услышал, как Кларк вызывает «скорую» Маунт-Болдуин. Надо мной пару раз мигнула лампочка, и тягучий желтый свет облил узкую, чуть приоткрытую дверь. Кларк Рутландж что-то напористо вещал в гостиной. Приглашенный мягкий удар, который я уже раньше слышал, донесся с чердака. Некий тяжелый предмет вступил в контакт со стенкой пустого деревянного ящика. Единственное, что приходило на ум, — бейсбольный мячик размером с тыкву.

— Я-то подожду, — говорил Кларк, — да только долго ждать не буду. Можете расценивать это как предостережение.

К моменту, когда я добрался до верхних ступеней, он повторял все уже сказанное кому-то другому. С той стороны чердачной двери гигантский мячик вновь ударил по деревянному ящику. Я полностью открыл дверь и увидел пару черных кроссовок — носки чуть касаются сосновых досок пола, каблуки — в воздухе, подошвы — опрокинутым домиком. Из кроссовок торчат две тонкие ноги, они скрываются под черной кромкой подола. Я проронил: «О нет!» — и шагнул к телу Джой.

Поднос, ложка, опрокинутая тарелка, высохшие остатки куриной лапши под ее раскинутыми руками. Кожа была холодной. Через несколько минут после того, как я последний раз видел Джой, она разогрела кастрюльку супа, налила его в тарелку, принесла поднос на чердак и умерла.

У стены в дальнем углу чердака стояла маленькая кровать, как бы помещенная в лежавшую на полу деревянную коробчатую раму. Плоские фанерные секции трех футов высотой были прибиты гвоздями к брускам у углов кровати. Примкнув к деревянной раме, с правой стороны перпендикулярно кровати вдоль стены вытянулась раскладушка, заправленная армейским одеялом. То, что лежало в кровати, ударило в боковую стойку рамы.

Я вспомнил имена на каменных плитах-надгробьях за развалинами дома на Нью-Провиденс-роуд. Не страх сделал Джой затворником. Она и Кларенс были в плену у без-

жалостной обязанности. Меня буквально воротило при мысли об этом. Я хотел уйти с чердака, спуститься по лестнице, уехать отсюда. Существо — оно, — бывшее кузеном моей матери, вновь ударило по деревянной загородке у его кровати так сильно, что задрожали фанерные щиты.

Я прошел мимо раскинутых рук Джой и разлитого супа. Когда до кровати остался фут, почти осязаемое плотное облако вони речного дна окутало меня, впиталось в меня, и я буквально заставил себя опустить глаза. На матрасе было распростерто существо с полупрозрачным хрупким телом, излучавшим свет, с мужским лицом, с густыми седыми волосами и белыми длинными завитками конфуцианской бородки. Полные исступленного безумия карие глаза уже распахивались от ужаса.

Не имеющее конечностей тело существа просвечивало круговертью цветных слоев: от спелого персика и светло-голубого они темнели, становясь неистово пурпурными и густо-синими, и в глубине клубились, как чернила, завитки черного. Существо уставилось на меня с уродливо-злым требованием во взгляде, поерзало из стороны в сторону и врезало головой о фанерную перегородку своего загона.

Не прерывая того, что можно было бы назвать мыслительным процессом, я подошел к койке, вытянул из-под одеяла подушку и прижал ее к жуткому лицу. Уродец задергался под подушкой. Его рот открывался и закрывался, зубы пытались нащупать и ухватить мои руки. Затем челюсть замерла и цвета потускнели. Чистый, бездонный черный цвет залил поверхность маленького тела и увял, сделавшись безжизненно серым.

Руки и ноги мои дрожали, но я не мог бы сказать, что было источником моего ужаса, — эта тварь, чьи зубы я все еще ощущал под подушкой, то, что я сделал с ней, или же я сам. Невнятный вскрик вырвался из моего горла. Я выпустил из рук подушку и ухватился за фанеру, чтобы не упасть. Мне казалось, будто пол под ногами колышется, и я подумал, что тело Джой скользит над застывшими змейками лапши.

Неуверенным голосом, еще слабее моего, кто-то произнес:

— У меня не было выхода.

Волна сумасшедшей радости согрела меня. Тот же неуверенный голос сказал:

— Все равно он был не жилец, правда?

«Согласен,— подумал я,— не жилец».

— Он даже не успел съесть свою последнюю тарелку супа.— Это я произнес вслух.

Будто со стороны я наблюдал, как руки мои вытянули подушку из наволочки и швырнули ее на кровать. Правая рука опустилась в деревянный манеж, ухватилась за невесомую веревочку бороды и подняла существо, которое я убил. Ключья каких-то нитей, похожих на старую паутину, тянулись от его бороды вниз. Сунув его в наволочку, я заковылял по ступеням вниз.

В прихожей стоял Кларк:

— «Скорая» вот-вот приедет.— Он взглянул на наволочку.— Джой нашел?

— У нее, похоже, был инфаркт,— сказал я.— Она умерла. Мне очень жаль, дядя Кларк. Надо вызвать полицию, но, прежде чем вы это сделаете, дайте мне пару минут.

Кларк снова посмотрел на наволочку:

— Похоже, Мышонок подох с голоду.

— Вы знали о нем.— Я прошел в гостиную, жуткая ноша в наволочке раскачивалась сбоку.

— Что касается меня,— сказал Кларк,— то я только слышал о нем, но ни разу не видел. Куинни и моя жена принимали роды. Несчастные Кларенс и Джой — ребенок отнял у них жизни. С момента его рождения у них не было ни минутки покоя.

— Не могли они назвать его Мышонком,— сказал я, припоминая имена на могильных плитах Нью-Провиденс-роуд.

— Да никто его никак не называл,— сказал Кларк.— Ты ж знаешь, как Джой гордилась своим французским.

Как я слышал, Куинни, когда ребенок вышел, разрыдалась. Джой сказала: «Покажите его мне». И когда Нетти приподняла новорожденного, Джой сказала: «*Moi aussi*». Это в переводе с французского значит «я тоже». Она винила Говарда в том, каким родился ее ребенок, и никогда ему этого не простила. Так мы и называли малыша *Moi Aussi*, в очень скором времени превратившегося в Мышонка*.

— Попропаться с Мышонком не желаете?

— Лопата во дворе за кухней,— ответил Кларк.

133

Самые скорые и зловещие похороны из тех трех, на которых я побывал за эти дни в Эджертоне, состоялись на заднем дворе дома Джой, и единственный присутствовавший на них родственник исполнял роли могильщика и священника. В зарослях густой травы, у полусгнившего деревянного забора я выкопал яму два фута шириной и четыре глубиной. Копая могилу, я слышал, как Кларк горячо объяснялся с прибывшей бригадой медиков из Маунт-Болдуин. Я опустил наволочку в яму и завалил землей. Затем присыпал сырую землю нарванной травой и пригнул растущую рядом траву над могилой.

— Мышонок,— произнес я.— Возможно, тебе все равно, но мне очень жаль, прости меня... Твоя мама уже не могла заботиться о тебе. А когда она еще могла, жизнь твоя все равно была ужасной. Судьба обошлась с тобой несправедливо. Надеюсь, ты сможешь простить меня. Случись так, что ты вдруг вернешься в этот мир, все у тебя сложится намного лучше, но если хочешь моего совета — оставайся там, где ты сейчас.

Я кинул лопату в траву и пошел к дому. Кларк позвонил «девять-один-один». Мы вошли в прихожую. Через пару

* *Mousie* (англ.) — Мауси, мышонок, по звучанию похоже на французское «*moi aussi*».

минут два юных полицейских вывалились из патрульной машины и рысцой припустили к крыльцу. Я заявил, что обнаружил покойную, миссис Джой Кротерс, тетю моей матери. Родные беспокоились, потому что Джой не появлялась два дня. Мой дядя Кларк и я вошли в дом. У мистера Кротерса поздняя стадия болезни Альцгеймера, и когда мы обнаружили тело его супруги, сразу позвонили в дом престарелых, с которым договорились еще накануне, и отправили мистера Кротерса туда.

— У нее, похоже, отказало сердце, когда она несла мужу обед,— закончил я свой рассказ.

По пути вверх один из полицейских наконец-то обратил внимание на вонь.

— Мистер Кротерс не в состоянии следить за своим телом уже много лет,— пояснил я.— А моя тетушка была уже старой женщиной. Сил у нее не хватало, чтобы ухаживать за ним как следует.

— Не хочу вас обидеть, сэр, но очень уж плохо пахнет...— пробормотал один из полицейских.

Шедший впереди Кларк проговорил нараспев:

— Вам, парни, может, до лампочки то, что бывает с человеческим телом, когда им голова отказывается управлять. Радуйтесь, что сейчас ваше здоровье при вас.

— А зачем хозяйка держала его на чердаке?

— Может, думала, там ему безопаснее,— пожал плечами я.— У нее для мужа была даже специальная кровать, сейчас увидите.

Кларк открыл дверь, и мы вошли. Полицейские обошли вокруг тела, достали блокноты и стали записывать.

— Она скончалась, занятая добрым делом для ближнего,— вздохнул Кларк.— Как жила, так и ушла из жизни.

— Куриная лапша,— сказал один из полицейских.— На убийство совсем не похоже, но нам придется дожидаться экспертов, чтобы получить официальное подтверждение. Вы об этой кровати говорили, сэр?

— Она огородила кровать фанерой, чтобы он не убежал,— сказал я.

Полицейские посмотрели вниз, на «колыбельку» Мауси, затем подняли глаза на Кларка. Он не мог не воспользоваться случаем блеснуть своими способностями:

— Женщина сидела с ним денно и нощно, заботилась о нем, сколько хватало сил. Трагедия в том, что позавчера мы нашли место для Кларенса в Маунт-Болдуин. Боюсь, шок от его скорого отъезда послужил причиной смерти Джой. Кларенс был смыслом всей ее жизни. Ребята, никогда не забывайте о своих женах, проявляйте уважение к ним. Женщинам это просто необходимо.

— Если меня хватит Альцгеймер, надеюсь, моя женушка не посадит меня в фанерный ящик,— проговорил один из полицейских.

— Акт чистой любви и нежности,— трагически продолжал Кларк.— А еще у вас будет возможность постигнуть высоту человеческого благородства, когда вы узнаете, что именно миссис Рэчел Милтон помогла устроить Кларенса в Маунт-Болдуин.

Полицейские переглянулись.

— Пойдемте-ка вниз,— предложил один из них.

Кларк извинился и сказал, что должен сообщить о случившемся своей жене. Когда к дому Джой подъезжала машина медэксперта, Кларк и Нетти вышли на крыльцо и поспешили через улицу. Экспертом был тот же самый утомленный человек с красным лицом, приезжавший после убийства Тоби Крафта. Он остановился у входной двери, а двое полицейских маячили на пороге. Нетти догнала эксперта и застыла перед ним в своей боевой стойке. Сейчас она напоминала гору, известную своими обвалами и лавинами.

— Вы прибыли обследовать тело моей сестры?

— Это моя работа,— ответил эксперт.

— Надеюсь, эту свою работу вы исполните с почтением к покойной и позвольте нам заняться приготовлениями к поводам нашей сестры так, как она того хотела бы.

— Миссис Рутлидж, скорее всего, как вы того хотите, так и будет. Я здесь, чтобы официально констатировать смерть

вашей сестры и исключить возможность преступления. Но для того, чтобы сделать это, мне необходимо попасть в дом.

— Я вам мешаю? — спросила Нетти.

Один из полицейских сообщил эксперту, что тело наверху. Эксперт повернулся к Нетти:

— Чем вы можете объяснить запах в этом доме?

— Главным образом присутствием Кларенса, — ответила она. — Как только его рассудок угас, его личная гигиена стала главной заботой моей несчастной сестры. Еще воняют отбросы, которые сестра, с сожалением должна констатировать, копила в кухне.

— Отбросы так не пахнут. Ваша сестра случаем не испытывала проблем с подземными водами в подвале дома?

— Доктор, — ответила Нетти, — двое этих симпатичных молодых офицеров ждут не дождутся, чтобы помочь вам.

Медэксперт сделал шаг назад, едва не налетев на меня, и пробормотал извинения. Ухмыляющиеся полицейские повели его наверх.

Нетти бочком приблизилась ко мне:

— Ты все правильно сделал, сынок.

— Надеюсь...

— Ребенок тянул силы из моей сестры с первой же минуты после своего рождения. Джой шлет тебе благословения за то, что ты похоронил Мауси по-людски. Надеюсь, ты время от времени будешь приезжать навещать нас.

— Тетушка Нетти, — сказал я, — пожалуйста, не придавайте значения тому, что вы прочтете обо мне в газетах. Как только начнется следствие над Стюартом Хэтчем, все забудется.

На лестнице послышались шаги — к нам спустился медэксперт. Взяв меня за руку, Нетти приподняла подбородок, чтобы взглянуть на него свысока.

— Чуть позже я выпишу свидетельство о смерти и укажу в нем сердечный приступ как причину. Вы можете заниматься любыми приготовлениями, какими пожелаете.

— Благодарю вас, — ледяным тоном произнесла Нетти.

— А мистер Кротерс был человеком необычно маленького роста?

— Он был таким, каким был, — величественно проговорила Нетти. — Болезнь лишила Кларенса физического роста невероятно жестоким образом.

Стараясь держаться подальше, медэксперт обошел ее и вышел из дома. Нетти устремила командирский взгляд на полицейских.

— Молодые люди, вы нам очень помогли в этот горестный час. Я счастлива убедиться, что такие джентльмены, как вы, посвятили свою жизнь служению людям.

Минуту спустя один из них говорил по телефону с мистером Сполдингом, второй же занял пост у входной двери.

— Может, мне остаться еще на денек-другой? — спросил я у Нетти.

— Спасибо, что потратил на нас столько времени, — ответила она. — К тому же ты спас наши фотографии! Это такое облегчение для меня, Нэдди. Иди, готовься в дорогу, и — не пропадай.

— Береги себя, — напутствовал Кларк. — Теперь, когда Мауси в земле сырой, нас еще на одного меньше.

134

Небо над Вишневой исчезло. Влажной серебристой дымкой укрыло ветровое стекло моей машины. Включив щетки, я очистил два сегмента стекла, и улица стала видна достаточно хорошо, чтобы ехать по ней.

Вернувшись к себе в номер, я заказал билет на рейс в шесть вечера из Сент-Луиса в Нью-Йорк, оставив себе временной промежуток — достаточный, чтобы успеть сбиться с пути и отыскать его вновь. После этого позвонил в агентство проката автомобилей и сообщил, что оставляю взятый у них «таурус» в аэропорту Сент-Луиса с поврежденным задним бампером. Диспетчер с манерами тюремного над-

смотрящего попросил меня подождать; я ждал, пока он пререкался с их отделением в Сент-Луисе, затем вновь обратился ко мне:

— На первый раз вам это сойдет с рук, мистер Данстэн. Только когда будете сдавать ключи, оставьте подробности дорожно-транспортного происшествия, имя, адрес и номер телефона второго участника происшествия и название его или ее страховой компании.

— Эту информацию можете получить у Стюарта Хэтча,— сказал ему я.— Он напился и, сдавая назад на своем «мерседесе», смял задний бампер вашего «тауруса».

— Доплата за возвращение машины вне города — пятьдесят долларов,— буркнул диспетчер и бросил трубку.

Я позвонил в авиакомпанию и повысил свой статус — переформил билет на первый класс. Если верить К. Клейтону Кричу, я стал обладателем по меньшей мере десяти миллионов долларов, и теперь то, что подходило для Гринни Милтона, стало подходить и для меня. Соседям по первому классу придется по душе моя розовая куртка. А еще перед посадкой пассажирам первого класса дают лишний пакетик соленых сухих крендельков.

135

Один-два смахивавших на живые мощи прохожих встретились мне в густом тумане на Евангельской. Неоновая полоса потерявшей букву вывески «Отел Париж» окрашивала булыжники мягким и зыбким багряным светом. Я бросил свои пожитки на заднее сиденье и сел за руль. На Честер-стрит я повернул к северу, рассчитывая в конечном счете увидеть знак, указывающий направления к мосту через Миссисипи и к шоссе на Сент-Луис. Прежде чем я доехал до Колледж-парка, здания с обеих сторон будто отодвинулись за серый матовый экран, а фары встречных машин стали казаться глазами огромных кошек. Мне вдруг вспомнились зубы Мышонка, вцепившиеся в подуш-

ку, и я увидел, как темно-сильные сполохи металась в кольце густо-красного, просвечивавшего сквозь кожу уродца... Обрывки грязно-серой паутины, прилипшей к телу, голова весом с шар для боулинга на подушке... Пустынный простор кампуса Университета Альберта скользнул мимо с другой, как мне показалось, стороны. Я продолжал ехать. Я нигде не сворачивал, а значит, держал направление на север вдоль берега реки к Сент-Луису.

Потом я вспомнил, что Честер-стрит становилась Ярмарочной улицей, когда пересекалась с Колледж-парком, и Ярмарочная не вела мимо Альберта, а заканчивалась на южной границе кампуса. Выходит, я каким-то образом умудрился сделать крут и сейчас ехал на юг по неизвестной улице. Альберт не менял своего географического положения, это я изменил свое. К счастью, оставалось еще несколько часов, чтобы добраться до Сент-Луиса. Нужно всего лишь развернуться.

Наволочка Мышонка приземлилась осторожно, но недостаточно мягко на дно ямы в запущенном саду Джой. Я услышал, как она ударилась о землю, и подумал о тех словах, что произнес над могилой Мышонка. Пожалуй, надо было сказать не так. Мышонок заслуживал большего от своего убийцы. Мышонок был одним из настоящих Данстэнов. Кларк сказал мне, что я становлюсь настоящим Данстэном, но мы с Мышонком были абсолютно разными. Мышонок — из тех, что там, в небесах, в Блеске и Великолепии. Такие как Мышонок — они и есть то, что струится из пушечного жерла и из трещины в золотом кубке. Говард узнал об этом, и знание это отравило его.

Я не мог понять, где нахожусь и куда еду. Пытаясь увидеть знакомое название на указателях, я пригнулся к рулю и напряженно вглядывался через ветровое стекло. В десяти футах впереди из серой мути вдруг материализовался зеленый дорожный знак и поплыл ко мне. Рунические каракули скользнули мимо за мгновение до того, как их удалось распознать. Неважно, подумалось мне: если я двигался

к югу, думая, что еду на север, — значит, нужно повернуть направо, то есть на запад, на следующем перекрестке, а потом на следующем — опять направо, то есть на север.

Еще два неразличимых знака выплыли из тумана и канули, а я ехал на север, двигаясь параллельно реке. Мысленно я представлял себе карту Миссисипи и городов в штатах Миссури и Иллинойс по обоим берегам. Мне надо было найти Джонсборо, Мерфисборо и Кристалл-Сити. К северу от Кристалл-Сити располагался Бельвилль, а от него было рукой подать до восточной части Сент-Луиса. Туман должен рассеяться, а если нет, то доберусь же я когда-нибудь до ясного участка пути. Пока я в движении, цель моя все ближе.

Со скоростью десять, потом пять миль в час я следовал за светом своих фар сквозь податливую серую стену. Когда становилось не видно ничего, кроме этого света, я останавливался, включал «аварийку» и ждал, пока не проявлялись контуры дороги. Когда изредка впереди всплывали огни встречной машины, я прижимался к обочине, снижал скорость до минимума и пропускал ее. Так прошел час. Туман начал рваться на части и редеть, показались двухмерные контуры домов, теснившихся друг к другу на узких улочках. Это, наверное, Джонсборо, решил я. Снова пал туман и смысл дома. Полчаса спустя я въехал в мерцающую дымку, которая накрыла поля по обе стороны дороги. Дымка вдруг сгустилась, соткавшись в серую темень, и вынудила меня сбросить скорость до пяти миль в час.

И тут я с силой ударил по педали тормоза. Голубой пластик рулевого колеса словно стал подниматься сквозь мои ладони, в то время как они исчезали из виду. Я почувствовал покалывание в затылке и понял: в машине за спиной кто-то есть. Выкрикнув имя Роберта, я резко обернулся, но увидел лишь пустое заднее сиденье. Я снова позвал его. Враждебность веяла мне навстречу, будто зимний ветер.

— Роберт, мне надо... — Ощущение его незримого присутствия вдруг пропало: вновь я был в машине один.

— Где ты?! — Мой голос увяз в тумане.

Я поднес ладони к глазам — они вновь стали видимы.

«Мне надо поговорить с тобой. Мне надо знать, чего ты хочешь от меня».

Мне вспомнилось его неистовое лицо в конце темного переулка, выходящего на Телячий Двор.

«А хочет он забрать все», — ответил я сам себе.

За окном из клубящегося тумана явилась величественная фигура в дашки золотого, иссиня-черного и кроваво-красного цветов. Я опустил стекло, и холодный сырой воздух потек в машину. Уолтер Бернштейн кивнул по-царски, жалуя мне свое благословение.

— Уолтер, где он? — спросил я. — В какую сторону пошел?

— Никто тебе этого не скажет, но ты на правильном пути, — проговорил он и растворился в лиловой мгле.

Я распахнул дверь — свет салонной лампочки обрисовал нимб достаточно просторный, чтобы мне уместиться в нем. Я поднялся с сиденья. Свет фар упирался в размытый туманом столб с дорожным знаком. Роберт парил то сбоку, то позади — я никак не мог понять, где он.

— Покажись, — велел я. — Ты в большом долгу у меня.

Роберт думал, что не должен мне ничего. Роберт был вроде Мышонка: он истек из трещины в золотом кубке, из пушечного жерла. *Moi aussi*. Я подошел к призрачному указателю, привстал на цыпочки, вгляделся в белые знаки на зеленом металле и громко рассмеялся. Я вернулся на Нью-Провиденс-роуд.

Я пошел дальше, оставив указатель за спиной. Поскольку жизнь моя зависела от движения, я продолжал двигаться. Сзади послышались легкие шаги, и я резко повернулся на каблуках, но увидел лишь пару смазанных желтых глаз и слабый свет, льющийся из распахнутой двери. Глубокая, до звона в ушах, тишина висела в сером, налитом влагой воздухе.

— Ну, вот мы и на месте, Роберт, — сказал я. — Сделай, что можешь.

Нерешительный шаг, следом другой прошелестели за моей спиной. Я сделал то, что должен был делать, — пошел вперед. Земля приподнялась, чтобы встретить мою ступню, и я ощутил, как меня охватило безумное ощущение радости. *Вот мы и на месте* — все это время мы бились, чтобы достичь этого самого места. Мерно, как часы, звучали шаги в сверкающем тумане. Я сделал единственное, на что мой неистовый двойник не был способен, и провалился на тридцать пять лет в глубь моего времени.

В семнадцатый день октября, года тысяча девятьсот пятьдесят восьмого, я стоял у дальней стены переполненного концертного зала Университета Альберта. Девушки в обтягивающих свитерах, тогда еще невинные ученицы, и парни в спортивных пиджаках заполняли ряды кресел, смотрели на сцену, где коротко стриженный светловолосый барабанщик в очках с толстыми стеклами, улыбающийся басист, который мог бы быть кузенom Уолтера Бернстайна, и очень взволнованный пианист задавали жару, приближаясь к концовке пьесы под названием, кажется, «Take the A Train». Похожий на аиста мужчина с широким разительным ртом, с зачесанными назад волосами, в черных очках, переплел пальцы рук на корпусе своего альт-саксофона, облокотился на выпнутый бок рояля и внимательно вслушивался в игру приятелей-музыкантов. Лицо его отражало сложную композицию отстраненности, участия и вовлеченности — оно напомнило мне о Лори Хэтч.

Поглядывая с высоты роста на сидящих в зале, я стал подниматься по широкому центральному проходу. «Матросские» стрижки; «конские хвосты»; пучки на затылках; «французские» локоны; блестящие короткие волосы с четкими проборами. За несколько тактов до завершения «A Train» я безошибочно высмотрел в зале темную голову мамы. Вот она, восемнадцатилетняя Стар Данстэн, — сидит в десяти-двенадцати рядах от сцены, на втором от прохода месте. Изгиб ее шеи подсказал мне, что она уже наслушалась достаточно и музыка слегка утомила ее. Я еще

продвинулся по проходу так, чтобы хорошенько разглядеть ее спутника. Пианист пригвоздил аккорд, барабанщик рубанул финал. Мужчина, сидевший рядом с мамой, поднял руки и зааплодировал. Его профиль был почти точной копией моего.

Пианист повернулся к залу и сказал:

— А сейчас мы вам сыграем балладу... которая называется «These Foolish Things».

Он поднял глаза на саксофониста и пробежался по клавишам, будто сделал набросок мелодии. Саксофонист оттолкнулся от рояля, подошел к микрофону в центре сцены и положил пальцы на кнопки инструмента. Он закрыл глаза и сконцентрировался, уже погружаясь в транс. Когда вступление подошло к концу, он сжал губами мундштук инструмента и повторил сыгранный фрагмент мелодии, будто только что придумал его. Затем плавно поднялся над мелодической линией песни и выдул текучую светлую фразу, будто говорившую: «Песню-то вы знаете, но известна ли вам эта история?»

Стар вскинула голову. Слушая и не слыша, скрывая презрение, Эдвард Райнхарт развалился в кресле.

В начале второго припева саксофонист сказал залу:

— Это было только начало.

Восходящая аркой мелодия заструилась из его саксофона, рисуя в воздухе свой образ. Музыкальная тема раскрывалась и ширилась, и альтист сказал: «Поехали». Как только он начал свою историю, от нее стали ответвляться новые, и одни вариации рождали другие непредвиденные вариации. Альтист поднимал звуки до страстного предела, позволяя им стихать и вновь взмывать.

Стар чуть двинулась на стуле, открыла рот и подалась телом вперед. Я почувствовал, как по моим щекам побежали слезы.

«Он все глубже и глубже погружался в ту мелодию, и тут вдруг она раскрылась, словно утренний цветок, и выплеснула сотню других мелодий, каждая из которых становилась с новым мгновением полней и красивей...»

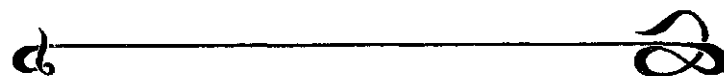
Альтист был недвижим — двигались только его пальцы. Он застыл, широко расставив ноги, закрыв глаза и небрежно опустив плечи. Его рот, захвативший мундштук саксофона, был словно гибкое морское существо. Нота за нотой, и потрясающая история во всех ее подробностях воспаряла над аудиторией, опускалась и впитывалась публикой, и каждый слушатель выстраивал в воображении собственный сюжет. Ударник восторженно, вскинул голову, и палочки замелькали над кожей барабанов; улыбчивый басист вернул мелодию в знакомое гармоническое русло; пианист мягко выдохнул: «Давай, Пол». Все происходящее казалось таким непринужденным, естественным и неизбежным, как широко развернутая панорама ландшафта при взгляде с горной вершины. И это длилось и длилось в течение, казалось, бесконечно повторяющихся рефренов.

А в другом времени, моем нынешнем, туман клубился над дорогой, где две пары ног приближались к неизведанному. Я прислонился спиной к стене и слушал, слушал — и целый мир раскрывался передо мной.

136

Что? А, вы хотите узнать, что стало с Робертом? Прошу прощения, но я уже ответил на этот вопрос — ответил так полно, как только возможно. Шаг в шаг, по нескончаемым переходам аэропортов, в ярко освещенных залах прибытия и отправления, в гостеприимных барах и сияющих отелях, вдоль тротуаров каждого города, в котором я останавливаюсь на неделю-другую в моем бесконечном перелете, мой настороженный слух всегда улавливает мягкую поступь Роберта.

Однако, поскольку вы задали этот вопрос, позвольте мне в свою очередь спросить вас. А вы уверены, в самом деле уверены, что знаете, кто поведал вам эту историю?

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Преданные поклонники Лавкрафта, без сомнения, обратят внимание на то, с какой фамильярностью я изложил историю публикации «Ужаса в Данвиче». Этот рассказ появляется в сборнике «Изгой и другие рассказы», опубликованном под редакцией Августа Дерлета и Дональда Уондери в издательстве «Аркхем-Хаус» в 1939 году, за несколько лет до того, как Мистер Икс в военном училище «Фортресс» обнаруживает его в книге с тем же названием. На самом деле сборник «Ужас в Данвиче и другие рассказы» в редакции Дерлета для «Аркхем-Хаус» не публиковался до 1963 года.

С. Т. Джоши, автор наиболее полной биографии Лавкрафта «Г. Ф. Лавкрафт, жизнеописание», коротко упоминает о «необычайно странной личности из Баффало, штат Нью-Йорк», по имени Уильям Ламли, который воспринял лавкрафтовскую мифологию Старших Богов и Великих Старейших — обычно ее называют «мифологией Ктулху» — как реальный факт и упорно отстаивал свою веру перед оппонентами автора и перед его друзьями и соратниками. Джоши приводит выдержку из датированного 1933 годом письма Лавкрафта Кларку Эштону Смиту, где есть ироническое резюме позиции Ламли: «Мы можем думать, что пишем художественные произведения, и можем

даже (хотя это абсурдно!) не верить в то, о чем пишем, однако где-то в глубине души мы говорим правду вопреки самим себе, тем самым невольно выступая глашатаями Тцатотцуа, Крома, Ктулху и других милостивых владык Потустороннего мира».

Я хочу поблагодарить Брэдфорда Морроу, Уоррена Вашё, Ральфа Вичинанца, Дэвида Гернетта, доктора Лилу Калинич, Шелдона Джеффри, Хэпа Бисли, моего издателя Дэба Фаттера и мою жену Сьюзен Страуб — за их советы, пожелания, помощь и поддержку во время моей работы над «Мистером Иксом».

Питер Страуб

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. КАК И ПОЧЕМУ Я ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ	7
Часть 2. КАК Я УЗНАЛ О РЕЧНОМ ДНЕ	119
Часть 3. КАК МЕНЯ ЕДВА НЕ УБИЛИ	183
Часть 4. КАК Я НАКОНЕЦ НАШЕЛ СВОЮ ТЕНЬ И ЧТО СДЕЛАЛ	233
Часть 5. КАК Я НАУЧИЛСЯ ПОГЛОЩАТЬ ВРЕМЯ	375
Часть 6. КАК Я ПРОВЕЛ СВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	537
Послесловие автора	669

Литературно-художественное издание

Питер Страуб

МИСТЕР ИКС

Ответственный редактор *А. Етоев*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихин*
Корректоры *Н. Тюрина, В. Дроздова*

В оформлении переплета использована репродукция художника
Accornero, Franco via Agentur Shluck GmbH

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 32.

Тел./факс (812) 329-55-33 E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЭКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 365-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»

обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 07.06.2006

Формат 84x108¹/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 35,28.

Тираж 5 000 экз. Заказ 282.

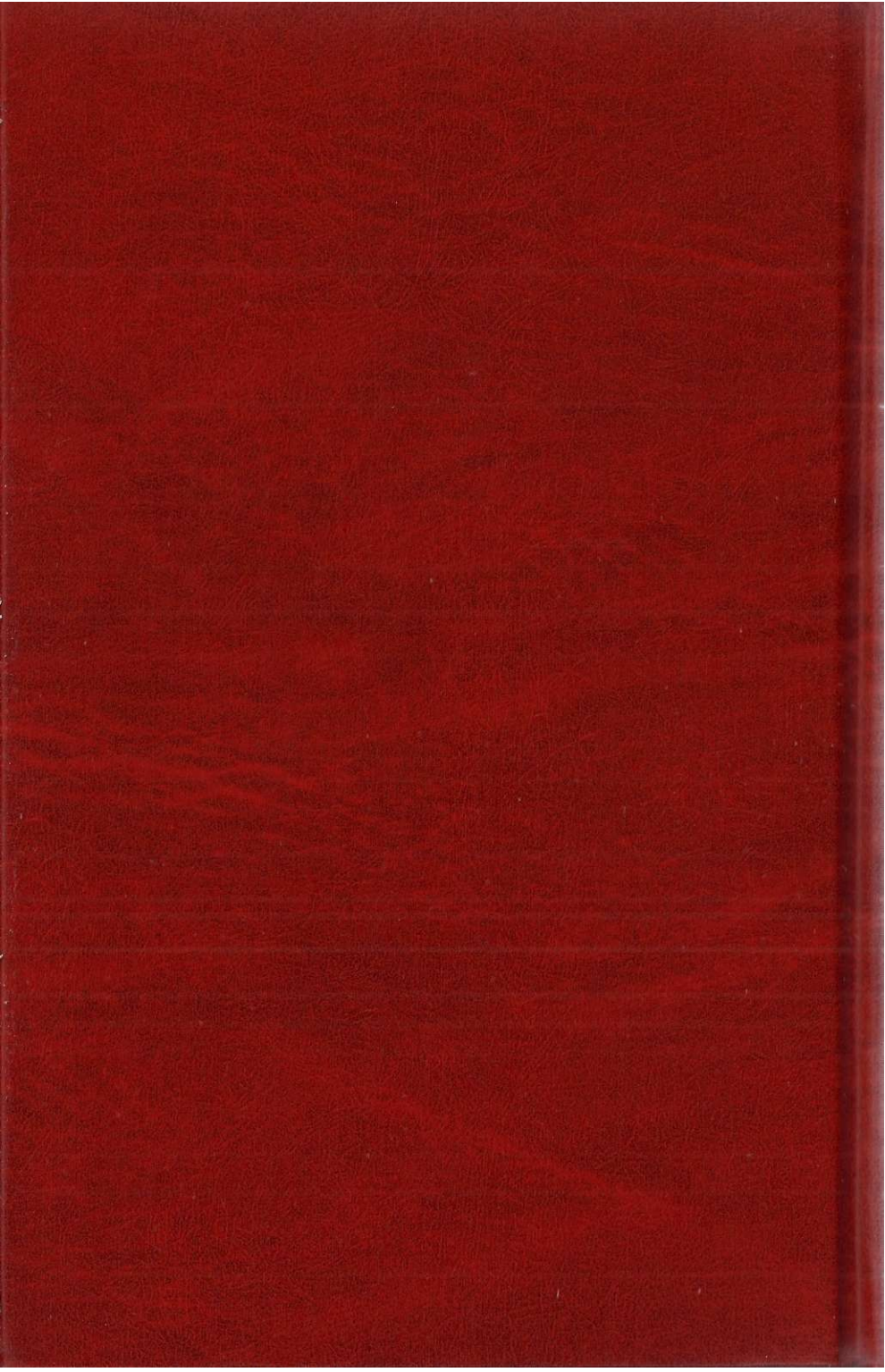
ISBN 5-699-17587-3

9 785699 175871 >

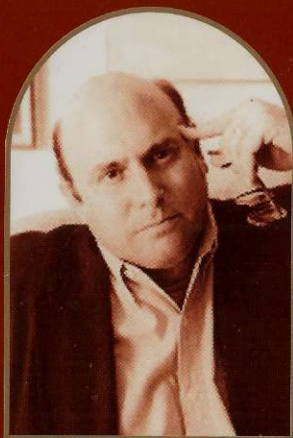
Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

НЕДЕВРЫ ПУСТАКА ШЕДЕВРЫ ПУСТАКА

ПИТЕР
СТРАУБ

Peter Straub

ISBN 5-699-17587-3

9 785699 175871 >

НЕДЕВРЫ ПУСТАКА ШЕДЕВРЫ ПУСТАКА